СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

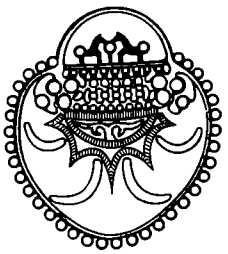
3

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *М. К. Каргер*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора),

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/IV-1967 г. Т-09709 Подписано к печати 7/VII-1967 г. Зак. 2496
Форм. бум. 70×108/16 Бум. л. 10¼ Печ. л. 28,7 + 2 вкл. Уч.-изд. л. 30,2 Тираж 2200 экз.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Третий и четвертый номера журнала посвящаются пятидесятилетию Великой Октябрьской Социалистической Революции

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Исполнилось 50 лет с того дня, когда героический рабочий класс России в союзе с крестьянством, руководимый Коммунистической партией, под водительством В. И. Ленина совершил величайшую из всех революций, какие знала история. Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру истории, положила начало новой социально-экономической формации — коммунизму. Под знаком этой великой революции развивается вся общественная жизнь XX века. Была ликвидирована власть капитала, земля была отдана народу. Средства производства перешли в руки трудящихся и была ликвидирована эксплуатация человека человеком. Впервые в истории государственная власть перешла в руки трудящихся. Возникло государство нового типа, наиболее полная и последовательная демократия восторжествовала в нашей стране. Вслед за нашей страной на путь социалистического развития становятся все новые и новые народы.

«Октябрьская революция открыла пути решения коренных проблем, выдвинутых всем ходом предшествующего развития всемирной истории: о будущем общества, о характере социального прогресса, о войне и мире, о судьбах мировой цивилизации» [1].

Потребовалось напряжение всех сил народа для борьбы за построение новой жизни. В борьбе с сопротивлением помещиков и капиталистов, с интервенцией империалистических держав в годы гражданской войны, в период хозяйственного строительства крепло единство нашего народа, союз рабочего класса и крестьянства. С укреплением сил социализма рождалась и крепла наша наука — советская археология. В дни празднования 50-летия Октября советский народ подводит итоги своему труду, полувековому пути борьбы и побед. Советские археологи также с гордостью оглядываются на пройденный путь.

В тяжелейшие годы гражданской войны В. И. Ленин подписал ряд декретов об охране памятников истории, о создании первого в Советской стране археологического научно-исследовательского учреждения — Российской Академии истории материальной культуры. Примечательно, что в самые тяжелые годы разрухи и голода удалось организовать первые советские археологические экспедиции, а революционная власть на местах оказывала им всяческое содействие.

Советская археология должна была стать наукой для народа, должна была не только охранять и изучать памятники старины, но и создать марксистскую концепцию развития всех сторон древней культуры человечества. Перед советской археологией стояла задача переосмыслить накопленные в дореволюционное время факты, собрать новые материалы. Нужно было преодолеть идеалистический взгляд на общество, осветить марксистско-ленинской материалистической философией неисчислимые археологические факты, применить открытые К. Марксом законы общественного развития к конкретному археологическому материалу и

[1] О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 4 января 1967 года. «Правда», 8 января 1967, № 8 (17690).

написать марксистскую историю человеческого общества от его возникновения до образования современных народов.

Становление советской археологии проходило в непримиримой идеологической борьбе с реакционной буржуазной наукой. Дореволюционная археология в России и за рубежом пребывала на положении вспомогательной дисциплины, оставалась лишь иллюстрацией истории. А в исторической науке господствовали реакционные теории национальной нетерпимости и расизма, идеалистический взгляд на общественные явления.

Место советской археологии постепенно четко определилось, она прочно заняла его в ряду исторических наук со своими методами исследования. Вокруг центральных археологических учреждений образовался широкий круг ученых. В работу по созданию советской археологии включились лучшие представители старой науки — В. А. Городцов, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский и другие. В 20-е годы в стране развилось краеведческое движение, открывались многочисленные местные музеи. Многие из них приступили к поиску, учету и раскопкам археологических памятников.

Преодолевая социологический схематизм, схоластические споры и цитатничество, советские археологи шли к созданию марксистской археологии, вырабатывали новые методы исследования, разрабатывали признаки таких важнейших исторических явлений, как сложение классового общества и государства, появление ремесла, развитие торговли, образование племени и народностей и т. п.

Советские археологи разоблачали реакционный характер клерикальной науки, доказывали материалистическое понимание развития древнейшего периода истории человечества. Огромной принципиальной важности вопросы о зарождении человечества, о возникновении религии, о сложении родовой организации, о матриархате и переходе к патриархату, о возникновении скотоводства и земледелия и о социальных последствиях этих явлений, о развитии общественного разделения труда, о появлении классов, об этносе, его природе — все эти проблемы разрабатывались советскими археологами в напряженной борьбе с буржуазными теориями миграций и расизма, культурных кругов и циклизма за марксистско-ленинскую концепцию развития общества.

В большой и идейной работе для советских археологов маяками служили основополагающие труды и отдельные теоретические высказывания классиков марксизма-ленинизма. Советские археологи всегда помнили и применяли в научной жизни заветы В. И. Ленина о партийности науки, о необходимости критиковать буржуазных ученых за их идеализм и метафизичность.

Советские археологи разработали основные принципы исследования различных археологических памятников — стоянок и курганов, античных и средневековых городов и сельских поселений. При этом они всегда стремились подходить к памятнику с точки зрения тех социальных процессов, которые протекали в момент их возникновения и бытования. Вот почему в советской археологии получили развитие методы исследования социальной монографии поселений и городов, его ремесла и торговли. Советские археологи научились читать по остаткам домов и мастерских, кварталов, улиц и стен, по находкам керамики и монет, костей и орудий труда те социальные отношения, которые господствовали в обществе, оставившем нам тот или иной памятник. Многократно доказана справедливость указания К. Маркса, что «Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [2]. Вооруженная марксистско-ленинской материалистической методологией, советская археология стремилась раскрыть «активное отношение человека к природе, непосред-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, М., 1960, стр. 191.

ственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и проистекающих из них духовных представлений» [3].

Советские археологи хорошо понимали, что многочисленные народы нашей страны, бывшие до Великой Октябрьской социалистической революции под империалистическим и феодальным гнетом, хотят знать свою историю. Но для этого нужно было изучить много памятников — ведь народы Поволжья, Урала, Сибири, Севера, Средней Азии не имели письменных свидетельств. Советские археологи принялись за эту огромную работу. Они написали истории огромных районов, населенных в древности финноугорскими, тюркскими и другими народами. Для удмуртов и чувашей, татар и башкир, мордвы и коми, народов Сибири и Казахстана впервые была написана их история с глубокой древности. Эта работа советских археологов была очень важна для подъема культуры ранее угнетенных народов нашей страны. Большие заслуги в этом деле имели русские ученые-археологи, которые кроме того подготовили большой отряд археологов для национальных республик, что явилось выражением конкретной помощи братским народам Советского Союза.

Огромной заслугой советской археологии является написание древнейшей истории народов Средней Азии и Кавказа. Знаменитые открытия на Алтае и особенно в Средней Азии и Закавказье показали, что народы этих стран, которые ранее представлялись отсталыми и лишенными собственных творческих сил, имели в древности могучие государства с высокой культурой, ремеслом и искусством.

Суровые годы войны с гитлеровской Германией нанесли нашей стране неисчислимый ущерб и потери. За Советское Отечество на фронтах погибли многие археологи; оккупанты разрушили и разграбили многие исторические памятники и музеи; значительно сократились археологические исследования. Но даже в эти тяжелые годы, оставшиеся в тылу археологи не прекращали исследований, а в ряде районов, например, в Средней Азии смогли осуществить археологические раскопки или защищали диссертации. Уже в первое послевоенное лето по всей стране развернулись археологические исследования. В это трудное время восстановления народного хозяйства Советское Отечество нашло средства для дальнейшего развития археологии.

Громадное значение имеет изучение памятников культуры, расположенных в зонах крупнейших строительств страны. Еще в 1931 году начались большие работы на Беломорско-Балтийском канале, а год спустя археологи обследовали трассу будущего канала Москва — Волга. В последующие годы были проведены работы на многих стройках в различных районах страны. Особо следует упомянуть раскопки при строительстве метрополитена в Москве, раскрывшие интересные страницы первоначальной истории Великого города. Особенно усилились работы на стройках крупнейших гидростанций. Постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры», принятое в 1948 году в развитие ленинских норм отношения к памятникам культуры, узаконило существовавшее положение. Изучение памятников культуры в зонах строительств стало повседневным делом. На гигантских стройках Волги и Урала, Украины и Средней Азии, Кавказа и Сибири работали и продолжают работать большие археологические экспедиции. Они собрали огромный материал по всем разделам археологии и ввели его в науку. Археологи и историки смогли написать новые страницы неизвестной ранее истории народов нашей страны и их культуры. Многие музеи обогатились ценными коллекциями, характеризующими наше далекое прошлое.

В послевоенные годы темпы археологических исследований неизмеримо выросли. Археологические открытия поразительного значения сле-

[3] Там, же, стр. 383, прим. 89.

дуют одни за другими. Появились на свет фрески Пенджикента, Варахши и Балалык-тепе, скульптура, шлемы, астраконы и ритоны из Нисы, щиты и надписи из Кармир-Блура, архив из Топрак-калы, новгородские берестяные грамоты, новые находки искусства палеолитического человека и многое другое. Для послевоенной археологии стало характерным стремление к полному раскрытию археологического памятника. Многие городища, стоянки, могильники, дворцы и храмы раскопаны полностью и общественная жизнь далеких эпох предстает нам теперь в ярком свете многочисленных и объективных археологических фактов.

Археология в Советском Союзе поражает разнообразием направлений в исследованиях. Успешно развивается археология палеолита, мезолита и неолита. Широким фронтом идет изучение энеолитических культур. Многочисленный отряд советских археологов трудится над проблемами бронзового века. Русские археологи еще до революции много сделали для исследования античных памятников на юге СССР. Советские археологи продолжают изучение этих памятников и их работы увенчались выдающимися открытиями. Успешно развивается советская наука о скифах и сарматах: новые замечательные исследования богатых скифских курганов обогатили коллекции советских музеев шедеврами искусства. Сейчас имеются фундаментальные труды по истории раннего железного века как в лесных зонах СССР, так и в степях. Крупные достижения имеются в области изучения древнерусских памятников. Много усилий советские археологи отдают проблеме происхождения славян и других народов Советского Союза. Накоплены огромные материалы, тщательно изучаются все виды источников — письменные и археологические. В десятках городов идут раскопки. Проблемы средневекового города разрабатываются на материале не только Древней Руси, но и Волжской Болгарии, средневекового Крыма, Золотой Орды, Средней Азии и Кавказа.

В последние годы широко развернулась теоретическая работа археологов СССР. Созданы капитальные исследования по древнейшей истории Сибири и Кавказа, Средней Азии и Севера, по истории древнерусского ремесла, торговли, городов и т. п. Советские археологи успешно разрабатывают новейшие методы археологических исследований в контакте с физиками и химиками, металлургами и биологами, математиками и геофизиками. Внедряются новые методы датировок и археологических разведок, статистическая обработка массового материала и т. п. Все это позволяет археологам глубже заглянуть в прошлое, получить от археологических источников больше точной информации об истории человеческого общества. Одновременно ведется интенсивная теоретическая работа по разработке таких важных проблем, как антропогенез и этногенез, развитие древних форм хозяйства, происхождение религии, уточняется и выявляется смысл основных понятий в археологии, таких как археологическая культура, ее локальные варианты и т. п.

Научные достижения советской археологии и заслуги отдельных ученых в разработке важных историко-археологических проблем получили общенародное признание. За крупные научные обобщения и монографические исследования двенадцать археологов удостоены Государственных премий, а двое получили высокое звание лауреатов Ленинской премии.

Советская археология со своими достижениями вышла на арену мировой науки. Участие в международных конгрессах и симпозиумах по различным разделам археологии и истории, всемирное признание научного авторитета советских археологов является свидетельством растущего влияния нашей советской археологической науки на мировую науку.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед всем человечеством новые пути прогресса, открыла для всех народов дорогу к счастливой жизни. Неустанное движение вперед, к дальнейшему прогрессу и развитию марксистско-ленинской науки об обществе — вот почетная обязанность советских археологов. Советская археология будет на высоте этих задач.

А. Н. РОГАЧЕВ, Н. Н. ГУРИНА, В. П. ЛЮБИН, Е. А. ВЕКИЛОВА, Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ, Л. П. ХЛОБЫСТИН, О. Н. БАДЕР, М. Ф. КОСАРЕВ, К. Ф. СМИРНОВ, Н. И. СОКОЛЬСКИЙ, А. П. СМИРНОВ, Л. П. ЗЯБЛИН, Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ДОСТИЖЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В РСФСР

За истекшие полстолетия советские археологи добились огромных успехов в изучении древнейшего прошлого народов и племен, населявших в отдаленные времена территорию самой крупной из союзных республик страны — РСФСР. На огромных просторах ее, протянувшихся от Калининградской области до Камчатки и от Кавказа до Ледовитого океана, рассеяны десятки тысяч важнейших археологических памятников времени от нижнего палеолита и до позднего средневековья, которые являются основной источниковедческой базой советской археологии. В Москве и Ленинграде находятся старейшие и крупнейшие археологические учреждения страны — Институт археологии АН СССР и Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, в составе которых плодотворно трудится большой и квалифицированный коллектив специалистов.

* * *

Исследователи палеолита и неолита за эти годы провели большую полевую работу по выявлению памятников, по сбору и накоплению материалов, подчиняя ее разработке исторических и социологических проблем на основе положения марксизма-ленинизма о конкретно-историческом анализе фактов. Такие исследования являются единственным средством познания древнейшей истории нашей страны. Достигнутые успехи в изучении памятников этой поры определяются тем, что с начала 1930-х годов советские ученые успешно разрабатывали новые методические приемы исследования археологических материалов с учетом достижений мировой науки, базируясь на марксистском понимании развития человеческого общества. Раскопки памятников производились на широких площадях, исследовательское осмысление велось в тесном контакте с представителями смежных дисциплин: геологами, палинологами, палеозоологами, антропологами и др. Для определения возраста используются данные радиоуглеродного анализа. Сотрудничество археологов с представителями естественных наук позволило глубже вникнуть в проблему взаимодействия природной среды и человеческого общества и тем самым ближе подойти к пониманию исторических фактов. Современное состояние исследований памятников каменного века характеризуется усиленным поиском новых методов изучения археологических материалов на основе конкретно-исторической оценки их значимости. Для преодоления формализма в научной классификации орудий производилась разработка типологического метода с применением статистического анализа, определения функций каменных орудий по следам сработанности, что позволяет точнее восстановить древние формы хозяйства.

Изучение памятников каменного века показывает, что процесс заселения территории нашей страны был длительным, завершившимся в раннем голоцене постепенным расселением племен до северной окраины Кольского полуострова. Другие районы Крайнего Севера европейской, а также азиатской части РСФСР первоначальному заселению подверглись, по-видимому, лишь в начале эпохи неолита.

Наука о нижнем палеолите была наименее разработанным разделом археологии в дореволюционной России. Сведения о начальной поре палеолита (шелль-ашель) отсутствовали, эпоха мустье была выявлена лишь в Крыму (Волчий грот) и на Кавказе (Ильская), что порождало представление о весьма позднем времени заселения человеком территории Русской равнины, Сибири, Туркестана [1].

Изучение нижнего палеолита в СССР приобрело несравненно более широкий и целеустремленный характер. Советские археологи установили распространение памятников нижнего палеолита на значительной части территории нашей страны, включая юг и центр Восточной Европы, Поволжья, Среднюю Азию и Казахстан. Важнейшим достижением явилось открытие памятников домустьерского времени. В настоящее время в СССР зарегистрировано свыше 420 нижнепалеолитических памятников (в том числе 37 пещерных), большая часть которых (220) обнаружена за последние 10 лет [2].

Тогда же наметился сдвиг и в изучении геологии палеолита; утверждается представление о том, что развитие палеолита в СССР шло в главных чертах синхронно с другими частями Старого Света. Синхронизация различных этапов ледникового периода с эпохами нижнего палеолита, изучение историко-культурных особенностей палеолита отдельных областей позволяет ставить вопрос о времени первого появления человека на территории нашей страны, его исходных регионах, темпах и путях расселения.

Время первого заселения человеком южных районов страны недостаточно ясно. Наиболее достоверные данные (комплексы каменных орудий среднеашельского облика из пещер Кударо I, Кударо III, Цонской, Азыхской и теплолюбивой фауны из ашельского слоя пещеры Кударо I [3]) позволяют датировать это событие эпохой среднего плейстоцена [4]. Материалы, происходящие с холма Сатани-Дар в Армении, Луки Врублевецкой на Днестре, Герасимовки в Приазовье, Псекупса и карьера Цимбал в Прикубанье, Кара-Тау в Южном Казахстане, Филимошек на р. Зее и некоторых других пунктов, которым даются более ранние геологические и археологические датировки (миндель и доминдель, шелль-дошелль) [5], заслуживают безусловного внимания и дальнейшего изучения. Материалы эти, однако, пока лишены должного геологического и палеонтологического обоснования.

---

[1] А. А. Спицын. Русский палеолит. ЗОРСА, XI, СПб., 1915; В. А. Городцов. Археология. Каменный период. М., 1923.

[2] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953; Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения в СССР. МИА, 81, М.— Л., 1960.

[3] В. П. Любин. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I. ИВГО, 91, Л., 1959; А. Н. Каландадзе. Цонская пещера и ее культура. Пещеры Грузии, т. III, 1965; М. М. Гусейнов. О результатах археологических раскопок в Азыхской пещере. Сб.: «Археологические исследования в Азербайджане». Баку, 1965; Н. К. Верещагин. Плейстоценовые позвоночные из пещеры Кударо I в Юго-Осетии и их значение для разработки истории фауны и ландшафтов Кавказа. ДАН СССР, 112, 6, М., 1957.

[4] При условии проведения нижней границы среднего плейстоцена под миндель-риссом.

[5] З. Н. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950; П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, 40, 1953; П. И. Борисковский и Н. Д. Праслов. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ, А1—5, М.—Л., 1964; А. А. Формозов. Энеолит и каменный век Прикубанья. М.—Л., 1965; Х. А. Алыспаев. Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1962; А. П. Окладников. О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на р. Зее. М., 1964.

Истоки раннего человечества для разных районов нашей страны различны. Их, по-видимому, следует искать в таких сопредельных областях, как Южная и Передняя Азия, Центральная Европа.

В ашельскую эпоху, особенно к ее концу, человек осваивает южные районы СССР, в мустьерскую, совпадающую по времени с микулинским межледниковьем и началом валдайского оледенения, широко расселяется по Русской равнине [6], Средней Азии и Казахстану.

Исследование нижнепалеолитических стоянок, всесторонний анализ каменного инвентаря и костных остатков позволили советским ученым полнее охарактеризовать охотничье-собирательский образ жизни ашело-мустьерского человека. Открытие остатков мустьерских жилищ (Ильская, Молодова I [7]), находки каменных терочников — свидетельств усложненных способов добывания пищи (Молодова, Кешшинская пещера) — и каменных наконечников копий — свидетельств создания составного охотничьего оружия (Ильская, Житомирская, Кударо I, Кударо III, Цонская, Джуручула, Лысая гора, Сгинка [8]), установление своеобразного автохтонного развития ашело-мустьерских индустрий в Абхазии, выделение локальных вариантов в мустье Кавказа, Крыма, Русской Равнины [9], Средней Азии [10] опровергает вывод о так называемом стадном образе жизни ашело-мустьерских людей, подготавливает решение важнейших вопросов социологии палеолита.

Хорошая сохранность памятников эпохи верхнего палеолита и их распространенность позволяют полнее осветить историю древней культуры нашей страны в эту эпоху. Жемчужиной русского палеолита считается Костенковско-Боршевский район палеолитических местонахождений, где до революции были известны две стоянки, а теперь число открытых и исследованных там памятников достигает 60. Среди них многие являются хорошо изученными местами поселений, состоящие из групп жилищ, здесь есть и многослойные стоянки, отражающие процесс последовательного развития культуры почти на протяжении всей эпохи верхнего палеолита. При изучении костенковских стоянок на многих из них были собраны значительные коллекции каменных и костяных орудий, а также произведений первобытного искусства (рис. 1). В Костенках были исследованы погребения людей, изучение которых позволило представить физический тип этого древнего населения средних широт нашей страны [11].

Важные памятники были открыты и исследованы у с. Авдеева под Курском, у с. Остров в устье р. Чусовой под Пермью (стоянка им. М. В. Талицкого) и многие другие. Выдающееся значение имеют недавно открытые и исследованные стоянка и погребение на р. Сунгирь под Владимиром, а также ряд стоянок в бассейне р. Печоры, свидетельствующие о заселении нашей страны до полярного круга еще во время верхнего плейстоцена [12]. Следует упомянуть и открытие палеолитической пещерной живописи Каповой пещеры на Урале [13]. Значительными успехами отме-

---

[6] С. Н. Замятнин. Сталинградская палеолитическая стоянка. КСИА, АН СССР, 82, 1961; Ф. Заверняев. Хотылевское нижнепалеолитическое местонахождение. Брянск, 1961.

[7] В. А. Городцов. Результаты исследований Ильской палеолитической стоянки. МИА, 2, 1941; А. П. Черныш. Ранний и средний палеолит Приднестровья. М., 1965.

[8] В. П. Любин. К методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, 131, 1965.

[9] В. Н. Гладилин. Различные типы каменной индустрии в мустье Русской равнины и Крыма и их место в раннем палеолите СССР. Доклады и сообщ. археологов СССР на VII Межд. конгрессе доисториков и протоисториков в Праге. М., 1966.

[10] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.

[11] П. П. Ефименко. Костенки I. М., 1938; А. Н. Рогачев. Алекеандровская стоянка в Костенках. МИА, 45, 1955; П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту Дона. МИА, 121, 1963.

[12] В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М., 1966.

[13] О. Н. Бадер. Капова пещера. М., 1966.

чены исследования палеолита Сибири, где стоянки открыты в верховьях рек Оби и Иртыша, на Енисее, Ангаре, Лене, Алдане, в бассейне Амура и в Приморье. Важные материалы были собраны при исследовании верхнепалеолитических стоянок на Енисее и в бассейне Ангары, где были изучены жилища и поселения и собраны прекрасные коллекции каменных и костяных орудий и произведений древнейшего искусства [14].

Успехи в разработке проблемы жилищ и поселений эпохи палеолита, обогатившие новыми фактами марксистско-ленинскую теорию первобыт-

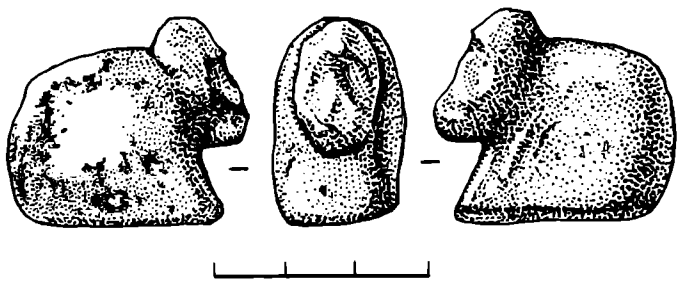


Рис. 1. Фигурка мамонта, вырезанная из мергеля из второго слоя позднепалеолитической стоянки Аносовка II (Костенки XI); (Раскопки А. Н. Рогачева, 1966)

нообщинного строя, и успешная разработка проблемы локальных особенностей в развитии культуры каменного века позволили правильно оценить решающее значение социальных условий жизни людей на развитие культуры и на этой основе доказать существование археологических культур в эпоху верхнего палеолита, эпипалеолита и неолита [15].

Исследование местных особенностей в развитии верхнепалеолитической культуры привело к установлению трех больших континентальных единств Старого Света. Внутри европейской приледниковой зоны были выделены три крупных региона верхнепалеолитической культуры: восточно-, средне- и западноевропейской. Вместе с тем накопление материалов по Восточной Европе позволило установить местные особенности в развитии культуры, позволившие большинству советских исследователей палеолита отказаться от попытки строить хронологию памятников на основе французской схемы эпох верхнего палеолита. Хотя и имеются еще многие спорные вопросы, все же исследователи верхнего палеолита Среднего Дона, Приднепровья, Днестра, Крыма и Закавказья пришли к необходимости признания местных своеобразных схем развития культуры в этих областях. Исследователи палеолита Енисея тоже начали выделять местные верхнепалеолитические культуры.

На Русской равнине общепризнанной является костенковско-авдеевская культура, составляющая часть костенковско-виллендорфской группы культур. Исследование нижних слоев костенковских стоянок, относящихся к ранней поре эпохи верхнего палеолита, позволило выделить костенковско-стрелецкую культуру, распространенную только в центре Русской равнины и не связанную с культурой селетских племен Центральной Европы. Стрелецкая культура относится к костенковско-сунгирьской группе культур, развитие которых совершалось в очень большом хронологическом диапазоне, но без существенных изменений кремневого инвента-

[14] Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. Тр. II сессии МАИГП, 5, М., 1934; М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальта. ИГАИМК, 118, 1935.

[15] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. ИЭ, нов. сер., XVI; А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки... МИА, 59, 1957.

ря. Ныне можно говорить о том, что памятники этой группы культур существуют с ранней и до поздней поры эпохи верхнего палеолита, до XVI—XIV тысячелетий до н. э., если не признавать этих двух радиоуглеродных дат омоложенными. На стоянке Костенки XI нижний и средний культурные слои относятся к костенковско-сунгирьской группе культур, а залегают они в основании костенковской стратиграфической свиты и в верхней части лёссовидного суглинка. Этот пятислойный памятник подтверждает длительное развитие и одновременное сосуществование стрелецкой культурной традиции со многими другими, развитие которых отражают, в частности, многочисленные остатки костенковских палеолитических поселений, перекрывающих друг друга.

Изучение Мезинской стоянки и других памятников Поднепровья позволило выделить своеобразную мезинскую культуру, широко известную своими уникальными орнаментами, распространение которых не выходит из пределов бассейна р. Десны. Но широкое распространение на Русской равнине остатков жилищ мезинского типа, построенных с использованием костей мамонта, возможно, следует расценивать как наличие межплеменных связей.

Накопление материалов и совершенствование полевых и камеральных методов их исследования позволило ощутить сложность и многогранность конкретно-исторического процесса, нашедшего отражение в многочисленных остатках древних поселений, имеющих свои специфические этнографические черты. Гипотеза существования племенных культур наиболее подходяща для объяснения сложного процесса формирования племен и этнических групп, естественно вырастающих в процессе развития первобытной культуры.

В конце плейстоцена — начале голоцена первобытные племена, населявшие обширные пространства СССР, переживали эпоху перехода от палеолита к неолиту, которую принято называть мезолитом или эпипалеолитом.

Хотя первые мезолитические памятники (Сюрень II в Крыму, Борки на Оке) были открыты еще в дореволюционной России, можно с полным основанием сказать, что все известное нам об этом времени добыто и изучено усилиями советских ученых [16]. Сейчас в СССР известно около 250 местонахождений мезолитического возраста, из них 85 на территории РСФСР. Большинство памятников представлены поселениями открытого типа, меньшая часть — пещерными стоянками, единичные памятники — торфяниками (Висс I). Кроме того, известно несколько могильников и отдельных погребений (I и III Васильевские и Волошские могильники, погребения в пещерах Фатьма-Коба и Мурзак-Коба).

Всесторонний анализ всех добытых советскими исследователями материалов позволил по-новому раскрыть содержание эпохи мезолита. Наряду с бытованием старых форм хозяйства и палеолитических традиций в изготовлении каменных и костяных орудий, в эту эпоху зарождаются более прогрессивные формы хозяйства, которые находят свое дальнейшее развитие в эпоху неолита, изменяется состав и техника изготовления каменных и костяных орудий.

---

[16] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Международной конференции АИЧПЕ, V, 1934; С. Н. Замятнин. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. Уч. зап. КБНИИ, XIII, Нальчик, 1957; О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, 5, 1940; С. Н. Бибиков. Грот Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, V, 1940; Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959; М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXI, 1950; Сб.: «У истоков древних культур (эпоха мезолита)». М.—Л., 1966; Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на Севере СССР. СА, V, 1940.

Отступание ледника и общее потепление обусловили дальнейшее освоение человеком северных районов вплоть до побережья Ледовитого океана. Исчезновение крупных млекопитающих вызвало необходимость изменения форм и приемов охоты.

В эту эпоху получает распространение охота с помощью лука и стрел (находка целого лука в Висском торфянике) [17] (рис. 2.) В северных районах возникает и быстро развивается рыболовство, обусловившее бóльшую

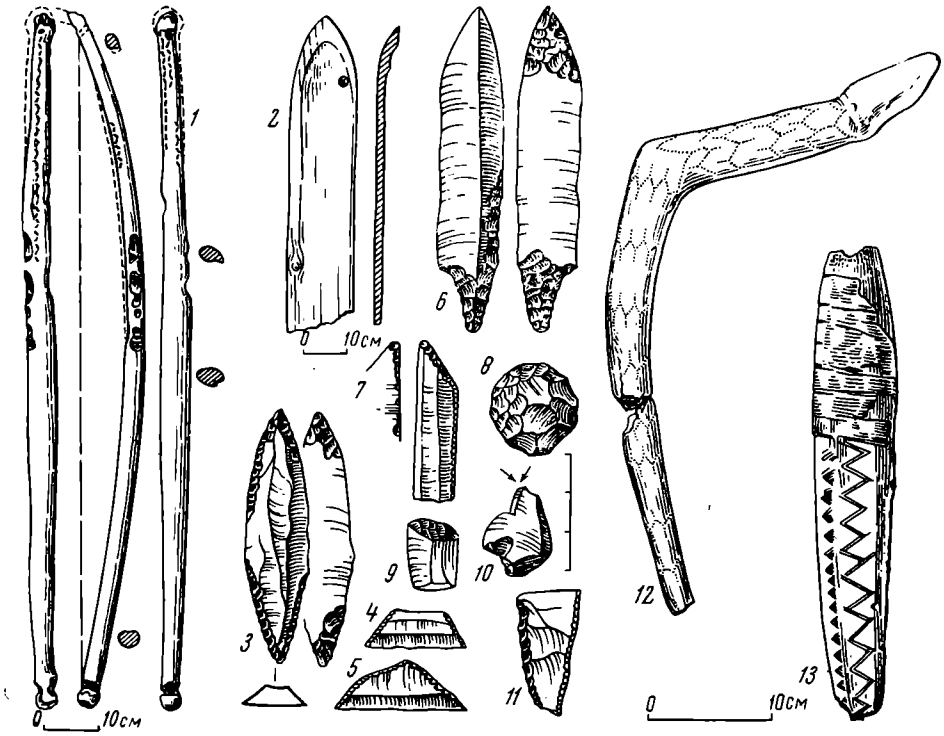


Рис. 2. Мезолит

1 — лук деревянный; *2* — фрагмент лыжи (Висс, торфяник); *3* — наконечник стрелы; *4* — трапеция (Фатьма-Коба); *5* — орудие геометрической формы (Сюрень II); *6* — наконечник стрелы; *7* — пластинка со скошенным концом; *8* — скребок (Погоново озеро); *9* — скребок концевой (Лысая гора); *10* — резец на отщепе; *11* — высокая трапеция (Воронина); *12* — изображение змеи из рога (Тырвала); *13* — кинжал костяной (Тырвала).

чем раньше оседлость населения. Находки на территории побережья Финского залива рыболовных сетей (Тырвала, Антреа) [18] показывают существование весьма совершенных способов коллективного лова.

В то же время для юга нашей страны мы располагаем фактами, свидетельствующими о начале приручения животных (собака, кабан). Скопления раковин моллюсков на многих пещерных стоянках указывают на бóльшую роль собирательства.

Локальные особенности памятников различных территорий послужили основой для выделения в эпоху мезолита обширных этнокультурных зон и отдельных культур. К ним могут быть отнесены северо-западная зона СССР — Кольский полуостров, Карелия, Эстония с комсокультурой и стоянками типа Кунда; Литва, Белоруссия, лесостепная Украина — с развитыми формами геометрических микролитов, сочетающимися с неко-

---

[17] Г. М. Буров. Археологические находки в стáричных торфяниках бассейна Бычегды. СА, 1966, 1.

[18] H. Moora. Eine steinzeitliche Schagenfigur aus der Gesend ven Narva. SMVA, 58, Helsinki, 1957; S. Päl si. Ein Steinzeitliche Moorfund. SMVA, ZXVIII, 2, Helsinki, 1920.

торыми «макролитическими» орудиями, а также с наличием ярко выраженных свидерских традиций. Особую область в мезолите составляли Южная Украина, Крым и Кавказ. В отдельную мезолитическую зону входило Прикамье и Приуралье с характерными для них орудиями из призматических пластинок. Промежуточную область между востоком и западом европейской части СССР занимало Верхнее Поволжье и Волго-Окское междуречье.

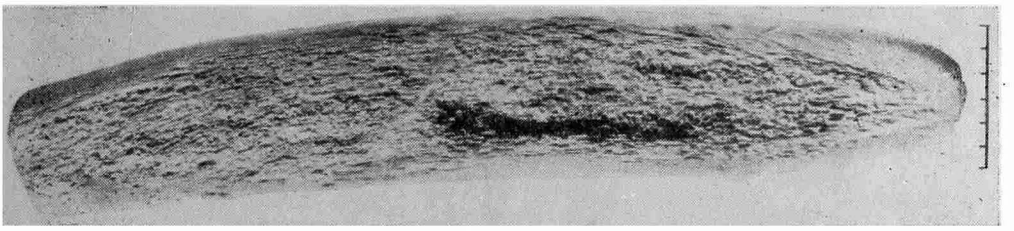


Рис. 3. Неолит. Роговое орудие древних горняков (Красное Село)

В азиатской части нашей страны мезолит пока еще неизвестен, за исключением Восточной Сибири, где он имеет особый облик и характеризуется, в частности, специфически грубой формы крупными орудиями из галек, близкими к орудиям сибирского палеолита.

Перечисленные этнокультурные области и мезолитические культуры раскрывают процесс дальнейшего сложения племенной организации в эту эпоху.

Значительные результаты достигнуты советскими археологами в исследовании неолитической эпохи. До Октябрьской революции изучение ее в нашей стране еще не вышло за рамки накопления и первичного осмысления полученных материалов. Были известны лишь единичные стоянки, например в Волго-Окском междуречье, Приладожье, Урале и Прибайкалье [19].

В результате интенсивных полевых изысканий выяснилось, что человеческие коллективы в этот период прочно освоили огромное пространство нашей страны, включая арктическую зону. Раскопки сотен разнообразных, в ряде случаев хорошо датированных памятников обусловили возможность постановки и решения ряда кардинальных вопросов истории и истории культуры каменного века. На основе анализа материала стало очевидно, что неолитическая эпоха представляет собой принципиально новое качественное образование по сравнению со всем предшествующим периодом.

Костяные орудия охоты и рыболовства, чрезвычайно разнообразные по своим формам (Оленеостровский и Прибайкальские могильники, Веретье, Долгое, Нарвские стоянки) [20], сопровождаемые фаунистическими остатками, в совокупности с каменными орудиями, представленными многими десятками тысяч на различных поселениях (рис. 4), свидетельствуют об

---

[19] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. I—II, М., 1881; В. А. Городцов. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Тр. МАО «Древности», XVIII, М., 1901; А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

[20] Н. Н. Гурина. Оленеостровский могильник. МИА, 47, 1956; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950; М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952; В. П. Левенок. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. МИА, 131, 1965; Н. Н. Гурина. Из истории древних племен западных областей СССР, МИА, 144, 1967.

усовершенствовании охоты и рыболовства и чрезвычайном многообразии их форм. Существовавшая на всем протяжении неолита культура с рыболовческо-охотничьим укладом хозяйства имела различные варианты в лесостепных, лесных и таежных районах в зависимости от преобладающего способа добывания пищи. В частности, на побережье Ледовитого океана, на Байкале, в Приморье, на Чукотке и Сахалине основной была

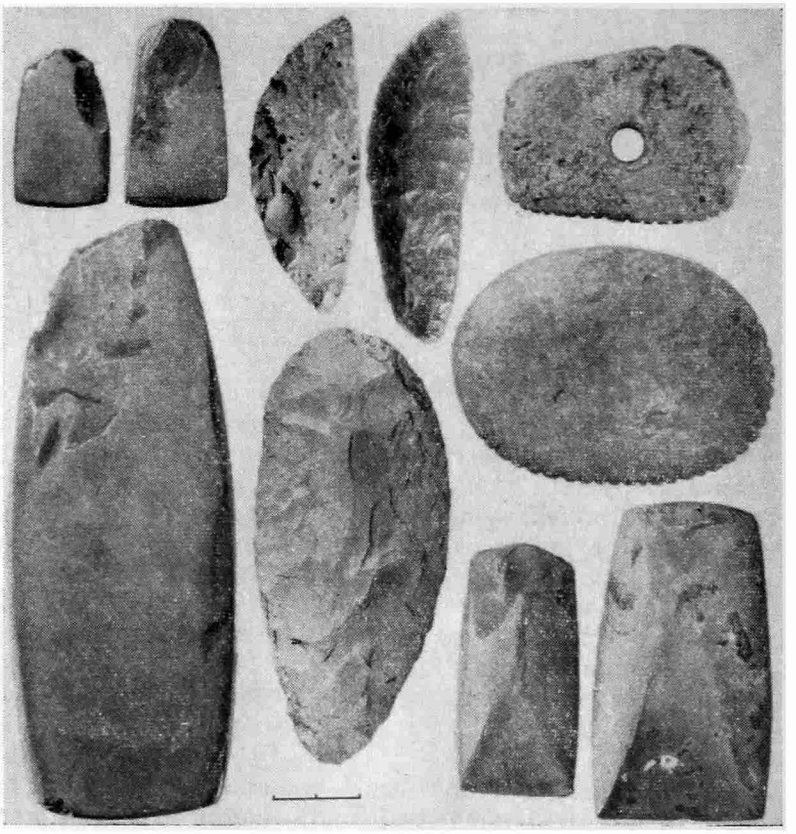


Рис. 4. Неолит

1—10 — каменные орудия (Федоровское).

охота на морского зверя. Исследованные за последние десятилетия торфяники (Сарнате, Висский, Горбуновский, Модлона, Усвяты) [21] благодаря сохранившимся там разнообразным деревянным сооружениям заставляют придти к выводу о решающей роли коллективных форм промыслов. Находки в торфяниках (Висский, Приладожский) и изображения на скалах Онежского озера и Белого моря [22] указывают на значительный прогресс культуры человеческого общества по сравнению с предшествующим периодом (рис. 5). Свидетельством этого является широкое применение различного типа лодок с веслами, лыж с палками и саней. Все вместе взятое несомненно способствовало успеху промыслов. В быт неолитического человека прочно вошла домашняя собака. Есть данные, позволяющие пред-

[21] Л. В. Ванкина. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР). Сб.: «Древние поселения и городища», I, Таллин, 1955; М. Буров. Вычегодский край. М., 1965; Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. Тагил, 1929; А. Я. Брюсов. Свайное поселение на р. Модлоне. МИА, 20, 1951.

[22] В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. М.—Л., 1936.

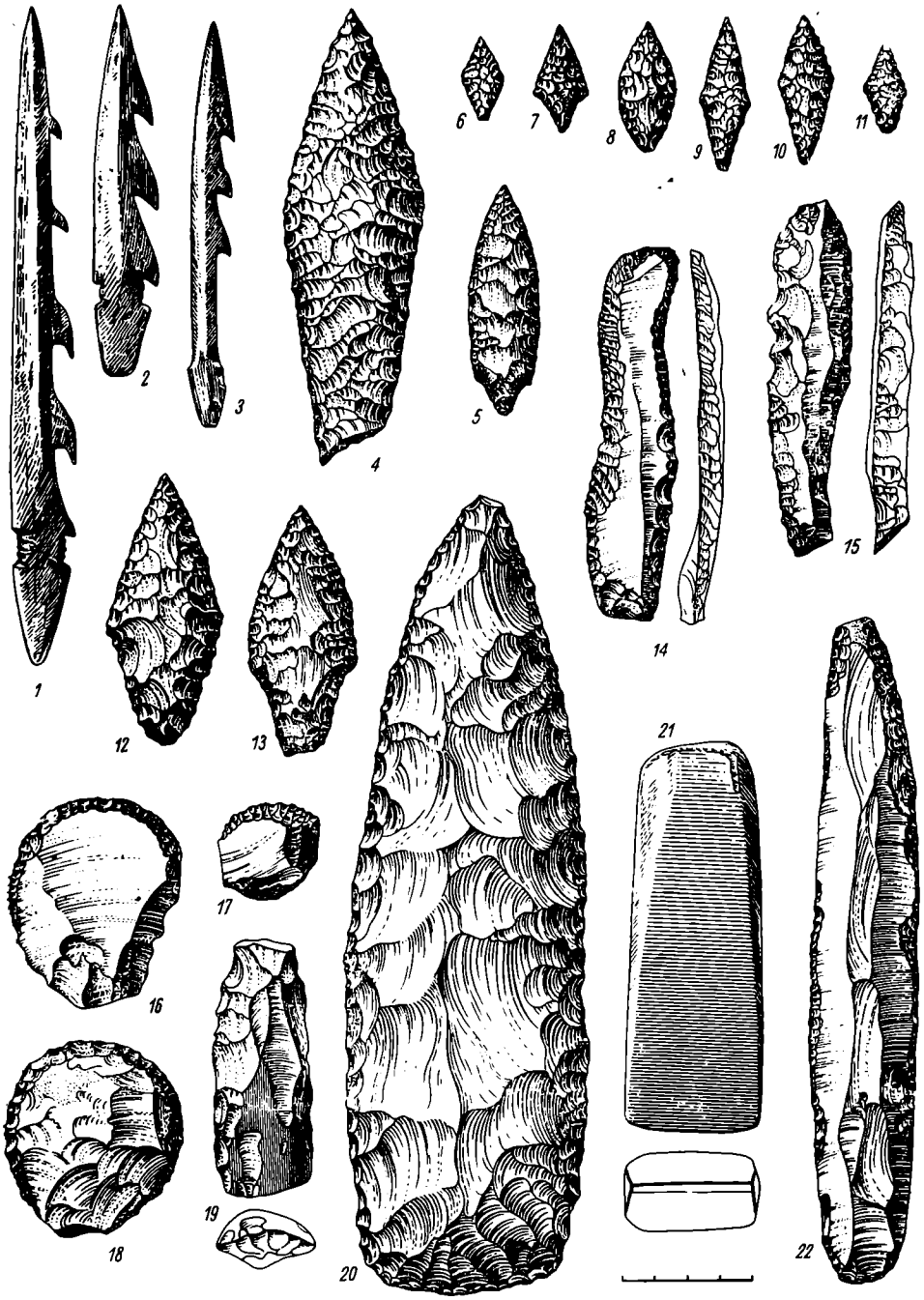


Рис. 5. Неолитические орудия лесной и лесостепной зоны европейской части РСФСР.

1, *2* — гарпуны (Долгое); *3* — гарпун (Нарва); *4* — наконечник копья (Сагутьево); *5* — наконечник дротика (Архангельское); *6*—*11* — наконечники стрел (*6* — Шмырево, *7*, *8* — Кветунский Борок; *9* — Холм; *10* — Воронина; *11* — Льгов); *12* — наконечник дротика (Орлик); *13* — наконечник дротика (Ярлуковская Протока); *14*, *15* — ножи (Холм); *16* — скребок (Орлик); *17* — скребок (Долгое); *18* — скребок (Пименов Бугор); *19* — тесло (Дольск); *20* — топор (Смородино); *21* — топор (Усть-Рыбежна I); *22* — нож (Шелаево).

полагать в Прибалтике и лесостепном Зауралье начальные формы скотоводства — одомашнение быка. Изучение фаунистических остатков и орудий труда, в частности с помощью трассологического метода, привело к выводу, что в период неолита в южных районах страны в VI—V тысячелетиях до н. э. сложились иные культурно-хозяйственные зоны — раннеземледельческая (джейтунская) и скотоводческая (кельтеминарская) [23].

[23] Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии (по данным функционального анализа). Автореф. канд. дис., Л., 1966.

В историко-культурном плане большое значение имело изучение кремнедобывающих шахт (Красное село) [24] и производственных мастерских (Верхне- и Средневолжских, Уральских, Нарвской и др.). Они говорят о наличии в эпоху неолита специализированных коллективов в данной отрасли хозяйства и позволяют предполагать связанный с ней развитый межплеменной обмен (рис. 3).

Раскопки памятников широкими площадями показали, что в связи с географическими особенностями и специфическими формами хозяйства в эпоху неолита существовали различные типы поселений и жилищ: свайные дома (в Модлоне), округлые и четырехугольные полуземлянки (на стоянках Оки, Волги, Камы, Карелии и Урала), глинобитные однокомнатные дома (у древних земледельцев юга), чумы (у сибирских охотников). Размеры и расположение жилых построек и концентрация поселений позволяют в известной мере судить о численности неолитических коллективов. Отчетливо выявленные компактные группировки одновременных поселений в пределах узких зон, разграниченных пустынными областями, по всей вероятности, отражают структуру племенных организаций.

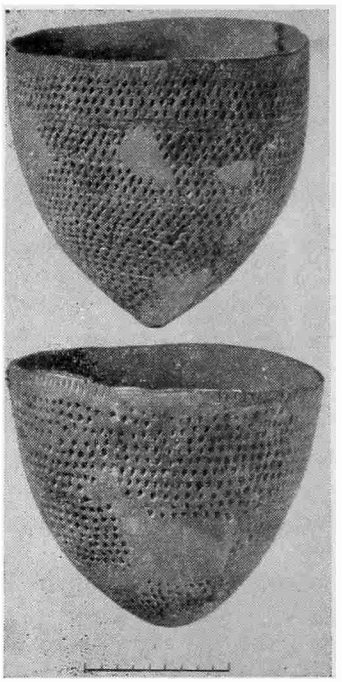


Рис. 6. Неолит
1, 2 — сосуды (Долгое).

В связи с большими работами по изучению конкретного материала исследователи неолита занимались и теоретическими изысканиями. Уточнялось понятие «неолит», его верхних и нижних границ [25]. На основе типологического метода, а в последние годы и радиоуглеродных дат удалось разграничить принципиально отличные памятники неолита и раннего металла, представление о которых до недавнего времени сливалось воедино. Вместе с тем была выработана схема относительной хронологии самой неолитической эпохи для ряда областей [26]. С помощью радиоуглеродного метода установлены нижние и верхние границы неолита в различных зонах: для лесной полосы — начало IV тысячелетия до н. э., для юга — конец VI — начало V тысячелетия до н. э.

Значительное внимание исследователями было уделено решению этногенетических проблем. Удалось выделить локальные варианты неолита, получившие наименование культур, соответствующие, по всей вероятности, определенным древним этническим общностям. Выявление своеобразия этих культур позволило в настоящее время вплотную подойти к соз-

---

[24] Н. Н. Гурина. Исследование древних шахт по добыче кремня в Белоруссии. КСИА АН СССР, 106, 1966.

[25] М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, 29, 1949.

[26] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; Н. Н. Гурина. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 87, 1961; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, 29, 1952; Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре. СА, 1964, 4; О. Н. Бадер. Каменный век на Урале. Сб.: «Первое Уральское археологическое совещание». Молотов, 1948; А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения среднего Поволжья и нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола, 1960; В. Н. Чернецов, В. И. Машинская, И. А. Талицкая. Древняя история нижнего Приобья. МИА, 35, 1953; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА, 18, 1950; Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в районе устья реки Эмайыги. Таллин, 1959.

данию этнокультурной карты эпохи неолита, с выделением на ней как крупных общностей, так и более мелких внутри них. К первым относятся: Северо-Западная, Волго-Камская, Урало-Сибирская, Ленская, Прибайкальская и др. Выясняются их взаимоотношения на широком историческом фоне.

Исследовательское осмысление различных групп памятников позволило проследить передвижение и взаимосвязи древних племен: например, расселение их с Волго-Окского междуречья к северо-востоку, в Карелию и Прибалтику (рис. 6), продвижение племен с Урала и Зауралья в западном направлении, а также перемещение внутри азиатской части страны. В ряде случаев удалось уловить компоненты, участвовавшие в сложении угро-финнов, самодийских, палеосибирских, тунгусских и других народов, а также наметить этапы поступательного автохтонного развития человеческих коллективов и различную степень влияния извне, приводящую иногда к новым общественным образованиям.

Ценнейшим источником для изучения развития мышления и сущности мировоззрения неолитического человека явились многочисленные могильники (Прибайкальские, Оленеостровский, Кубенинский, Языковский и др.), культовые места, наскальные изображения (Карелия, Сибирь и др.), а также предметы искусства, найденные на поселениях.

Изучение всего комплекса материала полностью подтвердило одно из положений исторического материализма о том, что формы общественного сознания являются отражением условий материальной жизни общества. Разнохарактерные по своему содержанию образцы неолитического искусства приводят к выводу о высоком уровне у людей той эпохи абстрактного мышления, порожденного многовековым трудовым процессом. Они свидетельствуют также об эстетических потребностях и определенных нормах искусства, отображающих окружавший человека внешний мир.

А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, Л. П. Хлобыстин, В. П. Любин, Е. А. Векилова, Л. Я. Крижевская

* * *

В области изучения эпохи бронзы в дореволюционный период важнейшая роль принадлежит крупнейшим русским археологам А. С. Уварову, А. А. Спицыну, В. А. Городцову[27]. Ими были исследованы в лесной полосе Восточной Европы первые памятники эпохи бронзы, выделены первые культуры и сделаны первые обобщения. Упомянутая работа В. А. Городцова, вышедшая в 1915 г., является последним словом русской дореволюционной археологии в изучении эпохи бронзы в лесной полосе Восточной Европы. В ней выделены и описаны следующие культуры: фатьяновская, сменяющая ее сейминская и донецкая катакомбная, распространявшаяся на южную полосу лесов. В Сибири культуры бронзовой эпохи в то время еще не были выявлены.

В советский период исследования памятников эпохи бронзы широко развернулись уже в 20-х годах. При этом были открыты новые культуры. Памятники одной из них, поздняковской, в 1924 г. были обследованы сразу в нескольких пунктах на Оке О. Н. Бадером и Н. И. Лебедевой. Последующими обследованиями и раскопками еще в довоенные годы были выявлены в бассейне Средней и Нижней Оки более 30 поселений поздняковского типа, а Б. С. Жуковым и в послевоенные годы Т. Б. Поповой — несколько курганных могильников, принадлежавших к той же культуре. Население поздняковской культуры, занимавшееся скотоводством и земледелием, во второй половине II тысячелетия до н. э. расселялось преимущественно в восточной половине Окского бассейна, но

[27] А. С. Уваров. Ук. соч.; А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. ЗОРСА, V, 1, 1903; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Росс. историч. музея за 1914 г., М., 1915.

следы его сильного влияния распространяются и в области Верхнего Поволжья. По хозяйству, типу жилищ, керамике поздняковская культура имеет много общего с более южной срубной культурой. Она принадлежала северной группе срубных племен, вторгшейся в поокские лесостепи в середине II тысячелетия до н. э., а по мнению других исследователей, развилась на местной основе под влиянием срубной культуры.

Другой вновь открытой культурой является абашевская. Понятие абашевской культуры возникло после раскопок В. Ф. Смолина курганов у с. Абашева в Чувашской АССР и Б. А. Куфтина у с. Земского близ г. Касимова. К этой же культуре относятся и Огубские курганы близ Малоярославца, раскопанные В. А. Городцовым еще в 1921 г. Дальнейшими раскопками П. П. Ефименко, П. Н. Третьякова, Н. Я. Мерперта и других абашевские погребения изучены в Чувашии, А. Х. Халикова — в средневолжском Левобережье, П. Д. Либерова — в Среднем Подонье [28], изучены они и в Верхнем Поволжье; но абашевские поселения здесь не найдены. Зато поселения исследованы в Башкирии, а отдельные памятники даже за хребтом Южного Урала.

Абашевская культура принадлежала скотоводам и земледельцам и отличается богатством и большим своеобразием форм металлических изделий, кругодонной и плоскодонной керамики [29]. Металлургия развивалась на базе южноуральского сырья. Проблема происхождения и этнического содержания абашевской культуры еще далеко не разрешена. Высказаны гипотезы о генетических связях этой культуры с юго-западными территориями, с северными племенами древнеямной культуры, с местными племенами волосовской культуры и др.

Огромный материал собран по фатьяновской культуре. Десятки погребений в Московской, Калининской, Ярославской, Ивановской, Калужской и других областях исследованы О. А. Кривцовой-Граковой, О. Н. Бадером, Д. А. Крайновым и др. Особенно большой материал дали довоенные раскопки О. Н. Бадера на культурно близком Балановском могильнике в Чувашии (более 100 погребений) и широкие раскопки Д. А. Крайнова, проведенные в последние годы в Верхнем Поволжье. Этот материал частично опубликован [30]. Пролит свет на основные формы хозяйства, погребальный обряд, локальные различия, антропологический облик, отчасти на периодизацию памятников и многие другие вопросы; но важнейшие вопросы происхождения культуры, ее абсолютной хронологии и истории ее последовательного развития все еще не разрешены. О. А. Кривцова-Гракова, оперируя преимущественно керамическим материалом, пыталась обосновать теорию движения фатьяновских племен с территории Московской области, где, по ее мнению, находятся древнейшие могильники, в Верхнее Поволжье и оттуда в Чувашию, считая могильники балановского типа позднейшей модификацией фатьяновских могильников ярославской группы [31]. Но О. Н. Бадер (1950) и А. Я. Брюсов [32] показали невозможность датировать могильники балановского типа более поздним временем, чем могильники ярославского типа, а в последнее время П. М. Кожин, базируясь на том же керамическом материале, что и О. А. Кривцова-Гракова, нашел возможным реконструировать противоположный путь движения фатьяновских племен: со Средней Волги в Верхнее Поволжье.

---

[28] П. Д. Либеров. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

[29] Сб.: «Абашевская культура в Среднем Поволжье». МИА, 97, 1961.

[30] О. Н. Бадер. Балановский могильник. М., 1963; Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, В 1-19. М., 1963; его же. Памятники фатьяновской культуры. САИ, В 1-20. М., 1964.

[31] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, XVI, 1947.

[32] А. Я. Брюсов. Ук. соч.

Опираясь на хорошо ощутимые культурные различия между Балановским могильником и могильниками фатьяновского типа в Верхнем Поволжье, а также на резкое преобладание средиземноморского антропологического типа в Баланове, слабо представленного в Верхнем Поволжье, О. Н. Бадер выделяет особую балановскую культуру, население которой шло иными путями в своем историческом развитии, чем культурно родственное ему фатьяновское население. Это положение было поддержано А. Х. Халиковым, исследовавшим в 50-х и 60-х годах большое число памятников балановского типа в Волго-Камье. А. Д. Степановым в Мордовской и Чувашской АССР открыто до трех десятков культурных слоев балановских поселений [33]. Изучение большого числа памятников балановского типа позволило исследователям прийти к согласованному мнению о подразделении их на хронологические группы. Выделяются по крайней мере четыре последовательных этапа в истории балановского населения: собственно балановский, атликасинский, ошпандинский и хуласючский. Абсолютная датировка ориентировочно — от первых веков II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия до н. э.

По мнению большинства исследователей памятников балановского типа, на атликасинском и ошпандинском этапах, т. е. в начале третьей четверти II тысячелетия до н. э., часть балановского населения, вероятно, под нажимом со стороны срубных и абашевских племен сместилась на север, в Прикамье и Верхнее Поволжье. Хорошо прослеживаемое на археологическом материале передвижение племен должно послужить надежным основанием для установления хронологического соотношения обеих культур и для создания периодизации фатьяновской культуры, еще не разработанной.

Выясняется, что у балановских племен в Среднем Поволжье и Прикамье существовала уже развитая металлургия меди и бронзы, а у фатьяновских племен — металлообработка на привозном сырье, при этом в каждом из рассматриваемых культурных ареалов выработались свои традиционные формы металлических изделий, что еще больше подчеркивает их культурную обособленность.

Многочисленные черты сходства фатьяновской и балановской культур со среднеднепровской, вислонеманской, восточнобалтийской и другими культурами с круглодонными амфорами, сверленными боевыми топорами и шнуровой керамикой вплоть до Скандинавии и Средней Европы заставляют объединять их вместе с этими родственными культурами в обширную, но единую историко-культурную область и рассматривать создавшее ее население как индоевропейское в языковом отношении, и точнее — как отдаленных предков германцев, балтов и славян [34].

Еще в 20-х годах установлено широкое распространение в Средней России поселений с «сетчатой» или «текстильной» керамикой и кремневым инвентарем орудий.

К концу II тысячелетия до н. э. они представляли здесь уже основную группу памятников, характеризующих особую культуру, сложившуюся в результате слияния местных и пришлых культурных элементов развитой бронзы и легшей в основу вырастающей из нее около VIII в. до н. э. культуры городищ дьяковского типа. К этой новой культуре, которая сложилась здесь, на месте, относится и Младший Волосовский могильник.

Сейминский могильник, раскопанный преимущественно любителями в 1912—1916 гг., был дополнительно исследован в 1922 и 1929 гг. Б. С. Жуковым: эти раскопки показали присутствие на его площади нескольких

[33] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, 53, 1954.

[34] Х. А. Моора. О древней территории расселения балтийских племен. СА, 1958, 2; А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. СА, 1961, 3; П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.— Л., 1966.

культурных слоев поселений, частью более древних, частью более молодых. Керамика, опубликованная В. А. Городцовым в 1915 г., происходит из культурного слоя, а не из погребений, и вопрос о связи могильника с определенной группой окских поселений, в противоположность мнению В. А. Городцова, в настоящее время остается открытым. Своеобразие бронзовых изделий Сейминского могильника в сочетании с нефритовыми кольцами из погребений исключает мнение о принадлежности этого могильника к позднему этапу фатьяновской культуры. Восточное происхождение сейминской бронзы не подлежит сомнению.

Рис. 7. Бронзовое копье из Турбинск о г о могильника

Ближайшими аналогами Сейминскому могильнику и по инвентарю, и по погребальному обряду с отсутствием керамики в могилах являются два Турбинских и соседний Усть-Гайвинский могильники, расположенные на Каме у устья Чусовой. Турбинский I могильник, открытый еще в 90-х годах прошлого века, в советский период исследовался А. В. Шмидтом и Н. А. Прокашевым, а в последнее время подвергся большим раскопкам О. Н. Бадера, которые дали материал, превышающий по количеству вещей материал Сейминского могильника (рис. 7). Здесь располагалось около 200 сравнительно неглубоких могил, почти исключительно одиночных, в которых, судя по их форме и размерам, были положены трупы в вытянутом положении, с бронзовыми, кремневыми и нефритовыми орудиями и украшениями [35]. Все три могильника близ д. Турбина достаточно ясно отличаются друг от друга по материалу, а так как все они расположены рядом, на протяжении всего 2 *км*, эти различия не могут иметь локального характера и должны расцениваться как хронологические. Отсюда вытекает следующая хронологическая последовательность могильников: 1) Турбинский I, 2) Турбинский II и Сейминский, 3) Усть-Гайвинский, металлические изделия которого наиболее приближаются к ананьинским.

Анализы предметов из Турбинского I могильника показали, что подавляющее большинство их сделано не из приуральской меди, а из зауральского металла. Этому факту соответствует и другой: все известные литейные формы для изделий турбинско-сейминских типов найдены за Уралом. На стоянке Самусь IV близ Томска обнаружено несколько десятков таких форм. Но большая часть металлических предметов из Турбина, как установил Е. Н. Черных путем спектрографического анализа, изготовлена все же из восточно-уральской мышьяковистой бронзы. Общий ареал распространения турбинско-сейминской бронзы также рисует картину ее неразрывных связей с Западной Сибирью; Турбино и Сейма находятся на западной окраине этого ареала [36].

Указанный ареал в общих чертах совпадает с распространением более древних родственных культур уральского неолита, на основе которого где-то у грани III и II тысячелетия до н. э. возник ряд локальных культур эпохи бронзы, в последующее время разорванный. Культурная и, видимо, языковая близость этих групп населения обусловила и легкость распространения турбинско-сейминско-самусьского металла в пре-

---

[35] О. Н. Бадер. Древнейшие металлурги Приуралья. М., 1964.

[36] Б. Г. Тихонов. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. МИА, 90, 1960.

делах указанной широкой территории. Датировка турбинско-сейминской бронзы до сих пор оживленно дискутируется; большинство исследователей полагает, что она не выходит за пределы XV—XIII вв. до н. э.

В 1947—1966 гг. Камской экспедицией ПГУ и ИА АН СССР в Среднем и Верхнем Прикамье исследовано до сотни поселений эпохи бронзы с большими прямоугольными полуземлянками, обычно соединенными по две, по три и более и с углубленными в землю переходами. Эти поселения удалось подразделить на два локальных варианта: усть-чусовской и осинский, и в пределах каждого из них на два последовательных этапа: в первом варианте гаринский и борский, а во втором — ольховский и частинский. Можно объединить обе локальные группы поселений в понятие одной культуры, существовавшей от начала II тысячелетия и до XII в. до н. э.[37], когда ее памятники сменяются поселениями ерзовского типа (финальной бронзы), исследованными преимущественно В. П. Денисовым.

Эта культура — одна из локальных культур обширной области, в которой во множестве распространялись бронзовые вещи турбинско-сейминских типов. Люди, хоронившие на Турбинском и Усть-Гайвинском могильниках в устье Чусовой, жили тут же рядом на поселениях гаринского типа, на которых имеются почти все формы каменных изделий, найденных в могильниках, и во множестве глиняная посуда, привезенная, как и металл, из-за Урала, с орнаментом, совпадающим с орнаментацией турбинских кельтов и копий. Исходя из этого, О. Н. Бадер объединил все указанные, достаточно разнообразные поселения обоих локальных вариантов вместе с могильниками в понятие локальной турбинской культуры. Параллельно ей существовали другие родственные культуры.

После прекращения импорта зауральских металлических изделий в Прикамье продолжает развиваться своя металлургия, приобретающая местный, уральский, абашевский характер.

Ареал распространения турбинско-сейминско-самусьского металла, так же как и устанавливаемая ретроспективно генетическая связь их с аборигенными уральскими этническими культурами, позволяет видеть в них древнюю группу урало-сибирского населения, принадлежавшего к финно-угорской языковой общности.

Исследования в Прикамье пролили новый свет на вопрос о происхождении волосовской культуры, которая не так давно генетически связывалась с неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой[38]. Выяснилась близость материальной культуры волосовских и турбинских поселений, возникающих на базе местного, камского неолита. При отсутствии ясной генетической связи волосовской культуры с волго-окской неолитической культурой с ямочно-гребенчатой керамикой близость ее с турбинской послужила О. Н. Бадеру основанием для выдвижения гипотезы о принадлежности ее к числу приуральских культур и о распространении ее в конце III и между III и II тысячелетиями до н. э. из Волго-Камья на запад до Прибалтики. Эта гипотеза была подтверждена исследованиями А. Х. Халикова в Среднем Поволжье, показавшими существование там многочисленного волосовского населения и подтвердившего несомненность возникновения его культуры на базе не волго-окского, а камского неолита[39]. Можно утверждать, что именно культуры

---

[37] О. Н. Бадер. Поселения Турбинского типа в Среднем Прикамье. МИА, 99, 1961.

[38] И. К. Цветкова. Волосовские неолитические письмена. Тр. ГИМ, XXII, М., 1953.

[39] А. Х. Халиков. Неолитические памятники в Казанском Поволжье, МИА, 61, 1958.

волосовского типа явились тем субстратом, на котором сформировались финноязычные культуры и народности Русской равнины [40].

Работами Куйбышевской экспедиции ИА АН СССР в Казанском Поволжье выявлено множество поселений бронзовой эпохи, отнесенных к приказанской культуре. А. Х. Халиков показал, что эта культура сформировалась на местной основе с привнесением на ее поздних этапах срубных элементов с юга [41]. Периодизация приказанской культуры, выполненная тем же автором, ставит ее, наряду с турбинской, в число наиболее изученных культур бронзовой эпохи в лесной полосе Восточной Европы. На территории Среднего Поволжья А. Х. Халиковым была выделена новая чирковско-сейминская культура, характеризующаяся местными и воспринятыми от пришлых племен балановскими элементами.

К северу от Волго-Камья во II тысячелетии до н. э. существовали культуры неолитического типа, хотя и знакомые уже с металлом. В них сильны восточные, уральские элементы.

В области Урала, в южной полосе лесов, к концу бронзовой эпохи относятся памятники черкаскульской культуры, выделенной К. Я. Сальниковым и отличающейся, наряду с местными, хорошо выраженными позднеандроновскими элементами.

Памятники эпохи бронзы на склонах Восточного Урала выявлены недостаточно; они как бы тонут там в массе неолитического материала [42]. Для выявления их и создания их периодизации могут сыграть положительную роль многочисленные сосуды зауральского происхождения, найденные в Прикамье на поселениях чаринского и ольховского этапов. Подобная керамика особенно характерна для некоторых зауральских поселений района Кыштыма. Именно этот район лежит на путях по Чусовой и Исети в Обь-Иртышье и на Юго-Восточный Урал.

До октябрьской революции таежная полоса Сибири не была известна в археологическом отношении. Систематическое исследование памятников бронзового века здесь началось лишь в годы советской власти.

Благодаря работам А. П. Окладникова в Восточной Сибири, В. Н. Чернецова, В. И. Мошинской и В. И. Матющенко в Западной Сибири, сейчас стало возможным проследить общее направление историко-культурного развития на этой территории в эпоху бронзы.

В начале бронзового века в лесной полосе Сибири складывается несколько культур — сузгунская (Тоболо-Иртышье), самусьская (Среднее и Нарымское Приобье) и глазковская (Ангаро-Байкалье).

Поскольку эти культуры (за исключением глазковской) мало известны археологам, мы даем ниже их краткую характеристику.

Наиболее ярким памятником сузгунской культуры является «жертвенное место» Сузгун II. В низовьях Оби (реки Нисьниочан, Юконда, Таз) и в лесостепной части Прииртышья (река Малая Бича, Евгащинское поселение и т. д.) [43] расположены памятники этой культуры.

Сузгунские памятники дают почти исключительно керамику. Геометрические орнаменты на посуде вызывают некоторые андроновские ассоциации, что позволило В. И. Мошинской синхронизировать эту культуру с андроновской и отнести ко второй половине II тысячелетия до н. э.

---

[40] О. Н. Бадер. Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции (1947—1952). Уч. зап. ПГУ, IX, 3, 1953; П. Н. Третьяков. Угро-финны, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966.

[41] А. Х. Халиков. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МАЭ, I, Йошкар-Ола, 1960.

[42] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953; К. В. Сальников. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы. Сб.: «Археология и этнография Башкирии», I, Уфа, 1962.

[43] В. И. Мошинская. Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири. МИА, 58, 1957.

Самусьская культура была открыта в 1957 г. В. И. Матющенко. Наиболее известным ее памятником является поселение Самусь IV близ Томска. Самусьская керамика плоскодонна, баночной или горшкообразной формы. Она продолжает автохтонные западносибирские традиции, что особенно хорошо видно в орнаменте. Посуда украшалась волнистыми узорами, рядами «отступающей» гребенки, сплошными взаимопроникающими треугольными зонами, псевдоплетенкой, спиральными рисунками (на дне) — орнаментальными элементами, характерными для этой территории еще в неолитическое время. Правда, на смену архаичной «отступающей» палочке приходит иная техника нанесения орнамента, получившая название «отступающая» гребенка. Меняется и орнаментальная композиция.

Среднее Приобье становится в это время крупным центром изготовления бронзовых орудий. На Самусьском IV поселении было найдено более двух десятков форм для отливки кельтов и копий турбинского типа [44]. Основным занятием самусьского населения были охота и рыболовство. В религиозных представлениях его, видимо, значительное место занимал культ солнца и медведя. Об этом свидетельствует много солярных рисунков на самусьской керамике, находки скульптурных изображений головы медведя (Самусь IV), рисунки медвежьих морд на венчике одного из самусьских сосудов и т. д.

Поселение Самусь IV находится на южной окраине самусьской культуры. Основной ареал ее уходит на север — в сторону Нарымского Приобья, где, судя по новым находкам, существовало население, родственное самусьскому. В. И. Матющенко относит самусьскую культуру к турбинскому времени и датирует ее серединой и второй половиной II тысячелетия до н. э.

Глазковская культура наиболее хорошо изучена по погребениям в Ангаро-Байкалье [45]. Глазковская посуда имела округлое дно и несколько сужающееся к устью тулово. Встречаются сосуды архаичной полуяйцевидной формы. Глазковская керамика украшалась скупо, а иногда и вообще не имела орнаментации.

Ангаро-байкальские племена этого времени сделали успехи в освоении металлургии меди. В глазковских погребениях было найдено довольно много игл, рыболовных крючков, колец, ножей. Техника обработки кремня в Ангаро-Байкалье отличалась большим совершенством. Глазковские мастера достигли замечательных успехов в обработке нефрита. Ангаро-Байкальское население этого времени жило преимущественно охотничье-рыболовческим бытом, некоторую роль в хозяйстве играло собирательство. В религиозных представлениях глазковцев следует отметить культ медведя и лося, а также культ солнца. А. П. Окладников подчеркивал чрезвычайную близость материальной культуры глазковских племен культуре обитателей верховьев Амура, Манчжурии и других смежных районов. Он относит глазковские погребения к XVIII—XIII вв. до н. э. и синхронизирует их с турбинско-сейминскими памятниками в Восточной Европе. В этот период усиливаются экономические связи между Сибирью и Восточной Европой. Глазковские нефритовые кольца были найдены в Турбинском и Сейминском могильниках. В то же время бронзовые кельты и копья, отливавшиеся в Западной Сибири, получили широкое распространение в Восточной Сибири и в европейской части нашей страны.

Сузгунские, самусьские и глазковские памятники отражают, на наш взгляд, наличие в таежной полосе Сибири трех обширнейших этнокуль-

---

[44] В. И. Матющенко. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, 4; М. Ф. Косарев. Среднеобский центр турбинско-сейминской бронзовой металлургии. СА, 1963, 4.

[45] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, III, МИА, 43, 1955.

турных областей, что, в свою очередь, является показателем углубляющегося процесса этнической дифференциации древнего сибирского населения, который привел позднее к выделению здесь трех этнических (языковых) ветвей — самодийской, угорской и тунгусо-манчжурской.

Во второй половине бронзового века этнокультурная карта лесной полосы Сибири существенно изменилась. Если в Ангаро-Байкалье прогресс материальной культуры протекал в общем имманентно, без заметных инокультурных воздействий, то в Западной Сибири началось время значительных перемещений населения.

В последней четверти II тысячелетия до н. э. наблюдается продвижение части лесостепного среднеиртышского населения в таежные районы Среднего Приобья, где оно сменяет жившие здесь племена самусьской культуры. В результате на всей громадной территории Среднего Обь-Иртышья утверждается единая культура, представленная памятниками еловского типа (Еловские и Десятовское поселения в Томской обл., ранние комплексы из поселений Камень и Красный Яр в Новосибирской обл., Евгащинское поселение в Омской обл. и т. д.).

Керамика еловской культуры имеет горшкообразную (приближающуюся к открытой баночной) форму. Орнамент наносился гладким штампом, реже гребенкой. Сущность орнаментальной композиции заключается в однообразном чередовании елочных, сетчатых или ленточных поясов с горизонтальными рядами круглых ямочных вдавлений [46].

Горшкообразная форма, лощение, включение в орнаментальную композицию геометрической зоны (треугольники, ромбы, разнообразнейшие меандровые узоры, свастика и т. д.) придают еловской посуде андроноидную окраску. В то же время наличие заштрихованных лент, заполнение поверхности сосудов горизонтальной елочкой или рядами наклонных насечек, деление орнаментального поля горизонтальными рядами круглых ямок, ямочная орнаментация на дне позволяют сближать еловскую керамику с сузгунской и относить их к иртышскому кругу культур.

В отличие от сузгунской посуды, для которой характерна преимущественно гребенчатая орнаментация, еловские орнаменты обычно выполнялись линейной техникой. Геометрические узоры на еловской керамике богаче и разнообразнее. В целом еловская культура имеет более степной облик, чем сузгунская.

Среднее Обь-Иртышье и в еловское время продолжает оставаться крупным центром бронзолитейного производства. При раскопках Еловского поселения (В. И. Матющенко, 1960—1961 гг.) найдено несколько бронзовых орудий и литейных форм.

Племена еловской культуры вели комплексное хозяйство, в котором значительное место занимали скотоводство и земледелие. На Еловском поселении были найдены литейная форма серпа, фрагменты костяных псалий, кости лошади, овцы и коровы. Продвижение скотоводческо-земледельческого населения еловской культуры вглубь таежного Приобья следует, видимо, связывать с происходившим в это время на территории Западной Сибири ландшафтным сдвигом на север, что подтверждается почвенными, палеоботаническими и другими данными [47]. Еловская культура в Среднем Обь-Иртышье датируется последними веками II тысячелетия до н. э. В переходное время от бронзового века к железному еловское население, жившее в северной части Среднего Обь-Иртышья, подверглось активному воздействию автохтонных лесных племен — потомков древних самусьцев, продолжавших обитать в таежном Нарыме.

Об этом свидетельствует распространение в Среднем Зауралье памятников молчановского и гамаюнско-каменогорского типов, в керамике ко-

---

[46] М. Ф. Косарев. Десятовское поселение. КСИА АН СССР, 97, 1964, рис. 27; его же. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3.

[47] М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3.

торых, наряду с лесными чертами, прослеживается степной компонент [48]. В этих условиях происходит процесс сложения западносибирских культур раннежелезного века и этим следует объяснять своеобразное сочетание в орнаменте усть-полуйской и кулайской культур лесных и степных орнаментальных элементов [49].

О. Н. Бадер, М. Ф. Косарев

* * *

Ранний железный век начался в Восточной Европе с повсеместного широкого производства железа в VIII—VII вв. до н. э. Появление этого нового и совершенного металла привело к техническому перевороту, внедрению в хозяйство и быт человека более эффективных орудий и оружия, широкому распространению плужного земледелия. С началом этого периода связано резкое выделение кочевых племен в степной полосе, усиление торговых, военных и культурных связей между номадами и оседлыми племенами. В результате быстрого роста производительных сил, накопления прибавочного продукта усилилась неравномерность общественного развития, выразившаяся в разной степени разложения первобытнообщинных отношений. Резкое имущественное и социальное неравенство нашло яркое выражение в археологическом материале. Отношения с античными рабовладельческими городами Северного Причерноморья, ранними государствами Закавказья и Средней Азии способствовали преобразованию общественной жизни соседних народов, вступивших в период военной демократии, сложения союзов племен и начала классообразования. Переворот в технике производства, изменения общественного порядка и идеологии, большие передвижения племен на просторах Евразии резко изменили облик археологических культур по сравнению с эпохой бронзы. Выделение новых культур в тесной связи с изучением нового вида источников для этого периода (письменных данных) сделало возможным для советских археологов разработку сложной этнической истории нашей страны раннего железного века. Развитие производства, обмена и общественной жизни, идеологии и искусства, взаимоотношения между отдельными племенами и народами — все эти вопросы всегда были в поле зрения советских археологов, когда они вели раскопки бытовых памятников, святилищ и могильников, изучали археологические коллекции, определяли их хронологию, выделяли отдельные культуры, определяли их происхождение и этапы развития в различных областях нашей обширной республики. Несмотря на большие достижения советской археологии в разработке главных вопросов конкретной истории племен раннего железного века, многое остается дискуссионным и неясным.

Изучение археологических памятников раннего железного века на Северном Кавказе показало, что в основе развития аборигенного населения лежат три большие культуры, возникшие в конце II тысячелетия до н. э.: прикубанская в Краснодарском крае, кобанская в центральных районах Северного Кавказа и каякентско-хорочоевская в Дагестане и Чечне. Первая из них, связанная с меотскими племенами, представлена курганами, многочисленными поселениями и могильниками в бассейне среднего течения Кубани и в Восточном Приазовье [50]. Их исследование

[48] Е. М. Берс. Памятники и керамика гамаюнской культуры. Сб.: «Из истории Урала». Свердловск, 1960; К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья. СА, 1961, 2, стр. 20—22, рис. 5; М. Ф. Косарев. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья. СА, 1964, 3, рис. 3.

[49] М. Ф. Косарев. О некоторых обских орнаментах. КСИА АН СССР, 101, 1964; его же. К вопросу о степном компоненте в культурах железного века лесного Приобья. СА, 1964, 2.

[50] М. В. Покровский, Н. В. Анфимов. Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья. СА. IV, 1937; его же. Меотские поселения Восточного Приазовья. КСИИМК, 34, 1950.

привело к созданию периодизации культуры меотских племен, непрерывно развивающейся с VIII—VII вв. до н. э. по III—IV вв н. э.[51]. Доказано высокое развитие пашенного земледелия и скотоводства и ремесел у меотов, тесные торгово-культурные связи с Боспорским царством. Далеко зашедшее имущественное и социальное расслоение у меотов хорошо выявляется при изучении материалов из могильников рядового населения и курганов, связанных с захоронениями родоплеменной верхушки. Процесс классообразования шел тем более интенсивно, что часть меотских племен была включена в состав Боспорского царства или тесно зависила от него. Указания античных авторов на наличие меотского населения на Меотиде (Азовское море) и сравнение культуры меотов Прикубанья с культурой городищ и могильников дельты Дона привело исследователей к убеждению о тесном родстве меотов обоих районов, особенно в I-III вв. н. э.

Вторая группа аборигенов Северного Кавказа связана с кобанской культурой, развитие которой в этом районе прослежено до первых веков нашей эры[52]. Памятники носителей кобанской культуры, ранее известные только по могильникам, ныне всесторонне изучены[53]. Открыты и поселения, среди которых первое место занимает поселение у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии, целиком исследованное[54]. Археологическая культура Центрального Кавказа разделена на локальные варианты. Выявлены основные ведущие формы хозяйства: яйлажное (кошевое) животноводство с преобладанием овцеводства и пашенное земледелие при безусловной оседлости населения. Центральный Кавказ был центром металлургии меди и железа, откуда изделия распространялись не только по Кавказу, но и в более северные районы Восточной Европы.

Иной облик культуры выявляется на территории Дагестана в результате работ, проведенных за последние 15—18 лет[55]. Памятники этого района еще не подверглись достаточным обобщениям, но и теперь можно сказать об их автохтонном происхождении как реминисценции местной каякентско-хорочоевской культуры, определенного воздействия кобанской культуры и культуры Кавказской Албании, представленной, в частности, в памятниках ялойлу-тапинской культуры рубежа нашей эры. Тесные связи с последней позволили включить Дагестан в состав Кавказской Албании или рассматривать развитие местных племен Дагестана в сфере культурных и политических воздействий древней Албании.

Историческое развитие автохтонных племен Северного Кавказа в раннем железном веке усложнялось притоком пришлых племен — киммерийцев, скифов, сарматов. Перед советскими археологами встала проблема взаимоотношений этих степняков с местными племенами. В степях Предкавказья выявлены изделия, имеющие большое сходство с вещами Северного Причерноморья белозерского этапа поздней бронзы.

---

[51] Н. В. Анфимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, 23, 1951; К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952; Н. В. Анфимов. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Автореф. канд. дис. М., 1954; его же. Протомеотский могильник с. Николаевского. Сборник материалов по археологии Адыгеи, II, Майкоп, 1961.

[52] Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. Уч. зап. ЛГУ, сер. ист. н., 13, Л., 1949.

[53] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

[54] В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 году. КСИА АН СССР, 103, 1965.

[55] Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана (опыт первого исследования Таркинского могильника 1947 г.). МИА, 23, 1951; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. Там же; его же. Грунтовые могильники албано-сарматского времени у сел. Карабудахкент. МАД, II, Махачкала, 1961; В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. МАД, I, 1959; М. И. Пикуль. Хабадинский могильник. Там же Н. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане, Махачкала, 1967.

Их появление здесь связывают с киммерийскими походами и пребыванием группы этих племен в Предкавказье [56].

Яркие элементы скифской культуры, обнаруженные на Северном Кавказе, особенно в Прикубанье, поставили перед исследователями вопрос о роли скифов в этой области. Рассмотрены пути продвижения скифов через Кавказ в Переднюю Азию [57]. На Северном Кавказе выявлены черты погребального обряда неместного степного происхождения [58], много изделий, тождественных вещам из курганов Скифии. Пребывание скифов на Северном Кавказе становится реальностью. Здесь проходили ассимилятивные процессы, приводившие к слиянию ираноязычных пришельцев (скифов и савроматов) с горскими племенами и меотами Прикубанья. Советские археологи обратили внимание на «скифский» характер ряда больших кубанских курганов (Келермес, Ульский, Костромской курганы). Возникло мнение об их скифском происхождении, иные рассматривают их как чисто меотские. Яркие памятники скифской культуры, особенно оружие и предметы скифского звериного стиля на Северном Кавказе, свидетельствуют о глубоких связях Скифии и Кавказа.

С III—II вв. до н. э. как в Прикубанье, так и в центральном Предкавказье прослеживается сарматизация местного населения. Намечены этапы проникновения отдельных сарматских племен: сираков, а затем аланов в Прикубанье, центральные и восточные районы Северного Кавказа, аорсов — в приморскую часть Дагестана [59]. Археологические памятники Прикубанья II в. до н. э.— IV в. н. э. рассматриваются как меото-сарматские. Перед исследователями встал вопрос о характере взаимоотношений сарматов, меотов и горских племен как один из ведущих вопросов древней истории Северного Кавказа.

На обширной территории Евразии от Дона до Алтая исследовались разноэтничные культуры «скифо-сарматского» типа.

В лесостепи Среднего Дона, в основном на его правобережье, хорошо изучена за последнее время группа богатых курганных могильников и связанных с ними поселений, относящихся преимущественно к V—III вв. до н. э. [60]. Здесь выделена особая культура оседлого населения, тесно связанная с культурами лесостепи Северного Причерноморья скифского времени; проявляется также сходство с соседней савроматской культурой и еще больше с ананьинской культурой Прикамья (рис. 8). Ставится вопрос о ее генетической связи с местными культурами эпохи бронзы и делаются первые попытки отнести ее носителей к финно-угорской группе народов [61]. Исследователи связывают среднедонские памятники с будинами Геродота.

С 20-х годов начались систематические исследования многочисленных курганных групп в степях Поволжья и Южного Приуралья — основной области расселения савромато-сарматских племен на ранних этапах их развития. Здесь произошло формирование основных сарматских племен, расселившихся в дальнейшем на Северном Кавказе и Северном Причерноморье. Выделение на этой территории погребений VIII—VII вв. до н. э. позволило поставить вопрос о происхождении ранних племен этой группы — савроматов — из племен степной бронзы в результате сложных взаимоотношений между срубными и андроновскими племенами.

---

[56] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 110, сл.

[57] Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954.

[58] В. И. Марковин. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечено-Ингушетия). СА, 1965, 2.

[59] К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951; Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, 1958, XXVIII; Б. В. Виноградов. Сарматы северовосточного Кавказа. Грозный, 1963.

[60] П. Д. Либеров. Памятники скифско-сарматского времени на среднем Дону. САИ, Д-1-31. М., 1965.

[61] П. Д. Либеров. Исследование лесостепной скифской экспедиции Института археологии АН СССР на Среднем Дону за 11 лет. Сб.: «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965.

Изучение памятников Поволжья и Приуралья выявило два локальных варианта одной культуры кочевников, родственной степной скифской: поволжский вариант, территориально и по времени соответствующий савроматам Геродота, и южноуральский вариант, имеющий большое сходство с сакской культурой Приаралья и Казахстана [62].

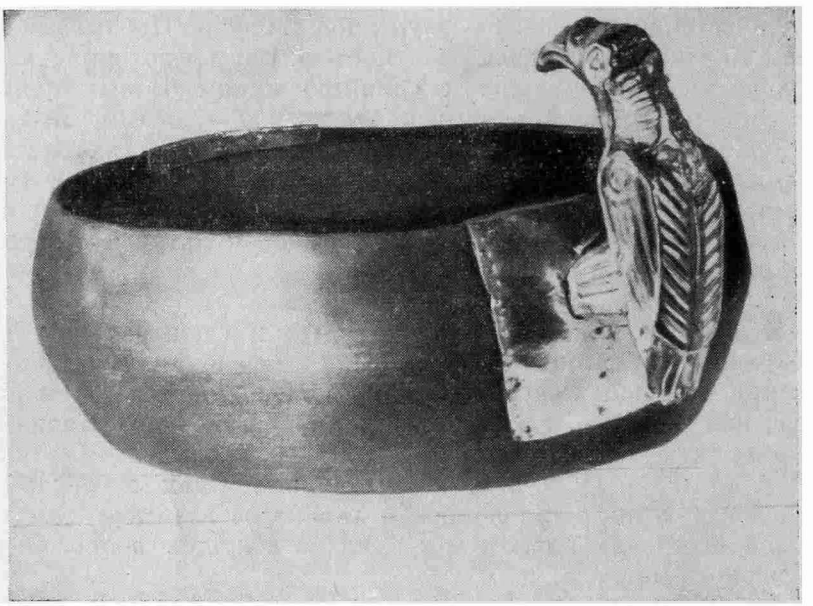


Рис. 8. Чаша с золотой обкладкой из Частых курганов под Воронежем

Сообщения античных авторов об особом положении савроматских женщин,— гинекократии, блестяще подтвердились археологическими данными (погребения вооруженных женщин, богатых жриц, матрилинейный счет родства, выраженный в расположении могил родственников вокруг женского предка и пр.).

Разработана четырехчленная периодизация истории и культуры савромато-сарматских племен от VII в. до н. э. по IV в. н. э. [63] (рис. 9, 10).

Хорошо прослеживается, что культуры сарматов каждого этапа генетически связаны между собой, хотя в сложении прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. [64] значительную роль играли пришлые с востока этнические элементы. Такая же картина наблюдается и на позднесарматском этапе II—IV вв. На втором этапе своего развития (IV—II вв. до н. э.) начинается расселение сарматов к северу по р. Белой, на Северный Кавказ и частичный переход их западнее Дона. Это время сложения крупных союзов племен (аорсы, сираки, роксоланы). Выявление ярких элементов сарматской культуры на поселениях и могильниках дельты Дона, Прикубанья и в центральных районах Северного Кавказа позволило исследователям поставить вопрос о процессе оседания здесь кочевников, в основном сарматов. Их материальная культура, искусство, характер хозяйства, общественный строй и политическая история на территории Восточной

[62] К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964.

[63] Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья. ДСИ МГУ, V, М., 1947; его же. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950.

[64] М. Г. Мошкова. Памятники прохоровской культуры. САИ, Д-1-10, М., 1963.

Европы подробно освещены в советской археологической литературе (рис. 11).

Поиски поселений со следами длительной оседлой жизни в глубине сарматских степей не увенчались успехами. Они были открыты лишь по окраинам их территории, в частности на юге Башкирии (Гафурийский

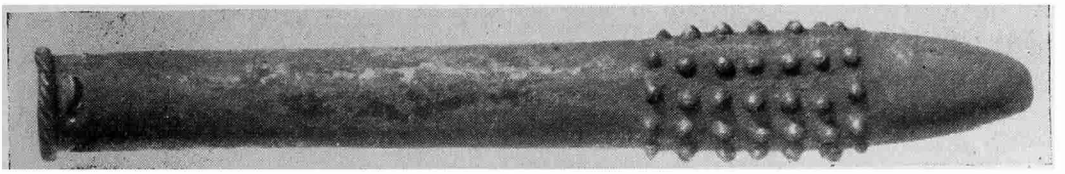


Рис. 9. Бронзовая булава. I Пятимарская группа, кург. № 8, центральная могила (V в. до н. э.)

район), с материалами, характерными для прохоровской культуры Южного Урала [65]. Значительная группа городищ и связанных с ними курганов, давших ряд сарматских аналогий прохоровского времени, изучена в лесостепном Зауралье [66]. Аналогичные курганные погребения, изученные в

Рис. 10. Чашечка финикийского стекла. I Пятимарская группа, кург. № 4, центральное погребение (V в. до н. э.)

Западной Сибири в междуречье Тобола и Иртыша (Сарагатские и пр.), выявили довольно однообразную культуру, близкую, но не тождественному сарматам [67]. Высказывается гипотеза об их угорской принадлежности. Изучение культуры лесостепи Западной Сибири поставило перед исследователями проблему древних угорско-иранских связей в зоне контакта кочевников с оседлым населением этой области.

К. Ф. Смирнов

---

[65] Г. В. Юсупов. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР. Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

[66] К. В. Сальников. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала. Сб.: «Из истории Урала». Свердловск, 1960.

[67] П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы. Тюменский округ Уральской обл. ТСА РАНИОН, IV, М., 1928; В. П. Левашова. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, XX, 1948.

* * *

Исследования в области античной археологии на территории РСФСР, на Таманском полуострове и в дельте Дона всегда были неразрывно связаны с изучением истории античных государств Северного Причерноморья и прежде всего с исследованиями в Крыму.

Основными проблемами в этом направлении являлись: 1) изучение истории античных городов и поселений; 2) взаимодействие античной и варварской культур.

Рис. 11. Серебряное позолоченное блюдо из сарматского кургана под Новочеркасском

Разработка этих проблем базировалась на неуклонно расширявшихся полевых исследованиях. В дооктябрьский период здесь производились, в основном, раскопки курганов. Советские археологи сосредоточили главное внимание на исследования городов и поселей азиатского Боспора в комплексе с массовыми грунтовыми некрополями.

Для 1920-х и начала 30-х годов характерна подготовительная разведывательная работа [68]. В 30-х годах начаты первые систематические раскоп-

[68] А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. СГАИМК, I, 1931, стр. 26—29; СГАИМК, 3—4, 1932, стр. 58—60; 7—8, стр. 67—68; А. С. Башкиров. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г. Труды Этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1927, 3, стр. 26—40; его же. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г. ТСАРАНИОН, III, 1928, стр. 71—86;

ки Фанагории, ведущиеся до сего времени[69], затем Семибратнего городища[70]. После Великой Отечественной войны эти исследования продолжены, как и раскопки Патрея[71]. В 50-е годы к ним прибавляются исследования синдских поселений в юго-западной части Таманского полуострова, раскопки Гермонассы охранные и разведывательные раскопки в Анапе, на Раевском городище[72], у Цукурского лимана, у Тузлы, на Фанталовском полуострове, у Лысой горы и на г. Бориса и Глеба, начаты раскопки Кеп[73]. В 60-е годы возобновляются раскопки Гермонассы, в Горгиппии, Раевского городища, разведки у Новороссийска, ведется исследование Тирамбы, развертываются значительные работы на городищах Фанталовского полуострова[74]. Проводятся подводные исследования в Фанагории и у Таманского городища (В. Д. Блаватский).

Результаты этих исследований нашли отражение в обширной литературе, посвященной истории и культуре античных государств Сев. Причерноморья. Выяснены основные вехи в истории ряда городов и поселений азиатского Боспора, направления их хозяйственной деятельности и торговли. Выяснено, что основой экономики этих городов было сельское хозяйство и ремесленное производство, неуклонно развивавшееся по мере роста городов. В ранний период (VI — первая половина V в. до н. э.) города азиатского Боспора торговали, в основном с малоазийскими и островными средиземноморскими центрами; затем с Аттикой (V — начало III в. до н. э.). С эпохи эллинизма усиливаются торговые связи с южнопричерноморскими и некоторыми островными центрами (Родос, Кос). Упадок боспорской экономики в III—II вв. до н. э. мало отразился в азиатской части Боспора. Однако в I в. до н. э. в результате ряда причин, в том числе военных столкновений города азиатского Боспора терпят серьезный ущерб. В I—II вв. н. э. здесь наблюдается относительное экономическое процветание, расширение городов и поселений, однако сопровождаемые серьезными изменениями в экономической структуре. Усиливаются некоторые отрасли ремесла. В сельском хозяйстве снижается роль зем-

С. Ф. Войцеховский. Опыт восстановления рельефа Таманского полуострова применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Сев.-Кавк. краеведч. общества археологии, истории и этнографии, I, 3, вып. 5—6, Ростов, 1929, стр. 4—9.

[69] В. Д. Блаватский. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг. Тр. ГИМ, XVI, 1941, стр. 5—74; М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, 57, 1956; И. Д. Марченко. Некоторые итоги раскопок на Майской горе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 86—90.

[70] Н. В. Анфимов. Новые данные к истории Азиатского Боспора. СА, VII, 1941, стр. 258—267.

[71] А. С. Башкиров. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г. Уч. зап. МГПИ, XIII, 2, М., 1950, стр. 135—176.

[72] В. Д. Блаватский. Синдская археологическая экспедиция 1951 г. ВАН СССР, 1951, 10, стр. 67—69; его же. Статьи в КСИИМК, 48, 1952, стр. 71—88; КСИИМК, 51, 1953, стр. 149—155; КСИИМК, 58, 1955, стр. 88—85; КСИИМК, 70, 1957, стр. 118—129; КСИИМК, 74, 1959, стр. 41—48; И. Б. Зеест. Раскопки Гермонассы. КСИИМК, 58, стр. 114—121; КСИИМК, 74, 1959, стр. 58—63; ее же. Архаические слои Гермонассы. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 53—58; Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 годах. КСИА АН СССР, 83, 1961, стр. 46—52; В. Д. Блаватский. Разведки в Анапе. КСИИМК, XXXVII, стр. 245—248; его же. Исследование Раевского городища в 1954 г. КСИИМК, 77, 1959, стр. 42—50.

[73] Д. Б. Шелов. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани. КСИИМК, 51, 1953, стр. 162—164; И. Б. Зеест. Земляные склепы некрополя Тузлы. КСИИМК, 51, стр. 156—158; Д. Б. Шелов. Городище около хутора Ильичовка. КСИИМК, 1951, XXXVII; М. М. Кубланов. К истории азиатского Боспора. СА, 1959, XXIX—XXX; Н. И. Сокольский. Раскопки античного поселения около станицы Таманской. КСИИМК, 74, 1959, стр. 49—57; его же. Кепы. Сб.: «Античный город». М., 1963, стр. 97—114; Н. П. Сорокина. Раскопки некрополя в Кепах в 1959—1960 годах. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 98—106.

[74] И. Т. Кругликова и Г. А. Цветаева. Раскопки в Анапе. КСИА АН СССР, 95, 1963, стр. 66—71; Н. А. Онайко. Разведка памятников античного времени в районе Новороссийска. Сб.: «Археологические открытия 1965 года». М., 1966, стр. 106—107; Н. И. Сокольский. Крепость на городище у хутора Батарейка. СА, 1963, 1, стр. 179—191; его же. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху. Труды VI Международной конференции антиковедов социалистических стран. София, 1963.

леделия за счет большого развития скотоводства и виноградарства. Ареал торговых связей сокращается и ограничивается в основном черноморским бассейном. Но по-прежнему таманские города ведут обмен со степным населением (сарматами), отношения с которым нередко прерываются военными столкновениями.

Раскопки в Фанагории, открытие Таманской экспедицией оборонительной системы из крепостей и валов на Фанталовском полуострове, гибель этой системы, позволяет конкретнее представить политические процессы конца I в. до н. э.— II в. н. э. Важные материалы добыты по истории позднего Боспора. Несмотря на общий упадок экономики Боспора в III—IV вв., аграризацию городов и огрубение культуры, исследования показывают, что он был неравномерным и не столь катастрофическим. В Фанагории, например, открыт очень крупный комплекс керамического производства III—IV вв., на Фанталовском полуострове — обширные сельскохозяйственные поселения, в которых имелось керамическое и др. ремесла. Гуннское нашествие нанесло удар по городам и поселениям, еще с достаточно интенсивной жизнью. В ходе исследования освещен ряд частных проблем и вопросов.

Рис. 12. Голова куроса из Кеп

Таманский полуостров был густо заселен еще в киммерийскую эпоху (II тысячелетие до н. э.) и значительная часть его многочисленных курганов принадлежит эпохе бронзы. Некоторые города (Кепы, Патрей) основаны, видимо, на местах аборигенных поселений. С момента основания греческих городов в этом районе в VI в. до н. э. их история неразрывно связана с синдами, меотами Нижнего Прикубанья и племенами Западного Предкавказья. Греческие города налаживают широкую торговлю с племенами, используя морские пути, Кубань и ее притоки. Через торговые связи осуществляется серьезное воздействие на ускорение социально-экономического развития этих племен, что с особенной яркостью проявилось в глубокой и ранней эллинизации синдской культуры. Эти процессы усилились в IV в. до н. э. с момента инкорпорации Синдики и ряда меотских племен в состав Боспорского царства. Одновременно происходил процесс воздействия синдо-меотской культуры на культуру городов азиатского Боспора, что проявляется в памятниках искусства, погребальном ритуале, способах ведения хозяйства. Материалы некрополей показывают, что проникновение синдов и меотов в число жителей городов начинается уже с VI в. до н. э. (Кепы). Позднее они составляют значительную часть населения городов.

Исследование синдских поселений, важные находки памятников синдской скульптуры проливают новый свет на историю синдов, которые в

составе боспорского царства не утратили особенностей своего быта, хозяйства и культуры, даже в первые столетия нашей эры.

По проблеме сарматизации Боспора получены новые данные, указывающие, что проникновение сарматов и сарматской культуры в пределы Боспора началось со стороны Прикубанья еще с эпохи раннего эллинизма. К III—IV вв. города азиатского Боспора по составу населения и характеру культуры стали греко-варварскими.

Одним из важных достижений отечественного антиковедения является изучение района Танаиса, города, занимавшего особое положение по сравнению с другими античными городам Северного Причерноморья. В работе Т. Н. Книпович [75] были обобщены результаты ранних раскопок и случайных находок в дельте Дона. Новый этап исследований, в значительной степени изменивших представления о Танаисе, начался с раскопок городища и некрополя Д. Б. Шеловым в начале 50-х годов и непрерывно продолжающихся до сего времени [76]. Полностью изменено представление о топографии, планировке и системе строительства Танаиса, впервые получены обильные материалы по раннему (III—II вв. до н. э.) периоду жизни города, показавшие смешанный состав населения города, состав и направление торговли, игравшей ведущую роль в экономике города; наличие в нем ремесла, намечены особенности этого города, выявляющиеся в более варваризованном характере его и более тесных связях с соседними племенами, а также в большей самостоятельности по отношению к боспорской центральной власти. Вопросы истории местных племен дельты Дона и их взаимодействия с античными центрами освещаются раскопками ближайших к Танаису городищ (В. П. Шилов, И. С. Каменецкий, С. И. Капошина).

Н. И. Сокольский

* * *

За советский период получен большой материал по истории населения северной половины Восточной Европы в раннем железном веке. Исследования ряда стоянок в Поволжье и в лесостепной полосе позволило уточнить время появления железных орудий в этой зоне. Теперь мы знаем, что железная индустрия распространилась здесь не позднее, чем на юге. Это обстоятельство объясняется отсутствием на севере медных руд и наличием во многих местах болотной руды, что и определило, в частности, непосредственный переход в ряде районов от камня к железу. Местные племена довольно быстро достигли большого успеха в производстве железных орудий, что видно по материалу многих памятников этого времени.

О времени появления первых железных орудий можно судить по материалу Младшего Волосовского могильника, датируемого XI в. до н. э. Интересна в этом отношении Воронежская стоянка, исследованная в 1936 г. Г. В. Подгаецким, где были найдены остатки медно-литейного производства и кричной варки железа. Можно отметить стоянку у оз. Моечного — на р. Усе в Куйбышевской области, где в позднесрубном поселении были найдены железные орудия. В 1946—1948 гг. при исследовании стоянок в Костромской области М. Е. Фосс нашла остатки выплавки железа и древнейшие горны ямного типа. Стоянка датирована IX—VIII вв. до н. э. По-видимому, начальной датой распространения железа можно считать XI в. до н. э., в VIII—VII вв. железные орудия уже господствовали на всей территории Восточной Европы и Западной Сибири. К этому времени железо проникает даже на крайний север. В ряде памятников этого времени нередки крупные железные орудия, свидетельствующие о прочно сложившихся навыках мастерства.

Правда, железные орудия в Приуралье в течение всего I тысячелетия до н. э. существовали наряду с бронзовыми, которые окончательно были

[75] Т. Н. Книпович. Танаис. М., 1949.

[76] Д. Б. Шелов. Некрополь Танаиса. МИА, 98, 1961; сб.: «Древности Нижнего Дона», М., 1966.

вытеснены только ко II в. до н. э. Следуя положениям, разработанным Ф. Энгельсом, советские археологи проследили резкий скачок в развитии производительных сил в это время и вызванные этим изменения в социальных отношениях, культуре и бытовом укладе. Это сказалось не только во внутренней жизни общества, но и во внешней, в межплеменных отношениях, в этнической истории. В это время установились культурные связи и обмен с далекими областями. Получили развитие производства, рассчитанные на обмен. Для народов Севера и лесостепи это была пушная охота, рассчитанная на сбыт в цивилизованных областях юга, где сложились рабовладельческие государства.

Больших успехов добились археологи в изучении раннего железного века у угорских народов: хантов и манси. Большую роль в этом отношении сыграли исследования Усть-Полуйского городища, проведенные в 1935—1936 гг. В. С. Адриановым, где позднее работали В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская [77]. Для эпохи раннего железа в Нижнем Приобье Усть-Полуй является узловым памятником, отвечающим на все основные вопросы этнической и социальной истории края. Коллекция, добытая раскопками В. С. Адрианова, составляет около 12 000 предметов, характеризующих охоту, морской промысел, рыбную ловлю, собаководство, металлургию, домашнее производство, искусство, торговые связи, религиозные представления. Исследования ряда памятников дали возможность проследить сложение усть-полуйской культуры, в которой прослежены элементы арктической культуры, господствовавшей на всем севере, встречены компоненты степных культур, что видно в ряде таких вещей, как например, обломки бронзовых котлов и глиняных сосудов, подражающих скифским котлам. Известное влияние оказало и скифское искусство на звериный стиль Усть-Полуя, где исследователи отмечают появление мотива борьбы зверей (при трактовке самих фигур в условной, стилизованной передаче).

Усть-полуйской культуре предшествуют памятники зеленогорского типа, исследованные В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской [78]. Они достаточно хорошо датированы временем, предшествующим усть-полуйской культуре. Памятники характеризуются многими элементами более ранней эпохи бронзы и имеют черты, сходные с ананьинской культурой. Ныне можно считать установленной преемственность между усть-полуйской культурой и современными народами манси и хантов.

Большую роль в сложении культуры населения Нижнего Приобья сыграли племена, населявшие полосу лесостепи и более южных районов Верхней Оби. Ряд находок позволяет говорить о тесном контакте в ту эпоху с ираноязычными племенами. Следует оговорить точку зрения Л. Р. Кызласова на сложение угорских племен в Хакасско-Минусинской котловине в первые века до нашей эры [79].

Теперь можно считать изученными в основных чертах и последующие стадии развития общества, которые систематизированы В. Н. Чернецовым в его классификации. Выделенные им культуры, которые он осторожно называет этапами (ярсалинский, карымский, орентурский и кинтусовский), дают представление о развитии материальной культуры населения Нижнего Приобья до XIII в. включительно, о его хозяйстве и культуре [80]. Значительно меньше добились археологи в изучении культур Восточного Урала этого времени.

Огромная территория Западного Приуралья, Прикамья и Средней Волги, где сложилась ананьинская культура, изучена достаточно полно. Экспедиции Антропологического института МГУ, ГАИМК, Института архео-

[77] В. И. Мошинская. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя. МИА, 35, 1953, стр. 72.

[78] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953, стр. 68.

[79] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 166—167.

[80] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, 58, 1957, стр. 136 сл.

логии и искусствознания РАНИОН, Института археологии АН СССР, Пермского университета, Казанского филиала АН СССР позволили решить многие вопросы сложения этой культуры, ее хозяйства, быта, культурных связей и идеологии. В настоящее время предшественниками ананьинской культуры считают приказанскую культуру эпохи бронзы на Средней Волге, ерзовскую на Средней Каме и Курман-Тау на р. Белой[81]. В этом процессе, по-видимому, некоторую роль сыграли племена срубной культуры, проникновение которых в область казанского течения Волги достаточно хорошо документировано. Однако идет еще спор о происхождении ананьинской культуры. Одни исследователи, считая ерзовскую культуру основой ананьинской, полагают, что племена ананьинцев расселились со Средней Камы на значительных пространствах Прикамья и Средней Волги. По-видимому, окончательное решение этого вопроса — дело будущего. Одно ясно — ананьинская культура, сложившаяся на пространствах Прикамья и Средней Волги, распадается на ряд вариантов, имеющих своеобразные черты. Это Средняя Кама, Вятка и нижнее течение ее, бассейн р. Белой, Средняя Волга, р. Ветлуга[82]. Значительную роль в ее формировании, кроме местных племен, сыграли и племена Сибири, и абашевские, и (в меньшей мере) срубные. Теперь хорошо исследованные городища и селища дают возможность судить о хозяйстве, о роли скотоводства, охоты и земледелия. Скотоводство, по-видимому, не играло такой роли, как в соседней дьяковской культуре. О некотором превалировании охоты можно говорить на основании анализа всего материала[83]. Ценный материал получен при изучении могильников, из числа которых следует отметить Луговской, раскопанный А. В. Збруевой, Аккозинский и Ахмыловский — А. Х. Халиковым. Особо следует отметить Ново-Мордовский могильник, давший исключительной ценности стелы с изображением оружия[84].

Все эти могильники дали материал, позволяющий судить об общественном строе племен ананьинской культуры и обряде погребения. Особенно ясно выступают перед нами общественные отношения (патриархат), нашедшие отражение в парных захоронениях, сложение племенной аристократии. Хорошо выявлены широкие межплеменные отношения: с рабовладельческими государствами Черноморского побережья и Средней Азии, с населением Скифии, Кавказа, с западом. Особенно близкие связи прослежены с савроматами, причем здесь довольно часто мирные взаимоотношения перемежались с военными столкновениями. Исследования советского времени позволили уточнить границы распространения ананьинской культуры. На востоке она близко подходила к Уралу, здесь ясно прослеживается инфильтрация племен из Западной Сибири. На западе граница намечается по р. Ветлуге, где достаточно ясно прослежена взаимная инфильтрация с племенами дьяковской культуры. Река Утка являлась южной границей. За ней лежала незаселенная полоса, за которой шли кочевья савроматов.

Ананьинская культура представляет собою один из ранних этапов сложения финно-угорских народов: коми, мари, удмуртов. Однако есть все основания полагать некоторую роль ее в формировании финно-угорских народов Поволжья и более западных областей. Наследницей ананьинской культуры является пьяноборская, распадающаяся на ряд локальных вариантов. Последние изучены еще недостаточно. За последние годы проделана большая работа по изучению этнической истории края. Выявлен ряд

---

[81] К. В. Сальников. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. Сб. «Археология и этнография Башкирии» II, Уфа, 1964, стр. 9.

[82] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, 30, 1952.

[83] В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М., 1962, стр. 63.

[84] А. Х. Халиков. Стелы с изображением оружия раннего железного века. СА, 1963, 3, стр. 180.

культур, которые могут быть связаны с отдельными племенными группами. Открытые немногочисленные стоянки эпохи раннего железа характеризуются присутствием значительного количества кремневых орудий и керамики, близкой ананьинской. На Печоре[85] поселения раннего железного века содержали керамику в виде открытых низких чаш с округлым дном. Там нередки сосуды с венчиками в виде воротника, обычные для ананьинской культуры. Тот же ананьинский орнамент в виде ямок, зубчатого штампа и веревочки украшает верхнюю часть сосуда. По сходству с ананьинской посудой Вятки и Камы стоянки Печоры с аналогичной керамикой датируются VIII—III вв. до н. э. На некоторых стоянках найдены бронзовые стрелы, напоминающие гляденовские образцы. Приблизительно со второй половины I тысячелетия до н. э. прослеживается влияние племен Западной Сибири. Так, в Канинской пещере были обнаружены вещи усть-полуйского облика, в том числе орнаментированные изделия из кости, фигуры медведя, наконечники стрел кулайского типа и т. д. Эти материалы свидетельствуют о проникновении угорского элемента в Западное Приуралье[86] в I тысячелетии до нашей эры.

Исследования в бассейне Вычегды открыли памятники, близкие ананьинским. В настоящее время по наиболее характерной стоянке первый этап раннего железного века назван мыелжинским. Найденный керамический материал представлен чашами с веревочным орнаментом, часть которых имеет характерный воротничок. Встречено много кремневых изделий и остатки производства медных вещей. Интересна находка на Синдорском озере кельта ананьинского типа. Второй этап близок памятникам гляденовского типа. К этому времени относится ряд стоянок с кострищами и очагами. На них, кроме керамики, близкой гляденовской, пока ничего не обнаружено. Весь материал раннего железного века весьма близок материалу ананьинской культуры Камско-Вятского бассейна.

Проведенные исследования позволяют утверждать, что на территории Приуралья от Севера до бассейна реки Белой и Уфы были заняты племенами родственными ананьинским. Судя по имеющемуся материалу, северная часть Приуралья несколько отставала в развитии от уровня населения Камы и Средней Волги.

К западу простирались пространства дьяковской и городецкой культур, которые некоторые исследователи склонны считать одной культурой. За последние 50 лет в изучении этих культур произошли значительные изменения. Особенно ясно это сказалось в отношении дьяковской культуры. Наши старые знания этого материала основывались на небольших раскопках нескольких памятников, из которых, пожалуй, наибольшей известностью пользовалось дьяковское городище под Москвой, да несколько городищ на Верхней Волге и на Угре. За советский период неизмеримо выросла источниковедческая база. Число известных в настоящее время городищ превышает 300. Более высокий методический уровень полевых работ дал материал, позволявший решить ряд основных вопросов древней истории населения Волго-Окского междуречья. Наиболее важными памятниками являются Старшее Каширское и Огубское городища, исследованные В. А. Городцовым; Березняки, изученные П. Н. Третьяковым; Троицкое, Щербинка и Кузнечики — А. Ф. Дубыниным. Уточнилась датировка культуры. Раскопки Старшего Каширского городища и городища на Верхней Волге позволили отнести ранние дьяковские городища к середине I тысячелетия до н. э., а наиболее поздние — к половине I тысячелетия н. э.[87]. Правда, старая точка зрения о поздней дате дьяковских городищ

[85] В. П. Канивец и В. Е. Лузгин. Археологическая разведка на Южно-Печорской равнине. Сыктывкар, 1963, стр. 79.

[86] В. И. Канивец. Археологическое изучение Печорского Приуралья. Сб.: «Вопросы археологии Урала», 2, 1961, стр. 97.

[87] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, 85, М.—Л., 1933; В. А. Городцов. Болотное огубское городище. Тр. ГИМ, I, М., 1926, стр. 107; П. Н. Третьяков. Памятники I тысячелетия до н. эры в Верхнем Поволжье.

еще не оставлена, и сторонники А. А. Спицына продолжают отстаивать его позиции [88].

Раскопки последнего времени выявили на поселениях остатки жилых построек в виде землянок и наземных домов, изучен характер оборонительных сооружений. Полученный материал дал неоспоримые данные о превалировании скотоводства, установлено наличие земледелия. Изучено производство металлических вещей, изделий из кости, глины и дерева. Установлены широкие межплеменные связи племен центра лесной полосы со скифо-сарматским миром, западом и Прикамьем. Спорным остается вопрос об этнической принадлежности этой культуры. Как было и в первые годы открытия этой культуры, балты и финно-угры остаются здесь равными претендентами. Следует отметить процесс инфильтрации населения со Средней Волги, из Прикамья и с запада, что несомненно усложнило процесс этнической истории. По-видимому, первые славянские поселенцы начинают проникать на эту территорию в V—VI вв.

Городецкая культура привлекает внимание археологов в связи с проблемой этногенеза мордовского народа. В отношении этой культуры установлена дата, совпадающая в основных чертах с дьяковской. Получен большой материал по хозяйству, этническим и торговым связям. Намечены локальные варианты этой культуры, охватывающей пространство Правобережья Волги [89]. Интересной страницей является скифо-сарматский компонент в этой культуре и тесные взаимоотношения с южными соседями, которых есть все основания считать будинами.

Слабо изученной территорией остается север, где позднее русская летопись и данные топонимики помещают весь. Отдельные открытые стоянки дают материал, близкий дьяковской культуре. Здесь, по-видимому, с эпохи бронзы была известна сетчатая керамика, получившая позднее широкое распространение в междуречье Оки и Волги и по правобережью последней реки.

Мало изученной страницей остается и территория древней Карелии. Только небольшое число стоянок, как, например, на р. Кинеме около оз. Лача. датируемые началом I тысячелетия до н. э., характеризуют культуру населения этого времени.

А. П. Смирнов

* * *

Изучение железного века Северной Азии раньше всего началось и успешнее продолжалось в Минусинской котловине. Здесь в 1920 г. С. А. Теплоухов приступил к раскопкам курганов, завершившихся созданием хронологии культур этого важного в историческом отношении района [90]. Эта хронология до сих пор имеет большое значение для периодизации культур Сибири. В 20-е годы в изучение древней истории Минусинской котловины включилась большая группа археологов (М. П. Грязнов, Г. П. Сосновский, С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева и другие). Они разрабатывали общие и частные проблемы древней истории Минусинской котловины и смежных районов с марксистских позиций. Уточнялась периодизация культур и их внутренняя хронология [91]. С. В. Киселев на археологическом материале попытался дать характеристику тагарского общества [92].

КСИИМК, II, 1939, стр. 24; О. Н. Бадер. Древние городища на Верхней Волге. МИА, 13, 1950, стр. 148.

[88] Е. И. Горюнова. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА, 94. 1964.

[89] А. П. Смирнов, Н. В. Трубникова. Городецкая культура. САИ, 1—14, М., 1965.

[90] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, 2, 1929.

[91] С. В. Киселев. Тагарская культура. ТСАРАНИОН, IV, М., 1929.

[92] С. В. Киселев. Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, 65, Л., 1933.

В 1949 г. С. В. Киселев подвел итог изучению истории Южной Сибири и смежных областей от неолита до XIII в.[93] и значительно продвинул разрешение вопроса о происхождении древних обитателей этого района. В 1954—1956 гг. он раскопал грандиозный курган Салбык. Продолжалась разработка отдельных разделов и проблем древней истории Южной Сибири в эпоху железа (М. П. Грязнов, А. Н. Липский, Л. Р. Кызласов [94], Ю. С. Гришин, Н. Л. Членова [95], М. А. Дэвлет).

Горный и степной Алтай явился вторым районом, привлекшим внимание советских археологов. Здесь открытия сразу принесли мировую славу нашей науке: в 1927 г. М. П. Грязнов раскопал замечательный курган в Шибе, в 1929 г.— знаменитый первый Пазырыкский курган с вечной мерзлотой [96]. Этот курган и другие в той же группе, раскопанные С. И. Руденко позднее, сохранили нам великолепные художественные сокровища. Массовые раскопки курганов позволили М. П. Грязнову создать периодизацию культур Алтая [97]. С. И. Руденко раскопал Башадарские и Туяхтинские курганы. Он же написал исследования по истории Алтая в скифское время [98].

Большинство современных тюркоязычных народов живет в Советском Союзе. Работы археологов позволили установить, что колыбель тюркских племен находилась на Саяно-Алтайском нагорье. Здесь открыты древнетюркские могилы и многие памятники письменности. Происхождению и ранней истории древних тюрок посвятил книгу А. Н. Бернштам. Позже А. А. Гаврилова подытожила результаты изучения древнетюркской культуры [99]. Установлены факты, на основании которых можно говорить о происхождении и истории современных алтайцев и хакасов. Поиски новых материалов не прекращаются на Алтае и сейчас (С. С. Сорокин).

Археологические работы в Туве начал еще в 20-х годах С. А. Теплоухов, но широкие и целенаправленные исследования стали возможны лишь после вхождения Тувы в семью братских народов Советксого Союза. В 1947 г. С. В. Киселев совершил первую экспедицию в Туву. За последние пятнадцать лет ее древняя история значительно прояснилась. В работу включились центральные учреждения и местный Институт истории. Экспедиции под руководством С. И. Вайнштейна (1951—1958 гг), Л. Р. Кызласова (1955—1961 гг.), Л. П. Потапова (1957—1965 гг.), М. Х. Маннай-оола (1960—1963 гг.) добыли огромный материал. В зоне строительства Саяно-Шушенской ГЭС начала работать экспедиция, возглавляемая А. Д. Грачом. Создана хронология древней истории Тувы (С. И. Вайнштейн, Л. Р. Кызласов) [100]. Коллективом авторов написана «История Тувы».

В Восточной Сибири наибольшее внимание археологов привлекало Прибайкалье. Г. П. Сосновский в 1928 г. успешно исследовал плиточные моги-

---

[93] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1949.

[94] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960; его же. Сырский чаа-тас. СА, XXIV 1955.

[95] Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры, М., 1967.

[96] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

[97] М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930.

[98] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время М.—Л., 1953; его же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.

[99] А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.—Л., 1946, А. А. Гаврилова. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965.

[100] С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. Уч. Зап. ТувНИИЯЛИ, IV, Кызыл. 1958; Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). ВМГУ, 4, 1958; его же. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). ВМГУ, I, 1960; его же. Этапы средневековой истории Тувы. ВМГУ, 4, 1964.

лы Забайкалья и гуннские могильники. А. В. Давыдова изучает гуннскую эпоху по материалам Иволгинского городища и могильника.

А. П. Окладников во время Великой Отечественной войны первым из археологов обследовал бассейн Лены до Ледовитого океана и написал «Историю Якутии».

Археологическое изучение железного века Западной Сибири несколько отставало. В дореволюционное время и в 20—30-е годы там были открыты и частично изучены только отдельные памятники. После Великой Отечественной войны археологическое изучение Западной Сибири получило значительный размах. Были организованы специальные экспедиции, а поиски и раскопки стали целенаправленными (1945 г. Северобарабинская, 1946 г. Мангазейская, 1948—1960 гг. Западносибирская — руководитель В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, 1951—54 гг. Новосибирская, руководитель М. П. Грязнов). По новым материалам разработана периодизация археологических памятников Верхнего и Нижнего Приобья и намечена картина исторического развития древних народов живших по Оби, в степях и тайге [101]. Несколько прояснилось происхождение ряда современных народов Западной Сибири. В последние годы написаны диссертации и статьи по вопросам археологии железного века Западной Сибири (В. А. Могильников). Успешно работает А. И. Мартынов в Кемеровской области.

Выяснилось, что Западная Сибирь является сложным узлом, в котором от неолита до средневековья переплетались культурные элементы из Восточной Европы и Южной Сибири, степей Казахстана и северной тайги. Однако археологам предстоит еще большая работа для того, чтобы дать всестороннее освещение сложной истории этой огромной области.

Археологические исследования на Дальнем Востоке до революции почти не проводились. В 1935 г. А. П. Окладников вел разведки по р. Амур. В последние годы в исследования Дальнего Востока включились Г. И. Андреев, Ж. В. Андреева, Э. В. Шавкунов, В. Е. Ларичев и др.

Обширные районы нашего Севера все еще плохо изучены. Наиболее обследованным является Нижнее Приобье (Северо-Ямальская экспедиция 1929—1930 гг., В. Н. Чернецов; Ямальская экспедиция 1935—1936 гг., В. С. Адрианов). Полученные нами материалы систематизированы и увязаны с этнографическими данными, что позволило сделать некоторые выводы о происхождении и ранней истории народов этого района. Изучение других северных районов только началось.

Археологические исследования в Северной Азии достигли особого размаха в послевоенный период, чему способствовало развитие производительных сил нашей страны. В зонах строительства в Сибири были организованы археологические экспедиции, каждая из которых значительно увеличила количество археологических фактов. Старые схемы древней истории одних районов существенно уточнились, для других — сделаны заново.

Археологи уже написали первые книги по истории и происхождению хакасов, якутов, тувинцев, бурят, хантов и манси. Установлены связи в культуре некоторых современных народов с древними. Археологам предстоит сделать еще многое. Карта Северной Азии пока не сплошь покрыта значками открытых и изученных памятников, на нее еще невозможно нанести все ареалы культур и их варианты, не каждому народу мы можем рассказать его древнее прошлое. Эта работа — впереди, она стоит неотложной задачей на предстоящие десятилетия.

Л. П. Зяблин

* * *

В области славяно-русской археологии на территории РСФСР также были достигнуты большие успехи. Одними из ранних славянских поселений на территории РСФСР были поселения роменско-боршевской культу-

[101] В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 35, 1953; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, 48, 1956.

ры. В 1927 г. было целиком исследовано само Боршевское городище на Дону и рядом расположенный курганный могильник [102]. Позже были исследованы Михайловское городище, городище Титчиха [103]. На поселениях было обнаружено несколько сот землянок с глинобитными печами и печами-каменками. Была изучена своеобразная лепная керамика с этих поселений, орудия труда, ювелирные изделия. Слои роменской культуры были открыты на многих деснинских, верхнеокских и сейминских городищах [104]. На верхней Оке раскопано несколько курганных могильников, основания насыпей которых были окружены частоколами, а прах умерших помещен в сосуды, поставленные в домовинах. Эти курганы сходны с раскопанными у Боршевского городища. Памятники этой культуры датируются началом IX—X вв. При исследованиях выяснилось, что поселения этой культуры в Подонье не имеют связи с культурами предшествующего времени на этой территории и оставлены здесь пришлым населением.

Основные раскопочные работы по исследованию славянских памятников на территории РСФСР были нацелены в этот период в основном на изучение древнерусских городов домонгольского времени, многие из которых были крупными административными, политическими, ремесленными и культурными центрами Древней Руси. Культурные слои этих городов обычно датируются временем не ранее чем X в. К несколько более раннему времени относились лишь ранние горизонты Старой Ладоги.

Проведенные в Старой Ладоге В. И. Равдоникасом раскопки открыли остатки десятков разновременных деревянных домов и сооружений, дали сотни находок, среди которых особенно интересны изделия из дерева хорошей сохранности. При раскопках было прослежено, что для ранних горизонтов культурного слоя более характерны крупные дома, было расчищено несколько ярусов мощеных улиц [105].

Среди древнерусских городов, исследованных на территории РСФСР, наиболее интересные результаты были получены в Новгороде, где под руководством А. В. Арциховского была раскрыта большая площадь с очень мощным культурным слоем. Основные работы в Новгороде были сосредоточены на Софийской стороне. Здесь был раскопан участок города, на котором в древности был перекресток Великой и Холопьей улиц. В культурном слое оказались остатки 28 строительных ярусов, каждому из которых соответствовал настил улиц и комплекс жилых построек и хозяйственных сооружений. В результате раскопок удалось хорошо изучить планировку новгородской городской усадьбы. Б. А. Колчиным была разработана дендрохронологическая шкала Новгорода, которая позволила с предельной точностью датировать настилы улиц и различные сооружения, а по нахождению в них — десятки тысяч находок, собранных в культурном слое, что существенным образом помогло датировать серии древнерусских вещей, происходящих из других областей Киевской Руси. Была изучена дренажная система в Новгороде. Великолепная сохранность органических остатков в культурном слое Новгорода дала возможность познакомиться с сотнями категорий древнерусских вещей, которые ранее при раскопках не встречались, определить назначение многих предметов [106].

Было установлено, что Новгород в домонгольское время был не только крупным торговым центром, но прежде всего городом ремесленников. В Новгороде было найдено более 500 грамот на бересте в слоях XI—XIV вв., что существенным образом меняет наше представление о грамотности широких кругов древнерусского городского населения в домонгольское вре-

---

[102] П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948.

[103] А. Н. Москаленко. Городище Титчиха. Воронеж, 1965.

[104] Т. Н. Никольская. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. МИА, 72, 1959.

[105] В. И. Равдоникас. Старая Ладога, СА, XI, 1949; СА, XII, 1950.

[106] Труды Новгородской экспедиции, I—II, МИА, 55, 1956; МИА, 65, 1959.

мя. Грамоты эти являются важнейшим историческим источником не только для изучения города, но и всей Новгородской земли [107]. Огромную научную ценность представляют различные бытовые и художественные предметы, найденные в городе, покрытые резьбой, гравировкой, росписью (рис. 13). В культурном слое найдены тысячи привозных вещей, говорящих о далеких и устойчивых экономических связях города в домонгольское время.

Большие раскопки были проведены на Старорязанском городище. Здесь раскрыты остатки десятков наземных бревенчатых жилищ с большими подпольными ямами, исследованы остатки ремесленных мастерских — кузницы, мастерские литейщиков, костерезов, мастеров по обработке янтаря. Были изучены остатки трех каменных соборов домонгольского времени, исследована планировка поселения. Изучена и система укреплений этого крупнейшего древнерусского города [108]. При раскопках на городище были найдены два клада русских ювелирных изделий, датируемые временем гибели поселения в 1237 г. Начаты работы по изучению дворца Рязанских князей. Одновременно были проведены археологические исследования и городов Рязанской земли — Ижеславля, Пронска, Переяславля Рязанского и других. Была изучена оборонительная система южных границ Рязанского княжества [109].

Рис. 13. Костяная прорезная пластинка с изображением человека из раскопок в Новгороде

Результативные раскопки были проведены в Смоленске. Здесь был исследован значительный участок культурного слоя города, выявлены остатки жилищ горожан, изучена их планировка. Кроме сотен вещей, в культурном слое найдены три грамоты, написанные на бересте. Успешно изучены остатки четырех памятников Смоленской монументальной архитектуры домонгольского времени [110]. В окрестностях Смоленска были продолжены раскопки Гнездовского курганного могильника — крупнейшего в Восточной Европе. Здесь было раскопано несколько десятков курганов X—XI вв. [111]. В результате раскопок было установлено, что могильник этот — кладбище жителей Смоленска. Варяжские погребения в этом могильнике есть, но их совсем немного. Интересна находка в могильнике амфоры с надписью ГОРУШТА. Это одна из древнейших славянских надписей [112].

[107] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1967 гг.). М., 1963; А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958. А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1951 гг.). М., 1963.

[108] А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, 48, 1955.

[109] А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961.

[110] Н. Н. Воронин. Памятник смоленского искусства XII в. КСИА АН СССР, 104, 1965.

[111] Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, 44, 1952.

[112] М. Н. Тихомиров, Д. А. Авдусин. Древнейшая русская надпись. ВАН СССР, 4, 1950.

Этого же времени и той же культуры были раскопаны два курганных могильника в Ярославской области — Михайловский и Тимиревский [113]. Широко исследовались и кривичские курганные могильники Смоленщины, Калининской области, давшие интересный материал для характеристики деревенского населения в домонгольское время. Методически интересными были специально поставленные исследования сельских поселений Смоленщины, предпринятые В. В. Седовым, которые продемонстрировали возможность и правомерность изучения памятников этого рода, показали результативность этих работ [114].

Рис. 14. Роговая булава с княжеским знаком из Саркела

Значительные исследования, связанные преимущественно с раскрытием памятников русской домонгольской архитектуры были проведены во Владимире. Здесь велись и работы по изучению древних оборонительных сооружений. В Боголюбово исследованы остатки замка и церкви, сооруженных Андреем Боголюбским, выявлен первоначальный вид собора Покрова на Нерли. В Суздале работы были сосредоточены на территории кремля. Здесь раскрыто несколько землянок и обнаружены остатки собора времени Мономаха [115]. Несколько лет проводились исследования Белоозера. В результате обследованы жилые кварталы этого города с десятками бревенчатых изб, мостовые, собраны тысячи находок. Раскопки этого своеобразного города дали возможность судить о вкладе местных финноязычных племен в сложение культуры русского народа в домонгольское время. Среди северных русских городов значительные работы были проведены в Вологде, где раскрыты напластования домонгольского времени. Велись работы в Старой Руссе, Пскове. Раскопки в Пскове — младшем брате Великого Новгорода привели к исследованию разновременных городских укреплений и выявлению остатков нескольких монументальных построек, десятков рядовых жилищ псковичей. При раскопках была получена первоклассная коллекция древнерусских печатей, богатые коллекции предметов материальной культуры, которая здесь оказалась своеобразной. В Приладожье В. И. Равдоникасом и А. Н. Линевским изучались курганы. Большие усилия были приложены к изучению памятников сельского восточнославянского населения домонгольского времени, выразившиеся главным образом в исследовании курганных могильников. В земле Вятичей большие раскопки были проведены А. В. Арциховским, который исследовал более десятка курганных групп в долине р. Москвы [116]. Значительные работы были проведены по изучению и кривичских курганов, курганных могильников радимичей в Подесенье и Посожье, где в общей сложности было раскопано несколько сот насыпей. Все эти работы позволили уточнить границы областей расселения отдельных восточно-

---

[113] Сб.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.

[114] В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. МИА, 92, 1960.

[115] Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси. I, М., 1961; II, М., 1962.

[116] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

славянских племен, проследить пути славянской колонизации, участие балто- и финноязычного населения в этногенезе Восточных славян.

Значительное внимание было уделено и изучению древнерусских удельных городов домонгольского времени. В этом отношении результативными оказались исследования Б. А. Рыбаковым древнерусского города Вщижа, где были раскрыты остатки храма, дома, изучена система укреплений, раскопан горн, мельничное сооружение (рис. 15). Успешными оказались и раскопки городища Серенск на р. Оке, на котором исследованы постройки, система укреплений, собран огромный вещевой материал.

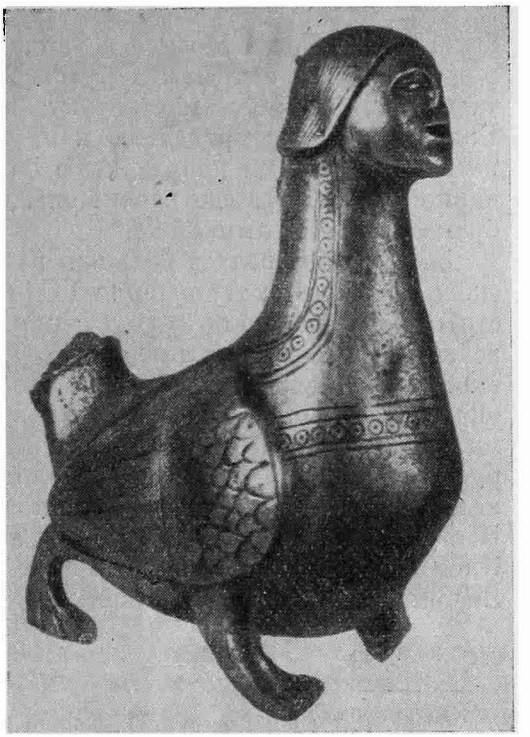


Рис. 15. Бронзовый водолей из Вщижа

В связи с гидротехническими работами на р. Волге были проведены большие раскопки на Болгарском городище — столице Болгарского царства [117]. Здесь за несколько лет работы исследованы жилые и ремесленные кварталы города. Открыты железоплавильные горны и горны керамистов, исследована система укреплений города и берега реки, собраны интереснейшие материалы по культуре обитателей этого города. Интересными оказались работы по выявлению на территории городища русской и армянской торговых колоний. Одновременно проводились работы и по изучению отдельных замков, укреплений и святилищ на этой территории. В Прикамье успешно изучались поселения и могильники Родановской культуры. В Нижнем Подонье изучались памятники Хазарского государства (рис. 14). Наиболее крупные исследования были проведены по изучению наиболее западного форпоста этого государства — крепости Саркел [118]. Здесь были изучены укрепление и многочисленные остатки жилищ как хазарских, так и славянских. Рядом с крепостью раскопаны большие курганный и бескурганный могильники, давшие представление о разноэтничном населении этой крепости. В низовьях Волги Г. А. Федоровым-Давыдовым исследовались поселения Золотой Орды и кочевников Восточной Европы в золотоордынское время [119].

Рис. 16. Красный изразец начала XVII в. из Москвы

Особый интерес представили работы, связанные с изучением относительно позднего культурного слоя Москвы. Первые большие раскопки

[117] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951.
[118] М. И. Артамонов, История хазар. Л., 1962.
[119] Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

были проведены в Москве в Зарядье — одном из древнейших районов города, где были открыты напластования XII—XVII вв. Были изучены остатки ремесленных мастерских, десятки жилищ москвичей (рис. 16). Большие работы проведены и на территории Московского кремля. Интереснейшие работы проделаны в Заяузье (на территории Московской гончарной слободы), где расчищены остатки керамических горнов и ямы с бракованной керамикой [120].

За эти годы велась большая работа по выявлению памятников славянского времени на территории РСФСР, и теперь мы знаем тысячи не известных ранее городищ, селищ и курганных могильников. В результате проведенных работ представление о культуре русского народа в домонгольское время существенным образом изменилось, стало несомненным, что она была высокой, торговые связи Древней Руси были более устойчивыми, чем предполагалось ранее, получены интереснейшие данные о древнерусском ремесле [121]. Во всей полноте выявлены трагические последствия нашествия татар, надолго затормозившего развитие народов, населявших Восточную Европу. Еще более ясной стала та роль, которую сыграло Киевское государство как барьер, сохранивший цивилизацию Западной Европы от нашествия кочевников.

Р. Л. Розенфельдт

---

[120] М. Г. Рабинович. О древней Москве. М., 1964.
[121] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси М., 1948.

С. Н. БИБИКОВ

К 50-летию АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ НА УКРАИНЕ

50 лет советской археологии на Украине составляют только одну треть времени с тех пор, как начались первые археологические исследования на территории УССР. За сто лет дореволюционной археологии шло накопление археологического материала, производились раскопки курганов, главным образом для добычи ценных вещей. Вместе с тем началось осмысление археологических данных, строились первые исторические гипотезы, рождались этногенетические теории, исследовались пути расселения и взаимодействия человеческих сообществ. Но прогрессивные направления в дореволюционной археологии часто глушились распространенным тогда вещеведческим методом исследования при почти полном отсутствии материалистических методологических основ. Над изучением археологических памятников трудились не только отдельные ученые, но были и специальные организации и учреждения (Киевский исторический музей, Одесское общество истории и древностей, Одесский музей древностей, научное общество им. Т. Г. Шевченко во Львове, историко-философское товарищество в Харькове, Таврическая ученая архивная комиссия). Серьезную помощь археологам на Украине оказывали Российское и Московское археологические общества.

Но несмотря на некоторые достижения дореволюционной археологической науки на Украине, здесь все же не сложился национальный археологический центр и не было национальных археологических изданий.

В 1919 г. было основано первое центральное украинское археологическое учреждение при Академии наук УССР — Комиссия по составлению археологической карты. Но уже в 1924 г. в связи с ростом работ и постановкой новых задач был создан Всеукраинский археологический Комитет (ВУАК). Комитет издал два выпуска Отчетов о полевых исследованиях. В 1931 г. был опубликован I том «Наукових записок ВУАК». Эти «Записки» вместе со сборниками «Антропологія», были первыми периодическими национальными археологическими изданиями. Деятельность Комитета была очень разносторонней и целенаправленной, но слишком слабое внимание уделялось разработке теоретических проблем.

Пробуждению интереса к археологическим проблемам способствовали и другие учреждения республики: Комиссия по изучению четвертичного периода, Одесская комиссия краеведения, кабинет первобытной культуры при кафедре истории Украины в Харьковском институте украинской культуры, Таврическое общество истории, археологии и этнографии и другие. Отдавая должное изучению антропологии и археологии, Кабинет антропологии им. Ф. Вовка АН УССР широко публиковал археологические статьи в ежегодниках «Антропологія». По инициативе Таврического общества были созваны Всесоюзная археологическая конференция в Керчи (1926 г.) и в Херсонесе (1927 г.), собравшие самых видных представителей науки.

В 30-е годы усиливается распространение марксистско-ленинского метода в общественных науках. Материалистические идеи начинают прочно завоевывать свое положение и в археологии. В этот период происходит увлечение социологическими идеями, ведется поиск новых путей для построения периодизации истории древнего общества, делаются попытки конструирования основ единой социологической науки. В то же время проповедовалось нигилистическое отношение к историческим фактам, распространялись начетничество, отвергалось научно-вспомогательное значение типологического метода исследования и т. п. И все же, несмотря на эти серьезные недостатки, археологическая наука шла по пути освоения марксистско-ленинского метода исследования, установления закономерностей исторических процессов и причинности явлений.

В системе АН УССР на базе ВУАК был организован Институт истории материальной культуры, который сначала возглавил крупный ученый Ф. А. Козубовский, а затем Н. И. Ячменев. В деятельности института были допущены ошибки, связанные с вульгарной социологизацией и беспочвенным теоретизированием. Тем не менее развивались и здоровые тенденции, проявившиеся в полевой деятельности и конкретных исследованиях. Тогда же началась долгая и упорная борьба с буржуазной идеологией в археологии, с идеалистическими «теориями», построенными подчас на клерикальной основе. Большую роль в укреплении основ советской археологии на Украине сыграли видные деятели науки и культуры: Ф. А. Козубовский, Н. Е. Макаренко, Ф. Н. Молчановский, С. С. Магура, К. Ю. Коршак.

Очень серьезное значение для археологии имело постановление Центрального Комитета ВКП(б) и Совнаркома по поводу конспекта по истории СССР (1934 г.). Оно было направлено против ошибочных положений в науке, критиковало беспочвенное теоретизирование, игнорирование фактов в процессе исследований и т. д. Это постановление еще теснее сблизило в осуществлении общих задач украинских археологов с археологами других республик, и в первую очередь Российской Федерации.

Новые задачи, вставшие перед археологией на Украине, требовали нового направления в научной деятельности, новых научно-организационных форм работы. На базе Института истории материальной культуры АН УССР в 1938 г. был создан Институт археологии АН УССР. Во главе института стал член-корреспондент АН УССР Л. М. Славин. Статут этого института в основных чертах остался и поныне.

Организация Института археологии АН УССР, учреждения с ясно поставленными задачами, благотворно отразилась на развитии археологии в УССР и создала прочную основу для кооперации исследований с центральными учреждениями СССР. Начали развертываться исследования почти во всех разделах науки.

В 1939 г. с семьей украинских археологов воссоединились археологи западных украинских земель, имевшие центр во Львове. Это было сильное пополнение, особенно в разделах, связанных со славянской археологией.

Немецко-фашистское нападение в 1941 г. приостановило развитие археологии на Украине. Временная оккупация нанесла тяжелый урон археологическим учреждениям и научным кадрам: были разрушены музеи, погибли на фронтах археологи Василий Лисин, Николай Кузнецов, Александр Стронгин, Израиль Гильдварг, Павел Жадан.

Много труда было вложено после войны для восстановления археологической науки на Украине. Наладилась научная жизнь института, кафедр и музеев. Масштабы научной деятельности археологических учреждений неизмеримо расширились, выросли и умножились кадры археологов. Самый беглый очерк состояния археологии в послевоенный период может дать только общее представление о тех главных направлениях, которые развивались в украинской археологии. Институт археологии АН УССР, много лет возглавлявшийся академиком АН УССР П. П. Ефименко, имел

четыре издания — «Археологія», «Археологічні пам'ятки УРСР», «Краткие сообщения Института археологии АН УССР» и монографии. С 1963 г. регулярно выходит только «Археологія», но зато возросла публикация монографий. Помимо изданий Института археологии АН УССР материалы по археологии печатали Одесский археологический музей, Одесское археологическое общество, Херсонесский и Керченский музеи, Киевский, Харьковский и Одесский университеты в своих изданиях. Институт археологии широко практиковал совместные издания с Институтом археологии Академии наук СССР и Академией наук Молдавии.

Археологические исследования, опубликованные в республике и за ее пределами, в том числе и за рубежом, содержат ценнейшие материалы по древней истории юга СССР, имеющие первостепенное значение также для истории Восточной Европы и сопредельных территорий. Особо следует отметить полевые археологические исследования, проводившиеся в УССР за прошедшее 50-летие. Из года в год во все увеличивающихся размерах ведутся археологические раскопки. Иные из них давно уже отпраздновали свои вековые юбилеи, другие только начаты и перелистывают первые страницы своей истории. Добытые материалы широко публикуются в республиканских и союзных изданиях, ими пополняются музеи. Важное значение имеют работы археологов на новостройках, которые стали систематическими и приняли государственный размах (в зонах строительств Днепровского каскада электростанций, на Северо-Крымском, Донбасском, Криворожском каналах, Дунайской оросительной системы, в районе гидротехнических сооружений на Днестре, Южном Буге и во многих других местах). Археологические исследования на новостройках осуществляются совместно с Институтом общественных наук АН УССР (Львов), вузами республики, музеями УССР, Институтом археологии АН СССР, Государственным Эрмитажем, Московским Историческим музеем, Московским и Ленинградским университетами и со многими другими учреждениями. Работы на новостройках способствовали не только накоплению массового археологического материала по всем разделам науки, но и значительно расширили сами исследовательские горизонты. Раскопки на больших площадях позволили по-новому осветить вопросы планировки древних поселений, социальную топографию их, устройство некрополей, поставить вопросы древней демографии и палеоэкономики, конкретно рассматривать причины сегментации древних обществ, миграций и т. п. Много принципиально нового было внесено в историю каменного века, энеолита и бронзового века, в историю Скифии и античных государств Северного Причерноморья, раннего славянства и Киевской Руси.

Давнее содружество археологов с представителями естественных наук продолжает расширяться. Много интересных выводов, характеризующих физический тип людей, населявших территорию Украины, дали антропологи. Палеозоологи, геологи, почвоведы, химики, геофизики и физики раскрывают историю природной среды, в которой обитал человек на разных этапах своей истории, что способствует уяснению влияний природной среды на экономику, бытовой уклад и идеологию древнего населения Украины. В развитии археологической науки наблюдаются важнейшие сдвиги, определяющие качественные изменения в методах исследования. Они отражают техническую революцию нашего времени (внедрения в археологическую науку новых методов исследований таких, как радиоактивный, кибернетика, математизация археологических фактов и многих других). Новые методы обогатили археологию в очень существенных разделах — в установлении абсолютной и относительной хронологии, помогли открыть новые исторические факты, ставшие доступными благодаря совершенствованию и применению доселе не известных приемов лабораторных и полевых исследований и т. д.

Благотворное влияние на состояние археологической науки оказали постоянно крепнущие связи украинских археологов с зарубежными архео-

логическими учреждениями и учеными. Представители украинской археологии участвуют и в международных конгрессах, симпозиумах и семинарах.

Сказанное, однако, не следует понимать так, что советская украинская археология имела только успехи и не испытала тягот, связанных с военными годами, или ее обошли те ошибки, которые имели место в других исторических науках (увлечение теориями Н. Я. Марра, некритиче-

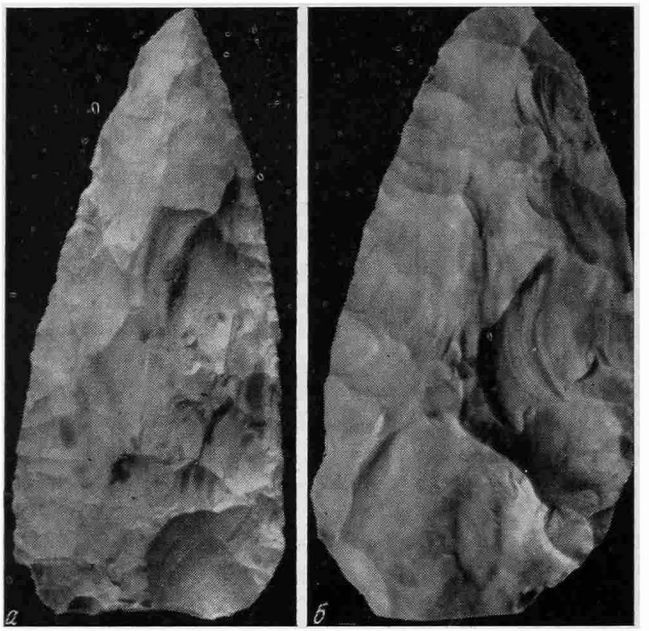


Рис. 1. Чокурчинский грот (Крым). Кремневые остроконечники

ское отношение к вульгарно-социологическим схемам, догматизм, начетничество и др.) Однако эти недостатки сопутствовали росту археологии. Никто не может отрицать, что за время существования Советской власти археология стала полноправной и полнокровной исторической наукой, исследующей на основе материалистического метода закономерности развития человеческого общества в дописьменный и раннеписьменный периоды.

* * *

В 1924 г. были открыты в Крыму в гроте Киик-Коба древнейшие в СССР поселение и погребения неандертальского человека. С этого времени и начинается летопись исследований древнего палеолита — эпохи, раньше почти неизвестной на Украине. Это открытие внесло много нового в понимание древнейшего исторического процесса и сложения физического типа человека; возникновение анимизма, отвлеченных форм религиозного мышления, обрядности и других надстроечных явлений; оказалось возможным реконструировать кисть неандертальца — главный орган трудовой деятельности человека; прояснилась эволюция хозяйственных форм и кремневого инвентаря в раннем палеолите; получен материал для характеристики физико-географической обстановки времени, предшествующего великому оледенению и др.

За Киик-Кобой последовала серия открытий палеолитических поселений, погребений и местонахождений на Житомирщине и у Каменец-Подольска, во многих пунктах Крыма (Чокурча и Волчий грот, Шайтан-Ко-

ба и Староселье, Кобази и др.), в Поднепровье (Кодак, Орел, Васильевка и др.), в восточной Украине (Антоновка, Деркул др.), в Поднестровье (Молодово V и др.) и в Закарпатье. Широкое изучение памятников древнего и среднего палеолита позволило обрисовать жизнь и быт древнейшего населения Украины. Была обоснована рядом фактов гипотеза о первичном заселении Восточной Европы в эпоху, соответствующую ашелю-мустье, вызванном относительным перенаселением древнейших центров обитания человека и резким изменением климата (рис. 1).

Внедрение нового метода изучения техники изготовления кремневых орудий и типологии их, разработанного Ф. Бордом, позволило проследить черты различий, казалось бы, в одновременных комплексах. Сейчас мустьерские памятники в Восточной Европе уже не выглядят как единообразные комплексы кремневого инвентаря. Они различаются по ареалам, на основании существенных признаков в обработке кремня. В палеолит введено понятие археологической культуры, которое общепринято во всех разделах археологии.

Накапливаются факты о состоянии хозяйства у палеолитического населения Украины, что позволяет хотя бы приблизительно определить размеры охотничьих угодий, необходимых для жизни первых человеческих коллективов, что само по себе проливает свет на экономику и социальную организацию общества. Оказалось возможным исследовать мустьерское жилище (Молодово V). Оно округлое, построенно на каркасе из крупных костей животных. Предполагают, что жилище было разделено на две половины, может быть, мужскую и женскую. Открытие мустьерского жилища и наблюдения, сделанные по изучении его планировки, размещения археологических находок и т. п., имеют немалое значение и для мировой науки.

Установлен факт, что переход от раннего палеолита к позднему, смена хозяйственных и общественных форм на рубеже двух, во многом разнородных, эпох явилась следствием изменения климата. Стала признанной гипотеза о трансформации *Homo neandertalgensis* в *Homo sapiens* в период этого перехода в результате эндогамных запретов и распространения экзогамии внутри родовых сообществ. Наконец, найдены конкретные материалы, дающие представление о формах перехода от древнего палеолита к позднему. В 1957 г. в окрестностях г. Радомышля Житомирской обл. было открыто позднепалеолитическое поселение. Здесь обнаружены остатки округлых жилищ, построенных подобно молодовскому на каркасе из жердей и крупных костей животных. Среди огромного количества кремневого инвентаря, очень разнообразного и, следовательно, в отличие от раннепалеолитического хорошо дифференцированного по функциям, встретились орудия с ясно выраженными раннепалеолитическими чертами. Таким образом стало очевидно, что культура позднего палеолита в Восточной Европе уходит своими корнями в раннепалеолитическое время и наследует, кроме определенных традиций в изготовлении орудий труда, технику и приемы домостроительства.

Количество средне- и позднепалеолитических памятников, открытых и изученных в советское время на Украине, не идет в сравнение с теми сведениями о палеолите, которыми располагала дореволюционная археология. Уже известны сотни, а не десятки палеолитических «населенных пунктов» в бассейнах Днепра, Донца, Десны, Южного Буга, Днестра, в Крыму и Приазовье. На больших площадях раскопаны такие выдающиеся стоянки, как Гонцы, Пушкари, Мезин, Молодова I и V, Сюрень I и др. Большое внимание было обращено на синхронизацию памятников позднего палеолита Украины в первую очередь с палеолитом Русской платформы, а также Центральной и Западной Европы. Положение позднепалеолитических памятников Украины между двумя важнейшими зонами расселения человека в Европе — южной, примыкающей к теплым морям, и северной, смыкающейся с приледниковой,— делает задачу синхронизации

очень сложной. Уже первые попытки установить хронологические соответствия украинского палеолита с памятниками палеолита сопредельных стран значительно поколебало универсальность схемы Г. де Мортилье. Стало возможным выделение локальных позднепалеолитических культур даже в пределах территории Украины.

В последнее время начинает приобретать свое значение палеоэкономическое направление в археологии. Применительно к палеолиту это выражается в поисках основных слагаемых, определяющих экономику охотничьего хозяйства. Для экономической характеристики общества в палеолитическую эпоху мало знать природную среду того времени, объекты охоты, уровень технической оснащенности орудиями труда, приемы добычи дичи. В решении экономических проблем приобретает важность изучение поселений и жилищ, их размеры и планировка, демографические подсчеты, размеры потребления животной пищи, обеспечивающие жизнестойкость общества, природные ресурсы и др.

В относительно теплое мустьерское время охота дополнялась изобилием продуктов собирательства. Население густо заселило предгорья Крыма. В ледниковое время собирательство резко сократилось, возросла экономическая роль охоты. Это привело к увеличению площади охотничьих угодий, способной при сохранении уровня воспроизводства дичи прокормить определенный по численности охотничий коллектив. Изменялись и способы охоты: в палеолитическое время на Украине широко практиковалась облавная охота (у Амвросиевки около палеолитической стоянки обнаружены остатки стада зубров, состоявшего почти из тысячи особей).

Метод раскрытия широких площадей дал возможность выявить остатки жилищ и элементы планировки поселений. Они реконструированы на основании остатков жилищ, открытых в Мезине, Добраничевке, Гонцах, Межиричах и др., обнаруженных за пределами Украины. Не вызывает сомнений, что на палеолитических поселениях, как это широко распространено у современных северных народов, кроме зимних хорошо утепленных жилищ, были и летние. Раскопанная почти на всей площади Мезинская стоянка на Десне дает, как нам представляется, возможность с достаточно точным приближением установить присутствие там по крайней мере пяти зимних и восьми летних построек. Опираясь на этнографические параллели, можно определить приблизительное количество обитателей такого поселения и объем потребления мяса. Эти данные должны составлять главные слагаемые при определении экономической емкости позднепалеолитического хозяйства.

Перспективными становятся вопросы социального устройства позднепалеолитических сообществ. Можно полагать, например, что число очагов в жилище определяет количество семей, живущих в нем. При коллективных способах охоты распределение продуктов охоты, вероятно, шло по семьям. Таким образом, вырисовываются черты родовой организации, построенной на дуальной основе и экзогамных принципах.

Палеолитические поселения на Украине дали огромный материал, рисующий культуру, быт, художественные вкусы древнего человека, что открывает пути к решению более общих вопросов истории палеолитического человека. На Мезинском поселении, известном еще с дореволюционных лет своими шедеврами палеолитического искусства, в последние годы найдены новые образцы объемной скульптуры и гравюры по кости. Но самой интересной находкой остаются лопатка и две половины челюсти мамонта, сохранившие роспись. На этих костях красной охрой изображены ритмично построенные зигзагообразные фигуры, вероятно, магического значения. Геометрический орнамент меандровой композиции мезенского браслета возник из естественного рисунка дентина бивня мамонта, легко обнаруживаемого после зашлифовки даже невооруженным глазом. Предметы искусства из кости были найдены и на Днестровских позднe-

палеолитических поселениях (свирели из трубчатых костей животных, так называемый жезл начальника со схематической фигурой человека).

На палеолитических поселениях Украины обычно находят морские раковины, служившие украшениями. Часть из них бывает окрашена. Раковины эти позволяют установить связи населения центральных и северных областей Украины с Азово-Черноморским побережьем, а возможно, даже и Средиземноморьем, где эти раковины обитают. Таким образом, существенно дополняются прежние выводы о размахе обмена в палеолитическом обществе. Впрочем, в последнее время небезосновательно укрепили свои позиции сторонники связей позднего палеолита Украины не только с Западом, но и с Передним Востоком через Кавказ [1].

Переходный период от палеолита к неолиту (мезолит) до недавнего времени оставался недостаточно изученным. Между тем с мезолитом связывают исключительно важные повсеместные перемены в экономике и быту человеческих коллективов (начало приручения животных и возделывания растений, появление лука, первые навыки в изготовлении глиняной посуды). Мезолитических поселений на Украине известно много. Некоторые раскопаны полностью и изучены довольно хорошо.

Изучение мезолитических памятников Украины дало возможность установить локальные особенности двух крупных ареалов. Южный ареал включает Северное Причерноморье, Крым и, видимо, нижнее течение Днестра. Второй — расположен в лесостепной и лесной Украине. Племена, обитавшие в своих ареалах, развивались неодинаково. На юге росло население, но сокращалось поголовье зверя. Стремление расширить охоту заставляло людей совершенствовать оружие, что в свою очередь приводило к еще большему сокращению охотничьих ресурсов. Так возник кризис охотничьего хозяйства. Зато усилилось собирательство. Однако и оно не покрывало потребностей в пище, что заставило древнего человека перейти к начальным формам животноводства. Это произошло в Крыму в мезолитическое время. Собака и, возможно, свинья стали первыми домашними животными. Кризис охотничьего хозяйства привел к выселению из Крыма части населения.

В северном ареале мезолита развитие хозяйства шло от охоты к рыболовству, а причины смены форм хозяйства были те же: производительность труда охотника не обеспечивала пищей быстрорастущее население. В западных областях Украины экономическое значение охоты сохраняется дольше.

Характер производственной деятельности, конечно, налагал свой отпечаток на устройство общества. Южные племена мезолитического времени состояли из небольших родовых групп, постоянно занятых поисками дичи, поэтому ведущих очень подвижный образ жизни. Племенные и родовые связи у таких групп, вероятно, были не очень прочные и проявлялись скорее в определенные сезоны, когда устраивались празднества, облавные охоты и т. д. На небольшую численность родовых групп того времени указывают малая величина стоянок, слабая насыщенность и незначительная толщина культурного слоя, одиночность погребений (Фатьма-Коба, Мурзак-Коба и др.).

Иное наблюдается в Среднем Поднепровье. Здесь пока не обнаружено позднемезолитических поселений, зато могильники свидетельствуют о прочных родовых связях. Массовость погребений в могильниках соответствует

---

[1] Высокому положению палеолитической науки на Украине археология обязана коллективу, палеолитоведов: П. П. Ефименко, Г. А. Бонч-Осмоловскому. Н. Л. Эрнсту, М. Я. Рудинскому, С. Н. Бибикову, О. Н. Бадеру, М. В. Воеводскому, П. И. Борисковскому, И. Ф. Левицкому, И. Г. Пидопличко, А. П. Чернышу, И. Г. Шовкоплясу, А. А. Формозову, Е. А. Векиловой, В. Н. Гладилину, Ю. Г. Колосову, В. И. Красковскому, М. И. Островскому и др.

идее единокровности происхождения и стремлению сохранить это единство в загробном мире (два могильника у Васильевки, Волошский и др.). Мезолитические погребения в Крыму и на Днепре дали в руки антропологов материал для определения физического типа людей. Мурзак-кобинские скелеты принадлежат кроманьонскому типу. Это существенно не только с филогенетической точки зрения, но и с культурно-исторической, так как противоречит отождествлению уровня развития культуры с расовым типом. Один из Васильевских могильников содержал костяки с невиданным в Европе расовым типом, который, по мнению некоторых антропологов, встречается пока только в Восточной Африке.

Главной чертой мезолитической эпохи является переход от присваивающих форм хозяйства к производящим. И это твердо установлено археологами в советский период развития науки [2].

Неолитическая эпоха на Украине стала известна только благодаря исследованиям в советское время. Пока еще недостаточно выяснен вопрос о существовании на Украине докерамического неолита. Неолитические памятники на Украине очень распространены. Они характеризуют отдельные этапы развития неолитической культуры или культурно-исторические области: днепродонецкую, южнобугскую, линейно-ленточной керамики, ямочно-гребенчатой керамики и Крыма. На Украине сейчас известно около 200 неолитических поселений и могильников, и почти все они открыты в советское время.

Изучение неолитических поселений на Украине указывает на очень существенные сдвиги в хозяйстве и культуре человека по сравнению с мезолитическим временем: наблюдается быстрое освоение животноводства, земледелия и рыболовства. Как и повсюду в мире, появляются и совершенствуются новые технические приемы обработки камня и новые типы орудий.

Обилие памятников и интенсивность их исследования в советское время позволило каждую неолитическую культуру или каждый этап характеризовать конкретными и специфическими чертами, отличающими их друг от друга и подчеркивающими неравномерность развития. У каждой культуры была своя ведущая отрасль хозяйства. Так, для неолита Южного Буга характерным является земледелие как основа хозяйства, разведение крупного и мелкого рогатого скота и свиней, а также рыболовство и охота. Для среднеднепровского неолита характерны оседлые поселения прибрежных рыболовов, но им знакомо также земледелие и разведение скота. В последнее десятилетие интенсивно изучается днепродонецкая культура, с ареалом от степной части Крыма на юге до Северского Донца на востоке и Днепра на западе. Северная граница ее уходит в Полесье и в районы Южной Белоруссии.

Не все элементы неолитических культур могут быть освещены с достаточной полнотой и не все культуры одинаково полно изучены. Слабее всего исследованы планировка поселений и устройство жилищ. Неизвестны еще и захоронения носителей южнобугской культуры. Зато днепродонецкая культура, как это полагает Д. Я. Телегин, представлена 20 некрополями, в которых обнаружено более 700 погребений. Широкую известность приобрели некрополи Мариупольский, Волошский, Вильнянский, Лысогорский, Вовнигский, Долинский и др. Анализ условий захоронений дает возможность хронологически распределить погребальные комплексы в пределах трех этапов от V до III тысячелетий до н. э., синхронизировать их с докукутенским периодом — развитым трипольем — и со среднестоговской культурой.

Некрополи днепродонецкой культуры свидетельствуют о крепнущих родовых связях в неолитических обществах, величине общин, художест-

[2] Кроме названных исследователей палеолита, участвующих также в разработке мезолитических проблем, серьезный вклад в изучение мезолита внесли Н. В. Сибилев, А. С. Моисеев, Д. Я. Телегин, А. Д. Столяр, В. Н. Станко.

венных вкусах, вооружении, выделении вождей из общей массы первобытнообщинного населения. Могильники днепро-донецкой культуры позволили охарактеризовать и антропологический тип захороненных. Это европеоиды, носители в общем современных черт, принадлежность которых к северному «европейско-сибирскому поясу» развитых культур для некоторых исследователей является очевидной. Можно считать вероятным, что в сложении днепро-донецкой культуры приняли участие неолитические племена Прибалтийского ареала.

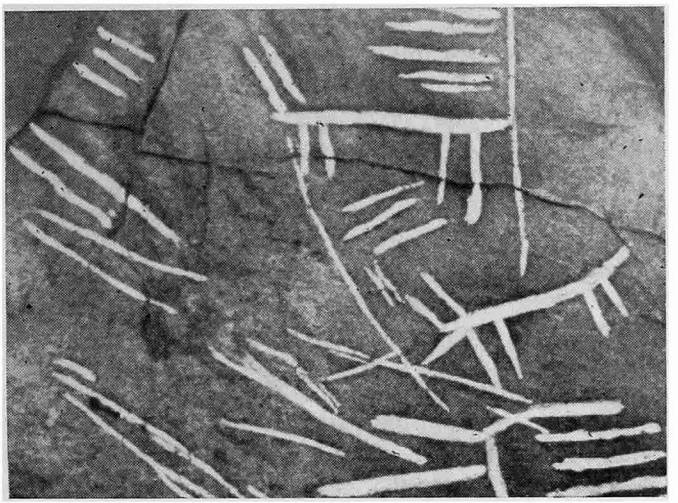


Рис. 2. Каменная могила. Изображения бычков на песчаниковой плите

Одной из самых распространенных неолитических культур в Европе является культура линейно-ленточной керамики. Известна она также в западных областях УССР, где начала планомерно изучаться лишь в последние годы. Удалось определить основные черты этой культуры: домостроительство (полуземлянки и, быть может, наземные постройки), тип хозяйственного и бытового инвентаря и некоторые элементы религиозной обрядности. Устанавливаются черты преемственности элементов культуры, например в технике обработки кремня, с мезолитом, а в способах обработки камня, изготовлении керамики и орнаментации — с памятниками Центральной, Средней и Западной Европы.

В последние годы усилилось внимание к памятникам, содержащим ямочно-гребенчатую керамику (Скуносово и др.), что объясняется разработкой проблемы сложения культур ямочно-гребенчатой керамики в северной половине европейской части СССР, а также в связи с вопросами расселения финно-угорских племен.

Памятников изобразительного искусства в неолитических культурах Украины известно очень немного. Тем интереснее наиболее древние композиции на песчаниковых плитах Каменной могилы около Мелитополя. Этот памятник уникальный и содержит петроглифы разных эпох, в том числе и неолитические (рис. 2).

В эпоху неолита этнографическая карта Украины отличалась пестротой, и человеческие объединения имели некоторые различия в хозяйственной деятельности и в материальной культуре. На юге Украины продолжает играть основную роль в экономике охота и собирательство, хотя животноводство (разведение свиней) уже начинает завоевывать прочное место. На востоке и севере Украины большое развитие получило рыболовство, хотя разведение скота уже было известно. На Правобережье тоже

преобладало рыболовство, но развитие скотоводства и земледелия шло быстрее, кроме Прикарпатья, где охота дольше оставалась ведущей отраслью производства[3].

В V—IV тысячелетиях на Среднем и Ближнем Востоке земледельческо-скотоводческие племена осваивают металлургию меди. Вскоре медь появляется в юго-восточной Европе. Это время совпадает с формированием на Правобережье Украины знаменитых трипольских племен. Много труда и исследовательской пытливости вложили советские археологи в изучение ранних земледельческо-скотоводческих племен на Украине. И какими бы наивными ни казались сейчас некоторые научные положения наших дореволюционных предшественников, они все же составили ту основу, на которой росли и оформлялись взгляды советских археологов.

Сейчас известны многие сотни трипольских поселений, некоторые из них раскопаны почти полностью (Лука-Врублевецкая, Ленковцы, Коломийщина II, Гребени, Троян и др.). Благодаря массовому изучению трипольских поселений советским исследователям удалось познать многие стороны истории трипольской культуры. Установлены довольно точно границы расселения трипольских племен на разных этапах их развития. Создана хронология, что привело к выявлению своих этнографических черт у отдельных племен, населявших Правобережную Украину (рис. 3).

Изучение поселений позволяет охарактеризовать хозяйство трипольцев (скотоводство, земледелие, охоту, рыболовство и собирательство). Удалось выяснить уровень развития каждой из названных хозяйственных отраслей по отдельным этапам триполья, их экономический объем в разных зонах распространения культуры. Содержательными оказались и данные, полученные в результате изучения орудий труда, а в связи с этим и способов добывания средств существования. История хозяйства трипольского общества приобрела конкретные формы и насыщена замечательными фактами, рисующими отдельные эпизоды хозяйствования.

Существенный вклад сделали археологи в изучение топографии поселений. Прояснилась эволюция планировки их от раннего триполья к позднему — от порядового расположения к размещению домов по кругу или концентрическими кругами. Очень важны факты по строительной технике, внутренней планировке жилищ и хозяйственных сооружений, убранству домов, деталям архитектуры, устройству и назначению отдельных частей жилых сооружений. Существенно, что исследование поселений и жилищ велось в неразрывной связи с изучением хозяйства и социального строя трипольского общества. Такая комплексность исследования очень обогатила, упрочила выводы и сделала их достоянием исторической науки.

Положительные результаты получены при применении палеоэкономического метода в исследовании трипольского общества в основной области распространения поселений — между с. Триполье и г. Ржищевым. Установлено количество поселений развитого триполья в этом районе и относительное постоянство количества домов в каждом поселении при стабильности их круговой планировки. Подсчитано возможное число семей, населявших каждый дом (поселение Гребени), и число жителей в доме, поселении, районе. Установлены с помощью этнографических данных нормы потребления мяса и растительных продуктов в каждой семье, поселке, районе, нормы, обеспечивающие жизнедеятельность общества. Исчислено на основании этого количество обрабатываемой земли и потребное количество скота, необходимое для осуществления сельскохозяйственных работ и для убоя. Выявилось сочетание животноводства и пашенного земледелия, основанного на залежной, вероятно, двухпольной системе. Палеоэкономи-

[3] В осуществлении разносторонней программы исследования неолитических памятников и исторической интерпретации их большую роль сыграли работы Н. Е. Макаренко, А. В. Добровольского, М. Я. Рудинского И. Ф. Левицкого, В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, Т. С. Пассек, Е. Ю. Кричевского, С. Н. Бибикова, Е. К. Черныш и др.

ческий анализ трипольского хозяйства помог раскрыть и некоторые существенные стороны устройства трипольского общества. Каждый трипольский поселок принадлежал роду. Род объединял большие семьи, состоявшие из парных семей, живших под одной крышей.

Для триполья характерны находки жертвенников, амулетов, скульптурных изображений людей и животных. В последние годы прибавились

Рис. 3. Гребени. Остатки трипольского глинобитного жилища («Площадка»)

ритуальные погребения в жилищах, а для позднего этапа триполья — могильники. Изучение этих материалов дало возможность проникнуть в сложную сферу религиозных представлений; установлена общность этих представлений в пределах широкого ареала (включая Южную Европу и Древний Восток). В этих вопросах достигнуты результаты не в общем плане, а в предельной конкретности: установлено в ряде случаев содержание культов до деталей, обрядности и даже календарные сроки их исполнения.

Многое сделано в изучении приемов обработки камня, кости, металлических предметов, керамических изделий, функций сосудов определенных форм и их значение для хронологии памятников. Многое достигнуто в изучении орнаментации как элемента художественного восприятия, так и семантической значимости ее.

Несмотря на очевидную спорность некоторых положений, все же многое достигнуто в познании устройства трипольского общества; хотя неясно время возникновения патриархальных отношений. Тем не менее теоретические соображения и отдельные факты по этому вопросу заслуживают серьезного внимания. Итак, изучение трипольской культуры, безусловно, ушло далеко вперед по сравнению с дореволюционным временем.

Однако было бы неверным считать, что уже мало осталось в триполье неизвестного. Таких проблем еще много, истоки формирования трипольской культуры пока еще не ясны, хотя некоторые факты уже установлены: стратиграфическая последовательность залегания раннетрипольских и неолитических памятников на Южном Буге. Однако генетическую преемственность доказать пока не удается. Сейчас уже нет противоречий в

том, что триполье в его некоторых чертах восходит корнями к Восточному Средиземноморью и составляет очень своеобразный исторический пласт, наслоившийся на местные неолитические культуры Юго-Восточной Европы. Проблема происхождения триполья начинает вырисовываться благодаря совместным усилиям, в первую очередь, советских и румынских исследователей.

Другая проблема связана с изучением тех культур, которые развивались во взаимодействии с культурами типа триполья. На Нижнем Дунае открыт ряд замечательных поселений типа Гумельницы (Болград, Озерное и др.). Некоторые из них оказались двуслойными. Изучение этих поселений позволило впервые осветить некоторые черты культуры первых поселенцев носителей памятников типа Гумельницы на территории СССР. Доказана принадлежность гумельницких памятников в нижнем течении Дуная к фазе Алдень II. Определена и граница расселения гумельницких племен, их соседство с раннетрипольскими племенами. Работы по изучению памятников типа Гумельницы, расчлененных теперь на две ясно различаемые ступени — Болградская I и Болградская II, только начинают развиваться. В свете последних исследований памятников алдень-болградского и гумельницкого типов можно определить большую роль гумельницкой культуры в сложении древних земледельческо-скотоводческих цивилизаций на юго-востоке Европы, в том числе и триполья.

Остается пока неясной этногеография энеолитических племен на территории Украины. Только в недавние годы стали проясняться соотношения культуры Бойан и культуры линейно-ленточной керамики с трипольской. Открытие памятников с линейно-ленточной керамикой бойанского типа (Незвиско), а также изучение таких памятников, как Звенячин, определили культурно-хронологическое положение их соответственно с памятниками триполья и вывели культуру линейно-ленточной керамики из генетических построений, связанных с происхождением триполья.

Пожалуй, самой сложной и менее освещенной остается проблема исчезновения или трансформации трипольской культуры. Предпринятые в советское время попытки объяснить «исчезновение» триполья остаются в области догадок. Установлено, что позднетрипольские памятники Правобережья расчленяются на локальные варианты с сохранением общих черт (в керамике, орудиях производства), но общность эта делается все менее ощутимой по мере продвижения с юга на север. Племена позднего триполья степной полосы Украины, продвинувшиеся на север в лесостепь, вероятно, представляют собой иной племенной массив, не связанный генетическими узами с племенами среднего этапа триполья. В период позднего этапа трипольской культуры на Правобережье Украины происходили не совсем еще ясные исторические события, приведшие к крушению трипольской культуры. Быстрая гибель трипольской культуры была, видимо, осложнена вторжением кочевнических племен ямно-катакомбной культуры. Видимо, неспокойно было и на всем Правобережье, населенном, кроме трипольских, родственными и не родственными племенами кошиловецкой, грибовичской, тисской и других культур [4].

В эпоху трипольской культуры Левобережье населяли иные племена — носители среднестоговской культуры. Кроме поселения Средний Стог, открытого в давние годы, сейчас обнаружено и исследовано большое поселение у с. Дереивка (у Кременчуга) и могильник у с. Александрия (Харьковщина). Среднестоговская культура, предворяющая древнеямную,

[4] Яркая самобытность трипольской и других ранних земледельческо-скотоводческих культур юго-востока Европы привлекла большой круг исследователей. Над историей трипольской культуры и памятниками, близкими ей по времени, очень интенсивно и плодотворно работали: Т. С. Пассек, С. Н. Бибиков, М. Ф. Болтенко, С. С. Магура, Н. Ф. Беляшевский, Е. Ю. Кричевский, Ю. Н. Захарук, Е. К. Черныш, Т. Г. Мовша, В. Н. Даниленко, М. Л. Макаревич, Н. М. Шмаглий, В. Г. Збенович, И. Т. Черников, Л. М. Субботин и др.

а возможно, и синхронная ее ранним этапам, пока еще исследована недостаточно. Это была культура скотоводов, охотников, а также рыболовов и земледельцев, имевших и долговременные поселения (Дереивка). Носители среднестоговской культуры были по преимуществу коневодами. Таким образом, в эпоху энеолита четко определились две разнородные в этническом и хозяйственном отношениях зоны: в восточной жили коневоды и земледельцы (древнеямная культура), в западной — оседлые земледельцы, разводившие рогатый скот и селившиеся в прочно устроенных населенных пунктах (трипольская культура).

Рис. 4. Запорожье. Кичкас. Могильник эпохи бронзы. Кромлех

Долгое время положение древнеямной культуры в исторической стратиграфии Юго-Восточной Европы оставалось неясным, как неясна была и сама культура. Считалось, что ее оставили номады, освоившие степи южной половины СССР и изредка нападавшие на земледельцев Правобережной Украины. С открытием многослойного поселения Михайловка в районе Никополя ямная культура выглядит теперь в новом свете. Удалось выявить слой доямной культуры и два вышележащих слоя, представляющие две фазы ямной культуры. С этими слоями удается связать ранее открытые местонахождения — Скеля-Каменоломня, верхний слой Среднего Стога, верхний слой Александрии и др. Стало возможным определить не только границы древнеямной культуры по этапам развития, но и проследить связи ее с восточными соседями в Предкавказье и западными в Румынии и Венгрии. Начинает проясняться также и синхронизация памятников древнеямной культуры с памятниками трипольского круга и другими культурами.

Совершенно в новом виде представились памятники позднего энеолита и эпохи бронзы в сравнении с тем, что было известно о них в дореволюционное время. Следует сказать, что памятники раннего металла на Украине особенно интенсивно изучались в послевоенное время. В результате этих исследований оказалось возможным разделить памятники эпохи бронзы на три хронологических этапа, выделив при этом две обширные географические зоны — степь и лесостепь. Памятники ранней бронзы, кроме ямной и катакомбной культур, включают еще и яркую энеолитическую Кеми-Обинскую культуру. Культура эта характеризуется устойчивыми признаками в хозяйственном и бытовом инвентаре. Типичными являются погребальные сооружения (курганы) с захоронениями в камен-

ных или деревянных ящиках (рис. 4). Есть серьезное основание полагать, что Кеми-Обинская культура развивалась во взаимодействии с майкопской культурой Кавказа и имела также связи с энеолитическими племенами юга Украины, и в первую очередь с усатовскими.

В степных районах Украины исследовались памятники средней и поздней бронзы. Памятники срубного времени представлены различными типами и вариантами культур многоваликовой керамики, саботиновским типом и др. В Херсонской области около с. Широкое был исследован боль-

Рис. 5. Березань. Самосская амфора

шой могильник (исследовано более 100 погребений), принадлежащий, вероятно, легендарным киммерийцам. У с. Островец (Иваново-Франковская обл.) изучено более 100 погребений, принадлежащих к культуре Ноа. Материал из обоих могильников укрепляет гипотезу о существовании связи между фракийским и киммерийским мирами. Серьезные успехи сделаны в области изучения культур племен эпохи бронзы в лесостепной части УССР — марьяновской, тшинецко-комаровской, сосницкой, белогрудовской, бондарихинской и др. Большинство их до революции не было известно.

В ходе исследований памятников ямного и катакомбного периодов высказан ряд важных гипотез о происхождении культур, и их генетических связях. Отмечалось, что Среднее Поднепровье не было заселено племенами катакомбной культуры. Здесь обосновались в эпоху раннего металла племена среднеднепровской культуры — одной из основных ветвей племен носителей шнуровой керамики.

Большое место в исследованиях советских археологов заняла и тшинецко-комаровская (или просто тшинецкая) культура, имеющая значение для проблемы этногенеза восточных славян. Уточнены границы распространения этой культуры, продвинувшиеся в Заднепровье. Выяснились локальные черты культуры восточнотшинецких племен. Изучение поселения Пустынка на широкой площади дало возможность произвести предварительные демографические расчеты относительно населения поселка

и его округи. Полагают, что число жителей Пустынки не превышало 250 человек. Исчисление экономической емкости такого поселения несколько затруднено отсутствием экономических показателей для хозяйства со скотоводческо-земледельческой направленностью. И все же при дальнейшем анализе материала экономическая характеристика хозяйства, вероятно, будет определена более точно, чем это сделано сейчас.

Памятники эпохи бронзы на территории УССР, с одной стороны, свидетельствуют об этнической пестроте населения степи и лесостепи, а с другой,— об определенной снивелированности материальной культуры и уровня развития производительных сил.

Ранний железный век по праву считают периодом, подготовившим экономическую и социальную революцию в среде земледельческо-скотоводческих племен не только Восточной Европы. На первых порах внедрение железа мало изменило быт оседлых земледельческих племен. Но сельское хозяйство заметно прогрессирует под влиянием расширения железоделательного производства, поднявшего производительность земледельческого труда благодаря применению первобытного железного плуга.

Период раннего железного века на территории Украины определился как историческая ступень, соответствующая появлению на востоке Европы скифов. Для предскифского времени наиболее характерны памятники белогрудовской и чернолесской культур, открытых в Правобережной лесостепи. В лесостепи к востоку от Днепра бытовала бондарихинская культура, в верхнем и среднем Поднестровье — голиградская, продолжавшая традиции фракийского гальштадта Карпато-Дунайского бассейна. В результате новых исследований по-новому освещена и исторически осмыслена высотская культура Западной Украины. Глубокое изучение памятников предскифского времени дало возможность разработать относительную хронологию памятников начала раннего железного века [5].

В дореволюционные годы скифская археология была очень популярна в России и за рубежом. Богатейшие усыпальницы скифской знати, обнаруженные в курганах украинских степей, дали предметы, украсившие собрания крупнейших музеев нашей страны. Но, увлеченные блеском драгоценных находок из скифских курганов, дореволюционные ученые мало внимания уделяли истории скифов, хозяйству и социальному строю. Почти совсем не ставились задачи изучения скифского окружения, т. е. местного земледельческого и скотоводческого населения, жившего бок о бок со скифами.

Советское скифоведение с самого начала главным своим направлением определило поиск и изучение городищ и поселений скифов, установление этногеографии скифских и нескифских племен того периода, выяснение социального устройства скифского общества и его экономических основ и, конечно, изучение духовной культуры. Развернулись исследования скифских памятников во всех областях Украины, значительно умножились наши знания о локальных особенностях скифских культур скифского времени в Причерноморье. Не остались без внимания и так называемые царские курганы.

Много сделано для изучения рядовых скифских погребений в степях Украины. К востоку от Киева определился район проникновения степных скифских племен глубоко в лесостепь (некрополь около Борисполя).

Под Мелитополем был раскопан курган, содержавший богатые мужское и женское погребения, относящиеся к числу скифских «царских» курганов.

---

[5] Среди работ, особенно много давших для понимания эпохи бронзы и переходного периода от бронзы к железу на Украине, нужно назвать исследования М. Я. Рудинского, Г. А. Бонч-Осмоловского, А. И. Тереножкина, С. С. Березанской, А. М. Лескова, О. Г. Шапошниковой, И. К. Свешникова, А. А. Щепинского, А. И. Мелюковой, В. А. Ильинской, П. Н. Шульца, В. И. Канивца, Е. Ф. Покровской, Э. А. Балагури и др.

Важные работы по изучению поздней скифской культуры проводились в Крыму и на Нижнем Днепре. Изучение Неаполя-Скифского, столицы позднескифского царства, обогатило науку новыми сведениями об устройстве города, его планировке, архитектуре и убранстве жилищ, технике строительства, художественной отделке зданий и т. д. Много внимания было уделено изучению некрополя. Эти исследования привели к открытию знаменитого каменного мавзолея в Неаполе-Скифском с богатым захоронением представителя местной знати. В группе усыпальниц, вырубленных в скале, найден склеп с уникальной стенной живописью. Много интересных материалов получено в результате исследования позднескифских городищ в юго-западном Крыму.

Изучение скифских поселений значительно расширило представление об экономике скифов, скотоводстве, земледелии, системе землепользования. Ярко раскрылись картины бытового уклада, много нового внесено в понимание состояния ремесленных производств. Так, оказалось неожиданным, что у скифов процветало железоделательное производство с изготовлением стали.

Советские скифологи вложили много труда в изучение проблемы о социальном строе скифов. Следует отметить, однако, что состояние источников не позволяет окончательно решить ряд сложных вопросов, особенно о времени возникновения и о форме скифского государства.

Впервые в советский период археологической науки открыты и изучены большие курганные могильники сарматов на Украине (Ново-Филипповка, Аккермен, Усть-Каменка), произведена общая систематизация сарматских материалов, выделены локальные варианты сарматской культуры. В Крыму раскопаны грунтовые могильники, принадлежавшие смешанному населению с явными сарматскими этническими и культурными элементами.

В Полесье открыты и изучались юхновская и подгорцевская (милоградская) культуры раннего железного века. В Горном Крыму систематически исследовалась кизыл-кобинская культура, отождествляемая с легендарными таврами античных письменных источников. Изучение таврских некрополей и укрепленных поселений позволило не только обрисовать материальную культуру тавров, их связи с античным миром, населением Крыма и Кавказа, но и установить этапы развития таврской культуры [6].

Большое внимание в дореволюционной археологии привлекали античные города Северного Причерноморья, чему способствовало наличие первоклассных античных памятников. Исследовались в основном только крупные центры античных государств — Пантикапей, Херсонес, Ольвия.

Программа изучения античных городов Северного Причерноморья была значительно расширена в советское время и не только благодаря увеличению числа объектов исследования. В орбиту исследований вошли малые античные города и поселки, хора крупных поселений. Такое направление в исследованиях значительно расширило представление об историческом содержании античной культуры в Северном Причерноморье. В новом свете стали выглядеть сельское хозяйство, ремесла, промыслы. Значительно расширились знания о культуре античных государств, их связях со скифами, фракийцами, сарматами.

Важное значение имело исследование поселения на о. Березань — одного из самых первых форпостов, с которого началась греческая колонизация Северного Причерноморья. Анализ материала позволил дополнить новыми данными гипотезу о том, что колонизация Северного Причерноморья была продиктована не только необходимостью расширения торговых

---

[6] Работы по скифскому и сарматскому периодам принадлежат А. И. Тереножкину, Б. А. Шрамко, И. В. Фабрициус, П. Н. Шульцу, Б. Н. Гракову, М. И. Вязьмитиной, В. А. Ильинской, Е. В. Покровской, А. И. Мелюковой, М. Н. Погребовой, Т. Н. Высотской, Э. И. Соломоник.

связей метрополии с Северным Причерноморьем. Движущей силой колонизации был поиск сельскохозяйственных земель и приложения сил ремесленников, не нашедших себе применения в кризисных условиях производства греческой метрополии (рис. 5).

В Ольвии впервые для античных государств Северного Причерноморья открыта и изучена агора — главная площадь города, ряд общественных зданий, храм Зевса и Аполлона Дельфийского, кварталы жилых домов и торгово-ремесленных заведений. Найдено много важных эпиграфических документов и текстов, монет и другое.

Получено яркое представление о городской планировке, устройстве улиц, домов, водоснабжении. Начата интересная работа по научной архитектурной реконструкции кварталов Ольвии (рис. 6).

Рис. 6. Ольвия. Скульптура Артемиды (мрамор)

В Херсонесе продолжались раскопки центральных улиц и западной части города, открыт ряд ремесленных мастерских, изучались оборонительные стены. Эти исследования во многом уточнили этапы фортификационного строительства вокруг города, а в связи с этим и датировку застройки западной части Херсонеса. Выдающееся научное значение приобрели раскопки первого в Союзе античного театра.

В дореволюционные годы почти не уделялось внимания изучению сельской периферии греческих городов (хоры), что приводило к искаженным представлениям о размерах территории государств, количественном, этническом и социальном составе населения, его экономической, культурной и политической жизни. Античный город изучался замкнуто, независимо от его сельской округи. Такое положение резко изменилось в советское время, как только стала изучаться сельская округа.

В Боспорском царстве обнаружено много сельских поселений и провинциальных городков. Хора Ольвии включала более 150 сельских поселений, некоторые имели монументальные каменные сооружения (Широкая Балка, Закисова Балка, Козырка и др.). На Гераклейском полуострове раскрыты усадьбы-клеры с земледельческо-виноградарскими наделами. С большой исторической достоверностью удалось подсчитать экономическую роль этих клеров, их хозяйственную направленность и систему землепользования. Исследования хоры Херсонеса были продолжены и на западном побережье Крыма.

Большое внимание советские археологи уделили изучению различных ремесленных производств, значительно приумножив то немногое, чем располагала дореволюционная археология. Большие комплексы гончарных мастерских изучены в Пантикапее, Ольвии и Херсонесе. Обстоятельно обследованы рыбозасолочное производство и виноделие. Производство вина, этого важного продукта местного потребления и экспорта, изучено в деталях по всему производственному циклу, начиная от выращивания

винограда и до упаковки продукции в тару. Определенные успехи сделаны в изучении металлообрабатывающего производства — кузнечного и литейного дела, а также ткацкого, деревообрабатывающего, кожевенного, костерезного и камнерезного производств.

Интересные результаты получены при изучении некрополей. Помимо важных наблюдений, сделанных в процессе раскопок склепов и грунтовых могил, получен большой антропологический материал, отражающий пестроту состава населения античных городов Северного Причерноморья.

Самостоятельный раздел составили эпиграфические исследования. Институт археологии АН УССР совместно с Херсонесским музеем организовали единственный в своем роде эпиграфический лапидарий. Выявлено свыше 100 новых надписей. Они содержат важные сведения по истории Херсонеса в античную эпоху: экономике, политике, религии, культуре, ономастике, взаимоотношениям со скифским государством, другими античными государствами Причерноморья и Римской империей, о пребывании мезийской эскадры в Херсонесе и др. Новые открытия почетных декретов и проксений внесли существенные дополнения в историю Диофантовых войн, впервые отмечены в надписях культы Деметры, Немесиды, некоторых восточных богов и культ императора. Разработана палеография, датировка и язык надписей.

Успехи в области нумизматики оказались настолько значительными, что Институт археологии АН УССР предпринял впервые в истории украинской науки издание сборников «Нумизматика и сфрагистика», хорошо зарекомендовавших себя в СССР и за рубежом. В последние годы исследован обширный нумизматический материал из Ольвии и Херсонеса, относящийся к античному и римскому времени. Большим событием, имеющим значение для истории скифского общества, явилось открытие и изучение серии ранних скифских монет царя Атея (IV в. до н. э.). Сказанным далеко не исчерпываются успехи античной археологии на Украине, но и отмеченное здесь составляет весьма заметный вклад в советское антиковедение.

Изучением античной культуры в Северном Причерноморье занят большой коллектив исследователей, внесших много принципиально нового в историю городов-государств, в понимание материальной и духовной культуры греческого, римского и местного, аборигенного населения[7].

Большой труд вложен советскими археологами в разработку проблем, связанных с историей славянства. Вклад в изучение славянского этногенеза и сопутствующих этой проблематике вопросов несомненно велик, но также велики остающиеся еще спорными вопросы в этой актуальной проблеме. В последние годы наибольшее внимание привлекает зарубинецкая культура, именно ее и ставят во главе возможных родоначальниц восточного славянства. Зарубинецкая культура открыта на рубеже XIX и XX вв. В. В. Хвойко и интерпретировалась им как раннеславянская. Позднее были попытки истолковать зарубинецкую культуру как прогерманскую. Но эта гипотеза немецких археологов оказалась научно необоснованной и была отвергнута.

Исследованием памятников зарубинецкой культуры особенно интенсивно стали заниматься после войны. Этому способствовало открытие накануне войны Корчеватовского могильника. Сейчас зарубинецкая проблема привлекла широкие круги археологов Москвы, Ленинграда, Киева,

[7] Широкую известность получили работы: Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева, А. И. Тюменева, И. И. Мещанинова, А. Н. Зографа, В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, Т. Н. Книпович, Ю. Ю. Марти, К. Э. Гриневича, А. П. Ивановой, М. Ф. Болтенко, Б. Н. Гракова, А. А. Белецкого, М. М. Кобылиной, Л. М. Славина, Д. Б. Шелова, П. О. Карышковского, Э. И. Соломоник, Г. Д. Белова, Д. П. Каллистова, А. И. Фурманской, И. Т. Кругликовой, С. Ф. Стржелецкого, И. Б. Зеест, Е. И. Леви, А. Н. Карасева, Н. В. Пятышевой, М. М. Худяка, В. Н. Скудновой, Н. И. Сокольского, В. А. Анохина, В. В. Лапина, И. Д. Марченко, В. В. Борисовой, А. Н. Щеглова, А. М. Гилевич, Ю. И. Козуб, С. Д. Крыжицкого, А. В. Буракова и многих других.

Минска. Произведены довольно широкие раскопки в самих Зарубинцах и в других пунктах.

В результате изучения памятников зарубинецкой культуры оказалось возможным установить планировку поселений и жилищ, наметить основные направления хозяйства зарубинецких племен, их связи с племенами Северного Причерноморья. И все же вопрос о происхождении зарубинецкой культуры остается во многом спорным. Видимо, можно считать достоверным, что в сложении южных зарубинецких племен сыграли свою роль племена, жившие на правобережье Среднего Поднепровья еще в предскифское время, которые тоже ставятся в генетическую связь с протославянами. В сложении северных зарубинецких племен участвовал, вероятно, северо-западный балто-славянский субстрат. Вызывает дискуссии и датировка зарубинецкой культуры, время и период ее бытования. Судя по последним данным, можно присоединиться к датам, предложенным на основании изучения фибул и импортных предметов,— первая половина II в. до н. э.— конец II в. н. э. Таким образом, несмотря на имеющиеся еще недоговоренности по поводу достоверности дат, едва ли можно оспаривать принадлежность зарубинецкой культуры к праславянским племенам.

Несомненный интерес вызывают новые исследования латенских памятников Закарпатья. Помимо изучения известного с давних времен памятника кельтского типа Галлиш-Ловачка, был исследован крупный железоделательный центр у с. Ново-Клиново. Здесь раскопано пока более ста горнов, четко спланированных на площадке и вполне отвечающих таким же памятникам, обнаруженным в Чехословакии. Изучение памятников этого типа проливает свет не только на технологический процесс восстановления железа, но и на организацию ремесленного производства, на экономическое значение железоделательных центров, обслуживающих определенную округу. Латенские памятники Закарпатья генетически связываются с куштановицкой культурой.

Во II в. в Поднестровье и далее на восток вплоть до Северного Донца появились племена — носители черняховской культуры. Начало их исследования также связано с именем В. В. Хвойко, но всестороннее и систематическое изучение черняховских памятников осуществлено только в советское время[8].

В результате широко развернутых полевых исследований на территории Украины и Молдавии стало известно около двух тысяч памятников черняховской культуры, из них около ста подверглись раскопкам. О масштабах полевых работ можно судить, например, по раскопкам Журавского поселения и могильника, которые раскрыты на площади около 10 тыс. $м^2$, на Кампаниевском могильнике — 5600 $м^2$. Изучено 350 жилищ и хозяйственных сооружений и свыше двух тысяч погребений. Пожалуй, ни одна из археологических культур за столь относительно короткий промежуток времени не подверглась такому широкому полевому исследованию. Можно сказать поэтому, что культура черняховцев, принадлежащая многочисленному народу, исследована довольно подробно. Черняховцы развили у себя земледельческое хозяйство с применением тягловой силы, железного плуга, а также скотоводство, огородничество и, вероятно, садоводство. Им были известны различные ремесла — железоделательное, стекольное, костерезное, ювелирное, деревообделочное. Уровень их экономического развития предопределил начало товарного производства и торговли с Северным Причерноморьем и римскими провинциями. С историей черняхов-

[8] Над изучением памятников зарубинецкой и черняховской культур на Украине плодотворно работает значительный коллектив археологов: Б. А. Рыбаков, М. Ю. Смишко, М. Ю. Брайчевский, Ю. А. Кухаренко, В. П. Петров, Э. А. Сымонович, М. И. Артамонов, М. А. Тиханова, Е. В. Махно, В. Д. Баран, И. М. Самойловский, В. В. Кропоткин, В. И. Бидзиля, Е. В. Максимов, Б. А. Тимощук, А. Т. Смиленко, И. С. Винокур, Н. М. Кравченко, Г. Ф. Никитина и др.

ских племен в Поднестровье связаны находки каменных изваяний, подобных известному Святовиту. Сейчас монументальные изваяния на Среднем Поднестровье представляют большую научную и музейную ценность.

Несмотря на относительную полноту изучения памятников черняховского типа, остаются еще вопросы, требующие дальнейшего изучения, в числе которых и вопрос об этнической принадлежности черняховцев. Первоначальное решение его в пользу венедов оказалось слишком прямолинейным и вызвало горячие дискуссии. Неясна и верхняя хронологическая дата черняховской культуры.

История ранних славян по-прежнему волнует не только ученых. Успешное решение этой проблемы будет зависеть от разработки теории этногенеза, комплексности в методах исследований и дальнейшего накопления археологических фактов.

Долгое время характер славянской культуры накануне образования Киевской Руси оставался очень неясным. Речь идет о памятниках второй половины I тысячелетия, которые стали особенно интенсивно изучаться в послевоенное время. В результате широко организованных полевых исследований в разных частях Украины сейчас известно свыше 300 памятников VI—IX вв. Хорошо исследованы Новотроицкое городище, Каменское поселение, поселения у селений Пеньковка, Семенки, Самчинцы, Римнев и Зимно [9].

Исследования славянских памятников VI—IX вв. представили материалы для заключения о характере и планировке поселений, домостроительстве, о земледельческом хозяйстве и быте славянских племен. Ряд памятников дает яркое представление о ремесленном производстве населения Поднепровья, Побужья и Волыни. Интересный материал, дополняющий представление о ювелирном мастерстве и широких торговых связях, дали также находки кладов драгоценных изделий (Харьевский и Пастерский, Глодосский и Качинский). В последние годы удалось открыть и исследовать интересный тип памятников — древнеязыческие святилища, в которых перед деревянными идолами жгли костры, приносили жертвы и молились языческим божествам.

В течение многих лет историки и археологи пытались связать определенные археологические памятники с летописными племенами, крупными славянскими группировками, представляющими по существу примитивные феодальные государства. В этом направлении работают многие советские археологи, пытаясь определить характерные этнографические черты каждого племени. С этой точки зрения изучались памятники северян, полян, древлян, волынян, дулебов. Найдены памятники уличей и тиверцев. Началось изучение памятников VII—IX вв. в Закарпатье, предположительно принадлежавших хорватам. Проведенные исследования показали наличие большого количества общих черт в материальной культуре восточнославянских племен.

Для понимания исторических процессов, происходящих в раннеславянской среде юга СССР, большое значение имеют исследования раннесредневековых памятников Крыма [10]. Много лет изучение широко известных «пещерных городов» Крыма занимало историков и археологов. По поводу их происхождения было высказано немало противоречивых гипотез. Обильный археологический материал, собранный Инкерманской экспедицией, позволил поставить вопрос о происхождении «пещерных городов»

[9] Самое активное участие в изучении славянских памятников второй половины I тысячелетия принимают М. Ю. Смишко, В. В. Аулих, В. Д. Баран, В. К. Гончаров, Д. Т. Березовец, Г. Г. Мезенцева, И. И. Ляпушкин, Н. В. Линка, А. Т. Смиленко, В. П. Петров, П. И. Хавлюк, А. М. Шовкопляс и др. Капитальный труд, посвященный исследованию древнеславянских памятников —«Финно-угры, балты и славяне», опубликовал П. Н. Третьяков.

[10] Для их изучения были организованы многолетние и систематические работы, в которых принимали участие Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, О. И. Домбровский, А. Л. Якобсон, М. А.-Фронджуло, В. П. Бабенчиков и др.

в ином плане. Отрицается готская принадлежность населения «пещерных городов». Возникновение их на позднескифской и сарматской основах и не без воздействия Византии считается наиболее вероятным. Образование «пещерных городов», как думают, стало необходимостью в ходе борьбы Византии с Русью и Хазарией. «Пещерные города» Крыма оказались и разновременными, и отличными друг от друга по планировке и другим элементам культуры. Для истории раннего средневековья очень большое значение приобретают материалы раскопок огромного могильника IV—IX вв. с сотнями захоронений в скалистых склепах, обнаруженного около с. Скалистое в Бахчисарайском районе.

Изучение средневековых памятников VI—VIII вв. на Демерджинском горном массиве Крыма дало возможность установить местоположение упоминаемых Прокопием Кесарийским Страны Дори и «длинных стен».

Продолжалось изучения памятников салтовской культуры, оставленной алано-болгарскими племенами (с. Верхний Салтов). Изучение материалов южной части Среднего Поднепровья показывает существование тесных связей между славянскими и алано-болгарскими племенами и значительное влияние, которое оказывали племена салтовской культуры на соседние с ними славянские племена. Следствием этих взаимовлияний было сложение в конце I тысячелетия на Нижнем Днепре смешанной славяно-салтовской культуры.

Большое внимание было уделено изучению памятников эпохи Киевской Руси. Раскопки почти во всех древнерусских городах приобрели широкий размах и определенную целеустремленность. Полнее всего исследован древний Киев, где были предприняты раскопки в городе Владимира и городе Ярослава. Изучались остатки дворцовых сооружений, княжеские дворы и жилища простого люда, архитектура церквей и мастерские ремесленников, фортификационные сооружения и оружие, могильники, клады и многое другое. В результате широкого изучения археологических памятников Киева многие вопросы истории и истории культуры этого выдающегося центра славянства были решены или стали ближе к своему разрешению. Очевидно, что в VIII—IX вв. на территории современного Киева существовали три укрепленных поселения — на Старокиевской горе, Киселевке и Щекавице. Произошло объединение этих укрепленных пунктов, в результате которого и возник Киев как городской политический центр полян. Примерно в это же время образовались городские торгово-ремесленные слободы на Подоле.

Определилась топография Киева XI в., исследован оборонительный вал, окружавший город Ярослава. Крупные по масштабам раскопки в районе Софийских ворот и на усадьбе Михайловского монастыря дали возможность изучить жилые и хозяйственные комплексы и некоторые вопросы, связанные с планировкой и застройкой города. Последнему способствовали раскопки на Житомирской улице, на горе Детинке, на Подоле и в других пунктах Киева. Многое сделано в изучении архитектуры церквей, этих великолепных произведений искусства, украшающих Киев многие столетия. Помимо исследования пользующегося мировой славой Софийского собора, его архитектурных форм, строительной техники, истории сооружения отдельных частей здания, живописи и всего ансамбля в целом, производилось изучение открытой в пределах усадьбы собора стены, ограждавшей двор митрополита. Открытие это сыграло немаловажную роль в уточнении топографии города XI в. Важные наблюдения сделаны при изучении собора Выдубецкого монастыря, Кирилловской церкви, храма-мавзолея Бориса и Глеба в Вышгороде и при разборке руин взорванного фашистскими оккупантами Успенского собора Киево-Печерской лавры (рис. 7).

Раскопки ремесленных мастерских в разных частях старого города представили материалы большой научной и художественной ценности. Благодаря этим материалам живо встают картины трудовых будней ре-

месленников, населявших городские кварталы. На территории Киева открыты кузнечная, литейная, мастерские медных изделий ювелирного профиля, мастерские стеклянных изделий, в том числе для изготовления смальт, оконного стекла и украшений, гончарные мастерские, изготовлявшие строительные материалы, посуду, различный бытовой инвентарь, костерезные мастерские, мастерская янтарных изделий. При раскопках

Рис. 7. Киев. Клад драгоценных украшений

находили инструменты кожевенного, деревообрабатывающего и камнерезного ремесел. На усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря была обнаружена полуземлянка, принадлежащая художнику-иконописцу и мастеру по изготовлению янтарных бус. Изучение изделий киевских ремесленников показало широкий экспорт предметов ремесленного производства не только по землям Киевской Руси, но и далеко за ее пределы — Волжскую Болгарию, Чехию, Польшу, Швецию.

Трагическую гибель Киева в декабре 1240 г. раскрывают раскопки оборонительных сооружений с павшими здесь воинами, братские могилы и различные детали, полученные при изучении жилищ. Впрочем, в других городах и городищах древнерусской земли также запечатлены драматические события монголо-татарского нашествия (Чернигов, Колодяжин, Райки, Изяслав). Капитальное двухтомное исследование М. К. Каргера обобщает многолетнее изучение Киева большим коллективом археологов, архитекторов, историков, искусствоведов и самого автора.

Значительные результаты достигнуты также в изучении археологических памятников Чернигова. На территории Детинца открыты остатки княжеского каменного дворца XI в., двухэтажного здания XII в., украшенного мозаикой, фресками и разноцветными плитками. На посаде города раскрыты многочисленные жилища и мастерские ремесленников. В древнем городе раскопаны остатки Благовещенской церкви 1186 г.

Большие археологические работы были проведены в древнем Переяславе: исследованы земляные валы с сырцовыми кладками, каменные городские ворота с надвратной церковью, епископский дворец и семь церквей XI—XII вв., а также несколько полуземляночных жилищ этого же времени.

За годы советской власти проведены значительные раскопки древнего Галича — столицы Галичского княжества. Изучены фундаменты Успенского собора XII в. и остатки многих жилищ и ремесленных мастерских. На протяжении нескольких лет проводились раскопки другого древнейшего города Галицко-Волынской Руси — Плиснеска. Раскопки показали, что Плиснеск прошел путь от славянского поселения VII—VIII вв. до феодального замка IX—X вв. и города XI—XIII вв.

Рис. 8. Воинь. Металлические предметы

Одним из сравнительно хорошо изученных древнерусских городов является Вышгород. На его детинце обнаружены фундаменты Борисоглебской церкви начала XII в., жилищно-хозяйственные сооружения, ремесленные мастерские, а в посаде — многочисленные железоделательные, гончарные, ювелирные мастерские. Раскопки показали, что Вышгород был не только крепостью, но и центром хорошо развитого ремесла. В Путивле исследовались городские стены — заборола XII—XIII вв., трехнефный храм XIII в. ряд хозяйственных сооружений.

Раскопки Любеча впервые позволили реконструировать вид богатого княжеского замка XI в. На территории замка, окруженного городнями с заборолами, находился трехэтажный княжеский дворец, четырехугольная башня-донжон. Рядом с замком стояла церковь и располагался хозяйственный квартал. Ремесленное население жило на посаде города.

Кроме крупных городов, изучались также многочисленные городища Древней Руси. Как показали исследования, значительная их часть была остатками укрепленных феодальных замков. В дореволюционные времена проводилось в основном собирание предварительных сведений о городищах, в частности составлялись археологические карты отдельных районов. Подлинное изучение городищ началось лишь после Октябрьской социалистической революции. За годы советской власти на территории УССР проводились раскопки на городищах Донецком, Вырь, Шестовицком, Кизиверском, Княжей и Девичьей горе, Половецком городище, Миклашевском, Ходоровском, Чучинском, Витачевском, Иван-горе, Райковецком, Колодяжинском, у с. Городище, у Шепетовки, Ленковецком, у с. Судовая Вишня. Интересные результаты получены при раскопках крупного города — гавани летописного Воиня, в зоне Кременчугского водохранилища. Работы по исследованию городищ осуществлялись в сотрудничестве с археологами

Российской Федерации. Раскопки показали плотную застроенность площади городищ жилыми и хозяйственными помещениями, в которых проживало феодально-зависимое население — земледельцы, кузнецы, древоделы, ювелиры. Находки оружия и воинского снаряжения свидетельствуют о содержании при феодальных замках необходимой для обороны дружины (рис. 8).

Часть городищ имела военно-стратегическое значение. Это городища с единичными жилыми постройками. Основными сооружениями на таких городищах были мощные укрепления, которые обслуживались в мирное время незначительным контингентом воинов. Как правило, городища располагались в окружении неукрепленных сельских поселений, находившихся в административно-хозяйственной зависимости от военно-феодальных центров.

Кроме древнерусских населенных пунктов, за годы Советской власти исследовался также и ряд могильников X—XII вв. Полностью раскопан Шестовицкий могильник с дружинными погребениями ранней поры Киевской Руси. Исследовались городские могильники древнего Чернигова и Киева. Материалы могильников позволяют судить о разных сторонах общественной жизни и идеологии древнерусского населения.

Если вопросам исследования древнерусских городов и городищ уделялось немало внимания, то изучение средневековой деревни остается пока почти вне поля зрения археологов. Между тем в связи с повышающимся интересом к палеоэкономике, раскрывающей жизненные основы общества, изучение древнерусской деревни становится делом особенно настоятельным. Уже мало сказать о том, чем занималось древнерусское село, какова была техника оснащения земледельческого труда, какие формы социальной организации определяли общественное лицо деревни и т. п. Стало необходимостью конкретно исследовать посад, село как патриархальные общины с натуральными и товарными формами производства. Для того, чтобы выяснить товарные возможности села, надо раскопать ряд сельских поселений, ставя себе задачу прежде всего установить количество дворов в больших и малых селах. Такой подход сделает возможным в достаточно короткие сроки определить среднюю величину дворов средневековой древнерусской деревни, сделать демографические расчеты, выяснить объем потребления продуктов питания, установить размеры посевных площадей и пастбищных угодий и т. п. Исследование экономической емкости древнерусского села в комплексном виде прольет свет на экономику городов, внесет уточнение в численность населения в них, социальную структуру и проч. Для этой цели выбрано древнерусское село близ с. Камаров недалеко от Переяслава-Хмельницкого. Здесь пока раскрыта площадь около 4 *га*, на которой обнаружено несколько десятков домов. Палеоэкономические расчеты, видимо, окажутся интересными и для городов типа Язяслав, Городск, а также феодальных укреплений типа Райков и др.[11].

За 50 лет археологическая наука на Украине сделала большие успехи. Однако остается еще немало задач, от решения которых во многом зависит развитие археологии. Помимо актуальных проблем, стоящих в каждом из разделов археологической науки, имеются еще и общие методологические и методические проблемы, касающиеся самого существа археологических исследований и требующие разработки (понятия об «археологической культуре», «археологическом типе», комплексность археологических исследований и др.).

---

[11] Археологические исследования древнерусских памятников на Украине широко известны у нас и за рубежом и представлены в работах Б. А. Рыбакова, М. К. Каргера, И. П. Крипякевича, Н. Е. Макаренко, И. В. Моргилевского, В. И. Довженка, М. Ю. Брайчевского, Н. В. Холостенко, В. А. Богусевича, Ф. Н. Молчановского. И. Д. Старчука, А. А. Ратича, Р. А. Юры, Ю. С. Асеева, М. П. Кучеры, В. К. Гончарова, П. П. Толочко, Д. И. Блифельда, П. А. Раппопорта, Г. Ф. Корзухиной и многих других.

Серьезную озабоченность вызывает состояние теоретической стороны проблемы этногенеза. Поиск путей сложения исторических общностей, установление истоков культур, их происхождения составляет одно из важнейших направлений археологии. Сейчас стало совершенно очевидным, что этногенетические вопросы можно решать только комплексно с участием археологов, историков, этнографов, антропологов, лингвистов, географов и т. д. Археология как бы расставляет материальные и хронологические вехи по путям развития культур. Однако на практике начальные и конечные звенья археологических культур прослеживаются далеко не часто. Это касается не столько древнейших культур, например палеолита, сколько неолитических и энеолитических культур, эпохи бронзы и раннего железа. В трудном положении оказываются и исследователи, изучающие раннее средневековье Юго-Восточной Европы. Например, происхождение культур зарубинецкой или черняховской, куштановицкой или липицкой вызывает много споров. Остаются неясными и дальнейшие судьбы этих культур.

Трудно найти объяснение такому положению. Дело здесь, видимо, заключается в недостаточно четком представлении о конкретных формах сложения и взаимодействия этнических общностей. Чаще всего ведется поиск преемственных признаков в материальных остатках от одной культуры к другой. На основе выделенных преобладающих типологических признаков строится эволюционный типологический ряд. Определяются объекты с новыми признаками, появившимися в результате развития старых форм или возникшие вновь под влиянием внутренних или внешних причин. Все эти типологические и другие преобразования размещаются по определенным хронологическим отрезкам.

Таким образом, поиск осуществляется по схеме элементарно-эволюционистических построений. Несмотря на всю полезность такого метода, он все же ведет к известному упрощению представлений об историческом процессе, показывает только одну его сторону. Это особенно заметно, когда периодизируются уже сложившиеся культуры.

Но так ли механистически прост и прямолинеен исторический процесс? Думается, что он сложнее самых сложных и смелых предположений. Образование культурно-исторических общностей — это процесс беспрерывный, практически не имеющий ни начала, ни конца. Следовательно, сам поиск начальных и конечных фаз культур приобретает в известной мере условный характер. Развитие общества происходит не только под влиянием имманентных законов развития хозяйственных и общественных форм, отражающих общестадиальную сущность прогресса. Исторический процесс развития протекает и под мощным воздействием локальных факторов, во многом определяющих характер бытия тех или иных общественных образований. К таким локальным факторам должны быть отнесены, например, географическая среда с ее естественноисторическими закономерностями, общественное окружение, с которым взаимодействует исследуемое общество. Эти взаимодействия протекают подчас в очень осложненной обстановке прямых и опосредствованных связей при наличии сегментаций, вынужденных миграций, культурных взаимовлияний, диффузий, традиций, смешения культур, обмена населением, в обстановке войн и других явлений, происходящих часто на фоне неравномерного развития взаимодействующих обществ.

При этих активно действующих факторах происходит нивелировка уровня развития производительных сил в разноэтничных, но взаимодействующих обществах. Тенденция эта распространяется в первую очередь на производство и материальную культуру в целом и охватывает значительные по площади территории.

Таким образом, сложение культурно-исторических общностей есть процесс действенный, иногда ведущий к быстрым трансформациям, например, облика материальной культуры, но иногда протекающий и в очень

замедленных темпах. Нам представляется, что культура как отражение материального бытия человека с самого начала синкретична. Процесс ее образования никогда не ведет к сложению рафинированных и изолированных культур. Следовательно, нет той столбовой дороги, которая вела бы к изолированности или абсолютному культурному единству общества, замкнутого в каком-то круге абстрактно существующих культур.

В свете сказанного, как нам думается, становится понятным, что «археологические культуры» формируются на основе уже существующих и продолжающих развиваться материальных признаков, которые и определяют облик этих культур. Начальная фаза образования культуры оказывается скрытой в тех множественных и сложнейших процессах, которые обусловили появление этих признаков. Этим и определяется трудность изучения начальных этапов археологических культур, которые можно связывать с определенными этническими коллективами. Теми же причинами обусловлены и трудности определения «конца», «заката» или «исчезновения» культур. Процесс этот также многогранный и многостепенный, связанный не только с перегруппировкой и сочетанием известных уже элементов, но и с появлением новых качественных признаков.

Приведенными примерами вовсе не исчерпывается список актуальных и практически важных для дальнейших исследований проблем. Есть еще много совсем не разработанных общетеоретических и конкретно исторических вопросов, разработка которых должна стать делом ближайшего будущего.

Г. Д. СМИРНОВ, Л. Л. ПОЛЕВОЙ

АРХЕОЛОГИЯ МОЛДАВИИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Планомерные и широкие археологические исследования начались в Молдавии только после установления Советской власти. Несмотря на очень ценные и интересные материалы раскопок курганов в окрестностях г. Тирасполя, проведенных И. Я. и Л. П. Стемпковскими в 1896—1910 гг. [1], а Э. Р. Штерном — трипольского поселения близ с. Петрены в 1901 г., Молдавия по существу оставалась белым пятном в археологии.

После Великой Отечественной войны археология Молдавии развивалась благодаря тесному творческому содружеству местных ученых с археологами других республик Советского Союза, России и Украины. Ведущая роль в этом принадлежит и по сей день Институту археологии АН СССР. В Институте истории АН МолдССР сформировался сектор археологии со своими квалифицированными кадрами по различным разделам археологии.

Уже в 1946 г. Институт истории, экономики, языка и литературы Молдавской ССР совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР организовал археологическую экспедицию (начальник — П. П. Ефименко). Эта экспедиция положила начало серии открытий и исследований в Молдавии, которые успешно продолжаются и поныне.

Г. П. Сергеев раскапывал выдающийся памятник древнекаменного века — стоянку в скальном гроте большого оврага на левом берегу Днестра у с. Выхватинцы Рыбницкого района [2]. Т. Г. Оболдуева и Д. Т. Березовец исследовали большой курган в долине р. Когыльник у с. Градиште Чимишлийского района. Как оказалось, курган был насыпан первоначально над захоронениями позднеэнеолитического времени и продолжал служить местом погребения вплоть до средневековья [3]. Г. Д. Смирнов открыл и начал раскопки на гетском городище IV—III вв. до н. э., на фракийском поселении VII—VI вв. до н. э. у с. Сахарна Резинского района.

В 1947 г. в Молдавской республике начала работать Трипольская экспедиция ИИМК АН СССР и ИА АН УССР (начальник — Т. С. Пассек) и Молдавская археологическая экспедиция (в сотрудничестве с ИИМК АН СССР, ИА АН УССР, ИИЭЯЛ МССР; начальник М. В. Воеводский). Под руководством М. В. Воеводского были начаты раскопки Выхватинского позднетрипольского могильника и обследованы мустьерские стоянки, а также славянских городищ — Екимауцкого и Алчедарского (П. И. Засурцев).

В 1950 г. формируется Прутско-днестровская археолого-этнографическая экспедиция (начальник Г. Б. Федоров) по изучению памятников

[1] А. И. Мелюкова. Скифские курганы Тираспольщины. МИА, 115, 1962.

[2] Г. П. Сергеев. Позднеашельская стоянка в гроте у сел. Выхватинцы, СА, XII, 1950.

[3] Т. Г. Оболдуева. Курган эпохи бронзы на реке Когыльник. ИМФАН СССР, 5(25), Кишинев, 1955.

эпохи средневековья и этнографии народов, населяющих Молдавскую ССР. В составе обеих экспедиций ныне работают сотрудники Института археологии АН СССР, Института этнографии АН СССР и Института истории АН МолдССР.

За прошедшие двадцать лет археологических исследований в Молдавии обе экспедиции провели большие работы по археологическому изучению различных эпох древнейшего прошлого Молдавии. Результатом его явились многочисленные публикации, монографии и статьи.

После раскопок в Выхватинском гроте все полевые сезоны проводились систематические разведки новых палеолитических и мезолитических стоянок, в которых принимали в разные годы участие М. В. Воеводский, П. И. Борисковский, Н. А. Кетрару, В. И. Маркевич, А. П. Черныш [4] и др. Одна из вновь открытых мезолитических стоянок у с. Фрумушика Флорештского района исследована А. П. Чернышом, а материалы раскопок и разведок вошли в изданную им в 1959 г. монографию [5].

Открытые во время разведок десятки палеолитических стоянок первобытных людей на Днестре, Пруте, Реуте и их притоках начали с 1958 г. систематически изучаться Н. А. Кетрару, когда им были предприняты раскопки грота у с. Старые Дуруиторы Рышканского района. В гроте открыты стоянки людей среднего и позднего палеолита. В последующие годы изучались пещерные позднепалеолитические стоянки в том же районе, у селений Брынзены, Бутешты, а также открытые позднепалеолитические стоянки на Реуте, у с. Чутулешты Флорештского района, и на Днестре, у м. Рашков Рыбницкого района [6]. Полученные во время раскопок материалы позволяют разработать периодизацию палеолита Молдавии, дать характеристику палеолитических и мезолитических культур и решить многие другие специальные вопросы.

Изучение памятников эпохи неолита началось после того, как в 1954 г. были открыты и затем в течение шести полевых сезонов раскопаны Т. С. Пассек поселения носителей культуры линейно-ленточной керамики и более поздней фазы культуры Боян у г. Флорешты на Реуте [7]. В 1958 г. и последующие годы исследовалась группа поселений древних людей, обитавших близ нынешнего г. Сороки на Днестре от периода бескерамического неолита до последней фазы развития буго-днестровской культуры (В. И. Маркевич). Разработана периодизация памятников раннего неолита [8]. Итоги изучения памятников культуры линейно-ленточной керамики в Молдавии подведены в своде археологических источников по археологии СССР [9].

---

[4] А. П. Черныш. Новые палеолитические местонахождения на территории Молдавской ССР, КСИИМК, XXVI, 1949.

[5] А. П. Черныш. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. Тр. КИЧП, XV, М., 1959.

[6] Н. А. Кетрару. Первоначальное заселение человеком долины реки Реут. Палеолитические памятники долины реки Реут. Тр. 3-й конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1963; его же. Исследования палеолитических гротов северо-запада Молдавии. «Охрана природы Молдавии», 3, 1965; его же. Палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы. КСИА АН СССР, 105, 1965; его же. Палеолитическая стоянка Чутулешты I. ИАН МССР, 12, 1965.

[7] Т. С. Пассек. Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 г. КСИИМК, 70, 1957; ее же. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА, 1, 1958; ее же. Результаты археологических раскопок у г. Флорешты в Молдавии. МИА ю-з СССР и РНР, Кишинев, 1960; ее же. Раскопки на поселении у села Флорешты в 1958 году. КСИА АН СССР, 84, 1961.

[8] В. И. Маркевич. Материалы к карте неолитических памятников Прутo-Днестровского междуречья. КС ОГАМ, Одесса, 1964; его же. Исследования неолита на Среднем Днестре. КСИА АН СССР, 105; его же. Неолитическая стоянка Сороки-Триуфацкий лет I. МИАЭ МССР, Кишинев, 1964.

[9] Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ Б1—11. М., 1963.

Раскопками ряда памятников трипольской культуры в Молдавии на реках Днестр (Голерканы[10], Попенки и Журы[11], Солончены[12]), Реут (Варваровка), Ботна (Новые Русешты) и др. заполнен существовавший прежде территориальный пробел в изучении ареала трипольских памятников от Украины до Румынии. Открытие на берегу Днестра Выхватинского[13] позднетрипольского бескурганного могильника и кургана усатовского типа у с. Тудорово[14] явилось значительным вкладом в археологию трипольской культуры. Результаты этих работ обобщены в монографии Т. С. Пассек[15].

Изучение трипольской культуры в Молдавии позволило очертить основные этапы развития неолитических и энеолитических культур дунайско-днестровских земель, значительно продвинуть вперед разрешение проблемы ее происхождения, составить более ясное представление о хозяйстве и мировоззрении древнеземледельческих племен[16] и разработать многие другие вопросы[17]. Находка у с. Карбуна в 1962 г. уникального раннетрипольского клада, содержавшего около 800 предметов, из которых больше половины медные, существенно изменил представления об освоении металла трипольцами[18]. В последние годы началось изучение еще одной распространенной в Румынии и на юге Молдавии неолитической культуры гумельницы[19].

Итоги изучения культур эпохи бронзы в Молдавии также существенны. Произведены раскопки нескольких больших курганов с погребениями ямной, катакомбной и срубной культур у селений Градиштя Т. Г. Оболдуевой, Зернешты на Пруте Н. А. Кетрару и Олонешты в долине Днестра А. И. Мелюковой[20].

Наиболее значительны исследования памятников культуры Ноуа, распространившейся в XIV—XII вв. до н. э. от Центральной Румынии до Пруто-Днестровского междуречья. Проведенные А. И. Мелюковой в 1956—1957 гг. близ с. Гиндешты Флорештского района раскопки зольных холмов на поселении этой культуры раскрыли картину жизни ее древних создателей — скотоводов и земледельцев[21]. В 1964—1965 гг. Г. И. Смирнова раскапывала один из немногих известных могильников культуры Ноуа близ с. Старые Бедражи Единицкого района.

Помимо культуры Ноуа была открыта и исследовалась вошедшая с ней в контакт на территории Пруто-Днестровского междуречья в конце

---

[10] Т. С. Пассек. Раскопки на многослойном поселении у с. Голерканы в 1954 году. ИМФАН СССР, 4 (31), Кишинев, 1956; ее же. Ранние земледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, 84, 1961.

[11] С. Н. Бибиков. Археологические раскопки у селений Попенки и Жуы на Днестре в 1952 году. КСИИМК, 56, 1954.

[12] Т. Г. Мовша. Многослойное трипольское поселение Солончены II на Днестре. КСИА АН СССР, 105.

[13] А. Е. Алихова. Выхватинский могильник. КСИИМК, XXVI, 1949; И. Г. Розенфельд. Выхватинский могильник по раскопкам 1951 г. КСИИМК, 56, 1954; Т. С. Пассек. Итоги работ в Молдавии в области первобытной археологии. Там же.

[14] А. И. Мелюкова. Курган усатовского типа у села Тудорово. КСИА АН СССР, 88, 1962.

[15] Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена...

[16] Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. СА, 1965, 1—2.

[17] Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР...; ее же. История племен в V—III тысячелетиях до н. э. на территории Молдавии. КСИА, 105.

[18] Г. П. Сергеев. Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, 1.

[19] Е. К. Черныш. Многослойное поселение у с. Болграда ЗОАО, II (35), Одесса, 1963; Е. К. Черныш. И. Т. Черняков. Археологические разведски в Подунавье. КСИА АН СССР, 99, 1964; Т. С. Пассек, Е. К. Черныш. Открытие культуры Гумельницы в СССР. КСИА, 100, 1965.

[20] А. И. Мелюкова. Курганы эпохи бронзы у села Олонешты. КСИА АН СССР, 89, 1962.

[21] А. И. Мелюкова. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА, 96, 1961.

среднего этапа бронзового века культура населения Северного Причерноморья — сабатиновская. В 1962—1966 гг. поселение и могильник этой культуры раскапывались Г. Ф. Чеботаренко у с. Калфа Новоаненского района, в непосредственной близости от Днестра [22].

Периодизация памятников культуры населения лесостепной Молдавии конца эпохи бронзы XI—VIII вв. до н. э. и характеристика ее основных черт дана А. И. Мелюковой после раскопок поселений под Кишиневом у с. Голерканы Каушанского района, поселения и могильника у пос. Шолденешты Флорештского района [23]. По-видимому, продолжая культурные традиции, заложенные в предшествующий период, культура населения средней части Пруто-Днестровского междуречья конца эпохи бронзы представляет собой подоснову развития культуры фракийского населения в следующую эпоху — начало железного века.

Изучение памятников начального этапа железного века началось с уже упоминавшихся раскопок 1946 г. Г. Д. Смирновым фракийского поселения VII—VI вв. до н. э. Сахарна [24], а затем было продолжено Р. Л. Розенфельдтом (1951 г., могильник VII—VI вв. до н. э. Алчедар) [25] и А. И. Мелюковой (1952—1953 гг., поселение VII—VI вв. до н. э. Солончены) [26].

В 1950 г. Г. Д. Смирнов и Г. П. Сергеев [27] раскопали фракийский могильник VII—VI вв. до н. э. у с. Сахарна. В 1955 г. этот могильник раскапывался под руководством А. И. Мелюковой.

Рассеянные почти по всему Пруто-Днестровскому междуречью многочисленные городища и поселения гетской культуры IV—III вв. до н. э. исследовались сравнительно мало. Наиболее крупные раскопки были осуществлены в 1947, 1948 и 1956 гг. Г. Д. Смирновым на одном из самых больших гетских городищ у с. Бутучены Оргеевского района, где открыто уникальное каменное укрепление. Раскопки другого гетского городища у с. Алчедар Резинского района провела в 1962 г. Т. Д. Златковская [28]. У с. Ханска Котовского района А. И. Мелюковой открыт первый гетский могильник IV—III вв. до н. э.

Поздний этап развития гетской культуры II в. до н. э.— II в. н. э. изучен Г. Б. Федоровым по материалам раскопок селища и могильника у с. Лукашевка Оргеевского района, могильника у с. Сипотены Калараш ского района и др. [29].

В итоге археологических исследований А. И. Мелюкова установила периодизацию памятников эпохи раннего железного века Пруто-Днестровского междуречья для лесостепной зоны. Памятники распространенной здесь фракийской культуры VII—VI вв. до н. э. связываются с Геродотовыми агафирсами. Большинство гетских поселений и городищ развивается на прежних местах обитания агафирсов. Основой их хозяйства являлось земледелие и пастушеское скотоводство. Во второй половине

---

[22] Г. Ф. Чеботаренко. Могильник эпохи бронзы у с. Калфа на Днестре. КСИА, 1905.

[23] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья. МИА, 64, 1958; ее же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.

[24] Г. Д. Смирнов. Скифское городище и селище Большая Сахарна. КСИИМК, XXVI.

[25] Р. Л. Розенфельдт. Алчедарские курганы. ИМФАН СССР, 5 (25). Кишинев, 1955.

[26] А. И. Мелюкова. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии. КСИИМК, 56, 1954.

[27] Г. Д. Смирнов. Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока). ИМФАН СССР, 5 (25).

[28] Т. Д. Златковская. Городище Матеуцы. Сб.: «Новое в советской археологии». М., 1965.

[29] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, гл. 1.

IV в. до н. э. устанавливаются экономические связи гетов Пруто-Днестровского междуречья с греческими колониями на берегах Черного моря [30].

Пожалуй, одними из самых значительных по объему проведенных полевых работ, полученным археологическим материалам и по их осмыслению являются результаты исследований позднесарматской и черняховской культур. Разведки памятников этих культур и раскопки под руководством Г. Б. Федорова сарматского могильника и поселения у с. Боканы [31] Фалештского района, черняховских могильников Малаешты в Рышканском районе, Балцаты [32] Новоаненского района, обследования других памятников и работы М. А. Тихановой на селище Попенки [33] на берегу Днестра позволили составить археологическую карту [34], на которой нанесено свыше 200 поселений и могильников, поставить и приступить к освещению ряда важных проблем черняховской культуры. Первые итоги исследований были подведены в монографии Г. Б. Федорова [35].

В лесостепной части Пруто-Днестровского междуречья у с. Будешты в 1953 г. Э. А. Рикман открыл и в течение ряда лет исследовал один из самых известных черняховских могильников и прилегающее к нему селище [36].

На протяжении последних 15 лет Э. А. Рикман провел большую работу по изучению памятников черняховской культуры Молдавии. Нанесено на карту более 500 открытых им и другими археологами черняховских памятников. Под его руководством произведены раскопки черняховских селищ близ сс. Солончены, Лукашевка, Балцаты, Балабанешты, Кошница, Загайканы, Делакеу, Кобуска-Веке, Собарь, у г. Комрат, Петриканы и могильников Балцаты, Токмазея [37].

Исследования памятников черняховской культуры Пруто-Днестровского междуречья позволили дать характеристику черняховской культуры этой области ее распространения, выявить особенности памятников, продвинуть решение проблем ее происхождения, развития и судеб. Получены весьма ценные и значительные материалы по домостроительству черняховцев, земледелию, скотоводству, ремеслу, погребальному обряду, их экономическим и культурным связям с позднеантичным миром [38]. Су-

[30] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Приднестровья; ее же. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. МИА ю-з СССР и РНР; ее же. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии.

[31] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии, ИМФАН СССР, 4 (31), 1956.

[32] Г. Б. Федоров. Два черняховских могильника в Молдавии. МИА ю-з СССР и РНР.

[33] М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда молдавской экспедиции. КСИИМК, 57, 1955.

[34] Г. Б. Федоров. Древние славяне и их соседи в Молдавии. Уч. зап. ИИЯЛ МФ АН СССР, VI, Кишинев, 1957.

[35] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья, гл. 2.

[36] Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов в Молдавии (по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры у с. Будешты). Кишинев, 1967.

[37] Э. А. Рикман. Раскопки селищ первых веков нашей эры в Поднестровье. КСИИМК, 68, 1957; его же. Селища первых веков нашей эры у сел. Зайгайканы и Делакеу (Молдавия). КСИА АН СССР, 90, 1962; его же. Черняховское селище Балабанешты (Молдавия). МИА, 116, 1964; его же. Черняховское селище Делакеу. Сб. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967; Э. А. Рикман, Г. П. Сергеев. Селище первых веков нашей эры у с. Кобуска-Веке (Молдавия). МИАЭ МолдССР.

[38] Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА, 1958; 3; Э. А. Рикман, К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, 3; его же. Поздние сарматы Днестровского-Дунайского междуречья. СЭ, 1966, 1; его же. Погребальные обряды Будештского могильника. МИЭА МССР; Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИА АН СССР, 105; Э. А. Рикман, З. В. Янушевич. Земледелие у племен черняховской культуры (по материалам памятников Днестровско-Прутского междуречья). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 г. Кишинев, 1966.

щественным достижением является установление гетского (фракийского) компонента в черняховской культуре.

Г. Б. Федоров начал изучение раннеславянской культуры (раскопки на селищах Алчедар-III, Лопатна, Бранешты-I и др.[39]), которое затем продолжил и расширил И. А. Рафалович. В 1961—1966 гг. он осуществил раскопки славянских поселений VI—IX вв. Хуча-I[40], Одая, Ханска-III и Реча.

В результате раскопок получен большой материал, позволяющий судить о времени заселения славянами Пруто-Днестровского междуречья, характеризующий хозяйство, быт и уровень социального развития ранних славян в Молдавии[41]. Выявляются варианты их культуры, по-видимому, увязывающиеся с различными этапами заселения и определенными племенными образованиями. Открытие ранее неизвестной древнерусской культуры Среднего Поднестровья явилось основным итогом многолетних работ Пруто-Днестровской экспедиции. Под руководством Г. Б. Федорова полностью исследовано городище у с. Екимауцы, погибшее в первой половине XI в. Открылась яркая картина неравного героического сражения с кочевниками. При раскопках собран богатейший археологический материал, характеризующий древнерусскую культуру Поднестровья IX—X вв.[42].

В 1950—1963 гг. широким фронтом велись раскопки другого древнерусского поселения на Среднем Днестре (Г. Б. Федоров). Полностью раскопано городище и исследована значительная часть прилегающего к нему обширного ремесленно-торгового посада с десятками землянок, остатками металлургического производства (домницы, шлаки, обогатительные печи), металлообработки и других ремесел. Здесь, у нынешнего с. Алчедар в IX—XII вв. существовал крупный торгово-ремесленный поселок, переросший в город[43].

В 1962—1963 гг., после многолетних поисков, вблизи Алчедарского поселения был открыт и раскопан первый в Молдавии древнерусский курганный могильник с трупосожжениями конца IX — первой половины X в.

В кратком обзоре невозможно перечислить обнаруженные при раскопках жилые, хозяйственные и фортификационные сооружения, вещевой материал и многое другое, позволяющее фундаментально обрисовать облик и исторические судьбы культуры древнерусского населения Среднего Поднестровья[44].

[39] Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья..., гл. 3; Г. О. Дзис-Райко. Розкопки слов'яньского селища Бранешты I. Матеріали з археології Північного Причерномор'я, III, Одесса, 1960.

[40] И. А. Рафалович. Раннеславянские селища Хуча VI—VII вв. КСИА АН СССР, 105.

[41] Г. Б. Федоров. Ук. соч.; И. А. Рафалович. Карта раннеславянских поселений VI—VII вв. на территории Прутско-Днестровского междуречья. Тр. 3-й конференции молодых ученых Молдавии; его же. О некоторых устойчивых чертах планировки поселений и домостроительства у славян в Днестровско-Дунайских землях. Материалы 4-й конференции молодых ученых Молдавии, Кишинев, 1966 г.; И. Г. Хынку. Гончарное производство славян Молдавии VI — начала IX века. ИМФАН СССР, 4 (70), 1960; его же. Славяне в Прутско-Днестровском междуречье. ААН, XVII. 1—4. Будапешт, 1965.

[42] Г. Б. Федоров. Городище Екимауцы. КСИИМК, 50, 1953; его же. Славяне Поднестровья. ВАН СССР, 2, 1952; его же. Славянские городища в Молдавии. ВАН СССР, 4, 1953; его же. Славяне Поднестровья, Сб.: «По следам древних культур». М., 1953; его же. Итоги трехлетних работ в Молдавии в области славяно-русской археологии. КСИИМК, 56, 1954; его же. Посад Екимауцкого поселения. Сб.: «Культура Древней Руси». М., 1966; Г. Б. Щукин. Городище Екимауцы в Молдавии. «Архитектурное наследство», 8, 1957.

[43] Г. Б. Федоров. Работы Прутско-Днестровской экспедиции. КСИА АН СССР, 81, 1960; его же. Работа Прутско-Днестровской археолого-этнографической экспедиции в 1962 г. КСОГАМ, Одесса, 1964; его же. Древнерусский город на Днестре. ВАН СССР, 106, 1960; его же. Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960—1961 гг. КСИА АН СССР, 99, 1964.

[44] Г. Ф. Федоров. Население юго-запада СССР в I — начале II тысячелетия н. э. СЭ, 1961, 5; его же. Итоги и задачи изучения древнеславянской культуры юго-

У границ Молдавии, в южной части Пруто-Днестровского междуречья А. И. Фурманская (Глубокое, 1949 г.)[45] и Г. Б. Федоров (Криничное, 1957 г.)[46] начали изучение памятников так называемой балкано-дунайской культуры, характер и этническая принадлежность которой пока являются предметом острых дискуссий. Во всяком случае, это культура разноплеменного населения, одним из основных и, пожалуй, самых значительных компонентов которой является славянский. По-видимому, восточнороманское население также являлось ее носителем.

В 1960—1966 гг. Г. Ф. Чеботаренко раскапывал один из памятников этой культуры на территории МССР — поселение около с. Калфа, недалеко от впадения р. Бык в Днестр[47]. Изучением древнерусской и балкано-дунайской культуры занимается также И. Г. Хынку, который вел раскопки на поселениях Лукашевка V, Петруха, Бранешты XIII, а в настоящее время раскапывает селище и могильники у с. Ханска Котовского района[48].

Значительный размах приобрели археологические исследования молдавских и других средневековых памятников. Особенное внимание привлекает период заселения Пруто-Днестровского междуречья волошским и молдавским населением до XV в. Работами И. Г. Хынку на поселениях Лукашевка V, Петруха и др. установлено, что в центральной лесистой части междуречья после опустошительных набегов кочевников в X—XII вв. продолжало проживать славянское население. По мнению автора, в это время здесь появляются первые восточнороманские элементы[49]. По материалам работ Г. Д. Смирнова и П. П. Бырня, интенсивное заселение Пруто-Днестровского междуречья восточнороманскими племенами относится к XIV—XV вв.[50].

Значительным достижением молдавской советской археологии является открытие в Пруто-Днестровском междуречье неизвестной по письменным источникам области оседлой цивилизации, входившей в конце XIII — первой половине XIV в. в состав Золотой Орды. Здесь открыты большие города Старый Орхей (Г. Д. Смирнов); Костешты (Л. Л. Полевой); Э. А. Рикман[51], многочисленные сельские поселения[52], из которых раскопкам были подвергнуты Лозово I (Л. Л. Полевой) и Бранешты X и III (П. П. Бырня).

П. П. Бырня с 1956 г. начал изучать молдавские сельские поселения XV—XVII вв. Он осуществил раскопки средневековых селищ близ сел Малаешты и Стынкауцы в северной части МССР, Пояны в Среднем По-

---

запада СССР. КСИА, 105; его же. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье Конгресс балканских исследований (1-й). М., 1966.

[45] А. И. Фурманская. Слов'янське поселення на територіі Ізмаільскої області. «Археологія», VII, Київ, 1952.

[46] Г. Б. Федоров. Совместные работы румынских и советских археологов. ВАН СССР, 2, 1958, стр. 81—82; его же. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. Конгресс балканских исследований, стр. 15—18.

[47] Г. Ф. Чеботаренко. Городище Калфа, МИАЭ МССР; его же. Жилища городища Калфа VIII—IX вв. ИАИ МолдССР, 1965, 12.

[48] И. Г. Хынку. Археологические памятники X—XIX вв. в Ганчештских и Оргеевских кодрах Молдавии. Конгресс балканских исследований.

[49] И. Г. Хынку. Селище Лукашевка V—XI—XV вв. МИАЭ МССР; его же. Раскопки на селище XII—XIV вв. Лукашевка. КСИА АН СССР, 86, 1961.

[50] Г. Д. Смирнов. Заселение романизированными племенами Прутско-Днестровского междуречья в свете археологических материалов. МИА ю-з СССР и РНР; П. П. Бырня. К вопросу о заселении Прутско-Днестровского междуречья в эпоху средневековья. Тр. 3-й конференции молодых ученых Молдавии, III; его же. Северо-западный путь заселения территории Молдавии восточнороманским населением. КСИА АН СССР, 105.

[51] Г. Д. Смирнов. Археологические исследования Старого Орхея. КСИИМК, 56, 1954; его же. Из истории Старого Орхея. ИМФАН СССР, 4 (70), 1960; Л. Л. Полевой. Нумизматические данные к истории молдавского средневекового города Старого Орхея. КСИИМК, 66, 1956; его же. Археологические материалы к истории Молдавии XIV в. СА, 1965, 3; Э. А. Рикман. Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты. ИМФАН СССР, 5 (25), 1955.

[52] Л. Л. Полевой. Об одной из групп керамики на поселения XIV в. в Прутско-Днестровском междуречье. МИАЭ МССР.

днестровье, Руссены, юго-восточнее Кишинева, на берегу р. Бык и др.[53]. Датировка и типология поселений, характеристика основных черт молдавской сельской материальной культуры и многие другие вопросы явились предметом монографии П. П. Бырни, которая готовится к печати.

Одним из наиболее значительных археологических памятников МССР является городище Старого Орхея — развалины молдавского средневекового города. Расположенный в живописном и защищенном природой месте, этот многослойный памятник изучается с 1947 г. Здесь есть остатки почти непрерывного обитания от эпохи палеолита вплоть до позднего средневековья. Под руководством Г. Д. Смирнова на территории древнего города открыты более 40 разных сооружений: церквей, бань, общественных зданий, каменных и земляных укреплений, жилищ, мастерских, собран огромный вещественный материал. На городище найден большой клад земледельческих орудий XIV в. Разработана периодизация истории Старого Орхея[54].

В советские годы велась работа в области вспомогательных дисциплин: антропологии[55] и нумизматики, особенно средневековой. Важно наблюдение, что молдавская монета, в основном чеканившаяся в последней четверти XIV — первой половине XVI в., служила главным средством денежного обращения в стране[56].

Мы дали очень сжатый обзор археологического изучения прошлого Молдавии за последние двадцать лет. Из области преданий, легенд и домыслов древнейшая история нашей республики в значительной степени перешла в область науки, что позволило написать «Историю Молдавии», где подведены итоги первых этапов развития советской археологической науки в республике. До 1950 г. велось систематическое изучение лишь некоторых периодов древнейшей истории края: энеолита, начала железного века. Затем развернулись большие работы почти по всему археологическому циклу, от палеолита до средневековья.

В 1957 г. при секторе археологии Института истории АН МолдССР был создан археологический музей. В нем сосредоточены уникальные материалы из раскопок памятников древности, отражающие развитие культуры населения Пруто-Днестровского междуречья с эпохи палеолита до XVII в. Коллекция музея непрерывно пополняется и обновляется материалами текущих раскопок, так что она также отражает состояние археологической изученности края.

Музей сектора археологии приобрел большое значение в пропаганде научных знаний, в изучении прошлого нашей республики и всего юго-запада СССР. Его материалы привлекают внимание не только советских, но и археологов Румынии, Болгарии, Венгрии и др.

За годы Советской власти Молдавия стала одним из центров развития археологической науки. Помимо сектора археологии Института истории АН МССР, археологические исследования ведут также Республиканский историко-краеведческий музей и Кишиневский университет. С 1953 г.,

---

[53] П. П. Бырня. К вопросу об исследовании молдавских сельских поселений XV—XVII вв. Материалы первой конференции молодых ученых Молдавии, Кишинев, 1958; П. П. Бырня, Г. Ф. Чеботаренко. Из исследований Поянского селища. ИМФАН СССР, 4 (70), 1960.

[54] Г. Д. Смирнов. Декоративные кирпичи из молдавского города Старый Орхей. ИМФАН СССР, 4 (31), 1956; его же. Производство красноглиняных печных изразцов и опыт реконструкции печей по материалам Старого Орхея. Там же; Л. Л. Полевой. Монеты из раскопок Старого Орхея (1947—1956). МИА ю.-з. СССР и РНР.

[55] М. С. Великанова. К этнической антропологии Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. КСИА АН СССР, 105; ее же. К антропологии средневековых славян Прутско-Днестровского междуречья. СЭ, 6, 1964; ее же. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным. СЭ, 1965, 6.

[56] Л. Л. Полевой. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии. ИМФАН СССР, 5 (25); его же. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII—XV вв. ИМФАН СССР, 4 (31), 1956; его же. Происхождение молдавской денежной системы. КСИА АН СССР, 105.

когда состоялось первое расширенное заседание ученых советов Института истории материальной культуры и Института истории Молдавского филиала АН СССР, в Молдавии было проведено несколько представительных научных собраний. Наряду с постоянным сотрудничеством молдавских, украинских и российских археологов в 1957—1959 гг. наладились контакты советских и румынских ученых в решении ряда общих для археологии обеих стран проблем. В эти годы в Алчедаре, Кишиневе и Бухаресте состоялись советско-румынские научные семинары [57], были организованы совместные экспедиции. Итогом этих работ явилось издание в 1960 г. в Кишиневе сборника трудов по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики.

В 1964 г. в Кишиневе работал первый симпозиум по археологии и этнографии юго-запада СССР, привлекший большое внимание научной общественности страны. В юбилейном 1967 г. Кишинев принимал археологов всего Советского Союза, собравшихся на очередную научную сессию Отделения исторических наук, посвященную итогам археологических и этнографических исследований.

Повышается научная квалификация археологов Молдавии. В этом деле большую роль играет Институт археологии АН СССР, где готовятся археологические кадры высокой квалификации. Археологическая наука советской Молдавии вступила в период своего расцвета. Здесь в содружестве с учеными Москвы, Ленинграда, Киева и других городов Советского Союза работает значительный коллектив квалифицированных археологов, способный вести разработку крупных проблем древнего прошлого республики. Итоги археологических работ в Молдавии на пороге славного юбилея Советской власти, огромны, но еще бóльшие работы впереди.

---

[57] Т. С. Пассек. Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих районов Украины. СА, 1959, 1; е е ж е. Румыно-советский семинар по проблемам первобытной археологии, СА, 1963, 3.

Х. А. МООРА

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ

Развитие археологии в Советской Эстонии могло опереться на широкую базу, созданную в этой области знаний в предшествующее время. С начала XIX в. изучением археологических памятников занимались возникшие в ряде городов Эстонии общественные научные организации во главе с Ученым эстонским обществом (основанным в 1838 г.) в Тарту. В период до первой мировой войны эти общества накопили в своих музеях богатый археологический материал. Сельский учитель Ян Юнг создал в 80-х и 90-х годах прошлого века для сбора сведений об археологических древностях большую сеть корреспондентов, охватывавшую всю материковую часть Эстонии. При их помощи он составил весьма полные списки археологических памятников, являющихся еще и в наши дни до известной степени основой организации полевых исследований и охраны памятников.

Определенных успехов развитие археологии достигло в период существования буржуазной Эстонской республики. В 1920 г. в Тартуском университете была создана кафедра археологии, которую занял известный финский ученый А. М. Тальгрен, заложивший прочную основу научному исследованию древнейшей истории Эстонии. Организованный им при Тартуском университете кабинет (позже институт) и музей археологии стали в своей области научно-исследовательским центром республики. В результате раскопок, ежегодно проводимых Тальгреном и подготовленными им эстонскими археологами, значительно умножилось количество археологического материала. С середины 30-х годов начались систематические раскопки городищ. Из опубликованных в этот период трудов [1] следует особо назвать написанную Тальгреном сводную работу «Zur Archäologie Eestis», I, II (Тарту, 1922, 1925).

Несмотря на успешное развитие, археология в буржуазной Эстонии носила по существу вещеведческий характер. Эстонские археологи, правда, ставили одной из целей своих изысканий выяснение развития не только древней материальной культуры, но и экономики. Однако, исходя из идеалистического миропонимания, они не осознавали решающей роли роста производительных сил в истории общества. История материальной культуры рассматривалась в отрыве от развития производства. Важнейшей движущей силой в истории культуры Прибалтики считали внешние, главным образом западные, влияния. Вопрос о характере общественных отношений по существу вообще не ставился. Кроме того, памятники отдельных периодов, в том числе эпохи неолита и поздние — X—XIII вв., оставались весьма слабо изученными.

Восстановление в 1940 г. в Эстонии советского строя знаменовало собой коренной перелом и в развитии археологии. Археологические исследова-

[1] Х. Моора. Археологические исследования в Эстонии за последние 20 лет. КСИИМК, X, 1941, стр. 89 сл.

ния были перестроены на основе методологии исторического материализма. Тем самым археология только теперь стала подлинно исторической наукой. Советское государство создало нужную базу для развития науки. В 1946 г. была учреждена Академия наук Эстонской ССР. С 1947 г. центром археологических работ в республике стал сектор археологии (позднее переименованный в сектор археологии и этнографии) Института истории вновь созданной Академии. Основой работы сектора явились переданные Институту истории Тартуским государственным университетом коллекции и оборудование кабинета и музея археологии. Кадры археологов по сравнению с прежними увеличились вдвое. В состав научных работников сектора вошли также нумизмат и антрополог, обеспечившие изучение соответствующих материалов, разрабатывавшихся ранее лишь любителями.

В перестройке археологии действенную помощь Институту истории АН ЭССР оказали Институт археологии и Институт этнографии АН СССР, организовавшие в 1949 г. в Ленинграде, в 1951 г. в Тарту и в 1955 г. в Вильнюсе сессии, посвященные вопросам археологии, а также этнографии Прибалтики. Усилия археологов были сосредоточены на решении важнейших вопросов древнейшей истории населения территории Эстонии и смежных областей лесной полосы. В качестве основных проблем были выдвинуты, в частности, вопрос о ходе заселения территории республики и формирования этнического состава ее обитателей, хозяйственные и культурные взаимоотношения древних жителей Прибалтики с населением соседних территорий, в особенности со славянскими племенами, образование в Прибалтике классов и возникновение феодальных отношений.

Первоочередной задачей археологов и историков Советской Эстонии были критический просмотр и переоценка наследия дворянской прибалтийско-немецкой и эстонской буржуазной историографии. Новое марксистское обобщение древней истории Эстонии на основании археологических источников было дано в первых главах однотомной и трехтомной истории Эстонской ССР[2]. Одновременно археологи Эстонии приступили к накоплению новых материалов путем планомерных раскопок. Размах полевых работ по сравнению с прежним намного увеличился. Археологические разведки и раскопки были направлены в первую очередь на изучение памятников слабо исследованных ранее периодов и районов.

Начиная с 1946 г., под руководством Л. Ю. Янитса производились систематические раскопки поселений каменного века в разных районах Эстонии (Акали, Нарва, Вилла, Кяапа, Валма, Наакамяэ и др.). Три неолитических поселения, расположенных на западном берегу реки Нарвы на месте бывшей деревни Рийгикюла, исследовала Н. Н. Гурина. Полученный в результате этих работ материал по неолиту Эстонии количественно и качественно немного превосходит материалы, собранные за все предшествующее время[3]. Новые данные позволили Л. Ю. Янитсу разработать и обосновать относительную хронологию эпохи неолита и периода раннего металла, датировки которых ранее опирались лишь на самые общие, заимствованные из соседних стран схемы. Теперь оказалось возможным проследить последовательность важнейших этапов развития культуры на основании стратиграфии залегания, главным образом разных типов керамики. Применение метода радиоактивного углерода позволило определить в известных пределах и абсолютные даты этих этапов.

---

[2] История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1958, стр. 5, сл.; История Эстонской ССР. I, Таллин, 1961, стр. 7.

Ввиду того, что в статье М. Х. Шмидехельм «Некоторые результаты археологических исследований в Советской Эстонии» (СА, 1963, 3, стр. 136 сл.) была приведена библиография трудов и статей по археологии, опубликованных до 1962 г. включительно, ниже цитируются главным образом работы последующих лет, а из трудов, вышедших ранее, лишь важнейшие.

[3] Л. Ю. Янитс. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959; Н. Н. Гурина. Из истории древних племен западных областей СССР. МИА, 144, л., 1967.

До недавнего времени между неолитом и мезолитом, с одной стороны, и неолитом и эпохой металла, с другой, существовал хронологический разрыв. Материалы, добытые новыми раскопками, заполнили до некоторой степени эти разрывы и дали тем самым возможность проследить в общих чертах развитие культуры и заселения территории Эстонии с эпохи мезолита вплоть до раннего железа. Существование непрерывной связи между культурой неолита и раннего железного века представляет особый интерес, так как этот факт может служить подтверждением выдвинутой уже ранее гипотезы о принадлежности местных неолитических обитателей к прибалтийско-финской группе финно-угров.

Для проверки датировки мезолитической культуры Л. Ю. Янитс совместно с Г. Н. Лисицыной провел небольшие раскопки и на месте известного поселения Кунда [4].

Работы Л. Ю. Янитса и Н. Н. Гуриной намного обогатили наши представления о культуре каменного века и эпохи раннего металла в Эстонии. Их работы имеют большой интерес для исследования древнейшей истории всего запада лесной полосы Восточной Европы, включая и территорию Финляндии [5].

Памятников первой половины бронзового века (конца II и начала I тысячелетия до н. э.) в Эстонии пока известно мало. Их топография и характер свидетельствуют, однако, о том, что в период, охватывавший конец неолита и раннюю эпоху металла, т. е. большую часть II тысячелетия и все I тысячелетие до н. э., происходило постепенное, хотя в суровых условиях местной северной природы и очень медленное распространение первобытного животноводства и земледелия.

Обнаруженные и исследованные за последние десятилетия памятники относятся в своем большинстве к середине и второй половине I тысячелетия до н. э., т. е. к концу эпохи бронзы и раннему железному веку. Из них наибольший научный интерес представляют возникающие в этот период укрепленные поселения. Раскопки этих памятников, начатые в тридцатые годы, были продолжены под руководством А. К. Вассара, М. Х. Шмидехельм, А. Э. Кустин и В. А. Лыугаса. Кроме двух ранее известных поселений, Асва на острове Сааремаа и Иру под Таллином, раскопками были охвачены и некоторые вновь открытые памятники того же типа, из которых наиболее интересным оказалось поселение Ридала (неподалеку от Асвы).

Керамика и остальной вещевой материал этих поселений представляют собой весьма своеобразный комплекс. Помимо элементов местного происхождения этот комплекс имеет немало общего с дьяковской культурой, но одновременно включает также ряд лужицких черт и некоторые вещи скандинавского облика. Значительное количество литейных формочек, найденных в укрепленных поселениях, свидетельствует о том, что под конец эпохи бронзы в Прибалтике металла в обиходе было больше, чем можно было полагать по редким случайным находкам [6].

Параллельно с поселениями было исследовано также некоторое количество одновременных могильников с каменными ящиками.

Особое внимание уделялось изучению топографии памятников поздней эпохи бронзы и раннего железа и ее связи с местными природными условиями. Памятники этих периодов на севере и западе республики придер-

---

[4] Л. Ю. Янитс. Новые данные по мезолиту Эстонии. МИА, 126, 1966, стр. 144 сл.

[5] По предложению Финского археологического общества Л. Ю. Янитс опубликовал в журнале этого общества сводку результатов своих исследований: L. Jaanits. Über die Ergebnisse der Steinzeitforschung in Sowjetestland. «Finskt Museum», 1965, стр. 5 сл., в которой приводится и вся новейшая литература по теме.

[6] В. Лыугас. К истории металлообработки эпохи бронзы в Эстонии. Сб. «От эпохи бронзы до раннего феодализма». Таллин, 1966, стр. 102 сл. (на нем. яз. с резюме на русск. яз.); его же. О датировке городища Асва. ИАН ЭССР. Обществ. науки, 1967, стр. 81 сл. (на эст. яз., резюме на русск. яз.).

живаются, как правило, участков с маломощной карбонатной почвой, а также окраин низин, которые первоначально были заняты лишь редким лесом, но сравнительно богаты кустарником и естественными лугами. Это обстоятельство, как и большое количество костей домашних животных, обнаруженных в поселениях, свидетельствует о том, что к этому времени животноводство успело занять большое место в хозяйстве древнего населения Эстонии.

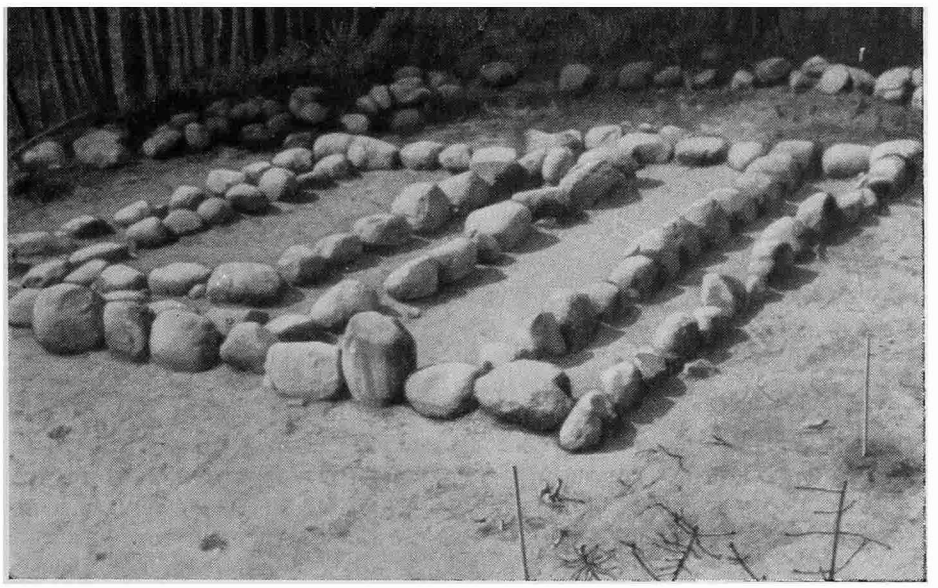


Рис. 1. Оградки каменного могильника III—IV вв. в Вирунука (юго-вост. Эстония)

Следующий период, первая половина I тысячелетия н. э., представлен значительно бóльшим количеством памятников, которые уже в довоенное время были исследованы подробнее, чем археологические материалы какого бы то ни было другого периода. Уже ранее также было установлено, что на территории Эстонии к началу нашей эры успели сложиться древнеэстонские племена, основой хозяйства которых было земледелие. Исследования, произведенные в Советской Эстонии, значительно уточнили наши представления об исторической обстановке, господствовавшей в этот период.

В результате постоянного и длительного взаимного общения древнеэстонских племен с населением территории современной Латвии и Литвы материальная культура обитателей всей этой области в данный период и позднее носила весьма сходный характер. Известно, что советские ученые рассматривают Прибалтику на основании этнографического материала как особую историко-культурную область, которая, следовательно, сложилась уже к началу нашей эры.

Подробное изучение археологических памятников Эстонии, их географического распространения и локальных особенностей позволило в свою очередь установить в пределах территории республики несколько местных культурных групп, или микрорайонов. Памятники материальной культуры северо-восточной Эстонии, занимавшей среди прочих районов до известной степени ведущее место, подробно исследовала М. Х. Шмидехельм[7]. Ее

[7] М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, 1955.

монография, основанная на огромном материале, с привлечением большого количества сравнительных данных с соседних территорий, является одним из основных трудов по археологии Прибалтики. Западные группы охарактеризовал А. К. Вассар[8], а изучением юго-восточной группы занималась С. К. Лаул[9] (рис. 1).

Широкое распространение памятников свидетельствует о том, что в рассматриваемый период древнее население освоило много новых земель. Богатство археологического материала позволило попытаться, помимо разработки прочих вопросов, проследить также ход заселения древних племенных территорий и выяснить условия и факторы, определявшие этот процесс[10]. Из этих факторов основным, несомненно, был уровень развития производительных сил. Поэтому перед археологами особенно остро встал вопрос о характере экономики, в частности земледелия, у древних обитателей Эстонии. Возможность приступить к разработке этих вопросов открылась благодаря тому, что за последние годы в республике был опубликован ряд обстоятельных исследований по палеозоологии, истории растительного покрова, геологии, почвоведению и другим естественным наукам[11]. Первые попытки изучения указанных вопросов с привлечением данных естественных наук показали, что работа в этом направлении обещает дать определенные результаты.

Погребальные памятники, относящиеся к следующему периоду (V—IX вв.), бедны инвентарем. Поэтому до недавнего времени наши знания о развитии культуры и хозяйства в эти века были весьма скудны и условны. Лишь богатые новые материалы, полученные за два последних десятилетия при раскопках городищ и поселений, дали нам общее представление об исторических процессах, происходивших в рассматриваемый период. Большой новый материал, характеризующий культуру и социально-экономическую обстановку своего времени, дали, в частности, произведенные под руководством М. Х. Шмидехельм исследования городища и поселения Рыуге[12]. Городище Рыуге представляет собой одну из укрепленных усадеб верхов зажиточной знати, возникающих начиная с V в. в особенности на юге Эстонии. Появление укрепленных мест подобного типа является определенным признаком углубления социально-экономической дифференциации общества и распада первобытнообщинных отношений; наряду с небольшими укрепленными усадьбами отдельных богатых семей продолжали, однако, существовать, обычно в гуще населенных местностях, и сравнительно крупные крепости коллективного характера. Подобные крупные укрепления представляли собой, например, нижние слои городищ Отепя (раскопки О. В. Саадре) и Тарту (раскопки В. Труммал), а также поздний горизонт городища Иру, исследования которого продолжались под руководством А. К. Вассара.

Во второй половине I тысячелетия в Эстонии, как и на соседних территориях, вообще наблюдается усиление строительства укрепленных мест. Сооружается много новых укреплений и усиливаются существовавшие ранее. Видимо, обстановка в это время была крайне неспокойная. Начиная с VI в. на территорию эстонских племен с юга стали продвигаться балт-

---

[8] А. К. Вассар. К изучению племен I—IV веков в западной и юго-западной Эстонии. ВЭИЭН, Таллин, 1956, стр. 187 сл. (на эст. яз. с резюме на русск. яз.).

[9] С. К. Лаул. Каменные могильники в Вирункука Выруского района. ИАН ЭССР, сер. обществ. наук, 1965, стр. 317 сл.

[10] Т. Моора. О распространении населения в одном из районов центральной Эстонии в первой половине I тысячелетия н. э. Сб. «От эпохи бронзы до раннего феодализма», стр. 129 сл.

[11] Упомянем из этих работ: К. Л. Паавер. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. Таллин, 1965; Л. Х. Лаасимер. Растительный покров Эстонской ССР. Таллин, 1965 (на эст. яз. с резюме на русск. яз.); А. И. Лиллема. Почвы Эстонской ССР. Таллин, 1958 (на эст. яз.).

[12] М. Х. Шмидехельм. Городище Рыуге в юго-восточной Эстонии. Тр. ПОКЭ. I, М., 1959, стр. 154 сл.

ские племена. В то время в непосредственном восточном соседстве эстов появились восточные славяне — кривичи, а с запада и севера население Прибалтики стали теснить скандинавы. Вряд ли приходится сомневаться в том, что такая обстановка была одной из причин, почему в этот период у народов Прибалтики, по сравнению с их славянскими соседями, наблюдается заметное замедление развития социально-экономического развития.

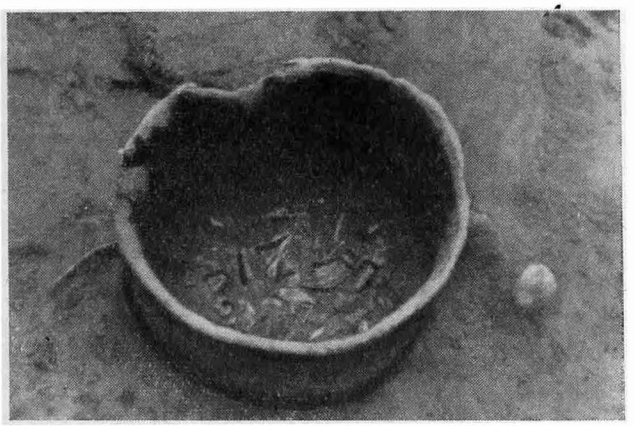


Рис. 2. Глиняный сосуд-урна с трупосожжением в одном из длинных курганов VI—VIII вв. в Линдора (юго-вост. Эстония)

В ходе продвижения кривичей на север некоторая их часть проникла и в юго-восточные районы Эстонии, где сохранилось значительное количество их погребальных сооружений в виде круглых и длинных курганов с трупосожжениями (рис. 2). Эти курганы, по своему характеру непосредственно примыкающие к подобным памятникам Псковщины, были ранее слабо исследованы. М. Х. Шмидехельм в течение нескольких лет производила раскопки этих курганов. Ей удалось, между прочим, проследить устройство длинных курганов и внести ясность в спорный до некоторой степени вопрос об их возникновении [13]. Несколько курганов славянского типа, расположенных в районе западного побережья Чудского озера, исследовал Ю. Я. Селиранд [14].

Успешным было исследование археологических памятников X — XIII вв., периода зарождения феодальных отношений. Основной упор здесь сделан на исследование городищ. Многолетними раскопками охвачены как крепости крупных древнеэстонских центров, Отепя [15], Тарту [16] и западноэстонские крепости коллективного характера — Вальяла, Соонтагана, так и замки феодализирующейся знати — Лыхавере (рис. 3), Наану и др. Эти работы дали ценные новые материалы о развитии строительной техники, разных отраслей хозяйства и общественного строя. С целью выяснения времени возникновения и характера первых городов были впервые произведены раскопки в городах Таллине и Тарту [17].

[13] М. Х. Шмидехельм. Курганные могильники в Линдора и других местах юго-восточной Эстонии. Сб.: «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений». Таллин, 1965, стр. 17 сл. (на эст. яз. с резюме на русск. яз.).

[14] Ю. Селиранд. Курганы второй половины I тысячелетия в западном Причудье. ИАН ЭССР, сер. обществ. наук, 1965, стр. 471 сл.

[15] О. В. Саадре. Из ранней истории Отепя. Таллин, 1966, стр. 45 сл. (на эст. яз.).

[16] В. Труммал. О результатах археологических раскопок на городище Тарту. Уч. зап. Тартуского гос. университета, 161. Тарту, 1964 (на эст. яз. с резюме на русск. яз.).

[17] С. А. Тараканова, О. В. Саадре. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине. Сб.: «Древние поселения и городища». Таллин, 1955, стр. 31 сл.

Был исследован ряд крупных могильников (как в материковой, так и в островной частях Эстонии). Результаты этих раскопок в значительной мере обогатили наши познания об обряде погребения, народной одежде, орудиях труда, оружии и украшениях в разных районах Эстонии. Для выяснения вопроса о развитии русско-эстонских культурных отношений были исследованы курганы новгородского типа на северо-востоке республики. С той же целью совместно с археологами Москвы и Ленинграда было

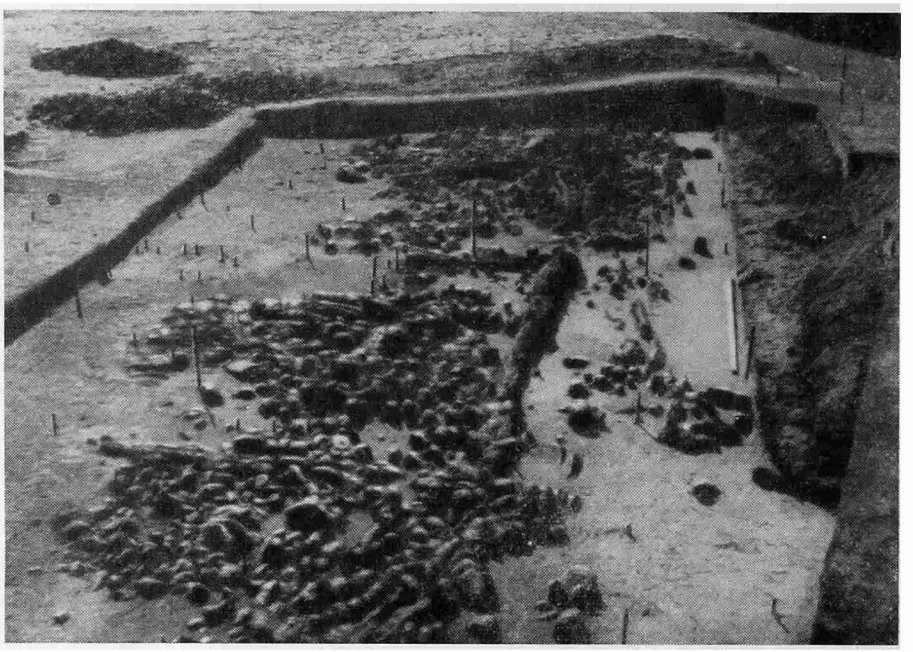


Рис. 3. Обуглившиеся остатки трех срубных жилых построек за боковым валом городища Лыхавере (южн. Эстония)

начато обследование археологических памятников северо-западной части земель древнего Новгорода. Наконец, в связи с тем, что в коллекциях Института истории АН ЭстССР имеется значительное количество предметов из произведенных в конце прошлого века раскопок ливских погребений, для получения дополнительных материалов совместно с латвийскими археологами были проведены раскопки и обследования погребальных памятников гауяских ливов на территории Латвийской ССР [18].

Археологические памятники одного из культурных микрорайонов, островов Сааремаа и Муху, изучены в кандидатской диссертации и статьях А. Э. Кустин. Итоги исследованиям обширных материалов погребальных памятников материковой части Эстонии подведены в кандидатской диссертации Ю. Я. Селиранда. Обе диссертации будут в недалеком будущем опубликованы в печати [19].

Многочисленным эстонским кладам, по преимуществу вещевым, посвятил небольшое исследование Э. Ю. Тыниссон [20]. Изменения, наблюдаемые в XII в. в составе вещевых кладов, как и перемены, происшедшие

[18] Я. Я. Граудонис, Э. Ю. Тыниссон. Раскопки ливских курганов в Кримульде. СА, 1963, 1, стр. 241 сл.; Э. Тыниссон. Ливские курганные могильники в Кримульде. ИАН ЭССР, сер. обществ. наук, 1966, стр. 85 сл.

[19] Основное содержание обеих диссертаций передают авторефераты: А. Э. Кустин. Археологические памятники периода зарождения раннефеодальных отношений на островах Сааремаа и Муху. Таллин, 1962; Ю. Я. Селиранд. Могильные памятники XI—XIII веков в материковой Эстонии. Таллин, 1966.

[20] Э. Ю. Тыниссон. Эстонские клады IX—XIII веков. Сб.: «Древние могильники и клады». Таллин, 1962, стр. 182 сл. (на эст. яз. с резюме на русск. яз.).

в обряде погребения и в характере оборонительных построек, показывают, что в то время процесс обособления феодализирующейся знати от массы свободного населения сделал заметный шаг вперед.

Из сотни с лишним монетных кладов, найденных в пределах Эстонии, разработана специалистами-нумизматами лишь небольшая часть. К настоящему времени сотрудник сектора археологии и этнографии в области нумизматики А. Н. Молвыгин закончил в рукописи первое сводное исследование о монетных находках XIII—XVI вв.[21]

Период, охватывающий X—XIII вв., принадлежит в Прибалтике уже в значительной степени к истории, оставившей также письменные источники. Археология в зависимости от специфики ее материалов может осветить, главным образом, лишь развитие культуры, экономики и имущественной дифференциации древнего общества, вопросы же социальных отношений могут быть решены только с привлечением данных письменных источников. Подытожив результаты археологических исследований и использовав также сведения ранних письменных источников, Х. А. Моора и Х. М. Лиги попытались выяснить состояние развития экономики и социального строя в Прибалтике в конце данного периода в сравнении с соответственной обстановкой на Руси[22]. Авторы приходят к заключению, что феодальные отношения успели к тому времени сложиться в пределах лишь крупных вотчинных владений богатой знати. Основная масса населения оставалась свободной, и ее земля не составляла еще феодальной собственности верхов знати. При этом развитие экономики и общественных отношений имело в разных районах некоторые местные отличия и шло соответственно несколько различными темпами. На юге и в особенности на юго-востоке развитие успело шагнуть немного дальше, чем на севере, чему способствовал, между прочим, и пример соседних русских феодальных княжеств.

Причину отставания Прибалтики в социально-экономическом развитии от Руси названные авторы видят не столько в частых нападениях воинственных соседей, сколько в одностороннем, по преимуществу аграрном характере хозяйства прибалтийских народов. Для развития прочих отраслей хозяйства, ремесла, бортничества, охоты и рыболовства, а в результате этого и торговли условия в Прибалтике были менее благоприятны, чем на Руси.

Много внимания археологи Советской Эстонии уделяли разработке вопросов этногенеза эстов и других прибалтийско-финских народов. Эта тема исследовалась ими в тесном сотрудничестве с антропологами, лингвистами, этнографами и фольклористами. В результате согласованного комплексного изучения вопросов этногенеза процессы сложения эстонского народа можно в настоящее время проследить в более отдаленном прошлом, чем этническую историю большинства других народов Советского Союза. Работа над вопросами этногенеза эстонцев потребовала исследования также основных этапов этнической истории соседних балтов. Итоги исследования этнической истории эстонцев и их взаимосвязей с балтами и славянами были изложены в двух сборниках[23]. Первый из них получил положительную оценку со стороны как советской, так и зарубежной критики и был отмечен первой премией Эстонской ССР в области науки.

Тесного сотрудничества с представителями смежных дисциплин археологи добивались не только при исследовании этнических процессов, но и при разработке других вопросов, особенно при изучении развития хозяйства. Стремление наладить по возможности многостороннее, комплекс-

[21] А. Н. Молвыгин. Денежное обращение и монетное дело на территории Эстонской ССР в XIII — первой половине XVI в. Таллин — Ленинград, 1967.

[22] Х. А. Моора, Х. М. Лиги. К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений (XI—XIII вв.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1963 г. Вильнюс, 1964, стр. 77 сл.

[23] ВЭИЭН; сб.: «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений».

ное исследование всякого рода исторических источников, может вообще считаться одним из характерных направлений эстонской советской археологии. Толчок к возникновению этого направления дали в особенности работы организованной в 1952 г. Институтом этнографии АН СССР Балтийской этнографо-антропологической экспедиции, в работе которой с самого начала участвовали и наши археологи. В 1955 г. она была расширена и переименована в Прибалтийскую объединенную комплексную экспедицию.

Успешному изучению вопросов этногенеза много содействовала систематическая разработка больших палеоантропологических материалов, десятилетиями накопленных в ходе археологических работ. Над исследованием антропологических материалов много потрудилась К. Ю. Марк, начавшая свои работы участником Балтийской этнографо-антропологической экспедиции [24]. В настоящее время Эстония может считаться одной из наиболее подробно исследованных в антропологическом отношении республик Советского Союза. В дальнейшем К. Ю. Марк распространила свою работу на изучение антропологии всех живущих в пределах СССР финно-угорских народов и к настоящему времени завершила в рукописи первый монографический труд по данной теме [25].

Археологи Советской Эстонии при дружной поддержке со стороны коллег из братских республик и в тесном сотрудничестве с представителями смежных наук прилагали и будут впредь прилагать свои силы, к тому, чтобы полнее использовать, помимо археологических материалов, также другие источники для решения поставленных перед ними больших и сложных исторических вопросов.

---

[24] Итоги изучения изложены в сборнике: М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. Тр. ПОКЭ, 2, М., 1959; из дальнейших работ упомянем: К. Ю. Марк. Антропология населения восточной Эстонии XI—XVIII вв. Сб.: «Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений», стр. 150 сл.

[25] Некоторые предварительные результаты работы опубликованы в статье: К. Ю. Марк. Этногенез мордовского народа по данным антропологии. Сб.: «Этногенез мордовского народа». Саранск, 1965, стр. 29 сл.

Р. ВОЛКАЙТЕ-КУЛИКАУСКЕНЕ

УСПЕХИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЛИТОВСКОЙ ССР

Благоприятные условия для развития археологической науки в Литве были созданы лишь в советское время. Археологические раскопки в буржуазной Литве были очень ограниченными в связи с отсутствием научного центра, который планировал бы археологические работы, средств для этих целей и подготовленных кадров. Положение улучшилось только в 1936 г., когда в Каунасе был создан музей культуры им. Витаутаса Великого. Доисторический отдел этого музея и начал организовывать археологические раскопки, которые обычно имели охранный характер. В основном им исследовались разрушаемые могильники, особенно в центральной Литве [1].

Поэтому уже в первый год Советской власти в Литве начали устранять все бывшие недостатки в области археологии. В первую очередь было принято постановление об охране памятников культуры, в том числе и археологических. Были проведены раскопки десятка могильников в западных районах Литвы. Создана Академия наук, в которой Институт истории создал условия для развития археологической науки. С целью устранения недостатка в кадрах в Вильнюсском государственном университете была создана кафедра археологии. Но вся эта успешно начатая работа была прервана Великой Отечественной войной и фашистской оккупацией.

Работа была возобновлена после освобождения Литвы из-под фашистского ига. Несмотря на тяжелые условия, интенсивные работы в области археологии были начаты уже в 1948 г. Самые крупные и результативные исследования в области археологии были проведены между 1948 и 1966 гг.

Постепенно был ликвидирован недостаток кадров в области археологии. Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса выпустил около 50 археологов, большая часть которых работает в Институте истории Академии наук Литовской ССР, часть — в высших учебных заведениях, в республиканских или краеведческих музеях или в других научных учреждениях.

Археологическими раскопками в республике в основном руководил Институт истории АН ЛитССР. Археологами этого института за 1948—1966 гг. было исследовано 11 стоянок каменного и бронзового периодов, 13 городищ и 10 поселений у подножья последних, 2 селища, 4 замка, 26 курганных групп и 38 грунтовых могильников. Кроме Института истории, большая работа в области исследования археологических памятников была проведена кафедрой археологии — этнографии Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса, Каунасским художественным музеем им. М. К. Чурлиониса, Каунасским государственным историческим музеем, Шяуляйским музеем «Аушра», Тельшяйским краеведческим музеем и другими краеведческими музеями. Таким образом, число исследованных памятников археологии на самом деле еще больше

[1] Большая часть материалов этих раскопок опубликована в «Senovė», IV. Каунас, 1938.

(рис. 1). Раскопки замков и городов велись также и архитектурными научно-производственными реставрационными мастерскими. Свою работу они координировали с исследованиями Института истории.

Что касается выбора объектов для археологических раскопок, то в первую очередь исследовались те из них, которым угрожало разрушение в связи со строительными и мелиоративными работами. Большие раскопки были проведены в связи с сооружением Каунасской ГЭС. В 1953—1957 гг. были исследованы 4 стоянки, 5 могильников и 5 городищ, которые ныне полностью или частично находятся на дне Каунасского моря.

Раскапывались и те археологические памятники, исследование которых было существенно необходимым для решения литовскими археологами многих важных проблем.

До советского периода в Литве в основном исследовались могильники и курганы. Но они дают мало для решения сложных вопросов истории первобытного общества в Литве. Поэтому советские литовские археологи начали исследовать и другие виды археологических памятников, особенно поселения и городища.

Большое внимание было уделено исследованию стоянок каменного и бронзового веков. Раскопки концентрировались в двух областях: в центральной Литве, особенно в Каунасском районе, и в юго-восточной Литве — в Варенском районе. Особое внимание обращалось на топографию стоянок, что во многих случаях помогло уточнить их хронологию. Исследованные стоянки дали ценные материалы для решения вопроса о первичном заселении территории Литвы (Ежеринай, Алитусский район). Некоторые стоянки (Нетиесос, Варенский район) дали возможность проследить развитие материальной культуры самых ранних обитателей территории Литвы от конца палеолита до неолита включительно. Изучение этих, а также и других стоянок (Дубичяй, Максимонис IV, Линтупис — все в районе Варена; Канюкай, Лампеджиай, Паштува, Раудондварис — все в районе Каунас и др.) позволяет характеризовать культуру и быт самых древних обитателей Литвы, а также поставить вопрос об этнической принадлежности их обитателей. Особого внимания заслуживает исследованная в 1966 г. первая неолитическая торфяниковая стоянка на самом западе Литвы у Балтийского моря в местности Швентои. В ней, кроме характерного кремневого материала и керамики, найдено много янтарных изделий (рис. 2), каменные, завернутые в берестяную кору грузила от сетей.

Только в советское время были широко развернуты исследования городищ. Большая работа в этой области была проведена одним из старейших литовских археологов Петрасом Тарасенка, который выявил и обследовал большое количество литовских городищ. Им была издана обобщающая работа о городищах Литвы [2]. Она была написана в основном лишь на разведочных материалах, но тем не менее имела большое значение для дальнейшего их изучения.

Исследования городищ велись в трех областях Литвы: в восточной Литве, по среднему течению р. Немунас и в Занеманье. Основными исследованными городищами восточной Литвы являются Неменчинское Вильнюсского района [3] и Аукштадварийское Тракайского района [4] (рис. 3). На этих городищах был обнаружен культурный слой нескольких периодов, что дало возможность проследить развитие и эволюцию материальной культуры населения восточной Литвы. У подножия городища Аукштадварис исследовалось большое поселение типа селища.

По среднему течению р. Немунас была выявлена новая группа так называемых миниатюрных городищ. Это название вполне соответствует их размерам. Площадка поселений обычно не превышала 100 *м*^{2}.

[2] P. Tarasenka. Lietuvos piliakalniai. Vilnius. 1956.

[3] P. Kulikauskas. Nemenčinės piliakalnis. ILKI, I, Vilnius, 1958, стр. 20—43.

[4] V. Daugudis. Aukštadvario piliakalnio įtvirtinimai ir pastatai. MA Darbai, A, 1 (12), Vilnius, 1962, стр. 43—69.

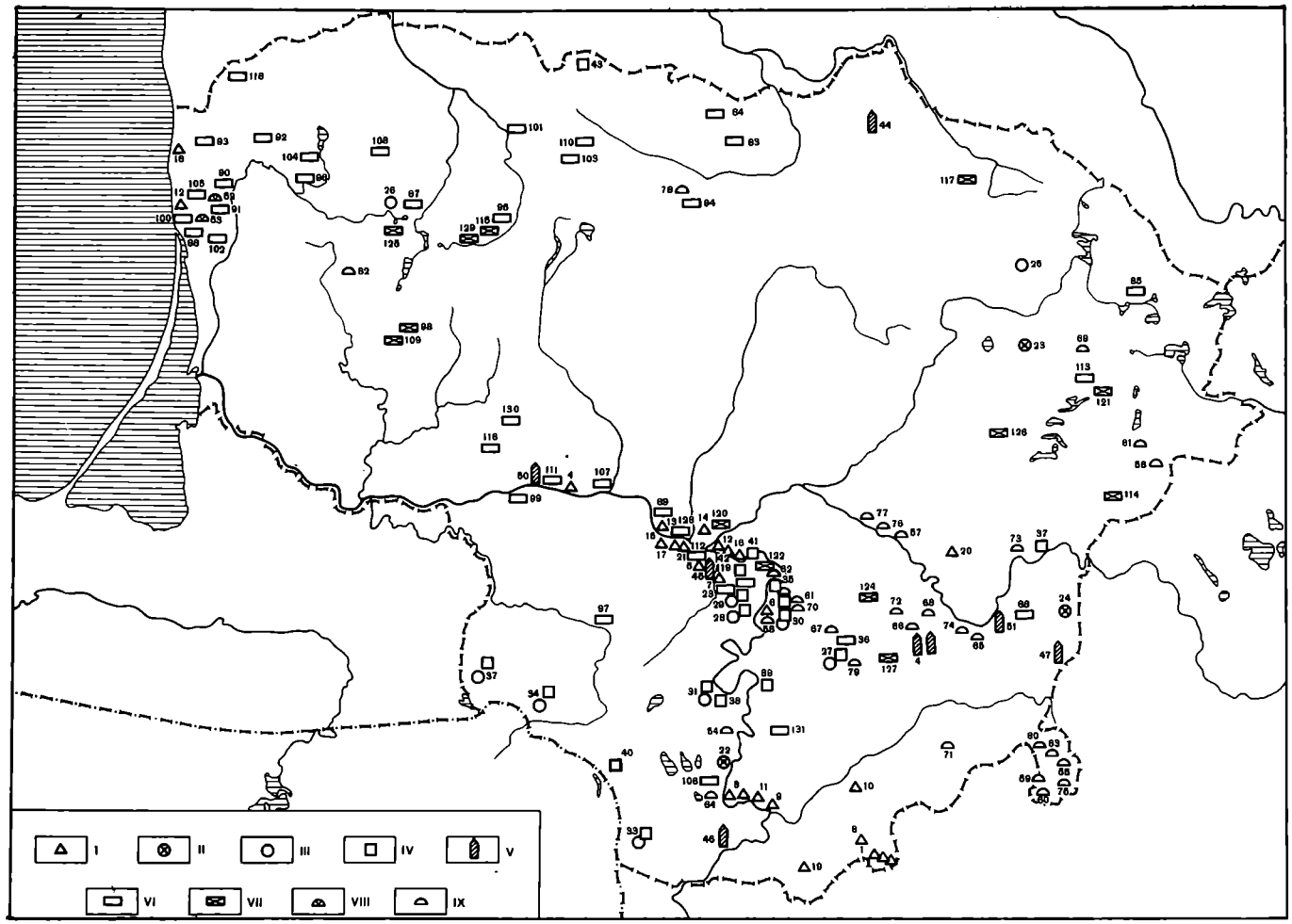


Рис. 1. Археологические памятники, исследованные в 1948—1966 гг.

I — стоянки каменного и бронзового веков: *1* — Дубичяй, *2* — Ейгуляй, *3* — Ежеринай, *4* — Клангяй, *5* — Лампеджяй, *6* — Лапайне, *7* — Лауменай, *8* — Линупис, *9* — Максимонис, *10* — Мергежерис, *11* — Нетиесос, *12* — Паланга, *13* — Паштува, *14* — Радикяй, *15* — Раудондварис, *16* — Рудамина, *17* — Шилелис, *18* — Швентои, *19* — Версминис, *20* — Жалиои, *21* — Нижние Канюкай. II — открытые поселения: *22* — Балкасодис, *23* — Галаляй, *24* — Лаваришкес. III — поселения у подножья городищ: *25* — Юодонис, *26* — Паплиниис, *27* — Аукштадварис, *28* — Бачкининкеляй, *29* — Гуогай, *30* — Мигонис, *31* — Норкунай, *32* — Паиевонис — Кунигишкяй, *33* — Павейсининкай, *34* — Пилякальнис. IV — городища: *35* — Довайнонис, *36* — Лаваришкес, *37* — Неменчине, *38* — Норкунай, *39* — Пуня, *40* — Рудамина, *41* — Румшишкес, *42* — Жиегждряй, *43* — Жвелгайчяй. V — средневековые города и замки: *44* — Биржай, *45* — Каунас, *46* — Лишкява, *47* — Медининкай, *48* — Тракай (на острове), *49* — Тракай (на полуострове), *50* — Велюона, *51* — Вильнюс. VIII — курганы до н. э.: *52* — Курмайчяй, *53* — Квецяй. IX — курганы (I—XII вв.): *54* — Алитус, *55* — Баровка, *56* — Билдай. *57* — Чиобишкис, *58* — Дарсунишкис, *59* — Диджюляй, *60* — Диевенишкес, *61* — Давайнонис, *62* — Капитонишкес, *63* — Каткишкес, *64* — Крикштонис, *65* — Кунигишкяй — Григишкес, *66* — Курганай-Воропнишкес, *67* — Лаваришкес, *68* — Майшинка — Бевандениишкес; *69* — Мартинишкес, *70* — Мигонис, *71* — Пабаре, *72* — Падваришкяй, *73* — Пушкалаукис, *74* — Пэпай, *75* — Пошкос, *76* — Русю Рагас I, *77* — Русю Рагас II, *78* — Сакалишкес, *79* — Скребе, *80* — Стакай, *81* — Вейкунай — Пашумене, *82* — Виенрагяй, VI — грунтовые могильники (I—XIII вв.): *83* — Дегесяй, *84* — Диржяй, *85* — Ейкотишкес, *86* — Гиркаляй, *87* — Юодсодис, *88* — Кайренай, *89* — Кремала, *90* — Курмайчяй, *91* — Квецяй, *92* — Лайвяй, *93* — Лаздининкай, *94* — Линксмучяй, *95* — Мауджиорай, *96* — Наусодис, *97* — Ненлриняй, *98* — Паежерис, *99* — Пакальнишкяй, *100* — Паланга, *101* — Папиле, *102* — Пришманчяй, *103* — Рачяй, *104* — Рекете, *105* — Рудайчяй, *106* — Сейлюнай, *107* — Середжюс, *108* — Сирайчяй, *109* — Упина, *110* — Валдамай, *111* — Велиуона, *112* — Вершвай, *113* — Жадавайняй. VII — грунтовые могильники (XIV—XVII вв.): *114* — Арненай, *115* — Дварвечяй, *116* — Ержвилкас, *117* — Латвеляй, *118* — Лукне, *119* — Мозурай, *120* — Радикяй, *121* — Ракенай, *122* — Румшишкес, *123* — Пилюона, *124* — Пастревис, *125* — Пупиняй, *126* — Пушалотас, *127* — Стрева, *128* — Шилелис, *129* — Шлапгирис, *130* — Валаткишкес, *131* — Венцюнай

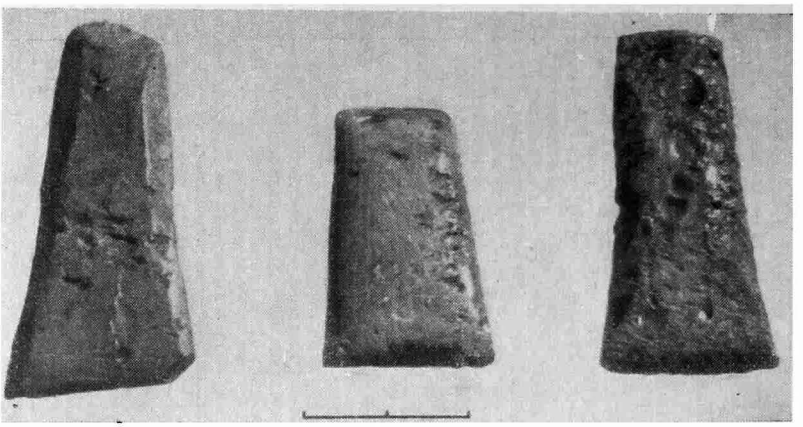


Рис. 2. Швентои (р-н Кретинга). Заготовки подвесок из янтаря

Несмотря на малые размеры площадок, для городищ характерны высокие валы и крутые, иногда камнями вымощенные склоны. У подножья их, как правило, расположены поселения. Самыми характерными среди исследованных городищ являются Бачкининкеляй в Приенайском районе [5], Мигонис в Кайшядорийском районе [6], Лаваришкес в Тракайском районе [7], Гуогай [8], Жегждряй [9] (оба в Каунасском районе). Эти городища были заселены в первые века нашей эры. В середине I тысячелетия большинство их было покинуто. Жители переместились на поселения у подножья этих городищ, а сами городища использовались лишь во время опасности как убежища. Такая организация поселений отражает распад родо-племенного строя и формирование территориальных общин в Литве [10].

В последние годы широкие исследования городищ велись и в Занеманье [11]. Исследованные здесь городища в хронологическом отношении неодновременные. Одни из них [Павейсининкай в районе Лаздияй (рис. 3 и 4), Кунигиникяй — Паиевонис в районе Вилкавишкис, Норкунай в районе Приенай] использовались только в первые века нашей эры, другие (Пилякальнис в районе Вилкавишкис, Рудамина в районе Лаздияй) (рис. 5) были заселены и в начале II тысячелетия. Раскопки показали, что занеманские городища отличаются от городищ других районов Литвы по инвентарю и особенно по керамике. Характерной чертой более ранних городищ является непродолжительное их использование. Несмотря на это, для таких городищ характерны большие размеры и мощные укрепления.

Таким оказалось городище, исследованное в местности Кунигишкяй — Паиевонис.

---

[5] O. Navickaitė. Bačkininkelių piliakalnis. ILKI, II, 1959, стр. 103—118.

[6] В местности Мигонис исследовался весь комплекс археологических памятников: городище, поселение и курганная группа. R. Volkaitė-Kulikauskienė. Migonių (Jiezno raj.) archeologiniai paminklai. ILKI, I, 1958, стр. 44—64.

[7] R. Voikaite-Kulikauskiene. Mineatiurinių pilakalnių Lietuvoje klausimu. ILKI, II, 1959, стр. 130, 131.

[8] O. Navickaitė. Guogų — Piliuonos piliakalnis. MA Darbai, A, 1 (6), стр. 89—100.

[9] D. Petrauskaitė. Žiegždrių piliakalnis. ILKI, II, 1959, стр. 119—124.

[10] R. Volkaitė-Kolikauskienė. Miniatiurinių piliakalnių Lietuvoje klausimu. ILKI, II, стр. 135—137.

[11] П. Куликаускас. Исследования городищ Занеманья юго-западной части Литвы. От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, стр. 72—86; А. Меркевичюс. Исследования городищ Занеманья. Материалы конференции молодых ученых Белоруссии и Прибалтики. Минск, 1963, стр. 73—79; его же. Городища Занеманья по данным археологических разведок последних лет. Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций 1964—1965 гг. Вильнюс. 1966, стр. 14—17.

Рис. 3. Номенчинское городище. Исследовано в 1952—1954 гг.

Более поздние городища имеют оборонительный характер. Исследования таких городищ, как Пилякальнис или Рудамина, дали возможность проследить, как ранние поселения при необходимости в начале II тысячелетия превращались в мощные укрепления (рис. 6).

Исследовались и погребальные памятники. Продолжались начатые в первые годы Советской власти раскопки грунтовых могильников в западных районах Литвы. Большой интерес вызвали раскопки Курманчяйских могильников в Кретингском районе, где исследовались курганная группа I тысячелетия до н. э. и грунтовой могильник первых веков нашей эры, имеющие между собой несомненную связь. Таким образом получены ценные данные, дающие возможность проследить развитие материальной культуры и погребальных обрядов в продолжение всего тысячелетия [12]. Были исследованы грунтовые могильники Лайвяй, Кяулейкяй [13], Гинтелишке, Паланга, Гиркаляй и др. Все они отличались богатым инвентарем и дали много нового в исследовании погребальных обрядов конца I и начала II тысячелетия. В последние годы исследовались крупные грунтовые могильники в Жемайтии. Основными среди них являются: Мауджиорайский могильник [14], Паежеряйский, Упинайский (рис. 7—10).

Грунтовые могильники исследовались и в других частях Литвы. На севере центральной Литвы были исследованы такие могильники, как Диржяй [15], Дегесяй, Линксмучяй [16], Папиле, Валдамай [17].

В Занеманье исследовались два своеобразных грунтовых могильника, для которых характерны погребения с конями. Один такой могильник

[12] P. Kulikauskas. Kurmaičių plokštinio kapinyno tyrinėjimai. Lietuvos istorijos instituto darbai, I, Vilnius, 1951, стр. 315—357; его же. Nauji radiniai Kurmaičių kapinyne, MA Darbai, A, 2 (3), Vilnius, 1957, стр. 141—151.

[13] E. Danilaitė. Archeologiniai tyrinėjimai Kiauleikiuse. ILKI, III, Vilnius, 1961, стр. 101—124.

[14] В. Балатка. Раскопки могильника в Мауджорай (Кяльмеский район). Материалы к отчетной конференции..., стр. 10, 11.

[15] O. Navickaite. Diržių kapinynas. ILKI, II, 1959, стр. 151—158.

[16] R. Volkatė-Kulikauskienė. Linksmučių kapinyno 1948 m. tyrinejimų duomenys. Lietuvos istorijos instituto Darbai, I, Vilnius, 1951, стр. 279—314.

[17] О раскопках грунтовых могильников за 1948—1958 гг. См. O. Navickaitė. Plokštinių kopinynų tyrinėjimai Lietuvoje 1948—1958. ILKI, III, Vilnius, 1961, стр. 66—100.

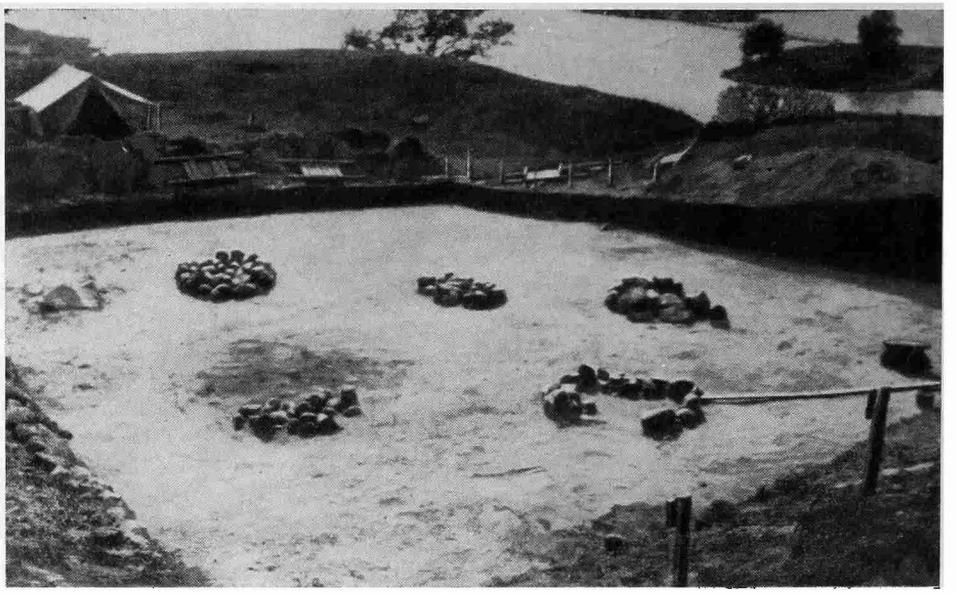


Рис. 4. Павейсинишкай (р-н Лаздияй). Погребения с трупосожжением из нижнего слоя площадки городища, I тысячелетие до н. э. Раскопки 1962 г.

раскапывался в Нендриняй и другой — в Пакальнишкяй. Особенно богатым и многочисленным инвентарем отличался Пакальнишкяйский могильник, давший много ценных данных для восстановления вооружения литовцев и снаряжения коней в начале II тысячелетия [18].

Большое внимание уделялось раскопкам малоизученных курганов восточной Литвы (рис. 11). Самой крупной из них была исследованная курганная группа в местности Капитонишкес (Кайшядаряйский район) [19]. Ряд групп были раскопаны в районе Шальчининкай: Стакай, Девенишкес, Диджюляй и др.[20] В последнее время исследовались курганы в местностях Беванденишкес (Тракайский район) [21], Русю Рагас, Чиобишкес (район Укмерге) [22] и др. Раскопки дали возможность хорошо изучить эту группу памятников [23].

Интенсивно исследовались в археологическом отношении средневековые города и замки. Это новая область археологических исследований, начатых лишь в советское время. Были изучены Тракайские замки, Вильнюсский, Каунасский, Медининкайский и другие замки [24].

Необходимое внимание уделялось и погребальным памятникам XIV—XVII вв., исследования которых дали ценные данные о быте и материальной культуре литовцев этого времени. Из грунтовых могильников — Румшишкес (в районе Кайшядорис), Шилелис, Радикяй (оба в районе Кау-

[18] К. Габрюнайте. Локальные подражения раннесредневековых шлемов русского типа в Литве. Acta Baltico — Slavica, III, Białystok, 1965, стр. 115—133.

[19] A. Tautavičius. Kypitoniškių pilkapiai. MA Darbai, A, 1 (2), Vilnius, 1957, стр. 95—109.

[20] A. Tautavičius. Šalčininkų rajono pilkapių tyrinėjimai. ILKI, I, Vilnius, 1958, стр. 65—82.

[21] О. Кунцене. Исследования курганов Беванденишкес (Тракайский район) в 1964 г. Материалы к отчетной конференции..., стр. 13, 14.

[22] Р. Кулпкаускене. Раскопки курганов в окрестностях Чиовишкис в 1963—1964 гг. Материалы к отчетной конференции..., стр. 11—13.

[23] A. Tautavičius. Rytų Lietuvos pilkapiai. MA Darbai, A, 1 Vilnius, 1955, стр. 87—98; А. З. Таутавичюс. Восточнолитовские курганы. ВЭИНП, М., 1959. стр. 128—133.

[24] A. Tautavičius. Vilniaus teritorijos archeologiniai kasinėjimai. Valstybinis LTSR Architektūros — paminklų apsaugos metraštis, Vilnius, 1960, стр. 3—48; O. Navickaite. Archeologiniai tyrinejimai Trakų salos pilyje. Там же, стр. 69—80.

нас), Шлапгирис (в районе Кяльме) и др.— было получено не только много находок, но и ценный антропологический материал.

Было организовано 13 разведочных экспедиций. Основной их задачей было выявление новых археологических памятников и проверка состояния известных памятников. Собирались данные для составляемого атласа археологии Литвы.

В послевоенные годы накоплен огромный археологический материал из разных областей Литвы, всесторонне характеризующий огромную историческую эпоху от конца палеолита до XVII в. включительно. Литовскими археологами проделана большая работа по изучению накопленного материала, на основе которого решались сложные проблемы древнейшей истории Литвы.

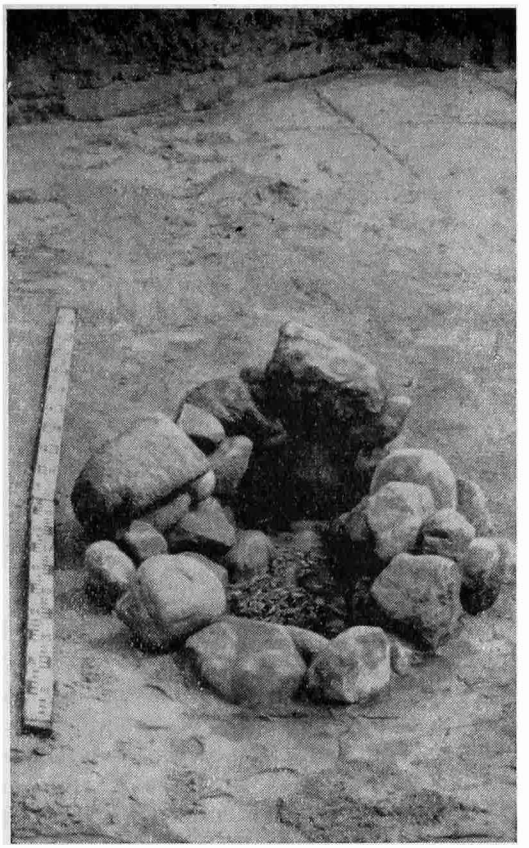


Рис. 5. Павейсининкай (р-н Лаздияй). Погребение с трупосожжением

Первой попыткой характеризовать древнюю историю Литвы на основе археологического материала была работа по подготовке первого тома «Истории Литовской ССР», который начинается разделом «Первобытно-общинный строй на территории Литовской ССР». При подготовке этого раздела литовские археологи должны были дать марксистскую периодизацию археологии Литвы.

В связи с характером данной работы в разделе о первобытно-общинном строе на территории Литовской ССР не было возможности привлечь много археологического материала. Потому возникла необходимость написать общую работу по археологии Литвы, тем более, что количество археологического материала из года в год все возрастало. С этой целью был подготовлен коллективный труд — «Основы археологии Литвы», суммирующий весь накопленный археологический материал [25]. В работе приводится описание многих археологических памятников и рассказывается об истории их исследований, дается обзор отдельных археологических эпох в хронологическом порядке от каменного до позднего железного веков. В каждом разделе, охватывающем определенную эпоху, проведен анализ вещевого материала, сделаны важные выводы об основных занятиях населения, ремеслах, по этническим, историческим вопросам. Книга хорошо иллюстрирована и была предназначена для всех изучающих археологию Литвы.

Кроме этих обобщающих трудов, литовскими археологами проведена большая работа по подготовке монографий по отдельным вопросам и научных статей.

Одной из основных проблем, изучению которой посвящались многие работы послевоенных годов, является исследование материальной культуры населения Литвы от начала ее заселения и до XVII в.

[25] P. Kulikauskas, R. Kulikauskienė, A. Tautavičius. Lietuvos archeologijos bruožai. Vilnius, 1961.

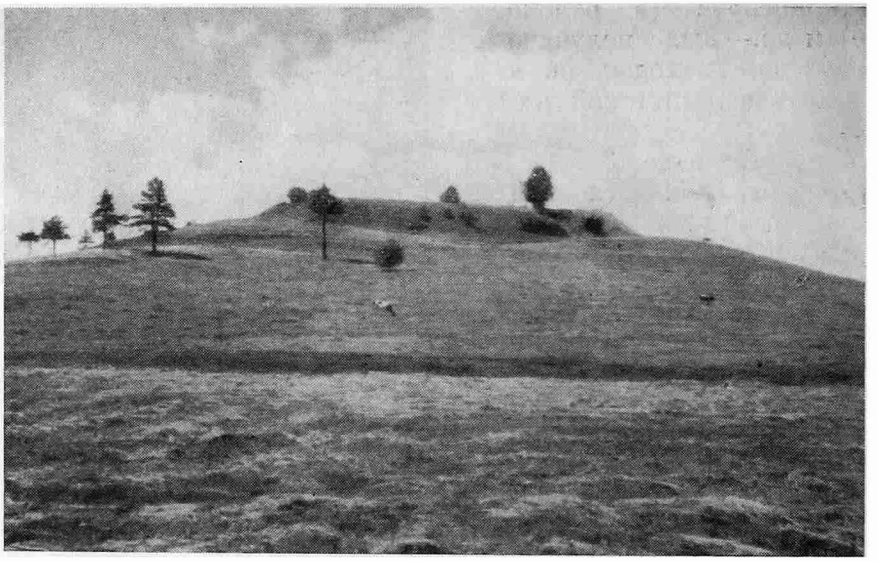


Рис. 6. Городище Рудамина (р-н Лаздияй). Исследовано в 1965 г.

Другие работы посвящены общим вопросам истории материальной культуры, например, монография о материальной культуре литовцев IX—XII вв., где были показаны огромные социальные и экономические изменения, на основе которых в XIII в. сформировалось Литовское государство. С накоплением большого количества материала, особенно с поселений, появилась возможность более глубоко изучить отдельные стороны материальной культуры Литвы в IX—XII вв. В работе «Литовцы в IX—XII вв.» характеризовались основные разделы материальной культуры: занятия населения, ремесла, одежда, украшения, вооружение, снаряжение коня и др. Очень важны были обобщающие работы, посвященные изучению археологических памятников восточной Литвы. С этой темой были связаны большие полевые исследования курганных групп и городищ, что дало возможность правильно характеризовать материальную культуру обитателей восточной Литвы и, опираясь на конкретный археологический материал, доказать, что уровень развития ее здесь ничем не отличался от других районов. Для правильного решения этого вопроса большую пользу принесло глубокое изучение археологического материала из городищ восточных районов Литвы, где были получены очень ценные данные о развитии земледелия и животноводства в I и начале II тысячелетия н. э. [26], о ремеслах, строительстве [27] и т. д.

Советскими археологами Литвы изучались и отдельные области материальной культуры. Большое внимание в первую очередь уделялось изучению основного занятия литовцев — земледелию и скотоводству. Этот вопрос был затронут во всех обобщающих работах и отдельных статьях [28]. На основе изученных орудий труда, остатков злаков и костей животных, найденных на археологических памятниках, установлено, что жители территории Литвы с земледелием и животноводством были знакомы уже в конце неолита. Но особое их развитие начинается в первых веках нашей

[26] P. Kulikauskas. Nemenčinės piliakalnis. ILKI, I, Vilnius, 1958, стр. 20—43.

[27] V. Daugudis. Aukštadvario piliakalnio pastatai — ir gynybiniai įrengimai. MA Darbai, A, 1 (12), 1962, стр. 43—69; V. Daugudis. Mažulonių piliakalnis. ILKI, III, 1961, стр. 16—40.

[28] P. Kulikauskas. Kai kurie archeologiniai duomenys apie seniausiai Lietuvos TSR teritorijoje augintus javus. MA Darbai, A, 1 Vilnius, 1955, стр. 75—85; M. Paaver, P. Kulikauskas. Znaleziska kości zwierzęcych z grodzisk i osad z okresu wczesnożelanzego i rzymskiego na Litwie. Acta Baltico — Slavica, II, Bialystok, 1965, стр. 261—279.

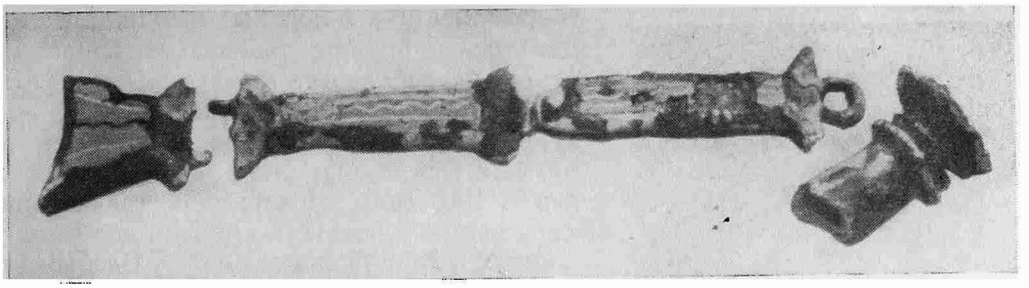


Рис. 7. Мауджиорай (р-н Кельме). Ленточка от рога для питья из бронзовых инструктированных цветной эмалью пластинок и бронзовая оковка конца рога. Погребение № 1, конец IV в. Раскопки 1964 г.

эры. В то время в юго-западных районах Литвы было известно пашенное земледелие, которое быстро распространялось по всей ее территории. В начале II тысячелетия литовцы уже были знакомы с паровой системой земледелия. Были известны все виды домашнего скота, но преобладал крупный рогатый скот. Установлено, что развитие литовского хозяйства в начале II тысячелетия достигло того уровня, который сохранился и в период натурального крепостного хозяйства. Этот вывод является важным, он показал необоснованность распространенного в старой литературе мнения о низком уровне хозяйства литовцев накануне образования литовского государства.

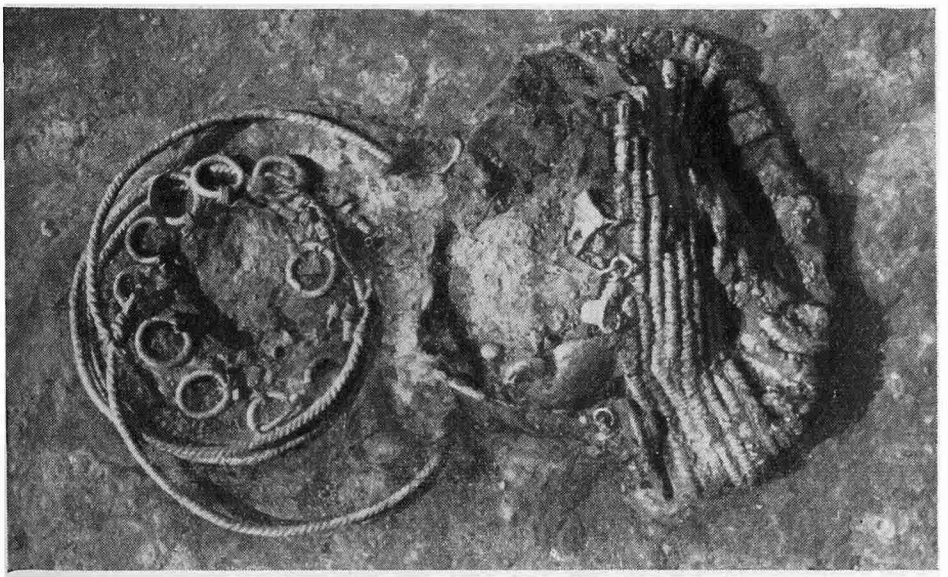


Рис. 8. Упина (р-н Шилале). Деталь женского погребения № 48, остатки шапочки и шейных украшений, X—XI вв. Раскопки 1966 г.

Определенное внимание уделялось исследованию одежды и украшений. Они дали возможность полностью восстановить одежду древних литовцев в I и начале II тысячелетия. Особенным своеобразием отличается женский головной убор [29]. Удалось установить различие между головным

[29] R. Kulikauskienė, R. Rimantienė. Senovės lietuvių papuošalai. I, Vilnius, 1958; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai. ILKI, II, 1959, стр. 30—53; R. Volkaitė-Kulikauskienė. Nauji duomenys apie vakarų Lietuvos moterų galvos dangą ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu. MA Darbai, 1964, 2 (17), стр. 41—52.

Рис. 9. Велюона. Часть женского погребения с головным убором. VI в. Раскопки 1965 г.

убором женщин и молодых девушек. Исследовалось и оружие древних литовцев. На основе погребального инвентаря было установлено, что их вооружение в I и начале II тысячелетий ничем не отличалось от оружия восточных или западных соседей [30]. Изучение могильников, где хоронились воины с боевыми конями, дало много данных о снаряжении коней [31]. Особым богатством и роскошью оно отличалось в начале II тысячелетия.

В последние годы литовские археологи проявляют интерес к исследованию керамики. Сделаны первые шаги по определению времени появления здесь гончарного круга и по более подробному анализу ранней гончарной керамики [32].

Особое место при исследовании материальной культуры занимают многочисленные металлические изделия [33] и особенно серебряные украшения. Зарегистрировано около 300 серебряных и более чем 770 посеребренных изделий. Изучена техника их изготовления и орнаментика. Установлено, что серебро вначале воспринималось лишь как сырье для различных изделий, позже оно становится мерилом стоимости и, наконец,— средством платежа [34].

Большое значение имеют исследования средневековых городов и замков, а также погребальных памятников XIV—XVII вв. Письменные данные, касающиеся материальной культуры того времени, очень немногочисленны, иногда они тенденциозны, поэтому исследования этих поздних памятников дают не только дополнительные данные к письменным источникам, но часто и корректируют их. Особое значение имеют раскопки в Вильнюсе у подножья предполагаемого Кривого замка и на территории Нижнего замка, где было обнаружено много остатков деревянных сооружений [35] (рис. 12). Исследования показали, что в XIII—XIV вв. жилые и хозяйственные постройки Вильнюса по строительной технике очень близки постройкам других городов Восточной Европы. Раскопки дали много сведений о быте и культуре древних обитателей города.

---

[30] R. Volkaite-Kulikauskiene. IX—XII amžių kalavijai Lietuvoje ILKI, IV, 1964, стр. 197—226; ее же. Kovos kirviai Lietuvoje ankstyvojo feodalizmo laikotarpiu. LTSR MA Darbai, 1964, A, 1 (16), стр. 101—114; ее же. Ankstyviausių šalmų Lietuvoje klausimu. MA Darbai, 1965, A, 2 (19), стр. 59—71.

[31] Р. К. Куликаускене. Погребения с конями у древних литовцев. СА, 1953, XVII, стр. 211—222; R. Kulikauskienė, R. Rimantienė. Senovės lietuvių papuošalai. II, Vilnius, 1966.

[32] I. Sadauskaie-Mulevičiene. Lietuvos X—XVI amžių kapinynų keramika. MA Darbai, A, 2 (19), 1965, стр. 41—58.

[33] P. Kulikauskas. Iš metalų panaudojimo Lietuvoje istorijos. ILKI, II, 1959, стр. 3—20.

[34] L. Nakaitė. Sidabro panaudojimas II—XIII amžiais Lietuvoje dirbiniams puošti. MA Darbai, A, 1 (16), 1964, стр. 63—82; Ее же. Sidabras kaip vertės matas I m. e. tukstantmečio Lietuvoje. MA Darbai, 1 (20), 1966, стр. 33—48; Ее же. Auksakalystės Lietuvoje iki XIII a. klausimu (I. Technika, ornamentika). MA Darbai, A, 3 (22), 1966, стр. 67—84.

[35] A. Tautavičius. Iš XIV a. Vilnius gyventojų buities. ILKI, I, Vilnius, 1958, стр. 94—103; Его же. Vilniuaus žemutinės pilies mediniai pastatai XIII—XIV amžiais. ILKI, IV, Vilnius, 1964, стр. 171—187; Его же. XVI—XVII a. mediniai gyvenamieji pastatai Vilniaus Žemutiniosios pilies teritorijoje. ILKI, II, Vilnius, 1959, стр. 21—29.

Исследования средневековых замков дали много ценного для освещения их истории. Установлено, что строительство кирпичных замков в Литве началось в конце XIII — начале XIV в., а не в XV в., как раньше предполагалось. Самым ранним является замок в Медининкай, который по планировке и строительной технике близок к Кревскому и Лидскому замкам в Белорусской ССР [36]. Тракайский, Каунасский, Вильнюсский замки были построены на местах древних поселений. В нижних слоях на территории Верхнего замка в Вильнюсе обнаружена штрихованная керамика, а в самых нижних слоях Каунасского замка — облитая керамика. Во время раскопок были обнаружены остатки мощных укреплений, которые сохранились под землей. Получены новые данные, касающиеся Каунасского замка и Тракайского замка на полуострове. Установлено, что, кроме сохранившихся башен и оборонительных стен, они имели дополнительные мощные оборонительные каменные стены. Важно отметить и то, что некоторые замки не потеряли своего значения и в XVI в., как раньше предполагалось. Наоборот, Каунасский замок в XVI в. был еще более укреплен. В XVI в. возникли замки, которые служили резиденциями феодалов. Характерным примером является замок в Биржай, бывший резиденцией Радзивиллов. Иногда такие замки-резиденции строились на территории городищ, о чем свидетельствуют раскопки городища Пуня в Алитусском районе [37].

Рис. 10. Голова девушки. Реконструкция В. Урбанавичюса по черепу из могилы V в. Велюона (см. рис. 9)

Важные материалы были получены из раскопок могильников XIV — XVII вв. Несмотря на принятие христианства, в Литве до XVII в. сохранились языческие традиции и, в частности до XV в. трупосожжение. До XVII в. в могилы клался и погребальный инвентарь [38]. Исследование этого инвентаря дает много ценного для характеристики материальной культуры того времени. Трупоположения дали много антропологического материала, из которого получены некоторые демографические данные.

Проблема, разрешению которой отводится много места в археологической литературе,— это этногенез. Пока он решается в ряде научных статей. Особое место занимает вопрос о процессе формирования балтских племен на территории Литовской ССР. В разработке этого вопроса можно выделить три основных момента. Первым моментом является вопрос о древнем добалтийском субстрате. На археологическом материале установлено, что на территории современной Литвы в конце палеолита и в начале мезолита перекрещивалось несколько археологических культур. Удалось проследить некоторые как бы культурные волны, которые и объясняются как этнические [39].

[36] K. Mekas. Medininkai. Mokslas ir gyvenimas, 1964, 11.

[37] R. Volkaitė-Kulikauskienė. Punios piliakalnio 1958—1959 m. tyrinėjimų rezultatai. ILKI, III, Vilnius, 1961, стр. 41—65.

[38] В. Урбанавичюс. К вопросу о погребении с трупосожжением XIV в. в Литве. MA Darbai, A, 2 (21), 1966; U. Urbanavičius. Laidosena Lietuvoje XIV—XVII amžiais. MA Darbai, A, 3 (22), 1966.

[39] Р. Яблонските-Римантене. Стоянки каменного века Эйгуляй. Тр. ПОКЭ, I, М., 1959, стр. 11—31.

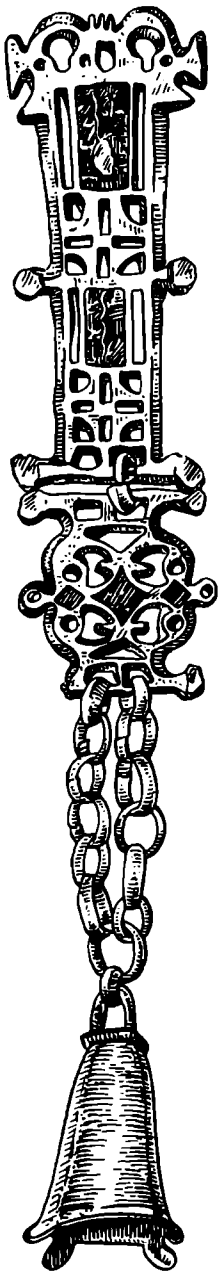


Рис. 11. Жадавайняй. Бронзовая лента, украшена цветной эмалью. V в.

Вторым важным моментом в решении балтского вопроса является вывод о том, что культура раннего неолита в Литве была непрерывным продолжением мезолитической культуры. На основе материалов из исследованных за последние годы стоянок эпохи раннего неолита в Литве можно предполагать, что жители территории Литвы в неолите являлись носителями той же самой микролитической-макролитической культуры, которая сформировалась еще в начале мезолита [40].

Третьим, основным моментом в решении этого сложного вопроса было изучение роли культуры шнуровой керамики в процессе формирования балтов. Делается вывод, что культура шнуровой керамики постепенно влилась в местную культуру. Во взаимодействии носителей местной культуры с пришельцами (представителями шнуровой культуры) и можно искать корни возникновения культуры балтов [41].

Вопросом, связанным с этнической проблемой, является изучение штрихованной керамики, исследованию которой уделяется очень важное место, тем более, что Литва считается основной территорией распространения культуры штрихованной керамики. Уже сейчас на основе глубокого анализа штрихованной керамики уточнены данные, касающиеся ее распространения, хронологии, локального и хронологического своеобразия. Сделаны некоторые наблюдения о происхождении и исчезновении этой керамики [42]. Что касается происхождения штрихованной керамики, установлено, что штриховка уже прослеживается на керамике раннего и позднего неолита. Самая ранняя штриховка связана с производством сосуда и не имеет значения орнамента, она говорит о ее местном происхождении. Орнаментом штриховка становится только в керамике бронзового века, но вместе с тем она служит и для выравнивания поверхности сосуда. Штрихованная керамика особенно распространяется во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры, когда она становится основным признаком культуры штрихованной керамики, служит уже этническим признаком.

Вопрос исчезновения штрихованной керамики в Литве тесно связан с распространением здесь облитой керамики. Появление последней — это результат изменения социально-экономических отношений, но не изменения этнического состава населения [43].

С решением этнического вопроса связаны и исследования Занеманья. Они, в основном, помогут решить вопрос северной границы балтских племен-ятвягов. Пока исследовались

[40] Р. Яблонските-Римантене. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. Доклад в Минске на отчетной конференции в 1966 г.

[41] R. Jablonskytė-Rimantienė. Radikių (Kauno raj.). akmens amžiaus stovyklos. MA Darbai, A, 1 (18), 1965, стр. 33—45.

[42] E. Danilaitė. Brūkšnioutosios keramikos gyvenvietė vararų Lietuvoje. MA Darbai, A. 2 (17), 1964; ее же. Ankstyvosios brūkšnioutosios keramikos kilmės klausimu. MA Darbai, A, 2 (21), 1966.

[43] E. Danilaitė. Brukšnioutosios keramikos išnykimo Lietuvoje klausimu. MA Darbai, A, 1 (23), 1067; В. В. Даугудис. Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве. MA Darbai, A, 3 (22), 1966.

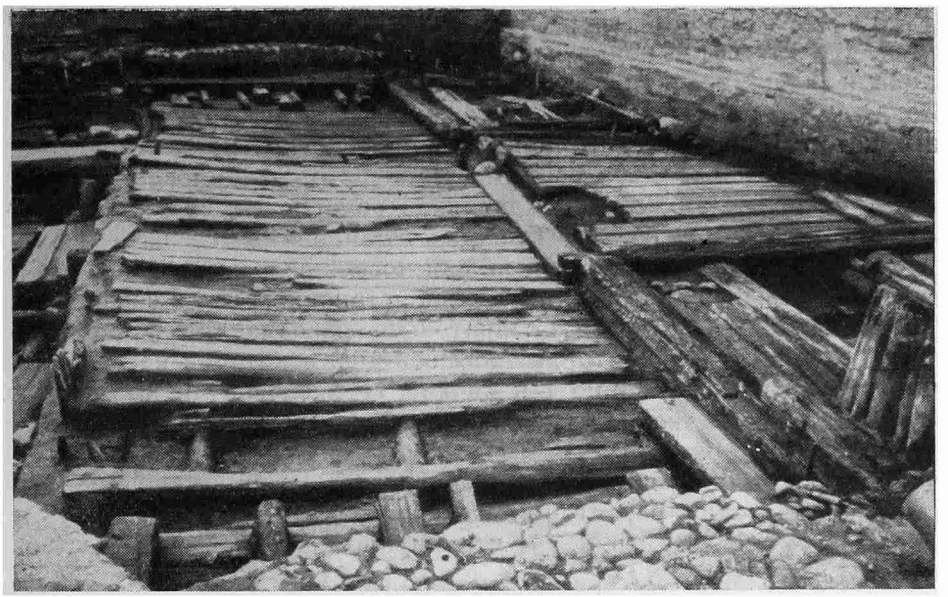


Рис. 12. Вильнюс. Раскопки на территории Нижнего замка 1959 г. Мостовые и остатки построек XIII—XIV вв.

городища лишь в самой южной части этой области, которая, несомненно, принадлежала ятвяжским племенам. Кроме общих черт, исследованные городища отличаются некоторыми особенностями. Городища самого восточного Занеманья (Норкунай) близки городищам восточной части Литвы. Городища южной части Занеманья (Павейсининкай) тесно связаны с соответствующими памятниками на северо-восточной части современной Польши, городища западной полосы Занеманья (Кунигишкяй-Паевонис) по своим материалам примыкают к городищам современной Калининградской области [44].

Изучался и римский импорт в Литве [45]. Установлено, что торговые связи с Римской империей отмечаются уже в I в., самыми оживленными они были во II в., в III в. связи становятся все более слабыми. Во второй половине III и IV в. торговые связи морским путем развиваются с западными провинциями Римской империи, а также и с восточной ее частью при посредничестве городов-колоний северного побережья Черного моря.

Большую историческую значимость имеют торговые связи литовцев с Киевской Русью и со странами Западной Европы в конце I и начале II тысячелетий, накануне образования Литовского государства [46]. В X—XIII вв. торговые связи с Древней Русью были очень оживленными, оттуда в Литву попали не только предметы роскоши, но и бытовые. С Западной Европой связи были более слабыми и в основном поддерживались при

---

[44] П. Куликаускас. Исследования городищ Занеманья юго-западной части Литвы. От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин, 1966, стр. 72—86; его же. Исследования городищ Занеманья и ятвяжский вопрос. Материалы к отчетной конференции..., стр. 17—19.

[45] М. Михельбертас. Римский импорт в Литве. Материалы конференции молодых ученых Белоруссии и Прибалтики. Минск, 1963, стр. 79—87; его же. Римские металлические предметы в Литве. СА, 1965, 3, стр. 163—177; его же. Romos imperijos takos baltų genčių kultūrai klausimu. MA Darbai. A, 1 (18), 1965, стр. 47—66; его же. Saulažolių km (Klarpėdos raj.) I—III amžių Romos monetų lobis. Ma Darbai. A, 1 (16), 1964, стр. 53—62; его же. Kauno m. III—V amžių Romos monetų lobis. MA Darbai, A, 1 (20), 1966, стр. 49—57.

[46] O. Navickaitė-Kunciene. Senosios Rusios importas X—XIII amžių Lietuvoje. MA Darbai, 1 (16), 1964; ее же. Vakarų Europos importas Lietuvoje IX—XII amž. MA Darbai. A, 3, (22), 1966.

посредничестве Скандинавии [47]. На основе найденных весовых гирь установлено, что в Литве в конце I и начале II тысячелетий были известны и русская, и скандинавская весовые системы [48].

Большое внимание уделялось вопросу исследования общественных отношений, который до советского периода в археологической литературе вообще не затрагивался. Только освоение марксистско-ленинской методологии помогло литовским археологам правильно решить эти сложные исторические проблемы. Вопрос об общественных отношениях исследовался во всех обобщающих трудах, его изучению были посвящены и отдельные статьи [49]. В результате проведенных работ удалось установить, что в середине и второй половине I тысячелетия окончательно распадается родо-племенной строй и формируется территориальная община, в которой нет уже имущественного равенства; в конце I и начале II тысячелетий имущественная дифференциация настолько заметна, что встает вопрос о социальной дифференциации, которая особенно усиливается в XI—XIII вв. В развитии этого процесса имели место следующие факторы: распространение паровой системы в земледелии, развитие ремесел, торговли, связи с соседями и т. д. В начале II тысячелетия в Литве несомненно наблюдается существование классового общества.

В столь короткой статье трудно перечислить все исследованные памятники и более глубоко характеризовать все проблемы, решаемые литовскими археологами. Поэтому затронуты только важнейшие моменты в исследовании археологических памятников и основные решаемые вопросы. Но из этого краткого обзора видна большая работа, проведенная литовскими археологами за советский период. Большое влияние для успешной работы имели связи с археологами Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Таллина, Риги и других городов, наиболее широко проявляющиеся во время общих отчетных тематических конференций. Нужно упомянуть конференции по вопросам археологии советской Прибалтики (в 1949 г. в Ленинграде, в 1951 г. в Тарту и в 1955 г. в Вильнюсе) и работу Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции, организованной в 1955 г., во время которых обозначились основные вехи в работе археологии Литвы [50].

В последние годы особенно укрепились творческие связи с зарубежными археологами и археологическими учреждениями. В польской печати появился целый ряд научных статей по вопросам литовской археологии, которые знакомят археологов с работами, проведенными в Литве [51].

Большое значение имеет сотрудничество литовских археологов в издании археологической энциклопедии Европы под руководством чешского археолога академика Я. Филипа [52]. Следует также упомянуть особенно ценную работу в издании международного археологического словаря «Glos-

---

[47] O. Navickaitė-Kuncienė. Seniausių svorio matų sistemų Lietuvoje klausimu (X—XIII amz.). MA Darbai, A, 2 (21), 1966.

[48] Р. Волкайте-Куликаускене. О весах и весовой системе в Литве в эпоху раннего феодализма. Сб.: «От эпохи бронзы до раннего феодализма», Таллин, 1966, стр. 216—224.

[49] P. Volkaitė-Kulikauskienė. Klasinės visuomenės susidarymas Lietuvoje. Vilniaus Valstybinio V. Kapsuko v. U — teto Mokslo Darbai, V, Vilnius, 1955, стр. 120—138. Р. Волкайте-Куликаускене. Генезис феодальных отношений в Литве (по археологическим данным). VII Международный конгресс. М., 1966, стр. 215—221.

[50] Тр. ПОКЭ, М., 1959, I, II.

[51] P. Tarasenka. Grodziska v luku środkowego Nimna na Litwie. Rocznik Olsztynski, II, 1959, стр. 221—225; P. Kulikauskas. Badania archeologiczne na Litwie w latach 1955—1961. Acta Baltico — Slavica, II, стр. 203—256; M. Paaver, P. Kulikauskas. Znaleziska kości zwierzęcych z grodzisk i osad z okresu wczesnożelaznego i rzymskiego na Litwie. Acta Baltico — Slavica, II, стр. 261—279; К. Габрюнайте. Локальные подражания раннесредневековых шлемов русского типа в Литве. Acta Baltico-Slavica, II, стр. 115—133.

[52] Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. I (a — k) Prag, 1966. Автором статей о археологических памятниках Литвы, об археологах Литвы, изданиях и учреждениях является П. Куликаускас.

sarium Archaeologicum» под редакцией польского археолога проф. К. Яждевского [53]. Кроме того, советские литовские археологи принимали участие в работах международных археологических конгрессов, где выступали с докладами, касающимися актуальных проблем археологии Литвы [54].

Кроме научно-исследовательской работы, литовские археологи большое внимание уделяют популяризации археологии, помогают сотрудникам музеев и краеведам, издают популярные книги, где каждый может ознакомиться с основными целями археологии, археологическими памятниками и методикой их исследования [55].

Несмотря на указанные достижения, перед литовскими археологами стоит еще много нерешенных задач. До сих пор недостаточно изученными остаются ремесла древних литовцев, возникновение (образование) городов и другие важные проблемы. Перед археологами Литвы стоит задача как можно шире применить методику естественных наук, провести технологические и структурные исследования находок, создать научно-вспомогательные базы для проведения археологических раскопок. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем археология в Литве развивалась еще более успешно, а исследования были более результативными.

---

[53] Union internationale des sciences pré-et protohistoriques. Glossarium Archaeologicum, Bonn — Warszawa. Уже напечатано 27 терминологических таблиц и подготовлено 30. Автором терминов на литовском языке является П. Куликаускас.

[54] В работе I Международного конгресса славянской археологии в Варшаве принимала участие Р. Волкайте-Куликаускене. В работе VII Международного конгресса археологии в Праге принимали участие Р. Волкайте-Куликаускене и Р. К. Римантене.

[55] R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuvos archeologiniai paminklai ir jų tyrinėjimai. Vilnius, 1958.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

АРХЕОЛОГИЯ ТАДЖИКИСТАНА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В 1868 г., когда русские войска продвинулись в центр древнего Согда, один из русских востоковедов разработал план историко-археологического изучения Средней Азии. В 1914 г., говоря об этом плане, В. В. Бартольд отмечал: «... научные задачи, намеченные почти полвека тому назад, до сих пор остаются неисполненными» [1].

Конечно, в историко-археологическом исследовании Средней Азии в конце XIX— начале XX в. имел место безусловный прогресс, и он был прежде всего связан с именем самого В. В. Бартольда, а также В. В. Григорьева, Н. И. Веселовского, В. А. Жуковского и др., деятельностью многих научных и научно-краеведческих учреждений, особенно «Туркестанского кружка любителей археологии» [2]. Историческая география, древняя и средовековая история и нумизматика Средней Азии разрабатывались также и зарубежными исследователями.

О том, что на территории Таджикистана имеются замечательные памятники, свидетельствовал найденный местными жителями на юго-востоке Таджикистана «Аму-Дарьинский клад», вещи которого попали в Британский музей [3]. Но археологические работы до революции в Таджикистане почти не проводились. Фактически основная часть территории современной Таджикской ССР оставалась в археологическом отношении неизученной.

Положение коренным образом переменилось после Великой Октябрьской революции. 14 ноября 1920 г. В. В. Бартольд выступил в Ташкенте с докладом «Ближайшие задачи изучения Туркестана», в котором охарактеризовал уровень исторических и археологических знаний и сформулировал первоочередные задачи в области изучения археологии Средней Азии [4]. С тех пор прошло ровно столько времени, сколько и между 1868 и 1914 гг. Но если до революции самые скромные наметки оказались невыполненными, то сейчас успехи в археологическом изучении Средней Азии бесконечно превзошли программу, намеченную В. В. Бартольдом в 1920 г. (рис. 1).

Первоначальные шаги археологии в Таджикистане были очень трудными. Помимо общих проблем, стоявших перед советской археологией, положение осложнялось тем, что не было дореволюционной научной археоло-

[1] В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1914 год. П., 1915.

[2] Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. ТКЛА, Ташкент, 1958; Б. А. Литвинский. К истории Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. ИООН АН ТаджССР, 14, Сталинабад. 1957.

[3] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. 2, СПб., 1889; O. M. Dalton. The Theasure of the Oxus. London, 1905; Т. И. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки Аму-Дарьинского клада. ИООН АН ТаджССР, 1 (28), Душанбе, 1962.

[4] В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана, «Наука и просвещение», 1922, 2.

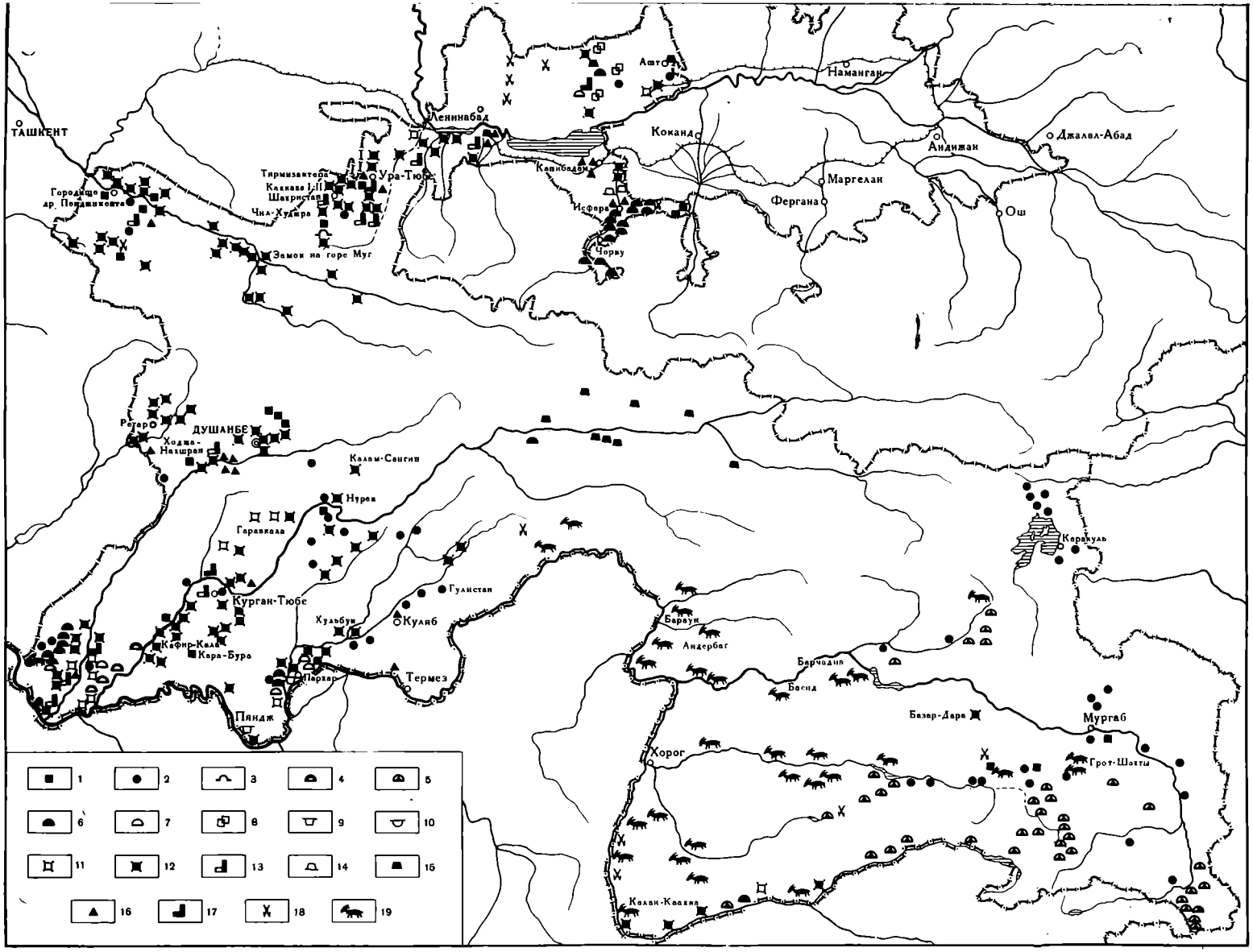


Рис. 1. Археологическая карта Таджикской ССР

1 — палеолит, *2* — мезолит и неолит, *3* — навесы, пещеры, *4* — курганы эпохи бронзы, *5* — сакские курганы, *6*—кушанские и тюркские курганы, *7* — курганы не датированные, *8* — курумы, мугхона, *9* — грунтовые могильники, *10* — поселения раннего железа, *11* — античные поселения, тепе, городища, *12* — средневековые городища, *13* — группа тепе средневековья, *14* — средневековые замки, *15* — позднесредневековые крепости, *16* — средневековые архитектурные памятники, *17* — многослойные тепе, *18* — древние рудники, *19* — наскальные изображения

гической традиции, а существовала сильная, принесшая много пользы, но все-таки краеведческая традиция. Поэтому до начала 30-х годов краеведческий уклон в значительной мере продолжал характеризовать работы археологов не только Таджикистана, но и всей Средней Азии. Этот процесс становления среднеазиатской археологии продолжался до второй половины 30-х годов, когда начинают работу несколько крупных археологических экспедиций. Наибольшее значение имели две из них — Хорезмская, которой руководил С. П. Толстов, и Семиреченская, работавшая под руководством А. Н. Бернштама. Они не только осуществили комплексное многолетнее изучение памятников обширных территорий, но и открыли новые горизонты в изучении древней истории Средней Азии. В это же время организуются экспедиции для изучения отдельных объектов (Каунчи-тепе и Тали-Барзу — Г. В. Григорьев, Айртам и Термез — М. Е. Массон, Хива — Н. Г. Гулямов) или небольших территорий (средняя часть Зеравшанской долины — А. Ю. Якубовский, западная часть Бухарского оазиса — В. А. Шишкин и др.).

Археологическое изучение Таджикистана за советское время делится на четыре периода [5].

Первый период (1917—1928 гг.). Интенсивность новых археологических исследований по сравнению с дореволюционным временем значительно выросла. В археологическом изучении принимают участие не только отдельные ученые, но и специально снаряженные экспедиции.

В 20-е годы этнограф и лингвист М. С. Андреев опубликовал сведения об открытых им в долине Зеравшана средневековых памятниках резной деревянной архитектуры. Появляется первая сводка археологических памятников Средней Азии, составленная А. А. Семеновым.

Второй период (1929—1945 гг.) имели место значительные успехи в общем археологическом изучении Таджикистана. Выявлено много ранее неизвестных памятников (преимущественно краеведами, особенно В. Р. Чейлытко). Изучаются история горного дела (М. Е. Массон и П. П. Иванов) и памятники кочевников (Б. А. Латынин). Первоклассное научное значение имели результаты проведенной в 1933 г. под руководством А. А. Фреймана экспедиции, связанной с открытием местными жителями памятников письменности в развалинах замка на горе Муг. Впервые на родине согдийцев были найдены документы на согдийском языке. Их последующая расшифровка и исследование дали чрезвычайно важный материал по политической, социально-экономической и культурной истории Согда и всей Средней Азии накануне и в период арабского нашествия [6].

Третий период (1946—1951 гг.). Громадное значение в деле археологического изучения Таджикистана сыграла многолетняя Согдийско-Таджикская (с 1952 г. — Таджикская) археологическая экспедиция. В 1946 г. при возникновении этой экспедиции ИИМК АН СССР и Эрмитажа ее начальником был назначен один из крупнейших советских востоковедов и археологов Средней Азии А. Ю. Якубовский, возглавлявший экспедицию до своей смерти в 1953 г. Заслуги его в области археологии Таджикистана огромны. Были начаты раскопки в Пенджикенте. В экспедиции участвовали такие известные археологи, как М. М. Дьяконов (умер в 1954 г.), А. М. Беленицкий, А. П. Окладников, А. И. Тереножкин и др., а также многочисленная молодежь. С 1955 г. Таджикскую экспедицию

---

[5] Подробный обзор развития археологии в Таджикистане за 1917—1950 гг. см. Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой. Тр. АН ТаджССР, XXV, Сталинабад, 1954, стр. 81.

[6] Согдийский сборник. Л., 1934; А. А. Фрейман. Описание, публикации и исследование документов с горы Муг, 1962 (Согдийские документы с горы Муг. I, М.); В. А. Лившиц. Юридические документы и письмо. Согдийские документы с горы Муг. II, М., 1962; М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнова. Хозяйственные документы. Согдийские документы с горы Муг. III, М., 1963.

возглавляет А. М. Беленицкий. На территории Таджикистана проводила работы и Памиро-Ферганская экспедиция (начальник А. Н. Бернштам).

Четвертый период (после 1952 г.). В 1951 г. была образована Академия наук Таджикской ССР, в составе которой Институт истории, археологии и этнографии (ныне Институт истории им. А. Дониша) со специальным сектором археологии и нумизматики, начавший функционировать с 1952 г. Это было первое археологическое учреждение в республике. Сейчас сектор насчитывает почти 25 сотрудников, реставрационно-технологическую лабораторию и прекрасно оборудованную археологическую базу в Пенджикенте. Вот уже 15 лет сектор археологии и нумизматики является научным и организационным центром археологических исследований, а полевые работы проводятся единой Таджикской археологической экспедицией (начальник — А. М. Беленицкий, заместитель — Б. А. Литвинский). Тесная и повседневная координация с центральными научными учреждениями осуществляется здесь на практике. Результаты полевых исследований систематически публикуются в совместных трудах: АН ТаджССР издает сборники «Археологические работы в Таджикистане» [7], АН СССР и АН ТаджССР — «Труды» экспедиции [8], а также издаются специальные сборники и монографии.

Определились основные направления научно-исследовательской работы: 1) историческая география, историко-археологические обзоры, археологическая карта; 2) памятники каменного и бронзового века; 3) исследование памятников оседлого населения с древнейших времен до позднего средневековья (особое внимание обращается на изучение раннесредневекового города и культуры); 4) изучение памятников древних и средневековых кочевников; 5) история и технология средневекового горного дела и ремесла; 6) эволюция материальной культуры; 7) археология и проблема этногенеза таджикского народа; 8) средневековая нумизматика. Разумеется, мы можем остановиться на результатах проделанной работы лишь в самых общих чертах.

Основы исторической географии Таджикистана были заложены трудами В. В. Бартольда, а также В. Томашека, И. Маркварта, В. В. Минорского. Сейчас настало время для детальных историко-географических исследований по отдельным областям и районам. В 1950 г. А. М. Беленицкий опубликовал обширный очерк, в котором освещены вопросы исторической географии Хутталя с древнейших времен до X в.[9]. Насыщенная большим количеством фактов работа А. М. Беленицкого выходит за рамки историко-географического исследования, являясь одновременно и краткой историей Хутталя. То же самое можно сказать и про работу А. М. Мандельштама по Памиру [10]. Следует также упомянуть работу Н. Н. Негматова по

---

[7] Вышло девять выпусков: Археологические работы в Таджикистане в 1953 г. в. 1, Сталинабад 1954; Археологические работы в Таджикистане в 1954 г. в. 2, Сталинабад, 1956; Археологические работы в Таджикистане в 1955 году. в. 3. Сталинабад, 1956; Археологические работы в Таджикистане в 1956 году, в. 4, Сталинабад, 1959, Археологические работы в Таджикистане в 1957 году, в. 5, Сталинабад. 1959; Археологические работы в Таджикистане (1958 год), в. 6. Душанбе, 1961; Археологические работы в Таджикистане (1959 год), в. 7, Душанбе, 1961; Археологические работы в Таджикистане (1960 год), в. 8, Душанбе, 1962; Археологические работы в Таджикистане (1961 год). в. 9, Душанбе, 1964. Ежегодники в дальнейшем цитируются: АР.

[8] Напечатано пять томов (I—V), Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. I. МИА 15, 1950; Тр. Таджикской археологической экспедиции. II, МИА, 37, 1953; Тр. Таджикской археологической экспедиции III МИА 66, 1958; Тр. Таджикской археологической экспедиции. IV, МИА, 124, 1964; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. Тр. Тадж. археол. эксп. V. МИА, 136, 1966.

[9] А. М. Беленицкий. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. Тр. ТАЭ, I.

[10] А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Тр. АН ТаджССР, 53.

Усрушане[11], О. И. Смирновой и Б. Я. Ставиского по Верхнему Зеравшану[12].

Накопление материала позволило подойти и к созданию историко-археологических очерков отдельных районов республики, базирующихся на комплексном использовании материалов археологических раскопок, сведений письменных источников и других. Некоторые из них изданы[13], другие готовятся к печати. Историческая география широко освещена в I томе «Истории таджикского народа», где исследованы вопросы, связанные с местоположением Кирополя, Александрии Эсхаты и др. Много исторических построений и спекуляций о пределах ахеменидских владений в Средней Азии основано на наличии в древней топонимике северного Таджикистана Кирэсхаты-Кирополя (современный город Ура-Тюбе). Однако этот топоним может быть связан не с именем ахменидского царя, а с близко звучащим местным названием[14] и т. д.

Первые работы, явившиеся по существу началом исследования каменного века Таджикистана, были проведены А. П. Окладниковым в 1948 г.[15] С 1953 г. А. П. Окладников провел семь полевых сезонов. Было открыто палеолитическое местонахождение в Кайрак-Кумах[16], проведены раскопки верхнепалеолитической стоянки Ходжа-Гор, неолитического поселения Куй-бульен и исследование новой, чрезвычайно интересной культуры горного неолита-гиссарской[17]. Работы А. П. Окладникова не только показали, что на территории Таджикистана жили люди каменного века, но и заложили основу наших представлений о их культуре и характерных особенностях.

С 1955 г. исследования каменного века Таджикистана проводит также и В. А. Ранов. Он сделал ряд важных открытий: на Восточном Памире нашел самые высокогорные в мире стоянки каменного века, открыл чрезвычайно своеобразную ранненеолитическую культуру[18]. Интересные материалы принесли раскопки многослойного навеса Ак-Танги в Северном Таджикистане, где вскрыто 14 культурных слоев, охватывающих время от мезолита до позднего средневековья[19].

В. А. Ранов открыл и исследовал мустьерские памятники Кара-Бура, Ак-Джар[20], Джар-Кутан и др. Благодаря совместным с геологами работам впервые для Средней Азии в Таджикистане была осуществлена

---

[11] Н. Н. Негматов. Усрушана в древности и в раннем средневековье. 1957 (АН ТаджССР, Тр., т. 55); его же. Географы IX—XII вв. о Ходженте и его области. ИООН АН ТаджССР, 8, 1956.

[12] О. И. Смирнова. Вопросы исторической топографии и топонимики верхнего Зерафшана. Тр. ТАЭ, I; Б. Я. Ставиский. Исторические сведения о верхней части Зеравшанской долины (до арабского завоевания). ИМКУ, I, Ташкент, 1959.

[13] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. АН ТаджССР, XXXV, 1955; М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. Тр. ТАЭ, 1.

[14] Это предположение высказал еще Э. Херцфельд: E. Herzfeld. Sakastan. Archaeologische Mitteilungen aus Iran. IV, 1. Berlin, 1931, стр. 14, примеч. 1; позже лингвистический анализ привел Бенвенист к такому же выводу: E. Benveniste. La ville de Cyreschata. JA, CCXXXIV, 1943—1945. Paris, 1947, стр. 163—164. Об ареале соответствущего этнонима и топонима. ИТН, I, стр. 428; W. E. Eilers. Kyros. Beiträge zur Namenforschung. XV, 2. Heidelberg, 1964, стр. 180—236.

[15] А. П. Окладников. Исследования памятников каменного века Таджикистана. Тр. ТАЭ, III.

[16] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Тр. ИИ, XXXIII, 1962, стр. 3—88; развернутую рецензию на эту монографию см.: G. Glaesser. «East and West», нов. сер., XV, 3—4, 1965, стр. 323—329.

[17] А. П. Окладников. Исследование памятников каменного века на юге Таджикистана в 1958 г. АР, VI.

[18] В. А. Ранов. Стоянка Каратумшук. КСИИМК, 80, 1960; его же. Рисунки каменного века в гроте Шахты. СЭ, 1961; его же. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.). Тр. ТАЭ, V.

[19] Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. АР. VII; их же. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. АР, IX.

[20] В. А. Ранов. Два новых памятника каменного века в Южном Таджикистане. АР, VIII, стр. 130—135.

привязка памятников каменного века к стратиграфическим подразделениям плейстоцена [21]. Все эти работы позволили создать первую периодизацию палеолита Таджикистана и Средней Азии [22].

Мы не можем пока обосновать непрерывную линию развития культур каменного века Таджикистана. Но можно твердо сказать, что уже с мустьерского времени, а может быть и раньше, в Средней Азии и в Таджикистане существуют автохтонные культуры, развивающиеся самостоятельно, хотя на разных этапах своего развития они испытывают влияние и имеют прямое соприкосновение с носителями одновременных культур прилегающих областей. Не приходится сомневаться в том, что гиссарская культура является одним из компонентов сменившей ее кайрак-кумской культуры степной бронзы.

Были выявлены и исследованы памятники бронзового века. Изделия эпохи ранней бронзы из Центрального и Южного Таджикистана в 1948 г. опубликовал А. И. Тереножкин [23]. А. П. Окладников открыл в Кайрак-Кумах первые в Таджикистане поселения эпохи бронзы и раннего железа. Детальное изучение их было проведено Б. А. Литвинским. Исследование поселений, рудоплавильных центров, могильников (свыше 60 пунктов) позволило датировать эти памятники временем от середины II тысячелетия до н. э. до первых веков I тысячелетия до н. э. В эпоху бронзы в Фергане, как, быть может, и в соседней Ташкентской области, проживали племена кайрак-кумской культуры — местного варианта андроновской культуры. В эту эпоху здесь располагался один из важнейших среднеазиатских металлургических центров. Степняки — кайрак-кумцы находились в тесном контакте с оседлыми земледельцами [24]. Интересные данные по бронзовому веку Северного Таджикистана получены также при раскопках пещеры Ак-Таньги.

Находки из районов Центрального и Южного Таджикистана, а также Памира, лишь в незначительной степени связаны с северными степными культурами, в основном же они указывают на южное и юго-западное направление культурных связей — с культурами первобытных земледельцев [25]. В этом отношении особое место занимает кинжал из Рамита [26].

На юге Таджикистана в эпоху поздней бронзы существовали поселения степной бронзы. Одно из них недавно было открыто в Вахшской долине, близ г. Курган-Тюбе. В низовьях Кафирнигана при раскопках могильников в Бишкентской долине А. М. Мандельштам обнаружил захоронения эпохи поздней бронзы, которые он связывает с передвижениями степных племен [27].

В низовьях рек Вахш и Кизыл-Су, как и р. Кафирниган, впадающих в Пяндж, обнаружены обширные могильники с катакомбными могилами разных типов (нами вскрыто 170 курганов). Скорченные захоронения

[21] В. А. Ранов. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. Сб.: «Основные проблемы изучения четвертичного периода СССР», М., 1965.

[22] В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана. I. Палеолит. Душанбе, 1965; его же. О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. Доклады VII Международного Конгресса антропологич. и этнографических наук. М., 1964.

[23] А. И. Тереножкин. Археологические находки в Таджикистане. КСИИМК, XX, 1948.

[24] А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. АР, II, стр. 7—12; Б. А. Литвинский. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, 80, стр. 47—52; его же. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайрак-Кумов. В кн.: Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, Душанбе, 1962, стр. 91—300.

[25] Б. А. Литвинский. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана. ИООН АН ТаджССР, I (24). 1961, стр. 59—62.

[26] Б. А. Литвинский. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). Сб.: «Индия в древности», М., 1964, стр. 144—148, 160, рис. 10.

[27] А. М. Мандельштам. Памятники «степного» круга эпохи бронзы на юге Средней Азии. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.— Л., 1966.

сопровождаются керамикой, бронзовыми изделиями, костяными и каменными наконечниками стрел. Инвентарь погребений, особенно сосуды, чрезвычайно близки посуде Южной Туркмении эпохи Намазга VI, афганистанской типа Мундигак V—VI и керамике из позднебронзовых памятников Ирана. Происхождение этой культуры остается вместе с тем неясным. Имелась ли тут генетическая связь? На данном уровне наших знаний о бронзе этих областей Средней Азии нельзя исключить гипотезу о переселении в среднеазиатское междуречье к середине II тысячелетия до н. э. крупной группировки племен из Южной Туркмении или других областей раннеземледельческой культуры. Это переселение должно было быть поэтапным и было связано с изменением хозяйственного уклада и образа жизни, но что должны были повлиять тесные контакты с племенами степной бронзы.

Не исключено, что это было одно из тех передвижений, которые сопутствовали «арийскому» завоеванию Индии. С другой стороны, вхождение в последующее время Маргианы в состав Бактрии можно теперь рассматривать не только как политическое, но и историко-культурное объединение. Еще более существенно, что представленная в изученных нами могильниках «вахшская культура» явилась одним из важнейших компонентов в развитии в дальнейшем древнебактрийской культуры и цивилизации. Исследование памятников эпохи бронзы и раннего железа показывает, что Средняя Азия в ту эпоху достигла чрезвычайно высокого уровня культурного развития, была теснейшим образом связана с культурами древневосточных народов и являлась своеобразным передатчиком их культурных достижений в Центральную Азию, Казахстан и Сибирь.

Благодаря работам С. П. Толстова, А. И. Тереножкина и В. М. Массона история Средней Азии в раннежелезном веке, когда во многих областях Средней Азии появилось классовое общество и государственные образования, начинает проясняться. Многое в этом отношении дали материалы из проведенных М. М. Дьяконовым раскопок в низовьях Кафирнигана, на городище Калаи-Мир [28]. Культура нижнего слоя этого памятника, названная им Кобадиан I, датируется VI—IV вв. до н. э. и частично относится еще ко времени существования доахменидского Бактрийского царства [29]. М. М. Дьяконов исследовал материалы периода Кобадиан I в широком историческом контексте. Новые данные для характеристики поздних этапов этого периода получены Т. И. Зеймаль при раскопках Балдай-Тепе в Вахшской долине (около Курган-Тюбе). Постепенно начинает рассеиваться туман, окутывавший историю древней Бактрии, которую Авеста в I фаргарде «Видевдата» характеризовала как «прекрасную».

М. М. Дьяконову также принадлежит заслуга создания первой стратиграфической колонки развития северобактрийской керамики. Сейчас эта схема, разумеется, требует значительных исправлений. Особенно внушительный новый материал был получен коллективом Южно-Таджикского отряда при раскопках яванского городища Горав-Кала. Здесь был осуществлен большой стратиграфический раскоп, прорезавший десятиметровую толщу культурных напластований со множеством строительных периодов I—IV вв.

В Пархарском районе Х. Мухитдинов начал раскопки городища Саксан-Охур. Обнаружены печи для обжига терракот и керамики, найдены матрицы для формовки статуэток и самые статуэтки. Серьезный интерес

---

[28] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). Тр. ТАЭ, II, стр. 272—275, 279—282; Н. Н. Заболина. Раскопки на городище Калаи-Мир. Там же.

[29] М. М. Дьяконов. Сложение классового общества в Северной Бактрии. СА, XIX, 1954.

представляет открытие части парадного кушанского здания с полом из каменных плит. Здесь найдены стволы баз из мергелистого известняка, коринфского облика капители и аттические базы [30]. Первоклассная по своим художественным достоинствам капитель обнаружена на городище Шахринау. Детали архитектуры из Саксан-Охура напоминают Сурх Котал. Открытия французской миссии в Афганистане (Ой-Ханум) позволяют реально исследовать генезис эллинизированных форм и типов архитектуры в Афганистане и Средней Азии и понять их дальнейшее развитие, зафиксированное, в частности, находками на Саксан-Охуре и др.

Одна из задач состояла в исследовании древней фортификации. Развитие ее и специфические особенности древней фортификации хорошо прослеживается на памятниках Бактрии [31] (рис. 2). Изучение памирских крепостей выявило в Средней Азии особую школу горного крепостного строительства [32]. Ведется большая работа по изучению эволюции древней и раннесредневековой керамики Бактрии.

Т. И. Зеймаль установила динамику ирригационных систем одного из важнейших земледельческих районов Таджикистана — Вахшской долины, которая обследована сейчас очень детально. При раскопках получены разнообразные материалы, свидетельствующие о связях с Афганистаном и Индией [33].

История древней (и средневековой) Средней Азии в значительной мере развивалась во взаимодействии оседлых и кочевых народов и племен. Поэтому наряду с раскопками поселений, большое внимание уделялось и раскопкам могильников кочевников. А. Н. Бернштам — первый исследователь археологии саков Средней Азии — открыл сакские могильники на Восточном Памире и раскопал около шестидесяти сакских курганов [34]. Нам удалось открыть множество новых могильников и раскопать свыше 200 курганов и культовых мест памирских саков [35].

Открытие могильников на Восточном Памире подняло ряд сложных проблем. Нет никакого сомнения, что погребальный инвентарь из этих курганов — сакский. Он очень напоминает скифский и савроматский и обнаруживает самую непосредственную близость к семиреченскому и отчасти центрально-казахстанскому, причем не только в отношении знаменитой «скифской триады», но и в керамике. Своеобразие не очень значительное. С другой стороны, антропологический состав населения иной: на Памире сакское население было долихокранным, примыкая в этом отношении к древнему населению Индийского субконтинента. Таким образом, отпала возможность для утверждений, что сакское на-

---

[30] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Каменные базы колонн из Вахшской долины. ИООН АН ТаджССР, I (22), 1960.

[31] Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. АР, II; Б. А. Литвинский. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. АР, II; его же. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). КСИИМК, 64, 1956; Е. Е. Кузьмина, С. Б. Певзнер. Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах. КСИИМК, 64, 1956.

[32] А. Бабаев. Археологические разведки на Западном Памире в 1960 г. АР, VIII; его же. Археологические разведки на Памире. АР, IX; его же. Крепости и погребальные сооружения Древнего Вахана. Автореф. канд. дис., Душанбе, 1965.

[33] Т. И. Зеймаль. Античное поселение в урочище Халканжар. АР, VI; ее же. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. АР, VII; ее же. Археологические работы в Вахшской долине в 1960 г. АР, VIII; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Разведки и раскопки в Южном Таджикистане. АР, IX.

[34] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1952; его же. Саки Памира. ВДИ, 1956, 1; Г. Г. Бабанская, Ю. А. Заднепровский. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. АР, IV.

[35] Б. А. Литвинский. Раскопки могильника на Восточном Памире в 1958 г. АР, VI; его же. Археологические открытия на Восточном Памире. М., 1960; его же. Раскопки могильника на Восточном Памире в 1959 г. АР, VII; Б. А. Литвинский, М. А. Бубнова. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г. АР, VIII.

селение Памира происходит с Тянь-Шаня или более северных районов. Решение этого вопроса рисуется мне в следующем виде. Как явствует из сообщений античных авторов и контекста древнеперсидских надписей (DPe, 15—18; DNa, 22—29; DSe, 24—25; DB, 12—17), большая группа сакских племен, а именно сака-хаумаварга древнеперсидских надписей, была связана с юго-востоком Средней Азии — Бактрией и Индией. То, что это были именно сака-хаумаварга подтверждают и лингвистические данные. Мы имеем в виду наименование живущих в Читрале мунджанцев и йидга, этнонимы которых лингвисты связывают с саками, в частности с саками-хаумаварга. Следует также упомянуть свидетельство индийского грамматика Патанджали (184—148 гг. до н. э.) о śakayavnam, т. е. о живших рядом в Индии греках и саках.

Что же касается «амюргийской равнины» Гелланика, мы склонны вслед за А. Херрманном локализовать ее в Алайской долине, но считаем не исключенным, что под «амюргийской равниной» в широком смысле понималась и Ферганская долина.

Следовательно, памирские саки входили в состав юго-восточных саков, а именно саков-хаумаварга. Возможно, саки южной части Восточного Туркестана также входили в эту группировку или были близки ей. Сохранившиеся от их потомков памятники хотано-сакского языка демонстрируют близость к языку современных памирских таджиков, особенно ваханцев. Что же касается саков-тиграхауда, мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западной части Средней Азии (Приаралье — Прикаспий). Семиреченские же саки находились вне сферы ахеменидского государства. Их часто на основании сообщения Птолемея идентифицируют с исседонами, упуская из виду, что причины ошибки Птолемея давно уже разъяснил А. Херрманн. Однако это были, безусловно, сакские племена, диалект которых, я думаю, мог явиться основой для второго сакского языка Восточного Туркестана, известного по текстам из Тумшука, Маралбаши и Барчука. Что же касается «саков, которые за Согдом», они локализуются по Средней Сыр-Дарье [36]; позже они образовали, на мой взгляд, ядро Кангюя.

Но вернемся к памирским сакам. Судя по историческим и археологическим источникам, во II в. до н. э. эти саки приняли участие в передвижениях юэчжей и сако-усуньских племен, большая часть памирских саков переселилась в северо-восточную Индию, участвовала в разгроме Греко-Бактрии. Часть же осталась на Памире, в том числе на западном [37], перешла к оседлости и образовала древнейший пласт современных памирских народностей, в частности ваханцев.

М. М. Дьяконов начал раскопки могильников в низовьях Кафирнигана. Эти работы затем были продолжены А. М. Мандельштамом. В 1956—1959 гг. он провел систематические раскопки открытых А. П. Окладниковым могильников в Бишкентской долине. В северной части этой долины А. М. Мандельштам изучил крупные могильники Аруктау, Тулхар и Коккум, а также произвел небольшие раскопки на находящихся здесь поселениях Хан-Газа и Ак-Тепе [38].

---

[36] Б. А. Литвинский. Саки, которые за Согдом. ТР. АН ТаджССР, XX, Сталинабад, 1960.

[37] Это документируется могильником Чилхона, который открыл А. Бабаев.

[38] А. М. Мандельштам. О работах Кобадианского отряда в 1955 г. АР, III; Археологические работы 1956 г. в Бишкентской долине. АР, IV; его же. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. АР, V; его же. Хан-Газа. АР, VII; его же. Могильник Аруктау в Бишкентской долине. КСИИМК, 76, 1959; его же. К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения). КСИА АН СССР, 98, 1964; его же. К вопросу об особенностях расположения памятников кочевого населения в Северной Бактрии. Сообщения Гос. республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительных искусств, IV, Душанбе, 1966.

Практически полностью раскопан и монографически издан один из могильников — Тулхарский [39]. Благодаря находкам монет этот могильник датируется в пределах последней трети II в. до н. э.— началом I в. н. э. Два других могильника синхронны ему. Могильники дали богатый набор погребального инвентаря. По мнению А. М. Мандельштама, эти могильники археологически документируют передвижение больших масс кочевников в Северную Бактрию и пребывание их там, что связывается с кочевническим завоеванием Греко-Бактрии в последней трети II в. до н. э.

Могильники кочевников I тысячелетия н. э., преимущественно II—III и VI—VIII вв., детально изучены в Северном Таджикистане (Б. А. Литвинский). В Исфаринском районе раскопаны Ворухский могильник, могильник в Ворухском ущелье, могильники Кех, Сурх I и II, Чорку I и II, Карабак, Исфаринский и др. Их культура очень близка культуре Карабулакского могильника в Киргизской ССР, раскопанного Ю. Д. Баруздиным.

На территории Аштского и Ново-Матчинского района, т. е. в отрогах Кураминского хребта, мы раскопали множество каменных гробниц, которые местное население называет муг-хона или курумы [40]. Кроме того, Е. Д. Салтовская успешно проводит раскопки поселений, расположенных в непосредственной близости от Аштского могильника. Материал одного из этих поселений — Кзыл-Тепе (или Тудаикалон) поможет разобраться в вопросе о взаимоотношениях кочевого и оседлого населения [41].

Раскопки показали, что для могильников западной Ферганы в первые века нашей эры характерны очень тесные связи с сарматской культурой, причем это не прерывчатый пунктир отдаленных соответствий, а целый пучок тесных историко-культурных связей. Они дали также обильный материал для суждения о хозяйстве, эволюции материальной и некоторых сторон духовной культуры и этнической истории Ферганы в древности и раннем средневековье.

Менее двух десятилетий тому назад в советской науке было распространено представление об упадке Средней Азии в раннем средневековье и переносе центра тяжести общественной жизни из города в деревню, регрессе городского ремесла. Это мнение, разделявшееся большинством исследователей, покоилось главным образом на догматическом представлении, что переход к феодализму обязательно сопровождается регрессом городской жизни. «Кризис рабовладельческого строя» понимался не как внутреннее преобразование рабовладельческого строя и развитие элементов феодализма, а исключительно как упадок хозяйства и культуры, продолжавшийся до VI—VIII вв. Изучение памятников раннего средневековья в Таджикистане получило особый размах, что привело к крушению этой схемы.

Богатейшие материалы, полученные при раскопках Пенджикента, опубликованы и исследованы А. Ю. Якубовским, М. М. Дьяконовым, А. М. Беленицким и коллективом их сотрудников [42]. Особенно большое значение имеют труды А. М. Беленицкого, под руководством которого

---

[39] А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. Тр. ТАЭ, V, 1966.

[40] Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 22—70; Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район в 1954 г. АР, II; Б. А. Литвинский. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 г. АР, IV: его же. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. АР, V; его же. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. АР, VI; Н. Негматов, Е. Д. Салтовская, Т. П. Кияткина. Изучение погребальных памятников кочевников на территории Усрушаны. АР, VI, стр. 137—146; Е. Д. Салтовская. Вал и могильник у кишлака Ниязбек. ИООН АН ТаджССР, I (22), 1960.

[41] Е. Д. Салтовская. О раскопках античных поселений в районе Аштa. АР, VII; ее же. О раскопках на поселении Тудаи-Калон в 1960 г. АР, VIII; ее же. Раскопки на Тудаи-Калон в 1961 г. АР, IX.

[42] Сб.: «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954; «Скульптура и живопись Древнего Пенджикента», М., 1959.

Рис. 2. Кухна-кала. Вахшская долина. Аксонометрия архитектора А. Макухи

удалось осуществить раскопки на значительной части восточной половины городища.

В конце V — начале VI в. здесь было уже крупное городское поселение — «нижний Пенджикент» [43]. Основная часть построек и найденного в них материала относится к «верхнему Пенджикенту» (середина VII — 70-е годы VIII в.) [44]. В Пенджикенте были раскопаны жилые дома, общественные здания, в том числе храмы, погребальные сооружения и т. д. Обширный материал по раннесредневековой архитектуре и строительному делу был детально исследован В. Л. Ворониной [45]. В 60 помещениях обнаружены следы, фрагменты или сохранившиеся настенные росписи, в семи помещениях — резное дерево, глиняная скульптура. В изучении и публикации первых памятников искусства приняли участие А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, А. М. Беленицкий, техникой пенджикентской живописи и скульптуры, а также ее консервацией и реставрацией занимается П. И. Костров, архитектурным декором — В. Л. Воронина. Памятники искусства, найденные за последние полтора десятилетия, изучены и частично опубликованы А. М. Беленицким.

Б. Я. Ставиский 10 лет изучает бассейн Верхнего Зеравшана, культурно-исторически тесно связанный с Пенджикентом. Здесь выявлено около

---

[43] Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. Тр. ТАЭ, IV, стр. 243.

[44] О. Г. Большаков. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. Тр. ТАЭ, IV, стр. 116—120; Б. Я. Ставиский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. Там же, стр. 168—178.

[45] В. Л. Воронина. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии (по данным археологии). Автореф. докт. дис., М., 1961 (там же, на стр. 31, список работ); ее же. Архитектура древнего Пенджикента (результаты раскопок 1954—1959 гг.). Тр. ТАЭ, IV.

Рис. 3. Аджина-Тепе. Скульптура из глины

полусотни раннесредневековых памятников. Из новейших работ на этой территории выделяются раскопки поселения Гардони-Хисор (в 12 *км* от замка на горе Муг) возле с. Мадм. Это крупное сооружение дворцового типа. При его раскопках найдено много обугленных деревянных деталей с богатой резной орнаментацией [46].

Многолетние раскопки в Северном Таджикистане с 1955 г. производит Н. Н. Негматов на группе раннесредневековых памятников в районе Шахристана. На Кахкаха II, Урта-Курган и Чил-Худжра раскопки завершены, на Кахкаха I — продолжаются.

Кахкаха II — небольшая крепость с укрепленным трехъярусным замком-донжоном. Его помещения были украшены живописью и резным деревом, фрагменты которых сохранились (резное дерево) в обугленном состоянии. Урта-Курган — двухъярусный замок очень интересной конструкции. Здание также было украшено живописью (сохранились фрагменты) и резным деревом (сохранилось в обугленном состоянии).

Неподалеку от Шахристана раскапывался памятник под названием Чил-Худжра («сорок келий»). Центральная его часть оказалась двухэтажным замком, существовавшим в V—IX вв. и частично обжитым и позже — в XI—XII вв. Здесь также обнаружены следы настенных росписей, резное дерево. Большое значение имеют найденные здесь согдийские надписи на дощечках. Поразительна сохранность архитектурных конструкций, так что можно изучать не отдельные элементы архитектуры, а весь облик архитектурного сооружения в целом.

На цитадели городища Кахкаха I раскапывается дворцовый комплекс с крупными залами и системой коридоров. Здание было украшено настенной росписью [47].

В другом районе северного Таджикистана, а именно в Исфаринском, Е. А. Давидович детально исследовала сложную историю и фортификацию замка Калаи-Боло, существовавшего и в раннесредневековое время [48].

В Южном Таджикистане изучением памятников раннего средневековья руководил Б. А. Литвинский. Здесь были произведены Т. И. Зеймаль небольшие раскопки на Кафыр-Кале и Колхозабад [49]. Основные же работы осуществлялись на Аджина-Тепе вблизи г. Курган-Тюбе. Аджина-Тепе — буддийский монастырь (сангхарама) VII — первой половины VIII в. Комплекс состоит из двух частей: «храмовой» (со ступой) и монастырской. Исключительно интересна архитектура. Стены и потолки были покрыты живописью, на постаментах святилищ и других помещений были установлены глиняные скульптуры — сидящие Будды, бодисатвы и т. д. В 1966 г. была извлечена основная часть скульптурного изображения Будды в нирване длиною 12 *м* (рис. 3 и 4).

---

[46] Б. Я. Ставиский. Археологические работы в бассейне Магиан-Дарьи в 1957 г. Тр. АР, V; его же. Работы Магианской группы в 1958 г. АР, VI; его же. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана). Материалы по отделению этнографии, I, 1. Л., 1961; его же. Работы Магианской группы в 1959 г. АР, VII; его же. Работы Магианской группы в 1961 г. АР, IX.

[47] Н. Н. Негматов. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1955 г. АР, III, его же. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1956 г. АР, IV; его же. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1957 г. АР V; его же. Работы Ходжентско-Усрушанского отряда в 1958 г. АР, VII; его же. Археологические раскопки в Шахристане. В кн.: Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.—Л., 1959; его же. О работах Северо-Таджикистанского отряда в 1961 г. АР, IX; Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане. СА, 1959, 2; Н. Н. Негматов, Е. Д. Салтовская. О работах Ходжентско-Усрушанского отряда в 1960 г. АР, VIII, Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий Средневековый Шахристан. I, Душанбе, 1966.

[48] Е. А. Давыдович. Раскопки замка Калаи-Боло. ТР. ТАЭ, III.

[49] В. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956). АР, IV; Т. И. Зеймаль. Работы Вахшской группы Хуттальского отряда в 1957 г. АР, V.

В результате раскопок на Аджина-Тепе наука обогатилась серией шедевров буддийского искусства; этот новый, ранее не известный раздел искусства Средней Азии я предлагаю назвать тохаристанско-буддийским [50].

Итак, выборочный перечень раскопанных в Таджикистане раннесредневековых памятников, к которым следует добавить памятники, изученные нашими коллегами в других среднеазиатских республиках, прежде

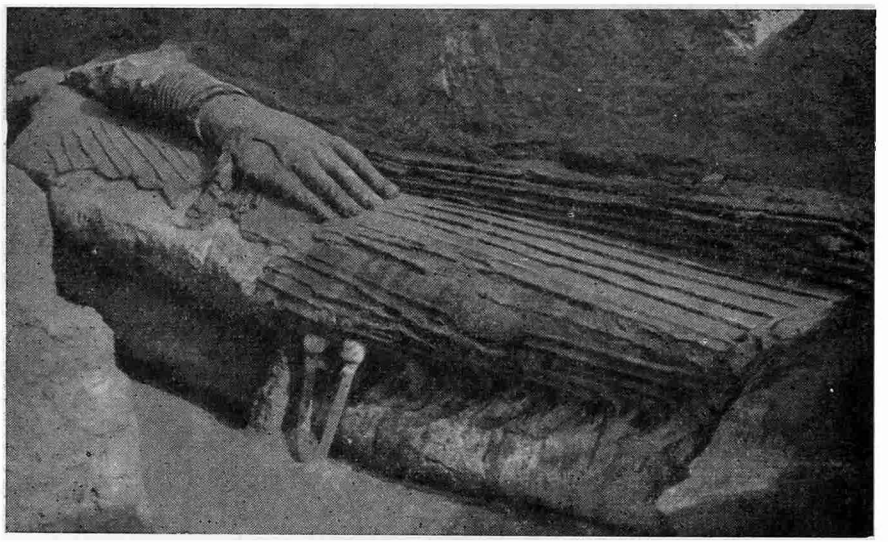


Рис. 4. Аджина Тепе. Двенадцатиметровый Будда в нирване

всего Варахшу и Балалык-Тепе, показывает, что ни о каком упадке городской жизни и культуры в VI — середине VIII в. в Средней Азии, т. е. накануне и во время арабского завоевания, говорить не приходится. Более того, представляется, что уровень и размах городской жизни в это время в некоторых отношениях превзошел тот, что имел место на рубеже и в первые века нашей эры.

Как известно, феодальные города Средней Азии в X—XII вв. далеко превосходили западноевропейские, были крупнейшими средоточиями торговли, ремесла и культуры [51]. Генезис же этого расцвета городской жизни терялся в тумане догадок и гипотез; так обстояло дело до раскопок древнего Пенджикента. А. Ю. Якубовский образно назвал древний Пенджикент своеобразной лабораторией, в которой должны изучаться проблемы, связанные со сложением феодального строя и в особенности феодального города. Действительно, когда в результате раскопок предстала часть городского шахристана, оказались опрокинутыми многие старые представления, считавшиеся до того истинными. Проблема эта детально исследована А. М. Беленицким [52]. Отметим лишь, что теперь установлено возникновение пригорода-рабада уже в доарабское время (хотя вначале ремесленные функции в нем не преобладали); выявлено, что шахристан имел сплошную, а не усадебную застройку; что раннесредневековый шахристан отнюдь не был скоплением жилищ знати и их слуг, ибо значительная часть

[50] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведка в Южном Таджикистане. АР. IX.

[51] Б. А. Литвинский. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, 4, Сталинабад, 1953, стр. 63; О. С. Большаков. Средняя Азия в период караханидов. ИТН, II, 1, стр. 257.

[52] А. М. Беленицкий. Из итогов последних лет раскопок Древнего Пенджикента. СА, 1965, 3. Несколько иначе трактует многие вопросы В. Л. Воронина. См: В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии. СА, 1959, 1 и вышеупомянутый автореферат.

его состояла из построек, занятых мастерскими и торговыми заведениями. Отсюда А. М. Беленицкий делает вполне обоснованный вывод, что уже на ранней стадии феодального развития, в VII—VIII вв., города Передней Азии являлись центрами торговли и ремесла. При этом городское ремесло было рассчитано на рынок и, видимо, не только внутригородской, но и сельской округи.

Материалы раскопок раннесредневековых памятников Таджикистана приобретают особую значимость в связи с тем, что они чрезвычайно полно характеризуют почти все стороны материальной культуры городского населения VI—VIII вв. Остатки ремесленных производств, архитектурно-строительные памятники, разнообразные виды бытовой утвари, оружия, украшений — все это обнаружено при раскопках. При этом раскопки в разных областях Таджикистана счастливо дополняют друг друга. Вместе с тем, выявились и историко-культурные провинции, степень их близости и различия.

Мы не можем останавливаться на результатах исследования раннесредневековой архитектуры. Отметим лишь, что раннесредневековая архитектура содержала уже во вполне развитом виде многие элементы и схемы, ставшие определяющими для среднеазиатского зодчества эпохи развитого феодализма. Так, при раскопках Аджина-Тепе выявилось, что, вопреки прежним взглядам, вполне сложившаяся четырехайванно-дворовая схема существовала в буддийских сооружениях на юге Средней Азии уже в доарабское время. Я думаю, что ее сложение — результат переплетения индо-буддийской и среднеазиатско-иранской традиций. Такая схема характерна для некоторых ведущих типов общественных зданий мусульманской Средней Азии и Востока в целом, а именно медресе. Но из письменных источников известно, что мусульманские медресе появились в X в. в Средней Азии. Детальное же сравнение внутреннего уклада, функций и учебного статуса сангхарамы (буддийского монастыря) и мусульманской медресе также показывает их связь, которую, кстати, осознавали средневековые авторы. Итак, происхождение среднеазиатского мусульманского медресе нельзя отрывать от широкого буддийского фона, на который наложился на юге Средней Азии и в Афганистане ислам. Или еще. Уникальный конструктивный элемент Аджина-Тепе — разгрузочно-пазушные сводики — следует принимать во внимание при рассмотрении вопроса о происхождении галлерей мавзолея Саманидов.

Открытие настенной живописи, скульптуры и резного дерева бесконечно обогатило наши представления об уровне культуры, и в частности искусства, пролило свет на ранние этапы развития средневекового изобразительного искусства и т. д. Благодаря богатству изобразительных сюжетов и тщательной проработке деталей памятники искусства восполняют ту картину, которую рисуют археологические материалы и письменные источники. Но их значение не только в этом: они являются важнейшим источником для изучения идеологии домусульманского времени и ее связи с последующей культурой таджиков и других народов Средней Азии. Для Согда эта проблема была разработана А. М. Беленицким [53]. Мною написана работа по истории буддизма в Средней Азии.

Большое значение памятники искусства раннесредневекового Таджикистана имеют для исследования истории искусства и культуры Востока в целом. Уже в конце XIX — начале XX в. экспедициями русских, немецких, английских, французских и японских ученых были открыты замечательные памятники искусства в Восточном Туркестане. Публикация этих памятников живописи и скульптуры породила буквально море литературы, но характер археологических исследований был таков, что датировки

[53] А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов. В кн.: Живопись Древнего Пянджикента. М., 1954; A. M. Belenitsky. Ancient Pictorial and Plastic Arts and the Shan-nama. В кн.: Труды двадцать пятого международного конгресса востоковедов. III, М., 1963.

комплексов практически не были установлены. Среднеазиатские памятники живописи и скульптуры, полученные при раскопках, проведенных современными методами, имеют твердо установленные даты. Таким образом, они являются своего рода эталоном для датировки памятников искусства в соседних областях Востока. Более того, исследователи восточно-туркестанской живописи, например Лекок, Ф. Зарре и др., на основании иконографических изысканий находили в ней сильную «иранскую» струю. Последующие открытия в Средней Азии показали, что на самом деле речь должна идти об огромной роли среднеазиатской культурной традиции в сложении восточнотуркестанского искусства. Это положение, выдвинутое впервые М. М. Дьяконовым, сейчас постепенно утверждается и в трудах западных ученых. Недавно М. Буссальи показал, что восточнотуркестанское искусство во многом являлось «эхом» среднеазиатского [54].

Исторический фон этого влияния среднеазиатского искусства на восточнотуркестанское, состоит, как мне представляется, в том, что по крайней мере с эпохи бронзы Восточный Туркестан в историко-культурном отношении принадлежал к Средней Азии. Сако-усуньское население его было идентично со среднеазиатским. Этнические связи увеличиваются в первые века нашей эры в связи с согдийской колонизацией. Распространение буддизма в Восточном Туркестане было связано с именем парфянина Ан Ши-као (II в. н. э.). Менее известен факт, что он обучал население Восточного Туркестана среднеазиатской химии и астрономии. Мощный поток культурных влияний, шедших в восточный Туркестан в первых веках нашей эры из Парфии, Бактрии, Согда, привел, в частности, к распространению парфянской техники лепки глиняной скульптуры и т. д.

Детально изучался город эпохи развитого средневековья. Богатейший материал получен в Хульбуке — столице области Хутталь, раскопки которого в 1953 г. были начаты Е. А. Давидович и мною. Исследователь этого города, сотрудница Южно-Таджикского отряда Э. Гулямова, вскрыла планировку дворца, изучила его историю (два периода — X в. и XI—XII вв.), исследовала удивительно полный набор первоклассной стеклянной и гончарной посуды и другие предметы, в том числе шахматы из слоновой кости [55]. Раскопки в Хульбуке создают довольно полное представление о среднеазиатском феодальном городе и его повседневной жизни.

Следует также упомянуть раскопки Н. Н. Негматова на Чил-Духтароне, давшие комплексное представление о средневековом поселении; раскопки на Хан-Яйлоу — горном сельском средневековом поселении и др.; детальное исследование исторической топографии важнейшего городского центра Северного Таджикистана — Ходжента (современный Ленинабад) [56].

Углубленному исследованию были подвергнуты некоторые стороны экономической жизни средневековья. Так, Б. А. Литвинский издал серию работ по истории средневекового горного дела Средней Азии, в том числе обобщающие работы по технике добычи и переработки руд полезных ископаемых [57]. Один из разделов этой темы, а именно технику средневековой металлургии серебра, изучает М. А. Бубнова, исследования которой при-

---

[54] M. Bussagli. The Painting of Central Asia. Geneva, 1963.

[55] Б. А. Литвинский, Е. А. Давидович. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953 г. ДАН, II; Э. Гулямова. Раскопки цитадели на городище Хульбук в 1957 г. АР, VI; ее же. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1960 г. АР, VIII; ее же. Раскопки в Хульбуке в 1961 г. АР, IX; ее же. Шахматные фигуры с городища Хульбук. ИООН, I (22) Сталинабад, 1960; ее же. Стекло с городища Хульбук. ИООН, I (24), Сталинабад, 1961.

[56] Н. Н. Негматов, Т. И. Зеймаль. Раскопки на Тирмизак-Тепе. ИООН АН ТаджССР. I (24), Душанбе 1961; Н. Н. Негматов. К истории Ходжентской цитадели. ИООН АН ТаджССР, I (28), Душанбе, 1962.

[57] Б. А. Литвинский. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954; его же. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.). Тр. АН ТаджССР, XXVII, 1954.

вели к очень интересным выводам [58]. Нам в этом плане приходилось также заниматься техникой древнейшей металлургии меди [59].

Помимо рекогносцировочного обследования старинных рудников Северного и Центрального Таджикистана, а также Памира, М. А. Бубнова провела крупные раскопки на рудничных поселениях Кани-Мансура и недавно открытого геологами на Восточном Памире старинного горно-промышленного комплекса Базар-Дара, расположенного на высоте 3800 *м*. На городище Базар-Дара (X—XII вв.) открыты уникальные для средневековой археологии Средней Азии материалы: богатая коллекция разнообразных тканей, изделий из войлока, кожи, меха, дерева и др. Кроме того, здесь, в условиях прекрасной естественной консервации, сохранилось свыше 40 документов на бумаге.

Больших успехов достигла Э. В. Сайко в работе по исследованию истории и технологии керамического производства. При этом она использует разнообразные методы естественных наук и привлекает также данные восточных письменных источников (алхимические трактаты по минералогии и т. д.) [60]. Уже вышли в свет две монографии, посвященные керамике VIII—XII вв. [61] В этих монографиях освещен широкий круг вопросов, связанных со всеми сторонами керамического производства.

Удельный вес исследований по средневековой архитектуре сравнительно невысок. Научная работа и в этой области широко развернулась лишь после организации ТАЭ и сектора археологии и нумизматики. Были открыты для науки такие замечательные памятники, как сооружения в Саяте (А. М. Беленицкий), Ходжа Нахшран (Б. А. Литвинский); детально изучены мавзолей Мухаммеда Бошшаро и памятники Гиссара (Л. С. Бретаницкий). Большой вклад в исследование средневековой архитектуры внесла В. Л. Воронина, давшая превосходное описание резного дерева Верхнего Зеравшана и некоторых архитектурных памятников. В последние годы в долине Зеравшана А. М. Мухтаров открыл новые замечательные образцы резного дерева. В кишлаке Чорку обнаружена средневековая постройка, которая полностью сохранила резной деревянный интерьер [62]. Ничего подобного до сих пор в Средней Азии не было известно. Этот цикл резьбы значительно расширяет наши представления о средневековой архитектуре и архитектурно-декоративном искусстве Средней Азии.

Нумизматика имеет громадное значение для исследования археологии и истории Таджикистана. Работы в этой области проводятся как у нас, в СССР, так и за рубежом. Можно отметить, в частности, что хронология Бактрии — Тохаристана первой половины I тысячелетия н. э. и в определенной степени хронология других областей Таджикистана и Средней Азии основывается на кушанских и кушано-сасанидских монетах. Но хронологическое определение времени правления кушанских и кушано-сасанидских правителей — предмет бесконечных дискуссий. Так, начальная

---

[58] М. А. Бубнова. К истории металлургии серебра в Средней Азии. ИООН АН ТаджССР, I (24). 1961; ее же. Извлечение серебра купелированием в Средней Азии в IX—XI вв. ИООН, АН ТаджССР (28), 1962.

[59] Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов.

[60] Э. В. Сайко. Из опыта применения микроскопического метода исследования к изучению средневековой среднеазиатской керамики. ИООН АН ТаджССР, I (22), 1960; ее же. Некоторые вопросы технологии ангоба средневековой среднеазиатской керамики. ИООН АН ТаджССР, I (28), 1962; ее же. Глазури керамических фрагментов из средневековой гончарной печи в Вахшской долине. ДАН ТаджССР, V, 1, Душанбе, 1962; ее же. Технология керамики средневековых мастеров. Сб.: Археология и естественные науки. М., 1965; ее же. О технологии обжига керамических изделий средневековых среднеазиатских мастеров. ИООН АН ТаджССР, I (39), 1965.

[61] Э. В. Сайко. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. Тр. АН ТаджССР, XXXVI, Душанбе, 1963; ее же. История технологии керамического ремесла Средней Азии VII—XII вв., Душанбе, 1966.

[62] А. Мухтаров. Резьба по дереву в долине Зеравшана, М., 1966.

дата знаменитого кушанского царя Канишки определяется разными исследователями в пределах от 78 г. до 278 г., соответственно смещаются даты других правителей [63]. Принятие одной из этих двух крайних точек зрения означает передвижку датировки археологических комплексов по крайней мере на два столетия!

За последние годы Кушанская нумизматика является предметом углубленных штудий как советских ученых [64], так и зарубежных [65]. Появляется надежда, что кушанская хронология при комплексной разработке всех источников наконец получит прочные основания.

Монеты с согдийскими надписями, найденные при раскопках в Таджикистане, особенно в Пенджикенте, а также в других местах, на протяжении многих лет изучает О. И. Смирнова. По ее словам, это «...новый источник, дающий нам необходимые добавочные данные для уточнения вопросов хронологии, титулов и политической карты Согда...» этого периода [66]. Впоследствии выяснилось, что согдийские монеты могут дать материал и для выяснения социально-экономической жизни. О. И. Смирнова опубликовала ряд исследований и каталог монет из Пенджикента [67]. Над исследованием раннесредневековых тохаристанских монет Аджина-Тепа работает В. А. Лившиц.

Сектор археологии и нумизматики проводит большую работу по сбору и регистрации старинных монет. Они подвергаются тщательному изучению и используются в качестве важнейшего исторического источника. Сектор археологии и нумизматики является крупнейшим в Советском Союзе центром по изучению средневековой среднеазиатской нумизматики. Е. А. Давидович выполнила ряд работ в хронологическом диапазоне от IX—X до XVII—XVIII вв., в которых содержится целостная картина средневековой нумизматики Средней Азии [68].

Перечислим три основные направления этих работ. Первое — это изучение конкретно-исторического своеобразия истории денег и денежного обращения Средней Азии как части проблемы товарного производства и торговли. Как пишет Е. А. Давидович, конкретно-исторический анализ монетного источника обнаруживает кризисы денежного обращения; позволяет проследить различные специфические особенности, характеризующие денежное обращение разных периодов в целом, а также выявить объективные причины и предпосылки сложения этих особенностей; дает возможность воссоздать картину столкновений различных классов общества и разных группировок господствующего класса в их разном отношений к финансовой политике государственной власти, а также выяснить в какой мере средневековые экономисты познавали и какие формы принима-

---

[63] Е. В. Зеймаль. Проблемы кушанской хронологии и монеты. Тезисы докладов юбилейной научной сессии. ГЭ. Л., 1964; R. Göbl. Zwei neue Termini für ein zentrales Datum der alten Geschichte Mittelasiens, Jahr des Kušankönigs Kaniška. Sonderabdruck aus «Anzeiger des phil-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften», Jahrgang 1964, 7, стр. 144. Если учесть и старые датировки, диапазон будет значительно большим: W. M. McGovern. The Early Empiries of Central Asia. New York, 1939, стр. 485.

[64] М. Е. Массон. Происхождение безымянного «царя царей — великого спасителя». Тр. САГУ, нов. сер., XI, Ташкент, 1950; Е. В. Зеймаль. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. ИООН АН ТаджССР, I (22), Душанбе, 1960; его же. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. канд. дис., Л., 1965.

[65] R. Göbl. Die Münzprägung der Kušan von Vima Kadphises dis Bahram IV. В кн.: F. Altheim, R. Stiehl. Finanzgeshichte der Spärtantike, Frankfurt am Main, 1957.

[66] О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. СВ, VI, М.— Л., 1949, стр. 359.

[67] О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963.

[68] Е. А. Давидович. Нумизматические данные по социально-экономической и политической истории Средней Азии X—XVIII вв. Автореф. докт. дис., Душанбе — Москва, 1964.

ла эксплуатация монетного обращения, как дополнительного средства феодального гнета и т. д. [69]

Второе направление — изучение некоторых феодальных институтов, государственного устройства, конкретизации феодальной иерархии. В результате, например, был полностью пересмотрен ранее существовавший в науке взгляд на институт феодальных пожалований за службу в IX—XII вв. При этом выяснилось, что феодальные отношения в государстве Саманидов были значительно более зрелыми и глубокими, чем это представлялось раньше; были внесены коррективы в оценку удельного веса условного землевладения и в характеристику государственного устройства [70]. Важных результатов, углубляющих и уточняющих конкретно-историческое представление о среднеазиатском феодализме, достигла Е. А. Давидович при анализе нумизматических и письменных источников других периодов.

Третье направление — использование монет для решения или уточнения некоторых моментов политической истории, исторической географии и т. д.[71] Значение этого цикла нумизматических работ трудно переоценить, благодаря им были решены многие проблемы средневековой истории Средней Азии.

К археологическим и нумизматическим исследованиям тесно примыкают работы А. Мухтарова по разысканию, дешифровке и исследованию средневековых эпиграфических памятников. Обнаружено 300 таких памятников, охватывающих период с XI по начало XX в., часть из них опубликована [72].

Исследования по археологии и нумизматике Таджикистана имеют важнейшее значение для воссоздания древней истории и истории культуры Таджикистана, других республик Средней Азии и сопредельных стран. Они самым широким образом использованы в многотомной «Истории таджикского народа», школьных и вузовских учебниках истории Таджикской ССР. Археологические исследования в Таджикистане вызывают большой интерес и за рубежом, где появились обзоры по археологии республики [73].

---

[69] Е. А. Давидович. К вопросу о курсе и обращении серебряных монет в государстве Шейбанидов (XVI в.). Тр. САГУ, нов. сер., XI Ташкент, 1950; ее же. Две денежные реформы в государстве Шейбанидов. Тр. САГУ, нов. сер., XXIII, Ташкент, 1951; ее же. Некоторые черты обращения медных монет в Средней Азии конца XV—XVI вв. и роль надчеканов. ИООН АН ТаджССР, III, 1953; ее же. Денежная реформа Шейбани-хана (из истории среднеазиатской экономики в XVI в.). Тр. АН ТаджССР, XII, 1954; ее же. К организации обмена медных монет в Средней Азии конца XV — начала XVI в. Тр. АН ТаджССР, CXX, 1960; ее же. Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв., II, М., 1960; ее же. Материалы для характеристики экономики и социальных отношений в Средней Азии XVI в. ИООН АН ТаджССР, I (24), 1961; ее же. Материалы для характеристики чекана и обращения среднеазиатских медных монет XV в. НЭ, V, М., 1965; ее же. Материалы для характеристики денежной реформы Улугбека. Сб.: «Из истории эпохи Улугбека». Ташкент, 1965; ее же. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах. НЭ, VI, М., 1966; ее же. О времени максимального развития товарно-денежных отношений в средневековой Средней Азии. «Народы Азии и Африки», 1965, 6; ее же. История монетного дела Средней Азии XVII—XVIII вв. Душанбе, 1964.

[70] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для истории развития феодальных отношений в Средней Азии при Саманидах. Тр. АН ТаджССР, XXVII, 1954.

[71] Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. «Нумизматический сборник», 2, Тр. ГИМ, XXVI, М., 1957.

[72] А. Мухтаров. Надписи на скалах и камнях в верховьях Зарафшана. Тр. АН ТаджССР, CXX; его же. Надписи с именем Бабура в верховьях Зарафшана. М., 1960.

[73] G. Frumkin Archaeology in Soviet Central Asia. Tadzhikistan «Central Asian Review», XII, 3, 1964.

Е. АТАГАРРЫЕВ, О. БЕРДЫЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТУРКМЕНИСТАНА ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

До конца прошлого столетия в Туркменистане почти не было условий для развития науки, хотя присоединение к России вызвало оживление экономики, потребовало развития определенных знаний, приобщения туркменского народа к передовой русской культуре и оказало благоприятное влияние на культурный рост края. Царизм не был заинтересован в создании научных центров на далеких национальных окраинах. До Великой Октябрьской социалистической революции народы Туркменистана, находившиеся под гнетом царского самодержавия и местных феодалов, фактически не имели возможности успешно развивать науку и культуру, а о воссоздании своего прошлого не могли и мечтать.

Как в глубокой древности, так и в эпоху античности и в средние века народы, населяющие Туркмению, играли немаловажную роль в истории развития человеческого общества и культуры Древнего Востока в целом. Но богатое историческое прошлое туркменского народа, его вклад в мировую культуру не привлекли к себе должного внимания исследователей. Те небольшие работы по изучению памятников старины, которые велись приезжими учеными, были эпизодическими и не имели определенного плана.

В дореволюционном прошлом можно отметить лишь более или менее значительные стационарные археологические раскопки В. А. Жуковского в Мерве и американской экспедиции Р. Пампелли в 1904 г. в Анау.

После победы Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти положение резко изменилось. Благодаря национальной политике Коммунистической партии и Советского правительства начала развиваться экономика, наука и культура Туркменистана, в результате чего оживился и интерес к памятникам старины.

В настоящей статье сделана попытка дать последовательное изложение хода археологического изучения республики, но в рамках небольшого обзора оно не может быть исчерпывающим как в отношении перечня работ, так и в части библиографии. Здесь перечисляются работы археологов-краеведов и любителей, результаты же их характеризуются в самых общих чертах.

Послереволюционное развитие археологии в Туркменистане мы делим на два периода. Первый — с 1917 г. до окончания Великой Отечественной войны, второй охватывает все последующие годы. Первый период можно разделить на два этапа: с 1917 г. до образования в Туркмении местной археологической организации — секции археологии при Туркменкульте (1929 г.) и с 1929 до 1946 г.

В первые послереволюционные годы археологические работы велись приезжими учеными различных специальностей. В 1917 г. археолог-энтузиаст, по специальности инженер-ирригатор и агроном Д. Д. Букинич, используя свои служебные поездки по Закаспийской области, обнаружил

гигантское поселение Намазга-Тепе, относящееся к культуре Анау. Несколько позднее геолог Д. И. Щербаков в районе серного завода в центральных Кара-Кумах и у колодца Кукуртли на Красноводском полуострове обнаружил каменные орудия первобытных племен, некогда обитавших на территории Туркменистана.

Вскоре после окончания гражданской войны создается специальный орган по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, в 1921 г. переименованный в Туркестанский комитет по охране памятников старины и искусства (Туркомстарис). В 1920—1921 гг. Туркомстарис начал работы по составлению археологической карты Средней Азии [1]. В ноябре 1920 г. В. В. Бартольд предложил сосредоточить в ближайшее время силы на составлении археологической карты, раскопках в Мерве и других местах и улучшении дела охраны памятников [2]. По инициативе членов комитета Туркменский ЦИК 31 июля 1921 г. издал декрет, запрещающий самовольные раскопки древних поселений и городищ без разрешения Туркомстариса.

Национальное размежевание в Средней Азии (1924—1925 гг.) создало новый этап в изучении археологических памятников Туркменистана. В 1924 г. Д. Д. Букинич проводит повторное обследование Намазга-Тепе и поднимает вопрос о производстве там специальных раскопок. В 1925 г. Д. И. Щербаков во время своей поездки к Кара-Кумы на Кызыл-Такыре обнаружил каменные орудия первобытных племен. В это же время археологические и архитектурные памятники Туркменистана привлекают внимание иностранных ученых, которые обследовали несколько выдающихся памятников. Появление в местной печати статей, посвященных памятникам старины Туркменистана, и приезд в республику иностранных ученых значительно подняли у общественности интерес к археологическим памятникам.

В 1925 г. в Ашхабаде возникает первое после Октябрьской революции краеведческое общество, в корне отличающееся по своим задачам и установкам от дореволюционных «кружков любителей археологии» [3]. В 1926 г. в Ашхабаде организовался археологический кружок, в который вошли П. В. Арбеков, О. Визель, В. Городецкий и др., приступившие к систематическому сбору археологических памятников.

В 1926 г. Д. Д. Букинич во время гидрогеологических работ на ручье Кельте-Чинар у холмов Анау открывает на глубине 7 *м* от современной поверхности культурный слой. Нельзя не отметить, что в изучении первобытной археологии Туркмении Д. Д. Букинич, несомненно, сыграл очень большую роль. Выдвинутые им идеи, касающиеся ряда археологических проблем и особенно относящиеся к начальным этапам возникновения первобытного орошаемого земледелия, остаются в целом почти неизменными до настоящих дней и подтверждаются новейшими работами не только археологов, но и геоморфологов [4].

По постановлению ЦИК Туркменской ССР в 1928 г. при СНК Туркменской ССР организовывается Институт туркменской культуры (Туркменкульт). В первые годы существования институт, не имея в своем распоряжении специалистов-археологов, вынужден был приглашать их из других союзных республик. В 1928—1929 гг. Туркомстарис совместно с Туркменкультом организовали Хаверанскую экспедицию под руководст-

---

[1] Д. И. Нечкин. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы Средней Азии. Изв. Средазкомстариса, 1, Ташкент, 1926.

[2] В. В. Бартольд. Ближайшие задачи изучения Туркестана. «Наука и просвещение», 2, 1922.

[3] Г. Н. Карпов. Изучение этнографии в Туркмении. Изв. Туркм. ФАН СССР, 1949, 2—3.

[4] Д. Д. Букинич. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства. «Хлопковое дело», 1924, 3—4.

вом А. А. Семенова, которая обследовала археологические памятники подгорной равнины Копет-Дага. В эти годы в Туркмении работала Комплексная экспедиция Государственной Академии истории материальной культуры, в составе которой находился археологический отряд, возглавляемый А. Ю. Якубовским. Работы этого отряда, сосредоточившего внимание на развалинах средневековой столицы Хорезма Ургенче, положили начало археологическому изучению Северного Туркменистана.

Кроме указанных экспедиций, в это время Л. Н. Соколов произвел обследование ряда памятников на берегах Аму-Дарьи: Дая-Хатын, Дарган-Ата, Измукшир, Булдым-Саз, Куня-Ургенч, Ширван-Кала и Деу-Кескен. Предпринимались некоторые меры по реставрации и консервации памятников средневековой архитектуры. Работники Туркменкульта О. Э. Визель, В. Р. Трипольский, А. А. Карелин и В. Д. Городецкий обследовали состояние сохранности мечети Анау и доложили правительству Туркменской ССР о крайне катастрофическом состоянии одного из замечательных памятников мусульманской архитектуры XV в. В августе 1926 г. председатель СНК Туркмении К. Атабаев обратился к Среднеазиатскому Комитету по делам музеев и охраны памятников истории и искусства с просьбой о присылке специалистов из Ташкента и Ленинграда для соответствующих заключений, о реставрации местных архитектурных памятников. В том же году была создана комиссия в составе А. А. Семенова, А. Э. Шмидта и архитектора А. П. Удаленкова, обследовавшая мечеть Анау, мавзолеи Абу-Саида и Султан-Санджара [5], а также археологические памятники в окрестностях Ашхабада (городище Ниса, поселения Ак-Тепе, Анау) и других пунктов. В 1926 г. по поручению Средазкомстариса архитектор Б. Н. Засыпкин еще раз посетил мавзолей Султан-Санджара и составил подробный акт о состоянии этого памятника. После работ комиссий были произведены небольшие ремонтно-консервационные работы на мавзолеях Анау и Султан-Санджара.

Развернувшееся изучение археологических памятников республики активизировало краеведческую работу на местах. Наряду со специалистами-археологами в краеведческой работе принимают участие школы. Для создания краеведческих кружков при Центральном бюро краеведения организуются семинары по изучению истории Туркменистана. Большую работу проводит Ашхабадский кружок любителей археологии, сосредоточивший внимание на выявлении и учете археологических памятников республики. Оживилась также работа Центрального бюро краеведения (ЦБК). На местах появились корреспонденты и отделения ЦБК.

Хотя после Октябрьской революции неизмеримо выросли интересы к памятникам старины, нельзя не отметить, что произведенные работы на первом этапе носили в целом разведывательный характер.

Более широко развернулись работы по археологическому изучению Туркменской ССР на втором этапе (1929—1946 гг.) Переход страны к индустриализации и коллективизации ознаменовал одновременно и огромный скачок в развитии науки и культуры. Организованная в 1929 г. при Туркменкульте археологическая секция приступила к сплошному обследованию территории Туркменистана. Ее сотрудниками в районах Гяурс, Баба-Дурмаз и Артык было обнаружено большое количество памятников, относящихся к эпохе бронзы. В 1930 г. организована Балхано-Атрекская экспедиция, обследовавшая юго-западные районы Туркменистана. В обследованных районах было открыто большое количество неизвестных ранее археологических памятников различных эпох. В частности, на Челекене обнаружено средневековое городище, на Мешеди-Мисриане — кладбище города Мешеда и др. В том же году был обследован средневековый город Шехр-Ислам и открыты остатки водопровода из двойной кирпичной кладки.

[5] А. А. Семенов. По Закаспийским развалинам. Изв. Средазкомстариса, 3, Ташкент, 1928.

В 1931 г. была организована Теджено-Мургабская экспедиция. В районе Серахса были зарегистрированы мавзолей Ярты Гумбез, относящийся к XII—XIII вв., городище Старый Серахс и многие городища, замки и крепости в долине р. Мургаб. В том же году Амур-Дарьинской экспедицией было произведено обследование древних городищ Келиф, Фараб и Старый Чарджоу (Амуль) и небольшие раскопки на Ак-Тепе и городи-

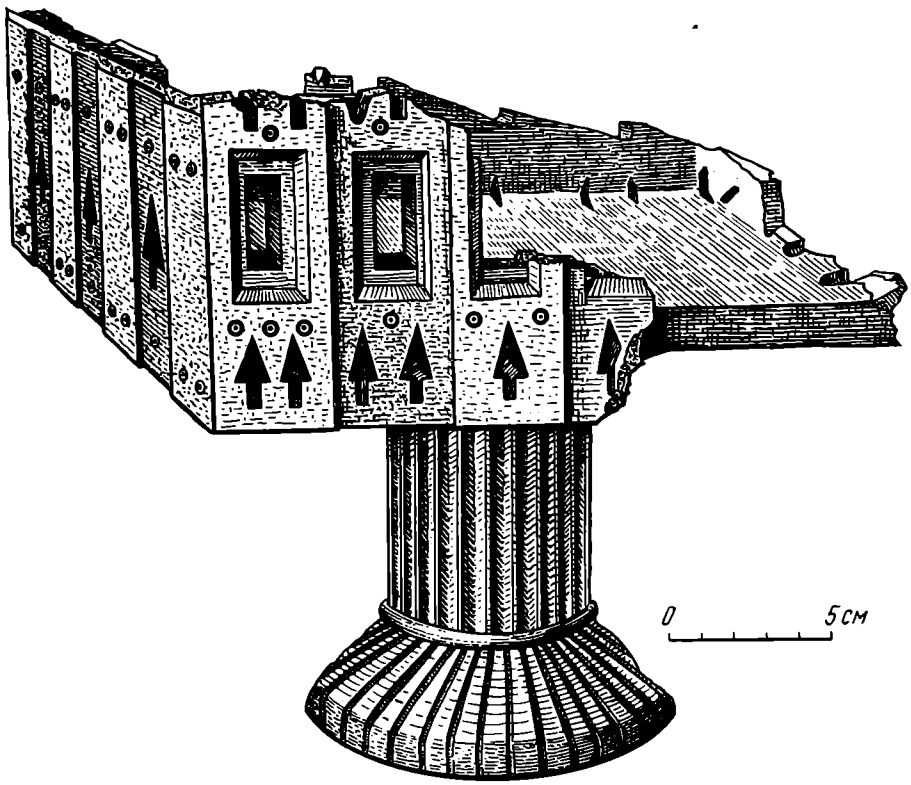


Рис. 1. Стеатитовый предмет из Новой Нисы

щах Старая и Новая Ниса (А. А. Марущенко). На вершине холма Ак-Тепе в 1930—1931 гг. было вскрыто 12 комнат и добыт значительный вещевой материал, относящийся к эпохе бронзы. Раскопки в Нисе дали ценные материалы, относящиеся к парфянскому времени.

В 1932 г. А. А. Марущенко между Ташкепри и Кушкой открыл несколько памятников, относящихся к различным эпохам, а краевед В. И. Ротковский в 1933 г. в местности Наушахари и Айнадан собрал каменные орудия эпохи неолита или бронзы, состоящие из большого количества кремневых отщепов и ножевидных пластин.

В 1934—1936 гг. А. А. Марущенко продолжил раскопки на городищах Старой и Новой Нисы, которые дали интересные и ценные результаты. На Новой Нисе были встречены кремневые орудия и грубая керамика с растительной примесью, свидетельствующие, что на месте парфянской столицы некогда находилось поселение древнейших земледельцев. К парфянскому периоду относятся бляха с изображением кентавра и фрагменты пластинок из слоновой кости, на одной из которых имеется рельеф головы человека (возможно, фрагмент ритона). В 1935 г. на северной окраине Новой Нисы было вскрыто несколько погребений, в одном из которых найдены золотые украшения.

На городище Старая Ниса был вскрыт небольшой архитектурный комплекс и найдены уникальные предметы, среди них большое количество листьев аканфа, терракотовые детали фризов, состоящие из плит с раз-

личными рельефными изображениями (рис. 2), детали ионической капители и обломков статуй из глины.

В 1934 г. М. В. Воеводский и А. И. Тереножкин производили раскопки на средневековом городище Измукшир (Замахшар), находившемся в Ташаузе. Был вскрыт участок с гончарными мастерскими. Кроме керамических изделий найдены семена многих культурных растений, что дает представление о земледельческой культуре древнего населения Измукшира.

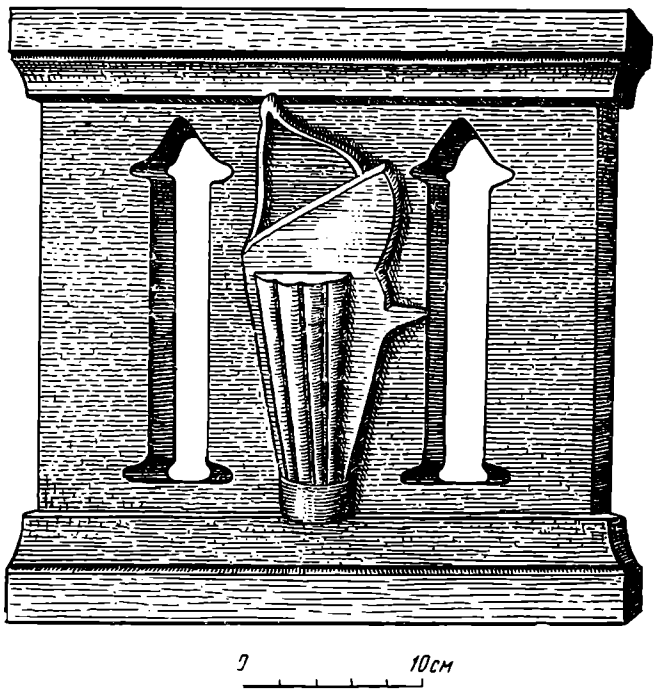


Рис. 2. Терракотовая деталь фриза из Старой Нисы

В 1937 г. Б. Б. Пиотровский и А. А. Марущенко раскапывали городище Гяур-Кала в древнем Мерве и определили культурно-хронологические рамки существования памятников Мургабского оазиса с VI в до н. э. по VII в. н. э. В том же году обследованы южные окраины Кара-Кумов, где в районе колодцев Кызыл-Такыр, Бокурдок, Харджагаз, Беледже, Гельды-Мурад и Готун открыты временные стоянки эпох неолита и бронзы.

Экспедициями Института истории в 1938—1941 гг. была произведена разведка в северной части Туркмении, где зарегистрировано около 60 средневековых городищ, селений и замков. Установлено, что культурно-земледельческая полоса северных районов в пору античности и средних веков была значительно шире, чем в настоящее время. В 1940 г. А. А. Марущенко произвел обследование пещерного города в районе водохранилища Ташкепри, существовавшего в средние века.

А. А. Марущенко в общих чертах подвел итоги работ этого периода по изучению первобытных памятников. Он сделал выводы, что в эпоху протонеолита в Туркмении человек мог обитать лишь в Кара-Кумах, где была колыбель его культуры[6]. Вместо устаревшей четырехэтапной схемы Р. Пампелли А. А. Марущенко выдвигает новую периодизацию, состоящую из 12 фаз[7], которую позднее пересмотрел Б. А. Куфтин.

Крупным событием в археологической науке Средней Азии явилась организации в 1937 г. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР под руководством С. П. Толстова. В 1939 г. Хорезмская экспедиция при участии С. А. Ершова начала работу в Ташаузской области. Она произвела археологические разведки по берегам Аму-Дарьи от Чарджоу до Питняка и вдоль древнего канала Чермен-Яб.

Великая Отечественная война прервала систематические работы по археологическому изучению республики. Однако и в эти годы геологи сначала в прикаспийских районах, а затем в северном и юго-восточном Туркменистане открыли многочисленные памятники каменного века, от палеолита до позднего неолита. Часть этих сборов была затем обработана

[6] А. А. Марущенко. У истоков культуры, следы протонеолитических культур в Кара-Кумах. «Туркменоведение», 1931, 7—9.

[7] А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. В кн. «Архитектурные памятники Туркмении», Москва — Ашхабад, 1, 1939.

П. И. Борисковским, который нашел здесь изделия верхнепалеолитического времени [8].

Таким образом, второй этап послереволюционного периода в развитии археологии Туркмении характеризуется интенсивным обследованием уже известных и выявлением ряда новых памятников. Благодаря энтузиазму археологов и краеведов, сумевших в трудных условиях организовать разведки, постепенно заполнялась археологическая карта Туркмении. Раскопки всюду носили разведывательный характер, а материалы обследований оставались почти неопубликованными.

Краткий обзор археологических исследований Туркменистана в первый период (1917—1946 гг.) свидетельствует о значительном росте научно-исследовательской работы, но эти исследования еще далеко не отвечали требованиям советской исторической науки. Сказывалось отсутствие планомерных работ крупных археологических экспедиций в южном Туркменистане.

Археологические работы на территории северных районов Туркмении возобновились сразу после окончания Отечественной войны. Хорезмская экспедиция в 1946—1947 гг. впервые в советской археологической практике применила авиацию, произвела разведочные работы на северных и юго-западных окраинах Ташаузской области. В 1948 г. выходит в свет фундаментальный труд С. П. Толстова «Древний Хорезм», удостоенный Государственной премии, в котором подведены итоги четырехлетних исследований. В том же году опубликована другая его работа «По следам древнехорезмийской цивилизации», посвященная археологическому изучению Хорезмского оазиса за 10 лет (1937—1947 гг.). В этих трудах С. П. Толстов, опираясь на археологические материалы, восстановил древнюю историю Хорезмского оазиса. Работы, проводившиеся Хорезмской экспедицией в 1950—1966 гг., значительно расширили наше представление о времени заселения низовий Аму-Дарьи, Сары-Камыша и Узбоя и привели к открытию и изучению десятков памятников различных эпох. Она установила, что заселение южных протоков дельты человеком произошло еще в неолите [9]. Результаты работ экспедиции широко известны и получили мировую славу.

В 1946 г. при Туркменском филиале Академии наук СССР организуется Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ), возглавляемая М. Е. Массоном, и с этого времени начинается по существу новый период в истории изучения археологических памятников Туркменистана.

Планомерное изучение памятников в Туркмении ведет и сектор археологии Института истории им. Ш. Батырова Академии наук Туркменской ССР, созданный в 1951 г. В 1957 г. в археологическое изучение южного Туркменистана включилась археолого-этнографическая экспедиция МГУ (начальник Г. Е. Марков), которая ведет археологические исследования при участии и консультации сотрудников сектора археологии АН ТуркмССР. Планомерные работы ЮТАКЭ и сектора археологии дали возможность избегнуть параллелизма в изучении археологических памятников южного Туркменистана.

Изучением каменного века в послевоенные годы (1947—1952 гг.) впервые занялся IX отряд ЮТАКЭ (начальник А. П. Окладников). В Западном Туркменистане он открыл и раскопал ряд замечательных памятников каменного века, в том числе ряд палеолитических стоянок. Полученные данные свидетельствуют о том, что уже в пору палеолита человек жил не только в горных областях Средней Азии, у нынешних Терме-

---

[8] П. И. Борисковский. Палеолитические местонахождения в Туркмении. КСИИМК, XVIII, 1947.

[9] См.: сб. «Низовья Аму-Дарьи. Сары-Камыш. Узбой. История формирования и заселения». М., 1966; Тр. ХЭ, I—V, и десятки статей, опубликованных в различных журналах.

за и Самарканда, но и в пределах аллювиальной равнины Средней Азии у древних берегов Каспийского моря [10].

Многолетние раскопки в Джебельском гроте с его трехметровой толщиной и восемью культурными слоями, давшие богатый инвентарь, послужили базой для изучения мезолита, неолита и бронзы в других районах Туркменистана.

Весьма крупным по своему научному значению было открытие ранненеолитической мастерской по изготовлению бус из морских раковин и белого известняка (Куба-Сенгир). Пронизки бус, инструменты для их изготовления и другие данные говорят о значительном размахе этого производства. Аналогичные бусы найдены были потом на Узбое и на поселениях подгорной равнины, что свидетельствует о существовании тесного контакта между племенами еще в те отдаленные времена.

В 1957—1960 гг. Г. Е. Марков произвел разведки и раскопки памятников каменного века в Прибалханье и на границе песков Чильмамедкум. Он раскопал неолитическую стоянку Оюклы [11]. В 1960—1962 гг. на берегу Узбоя в районе Ясха Г. Е. Марков обнаружил значительное количество неолитических стоянок. В 1963—1964 гг. этот отряд произвел раскопки в гроте Дам-Дам-Чешме-2, где были вскрыты слои, относящиеся к эпохам мезолита, неолита и бронзы [12].

Работы IX отряда ЮТАКЭ и экспедиции МГУ доказали, что территория южного и юго-восточного Туркменистана была одной из тех областей, где протекал непрерывный процесс развития человеческого общества с древнейших времен до средневековья. Когда в западном Туркменистане люди еще занимались охотой, рыболовством и собирательством, племена, жившие в предгорьях Копет-Дага, перешли уже к производящему хозяйству.

С начала 50-х годов особое внимание было уделено изучению памятников древнейшей земледельческой культуры. Сначала Б. А. Куфтин, а позднее В. М. Массон, руководившие отрядом ЮТАКЭ, в этом деле добились больших успехов. В 1952 г. Б. А. Куфтин побывал почти на всех известных памятниках первобытнообщинного строя, расположенных на подгорной равнине южного Туркменистана, и впервые высказал предположение, что неолитическое поселение Джейтун является памятником оседло-земледельческой культуры [13]. В 1952 г. А. А. Марущенко обнаружил еще один памятник земледельческой культуры неолитического времени (Бамийское поселение) — селище джейтунского типа на подгорной равнине северо-западного Копет-Дага. Кроме того, он обследовал окрестности Геок-Тепе и обнаружил замечательный памятник древнейших земледельцев и скотоводов — неолитическое поселение Чопан-Тепе. В 1953 г. сектор археологии организовал специальный отряд (начальник С. А. Ершов) для изучения поселения Чопан-Тепе [14].

В 1955 г. создается Каракумский отряд ЮТАКЭ (начальник отряда В. М. Массон, сотрудники И. Н. Хлопин и В. И. Сарианиди). Этот отряд начал широкие раскопки на Джейтуне, поставив перед собой цель конкретно изучить древние комплексы, чтобы на их основе подойти к реконструкции хозяйства и общественных отношений у раннеземледельческих неолитических племен [15]. В последующие годы на поселении Джейтун было завершено вскрытие всей площади поселка на уровне вто-

[10] А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Красноводского полуострова. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1953.

[11] Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы. ВМГУ, 1961, 3.

[12] Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-Чешме-2 в Восточном Прикаспии. СА, 1966, 2.

[13] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

[14] С. А. Ершов. Холм Чопан-Тепе. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, II, Ашхабад, 1956 *б*.

[15] В. М. Массон. Южно-Туркменский центр раннеземледельческих культур. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1961.

рого строительного горизонта. Поселение состояло из однокомнатных домов, тип которых неизменно повторялся. Каждый дом — квадратный в плане, имел прямоугольный очаг, пристроенный к одной из стен. С обеих сторон очага имелся отгороженный невысокой стеной хозяйственный отсек. Около жилых домов находились дворики и хозяйственные строения.

Своеобразие и яркость полученного материала позволили говорить об особой джейтунской культуре, предшествовавшей по времени культуре Анау I-А. Итоги изучения джейтунского поселения подведены в работах Б. А. Куфтина, В. М. Массона [16], А. А. Марущенко [17], Г. Ф. Коробковой [18], А. И. Шевченко [19] и др.

В 1957—1959 гг. сектор археологии Института истории АН Туркм ССР возобновил раскопки верхнего строительного горизонта Чопан-Тепе (С. А. Ершов) и выявил планировку второго строительного горизонта [20]. Стратиграфический шурф дал подробную стратиграфию и большой вещевой материал, характеризующий семь периодов в существовании этого поселения.

В итоге всех работ удалось выделить три фазы в развитии неолитической джейтунской культуры, при этом Джейтун и нижние слои Чопан-Тепе относятся к ранней фазе, а верхние слои Чопан-Тепе — к средней.

Для уточнения стратиграфии доанауских памятников в 1960 г. на поселении Бами [21], а в 1961 г. у южного подножья холма Тоголок-Тепе [22] были осуществлены небольшие раскопки. Материалы из Бами полностью соответствуют средней и поздней, а материалы с Тоголок-Тепе — ранней и средней фазе неолитической джейтунской культуры.

Яркий и целостный материал эпохи позднего неолита дали раскопки на поселении Чагыллы-Тепе [23], которое может быть отнесено к средней и поздней фазе джейтунской культуры. Здесь выявлена планировка жилищ второго и третьего строительных горизонтов. Поселок Чагыллы-Тепе, так же как и Джейтун, состоял из отдельных жилых домов с хозяйственными строениями, что дает наглядный пример «стандартной» планировки древних неолитических поселений.

В изучении более поздней земледельческой анауской культуры большая заслуга принадлежит ЮТАКЭ. На материалах Намазга-Тепе Б. А. Куфтин выдвинул новую стратиграфическую схему культуры Анау (1952 г.) взамен устаревшей периодизации Р. Пампелли. По новой классификации история земледельческих поселений расчленялась на шесть культурно-исторических периодов — Намазга I—VI, охватывающих время с V до середины II тысячелетия до н. э. Соотношение стратиграфических колонок Анау и Намазга-Тепе дал В. М. Массон [24].

Самый ранний период анауской культуры делится на два типа: Анау I-А и Анау I-Б (Намазга I). Для изучения их стратиграфии были зало-

---

[16] В. М. Массон. Джейтунская культура. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Джейтун и Кара-Тепе. СА, 1957, 1; его же. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии. Изв. АН ТуркмССР, 1, 1960; его же. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, 3.

[17] А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. Тр. ИИАЭ, II.

[18] Г. Ф. Коробкова. Определение функций костяных и каменных орудий с поселения Джейтун по следам работы. Тр. ЮТАКЭ, X.

[19] А. И. Шевченко. К истории домашних животных Южного Туркменистана. Там же.

[20] Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркм. ССР, 1954—1957 гг. Тр. ИИАЭ, V, Ашхабад, 1959, стр. 7—14.

[21] О. К. Бердыев. Стратиграфия Бамийского поселения. СА, 1963, 4.

[22] О. Бердыев. Стратиграфия Тоголок-Тепе в связи с расселением племен джейтунской культуры. СА, 1964, 3.

[23] О. Бердыев. Чагыллы-Тепе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Сб. «Материальная культура Средней Азии и Казахстана», М., 1966.

[24] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, *б*.

жены шурфы на поселениях Анау (С. А. Ершов, 1952), Монжуклы-Тепе (А. А. Марущенко, 1959), Каушут (А. А. Марущенко и Е. Атагаррыев, 1960) и Чакмаклы-Тепе (О. Бердыев, 1963). Слои времени Анау I на поселении Монжуклы-Тепе расположены непосредственно над слоями поздней фазы джейтунской культуры, а на Анау — под комплексами Анау I-Б. С целью выявления планировки поселений времени Анау I-А на Монжуклы-Тепе (А. А. Марущенко, 1960) и на Чакмаклы-Тепе (О. Бердыев, 1965 — 1966) были вскрыты участки верхнего строительного горизонта. Наличие смежных комнат в домах этих поселений указывает на дальнейшее развитие домостроительства. Здесь же впервые встречаются медные изделия и пряслица конусовидной формы из обожженной глины. Находки этих предметов имеют принципиально важное значение, так как появление металла и ткачества до раскопок на Монжуклы-Тепе относили к более позднему времени (Намазга I). Уникальна также каменная мотыга, обнаруженная в верхних слоях Чакмаклы-Тепе.

Керамика периода Анау I-А генетически не связана с керамикой предыдущей джейтунской культуры и последующим периодом Намазга I, отличаясь и от той и от другой лучшим качеством. Это новшество в керамическом производстве, как считают многие отечественные и зарубежные ученые, является этнографической особенностью, связанной с приходом новых племенных групп из Ирана.

Со времени своего образования сектор археологии уделял большое внимание вопросам стратиграфии и хронологической классификации древних культур. Стратиграфические шурфы были заложены более чем на десяти поселениях, имеющих слои времени Намазга I и II. Одним из первых объектов работ такого рода стало Яссы-Тепе, расположенное у с. Каахка. Некоторые памятники были изучены во время разведки горных районов Копет-Дага (А. Ф. Ганялин, 1952) [25]. К эпохе энеолита отнесены две группы поселений. Первая включает в себя поселки, керамика которых имеет соответствия в памятниках анауского типа подгорной полосы (Карантлы-Токай у аула Караул, Кашлы-Багы у Дешта), вторая — памятники с материалами типа архаического Дахистана (Монжуклы-Тепе у Карры-Кала). На основе имеющихся данных можно предполагать, что горные районы были освоены древними земледельцами и скотоводами в IV тысячелетии до н. э. О. Бердыев, на поселениях Коплы-Багы и Карантлы-Токай в 1963 г. установил, что на этих местах в пору Намазга I находились небольшие поселки, просуществовавшие сравнительно недолго.

На памятниках времени Намазга I и II, расположенных на подгорной равнине, были заложены стратиграфические шурфы на поселениях Дашлыджи-Тепе у с. Изгант, Гавыч-Тепе у с. Хурман-Кала, Сунча-Тепе у одноименного селения (А. А. Марущенко, 1958) и на Эрк-Кале у с. Беурме (О. Бердыев, 1960). Четкая стратиграфия Дашлыджи-Тепе позволила установить специфические черты керамики, характерной для раннего и позднего этапа времени Намазга I. Керамика раннего этапа характеризуется росписью в виде силуэтных треугольников; для керамики позднего этапа характерной является ленточная роспись.

В 1957—1963 гг. А. А. Марущенко и А. Ф. Ганялин осуществили стратиграфические раскопки на поселениях Намазга-Тепе, Алтын-Тепе, Йылгынлы-Тепе и на поселении 102 *км* автодороги Теджен — Серахс. Последний памятник является самым юго-восточным пунктом энеолитических находок анауского типа. Характерным признаком его является наличие полихромно-расписной керамики, генетически связанной с более ранней керамикой Йылгынлы-Тепе. Находки отдельных фрагментов привозной посуды «каратепинского» типа позволяют датировать поселение IV тысячелетием до н. э. По сравнению с периодом Анау в развитом и позднем энеолите (Намазга II и III) встречается значительно меньше кремневых

[25] А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-Дага. ИАН ТуркмССР, 1953, 5, стр. 14—19.

и костяных орудий, тогда как увеличивается количество медных. Наличие большого числа керамических пряслиц свидетельствует о дальнейшем развитии ткачества.

В 1955 г. XIV отряд ЮТАКЭ возобновил свои работы по изучению памятников энеолита и бронзы и приступил к систематическим раскопкам поселений энеолитического Геоксюрского оазиса. Здесь было обнаружено и исследовано девять памятников, в культуре которых можно выделить три периода. Первый из них, Дашлыджинский, является одновременным с периодом Намазга I. Слои этого времени встречены в стратиграфических шурфах на поселении Геоксюр I, Айна-Тепе, Ялангач-Тепе и Акча-Тепе. Второй, Ялангачский, период соответствует раннему времени Намазга II. Слои этого периода встречены на всех поселениях оазиса и этот период является временем наибольшего расцвета его культуры и хозяйства. В Ялангачский период поселение Геоксюр I занимало площадь 10—12 *га* и, по-видимому, было центром оазиса, вокруг которого группировались более мелкие поселки. Третий, Геоксюрский, период соответствует позднему времени Намазга II и раннему этапу Намазга III. Слои этого времени отмечены, кроме Геоксюра, на Чонг-Тепе и частично на Муллали-Тепе. Отдельно стоящий Хапуз-Тепе относится уже к эпохе бронзы (Намазга IV—V).

В результате широких раскопок памятников Геоксюрского оазиса выяснено, что поселения времени Намазга I и начала Намазга II состояли преимущественно из однокомнатных домов с хозяйственными пристройками, сохраняя в планировке традиции неолитической джейтунской культуры, но в позднюю пору Намазга II появляются многокомнатные дома, отделенные друг от друга улочками и глухими стенами. Огромный фактический материал, полученный на памятниках Геоксюрского оазиса в ходе многолетних работ, позволил дать достаточно полную картину культурно-исторического развития племен юго-восточных Кара-Кумов в эпоху энеолита. С 1960 г. в составе отряда начал работать палеогеограф Г. Н. Лисицына, которая в 1960—1965 гг. провела специальную аэрофотосъемку территории оазиса и геоморфологическое и палеоботаническое наблюдения, позволившие восстановить древнюю гидрографическую сеть и принципы первобытного орошаемого земледелия [26]. Комплексное изучение Геоксюрского оазиса позволяет говорить о постепенном освоении низовий реки Теджен древнеземледельческими племенами, продвигавшимися из районов селений Меана — Чаача, где имеются более древние поселения. Расселение это, судя по имеющимся данным, началось в пору Намазга I и, видимо, связано с приходом с юга (Иран) монжуклинских племен, которые вытеснили часть обитателей этого района.

Расписная керамика памятников Геоксюрского оазиса, поселений района Меана — Чаача и Серахса показывает самостоятельную линию развития некоторых орнаментов на посуде, различия в керамике поселений подгорной полосы, что дает право говорить о локальных отличиях культур этих двух крупных областей. Результаты раскопок поселений Геоксюрского оазиса даны в работах В. М. Массона [27], В. И. Сарианиди [28], И. Н. Хлопина [29], Г. Н. Лисициной [30] и др.

[26] Г. Н. Лисицина. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М., 1965.

[27] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М., 1965; его же. Изучение энеолитических поселений в бассейне Теджена. Изв. ТуркмССР, 5; его же. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б3—8, II, М.—Л., 1962.

[28] В. И. Сарианиди. Энеолитическое поселение. Геоксюр. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Памятники позднего энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, Б3—8, IV, М., 1965.

[29] И. Н. Хлопин. Дашлыджи-Тепе и неолитические земледельцы южного Туркменистана. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964; его же. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, Б3—8, I, М.— Л., 1963.

[30] Г. Н. Лисицина. Ук. соч.

В настоящее время Геоксюрский энеолитический оазис изучен полнее и лучше, чем многие другие памятники анауской культуры; кроме того, на его примере важно отметить преимущество сплошного комплексного изучения конкретного микрорайона.

Много было сделано также по изучению памятников эпохи бронзы. Весьма интересные результаты дали работы В. М. Массона на Мисриан-ской равнине. Он произвел разведку и небольшие раскопки на Изат-Кули (1951 г.) и Мадау-Тепе (1952—1953 гг.). Материал позволил выделить своеобразную культуру архаического Дахистана эпохи бронзы. В. М. Массон предполагает, что «некоторые сходные формы керамики архаического Дахистана являются более поздним развитием керамических форм астрабадского бронзового века», с одной стороны, и что «генетическим предшественником культуры бронзового века по долинам Сумбара и Атрека, близкая по типу культуре Шах-Тепе — Тюренг-Тепе» — с другой[31].

Большие раскопочные работы были проведены на поселении Кара-Тепе у Артыка (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.). В 1952 г. его обследовал Б. А. Куфтин, а с 1955 г. там проводит раскопки XIV отряд ЮТАКЭ[32]. На этом поселении вскрыта значительная часть планировки верхнего слоя (стратиграфический раскоп, углубленный до пятого строительного комплекса, и шурф, прорезавший всю толщу культурных слоев). Здесь обнаружено несколько крупных многокомнатных домов, разделенных между собой узкими улочками, состоящих из нескольких жилых комнат с обогревательными очагами. Кухня и хозяйственные постройки обычно расположены во дворе.

Некоторым своеобразием отличается керамика Кара-Тепе. Появляется черноглиняная лощеная посуда с нарезными узорами в виде волн. В расписной керамике характерно сочетание геометрических мотивов с изображениями козлов, птиц и пятнистых животных.

Большинство памятников эпохи бронзы изучалось сотрудниками сектора археологии (Ак-Тепе, Серманча-Тепе, Безымянный холм и Шор-Тепе, Намазга-Тепе и др.).

На Шор-Тепе открыто 40 помещений (А. Ф. Ганялин, 1958—1959). Намечаются отдельные группы помещений, связанные между собой проходами или же группирующиеся вокруг двориков, образуя при этом более или менее единый комплекс. Обнаружена оборонительная стена, сооруженная в пору Намазга IV.

Очень важные сведения дали раскопки крупнейших памятников культуры бронзы — Намазга-Тепе и Алтын-Тепе (рис. 3). Для выяснения стратиграфии Намазга-Тепе А. Ф. Ганялин заложил два шурфа. Один из них в центре поселения на месте шурфа ЮТАКЭ 1949—1950 гг., вскрывший только верхние слои памятника, а второй — на южной окраине холма[33]. Б. А. Куфтин завершил проходку этих шурфов и на основании полученных материалов выдвинул новую стратиграфию культуры Анау, о чем уже говорилось выше. Раскопки на этом поселении были продолжены в 1953—1957 гг. Выявлено, что в пору Намазга III (конец IV — начало III тысячелетия до н. э.) размеры поселения увеличиваются, однокомнатные дома, как и на Кара-Тепе, сменяются многокомнатными. Они отделены друг от друга улочками и глухими стенами. В пору Намазга IV получает дальнейшее развитие экономика и культура населения. Наряду с земледелием оно начинает заниматься садоводством (виноград). Появляется гончарный круг. В это время селище превращается в городище.

---

[31]. В. М. Массон. Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Изв. АН ТуркмССР, I, 1953; его же. Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении. Тр. ЮТАКЭ, VII.

[32] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X; его же. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, 3.

[33] А. Ф. Ганялин. К стратиграфии Намазга-Тепе. Тр. ИИАЭ, II, Ашхабад, 1956 *а*.

Хотя границы его остаются прежними, но в окрестностях появляются, по-видимому, усадьбы, развалины которых имеют ныне вид небольших всхолмлений. Раскопки одного из них обнаружили древнейший в нашей стране водопровод с керамическими желобами [34].

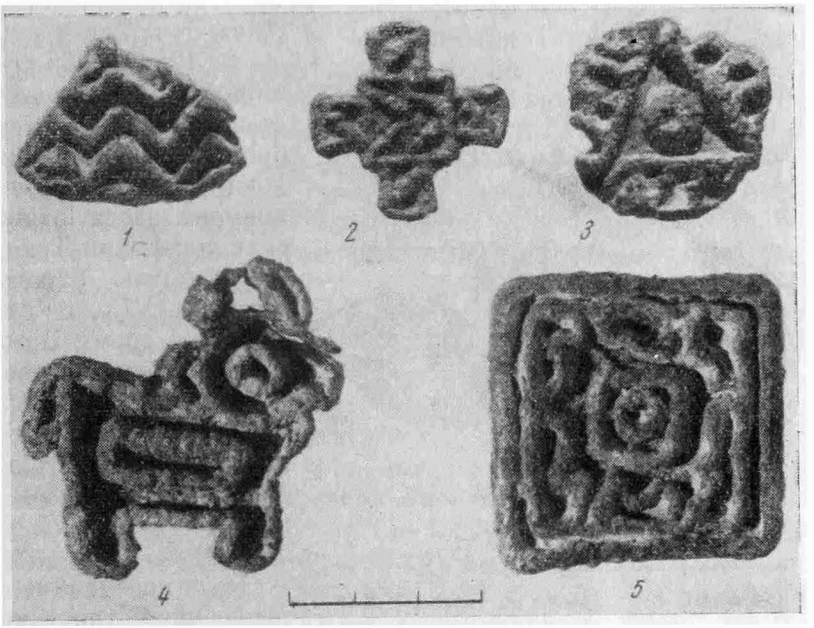


Рис. 3. Печати из поселений эпохи бронзы (*1—3* — камень; *4*, *5* — бронза)

В пору Намазга V городище переживает время своего расцвета, расширяются его границы. Раскопки на его возвышенной центральной части вскрыли 33 помещения и гончарные горны. Видимо, в свое время здесь находился производственно-жилой комплекс, почти вся керамика этого времени вышла из ремесленных мастерских. Во время раскопок на северо-западной окраине городища обнаружен клад бронзовых изделий.

В последующую пору Намазга VI размеры городища резко сокращаются. Среди керамических материалов конца этого периода встречаются фрагменты грубой керамики, принадлежащей пришлой скотоводческой культуре срубного типа. В конце II тысячелетия до н. э. жизнь на месте городища Намазга-Тепе прекращается. В это же время она прекращается и на крупнейшем городище Алтын-Тепе [35], а позднее и на Текем-Тепе [36] и шести других городищах и поселениях подгорной равнины южного Туркменистана. В результате наступившего экономического кризиса часть населения предгорий переселяется в низовья Мургаба; на подгорной равнине для этого периода известно крупное городище Елкен-Тепе.

Раскопки Елкен-Тепе, начатые А. А. Марущенко в 1953 г., частично продолжались в 1955—1956 гг. [37], при этом выявлены основные элементы планировки и намечено три этапа в его истории: Елкен I (вторая половина II тысячелетия до н. э.), Елкен II (конец II — начало I тысячелетия

---

[34] Д. Дурдыев. Итоги полевых работ Сектора археологии...

[35] На Алтын-Тепе производились раскопки сектором археологии в 1953, 1958—1963 гг. и XIV отрядом ЮТАКЭ в 1965—1966 гг.

[36] А. Ф. Ганялин. Текем-Тепе. (Раскопки 1952—1953 гг.). Тр. ИИАЭ, II.

[37] А. А. Марущенко. Елкен-Тепе. Тр. ИИАЭ, V.

до н. э.) и, наконец, Елкен III (VII—IV вв. до н. э.). В пору Елкен III поселение было окружено новой мощной стеной, а цитадель сильно укреплена. В окрестностях появляются новые усадьбы и селища. Городище Елкен-Тепе с конца II до середины I тысячелетия до н. э. являлось центром подгорной равнины юго-восточного и центрального Копет-Дага.

Рис. 4. Бронзовый светильник из Новой Нисы

В 1954—1955 гг. ЮТАКЭ широко раскапывала древнемаргианские поселения эпохи бронзы и раннего железного века [38]. К наиболее раннему времени здесь относится поселение Аучин-Тепе, керамика которого близка посуде Намазга VI, и Тахирбай 3 (позднее время Намазга VI). В результате освоения дельты Мургаба там сложилось три земледельческих оазиса: восточный с центром Тахирбай I, центральный — Яз-Тепе и западный — Арвали-Тепе.

На поселении Яз-Тепе выделено три комплекса. Наиболее древний Яз I относится к предахеменидскому времени (950—650 гг. до н. э.), второй Яз II датируется 650—400 гг. до н. э. и последний Яз III — 400—300 гг. до н. э. Яз-Тепе является крупным доахеменидским памятником с цитаделью. Есть все основания говорить о сложении в Маргиане государственного образования в предахеменидское время. Итогам изучения древнеземледельческой Маргианы посвящено специальное исследование В. М. Массона [39].

Одной из основных проблем, выдвинутых ЮТАКЭ, является выяснение на археологическом материале истории Парфии, очень скудно освещенной в письменных источниках. С 1946 г. началось систематическое изучение городища Нисы, находящегося у подножья Копет-Дага (сел. Багир, близ Ашхабада). Археологические раскопки столицы Парфянской державы привели к ряду крупных открытий, ставших всемирно известными (рис. 4).

Археологические исследования выяснили основные черты прошлого Нисы в разные периоды и установили в общих чертах схему исторической топографии города парфянского времени. Его основным ядром является городище Новая Ниса, занимающее до 18 *га*. Оно было обведено мощной и высокой стеной с башнями. В 1948 г. здесь были найдены шесть первых парфянских документов-остраконов, содержащих сведения о поступлениях с виноградников за разные годы II в. до н. э. На Новой Нисе найдены развалины различных сооружений парфянского времени, стены которых сложены из крупного сырцового кирпича и из пахсы. В архитектурном декоре применялись различные орнаментальные терракотовые плиты. Важны раскопки Старой Нисы — «царского города», в середине которого находились сложившиеся в разное время комплексы дворцовых и храмовых сооружений. Наиболее интересным с архитектурной и археологической точек зрения оказалось основное сооружение, условно названное «квадратным залом» (раскопки 1948—1952 гг.). Было установлено, что

[38] В. М. Массон. Древнемаргианское поселение Яз-Тепе. Изв. АН ТуркмССР, 3, 1955.

[39] В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959.

рядом с залом находилось хранилище сокровищ парфянских царей, где обнаружен замечательный клад предметов из резной и точеной слоновой кости, украшенных высокохудожественной резьбой. Найдены многочисленные парфянские документы из хозяйственного архива II—I вв. до н. э., написанные на парфянском языке разновидностью арамейского шрифта.

На основе многолетнего труда сотрудников ЮТАКЭ под руководством академика АН ТуркмССР М. Е. Массона была реконструирована более чем двухтысячелетняя история Нисы, являющейся одним из древнейших городов на территории Советского Союза. Кроме Нисы, ЮТАКЭ обследовала несколько городищ парфянского времени: Гатар, Сирок, Апаварктику, Мерв.

Еще в 1947 г. ЮТАКЭ приступила к археолого-топографическому изучению Старого Мерва, одного из замечательных памятников античности в Средней Азии. В 1946—1949 гг. работы ЮТАКЭ здесь носили разведочный характер, а с 1950 г. ему начинают уделять особое внимание. XVIII отряд ЮТАКЭ (начальник М. Е. Массон) ведет постоянную работу на различных объектах городищ Старого Мерва, жизнь на которых началась в пору развитого рабовладельческого общества и продолжалась более 2500 лет. Были намечены контуры Антиохии Маргианской парфянского времени. С цитаделью Эрк-Кала городище Гяур-Кала занимало площадь 3,5 *км*^{2} и было густо заселено в рабовладельческий период. Установлено, что построенная при парфянах стена Гилякин-Чильбурж огромным кольцом охватывает городской округ площадью до 60 *км*^{2}. В Антиохии Маргианской обнаружены ремесленные кварталы.

При парфянах в Мерве отмечается значительный расцвет сельских земледельческих районов, создаются новые каналы, возникает ряд поселений (типа Гебеклы).

Из античных памятников сектором археологии раскопаны: крепость у Геок-Тепе (Ф. Я. Коске, 1953), городище Хосров-Кала (А. А. Марущенко, Ф. Я. Коске, 1953), Кырк-Тепе (Д. Дурдыев 1955—1957), Куня-Каахка (Д. Дурдыев, 1955), городище Кишман (Д. Дурдыев, 1956—1957), античная усадьба на 20 *км* автодороги Ашхабад — Бизмеин (Д. Дурдыев, 1960—1962). Установив античный возраст нижних слоев городища Хосров-Кала, А. А. Марущенко считает его древней Апаварктикой, упоминаемой в «дорожнике» Исидора Харакского, а городище Куня-Каахка отождествляет с городом Рааy [40]. Раскопки городищ дали обильный материал для воссоздания забытой истории древних городов.

До раскопок Кырк-Тепе считалось памятником ахеменидского времени (VI—IV вв. до н. э.) и рассматривалось как убежище для окрестного населения. Аршакидская монета «маргианского чекана» позволяет датировать крепость позднеантичным временем [41]. Раскопки выяснили стратиграфию и конструкцию ее оборонительных стен с башнями, построенных из крупного квадратного кирпича на глинобитном цоколе. В каждой башне было по три стреловидных бойницы и по четыре подобных же бойницы на стене между башнями. Стратиграфический шурф на вершине цитадели показал, что нижние слои городища, мощностью около 4 *м*, относятся к античному времени, а верхние — к раннему и развитому средневековью.

Городище Кишман было избрано сектором археологии в качестве объекта раскопок потому, что позволяло проследить историю этого памятника, начиная с середины I тысячелетия до н. э. вплоть до средних веков [42]. В 1956 г. близ юго-западного угла крепости был заложен стратиграфический шурф и раскопан участок южной городской стены с пристроенной к ней башней. В 1957 г. были изучены своеобразные конструкции городских стен, городские ворота, а у западной стены крепости раскрыта пла-

---

[40] А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г....

[41] Д. Дурдыев. Кырк-Тепе. (Отчет о раскопках 1955—1957 гг.). Тр. ИИАЭ, V.

[42] Д. Дурдыев. Городище Старого Кишмана. (Отчет о раскопках 1956—1957 гг.). Тр. ИИАЭ. V.

нировка помещения. Стены были защищены многочисленными овальными в плане башнями, выступающими за линию стены. Крепость имеет одни ворота, которые укреплены привратными башнями.

Раскопки рабовладельческой усадьбы в 20 *км* от Ашхабада выявили общую ее планировку. Главное здание усадьбы, обращенное фасадом на восток, окружено двумя обводами стен, укрепленных башнями, причем углы внутренней стены имеют более мощные башни. Въезд в здание находится в восточной стороне и оформлен в виде крытого айвана размером 12 × 8 *м* с расписными стенами. Открыто несколько помещений, со всех сторон окруженных коридорами. Стены некоторых помещений оштукатурены алебастром и окрашены в красные и желтые цвета. Встречаются также фрагменты геометрического орнамента.

Эта усадьба пока является единственным памятником такого рода для античного времени Туркменистана. Параллели в планировке усадьбы с памятниками позднеаршакидского времени северной Месопотамии (дворец Ашшура) позволяют датировать ее I в. н. э.

Курганы античного времени изучались специальным отрядом Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР и сектора археологии Туркменской Академии наук (начальник А. М. Мандельштам).

В 1960 г. в районе Кугитанга на левом берегу Аму-Дарьи обнаружено четыре курганных могильника и ряд тепе в основном античного времени. На одном из них раскопано 26 курганов I в. до н. э. — I в. н. э., при этом получен материал по культуре скотоводческого населения Туркменистана античного времени и вместе с тем установлены связи между погребальными обрядами той эпохи и современного туркменского населения этих мест.

В 1961 г. в районе Чугур А. М. Мандельштам раскопал Мешрепи-Тахтинский и Пархайские могильники катакомбного типа. В первом из них найдены наконечники стрел с прямым нижним срезом и кинжалы с прямым перекрестием. Во втором найдены глиняные и алебастровые сосуды, бронзовые серьги и зеркало с небольшим черенком для насадки ручки, глиняные курильницы и другие вещи. Отмеченные находки дают основание датировать оба могильника в пределах I—III вв.

В 1962 г. этот же отряд на Патма-Сае обследовал курганы с погребениями в камерах, которые, судя по остаткам сопровождающего инвентаря, также относятся к античному времени.

В 1963—1964 гг. А. М. Мандельштам вел работы на могильниках Дванак I и II, Чагыл, Каршылык-Кыр, Кызыл-Кыр на Патма-Сай, Караджа-Даг и Алтын-Акар. Основными итогами этих работ является выделение группы своеобразных могильных сооружений с камерой, характерных для античного времени на территории от Больших Балхан до северной границы Туркменистана.

В 1954—1956 гг. С. А. Ершов раскопал оссуарный могильник близ Байрам-Али, который впервые познакомил нас с оссуарными захоронениями на территории южного Туркменистана и дал замечательные находки[43]. Три стратиграфически четких, последовательно сменявших друг друга горизонта захоронений позволяют изучить эволюцию погребального обряда. При раскопках встречен новый тип оссуариев, некоторые из них, видимо, воспроизводят облик жилищ своего времени (рис. 5). Часть их, украшена рисунками, нанесенными тушью или мелкой пластинкой. Монеты датировали некрополь V—VII вв.

В 1964—1965 гг. А. Губаев раскопал памятник этого периода — замок Ак-Тепе. Этот замок был избран объектом исследования потому, что он не был перекрыт более поздними слоями. Раскопки позволили установить

[43] С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али, 1954—1956 гг. Тр. ИИАЭ, V.

планировку, конструкцию оборонительных сооружений и наметить интересную картину его исторического развития. Получены замечательные находки (буллы, монеты, украшения и др.), дающие представление об общем облике культуры населения подгорной равнины южного Туркменистана в пору возникновения феодальных отношений.

Если не считать раскопок А. А. Марущенко в Старом Серахсе (1953 г.), то до начала 1960-х годов сектором археологии памятники развитого и позднего средневековья практически не изучались. И только в 1960 г. Е. Атагаррыев начал систематическое изучение средневекового городища Шехр-Ислама. В 1960—1966 гг. здесь были проведены частичные раскопки обеих цитаделей в шахристане, раскрыты хозяйственно-жилые комплексы, часть городской стены и башня, гончарные печи и мастерская в рабаде, проведены раскопки на так называемом «форпосте» по линии водопровода. Кроме того, обследованы окрестности Шехр-Ислама и прослежены караванные пути, ведущие в этот город. Все это является существенным вкладом в изучение средневековой истории Туркменистана (рис. 6).

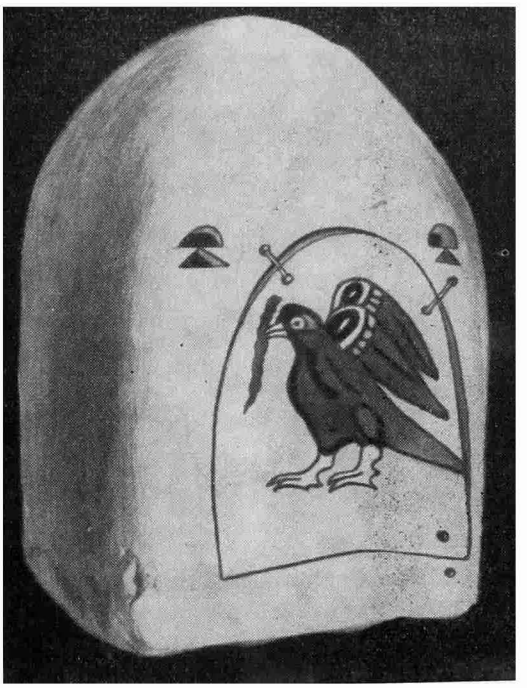


Рис. 5. Оссуарий из байрамалийского некрополя

В 1965—1966 гг. О. Оразов возобновил раскопки Старого Серахса. На цитадели были обнаружены стены трех строительных периодов, построенные из пахсы. Здесь же имеется башня и различные строения. Открыты южные ворота с полукруглыми башнями. Керамика относится к XI—XVI вв. В последние годы для выявления новых средневековых памятников Сектор археологии организовал маршрутные обследования различных районов республики. В 1961 г. К. Адыков обследовал торгово-почтовую магистраль Мерв — Мерверруд и открыл трассу средневекового караванного пути с крупными остановками. В 1962 г. К. Адыков продолжал обследование Мургабского оазиса и выявил 25 средневековых памятников.

В 1960—1962 гг. средневековый отряд археолого-этнографической экспедиции МГУ (начальник С. П. Поляков) продолжил работы по изучению позднесредневековых могильников[44]. Для обследования территории, заселенной в средние века различными туркменскими племенами, этот отряд в 1960—1962 гг. предпринял разведку по северо-западной Туркмении и западному Казахстану. Были обследованы районы к востоку от Карабогазгола, полуостров Мангышлак, южная, западная и центральная части Устюрта Большой краниологический материал получен из могильников у колодцев Кукурт, Удек, Кошаба, Ак-Молла, Сульмен, Суйли, Гезли-Ата, Дана-Ата, Кара-Ишам-Ата, у поселка Кодж и Кяриз, а также были изучены средневековые погребения в долинах Сайван, Чендир и Сумбар.

Хорошие результаты получены при изучении памятников феодального периода. Впервые на территории Средней Азии и сопредельных стран —

[44] Г. Е. Марков. Средневековое кладбище Ак-Тепе. Тр. ИИАЭ, V.

Рис. 6. Бронзовый котел из Шехр-Ислама (XII — начало XIII вв.)

Персии и Афганистана, подверглись детальному исследованию средневековые караванные торговые пути[45]. При изучении исторической географии обнаружен и отождествлен с названиями, упоминаемыми в арабских сочинениях, не только ряд городов, но даже мелких селений[46].

Много сделано для понимания культуры Туркменистана в IX—XIV вв. Например, в Мерве, на городище Шехр-Исламе найдены большие вещественные материалы для суждения об уровне гончарного производства[47].

Архитектурный отряд ЮТАКЭ (начальник Г. А. Пугаченкова) всесторонне изучает историко-архитектурное наследие южного Туркменистана. Новые материалы по истории архитектуры уже получили научное обобщение[48].

Разумеется, изложенное выше не исчерпывает все достижения научно-исследовательских работ в археологии за годы Советской власти, но тем не менее сказанное характеризует объем и интенсивность археологических исследований. В послевоенные годы был добыт и опубликован материал, в несколько раз превосходящий все то, что было сделано за много десятков лет предшествующего археологического изучения республики. Показательно, что за это время вышло в свет три выпуска «Материалов»

---

[45] М. Е. Массон. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннарх. Тр. ЮТАКЭ, XIII, Ашхабад, 1966.

[46] М. Е. Массон. Обнаружение средневековых городищ Харакс и Саусакана в области Мерва. Изв. АН ТуркмССР, 3, 1965.

[47] С. М. Лунина. Гончарное производство в Мерве X — начале XIII вв. Тр. ЮТАКЭ, XI, Ашхабад, 1962; Е. Атагарриев. Новые данные по истории Шехр-Ислама. Изв. АН ТуркмССР, 3; его же. Средневековое городище Шехр-Ислам. Автореф. канд. дис., М., 1967.

[48] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, VI, М., 1958.

и тринадцать томов «Трудов» ЮТАКЭ, два тома «Трудов» сектора археологии и сотни статей, опубликованных в трудах Хорезмской экспедиции, в различных сборниках и журналах, издаваемых в СССР и за рубежом. В печатных изданиях и научных архивах Института археологии и Хорезмской экспедиции Академии наук СССР, ЮТАКЭ и секторе археологии Института истории им. Ш. Батырова АН ТуркмССР содержатся сведения, описания и материалы многочисленных раскопанных объектов.

Археологи Туркменистана прилагали все усилия, чтобы обработать и ввести в историческую науку максимальное количество новых материалов. Вклад, сделанный археологами в изучение прошлого Туркменистана, чрезвычайно велик. В «Истории Туркменской ССР» разделы, посвященные первобытному и рабовладельческому обществам, в значительной мере строятся на археологическом материале, который также широко используется и для периода феодализма.

В настоящее время археологи республики, совместно с учеными Москвы, Ленинграда и Ташкента приступили к созданию археологической карты Туркменистана. Распоряжением Совета Министров республики была создана специальная комиссия по составлению такой карты, в состав которой вошли видные ученые. Археологические карты имеют большое значение в обобщении и систематизации накопленных материалов, планировании археологических работ. Особенно велико научное значение археологических карт для исследовательских работ и исторических выводов (уточнения этапов распространения памятников в отдельные исторические периоды, вопрос этногенеза, исторической географии и топографии). Намечено поэтапное развитие этой работы, создание сводной картотеки на базе опубликованных и архивных материалов, целевые и региональные маршрутные обследования, подготовка и издание карты-атласа с описанием источников, исчерпывающей библиографией и иллюстрациями.

В последние годы много сделано для популяризации исторических памятников. Археологи республики опубликовали ряд популярных статей в прессе, выступали по радио и телевидению, читают лекции в колхозах, совхозах и на предприятиях, разъясняют значение археологических памятников населению, в результате чего растет интерес к археологии.

Краеведческие организации, историко-археологический кружок Туркменского государственного университета им. А. М. Горького и общество «Юный историк» Дворца пионеров провели сплошное обследование окрестностей Ашхабада. В школах республики создаются историко-археологические музеи. С целью привлечения общественности к охране памятников истории и культуры, постановлением ЦК КПТ и Совета Министров Туркменистана было создано Республиканское добровольное общество охраны памятников. Уже состоялся первый съезд общества. Председателем правления избран председатель Президиума Верховного Совета республики А. Клычев. С первых шагов общество стало приобретать широкую популярность в городах и районах Туркмении. Достаточно отметить, что в ряды общества юридическими членами вступило более 500 учреждений, предприятий промышленности и сельского хозяйства, учебных заведений, а число индивидуальных членов достигло 150 тысяч человек. Для популяризации исторических памятников был учрежден журнал «Памятники Туркменистана», на страницах которого будут печататься сообщения о новых открытиях археологических экспедиций, находках любителей-краеведов. Научные знания о памятниках истории Туркменистана станут достоянием народа. Широкая популяризация памятников истории и культуры привлечет к этому делу внимание многих тысяч людей, что, несомненно, будет содействовать новым научным открытиям.

О. Н. БАДЕР

ПОГРЕБЕНИЯ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И МОГИЛА НА СТОЯНКЕ СУНГИРЬ

«Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию,— телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [1]. Погребения людей, исследуемые археологами и антропологами, играют огромную роль в формировании научных представлений о древнейших, да и более близких нам периодах истории человечества; они служат необходимым дополнением наших знаний о физическом облике, верованиях, общественной структуре древнего населения различных эпох и территорий и о сложной, частью давно забытой его истории, по крупицам восстанавливаемой археологией и другими науками.

Особенно большое значение имеет изучение палеолитических погребений, очень редких и тем более весомых в научном отношении. Именно они нарисовали картину формирования современного антропологического типа еще в глубинах палеолита. Именно они позволили установить возникновение погребального ритуала, следовательно, и зачатков религиозных представлений еще в начале верхнего палеолита, а может быть, еще раньше. Они же дают представление о распространении уже дифференцировавшихся в верхнем палеолите расово-антропологических типов и об истории их взаимоотношений, особенно сложной в контактных зонах ареалов.

Первые верхнепалеолитические погребения явились не менее сенсационным и крупным научным открытием, чем открытие палеолитической пещерной живописи. Они стали известны раньше, чем пещерное искусство: уже в 1823 г. в Уэльсе в культурном слое ориньякского времени в пещере Пэвиленд Бёкландом обнаружен окрашенный скелет, получивший известность под именем «красной лэди». В 1852 г. во Франции в пещере Ориньяк у северных склонов Пиренеев открыты остатки 17 погребенных (?) скелетов и предметы материальной культуры, отнесенные Ларте к начальной поре верхнего палеолита. В 1868 г. Ларте обнаружил погребения (?) пяти скелетов в гроте Кро-Маньон в Дордони, антропологические особенности которых позволили установить черты особой ископаемой европеоидной кроманьонской расы, господствовавшей среди населения Европы на протяжении верхнего палеолита. Еще раньше, в 1863 г. в Брюникеле (Южная Франция) также были найдены остатки погребения мадленского времени. В 70-х годах во Франции был найден ряд важнейших погребений. Таковы ориньякские погребения, исследованные Ривьером в 1872, 1874 и 1875 гг. в гроте Кавийон и гроте Детей в знаменитой группе гротов Гримальди близ Ментоны на Ривьере (северо-запад Италии, у французской границы), погребения мадленского времени в Нижнем Ложери II (1872 г.) и в Сорде (1872, 1873 гг.) и ряд других находок. В последние два десятилетия XIX в. и в начале XX в. находки верхнепалеолитических погребений были значи-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3, М., 1955, стр. 19.

тельно увеличены в числе и в гротах Гримальди, и во многих других пунктах Западной Европы, перечисление которых заняло бы слишком много места. В настоящее время карта распространения верхнепалеолитических погребений, насчитывающая десятки пунктов (не считая многих десятков отдельных скелетных остатков), показывает распространение их не только на страны Западной Европы, но и Средней Европы (например, погребения близ Брно, Брюкса, Пржедмоста в ЧССР, близ Обер-Касселя в ФРГ и др.), а также в Африке и в Азии.

Общий обзор уже известных вне СССР верхнепалеолитических погребений показывает возникновение сложного и разнообразного погребального ритуала, обусловленного сложными и разнообразными представлениями наших далеких предков о природе смерти и о загробной жизни.

Прежде всего нужно отметить, что все известные погребения связаны с местами поселений; вынесенные за их пределы палеолитические могильники не известны, если не считать погребения в пещере Кро-Маньон, где оно совершено не прямо на месте жилья, а несколько в стороне, в глубине пещеры, у поверхности.

Чаще всего это одиночные или коллективные погребения двух-трех человек. Однако известны и более многочисленные коллективные погребения, как, например, близ Ориньяка во Франции, где были положены тесно друг к другу 17 скелетов, без вещей, или у Пржедмоста в Моравии, где были открыты вместе 14 скелетов и остатки еще 6, также без вещей.

В подавляющем большинстве случаев погребались нерасчлененные трупы в вытянутом на спине положении или на боку с подогнутыми ногами; иногда ноги так сильно согнуты, что берцовые кости оказываются параллельными бедру, указывая на искусственное перевязывание ног трупа (например, шанселадский скелет в убежище Раймонден). Зафиксировано и положение скелета вниз лицом (Кро-Маньон), а также с согнутыми и несколько приподнятыми ногами (например, Барма Гранде, Комб-Капелль).

Одной из характернейших особенностей верхнепалеолитического погребального ритуала является обычай укладывать труп на красную землю, красную краску или густо посыпать его красной охрой сверху. Этот ритуал, хотя и не обязательный, впервые отмеченный полтора столетия назад в Пэвиленде, особенно ярко выражен в ориньякских погребениях гротов Гримальди, проходит через весь верхний палеолит до азильских погребений в Мас д'Азиль включительно и продолжает существовать в некоторых культурах неолита и ранней бронзы. Иногда погребения лежат на кострищах, очагах (например, Грот Детей, Боссо да Торре, Ложери-От) и даже на мощном слое пепла и угля (например, в Барма-Гранде до 60 *см* толщиной). Кажется, красная краска заменяла положение на очаге, символизируя огонь. Погребение, найденное Аббо в Барма-Гранде, позволяет предполагать частичное сожжение трупа. Известны случаи укладывания трупов на подсыпанный слой раковин (женские скелеты в Гримальди).

В большинстве случаев мы имеем дело с погребением прямо на поверхности поселения, в связи с чем его обитатели, видимо, покидали его на время. Защита погребения от расхищения зверями могла достигаться путем покрытия его сверху деревом или более прочными покровами. Так, скелет, найденный у Брно, был окрашен охрой и прикрыт бивнем и лопаткой мамонта. В Гроте Детей головы погребенных были защищены плоским камнем, положенным на два другие. Голова и ноги погребения № 2 в том же гроте были защищены камнями. Погребение, исследованное в Барма Гранде в 1894 г., было защищено тремя большими плоскими камнями: один покрывал нижнюю часть ног, второй — бедра, третий — верхнюю часть тела и голову и подпирался тремя камнями сбоку. Голова, грудь и ноги погребения в Комб-Капелль были защищены камнями. Коллективное погребение в Пржедмосте также было закрыто камнями. Каменными плитами были защищены и погребения на стоянке Солютре. Погребение в Ложери-От вместо этого было обильно засыпано песком.

Но известны примеры и приготовления для погребения специального углубления, могилы. В качестве примера можно указать на погребения в Боссо да Торре и Комб-Капелль; а в пещере Барма Гранде на месте поселения была вырыта неглубокая, но правильная могила для трех трупов. Чрезвычайно интересна большая коллективная могила, открытая в Пржедмосте археологом Машкой; обнаруженные здесь остатки 20 скелетов залегали в лёссе между двумя культурными слоями и, следовательно, связаны с верхним из них. Таким образом, рисуется картина помещения скелетов в могилу или в углубленное в землю жилище; сверху они были закрыты камнями. Погребение в жилище можно предполагать и на стоянке Солютре.

Сложный ритуал и богатое убранство некоторых верхнепалеолитических погребений иллюстрируют большую заботу по отношению к умершим, проявлявшуюся независимо от их пола и возраста. Умершие погребались, насколько можно судить, в одежде и головных уборах, с разнообразными украшениями и орудиями труда из камня и кости. По богатству убранства особенно выделяются некоторые погребения в гротах Гримальди близ Ментоны. Излюбленным украшением головных уборов и одежды служили здесь просверленные морские раковины и зубы животных, а также различные подвески из бивня мамонта. По количеству предметов особенно выделяются два детских скелета в Гроте Детей, на которых в области таза оказалось около 1000 просверленных раковин, нашитых в свое время на какую-то одежду или покров.

Помимо трупоположения, в Западной Европе отмечен и существенно иной тип верхнепалеолитических погребений — погребение головы, отделенной от туловища. Такое погребение было обнаружено в гроте Плакар в департаменте Шаранты (Франция). Здесь в самых нижних мадленских слоях были обнаружены тесно прижатые друг к другу четыре черепа; из других костей здесь оказались только плечевая и бедренная кости. На другой стоянке, Арси-сюр-Кюр, в культурном слое были найдены три черепа, также тесно прижатые друг к другу, и тут же кремневый нож. Такой способ погребения, видимо, существовал наряду с другими на протяжении всей мадленской эпохи и нашел одно из наиболее ярких проявлений в известных захоронениях черепов в пещере Офнет в Баварии.

На территории СССР также известны верхнепалеолитические погребения. Они представляют, естественно, особый интерес для нас. Они немногочисленны, но во многом дополняют средне- и западноевропейский материал. Коротко остановимся на них, оставляя в стороне находки отдельных человеческих костей на стоянках.

Четыре погребения изучены на Дону, у с. Костёнок.

В 1952 г. на Городцовской стоянке (Костёнки XV) раскопками А. Н. Рогачева было открыто погребение ребенка 4—5 лет. Оно было совершено в жилище, в специально вырытой могиле овальной формы, глубиною 0,43 *м* от пола жилища, размерами 1,24 × 0,80 *м*, ориентированной большим диаметром с севера на юг. Умерший был помещен в могилу в сидячем, сильно скорченном положении. Есть основания полагать, что могила не была засыпана землей, а покрыта лопаткой мамонта и землей, впоследствии провалившимися в могилу. Дно могилы предварительно было засыпано красной краской, после чего на нем было устроено из глины сиденье для умершего. При погребении в могиле найден большой костяной нож и около 70 кремневых отщепов, сложенных, видимо, в мешочек, в том числе десяток концевых скребков и проколка. Рядом лежали костяное лощило и костяная игла с отломанным ушком.

Это интересное погребение, как и вся стоянка, с которой оно связано и топографически, и по типу найденных вещей, относится к ранней, хотя и не самой древней поре верхнего палеолита [2].

[2] А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, 59, 1957.

Второе погребение близ Костёнок, открытое в 1953 г. также А. Н. Рогачевым, принадлежало ребенку 6—7 лет и находилось в могиле глубиною 1 *м* от поверхности, на левом боку, в слегка скорченном положении, головой на юго-запад, лицом к северо-западу. Скелет был покрыт трубчатыми костями и частями лопаток мамонта, расположенными в три яруса, плохой сохранности, но имевшими общую толщину в 0,35 *м*. Ни вещей, ни следов краски в могиле не оказалось. Эта могила интересна также своим расположением в стороне от палеолитических поселений, ближайшие следы которых в виде кремневых изделий на поверхности находятся на расстоянии не менее 100 *м* от могилы [3].

Третье погребение найдено в том же 1953 г. на Замятнинской стоянке (Костёнки II) в раскопках П. И. Борисковского. По данным последнего, тело пожилого мужчины было помещено в сидячем, искусственно скорченном путем перевязывания положении в специально построенную из костей мамонта погребальную камеру, непосредственно прилегавшую к стене жилища. Вероятно, труп, помещенный в погребальную камеру, был засыпан суглинком только до плеч; голова и руки были оставлены на поверхности, из-за чего впоследствии были в силу каких-то причин отделены и найдены рядом. Погребальный инвентарь и следы краски отсутствовали. По указанию исследователя, «погребальную камеру стоянки Замятнина можно рассматривать как небольшой домик, специально построенный для покойника в общем той же техникой, какой было построено соседнее с ним жилище для живых» [4]. По определению Г. Ф. Дебеца антропологический облик погребенного наиболее близок поздним кроманьонцам мадленского времени в Западной Европе, что находится в соответствии с археологической датировкой стоянки Замятнина.

Наконец, четвертое костёнковское погребение исследовано в 1954 г. А. Н. Рогачевым на стоянке Маркина гора (Костёнки XIV). Оно было в свое время совершенно в овальной могиле, размерами 0,99×0,39 *м*, ориентированной с запада на восток, вырытой на глубину 0,31—0,48 *м* от покатого на склоне третьего культурного слоя стоянки. Корытообразное дно могилы было покрыто порошком темно-красной краски. На нем лежал головой к западу скелет мужчины 25 лет в сильно скорченном положении, в свое время, видимо, связанный, на левом боку. Погребальный инвентарь отсутствовал, но кости скелета были окрашены темно-красной охрой. Антропологический облик погребенного, по Г. Ф. Дебецу, отличался некоторыми негроидными чертами. Археологический возраст — ранняя, но не самая ранняя пора верхнего палеолита [5].

В Сибири уже давно известно исследованное в 1929 г. М. М. Герасимовым интереснейшее погребение на стоянке Мальта́ на р. Белой, близ Иркутска. Здесь, под культурным слоем стоянки, в специально вырытой на глубину несколько больше 0,60 *м* могильной яме овальной формы размерами 1,15 × 0,68 *м*, ориентированной с юго-запада на северо-восток, обнаружен скелет ребенка 3—4 лет, лежавший на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ногами. Череп лежал несколько выше остальных костей на подстилке из толченого железистого кровавика. Тело умершего было дополнительно защищено на дне могилы сооружением из больших каменных плит, образовавших нечто вроде дольмена: две плиты были поставлены вертикально по бокам трупа, третья плита лежала плашмя между ними. Могила вместе с каменным обрамлением была полностью засыпана землей. Некоторые кости черепа сохранили ярко-красный цвет, следы красной краски были заметны на всех костях скелета. На дне

---

[3] А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века на стоянке Костёнки XIV (Маркина гора). СЭ, 1955, 1.

[4] П. И. Борисковский. Очерки по палеолиту бассейна Дона. МИА, 121, 1963, стр. 60.

[5] А. Н. Рогачев. Погребение древнекаменного века..; его же. Многослойные стоянки...

могилы вокруг скелета и на нем лежало множество совершенно оригинальных украшений, сделанных преимущественно из бивня мамонта, в том числе сложное ожерелье, диадема, браслет; кроме того, крупное колющее орудие — кинжал из бивня мамонта, кремневые проколка, острие, ножевидная пластина и крупный ретушированный нож [6]. В связи с плохой сохранностью скелета он не мог быть использован для антропологических наблюдений. «По мнению Герасимова, череп характеризуется долихокранной формой» [7]. М. М. Герасимов в своей последней книге о восстановлении лица по черепу подтверждает, что мальтинское погребение «представляет только чисто археологический интерес» [8].

Мы видим, что, хоть и немногочисленные пока, верхнепалеолитические погребения на территории СССР внесли немало нового в наши представления о погребальном ритуале и палеантропологии древнейшего населения Евразии. Таковы прежде всего сидячие погребения в Костёнках, погребения в специально пристроенной к жилищу погребальной камере на стоянке Замятнина, погребение 3—4-летнего ребенка в Мальте, сопровождавшегося орудиями взрослого человека, которые этот ребенок еще не мог использовать, негроидные черты скелета в Костёнках XIV на Дону.

Учитывая все, что нам известно о позднепалеолитических погребениях, необходимо констатировать, что уже в этой глубокой древности «берет начало множество, казалось бы, очень развитых и своеобразных элементов погребальной обрядности, широко представленных в более поздние эпохи» [9]. Для возникновения и развития этой обрядности необходимо было очень значительное время, и присутствие ее уже в раннюю пору верхнего палеолита позволяет допускать ее зарождение еще в предшествующее, мустьерское время.

Рассмотрение археологических и этнографических данных не позволяет считать особенности погребального ритуала надежным этнокультурным или хронологическим признаком, хотя, скажем, сидячие верхнепалеолитические погребения пока встречены только на Дону. В одном и том же могильнике рядом нередко встречаются захоронения, совершенные по различным обрядам. Данные этнографии показывают, что сочетание различных особенностей погребального обряда отмечается чаще у наиболее примитивных племен, у которых именно в силу их примитивности уживаются различные формы религиозных представлений и обрядов, еще не унифицированных [10].

По мнению Г. Шурца, погребальный обряд даже не находится в тесной связи с уровнем культуры, и нередко у одной и той же этнокультурной группы существуют самые разнообразные обычаи, и у очень примитивных племен можно встретить весьма развитые формы погребальных обрядов [11].

Одним из существенных общих элементов погребальной обрядности в верхнем палеолите является убеждение, что умерший не вполне уходил из среды живших, а незримо присутствовал среди них, что особенно подчеркивается сидячей позой погребенных, и что он в этой своей незримой, загробной жизни нуждался и в жилище, и в одежде, и в орудиях труда. Поэтому умерших хоронили или в жилище, у очага, даже на нем, после чего жилище временно покидалось, или иногда в специально сооружаемом погребальном жилище, в могиле на поселении. При этом первобытные племена «постоянно колеблются между страхом перед мертвецом и уважением к нему, поэтому и погребальные обычаи колеблются между

---

[6] М. Герасимов. Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.
[7] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. ИЭ, нов. сер., IV, 1948, стр. 40.
[8] М. М. Герасимов. Восстановление лица по черепу. Тр. ИЭ, нов. сер. XXVIII, 1955, стр. 210, 238.
[9] П. И. Борисковский. Ук. соч., стр. 63.
[10] Н. Харузин. Этнография, IV, Верования, СПб., 1905.
[11] Генрих Шурц. История первобытной культуры, М., 1923, стр. 226.

двумя крайностями: уничтожением трупов и сохранением их»[12]. «От мертвеца стремятся избавиться совсем, или же примирить его с собой и привязать к себе»[13]. Этим может объясняться, с одной стороны, связывание трупов в некоторых палеолитических захоронениях и укладывание их вниз лицом, чтобы умерший не видел выхода из жилища или пещеры, а с другой, несомненные доказательства очень заботливого отношения к умершему.

Большая редкость палеолитических погребений при обилии поселений и отсутствии специальных палеолитических мест погребения, могильников для всех членов рода, которые появляются только в мезолите и неолите, заставляют предполагать существование обычаев, в силу которых не все члены рода подвергались погребению, а лишь некоторые. Этнография и в этом отношении сохранила нам разнообразные примеры: поедание трупов, выбрасывание их на уничтожение зверями и птицами, помещение на плот или лодку или выбрасывание прямо в воду, помещение трупов на деревья и другие способы избавления от умерших, применение которых приводило к почти полному исчезновению даже их костных остатков.

После всего сказанного о верхнепалеолитических погребениях вообще будет легче оценить значение погребения, обнаруженного на стоянке Сунгирь под Москвой, уникального как по сложности ритуала, так и по богатству могильного инвентаря.

* * *

Стоянка Сунгирь находится близ восточной окраины г. Владимира, в 190 *км* к востоку от Москвы. Расположена в начале пологого склона плато в сторону р. Клязьмы и древнего оврага, по которому протекает ручей Сунгирь, на левом берегу Клязьмы и правом берегу ручья. Залегает в покровных надморенных суглинках на склоне ко второй надпойменной террасе; приурочена ко второй (сверху) погребенной почве, нарушенной криотурбациями, с явлением солифлюкции и ледяных клиньев, вследствие чего очаги и другие бытовые детали на стоянке оказались сильно испорченными, а кости и другие остатки приняли в культурном слое неправильное положение, вплоть до вертикального.

Будучи расположена на 70 *км* севернее Карачаровской стоянки на Оке, многие десятилетия считавшейся самой северной стоянкой в Европе, Сунгирская стоянка сразу привлекла к себе широкое научное внимание специалистов, так как она дает возможность по-новому осветить проблему первоначального заселения европейского Севера человеком (рис. 1).

Стоянка и ее широкие окрестности были впервые обследованы мною в 1956 г.[14], после чего в 1957—1966 гг. она многократно исследовалась раскопками Института археологии под моим руководством и экспедицией Геологического института Академии наук под руководством В. И. Громова. В изучении стоянки приняли участие многие другие специалисты, в частности акад. В. Н. Сукачев, взявший на себя палеоботанические исследования. В 1963 г. на стоянке в течение пяти дней работали участники Международного симпозиума по стратиграфии и периодизации палеолита Восточной и Средней Европы[15].

В 1961 г. доклад об итогах изучения памятников был сделан на VI конгрессе INQUA в Варшаве. Результатом изучения стоянки и их интер-

---

[12] Л. Фробениус. Детство человечества. СПб., стр. 110.
[13] Генрих Шурц. История первобытной культуры, стр. 226.
[14] О. Н. Бадер. Палеолитическая стоянка Сунгирь на р. Клязьме. СА, 1959, 3.
[15] И. К. Иванова. Второе совещание по вопросам стратиграфии и периодизации палеолита. БКИЧП, 29, М., 1964.

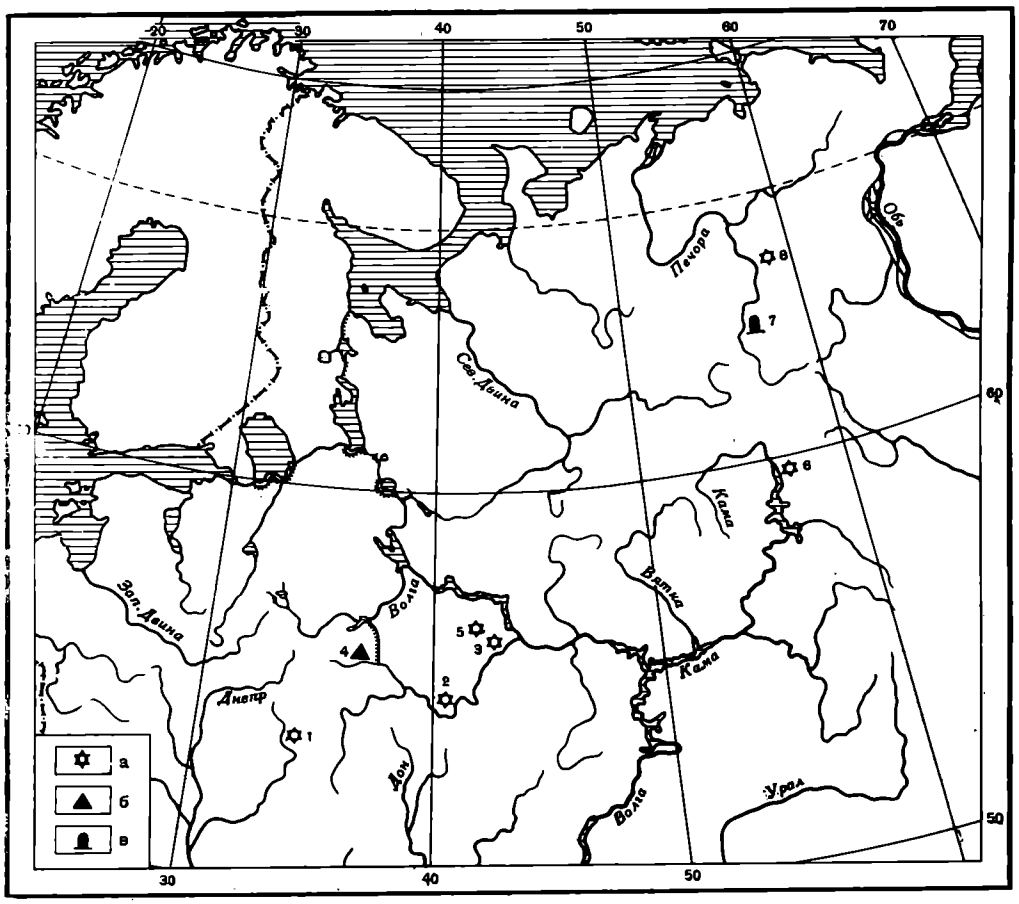


Рис. 1. Карта наиболее северных позднепалеолитических памятников Европы:

а — стоянка, *б* — местонахождение; *в* — пещерная стоянка. *1* — стоянки под Брянском; *2* — Ясаковская стоянка; *3* — Карачаровская стоянка; *4* — палеоантропологическое местонахождение на р. Сходне (Москва); *5* — стоянка Сунгирь; *6* — стоянка Талицкого; *7* — стоянка в Медвежьей пещере; *8* — стоянка у Бызовой

претации посвящены уже довольно многочисленные публикации[16], что освобождает нас от необходимости останавливаться на них здесь подробно.

Несмотря на хорошую изученность стратиграфии стоянки и ее района, геологи не пришли к единому мнению о геологическом возрасте сто-

[16] О. Н. Бадер. Уникальная палеолитическая фигурка с р. Клязьмы. КСИА АН СССР, 82, 1961; его же. Стоянка Сунгирь, ее возраст и место в палеолите Восточной Европы. Тр. КИЧП, XVIII, 1961; Л. Д. Шорыгина. К вопросу о количестве и возрасте моренных горизонтов в окрестностях г. Владимира и условиях нахождения верхнепалеолитической стоянки Сунгирь, там же] О. Н. Бадер, В. И. Громов, В. Н. Сукачев. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. Сб.: «Вопросы геологии антропогена». М., 1961; O. N. Bader, W. I. Gromov, V. N. Sukatchev. Soungir, une Station Paleolithique superieur de la Russie central. Report of the VI-th I International Congress on Quaternary. Warsaw, 1961, Lódž, 1964] О. Н. Бадер, В. И. Громов. Путеводитель экскурсии в район верхнепалеолитической стоянки Сунгирь близ Владимира 3—7 сентября 1963 г. М., 1963; О. Н. Бадер. Стоянка Сунгирь и ее археологический облик. Сб.: «Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы». М., 1965; С. М. Цейтлин. Геология района верхнепалеолитической стоянки Сунгирь во Владимирской области. Там же; O. Bader. The Oldest Burial? ILN, November, 7, 1964; О. Н. Бадер. Первопоселенцы Центральной России. «Знание — сила», 1965, 1; его же. Древнейшие верхнепалеолитические погребения близ Владимира. ВАН, 1965, 5; В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. Тр. ГИН АН СССР, 162 1966; О. Н. Бадер. Палеолитическое погребение на стоянке Сунгирь. Сб.: «Доклады и сообщения археологов СССР на VII Международном конгрессе историков и протоисториков в Праге». М., 1966.

янки. Так, В. И. Громов, первоначально относивший стоянку ко времени не старше одинцовского (R_{1-2}) и не моложе начала микулинского (RW), в настоящее время датирует ее концом микулинского времени; Л. Д. Шорыгина определяет ее время как микулинское межледниковье; А. И. Москвитин — между главной фазой калининского оледенения и концом последующего верхневолжского потепления; С. М. Цейтлин и И. К. Иванова относят стоянку к началу осташковского оледенения; Н. И. Кригер — предположительно к мологошекснинскому времени. Симпозиум 1963 г. в своей резолюции отметил, «что культурный горизонт Сунгирской стоянки относился ко времени не древнее первого интерстадиала валдайского оледенения(W_I—W_{II})». Все участники симпозиума признали, что культурные остатки стоянки Сунгирь приурочены к основанию верхней толщи суглинков и верхней части второй снизу погребенной почвы степного типа, находящейся в толще суглинков и отделенной перерывом от нижней погребенной подзолистой почвы. Последнюю многие из участников симпозиума относят к микулинскому времени. Таким образом, в настоящее время мы не располагаем согласованной общепринятой геологической датировкой стоянки.

Фаунистические остатки стоянки, по В. И. Громову, содержат преимущественно кости мелких форм северного оленя (*Rangifer tarandus*) и песца (*Alopex lagopus*), в меньшем количестве лошади (*Equus caballus*), бизона (*Bison priscus*), слона (*Elephas sp. Mammuthus*?) и др.

Флористические остатки, по В. Н. Сукачеву, состоят из небольшого количества спор и пыльцы и довольно большого числа очень мелких кусочков древесины. Среди последних преобладает береза, кроме того, определены ель и сосна. Пыльца принадлежит главным образом древесным породам: много ели, меньше березы и сосны, ольха единична. Кроме того, встречена пыльца полыней, маревых и др.; одно зерно пыльцы, по-видимому, принадлежало эфедре.

Остатки флоры и фауны из культурного слоя приводят к выводу, что стоянка, по всей вероятности, располагалась в перигляциальной зоне, довольно далеко от края ледника. Ландшафт в окрестностях стоянки представлял собою мало облесенную территорию с небольшими участками леса, состоявшего главным образом из ели и, реже, из сосны и березы. Лесные участки разделялись сухими пространствами, занятыми травянистой растительностью, среди которой значительное место занимали ксерофитные виды.

В археологическом отношении стоянка характеризуется довольно разнообразным инвентарем изделий из камня, кости и рога. Кремневая техника совершенна, но отличается сохранением примитивных способов раскалывания кремня, невысоким качеством вообще немногочисленных ножевидных пластинок и резцов, заметной ролью некоторых архаичных форм, прежде всего скребловидных орудий (рис. 2). Наиболее специфической формой стоянки Сунгирь являются подтреугольные кремневые наконечники с вогнутой базой, обработанные великолепной плоской «солютрейской» ретушью (рис. 2, *1*). Подобные наконечники известны в мустьерской Ильской стоянке на Северном Кавказе и в наиболее ранних верхнепалеолитических стоянках бассейна Дона. Имеются также украшения — просверленные подвески из плоских каменных галек (рис. 2, *10*) и ископаемых раковин.

Костяной инвентарь имеет развитой облик. Он включает длинные наконечники овального сечения из бивня мамонта (рис. 2, *12*), мотыгообразные роговые орудия, различные острия, украшения из просверленных зубов песца и просверленных бус (рис. 2, *7*—*9*), сделанных из бивня мамонта; имеется также плоская фигурка, изображающая большеголовую лошадь или сайгу, дополнительно украшенная точечным орнаментом и окрашенная красной краской (рис. 2, *11*).

Значительное сходство кремневого инвентаря Сунгирской стоянки с инвентарем древнейших стоянок костёнковской группы на Дону типа нижнего, 5-го слоя стоянки Костёнки I позволяет отнести все эти стоянки к своеобразной костёнковско-сунгирской культуре, составить представление о распространении ее на область, пока ограниченную северным течением Дона и Клязьмой и относящуюся, судя по стратиграфическому

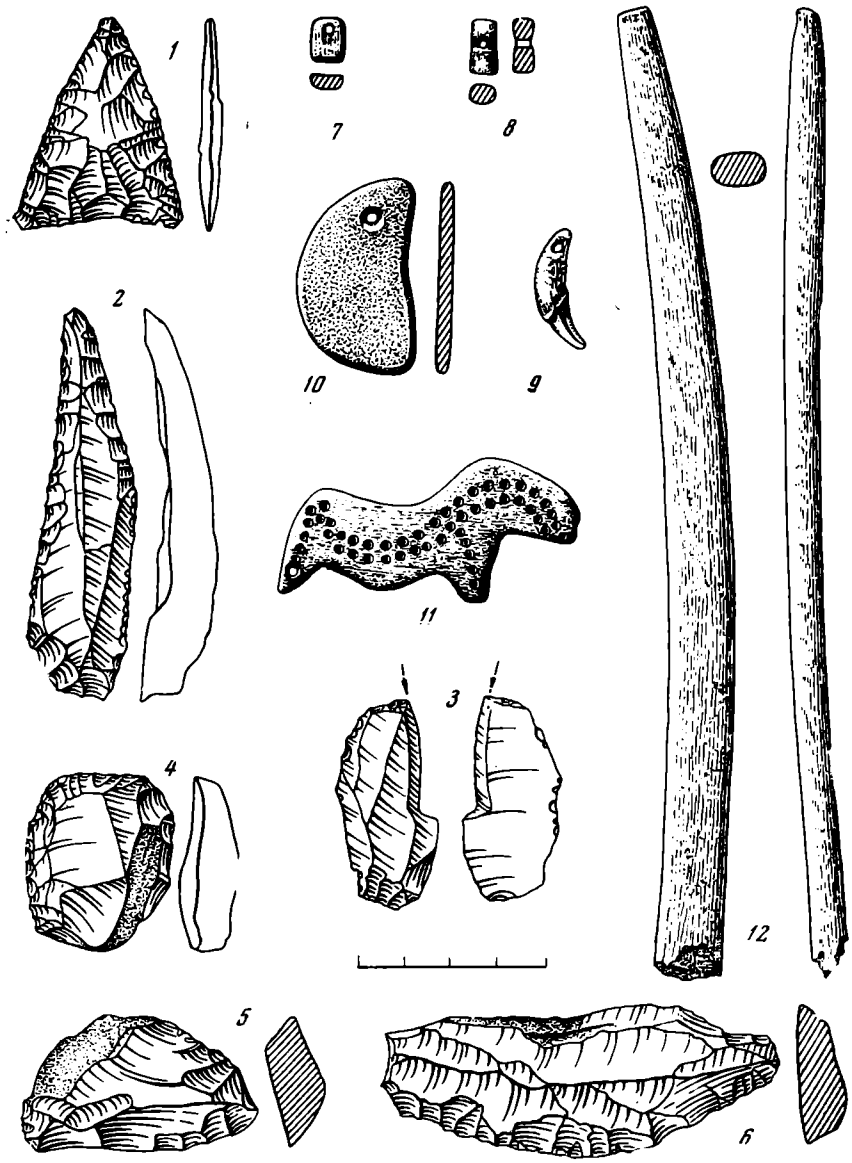


Рис. 2. Каменные (*1—6*, *10*) и костяные (*7—9*, *11*, *12*) изделия из культурного слоя стоянки Сунгирь

положению донских стоянок, к первой половине позднего палеолита. Развитой характер костяного инвентаря Сунгирской стоянки заставляет считать ее одним из позднейших памятников этой культуры.

Обладая рядом особенностей, сближающих ее с селетской культурой Центральной Европы, костёнковско-сунгирская культура не является селетской культурой, но вместе с селетом характеризует внеориньякский вариант становления позднепалеолитической культуры на мустьерской основе.

В 1964 г. на участках 157 (р, с, т) раскопа II было обнаружено интенсивное вытянутое с юго-запада на северо-восток пятно чистого порошка ярко-красной охры, на поверхности которого в его юго-западном конце лежали довольно крупный, плоский камень четырехугольной формы и человеческий череп плохой сохранности, лицом вниз, без нижней челюсти и зубов. Горизонтальная зачистка раскопа на этих участках на 20 *см* выше черепа демонстрировалась годом раньше участникам Международного симпозиума по стратиграфии и периодизации палеолита; никаких признаков могильной ямы на том уровне не наблюдалось.

Охристое пятно с камнем и черепом находилось в пределах почвенного и культурного слоя, на высоте 10—15 *см* над подстилающим суглинком (линия контакта не вполне четка). Как оказалось позже, прямо под охристым пятном находилась могила, в контуры которой оно полностью вписывается и поверхность которой после ее засыпки оно, очевидно, представляло (рис. 3).

Указанное пятно охры с черепом и камнем помимо сотрудников экспедиции осмотрели специально приглашенные мною В. И. Громов (Геологический ин-т АН СССР), М. М. Герасимов (Ин-т этнографии АН СССР), Р. Феустель (Веймар, ГДР) и другие лица. Все без исключения специалисты пришли к единодушному выводу о принадлежности перечисленных остатков к культурному слою стоянки.

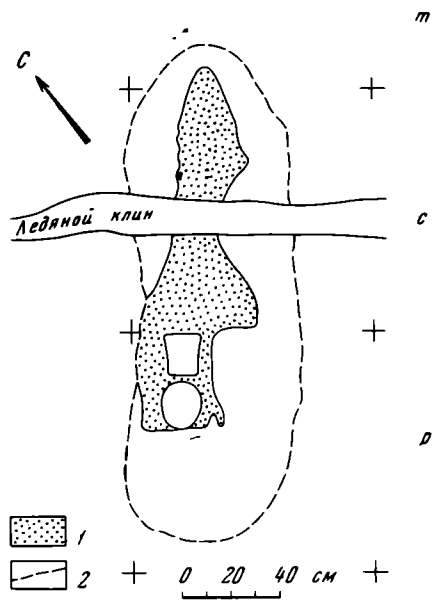


Рис. 3. Расположение пятна чистой охры (*1*) с камнем и черепом на нем по отношению к очертанию могилы (*2*), зафиксированному у ее дна, т. е. на 55 *см* ниже

Под верхним слоем чистой охры, приобретшим в результате оседания земли, которой была засыпана могила, слабо корытообразную форму, наблюдалось еще три менее значительных пятна чистой охры — выше контакта с подстилающим, на его уровне и, самое крупное, ниже его. Вместе с ними также в пределах могилы наблюдались серые пятна гумусированной земли, входившие вместе с желтой супесью в состав засыпи могилы. Однако преобладание желтой супеси в засыпи могилы скрадывало контуры последней, что мешало их обрисовке; поэтому они были полностью зафиксированы только близ дна могилы, на уровне, когда показалась верхняя часть черепа.

В итоге выяснилась следующая картина. Могила была вырыта, считая от верхней площадки охры, на глубину 60—65 *см*, прорезав около 15 *см* почвенно-культурного слоя и 48—50 *см* подстилающей желтой супеси. Она имела форму сильно вытянутого овала, максимальные размеры близ дна 2,05 × 0,70 *м*, и была ориентирована с юго-запада на северо-восток. Изголовье было на 8—9 *см* выше дна могилы под ногами.

В могиле лежал скелет мужчины 55—65 лет (по Г. Ф. Дебецу) в вытянутом на спине положении, головой на северо-восток, с кистями рук, скрещенными на тазовых костях, густо засыпанный порошком красной охры и с исключительно богатым инвентарем изделий из кости и камня (рис. 4).

При изучении погребения на месте, длившемся 30 дней, прослежены многие детали, позволяющие судить о сложном ритуале погребения. После того как могила была вырыта, ее дно было посыпано углем и золой.

Об этом свидетельствует повсеместно прослеженная под нижним слоем охры, прямо на дне могилы очень тонкая серо-черная, местами интенсивно-черная прослоечка, содержащая отдельные угольки; особенно хорошо это было заметно за стопами, у правого локтя и у левого плеча.

На дне могилы, под левым крылом таза и ниже слоя охры оказалось кремневое скребловидное орудие. Оно лежало в незначительном углублении, заполненном слабо гумусированной землей, и попало туда до посыпки дна могилы охрой и положения в могилу трупа.

Затем могила была густо посыпана порошком красной охры, образовавшим местами слой до 3 *см* толщины и покрывшим отчасти и нижнюю часть стенок могилы.

Только после этого в могилу был уложен умерший и снова густо посыпан охрой. Помимо многочисленных украшений на одежде и браслетов на руках, о которых речь пойдет ниже, между голенями трупа был положен ретушированный кремневый нож; он, как и скелет, лежал на слое охры и сверху был ею засыпан.

На втором слое охры, покрывавшей скелет и основную массу украшений, лежало еще несколько рядов преимущественно более крупных бус; их можно связывать с каким-то покровом, вероятно, одеждой, которая не была одета на труп, а покрыла его сверху. Это доказывается и тем фактом, что ряды этого верхнего слоя бус не охватывали туловища, как бусы нижнего слоя, а пересекали сверху кости правой руки, выходя за пределы скелета. После этого посыпка охрой была произведена в третий раз.

После засыпки могилы, в процессе которой еще по крайней мере три раза густо посыпалась охра, поверхность могилы, видимо, на уровне поверхности почвы того времени, была еще раз и наиболее густо засыпана охрой, обозначавшей на стоянке место могилы, и на нее положены камень и череп человека или отделенная от туловища голова. Надо полагать, что это был череп, а не голова, так как в последнем случае животные (возможно, собаки, песцы) вряд ли оставили бы ее в покое. Кроме того, по наблюдению М. М. Герасимова, на черепе имеются следы надрезов. Эти надрезы могут являться следами искусственного удаления с черепа мягких частей.

Череп, судя по его плохой сохранности, отсутствию нижней челюсти и зубов и по состоянию его поверхности, долгое время находился на поверхности. Он принадлежал, по Г. Ф. Дебецу, женщине европеоидного типа. В черепе, среди его обломков, найдены зуб песца и заготовка еще не просверленной костяной бусы с перехватом, типичной для Сунгиря формы. Вероятно, оба предмета случайно совпали с черепом в культурном слое и не имели к нему прямого отношения.

Выше уже упоминалось о возникшем в верхнем палеолите обычае ритуального захоронения черепов, отделенных от туловища (Плакар и Арси-сюр-Кюр, Франция). Но в связи с находкой отдельного женского черепа на Сунгире имеет особенно большой интерес другая находка в том же гроте Плакар, относящаяся к более позднему горизонту мадленской эпохи. Здесь были обнаружены женский череп и нижняя челюсть от него, окруженные раковинами улитки, которые частично просверлены. Последнее обстоятельство позволяет придавать этой находке ритуальное значение. Ритуальный смысл еще яснее выступает на Сунгире, где женский череп (или голова) был положен на густо посыпанную красной охрой поверхность могилы и был явно с нею связан.

Подобные древнейшие обычаи захоронения или оставления на поверхности поселения отделенных от туловища черепов перекликаются с этнографическими примерами. Так, житель Тибета, бросающий труп своего отца на съедение зверям, сохранял его голову как святыню. В других случаях голову «нередко отделяют от тела и бальзамируют или же хранят в

Рис. 4. Погребение на стоянке Сунгирь

виде черепа, очищенного от мяса (разрядка моя.— *О. Б.*), очевидно, предполагая, что в нем живет душа человека» [17].

С этой точки зрения женский череп на могиле сунгирца мог бы принадлежать, скажем, его матери, не удостоенной в свое время индивидуального захоронения в земле.

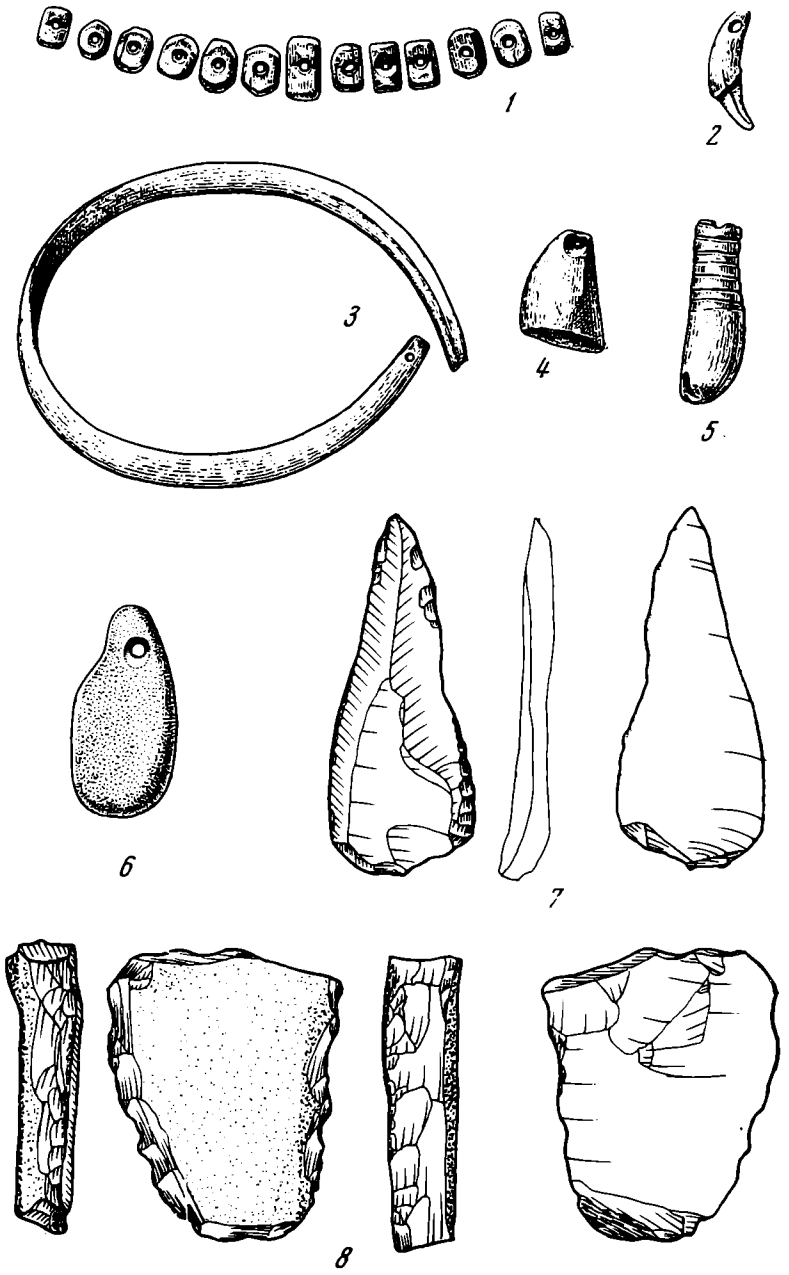


Рис. 5. Костяные (*1—5*) и каменные (*6—8*) предметы из могилы на Сунгире

Хотя отдельные элементы ритуала, наблюдавшиеся в погребении на Сунгире (искусственная могила, положение трупа, употребление красной краски, следы угля, присутствие украшений и орудий труда, даже находка отдельного черепа женщины) не являются новостью в верхнепалеолитических погребениях, но их сочетание на Сунгире уникально. Оно рисует чрезвычайную сложность погребальных обрядов уже того отдаленного времени.

[17] Генрих Шурц. Ук. соч., стр. 231.

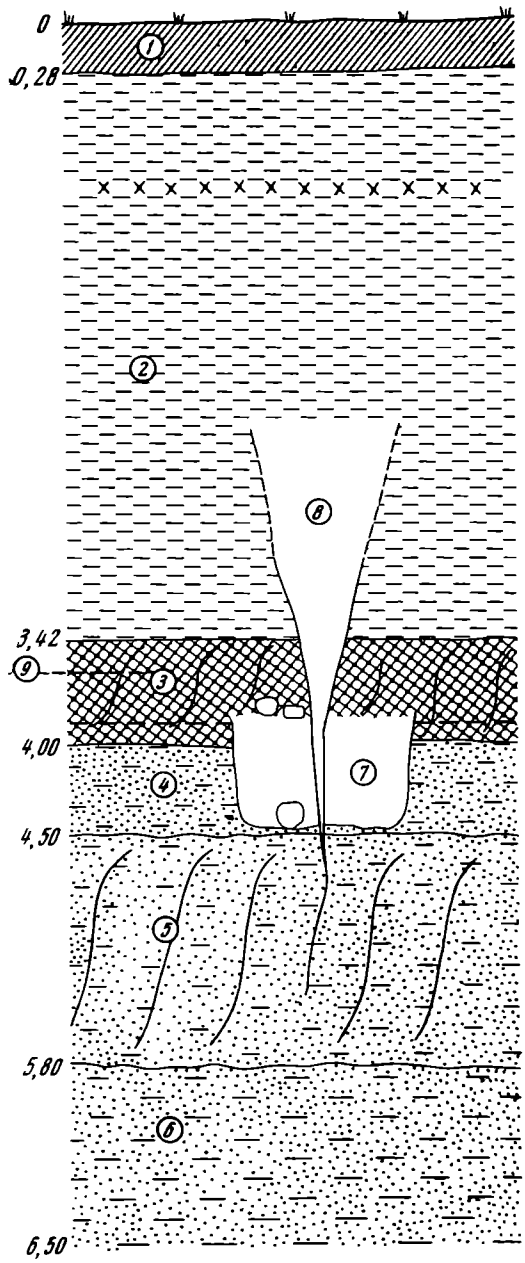


Рис. 6. Схематический разрез стоянки Сунгирь и могилы:

1 — распаханная почва серая; *2* — делювиальный суглинок красноватый со следами верхней ископаемой почвы; *3* — почвенный и культурный слой, серый и темно-серый с яркими следами солифлюкции; *4* — супесь горизонтально-слоистая, светло-желтая; *5* — обрывки нижней ископаемой почвы, светло-желтого песка, супеси и красной глины, перемешанные солифлюкцией; *6* — супесь светло-желтая, горизонтально-слоистая; *7* — могила с погребением, засыпанная смешанной землей, с пятном охры, вторым черепом и камнем на поверхности; *8* — ледяной клин, заполненный сверху покровным суглинком; *9* — уровень горизонтальной зачистки культурного слоя, демонстрировавшегося Международному симпозиуму в 1963 г.

В палеолитическом возрасте могилы и остатков обоих скелетов не возникает ни малейших сомнений. Он вытекает из уже упомянутой, вполне ясной связи верхней охристой площадки могилы с культурным слоем стоянки, а также из полной идентичности найденных при скелете вещей (рис. 5, кроме пластинчатых браслетов из бивня мамонта) с такими же вещами из культурного слоя стоянки (рис. 2).

Кроме того, плейстоценовый возраст погребения доказывается ледяной трещиной, перерезавшей всю могилу поперек и продолжавшейся еще на 90 *см* ниже ее дна; в это время, следовательно, могила была в зоне вечной мерзлоты. Трещина заполнена стерильным желтоватым суглинком; это указывает на то, что она берет свое начало в покровных суглинках, перекрывающих почвенно-культурный слой (рис. 6). Она прослеживалась на всем протяжении культурного слоя и над ним, будучи вытянута вдоль раскопа 1963—1964 гг. приблизительно с северо-запада на юго-восток. Трещина разрезала скелет немного выше таза, раздвинула позвонки на 4 *см* и разорвала локтевые и лучевые кости обеих рук (рис. 4). В заполняющем ее желтом суглинке обнаружены две бусы на 5—6 *см* ниже дна могилы. Таким образом, почти не потревожив погребения, ледяной клин подтверждает палеолитический возраст погребения. Основной горизонт, затронутый солифлюкцией, находится выше погребения, это предохранило последнее от разрушений, постигших культурный слой стоянки.

Инвентарь погребения необычайно богат и значительно превосходит в этом отношении знаменитые палеолитические погребения в Гроте Детей, Барма-Гранде, Боссо да-Торре, Кавийон, Лез-Ото, Комб-Капелль, Ложери-Басс, Пржедмосте, Костёнках, Мальте́ и других памятниках. Одних просверленных бус из бивня мамонта здесь оказалось больше трех с половиной тысяч.

На черепе обнаружена лента из тройного ряда плотно нанизанных нитей бус. Она лежала на лбу, висках и обнимала затылок (рис. 4). Эта

лента, надо полагать, была нашита на головной убор, скорее всего шапку, а не на более свободный капюшон, о чем говорит плотное облегание черепа лентой, не образующей складок. Сзади на шапку были нашиты два десятка просверленных клыков песца; они лежали в области затылка без видимого порядка. Всего на шапку было нашито до 500 бус.

На туловище, руках и ногах бусы располагались более или менее длинными рядами, нередко очень плотными. Это могло получиться при нанизывании их на сухожилие с последующей нашивкой на одежду непосредственно или сперва на кожаную, быть может, окрашенную ленту, а уже затем на одежду. Нашивание рядов бус на одежду подтверждается тем, что они преимущественно пересекали грудь и живот и уходили под спину.

Таких поперечных рядов бус, лежавших непосредственно на костях, т. е. принадлежавших, видимо, к нательной одежде, было семь. Ряды второй, третий и четвертый (считая сверху) плотно прилегают друг к другу и образуют сплошную ленту (рис. 4). Нижний, седьмой ряд доходит до пояса. Все поперечные ряды бус нательной одежды не имеют разрывов, из чего можно сделать заключение о нераспашном характере одежды, одевавшейся через голову.

На плечевых костях обеих рук, немного выше локтей, находились браслеты, состоявшие из очень тонких пластинок из бивней мамонта (рис. 5, *3*) вместе с нитками бус; видимо, они были нашиты на одежду, чему соответствует и диаметр браслетов. На запястьях были такие же браслеты. Всего пластинчатых браслетов, оказавшихся сильно поломанными, было около 20 штук.

Еще интереснее расположение рядов бус в области ног. На щиколотках и под коленями были перевязи из нескольких рядов бус каждая. Верхние перевязи, под коленями, были украшены пучками более крупных костяных подвесок (рис. 5, *4*). Бусами была расшита и обувь. Для реконструкции костюма особенно большое значение имеют длинные вертикальные ряды бус, т. е. нашитые вдоль ног. Они начинаются от самых пяток, т. е. переходят от штанов на обувь; это подтверждает предположение о пришивании обуви к штанам, достаточное число примеров чему имеется в этнографии. Выше эти вертикальные ряды пересекают перевязи на щиколотках и голенях, тянутся вдоль бедер, далее раздваиваются и своими отростками почти соединяются под пахом. Такое их расположение больше всего соответствует очертаниям штанов и противоречит предположению об отдельных штанинах, прикреплявшихся ремешками к поясу. Кстати, вдоль обеих ног поверхность охры обрисовывала как бы складки; они могли образоваться на толстых меховых или кожаных штанах во время засыпки их охрой и затем землей.

Одежда, подобная описанной, сохранилась до нашей эпохи у некоторых народов Севера, а отдельные ее элементы имеют на Севере точные аналогии. Она принадлежит к арктическому типу и как бы начинает историю арктического костюма. Наиболее полные аналогии нам удалось найти у индейцев-атабасков (кутчинов) у Кенайского залива в Северо-Западной Америке [18]. На кожаных, замшевых штанах, сшитых вместе с мягкой обувью [19], имеются боковые нашивки в виде цветных полосок кожи, украшенных иглами дикобраза, идущие от обуви до верха, и такие же перевязки на щиколотках и под коленями.

---

[18] Diamond Ienness. The Indians of Canada. National Museum of Canada. Bulletin 65, Anthropol. Ser. 15, табл. на стр. 400. Kutscin Sliefs (Reproduced from Richardson, Sir Iohn. «Arctic Searching Expedition», London, 1851, 1, табл. 111).

[19] Точно такие же хранятся в Музее антропологии и этнографии (Ленинград), инв. № 2667-6.

Верхний пласт более крупных бус, принадлежавший, видимо, одежде, накинутой сверху на умершего уже в могиле, состоял из нескольких поперечных рядов бус, нашитых, надо полагать, спереди, и одного вертикального ряда под ними; последний мог быть нашит и на спине. К верхнему пласту бус принадлежит и каменная сверленая подвеска, найденная на груди (рис. 5, *б*).

Что касается одежды арктического типа, то она пока не имеет аналогий в палеолитических погребениях Евразии. Правда, в погр. № 1 и 2 в Гроте Детей, в гротах Кавийон, Барма-Гранде, Боссо да Торре, Комб-Каппель и некоторых других отмечены следы головных уборов в виде украшений, в некоторых случаях они реконструируются как шапки. Но для восстановления одежды, защищавшей тело, данные отсутствовали, если не считать расшитых раковинами передников или юбочек в погребении двух детей у Ментоны.

Гораздо больше для реконструкции одежды дают палеолитические статуэтки. На статуэтках из Ментоны, Брассемпуи, Виллендорфа, Лосселя, Костёнок I, Гагарина изображены головные уборы; на статуэтках из Авдеева, Долни-Вестонице, Ментоны, Лосселя, Брассемпуи, Ложери-Басс, Истюриц усматриваются следы плащей (?) или татуировок. Зато на сибирских статуэтках из Бурети и Мальты можно видеть изображение меховой одежды типа комбинезона с капюшоном на голове. Однако в Европе таких статуэток нет. Сунгирское же погребение позволяет гораздо детальнее представить себе костюм обитателей тогдашнего севера, чем сибирские статуэтки. Впрочем, для реконструкции палеолитического костюма следует использовать и сочетать данные как погребений, так и статуэток.

Украшения на нашем погребении имеют параллели на статуэтках. Это относится прежде всего к браслетам. Они изображены на статуэтке № 1 из Костёнок I, на одной статуэтке из Мальты и статуэтке № 4 из Авдеева. Но браслеты имели слишком универсальное употребление, чтобы привлекать к себе особое внимание. Значительно своеобразнее изображения перевязей в верхней части груди, имеющиеся на трех статуэтках из Костёнок I и обломке плитки мергеля оттуда же (рис. 7). Им соответствует тройная поперечная лента бус в верхней части груди нашего погребения (рис. 4). Конечно, это совпадение может иметь конвергентный характер; но не исключена и историко-культурная связь в происхождении этого элемента на Сунгире и в Костёнках I, тем более, что культурная связь более раннего слоя Костёнок I с Сунгирем не подлежит сомнению.

Обилие украшений на костюме сунгирца и кисти на верхних перевязях ног делают маловероятным, что на умершем был одет повседневный будничный костюм. Скорее это праздничная, обрядовая одежда. Однако богатство костюма может быть в известной мере объяснено и возрастом умершего.

Многие бусы имеют тонкую сглаженность на поверхности, которая могла быть приобретена только в результате длительного ношения бус. Конечно, срок их службы был неизмеримо более длительным, чем время службы одного костюма. Поэтому не подлежит сомнению, что бусы или полоски кожи, на которые они были нашиты, не раз перешивались со старого на новый костюм.

Сверленые бусы, сделанные из бивня мамонта, по С. А. Семенову, сверлились с помощью простого сверла, вращаемого между ладонями. По его мнению, учитывая весь процесс, начиная с разделки бивня, изготовление каждой бусы должно было занимать 30—60 минут. Если взять 45 минут как среднюю цифру и помножить их на 3500, то получим сумму в 2625 часов, употребленных на изготовление только одних бус, которые носил на себе сунгирец; принимая во внимание два десятка браслетов из тонких пластинок слоновой кости, все остальные вещи и, видимо, бо-

гатый, пестрый обрядовый костюм, можно составить представление об очень большой ценности погребального инвентаря в могиле сунгирца. Это богатство убранства и солидный возраст, до которого лишь очень редко доживали люди в палеолитическую эпоху, свидетельствуют о каком-то особом, почетном месте, которое занимал умерший в обществе.

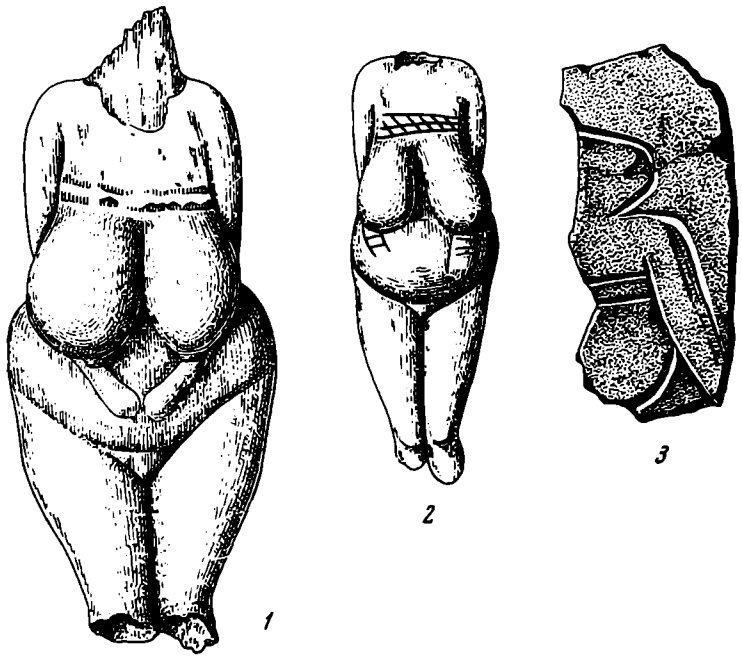


Рис. 7. Костяные статуэтки (*1*, *2*) и фрагмент плитки с гравированным изображением человека (*3*). Костёнки I

Скелет позволяет составить себе представление об антропологическом облике погребенного человека. Он охарактеризован Г. Ф. Дебецем в следующей статье. М. М. Герасимов работает над восстановлением скульптурного портрета сунгирца.

В заключение считаю нужным остановиться на некоторых соображениях, уже высказанных по поводу описанных палеоантропологических находок и их осмысления. Они принадлежат В. И. Громову, познакомившемуся с находкой в 1965 г. по моим публикациям, а в 1966 г. подробно на месте находки. Он продолжает стоять на нашей общей прежней точке зрения на значение верхнего черепа как остатков первого погребения, которое было разрушено солифлюкцией и другие части которого можно рассчитывать найти в смежных, еще не раскопанных участках; красная охра под черепом и бусинки около него при этом объясняются как намыв охры из разрушенного погребения; могила для нижнего погребения была вырыта в вечной мерзлоте методом пожога, следами которого и являются остатки угля на дне могилы; люди жили здесь на вечной мерзлоте [20].

Как указывалось выше, после тщательного сопоставления планов красного пятна под верхним черепом с планом находящейся под ним могилы и планами промежуточных пятен (рис. 3) я пересмотрел свое первоначальное мнение и склонен рассматривать остатки обоих скелетов как принадлежавшие одной могиле со сложным ритуалом. К тому же в наших материалах и наблюдениях нет ничего, что можно было бы связать с предполагаемым верхним погребением. Рядом с черепом и вокруг него не обнаружено никаких предметов погребального инвентаря; в черепе

[20] В. Н. Сукачев, В. И. Громов, О. Н. Бадер. Ук. соч., стр. 105, 106.

найдены позже попавшие туда клык песца и заготовка непросверленной бусы. Вокруг черепа и ниже его по склону не оказалось ни нижней челюсти, ни зубов, ни частей посткраниального скелета. Происхождение большого красного пятна охры, на поверхности которого лежали камень и прислоненный к нему череп, ни в коем случае нельзя связывать с намывом охры из разрушенного погребения; в таком случае охра неизбежно оказалась бы смешанной с почвой и культурным слоем, здесь же она была чистой, несмешанной, т. е. явно насыпанной на этом самом месте.

В данном случае возможно, что солифлюкция затронула место близ погребения очень слабо. Строго говоря, явные следы ее здесь вообще не наблюдались: указанное пятно чистой охры не разрушено, если не считать одной трещины и некоторой расплывчивости краев пятна; в слое не заметны были типичные солифлюкционные мазки; соседняя очажная яма также оказалась ненарушенной и полностью сохранила свою котлообразную форму. Возможно, это объясняется тем, что площадка у погребения, находясь у края пологой ложбинки, склон к которой начинался в нескольких метрах к востоку, отличалась относительной сухостью. В то же время верхнее пятно чистой охры сохранило слегка вогнутую, корытообразную форму, которую оно, будучи насыпано на поверхности могилы, приобрело в результате оседания земли. От верхнего пятна охры к красному дну могилы как бы вели еще несколько таких же пятен чистой охры в засыпи могилы.

Таким образом, наиболее правдоподобно, что верхнее пятно охры с камнем и черепом женщины составляло поверхность могилы и отмечало ее место; оно принадлежало к ритуалу могилы, а не являлось остатками самостоятельного погребения; к тому же поверхность и состояние женского черепа позволили М. М. Герасимову сделать заключение о длительном пребывании черепа на поверхности земли, а это на стоянке вряд ли могло быть случайным.

Не могу также согласиться с выводом моего оппонента о попадании верхнего черепа и охры в углубление на поверхности над могилой под воздействием солифлюкции и о рытье могилы в вечной мерзлоте способом пожога. У нас нет никаких указаний на то, что люди обитали на стоянке одновременно с происходившей солифлюкцией. Одних палеофаунистических доводов недостаточно для таких выводов. Вечная мерзлота с солифлюкцией в деятельном, сезонно-талом слое развилась здесь уже после того, как люди ушли со стоянки; вероятно, прогрессирующее похолодание послужило для этого главной причиной. Следовательно, и могилу копали не в вечной мерзлоте, а в незамерзшем, мягком грунте. У могилы не отмечено скопления углей, что было бы неизбежно при пожоге. Кроме того, при пожоге мерзлого грунта могила имела бы менее правильные, более расплывчатые очертания, а уголь не остался бы на ее дне, но был бы выброшен вместе с талой землей. В действительности же дно могилы выстилает тонкий углисто-золистый слой; могила выстлана намеренно и слой оставлен в ней, а не удален вместе с талой землей, как было бы в случае пожога.

Таким образом, я полагаю, что солифлюкция развилась и охватила культурный слой стоянки позднее, когда людей здесь уже не было и почвенно-культурный слой уже начал перекрываться делювием. Не случайно единичные культурные остатки обнаружены в нижнем горизонте последнего, на 10 и 20 *см* выше почвенно-культурного слоя. Тогда и погребение попало в зону вечной мерзлоты, но не в ее деятельный слой, так как сохранилось в нетронутом виде. Рассекший же его ледяной клин относится к гораздо более позднему времени, чем солифлюкция в почвенно-культурном слое: как этот, так и другие клинья на площади стоянки, рассекающие почвенно-культурный слой, заполнены сверху стерильным желтым суглинком без примеси гумуса и культурных остатков, а их стенки прослеживаются на 1—2 *м* вверх, над поверхностью почвенно-

культурного слоя. Следовательно, следы солифлюкции в последнем и образование ледяных клиньев разделяются значительным промежутком времени и должны, вероятнее всего, связываться с различными фазами оледенения, так же как и мощный солифлюкционный слой, лежащий под дном могилы в слоистых супесях является следом еще более древнего оледенения.

Упомянутые выше наблюдения проливают свет и на проблему геологической датировки стоянки. Они противоречат датировке ее осташковским временем, так как к последнему, вероятнее всего, относятся ледяные клинья, рассекшие культурный слой и погребение. Маловероятно, чтобы солифлюкция, затронувшая культурный слой, относилась к тому же, осташковскому времени.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

СКЕЛЕТ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА СУНГИРСКОЙ СТОЯНКЕ

Скелет, безусловно, мужской; возраст его, судя по состоянию черепных швов, около 55—65 лет. Зубы очень сильно стерты, высота коронок всего около 4—5 *мм*. Однако никаких следов старческой инволюции ни на черепе, ни на других костях пока не замечено.

Кости конечностей

Очистка и реставрация костей туловища и конечностей производится в лаборатории М. М. Герасимова и еще не закончена. Приводим поэтому лишь некоторые данные по длинным костям. Длина костей большая, особенно длина ключицы — 193/185 *мм* (здесь и в дальнейшем первая величина относится к правой кости, вторая — к левой). Такие длинные ключицы встречаются исключительно редко. Это свидетельствует об огромной ширине плеч, во всяком случае не меньше 45 *см*. Однако окружность ключиц небольшая — 41/36 *мм*. Наибольшая длина плечевой — 360/354 *мм*, ее наименьшая окружность 67/64 *мм*, окружность по середине — 71/67 *мм*. Такая небольшая разница в размерах обеих окружностей указывает на слабое развитие шероховатости прикрепления дельтовидной мышцы, что видно и на глаз. Наибольший диаметр сечения середины диафиза плечевой кости — 24,0/22,8 *мм*; наименьший — 19,8/20,4 *мм*.

Наибольшая длина лучевой кости — 284/280 *мм*, наименьшая окружность дистальной половины диафиза — 43/39 *мм*. Поперечное сечение диафиза — 17,9/16,8 *мм*, сагиттальное — 11,5/11,5 *мм*. Наибольшая длина локтевой кости — 305/296 *мм*, наименьшая окружность — 39/35 *мм*. Все эти данные свидетельствуют, что кости плеча и предплечья отличаются явно грацильным строением.

Наибольшая длина бедренной кости — 496/501 *мм*, длина в естественном положении — 495/500 *мм*. Разница мала, что указывает на слабый наклон оси диафиза по отношению к мыщелковой плоскости. Окружность по середине — 103/100 *мм*. Бедренная кость отличается, таким образом, от других трубчатых костей скорее массивным строением. Форма сечения диафиза заметно уплощенная в передне-заднем направлении как в верхней части, так и по середине.

Основные размеры следующие:

верхний передне-задний диаметр	—27,3/28,8 *мм*;
верхний поперечный диаметр	—40,0/38,1 *мм*;
передне-задний диаметр по середине	—34,8/34,3 *мм*;
поперечный диаметр по середине	—33,2/30,5 *мм*.

Большая берцовая кость, в отличие от бедренной, не очень толстая; по соотношению длины и толщины она походит скорее на кости верхней конечности. Полная длина ее без межмыщелкового возвышения —

414/422 *мм*, окружность посередине — 87/89 *мм*, наименьшая окружность — 79/80 *мм*. Сечение диафиза уплощено в поперечном направлении. Диаметры сечения на уровне питательного отверстия составляют 39,2/37,0 и 24,2/24,4 *мм*, на уровне середины диафиза — 33,5/33,8 и 20,2/21,0 *мм*.

Как платимерия бедренной, так и платикнемия большой берцовой кости считаются характерными признаками кроманьонцев. Дистальные сегменты обеих конечностей очень длинны по отношению к проксимальным. Теперь такие пропорции чаще всего встречаются в тропической зоне, но в позднем палеолите они были нередки и в Европе.

По формуле автора этой статьи, которая учитывает не только длину костей, но и их отношения (если голень длинна по отношению к бедру, то нога длинна по отношению к корпусу), рост сунгирьского человека был равен 180 *см*. Массивность его костей, определяемая путем умножения квадратов окружностей на их длины (с поправкой на пропорции тела), соответствует у современных людей (при среднем развитии жирового слоя) весу 71 *кг* [1].

Лицевой скелет

Лицо очень большое. Полная высота его (*M*. 47) — 127 *мм*, верхняя высота (*M*. 48) — 79 *мм*. Верхняя ширина лица (*M*. 43) — 116 *мм*, биорбитальная (*M*. 43—1) — 107 *мм*, средняя ширина (*M*. 46) — 103 *мм*. Скуловой диаметр (*M*. 45) не мог быть измерен точно вследствие деформации, но он все же больше 140 *мм*, а вероятнее всего около 143—147 *мм*. Это соответствует размерам ширины лица в других отделах. Угловая ширина нижней челюсти (*M*. 66) — 112 *мм*.

Подобные средние величины в настоящее время встречаются только у сибирских монголоидов, у эскимосов и у некоторых групп американских индейцев. Однако среди людей позднего палеолита в Европе подобные величины также нередки, за исключением высоты лица. Такая большая высота лица, если и встречается у европейских кроманьонцев, то как крайний вариант.

Уплощенность лица измерена, как обычно, при помощи двух углов: назо-малярного (*M*. 77) и зиго-максиллярного. Первый из этих углов довольно большой (145°), второй — малый (128°). В средних величинах серий такая разница в величине обоих углов никогда не встречается, но у отдельных особей может быть найдена как среди монголоидов, так и среди европеоидов.

Вертикальная профилировка лица не могла быть точно измерена вследствие деформации основания, но на глаз лицо сунгирьского человека было ортогнатным или слегка мезогнатным.

Размеры носа большие, высота его (*M*. 55) — 55 *мм*, ширина (*M*. 54) — 27,6 *мм*. По указателю, следовательно, 50,2, т. е. мезорин. Переносье измерено по методу краниологов английской биометрической школы. Наименьшая ширина носовых костей (*SC*) умеренная — 9,0 *мм*, высота (*SS*) скорее большая — 4,3 *мм*, ширина между дакрионами (*DC*)

---

[1] Сохраняя этот принцип, автор составил теперь новую формулу определения роста при помощи величины К

$$К = 1{,}44(FL + TL) + 27{,}6(TL : FL) + 14{,}57$$

где *FL* — наибольшая длина бедренной кости, *TL* — полная длина большой берцовой.

$$Рост = \frac{FL + TL}{К}$$

Вес определяется при помощи «условного показателя объема скелета» [УПОС]. Способ вычисления см.: Г. Ф. Дебец. Опыт определения веса живых людей по размерам длинных костей. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

$$Вес\ (кг) = 7{,}41 УПОС\ дм^3 + 64{,}21 - 1{,}07\ к$$

средняя или большая — 23 *мм*, высота (*DS*) большая — 13±0,5 *мм* (точное измерение затруднительно). По аналогии с этими размерами были измерены ширина между максиллофронтальными точками и высота спинки носа над этой хордой. Первый размер составляет 19,1 *мм*, второй — 6,5 *мм*.

Однако выступание носа в профиль (*M*. 75—1) скорее малое — 22°, передняя носовая кость развита умеренно (№ 3 по шкале Брока). На нижнем крае грушевидного отверстия отчетливо выражены предносовые ямки.

В средних величинах серий сочетание малого угла выступания носа с большой высотой переносья не встречается, но у отдельных особей, конечно, может быть отмечено как среди европеоидов, так и среди монголоидов.

Ширина левой орбиты (*M*. 51) у сунгирьского человека большая — 45,8 *мм*, что соответствует большим размерам ширины лица в целом, высота орбиты (*M*. 52) умеренная — 33,7 *мм*. По указателю (73,6) форма орбиты хамэконхная, как и у большинства людей позднего палеолита во всех частях света.

Верхняя челюсть очень широкая. Ширина альвеолярной дуги (*M*. 61) — 73 *мм*, ширина неба (*M*. 63) — 44,5 *мм*. Продольные размеры верхней челюсти определить нельзя. Нижняя челюсть не только широкая в углах, но и исключительно длинная. Проекционная длина от углов (*M*. 68) — 93 *мм*. Еще большие величины найдены на мезолитических черепах из Тафоральта (Марокко), но здесь очевидны различия в технике измерения [2]. Высота ветви нижней челюсти (*M*. 70) очень большая — 74 *мм*, ширина ее (*M*. 71а) — тоже. Хотя точное измерение невозможно, но все же этот размер не меньше 39 *мм*, а скорее всего около 40 *мм*. Передняя ширина тела челюсти (*M*. 67) большая — 50 *мм*, так же как высота симфиза (*M*. 69) — 39 *мм* и высота тела челюсти на уровне подбородочного отверстия (*M*. 69—1) — 36 *мм*, но толщина (*M*. 69—3) скорее малая — 11 *мм*. Подбородок умеренно выступающий.

Мозговая коробка

Мозговая коробка сохранилась хуже, чем лицевой отдел черепа. Шейные позвонки вдавились внутрь черепа, разрушив основание. Ось затылочной части отклонена влево, вследствие чего правая височная кость своей передней частью повернута внутрь. На лбу след от удара лопатой. Рядом с этим следом на лобной кости образовалась выпуклость по медианной линии, происхождение которой неясно.

Лишь весьма приблизительно продольный диаметр (*M*. 1) определяется в пределах 189—195 *мм*, поперечный (*M*. 8) — 138 — 144 *мм*, высотный (*M*. 17) — 132—138 *мм*. Ширина лба (*M*. 9) большая — 101 *мм*, наклон лба умеренный, надпереносье выступает сильно (№ 5 по шкале Мартина), но никакого надглазничного валика нет. Рельеф выйной мускулатуры развит выше среднего, сосцевидный отросток также средний или большой.

Заключение

В общем сунгирьский человек отличался высоким ростом, очень широкими плечами, по всей вероятности длинными ногами и умеренно плотным сложением.

Расовые особенности черепа выражены не отчетливо. Перед нами скорее средний Homo sapiens. Такой череп может быть, конечно, найден в любой европейской популяции, но чаще, пожалуй, где либо в Восточной

[2] D. Ferembach. La necropole e'pipaliolitnique de Taforalt (Maroc Oriental). Etude des squelettes humains. Rabat, 1962.

Европе или на Урале, если отвлечься от больших размеров. Очень большое нёбо дает повод вспомнить об австралийцах. Мужской череп № 101 из грота Шан-дин-дун в Китае [3] по ряду признаков похож на сунгирьский. И Шан-дин-дунский и сунгирьский черепа в общем имеют кроманьонский облик, но и у того и у другого в отдельных признаках обнаруживаются черты сходства с монголоидами.

Имея дело с единичным объектом, антрополог часто бывает вынужден (если, конечно, речь идет не о видовых различиях) формулировать свои заключения в осторожной форме.

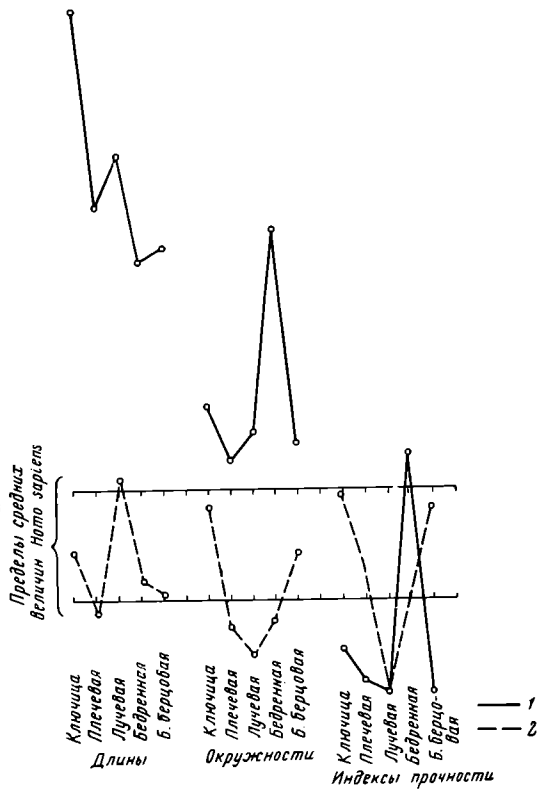


Рис. 1. Основные размеры правых длинных костей скелетов Сунгирь и Маркина гора

1 — Сунгирь; *2* — Маркина гора

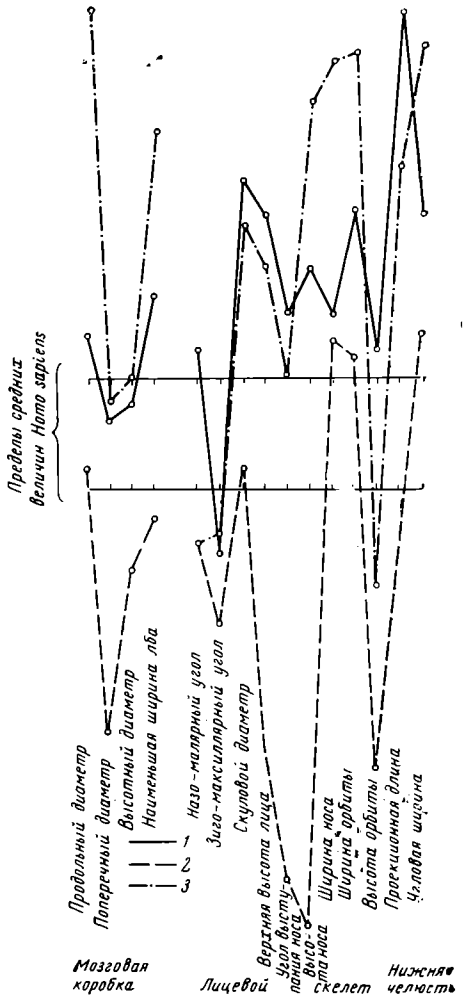


Рис. 2. Некоторые размеры черепов Сунгирь, Маркиной горы, Шан-дин-дун № 101

1 — Сунгирь; *2* — Маркина гора; *3* — Шан-дин-дун № 101

Если бы речь шла о средних величинах серий, то сходство между людьми из Сунгиря и Шан-дин-дуна заслуживало бы пристального внимания. В этом сходстве можно было бы видеть свидетельство каких-то связей, проявляющихся на огромных пространствах северной Евразии. Можно было бы говорить о «восточных кроманьонцах» с отдельными чертами, напоминающими северных монголоидов, о протомонголоидном элементе, о предках американских индейцев. Однако по отношению к отдельным находкам следует помнить о широком размахе изменчивости и о том, что сходство, о котором идет речь, в значительной мере основано на нейтральных признаках, что снижает их роль в установлении родства.

[3] F. Weidenreich. On the Earliest Representatives of Modern Mankind on the Soil of East Asia. Peking Natural History Bulletin, 13, 1938—1939.

Интересно, что другой, хорошо сохранившийся позднепалеолитический скелет, найденный на Русской равнине, а именно — скелет с Маркиной горы [4], резко отличается от сунгирьского (рис. 1 и 2). Череп с Маркиной горы прогнатный, широконосый, с низким лицом, что дало повод вспомнить о «расе Гримальди». Однако нос — резко выступающий, трубчатые кости гораздо меньше, рост определяется в 161 *см*, вес — 55 *кг*.

Эти данные могут служить аргументом для сторонников мнения, согласно которому человеческие расы еще не сложились в позднем палеолите [5]. Однако этот аргумент нельзя считать решающим.

Если бы современное человечество было представлено несколькими десятками черепов, преимущественно европейских, большей частью без лицевых костей, то на этом основании мы бы тоже, вероятно, не получили представления о расовом делении человечества и вынуждены были бы сделать вывод об отсутствии географически локализованных сочетаний признаков.

Имея дело с единичным объектом, мы исходим обычно из предположения о том, что он, вероятнее всего, более или менее близок к среднему типу данной популяции. Однако один из трех случайно выбранных единичных объектов по одному признаку будет скорее всего отличаться от среднего типа на величину стандарта, т. е. примерно на 5 *мм* по скуловому диаметру, на 6 *мм* по продольному, на 4—5° по назо-малярному углу и т. п. На одном из двадцати объектов эти отклонения вдвое больше.

В конечном счете нет серьезных возражений против того, чтобы считать сунгирьского человека представителем кроманьонского типа в широком смысле этого термина, охватывающего всех позднепалеолитических людей Европы, кроме, может быть, «негроидов Гримальди».

---

[4] Г. Ф. Дебец. Палеоантропологические находки в Костёнках. СЭ, 1955, 1.

[5] В. В. Бунак. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. Тр. ИЭ АН СССР, нов. сер., XLIX, М., 1959.

В. М. МАССОН

ПРОТОГОРОДСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЮГА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Процесс становления и характер древнейших городских цивилизаций за последнее время все больше привлекает внимание исследователей [1]. В распоряжении советских ученых имеется и конкретный археологический материал, освещающий эту проблему в Средней Азии и в Закавказье, где расцвет скотоводчества в эпоху бронзы не должен заслонять одновременного развития оседлоземледельческой культуры. О том, что соответствующие процессы восходят к весьма значительной древности, писал еще в 1947 г. А. В. Арциховский, отмечавший, что так называемая культура Анау III (Намазга IV, V и VI по новой классификации) по уровню своего развития напоминает древневосточные города [2].

В последние годы всестороннему исследованию были подвергнуты ранние этапы развития культур Анау. В результате оказалось, что эпоха неолита и энеолита на юге Средней Азии лучше изучена и соответствующие памятники лучше опубликованы по сравнению с бронзовым веком. Поэтому возникла необходимость сосредоточить особое внимание на раскопках и изучении материалов памятников бронзового века. Этому и посвящается настоящее сообщение.

В истории изучения памятников эпохи бронзы на юге Туркменистана после раскопок Анау, проведенных А. В. Комаровым и экспедицией Р. Пампелли, наиболее значительным событием было открытие в 1916 г. Д. Д. Букиничем крупнейшего памятника этого времени — Намазга-Тепе. После 1917 г. раскапывались другие поселения: Алтын-Тепе у Меана и Ак-Тепе под Ашхабадом (А. А. Марущенко). К сожалению, материал остается неопубликованным.

Большое внимание памятникам эпохи бронзы уделила Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция [3]. Б. А. Куфтин установил новую стратиграфию культур, что явилось крупным этапом в изучении энеолита и бронзы Средней Азии [4].

В 1953—1961 гг. основные работы производились на памятниках эпохи бронзы (Шор-Тепе, Ак-Тепе, Алтын-Тепе и Намазга-Тепе) [5]. К сожалению, они недостаточно отражены в печати. Для уточнения ареала оседлой культуры бронзы существенное значение имело открытие и раскопки поселения

---

[1] Courses toward Urban Life. Viking Found Publication in Anthropology. 32. New York, 1962; R. M. Adams. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanie Mexico. Chicago, 1966.

[2] А. В. Арциховский. Введение в археологию. М., 1947, стр. 69.

[3] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Тр. ЮТАКЭ, II, Ашхабад, 1951, стр. 11—20; Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4.

[4] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956.

[5] Работы производил А. Ф. Ганялин. Нередко в них принимали участие А. А. Марущенко и Д. Д. Дурдыев.

Хапуз-Тепе по среднему течению современного русла р. Теджен[6]. Наряду с полевыми работами проводились экскурсы в историю гончарства[7] и металлургии бронзового века[8].

С 1964 г. начаты систематические раскопки памятников, верхние слои которых позволяли составить шкалу постепенной хронологической эволюции бронзового века[9]. На Намазга-Тепе было начато систематическое вскрытие так называемой «вышки» — значительного всхолмления в северной части памятника, относящегося ко времени поздней бронзы (Намазга VI). Некоторый материал для суждения о поре ранней бронзы (Намазга IV) дали раскопки Хапуз-Тепе (В. И. Сарианиди, 1966 г.), а о времени средней бронзы (Намазга V) и частично более раннего периода — раскопки Алтын-Тепе[10].

Для рассмотрения вопроса о характере культуры эпохи бронзы первостепенное значение имеет изучение крупных поселений этого времени, которые в Южном Туркменистане достигают весьма значительных размеров, приближаясь к городским центрам Древнего Востока. Таких поселений в Южной Туркмении известно три: все они соответствуют значительным областям ирригационного земледелия — Намазга-Тепе у Каахка, Улуг-Тепе (или Яссы-Тепе) и Душака и Алтын-Тепе у Меана. Изучение исторической топографии двух первых памятников связано со значительными трудностями. Намазга-Тепе имеет площадь почти 70 *га*, но сильно нарушено поздним кладбищем. Кроме того, прежние раскопки были разбросаны в 15 местах, что не способствовало созданию цельной картины. Улуг-Тепе, менее значительное по площади поселение, почти повсеместно имеет верхние слои середины I тысячелетия до н. э., что существенно затрудняет изучение поселения поры средней бронзы. Поэтому из трех названных памятников наиболее благодарным объектом для исследования является Алтын-Тепе.

Несколько уступая по площади Намазга-Тепе, Алтын-Тепе тем не менее является весьма значительным памятником. Его оплывшие холмы занимают пространство в 46 *га*, возвышаясь над окружающей поверхностью на 17—20 *м*. В целом руины поселения образуют довольно компактный массив, хотя при первоначальном осмотре это впечатление скрадывается довольно глубокими лощинами, прорезающими его окраины.

Изучение рельефа Алтын-Тепе позволило подойти к пониманию его планировки в позднюю пору его существования (время Намазга V, рис. 1). На юге широкая пологая лощина отмечает место былого въезда, выходящего на обширную площадь, названную центральной. Всхолмления, ограничивающие с двух сторон лощину (въезд), получили наименование по характерным находкам «холм меди» и «холм ступок». На первом из них во множестве встречаются мелкие обломки позеленевшего металла, возможно указывающие на местонахождение древних металлургических мастерских.

Наиболее значительное всхолмление Алтын-Тепе получило наименование «вышки». Здесь открыли серию жилых помещений, видимо, от нескольких многокомнатных домов, в которых найдена бронзовая печать

---

[6] К. А. Адыков, В. М. Массон. Древности Теджен-Мургабского междуречья. ИАН ТуркмССР, 1960, 2; В. И. Сарианиди. Хапуз-Тепе как памятник эпохи бронзы. КСИА АН СССР, 98, 1964.

[7] В. И. Сарианиди. Керамическое производство древнемаргианских поселений. Тр. ЮТАКЭ, VIII, Ашхабад, 1958.

[8] Е. Е. Кузьмина. Развитие производства металлических изделий в Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1964.

[9] В. М. Массон. Раскопки на Алтын-Тепе. В кн.: «Археологические открытия 1965 г.». М., 1966; В. И. Сарианиди. Раскопки могильников на Геоксюре и Алтын-Тепе. Там же; И. Н. Хлопин. «Вышка» Намазга-Тепе. Там же.

[10] В раскопках Алтын-Тепе, помимо автора статьи, принимали участие научные сотрудники А. Ф. Ганялин, Г. Н. Лисицина, В. И. Сарианиди, И. Н. Хлопин, А. Я. Щетенко, аспирант В. А. Сафронов, лаборанты Ю. И. Десятчиков, Б. Н. Пяткин, С. С. Ширинский, студенты МГУ Е. В. Антонова, И. Л. Станкевич, Л. В. Прищепенко.

в виде быка и два клада, замурованных в стенах. Один клад состоит из пяти сосудов и нескольких поделок из слоновой кости, а второй — из 13 сосудов (в том числе одного бронзового и одного фаянсового), бронзового зеркала, булавки, трех височных колец, нескольких каменных бус и фаянсовой печати.

Рис. 1. Алтын-Тепе. План поселения и схема расположения раскопов

Значительную часть Алтын-Тепе занимает большой участок на северо-западе поселения, условно названный «массивом жилых кварталов». Здесь был заложен раскоп 2, в котором выявились остатки двух жилых комплексов, разделенных двором или улицей. Дополнительная шурфовка показала, что слои времени Намазга V достигают мощности 5 *м* и содержат остатки по крайней мере трех строительных комплексов.

Крайнюю северную часть поселения площадью около 2,5 *га* занимает «холм ремесленников», где в течение длительного времени жили и работали гончары. Бракованные фрагменты, шлаки и остатки гончарных печей в изобилии наблюдаются на поверхности холма. Остатки обжигательных горнов зачастую встречаются и в других частях поселения, но именно данный участок является местом их особого сосредоточения. Небольшой раскоп в северной части холма дал десять керамических печей различных размеров, видимо существовавших не одновременно. Печи располагались непосредственно рядом с многокомнатными строениями, в которых находились, надо полагать, жилые и производственные помещения.

В этом отношении достаточно выразительна картина, полученная на раскопе 1. Здесь было вскрыто последовательно три строительных горизон-

та (Алтын 1—3), относящихся ко времени Намазга V. Общая толща трех культурных слоев достигает 1,5 *м*.

В первом строительном горизонте (Алтын 1) расчищены остатки плохо сохранившихся построек и овальной в плане топки гончарной печи. Строения были сосредоточены в северной части раскопа, в то время как в южной располагалось незастроенное пространство, возможно, двор.

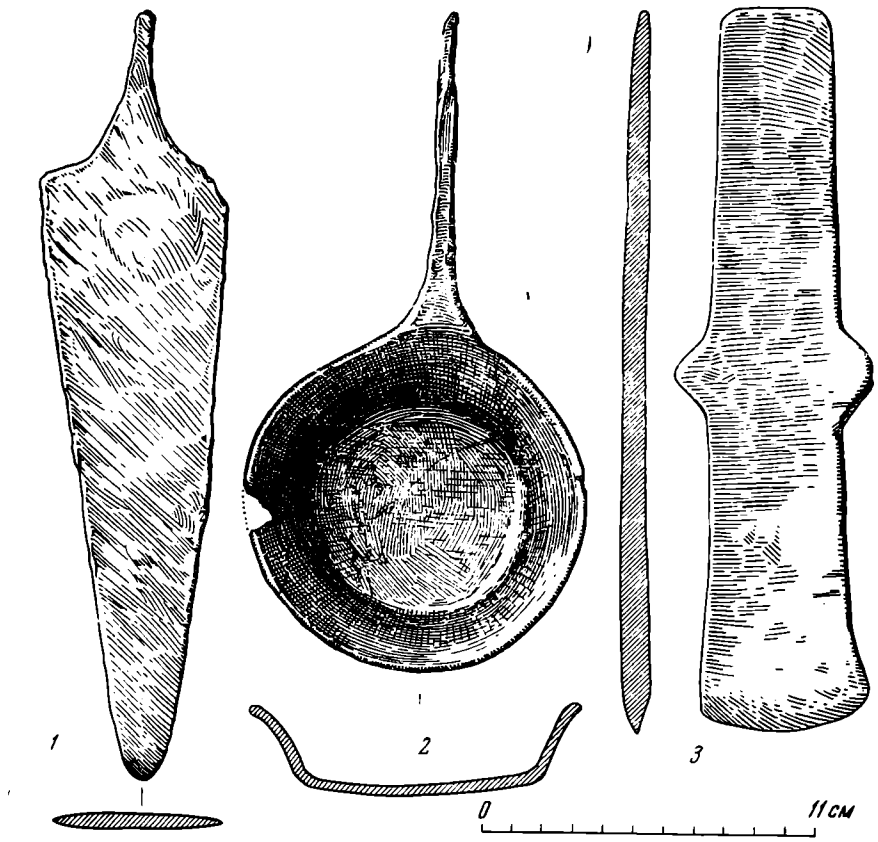


Рис. 2. Алтын-Тепе. Бронзовый кинжал, медная сковородка и серебряное тесло времени Намазга V

Это разделение сохраняется и во втором строительном горизонте (Алтын 2). Двор и в этом горизонте заполнен рыхлыми слоями с большим количеством черепков и керамических шлаков. Во дворе располагалась гончарная печь с топкой овальновытянутой формы, разделенной внутри продольной стенкой на две части. В раскопанной части многокомнатного строения различаются жилые и хозяйственные помещения.

В слое Алтын 3 исследования были сосредоточены преимущественно в северной части раскопа, где вскрыт ряд помещений большого дома. От дворового участка их отделяет массивая поперечная стена. В этом горизонте отмечены остатки двух гончарных печей, причем около одного из них обнаружена группа глиняных фигурок, подготовленных для обжига, но оставшихся необожженными. В их числе около 35 статуэток быков, 14 схематических фигурок стоящих людей и восемь колесиков от моделей повозок.

В раскопе 1 открыто 29 погребений, располагавшихся двумя горизонтами: в слое Алтын 2, куда они были впущены из слоя Алтын 1, и в слое Алтын 3, видимо впущенные из второго строительного горизонта. Для погребений первой группы характерно скорченное положение скелета на левом или правом боку, неустойчивая ориентация (пять головой на север, два на восток и по одному на юг и запад). В одной из могил были найдены

бронзовый кинжал (рис. 2, *1*) и медная сковородка с длинной ручкой (рис. 2, *2*). В погребениях второй группы преобладает ориентация на север и северо-запад, а погребальный инвентарь, за исключением одиночных бус, отсутствует. Результаты работ на раскопе 1 ясно показывают, что мы имеем здесь дело с традиционным центром гончарного производства. Погребения, видимо, оставлены жителями ближайших домов.

Рис. 3. Алтын-Тепе. План раскопа 5

Иную картину выявили раскопки сравнительно небольшого, но четко обособленного всхолмления, получившего наименование «холма стены» по остаткам обводных стен, обнаруженных здесь в слоях времени Намазга IV. Раскоп 5 на «холме стены» вскрыл значительный участок строений времени Намазга V (рис. 3), сохранность которых ухудшалась по направлению к восточному склону. Это не дало возможности с уверенностью судить о наличии или отсутствии здесь обводных стен в пору Намазга V.

На раскопе 5 вскрыта серия помещений, имевших по крайней мере два этапа существования. В западной части раскопа открыта улица шириной от 1,5 до 1,8 *м*. Помещения 1 и 2, расположенные к западу от улицы, являются частью какого-то большого четко организованного архитектурного комплекса. Строения, расположенные к востоку, деляется на две группы узким коридорообразным помещением 10, возможно являвшимся небольшой улочкой. Представляют интерес расположенные в помещении 5 и 6 очаги с небольшими овальными столбами в центре. Помещение 13 в древности служило погребальной камерой, с которой, возможно, было связано помещение 14 с двойным очагом, отличающимся от обычных бытовых очагов этого времени, известных по раскопкам Намазга-Тепе. Погребальная камера была местом неоднократных захоронений, нарушавших друг друга. Здесь, судя по черепам, было погребено 14 человек (погребения 43—56), при которых находилось 20 глиняных сосудов, один каменный, 86 бус, бронзовое кольцо, кремневый наконечник стрелы и две бронзовые

перегородчатые печати (одна в виде козла, а другая в виде животного кошачьей породы, последняя обнаружена у таза погребения 48 и, возможно, носилась на поясе).

Помимо погребальной камеры, на раскопе 5 было открыто еще восемь одиночных могил, как правило относящихся ко времени запустения строений. У погребений, в основном детских, преобладает ориентация головой на север и северо-запад; в трех находился инвентарь (по 2 сосуда в двух могилах и 19 бус в третьей).

Особый интерес представляет детское захоронение № 59 и № 60, условно названное погребением жрицы. Они находились в одной могиле. Основное погребение, принадлежавшее взрослому, лежало на левом боку с вытянутой левой рукой, охватывавшей фалангами пальцев две терракотовые статуэтки женщин. На мизинце этой руки были надеты два золотых кольца, все погребение сопровождало до 100 бус из агата, сердолика, лазурита с золотой оковкой и гипса с обтяжкой золотом. Серебряная перегородчатая печать в виде фантастического трехголового животного с тонкой гравировкой, детализирующей перья, шкуру и др., лишний раз подчеркивает необычный характер этого погребения. Скелет погребения № 59 лежал в скорченной позе параллельно основному захоронению. Вещей при нем не было.

Необходимо отметить, что характер архитектурных комплексов, открытых в раскопе 5, пока остается не вполне ясным. Судя по многочисленным находкам керамики (в том числе кухонного котла и жаровни), они могут быть обычными жилыми домами, около которых на окраине поселения располагались погребения. На энеолитических поселениях Геоксюра[11] и Кара-Тепе[12] коллективные погребения в камерах и толосах (особенно близка алтынской камера в Кара-Тепе) располагались в непосредственной близости от жилых строений. По сравнению с раскопом 1 здесь отсутствуют следы производства.

Раскопки дали также материалы, характеризующие Алтын-Тепе в пору Намазга IV. В это время поселение уже полностью занимало площадь 46 *га*. Особенно важные результаты дало изучение строений времени Намазга IV на восточном склоне «холма стены», где соответствующие наслоения достигают мощности 9 *м*. Здесь были отмечены остатки обводных стен. Детальное изучение раскопанных участков, а также дополнительные разрезы и зачистки раскрыли весьма сложную картину истории этой окраины поселения (рис. 4). В раннюю пору Намазга IV здесь была возведена обводная стена Б толщиной до 1,9 *м*. Ее внешний периметр не образует одну прямую линию, а состоит из нескольких участков, отступающих один от другого внутрь поселения. В ряде мест стена фланкирована выступами-пилястрами. По мере накопления культурных слоев эта стена надстраивалась и перестраивалась, пока, наконец, не была возведена новая стена А также толщиной около 1,9 *м*. С целью уточнения вопроса о наличии подобных обводных стен на всех участках Алтын-Тепе на раскопе 1 было произведено частичное вскрытие горизонта Алтын 4, относящегося ко времени позднего Намазга IV. Оказалось, что здесь окраину поселка образовывала утолщенная до 0,5 *м* стена обычного многокомнатного дома (рис. 5). Возможно, что лишь особый характер строений, располагавшихся в пору Намазга IV на «холме стены», привел к появлению здесь столь массивных обводных сооружений.

Интересно отметить, что в пору позднего Намазга IV на периферии поселения располагались погребальные камеры-усыпальницы, в которых, подобно геоксюрским толосам, находились коллективные захоронения. Такие сооружения найдены на раскопах 3 («холм стены»), 4 («холм погребальных камер») и 6 («холм ремесленников»).

---

[11] В. И. Сарианиди. Раскопки могильников на Геоксюре... стр. 103.

[12] В. М. Массон. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА АН СССР, 101, 1964, стр. 4.

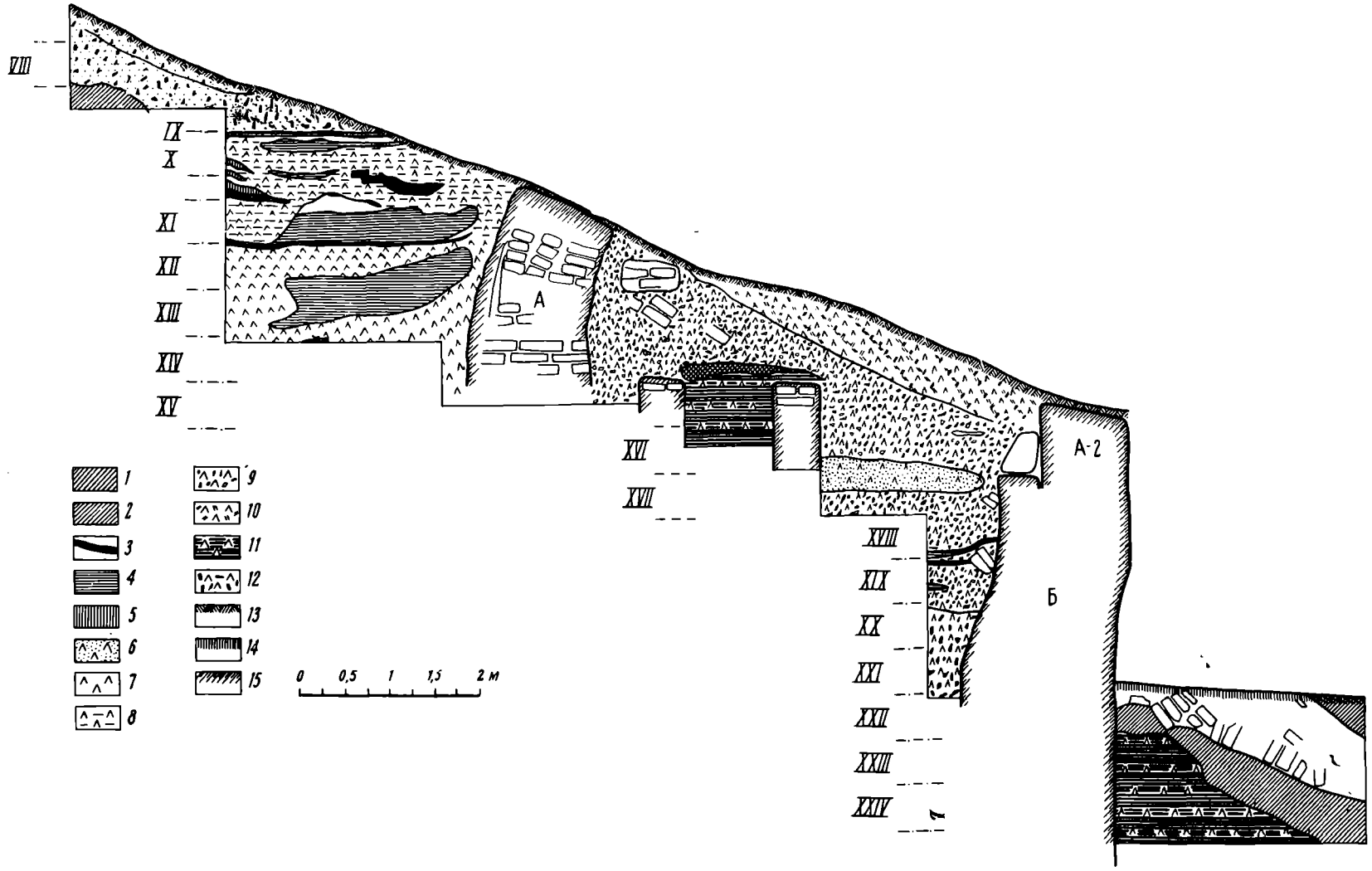


Рис. 4. Алтын-Тепе. Разрез обводных стен времени Намазга IV

1 — рыхлая коричневая земля; *2* — натечные слои с крупными известковыми включениями; *3* — слои, насыщенные золой; *4* — горизонтальные слои рыхлой коричневой земли; *5* — мусорные слои зеленоватого цвета; *6* — рыхлые слои с угольками; *7* — строительный завал; *8* — рыхлый завал строительных материалов; *9* — завал сырцового кирпича; *10* — завал мелких материалов разрушения; *11* — плотный завал; *12* — рыхлый завал с углем; *13* — дерновый слой; *14* — пол; *15* — сырцовые стены в разрезе

Таково краткое описание раскопок, давших значительное число самых различных материалов.

В ходе их изучения и интерпретации может быть намечено несколько основных направлений, по которым следует вести разработку всей проблемы. Прежде всего — определение относительной и абсолютной хронологии. Естественно, что раскопки поселений с мощными культурными слоями позволяют детализировать их стратиграфическое членение. Так, в пределах комплекса Намазга IV можно выделить ранний и поздний периоды. В пору раннего Намазга IV распространена роспись геометрического стиля, широко использующая кресты и полукресты (рис. 6). Эту посуду можно именовать хапузовским типом по имени Хапуз-Тепе, где ее связи с энеолитической посудой Геоксюра выступают особенно ярко [13]. Соответствующий комплекс может быть выделен и на Намазга-Тепе, где в росписи наряду с геоксюрскими влияниями (например, крупные сосуды с полихромной росписью) выступают и традиции местного энеолита [14]. В пору позднего Намазга IV (рис. 7) распространяется дробный ковровый рисунок, для которого характерны фигуры с зубчатыми краями (намазгинский тип в комплексе «площадки с горнами») [15]. Период этот был сравнительно коротким. Для Алтын-Тепе, в отличие от Намазга-Тепе, характерной чертой является значительное число краснофонной керамики.

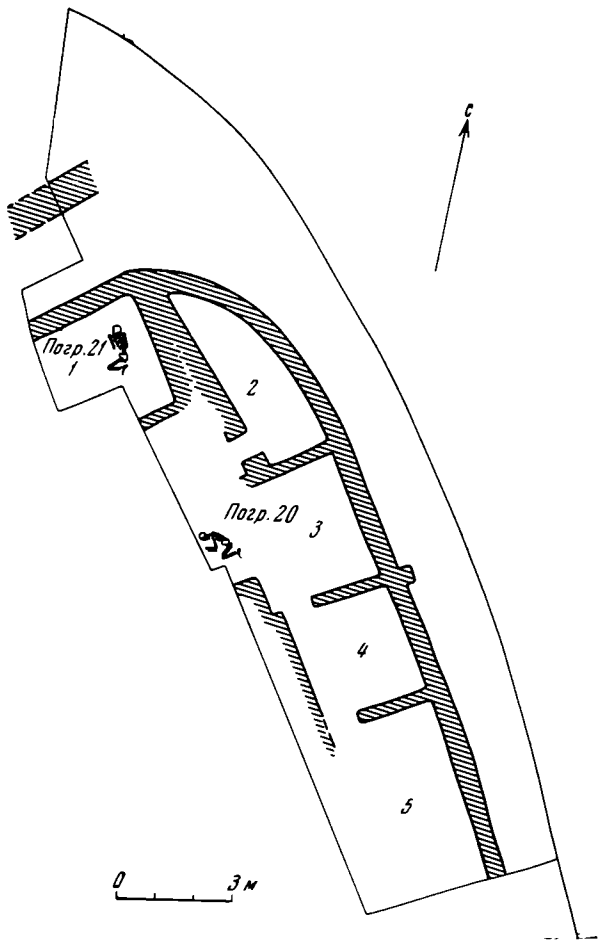


Рис. 5. Алтын-Тепе. План строений слоя Алтын 4

Возможно, со временем удастся расчленить и комплекс Намазга V, характеризуемый сделанной на круге нерасписной посудой весьма различных форм (рис. 8). Для нее характерны сосуды на поддоне или на высокой ножке (вазы, горшки, биконические сосуды). По материалам Алтын-Тепе складывается впечатление, что керамический комплекс с раскопа 5 в основном относится к раннему времени, будучи одновременным слою Алтын 3 раскопа 1. Здесь, в частности, почти отсутствуют керамические подставки, в изобилии встречающиеся в слоях Алтын 1 и Алтын 2.

[13] В. И. Сарианиди. Хапуз-Тепе..., стр. 62.

[14] В «шурфе ЮТАКЭ» на Намазга-Тепе соответствующая керамика идет ниже VII—VIII яруса; Б. А. Литвинский. Намазга-Тепе. СЭ, 1952, 4, стр. 47, рис. 7. Комплекс, изданный А. Я. Щетенко, видимо, относится к переходной поре (сочетание геометризированной орнаментики и изображений деревьев); А. Я. Щетенко. Расписная керамика эпохи бронзы из Намазга-Тепе. КСИА АН СССР, 98, стр. 58.

[15] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, VII, Ашхабад, 1956, табл. XXXI, XXXII.

Обилие новых материалов делает необходимым дальнейшую разработку и вопросов абсолютной хронологии. Эти материалы подтверждают синхронизацию комплекса Намазга V с Гиссаром III, причем наибольшее количество аналогий приходится на Гиссар III B [16].

В настоящее время длинная хронология Гиссара III, предложенная Д. Мак-Кауном [17], не пользуется поддержкой исследователей [18]. В частности, Р. Дайсон предлагает синхронизировать Гиссар III B с ранними эта-

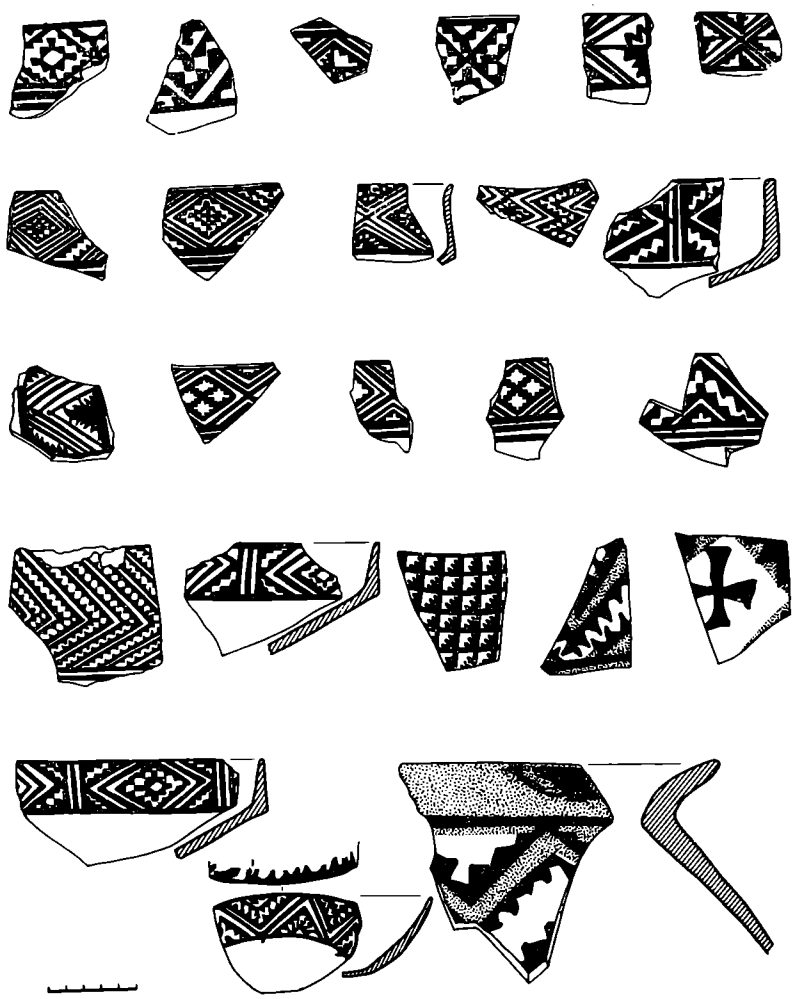


Рис. 6. Керамика типа раннего Намазга IV

пами третьей династии Ура (2132—2024 гг. до н. э.), а Гиссар III C сдвигать не позднее 1900 или 1800 гг. до н. э. [19]

Для системы относительной хронологии известное значение имеет серебряное тесло с цапфами, найденное А. Ф. Ганялиным в слоях Намазга V на Алтын-Тепе (рис. 2, *3*). По классификации тесел, предложенной Ж. Дешайе, его следует включать в раннюю группу [20], причем наиболее близкие

[16] Таковы бусы крестовидной формы и сероглиняный сосуд из первого алтыновского клада, привезенный если не с самого Гиссара, то из соседнего района. E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, стр. 226, рис. 135, табл. XXXVII, H 3841

[17] D. E. Malown. Comparative Stratigraphy of Early Iran. SAOC, 23, Chicago, 1942.

[18] В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 325, 326.

[19] R. H. Dyson. Problems in the Relative Chronology of Iran, 6000—2000 b. c. В кн.: «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago—London, 1965, стр. 241, 242.

[20] J. Deshayès. Les outils de bronze le l'indus an Danube. Bibliotèque archéologique et historique, LXXI, 1, Paris, 1960, стр. 114, 115.

аналогии дают тесло Тюренг-Тепе [21], тесла из Цезареи в Малой Азии [22] и часть миниатюрного тесла из Амука J [23]. Фаза Амук J датируется Р. Брейдвудом временем от XXIV в. до н. э. до 2000 г. до н. э. [24] Сходные параллели дают и малоазийские памятники Алишар II (1900—1600 гг. до н. э.) [25] и особенно тесло Тарса, происходящие из слоя, датированного К. Шефером 1950/1900—1700/1600 гг. до н. э. [26] Тесло из Алтын-Тепе представляет собой довольно архаическую форму этого вида орудий, отличающуюся прямыми, а не вогнутыми гранями, и в свете упомянутых переднеазиатских параллелей (наиболее близкое Тесло с Тюренг-Тепе не может служить надежной основой для абсолютной хронологии) следует относить к концу III — началу II тысячелетия до н. э.

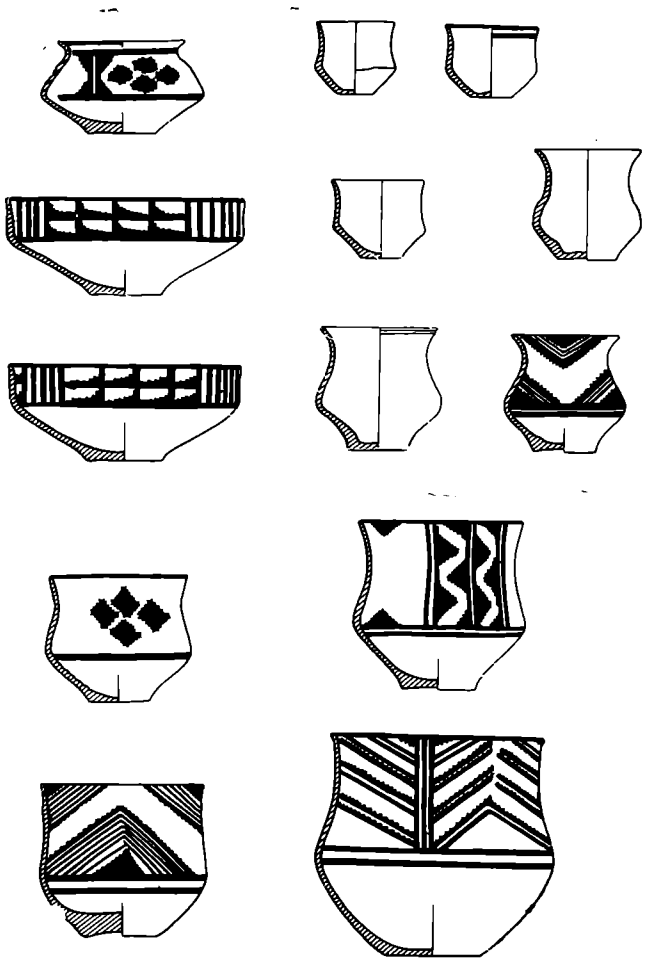


Рис. 7. Керамика типа позднего Намазга IV.

С другой стороны, тот же комплекс Намазга V обнаруживает значительное число харапских параллелей, представляя собою стык переднеазиатской и древнеиндийской хронологии. Харапские параллели относятся к ряду вещей и прежде всего к посуде. Таковы, в частности, горшки на поддоне — форма, особенно многочисленная в верхних слоях Мохенджо-Даро и Хараппы [27]. Наличие бронзового сосуда сходной формы позволяет предполагать металлический прототип [28]. Для ранней и поздней Хараппы весьма характерной формой является цилиндрический сосуд с отверстиями [29], употреблявшийся, по мнению

[21] F. R. Wulsin. Excavation at Turang Tepe. «Bulletin of American Institute for Persian Art and Archaeology», 2, March, 1932. Прилож. стр. 12, табл. XX. Эту близость справедливо отметила Е. Е. Кузьмина.

[22] J. Deshayès. Ук. соч., II, табл. XIII, *1*; LV, *9*.

[23] R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Excavations in the Plain of Antioch. I. The Earlier Assemblades, Phases A—J. OIP, LXI, Chicago, 1960, стр. 378, рис. 231, *1*.

[24] R. J. Braidwood and L. S. Braidwood. Ук. соч., стр. 522, 523.

[25] J. Deshayès. Ук. соч., II, табл. XIII, *15*.

[26] C. F. A. Schaeffer. Stratigraphie Comparée et Chronologie de L'Asie Occidentale. London, 1948, рис. 172, *5*, *6*, стр. 267, 274.

[27] E. Mackay. Further Excavations at Mohenjo-Daro. New Dehli, 1938, I, II, стр. 192, табл. LII, *10*; LV, *12*. Э. Маккей отмечает, что это наиболее распространенный вид сосудов, причем, добавляет М. Уилер, в верхних слоях. R. E. M. Wheeler. Harappa 1964 the Defences and Cemetery R37. AI, 1947, 3, стр. 104. Из отмеченных М. Уилером разновидностей к нашим образцам ближе всего стоит форма III C с непроработанным венчиком.

[28] J. Marshall and oth. Mohenjo-Daro and the Indus Civilization. London, 1931, III, табл. CXLI, *6*.

[29] E. Mackay. Ук. соч., III, табл. LIX, *24*; R. E. M. Wheeler. Ук. соч., стр. 115, type XLIV.

Э. Маккея, при изготовлении творога, но, возможно, и как курильница [30]. Сосуды почти идентичной формы нередко встречаются на Алтын-Тепе и в слоях времени Намазга V, что особенно характерно для направления культурных связей, поскольку курильницы Гиссара III имеют шаровидное тулово с отверстиями и высокую ножку [31]. Важное хронологическое значение имеет широкое распространение на Алтын-Тепе, по крайней

Рис. 8. Керамика типа Намазга V

мере в пору позднего Намазга V (Алтын 1 и 2), керамических подставок. Они, весьма редкие и невыразительные в нижних слоях Мохенджо-Даро [32], широко распространены в верхних слоях этого памятника [33], так же как в Чанху-Даро [34] и в Хараппе [35].

Аналогии касаются и металлических изделий с Алтын-Тепе. Так, плоские клинки кинжалов без осевого ребра, совершенно не характерные для Гиссара, широко распространены как на южнотуркменистанских памятниках, так и в городах долины Инда [36]. Там же может найти параллель и сковородка с ручкой [37]. В мелкой пластике мужские фигурки, появляющиеся в позднем Намазга IV (в Намазга V эти фигурки более уплощены), прямо перекликаются с терракотами раннего Мохенджо-Даро [38]. Наконец, в Южном Туркменистане имеются вещи, непосредственно привезенные из долины Инда. В состав первого клада Алтын-Тепе входят четы-

---

[30] E. Mackay. Ук. соч., I, стр. 207, 208.
[31] E. Schmidt. Excavations at Tepe Hissar, табл. XXXVI, H 5215.
[32] E. Mackay. Ук. соч., II, табл. LXII, *25*, *26*; LXIV, *16*.
[33] Там же, табл. LVII, *23*, *24*; I, стр. 206.
[34] E. Mackay. Chanehu-Daro Excavations. New Haven, 1943, табл. XXVI, *4—11*.
[35] R. E. M. Wheeler. Ук. соч., стр. 115, type XLV.
[36] E. Mackay. Ук. соч., II, табл. CXXIX, *3*, *5*.
[37] Там же, табл. CXXVIII, *15*.
[38] Там же, табл. XXV, *17*, *24* (ср. I, стр. 282).

рехугольные в сечении палочки из слоновой кости с кружками на трех сторонах (соответственно 1, 2 и 3 кружка) и орнаментом на четвертой. Подобные предметы являются весьма обычной находкой как в верхних, так и в нижних слоях Мохенджо-Даро [39].

Указанные параллели позволяют ориентировочно синхронизировать комплекс Намазга V с развитой и частично поздней Харапой (могильник R37), хотя последняя обнаруживает аналогии также с ранними фазами Намазга VI [40]. В настоящее время ряд харапских памятников получил серии радиокарбоновых анализов с датой XXI—XIX вв. до н. э. Зерно из верхних слоев Мохенджо-Даро было датировано этим же способом 1760 г. до н. э. (±155) [41]. Таким образом, указанные выше аналогии, как древнеиндийские, так и переднеазиатские, позволяют ориентировочно относить комплекс Намазга V к началу II тысячелетия до н. э.

Вторая важная проблема связанная с изучением памятников эпохи бронзы Южного Туркменистана, заключается в изучении хозяйства. Потребуются еще значительные усилия, и в первую очередь привлечение методов естественных и точных наук, чтобы пойти дальше общей формулировки о наличии сложившегося земледельческо-скотоводческого хозяйства. Вполне вероятно, что значительные успехи, достигнутые в земледелии (прежде всего в сфере агротехники), позволили сложиться и функционировать таким крупным населенным центрам, какими являлись Алтын-Тепе и Намазга-Тепе. К сожалению, мощные аллювиальные отложения в районе названных памятников предельно затрудняют изучение гидрологической сети II тысячелетия до н. э. Анализ углей из древних мусорных отвалов на окраине Алтын-Тепе позволил Г. Н. Лисициной установить наличие здесь тополя и карагача. Эти древесные породы характерны для данного района, поскольку они преобладали и на неолитическом поселении Чагыллы-Тепе [42]. Поселение эпохи бронзы Хапуз-Тепе располагалось, как установила Г. Н. Лисицина, между двумя крупными протоками древнетеджженской дельты. По берегу одного из русел на протяжении 4 *км* прослеживается небольшая дамба в виде оплывшего вала. Погребенный почвенный горизонт свидетельствует, что в древности соседние земли подвергались обработке и орошению. Последнее, скорее всего, производилось методом напуска воды в паводки, причем обратный спад задерживался дамбой. Вместе с тем расположение поселения на берегу полноводного русла способствовало развитию рыболовства, на наличие которого указывают находки медно-бронзовых рыболовных крючков.

На широкое использование тягловой силы животных в эпоху бронзы указывают многочисленные терракотовые модели повозок, встречающиеся по крайней мере со времени позднего Намазга IV. Модели повозок, обнаруженные на Алтын-Тепе, представляют собой преимущественно тяжелые двуосные телеги, у которых задний борт отсутствовал, что, по-видимому, облегчало перевозку таких громоздких предметов, как древесные стволы. Характер модели предусматривал изображение в передней части головы упряжного животного с отверстием, проделанным в его носу. Судя по наиболее выразительным образцам, этими животными были верблюд и лошадь (рис. 9, *6*, *7*).

---

[39] Там же, I, стр. 560, 561; II, табл. CXLIII, *47*, *49*, *51*. Алтыновским вещам наиболее близки опять-таки находки из верхних слоев.

[40] Например, ваза из нижних слоев поселения Тахирбай 3; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 73, 1959, стр. 27.

[41] B. B. Lal. A Picture Emerges — An Assessment of the Carbon-14 Datings of the Protohistorie Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent. Al, 18—19, 1963, стр. 212—214, 219.

[42] Г. Н. Лисицина. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. МИА, 1965, стр. 81. Из 106 образцов 43 принадлежали тополю и 57 карагачу. По углям из энеолитического поселения этого же района Илгынлы-Тепе Г. Н. Лисициной определено наличие карагача.

Особого развития достигли различные производства, ставшие в ряде случаев самостоятельными ремеслами. Такими в пору Намазга V стало гончарство, широко использующее круг, внедрение которого приходится на время Намазга IV. Обжигательные печи представляли собой достаточно сложные двухъярусные устройства [43]. Б. Н. Пяткин установил, что температура обжига керамики типа Намазга V достигала 1400°, что является достаточным и для производства фаянса.

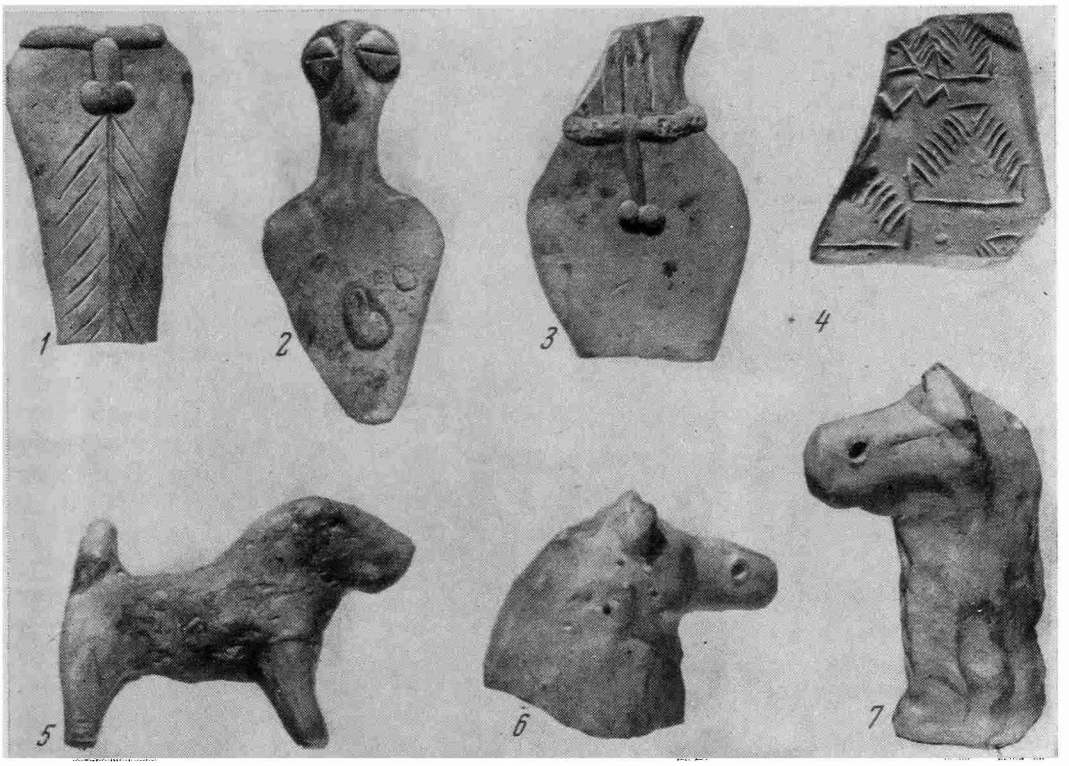


Рис. 9. Алтын-Тепе. Терракотовая скульптура

Значительных успехов достигла металлургия, широко применявшая мышьяковистую и свинцовую бронзу [44]. Три печати с Намазга-Тепе, подвергнутые анализу, имели содержание свинца в 7,9 и 10%, а мышьяка — 0,2; 1,5 и 0,1%. Из трех печатей Алтын-Тепе одна оказалась серебряной, а две другие содержали свинца 1,5 и 2%, а мышьяка — 1 и 0,2%. Кинжал, обнаруженный в погребении слоя Алтын 1, имел состав: медь — 97%, свинец 1%, мышьяк 1,5%.

Третьим направлением исследований является изучение религиозных представлений эпохи. Здесь так же, как и в области материального производства, ощущаются заметные перемены по сравнению с эпохой энеолита. Особенно четко эти изменения прослеживаются в мелкой скульптуре, представленной для времен Намазга V многими десятками образцов. Если для фигурок животных мы не наблюдаем существенных стилистических изменений по сравнению с энеолитической пластикой, то для человеческих изображений складывается новый — условно-плоскостной стиль, принципиально отличный от объемной скульптуры эпохи энеолита (рис. 10). Для

[43] В. И. Сарианиди. Керамическое производство..., стр. 335—339.

[44] Анализы сделал В. Н. Сидоров в Лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР.

женских фигурок время сложения этого стиля, видимо, приходится уже на пору позднего Намазга IV. Уплощенные фигурки женщин отличает манерный декоративизм, проявляющийся в детализованной обработке прически, головных уборов и украшений.

Наиболее распространены женские статуэтки с расставленными в стороны руками, узкой талией, широкими бедрами и загнутым вперед заост-

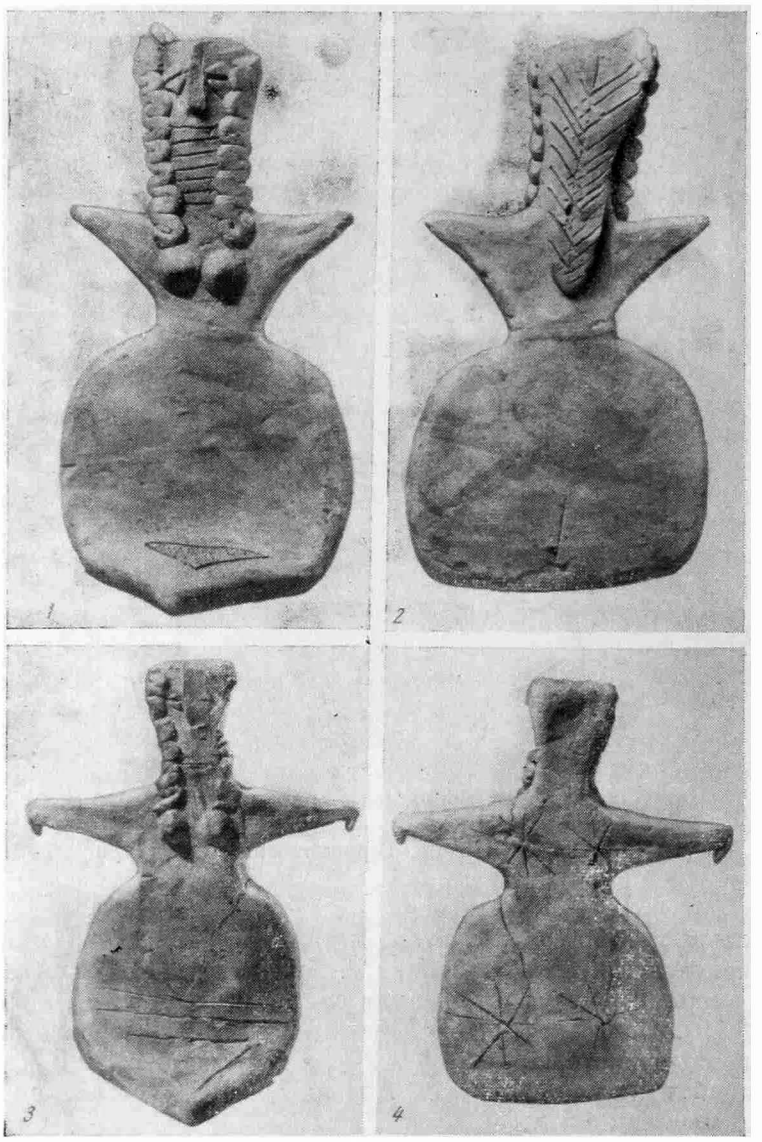


Рис. 10. Женские статуэтки из слоя Алтын 2

ренным основанием фигурки, указывающим на ее сидячее положение. Высокий головной убор (или сложная прическа) известен в нескольких вариантах, но иногда отсутствует. У отдельных экземпляров по бокам головки имеются сквозные отверстия. Лицо изображается схематически, нос в виде защипа, крупные ромбовидные глаза иногда с подчеркнутыми бровями. Обычно голова обрамлена двумя вьющимися косами, спускающимися на грудь и иногда напоминающими змей (рис. 11). Шея, как правило, украшена горизонтальными нарезными линиями, по-видимому, передающими нитки бус числом до семи. Нередко от нижней нитки спускаются прямые

или волнистые линии, скорее всего изображающие какие-то подвески. Значительный интерес представляют различные знаки, процарапанные на руках и иногда повторяющиеся на тыльной стороне фигурок. В нижней части живота помещен процарапанный треугольник, заполненный косыми штрихами или точками. Выше его нередко располагаются горизонтальные линии числом от двух до семи, вероятно передающие набедренные пояса. На некоторых статуэтках по середине туловища ниже груди идет рисунок елочки (рис. 12). Тыльная сторона статуэток лишена обычно каких-либо деталей помимо тяжелой косы, переданной елочкообразным рисунком на треугольном налепе, спускающемся до плеч. Реже встречаются мужские статуэтки, они переданы в той же плоскостной манере (рис. 9, *1—3*).

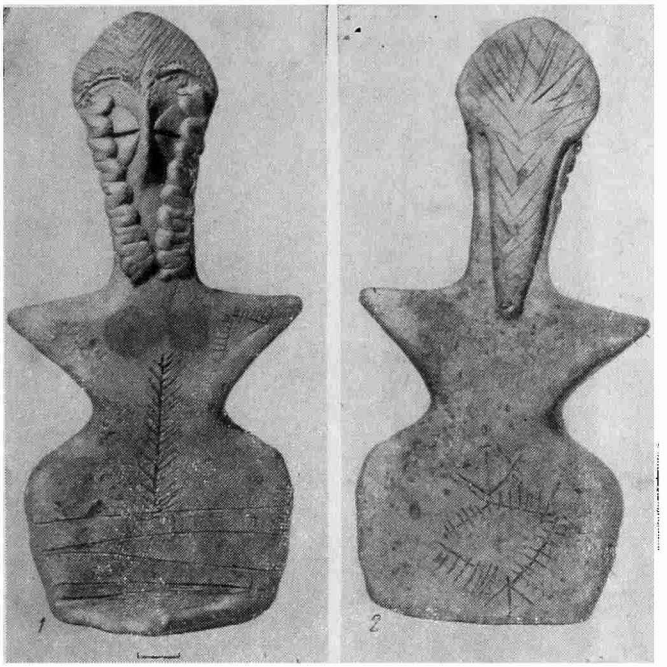


Рис. 11. Женская статуэтка из коллективного погребения раскопа 5

Наконец, третью группу составляют антропоморфные фигурки с расширяющимся книзу основанием, передающим, видимо, их стоящую позу. В редких случаях они имеют расставленные в стороны руки и налепы, передающие косы и, возможно, бороду.

Детальная классификация и специальное исследование мелкой пластики эпохи бронзы, несомненно, позволит сделать ряд существенных выводов и заключений. Отметим некоторые моменты возможной интерпретации. Широкое распространение статуэток заставляет видеть в них скорее всего домашних идолов. Возможно, именно семейный идол для группы лиц, погребенных в помещении 13 раскопа 5, был положен в эту коллективную усыпальницу. Как отмечает С. Н. Крамер, у шумеров имелся культ «личных богов», «своего рода ангелов-хранителей, имевшихся у каждого человека и у каждого главы семьи и как бы давшего ему жизнь» [45]. Духи домасемьи хорошо известны и по Авесте, а В. А. Лившиц убедительно связывает с ними терракоты античной Средней Азии [46]. Видимо, у оседлоземледельческих племен эта традиция восходит к глубокой древности [47].

Естественно в таком случае ожидать, что мелкая пластика отразит не весь существовавший некогда пантеон, а лишь образы особенно популярных и излюбленных божеств. Видимо, ими были в первую очередь женские божества, восходящие к культу богини-матери, хотя, надо полагать, и претерпевшие значительную дифференциацию. Материалы по истории переднеазиатских религий свидетельствуют о первоначальной главенствующей роли именно женского божества. Так, имя шумерской богини-матери Нин-

[45] С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 131.
[46] История таджикского народа. I, М., 1963, стр. 140, 141.
[47] В. М. Массон. О культе женского божества у анауских племен. КСИИМК, 73, 1959, стр. 19.

хурсаг-Нинмах, вошедшей в первую четверку богов шумерского пантеона, в некоторых списках ставилось впереди верховного бога Энки[48]. В Эламе ведущая роль богини-матери Пинкир-Кириринны вообще сохранялась очень долго[49]. Вместе с тем мы знаем о существовании в Шумере и Эламе десятков и сотен различных божеств, как мужских, так и женских, при значительном иконографическом однообразии. Вполне вероятно, что в рамках канона воспроизводились различные персонажи, отличаемые друг от друга

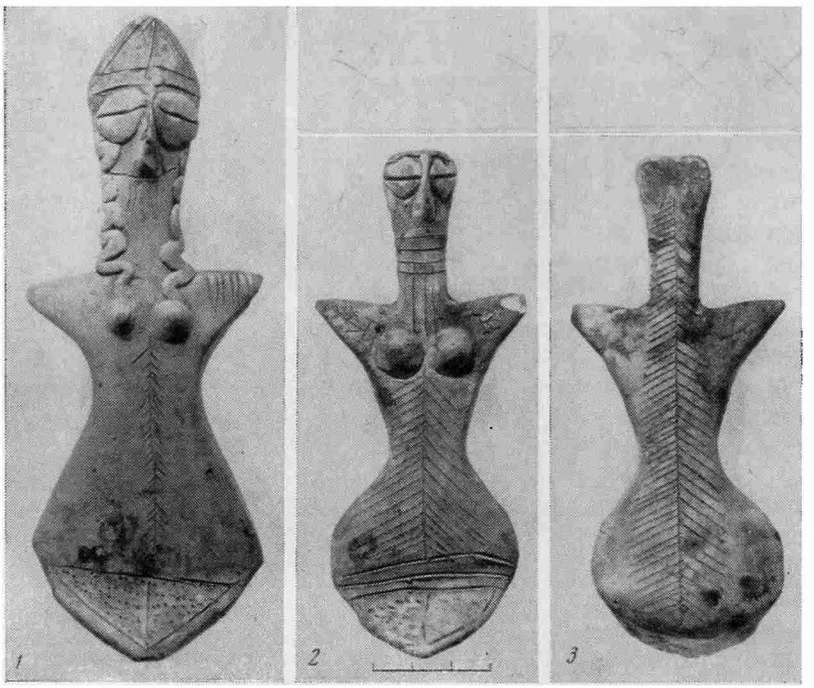


Рис. 12. Женские статуэтки из погребения № 60

мелкими деталями. В этой связи изучение различных символов, встречающихся на южнотуркменских статуэтках, представляет особый интерес. Отметим, что восьмилучевая звезда на рельефе луллубейского правителя Анубании является символом Инанны-Иштари[50].

В целом, южнотуркменистанские терракоты, изображающие женщин, носят весьма самобытный характер. Вместе с тем отдельные иконографические черты, например набедренные пояса и штрихованные треугольники в нижней части живота (в энеолите штриховка отсутствует), имеют аналоги в терракотах Ниппура конца III — начала II тысячелетия до н. э.[51]. Образ сидящего (а не стоящего, как в Месопотамии) женского божества для Южного Туркменистана традиционно местный.

Иначе, видимо, обстоит дело с мужскими фигурками, на харапские аналогии которым мы уже указывали выше. В Южном Туркменистане они появляются в пору позднего Намазга IV, причем их формы отличаются от плоских женских статуэток этого времени. Лишь в пору Намазга V этот образ перерабатывается в условно-плоскостном стиле. Вполне вероятно, что

[48] С. Н. Крамер. Ук. соч., стр. 121.

[49] W. Hinz. Persia circa 24000—1800 b. c. Cambridge, 1963, стр. 21—23.

[50] Там же, стр. 23.

[51] E. D. van Buren. Clay Figurines of Babylonia and Assyria. New Haven, 1930, стр. 5, 16, 26, 27; табл. I, *6*; V, *25*; VII, *36*, *38*; G. F. Dales. Necklaces. Bands and Belts on Mesopotamian. «Revue d'assyriologie», LVII, 1963, 1, стр. 25, рис. 7; стр. 37, рис. 33, 34; C. Ziegler. Die Terrakoten von Warka. Berlin, 1962, табл. 12, *196*. В первой работе использована устаревшая хронология.

перед нами пример древнеиндийских иконографических, а возможно и идеологических, влияний, связанный с распространением каких-либо органистических культов и церемоний.

Другой серией предметов, связанных с идеологическими представлениями, так же как и с определенным уровнем социальных отношений, являются бронзовые, серебряные, каменные и керамические печати. По форме печати могут быть разделены на четыре группы: крестовидные, овальные, квадратные и зооморфные. Примечательно, что многие печати, как и заполняющие их рисунки, генетически связаны с символикой росписи на энеолитической посуде (рис. 13). В отношении печатей крестовидной формы это справедливо было отмечено еще И. Н. Хлопиным[52]. Нередко крестовидная фигура помещается на овальных печатях. Между тем, фигура креста имела уже в пору энеолита магический смысл — символа оберега[53]. Особое смысловое значение придавали изображению на печатях пирамидок. В пору энеолита пирамида встречается в росписи как особый символ среди птиц[54], над фигурами барсов[55], рядом с изображением человека[56]. В одном случае фигура из четырех пирамидок композиционно (и, видимо, семантически) заменяет крест[57]. Такое сочетание известно и на одной печати эпохи бронзы, происходящей с Намазга-Тепе.

Рис. 13. Печати эпохи бронзы (*1—3, 7—8*) и мотивы росписи энеолитической керамики (*4—6, 10—12*)

В связи с особым смысловым значением фигур крестов, полукрестов и пирамидок большой интерес представляет группа керамических изделий, условно названная реликвариями. Судя по фрагментам, эти изделия представляли собой прямоугольные в плане коробочки, стенки которых были украшены разными (нередко сквозными) воспроизведениями названных фигур (рис. 14). Эти фигуры нередко были окрашены в черный и красный цвет. Судя по известным находкам, реликварии появляются в пору позднего Намазга IV и были довольно широко распространены в пору Намазга V, контрастируя вычурной орнаментацией с нерасписной керамикой этого времени. Возможно, соответствующие изделия имели какое-либо культовое назначение наподобие так называемых керамических «кадильниц» с прорезными отверстиями из позднеубейдского храма в Эреду[58].

Печати овальной формы нередко заполнены рядами солярных кругов — опять-таки характерным элементом росписи энеолитической посуды. Вмес-

---

[52] И. Н. Хлопин. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении. КСИА АН СССР, 91, 1962, стр. 18.

[53] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 356, 357.

[54] В. М. Массон. Кара-Тепе у Артыка. Тр. ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960, табл. XXII, *18*.

[55] В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тепе. СА, 1962, 3, стр. 169, рис. 9, *7*.

[56] Там же, стр. 170, рис. 10, *12*.

[57] Там же, стр. 168, рис. 7, *15*.

[58] B. L. Goff. Symbols of Prehistoric Mesopotamia. New Haven — London, 1963, рис. 237.

те с тем здесь имеются и новые мотивы: например, шестиконечная звезда, не характерная для южнотуркменистанской символики и, возможно, явившаяся результатом каких-либо сторонних воздействий. Сравнительно редкие квадратные печати имеют воспроизведение того же креста или солярного символа.

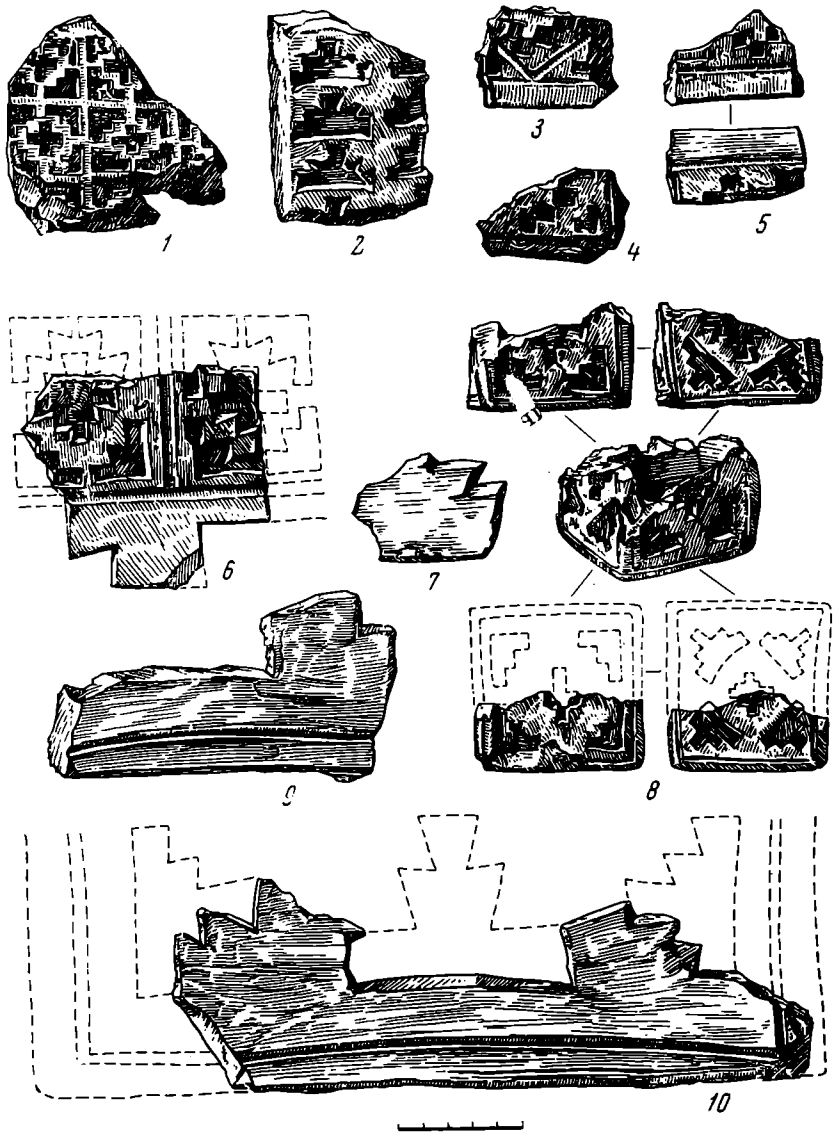


Рис. 14. Терракотовые реликварии с Намазга-Тепе (8) и Алтын-Тепе (*1, 3, 5, 6, 9, 10* — слой Алтын 2; *7* — слой Алтын 4; *2, 4* — подъемный материал)

Наконец, особый интерес представляют зооморфные печати. Всего их известно пять, причем две из них (с Алтын-Тепе и Шор-Тепе) изображают козла (рис. 13, *9*), одна — кошачье животное, возможно, барса (рис. 13, *8*), одна — трехголового зверя (рис. 15) и одна — предположительно быка, если только это животное не является в действительности одним из иконографических вариантов образа того же козла (рис. 13, *7*). Но именно барсы и особенно козлы — излюбленный мотив символики в энеолите, возможно связанной с элементами тотемизма [59].

[59] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 360—364.

Вместе с тем фигура трехглавого зверя дает совершенно новый синкретический образ, связанный с усложненными религиозными представлениями. Интересно отметить, что звери-трикефалы известны на харапских печатях [60], где найдены их две разновидности — с туловищем тура и носорога [61]. На одной печати из Мохенджо-Даро изображен трикефал, у которого, как

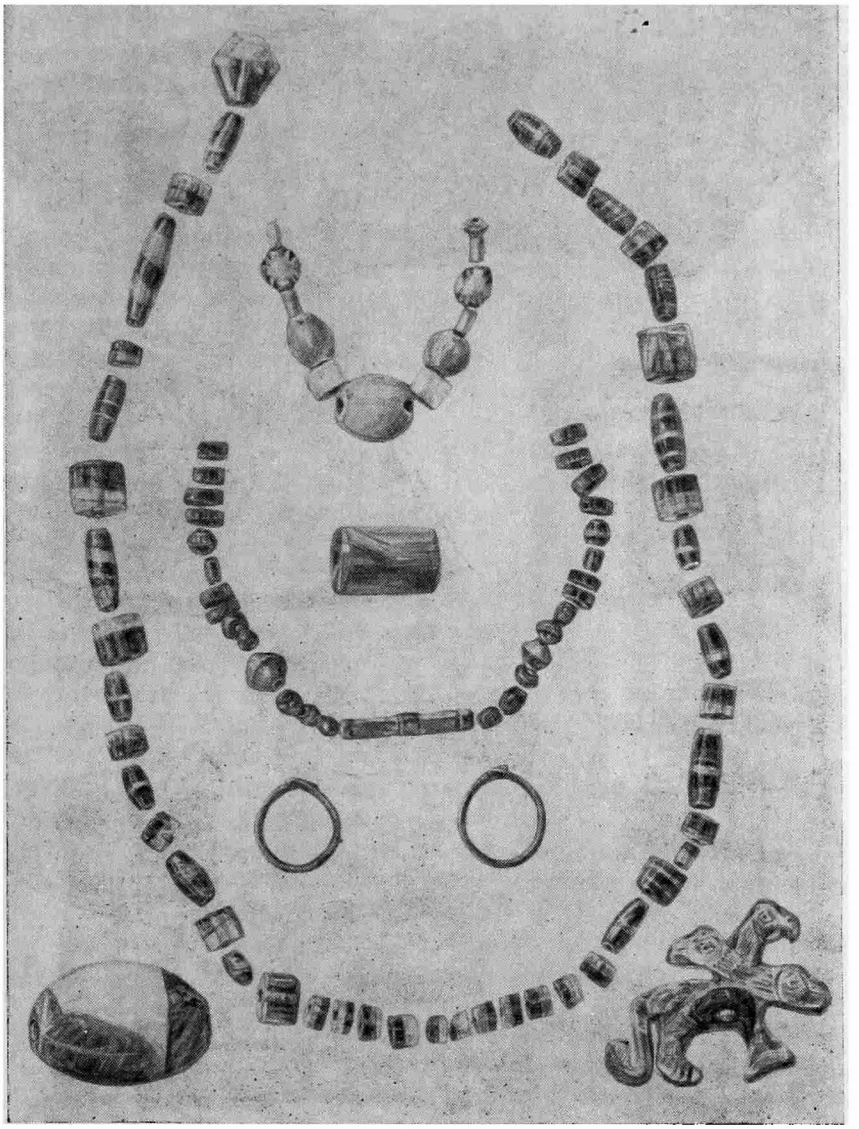


Рис. 15. Алтын-Тепе. Бусы, золотые кольца и печать из погребения № 60

и на алтыновской печати, две головы одинаковы — это козлы, в то время как основная голова — тура [62]. Возможно, трикефалия также принадлежит к числу индийских воздействий на культуру Южного Туркменистана с естественной заменой чужеземных зверей образами, популярными в местной среде.

[60] Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 75.

[61] В. Я. Волчек. Изображения на объектах с протоиндийскими надписями. В кн. «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов». М., 1965, стр. 56.

[62] J. Marshall and oth. Mohehdjo-Daro..., III, табл. CXII, *382*.

Перегородчатые зооморфные печати Южного Туркменистана, при известном элементе условности, представляют художественные явления довольно жизненного стиля, отличного как от манеры орнаментации энеолитической расписной керамики, так и от условно-плоскостного стиля терракот эпохи бронзы. В некоторых отношениях они как бы предвосхищают так

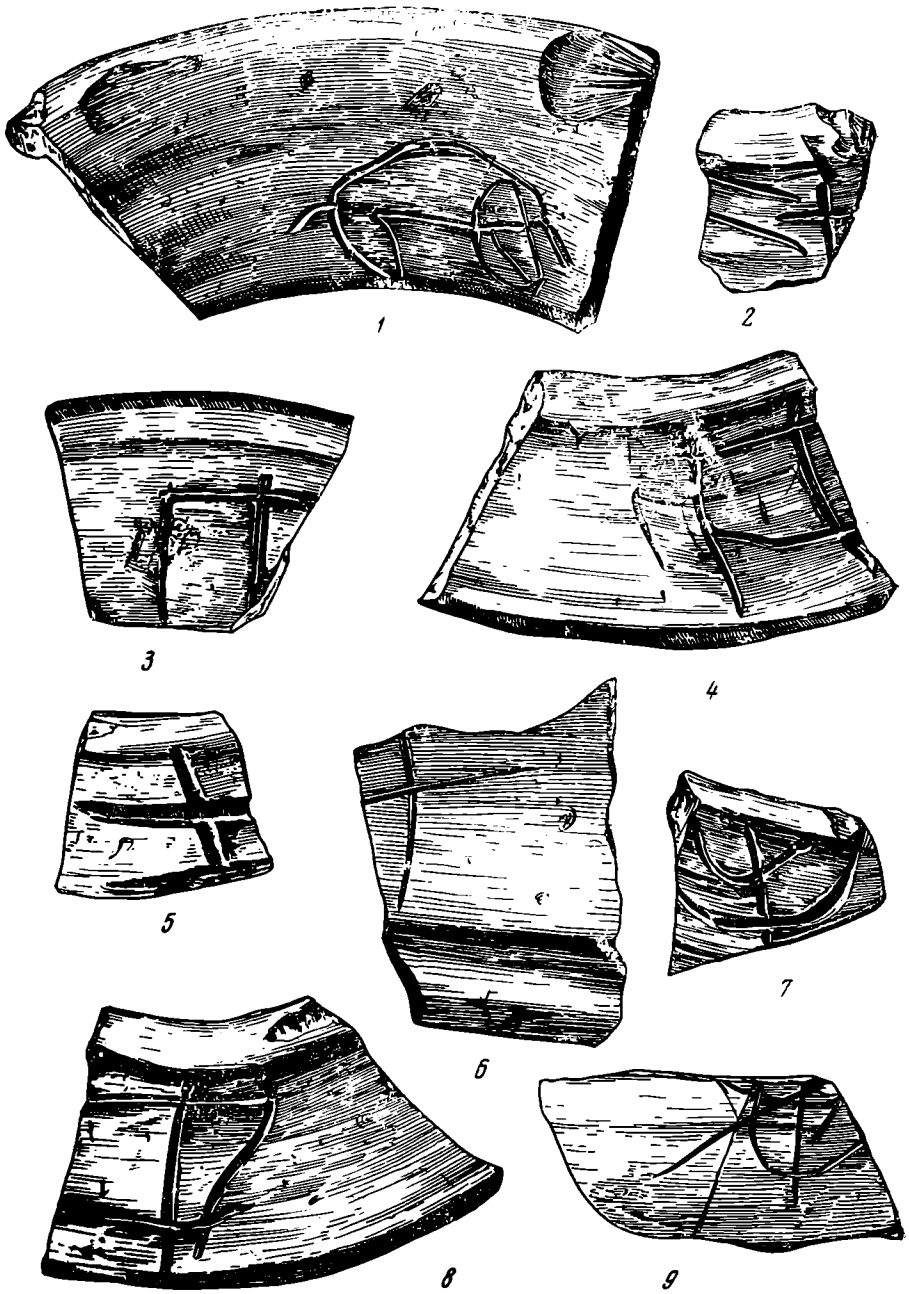


Рис. 16. Алтын-Тепе. Знаки и изображения на керамике

называемый звериный стиль скифо-сакского круга. Во всяком случае, после этих находок можно предположить, что оседлые поселения Южного Туркменистана были одной из областей, где шло формирование глубинных традиций, явившихся одним из компонентов этого художественного явления.

Семантическая связь печатей с более ранней магической символикой достаточно характерна. В. К. Афанасьева справедливо отмечает, что и ранне-

шумерская глиптика тесно связана с магией и с магическим отношением к следу и что в этом «заложена тенденция к развитию печати как знака собственности — от охраны собственности при помощи магии к ее (собственности) юридической охране» [63]. К сожалению, пока трудно конкретно судить о значении южнотуркменистанских печатей как знаков собственности. Подробно глиптике ранней Месопотамии, сюжеты печати здесь мало отличаются друг от друга. Часто печати различаются почти незаметными деталями. В коллективном погребении, насчитывающем 14 человек (раскоп 5, помещение 13), печати имеются только у двух погребенных, что позволяет высказать предположение о принадлежности печатей лишь определенной категории лиц (главе семейства, старейшины погребенного здесь коллектива?). Пока известен лишь один оттиск крестообразной печати, нанесенный на овальный глиняный кружок с отверстием и подвергнутый затем обжигу. Печати могли употребляться при опечатывании различных групп вещей, находившихся в общинной или семейной собственности. В качестве этнографической параллели укажем на деревянную печатку для клеймения урожая из Афганистана, где, кстати, в овале помещена шестилучевая розетка [64].

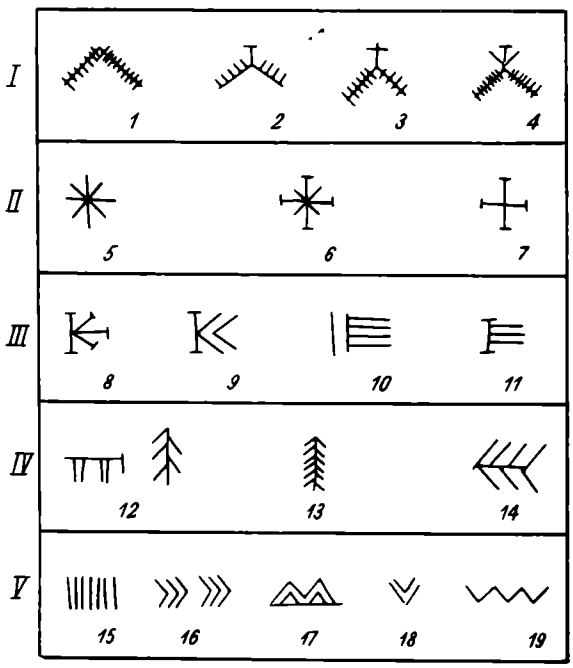


Рис. 17. Алтын-Тепе и Хапуз-Тепе. Знаки на женских терракотовых статуэтках

Четвертая весьма заманчивая, хотя и очень сложная, проблема — о возникновении пиктографической письменности — встала уже в ходе работ на Алтын-Тепе.

Вначале мы имели довольно ограниченный материал — знаки на черенках [65]. Потом было получено значительное количество знаков на статуэтках.

Знаки сделаны на глине до обжига, главным образом на подставках (рис. 16). Наиболее обычен знак в виде креста, иногда с дополнительными элементами, но имеются и более сложные метки, в том числе изображение животного. Всего по материалам Алтын-Тепе насчитывается восемь разновидностей знаков. Традиция знаков на подставках сохраняется в пору Намазга VI. На Намазга-Тепе в соответствующих слоях известны изображения креста, свастики и трехпалой лапы, а на одном из мургабских поселений — козла. Наличие на сосудах различных знаков — явление, хорошо известное для первобытной археологии Древнего Востока. Так, на кветтских поселениях, в основном одновременных Хараппе, насчитывается до 60 различных знаков, процарапанных на сосудах, и для ряда из них В. Ферсервис приводит вполне убедительные параллели в иероглифе харапписких печатей [66].

[63] В. К. Афанасьев. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 7, 8.

[64] Н. И. Вавилов, Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. В кн.: Н. И. Вавилов. Избранные труды. I, М.—Л., 1959, стр. 188, рис. 89.

[65] В. М. Массон. Раскопки на Алтын-Тепе, стр. 69.

[66] W. A. Fairservis. Excavations in the Quetta Valley. New York, 1956, стр. 328, 329.

Не меньшее сходство между знаками, нарисованными на сосудах со знаменитого яншаоского поселения Бань-По, и иньскими иероглифами [67]. В большинстве случаев исследователи склонны рассматривать эти знаки как метки мастеров-керамистов. Для южнотуркменистанских материалов показательно нанесение знаков преимущественно на один вид керамики и преобладание фигуры креста, что может указывать на его значение как оберега.

Значительно большее разнообразие имеют знаки на статуэтках, которые можно разделить на пять групп (рис. 17). К первой группе относятся треугольники с ресничками, иногда имеющие навершие в виде креста или иной фигуры (№ 1—4). Знаки эти располагаются спереди на руках и на спине в нижней части туловища, где в одном случае помещен удвоенный знак. Во вторую группу можно объединить знак креста с поперечными черточками на концах (№ 7) и знак восьмилучевой звезды (№ 5), связанный с ним через промежуточную разновидность (№ 6). В третью группу включены знаки, в состав которых входит вертикальная черточка обычно с поперечинами снизу и сверху (№ 8—11). С меньшей уверенностью можно говорить о двух других группах. Так, в четвертую группу объединены знаки с вертикальным или горизонтальным изображением дерева (№ 12—14). В двух случаях такой знак нанесен спереди на руке женских статуэток (№ 14). Удвоенный знак № 13 помещен на животе мужской фигурки, а дерево с козлом (?) изображено в нижней части тулова на женской статуэтке. Знаки пятой группы (№ 15—19) можно было бы считать элементами орнаментации, если бы не их расположение на руках в местах, обычных для знаков 1—3 групп. Правда, знак № 16, возможно, всего лишь разновидность знака № 14.

Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с магическими и культовыми знаками, связанными с культовым характером терракот. Изображения животных на бедрах женских статуэток известны еще для поры энеолита [68]. Важно отметить значительное разнообразие знаков и наличие в их основе какой-то неясной нам системы. Может быть, не случайно знак № 8 встречен на статуэтках из Алтын-Тепе и на отдаленном от него почти на 100 *км* Хапуз-Тепе. Вполне вероятно, что отдельные знаки или группы знаков олицетворяли конкретные божества. Выше уже отмечалось, что восьмилучевая звезда на рельефе Аннубанини является символом Инанны-Иштари. Этот знак известен и в шумерской пиктографии, где означал AN — «божество, небо», перейдя с этим же значением в клинопись [69].

По внешнему виду алтыновские знаки ближе стоят к шумерской и протоэламской пиктографии, чем к харапским надписям. Так, наша первая группа имеет некоторые аналогии в Эламе (где этот знак имеет реснички с трех сторон) [70]. Там же встречаются восьмилучевая звезда [71] и крест с ограниченными концами [72]. Некоторые параллели для знаков № 10 и 11 можно найти в Эламе [73] и особенно в Шумере [74]. В обеих странах в пиктографии широко распространен и мотив дерева, встречающийся в самых различных сочетаниях [75]. Разумеется, подобные сопоставления не свидетельствуют о необходимости «читать» знаки на алтыновских статуэтках, исходя из системы древнешумерской или протоэламской письменности, хотя

---

[67] The Neolithic Village of Pan Po, Sian, Peking, 1963, стр. 196—198, 317, 318; табл. CLXIX—CLXXI.

[68] В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 363, рис. 69.

[69] A. Falkenstein. Archaische Texte aus Uruk. Leipzig, 1936, 192.

[70] R. de Mecquenam. Epigraphie proto-élamite. Mémoires de la Mission archéologique en Iran, XXXI, Paris, 1949, табл. XXX, *1841—1869*. Однако ср. табл. XXXI, *1896*.

[71] Там же, табл. XVI, *399—402*.

[72] Там же, табл. XVIII, *592*, *594*.

[73] Там же, табл. XXIX, *1725*.

[74] A. Falkenstein. Ук. соч, 322*a*; 3226.

[75] Там же, 111, 143, 288 и многие другие; R. de Mecquenem. Ук. соч., табл. XIII, *127*, *134*.

последняя не находилась в столь значительном разрыве во времени с нашими памятниками [76].

Знаки на керамике и культовые символы на терракотах образуют близкие к пиктографии группы знаков и изображений [77], повлиявшие в конечном итоге на сложение пиктографической системы письма, хотя сами еще не являются письмом в собственном смысле. Видимо, в Южном Туркменистане в пору развитой бронзы (Намазга V) шел процесс сложения письменности, но о степени его развития трудно судить до новых находок. В этом отношении особый интерес представляет обломок терракотовой плитки (явно не статуэтки и не реликвария), найденной на «холме стены» Алтын-Тепе (рис. 9, *4*). Среди знаков, нанесенных на эту плитку до ее обжига, можно различить изображения четырех пирамидок (эволюционирующих в знаки № 1—4?) и два других знака (один из них близок к № 19). Было бы соблазнительно видеть в этом обломке часть какой-то пиктографической записи, но лучше подождать до обнаружения более выразительных образцов.

Пятая проблема — об уровне общественного развития, достигнутого южнотуркменистанскими общинами в пору развитой бронзы, принадлежит к таким, разрешить которую на одном археологическом материале чрезвычайно трудно. Необходимы весьма широкие раскопочные работы и массовый материал для сколько-нибудь обоснованных выводов, а в настоящее время его недостаточно.

Сравнительно высокий уровень производительных сил позволяет допустить весьма развитую имущественную дифференциацию. Если сопоставлять инвентарь погребальной камеры в раскопе 5 с захоронениями на окраине «холма ремесленников», лишенными вещей, то можно говорить о некоторой «зажиточности» обитателей «холма стены». Состав этого погребения, по-видимому, характеризует основную ячейку алтыновского общества — семейную общину. Однако в целом захоронения в камерах представляют собой довольно рядовые погребения: их инвентарь не намного богаче, чем это было в аналогичной камере времени Намазга III, открытой на Кара-Тепе. Относительно более богатым выглядит «погребение жрицы» с ее золотыми кольцами и эффективными бусами (рис. 15), напоминающими описание одеяния шумерской Инанны [78]. Богатые погребения вождей, подобные открытым в Гиссаре, нам еще не встретились. Накопление имущества, хотя и в сравнительно скромных масштабах, видно по таким находкам, как клад металлических вещей в Намазга-Тепе и два клада в Алтын-Тепе.

Весьма существенным является вопрос о социальном характере тех крупных поселений, какими являлись в древности Алтын-Тепе и Намазга-Тепе. Будучи местом сосредоточения ремесла и, видимо, торговли, они выполняли одну из функций, свойственных городским поселениям. При этом не следует забывать, что города Древнего Востока были также (если не в первую очередь) центрами сельскохозяйственной округи и их население в значительной мере составляли земледельцы. Правда, ни на Алтын-Тепе, ни на Намазга-Тепе мы пока не находим развитой системы фортификационных сооружений со сложными предвратными постройками и системой оборонительных башен, что, на наш взгляд, следует считать одним из признаков города. Отсутствуют здесь цитадели, неизвестны и памятники монументальной архитектуры, хотя последнее, возможно, связано лишь с ограниченным размером раскопанных площадей. Поэтому нужно более осторожно говорить о развитии в Южном Туркменистане в пору Намазга V протогородской ци-

[76] Эламская иероглифика доживает до конца III — начала II тысячелетия до н. э., когда ее окончательно вытесняет клинопись. И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 99. Как известно, еще в начале III тысячелетия до н. э. протоэламские таблички проникали в центральный Иран (Сиалк IV).

[77] В. А. Истрин. Развитие письма М., 1961, стр. 50.

[78] С. Н. Крамер. История начинается в Шумере, стр. 185: «Бусы из мелкого лазурита она привязала к шее. Двойные камни «нунуз» она прикрепила на груди. Золотое кольцо она зажала в руке...».

вилизации, напоминающей по своему уровню урукский период Месопотамии. Для своего времени это была, бесспорно, наиболее развитая оседлая культура на территории СССР, близкая по характеру к городам Древнего Востока, как это справедливо отметил А. В. Арциховский.

В литературе высказывались мнения о наличии в Южном Туркменистане в эпоху бронзы уже сложившегося классового общества [79]; что вызвало возражения, в том числе и автора настоящей статьи [80]. Нам по-прежнему представляется, что можно говорить лишь о тенденции развития классового общества, а не о завершении самого процесса. Тем более, что в археологии критерии определения грани между первобытным и раннеклассовым обществом еще не вполне ясны. Так, большинство советских специалистов по истории Древнего Востока в качестве начальной даты классового общества на юге Двуречья называют 3000 г. до н. э. [81] При этом за рамками этого общества остается (с нашей точки зрения, напрасно) время раннего Джемдет-Насра (XXXII—XXXI вв. до н. э.) и позднего Урука (XXXIV—XXXIII вв. до н. э.) с их храмовым хозяйством, использующим сложную систему учета и развитый административный персонал, что отражено в письменных документах. Нам совершенно ясно, что материалы времени Намазга V освещают важнейший в истории человечества период становления первой классовой формации, что лишний раз подчеркивает теоретическую важность изучения памятников эпохи бронзы Южного Туркменистана.

Наконец, шестая проблема, возникающая в связи с изучением памятников эпохи бронзы в Южном Туркменистане — их место в истории Древнего Востока и прилегающих стран. Алтын-Тепе и Намазга-Тепе входили в систему северной периферии древневосточных государств, протянувшейся от Южного Афганистана до Западного Ирана включительно. Вся эта проблема имеет ряд аспектов — политических и экономических взаимоотношений, культурных связей и влияний, этногенетических процессов и явлений, общности исторических судеб отдельных областей и движущих причин подобных явлений. Ставить и разрешать соответствующие вопросы следует не в скоропалительном порядке общих формулировок, а по мере накопления конкретного фактического материала.

В настоящее время материал появился по вопросу о связях и контактах, движущим механизмом которых была, скорее всего, торговля. В этом отношении особое значение имеет первый клад, найденный на Алтын-Тепе А. Ф. Ганялиным. В его состав, помимо глиняных сосудов местного изготовления, входит темно-серый графин, привезенный из Северо-Восточного Ирана, и изделия из слоновой кости индийского происхождения. Особый интерес представляют упоминавшиеся выше три палочки из слоновой кости, идентичные аналогичным предметам, обнаруженным при раскопках Мохенджо-Даро. Как отметил У. Норман Браун, в санскритских текстах, восходящих к IV в., описываются аналогичные палочки, употреблявшиеся, однако, не для игры, а для гадания. В тексте Пашака-кевали приводятся подробные толкования различных комбинаций при выбрасывании трех палочек, имеющих на сторонах кружковые изображения для 1, 2, 3, и 4[82]. На палочках Алтын-Тепе и Мохенджо-Даро значение «четыре» еще отсутствует. Видимо, предприимчивый обитатель Алтын-Тепе, замуровавший в сте-

[79] А. В. Арциховский. Рец.: С. П. Толстов. Древний Хорезм. «Советская книга», 1949, 3, стр. 75, 76; А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Тр. ИИАЭ, II, 1956, стр. 8, 9; А. В. Виноградов, М. А. Итина. Рец.: Тр. ЮТАКЭ, VII. СЭ, 1959, 1, стр.162—164.

[80] Б. А. Куфтин. Полевой отчет..., стр. 286; В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы, стр. 123—125; И. М. Дьяконов. Рец.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. ВДИ, 1960, 3, стр. 200.

[81] В. В. Струве. Древнейшие государства в Двуречье. Всемирная история. I, М., 1956, стр. 196; И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959, стр. 166.

[82] W. Norman Brown. The Indian Games of Pachisi, Chaupar and Chausar. «Expedition», 6, 1964, 3, стр. 34.

не этот клад и возможно, сам бывший торговцем, овладел искусством гадания, распространенном в городах долины Инда, равно как и игрой, для которой он приберег индийские же фишки из слоновой кости. С меньшей уверенностью можно судить об импортных вещах в составе второго клада. Возможно, к их числу принадлежит фаянсовый сосудик и фаянсовая печать овальной формы с волнистыми линиями. Печати такого вида не характерны для глиптики Алтын-Тепе и Намазга-Тепе, представленной уже несколькими десятками образцов. Если оба предмета являются привозными, то они имеют скорее всего не индийское, а какое-то западное происхождение.

Наличие вещей бесспорно хараппского происхождения имеет большое значение для понимания многочисленных аналогий между южнотуркменистанской культурой и городской цивилизацией долины Инда. Хараппские воздействия, наблюдаемые в керамике и металлургии (последнее отметила еще Е. Е. Кузьмина) [83], можно объяснять прямым подражанием древнеиндийским образцам, достигавшим далекой окраины тогдашнего культурного мира в результате торговли и обмена. Видимо, по этим же торговым путям шло интенсивное культурное влияние со стороны нового мощного очага городской цивилизации, каким стала в 2400—1800 гг. до н. э. долина Инда. Возможно, удастся проследить и встречные связи в хараппской культуре [84].

В последние годы был получен значительный материал, характеризующий юго-западное, преимущественно морское, направление хараппской торговли. Выделение группы печатей, стилистически и территориально занимающих промежуточное положение между месопотамской и хараппской глиптикой (так называемые «печати Персидского залива») [85], открытие хараппского порта на Катхиаварском полуострове [86] и обнаружение в этом порту печати названной выше группы [87], повторное обследование хараппской военно-торговой фактории в Мекране [88] — все это с новой силой поставило вопрос о месопотамо-индийских связях, стимулировало поиски упоминаний хараппской цивилизации в шумерских источниках [89]. Хараппские параллели, в свою очередь прослеживаемые на южнотуркменистанских материалах, заставляют обратить особое внимание также на северо-западное направление торговых связей цивилизации долины Инда. Вероятно, именно этой северной торговле хараппских городов обязан своим подъемом южноафганистанский Мундигак, правитель которого имел возможность контролировать поток меди и лазурита, идущий в города долины Инда. Хараппское направление культурных и торговых связей южнотуркменистанских общин эпохи бронзы особенно показательно, поскольку в пору энеолита доминирующее значение имели шумеро-эламские связи. Видимо, решающую роль сыграло само сложение городской цивилизации Хараппы, достигшей к концу III тысячелетия до н. э. расцвета и ставшей мощным центром торговых связей и культурных влияний. Проникновению хараппских изделий на южнотуркменистанский рынок могло способствовать и вторжение в XXIII в. до н. э. в Месопотамию гутиев, в сильной

---

[83] Е. Е. Кузьмина. Развитие производства..., стр. 10.

[84] Например, печати с крестовидным рисунком. И. Н. Хлопин. Изображение креста..., стр. 20.

[85] G. Bibby. The «Ancient Indian Style» Seals from Bahrein. «Antiquity», XXII, 1958, 128, стр. 243—246. Отмечена находка таких печатей с месопотамской табличкой, датированной приблизительно 1923 г. до н. э. E. Porada. The relative C Chronology of Mesopotamia. I. Seals and Trade. В кн.: «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago — London, 1965, стр. 171.

[86] S. R. Rao. Shipping and Maritime Trade of the Indus People. «Expedition», 7, 1965, 3, стр. 30—37.

[87] S. R. Rao. A «Persian Gulf» Seal from Lothal. «Antiquity», XXXVI, 1963, 146, стр. 96—99.

[88] G. F. Dales. Harappan Outposts on the Makran Coast. «Antiquty», XXXV, 1962, 142, стр. 86—92.

[89] S. N. Kramer. Dilmun: Quest for Paradise. «Antiquity», XXXVI, стр. 111—115.

мере отразившееся на упадке городов [90] и, надо полагать, нарушившее иноземные торговые связи, особенно восточного направления. Как полагают некоторые исследователи, вторжение гутиев тяжело отразилось и на Эламе [91]

Большой исторический интерес представляет вопрос об упадке крупных протогородских центров Южного Туркменистана, хронологически близком времени запустения городов долины Инда. Пока можно лишь отметить, что это запустение носило постепенный характер. Так, на Алтын-Тепе сравнительно рано был заброшен «холм стены» и дольше всего продолжалось функционирование традиционного центра керамического производства на «холме ремесленников». Работы И. Н. Хлопина на «вышке» Намазга-Тепе открывают возможности для развернутой характеристики «упадочной культуры» поры поздней бронзы (Намазга VI). Примечательно, что при упадке крупных центров в эту пору сохраняются традиции высокоразвитого ремесла («квартал с горнами» на «вышке») и по-прежнему употребляются знаки на керамических подставках, хотя эти знаки становятся менее разнообразными. Дальнейшие полевые исследования должны дать новый материал для характеристики зарождения, подъема и упадка протогородской цивилизации, некогда процветавшей на юго-западе Средней Азии.

---

[90] И. М. Дьяконов. Общественный и государственный строй..., стр. 239, 240.
[91] W. Hinz. Persia..., стр. 12.

Г. В. ГРОШЕВОЙ, Л. Л. ГАЛКИН, М. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА МАГНИТОМЕТРОМ НАПРАВЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Геофизика пришла на помощь археологии сравнительно недавно. М. Д. Эйткин и Д. С. Белше первыми применили геофизические методы для целей археологии в начале 1950-х годов [1]. В Англии магнитной разведкой в археологии, кроме М. Д. Эйткина, занимается Д. К. Элдрид [2]. В Италии работы в этой области возглавляет К. М. Леричи (Политехнический институт в Милане). Большую известность получили его успехи в исследовании этрусских могильников и поселений в Фабиано, Червитери, Тарквинии и Вульчи [3]. Среди сотрудников К. М. Леричи, занимающихся теорией и практикой магнитной археологической разведки, следует назвать Р. Е. Линингтона [4]. Методами геофизической разведки в археологии, в частности проблемами магнитной разведки и электроразведки, занимаются исследователи в Польше, Франции, США и ФРГ [5]. В Болгарии также проявляют интерес к этим методам [6].

В Советском Союзе первыми в 1963 г. в этом направлении начали работать Г. С. Франтов и С. И. Руденко. В 1963 г. при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР была организована группа геофизической разведки, которую возглавил К. К. Шилик. Он провел большую организационную и исследовательскую работу и достиг значительных успехов [7].

Из опыта, накопленного к настоящему времени, советские исследователи, а также их зарубежные коллеги сделали вывод, что перенесение в археологию геофизических методов, без соответствующего изменения конструкций приборов и методов их применения, дают, как правило, недостаточно эффективные результаты и, более того, наблюдаются серьезные ошибки, которые приводят иногда к незаслуженной дискредитации мето-

[1] М. Д. Эйткин. Физика и археология. М., 1963.

[2] M. J. Aitken, J. C. Alldred. Asimulator Trainer for Magnetic Prospection. «Archaeometry», 7, 1964; J. C. Alldred. A Fluxgete Gradiometer for Archaeological Surveying. Там же.

[3] C. M. Lerici. Ed. A Great Adventure of Italian Archaeology. Milano, 1965.

[4] R. E. Linington. The Use of Simplified Anomalies in Magnetic Surveying. «Archaeometry», 7, 1964.

[5] К. Домбровский, В. Стопиньский, Е. Ступницкая. Исследование археологических памятников методом определения величины электросопротивляемости грунта. СА, 1962, 3; E. K. Ralph. Comparision of a Proton and a Rubidium Magnetometer for Archaeological Prospecting. «Archaeometry», 7, 1964; A. Hesse. Prospections géophysiques a faible profondeur applications à l'archéologie. Paris, 1966; J. Scollar. A Contribution to Magnetic Prospecting in Archaeology. Сб. «Archaeo-Physika». Köln, 1965.

[6] Р. Радков. Възможности за прилагане на геофизичните методи в археологията. «Археология», 2, София, 1966.

[7] Г. С. Франтов, А. А. Пинкевич. Геофизика в археологии. Л., 1967; К. К. Шилик. Опыт применения метода электропрофилирования при археологических работах. КСИА АН СССР, 118, 1966; его же. Опыт применения магниторазведки на древнерусском городище. КСИА АН СССР, 103, 1965; его же. Опыт применения электропрофилирования при археологических работах. КСИА АН СССР, 103, 1965.

дов. Сказанным следует объяснить настойчивые поиски конструкций аппаратуры, удовлетворяющей требованиям археологической разведки. Для археологического поиска, как известно, требуется предельно точная локализация погребенного памятника, определение его габаритов до вскрытия, большая производительность прибора, простота и надежность его эксплуатации. За рубежом эти поиски привели к созданию ряда приборов, основанных на явлении прецессии протонов.

В 1965 г. в Советском Союзе авторами был создан и опробован в полевых условиях магнитометр направленного действия (градиентометр МНД). Этот прибор создан на базе градиентометра, много лет существовавшего в Советском Союзе и использовавшегося в далекой от археологии области. Из таблицы видно, что градиентометр МНД, в отличие от зарубежных образцов, имеет другие характеристики. Наряду с высокой чувствительностью и высокой производительностью, возможностью автоматической записи и привязки показаний к месту, прибор обладает небольшим весом (6 *кг*), очень прост в устройстве и эксплуатации, недорог в изготовлении. Прибор обслуживается одним человеком. Источники питания меняются один раз в полгода. В то же время лучшие зарубежные приборы очень дороги, сравнительно тяжелые, требуют частой замены источников питания, обслуживают их от двух до четырех человек. Прибор МНД может работать там, где протонные магнитометры не могут работать из-за помех. Прибор МНД доступен для пользования любому археологу, не являющемуся специалистом в области магнитной разведки.

Авторы считают что необходимо разработать комплекс приборов для магнитной разведки. Первым прибором из такого комплекса служит МНД. Описанию его устройства и использованию в полевых условиях и посвящается настоящая статья. В Институте археологии АН СССР уже разработаны два образца магнитометров МНД-1 и МНД-2, имеющих некоторые различия между собой. Оба прибора работают на принципе измерения двух магнитных потоков в состоянии движения. На поверхности археологических памятников в ряде случаев возникают весьма малые аномалии земного магнитного поля. Аномалии создаются либо различием в химическом составе почвы и памятника, либо структурой, либо той и другой причинами вместе. Аномалии на контактах почвы и памятника часто имеют резкую границу изменения магнитных свойств. Поэтому в конструкции прибора имеется устройство для исключения постоянной величины земного магнитного поля и его суточных вариаций. Для тех же целей частотной характеристике приемника придан соответствующий вид. Вредные помехи от электросетей снимаются при помощи фильтров. Разделение полезных сигналов от аномалий геологического происхождения также производится в приемном устройстве. Установлено, что определенные виды памятников дают на поверхности аномалии определенной формы. Наличие автоматической записи позволяет в принципе их выделять. Поэтому по мере накопления статистических данных можно будет определять, над каким типом памятника прошел прибор во время записи.

Весь прибор смонтирован на раме, которая состоит из трех частей; по ее концам расположены антенны. В средней части расположены приемное и записывающее устройства, а также отметчик пикетов. Приемно-усилительное устройство выполнено на транзисторах, что позволило уменьшить габариты прибора и его стоимость. В устройстве, служащем для усиления сигналов и их фильтрации, использован балансный усилитель повышенной стабильности и помехоустойчивости. Усилитель благодаря балансной схеме и другим приемам, устойчив к синфазным помехам, вызываемым как промышленными, так и естественными электромагнитными полями. Рациональным заземлением удалось снять также и электростатические помехи. Оба плеча балансной схемы состоят из двух усилителей постоянного тока (УПТ), соединенных последовательно. Транзисторы первого

Технические характеристики магнитометров, применяемых в археологии

№№ пп	Страна	Название и тип прибора	Принцип устройства. Чувствительность	Производительность	Вес. обслуживание	Регистрация сигналов	Помехи
1	Англия	Протонный магнитометр (Оксфордский университет)	Прецессия протонов. ±1γ	Измерение по точкам	Не менее двух чел. 10 *кг*	Считка показаний приборов на планшеты	Железные дороги, газопроводы, трубопроводы, высоковольтные линии, магнитные бури и другие магнитные возмущения
2	Англия	Блипер. Дифференциальный протонный магнитометр	Прецессия протонов.	То же	Не менее двух чел.	—	—
3	Англия	Блипер. Дифференциальный протонный магнитометр	Прецессия протонов.	—	Не менее трех чел.	—	—
4	США	Протонный магнитометр	Прецессия протонов. ±1γ	Измерение по точкам	Не менее двух чел. 11,6 *кг*	Рекордерная запись на ленту	Те же, что и № 1
5	США	Рубидиевый магнитометр	± 0,01γ	То же	То же 29,6 *кг*	То же	Те же, что и № 1
6	США	4938 Рубидиевый магнитометр	±0,01γ	То же	То же 32,8 *кг*	То же	Те же, что и № 1
7	Франция	Протонный дифференциальный магнитометр	Прецессия протонов. 1 γ	То же	Не менее двух чел.	—	—
8	Италия	Протонный магнитометр тип 592/131—75 (лаборатория археологии и истории искусств Оксфордского университета)	Прецессия протонов. ±1γ	То же	Не менее двух чел.	Считка показаний на планшет	Те же, что и № 1
9	Польша	Тот же, что и в Италии	То же	То же	То же	То же	Те же, что и № 1
10	СССР	Магнитометр типа М-17	Феррозондовый. ±10γ	Измерение по точкам	Не менее двух чел.	Считка показаний на планшет	Те же, что и № 1
11	СССР	Протонный магнитометр	Прецессия протонов. ±2γ	—	Не менее двух чел. 8 *кг*	То же	Те же, что и № 1
12	СССР	Магнитометр для археол. разведки тип МНД-2	Электромагнитная индукция. ±0,8γ	Непрерывное измерение в движении	1 чел. 6 *кг*	Автоматическая запись на пленку с привязкой к местности	Помехи практически сняты
13	ФРГ	ЕВМ марка 2. Дифференциальный протонный магнитометр (Рейнский музей, Бонн)	Прецессия протонов. ±1γ	Измерение по точкам	2 чел.	—	Те же, что и № 1

усилителя каждого плеча включены по схеме с общим эмиттером. Связь между транзисторами в УПТ гальваническая. Второй УПТ состоит из шести транзисторов также с гальванической связью. Два выходных триода включены по схеме с общим коллектором. Такая схема выходного каскада нужна для согласования с низкоомными индикаторными устройствами. В обоих усилителях для повышения температурной устойчивости исполь-

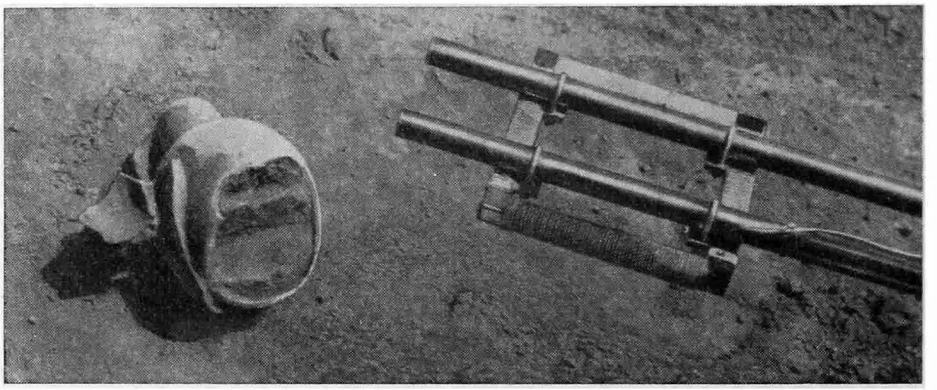


Рис. 1. Измерение магнитного поля амфоры на месте обнаружения

зуются сопротивления с отрицательным температурным коэффициентом и обратная связь. Помехи, вызываемые токами промышленной частоты, подавляются резистивно-емкостными фильтрами между первым и вторым УПТ. Фильтр настроен на частоту 50 *гц*.

Входное сопротивление усилителя — около одного килоома. Шумы, приведенные ко входу, меньше $5 \cdot 10^{-16}$ *вт*. Частотная характеристика — равномерная в диапазоне частот 0,1—40 *гц* на уровне 3 *дб*. Коэффициент усиления около 75 *дб*. Питание 4—6 *в*, 4—6 *ма*. Создание приемного устройства сопровождалось значительными трудностями, которые все же удалось преодолеть. Первые испытания приборов проходили при отсутствии опыта, почему и осуществлялись по возрастающей степени трудности.

Для археологии наибольший интерес представляет не поиск отдельных предметов, а выявление крупных сооружений: могильных и хозяйственных ям, землянок, фундаментов и стен зданий и т. п. Экспериментальные работы в полевых условиях поэтому были нацелены на определение круга задач, разрешимых при помощи магнитной разведки. В программу испытаний входила также разработка метода определения глубины залегания и оптимальной методики применения прибора. Мы использовали прибор и для измерения магнитных полей отдельных предметов. Один из таких моментов (измерение магнитного поля амфоры на месте ее обнаружения) приведен на рис. 1. В выборе памятников, над которыми предстояло работать с прибором в первом полевом сезоне, мы учитывали условия, выраженные в программе испытаний. В частности, в одном из пунктов программы предусматривалось, что наиболее идеальным относительно чистоты фона, на котором могут быть обнаружены аномалии магнитного поля, является могильник, расположенный в сравнительно стерильной почве. Обнаружение и нанесение на план отдельных могил на площади могильника явилось бы решением одной из задач разведочных работ.

В первый полевой сезон мы работали в составе Таманской археологической экспедиции. Ближайшим памятником, который отвечал бы постав-

ленным требованиям, являлся некрополь города Кепы. Некрополь расположен в 500 *м* к востоку от городища Кепы. Археологические работы на некрополе велись на участках А и Б. Почва на том и другом участках сложена из осадочных пород (песок, суглинок) и не имеет культурных отложений. На участке А глубина захоронений от 0,5 до 4 *м*, на участке Б — от 1,5 до 3 *м*. На обоих участках большинство захоронений принадлежит к эллинистическому времени. Могильные сооружения представлены грунтовыми ямами, сырцовыми и земляными склепами и детскими захоронениями в амфорах.

Был исследован еще один некрополь близ восточной окраины городища Фанагории. Почва некрополя вулканического происхождения и также свободна от культурного слоя. Некрополь расположен на гребне небольших возвышенностей, с которых за многие века существования могильника смыты наносные и частично коренные породы. Почти все захоронения или обнажены, или очень близко залегают к современной поверхности (от 0,15 до 1,0 *м*). Преобладают могильные ямы, но встречаются каменные ящики, перекрытые каменными плитами или черепицей. Могильник у Фанагории относится к тому же времени, что и кепский. Частота захоронений на некоторых участках значительно больше, чем на некрополе городища Кепы. Так, в могильнике у Фанагории приходится от двух до четырех и более захоронений на квадрат 5 × 5 *м*, в то время как на некрополе Кеп — не более двух захоронений.

Другим памятником, который мы обследовали, был курган в 1,5 *км* к северу от поселка Песчаный карьер (вблизи железнодорожного переезда). Курган был срезан бульдозером почти до уровня современной поверхности. Так как курган был разрушен, то археологов интересовало, нет ли могильной ямы на площадке, где он возвышался. После тщательной проверки прибором было высказано предположение, что курган не имел могильной ямы и что, вероятно, над каменным склепом, построенном на поверхности, был насыпан земляной холм. Такое предположение подтвердилось находками блоков известняка, которые обычно применялись при возведении каменных склепов.

Следующими археологическими объектами, на которых проводились работы с прибором МНД, были отдельно стоящие античная и средневековая усадьбы.

Указанные усадьбы находятся в 500 *м* к северу от поселка Песчаный карьер. Античная усадьба, судя по подъемному материалу, относится к IV—III вв. до н. э. Земляной бугор, под которым, вероятно, скрыто центральное строение античной усадьбы, занимает площадь 30—40 *м* в поперечнике.

Средневековая усадьба, судя по подъемному материалу турецкая, относится к XVII—XVIII вв. Она расположена в 100 *м* от античной усадьбы и четко выделяется сероватым зольным пятном на темном фоне вспаханной почвы. Площадь зольного пятна имеет в поперечнике 25—30 *м*. Средневековая усадьба частично перекрывает античные слои.

Кроме указанных объектов, мы исследовали открытые гончарные печи римского времени в восточной части городища Фанагории вблизи железнодорожного полотна. Две печи из трех были открыты полностью. Высота печей 1,5—2 *м*, диаметр до 3 *м*.

Последние испытания прибора в 1965 г. производились на Звенигородском городище (XII—XIV вв.). В 1965 г. мы установили, что во всех случаях прибор МНД давал показания в зависимости от того, какой памятник находился под ним в момент испытания. Это было весьма важное наблюдение, дающее принципиальную возможность обнаружения памятников до раскопок. Для полного решения этой задачи необходимо составить атлас типичных кривых магнитных аномалий. Такой атлас можно создать после получения большого количества записей для каждого типа памятника.

Нами была также сделана попытка применить для интерпретации несколько переработанные данные работы Д. С. Микова [8]. Мы пересчитали около десяти теоретических кривых, приводимых Д. С. Миковым так, чтобы кривые можно было бы сравнивать с записями МНД. Аналогичные поиски типовых показаний и кривых ведутся и за рубежом, например Р. Е. Линингтоном [9]. На рис. 2 приведено в качестве примера три кривых.

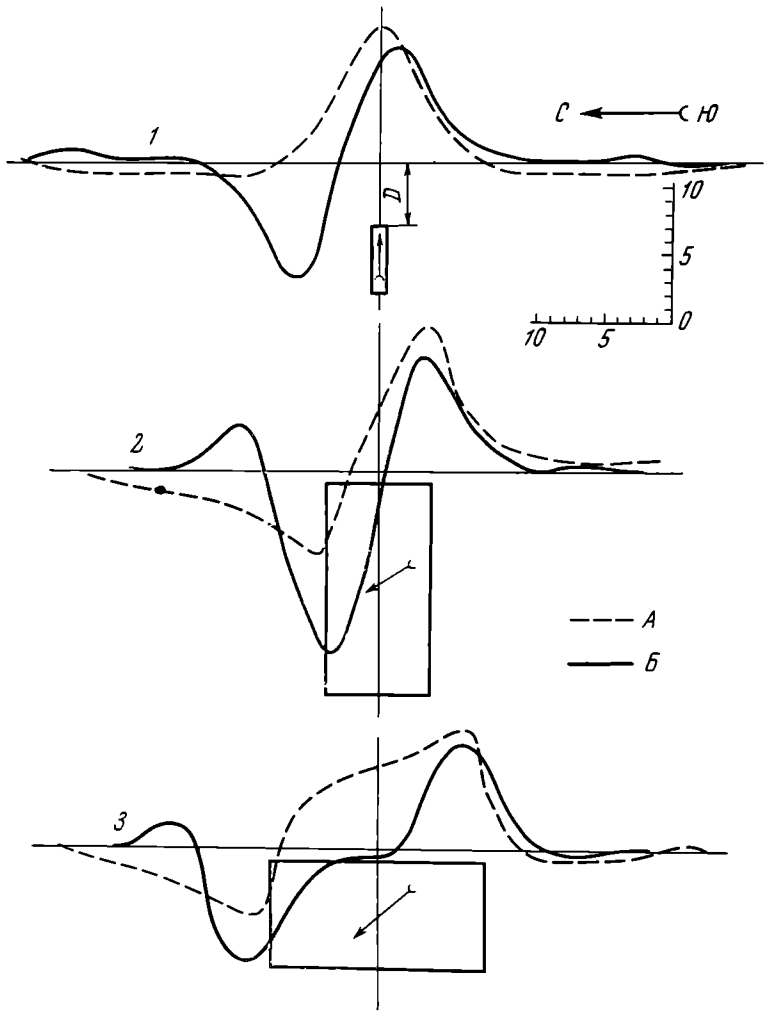


Рис. 2. Теоретические кривые аномалий вертикальной составляющей земного магнитного поля над включениями

А — кривые, рассчитанные Д. С. Миковым; *Б* — кривые, рассчитанные для прибора типа МНД. Масштаб кривых для пласта малой мощности (кривая № 1) дан по профилю в долях D (глубины залегания верхнего края). Масштаб остальных кривых — в долях амплитуд

Сравнение ведется по принципу подобия форм кривых. На всех кривых сплошной линией показаны теоретические отсчеты по прибору МНД, соответствующие кривым магнитных аномалий вертикальной составляющей земного магнитного поля, рассчитанным Д. С. Миковым. Пунктирной линией обозначены данные Д. С. Микова. Кривая № 1 относится к пласту малой мощности. В наших случаях это будут стены и фундаменты зданий и сооружений. Кривая № 2 будет относиться к погребенному брусу с отношением сторон 1 : 2. В наших случаях по подобию формы кривых будут подходить довольно близко глубокие земляные захоронения в стерильном

[8] Д. С. Миков. Атлас теоретических кривых для интерпретации магнитных и гравитационных аномалий. Томск, 1955.

[9] R. E. Linington. Ук. соч.

грунте без культурного слоя. Брус расположен вертикально. Кривая № 3 относится к такому же брусу, лежащему горизонтально. Подобные кривые могут давать неглубокие земляные захоронения в стерильном грунте без культурного слоя. На практике трудно ожидать точных совпадений кривых с показаниями приборов. Можно ожидать только общего подобия кривых по форме. Из рисунков видно, что границы магнитных

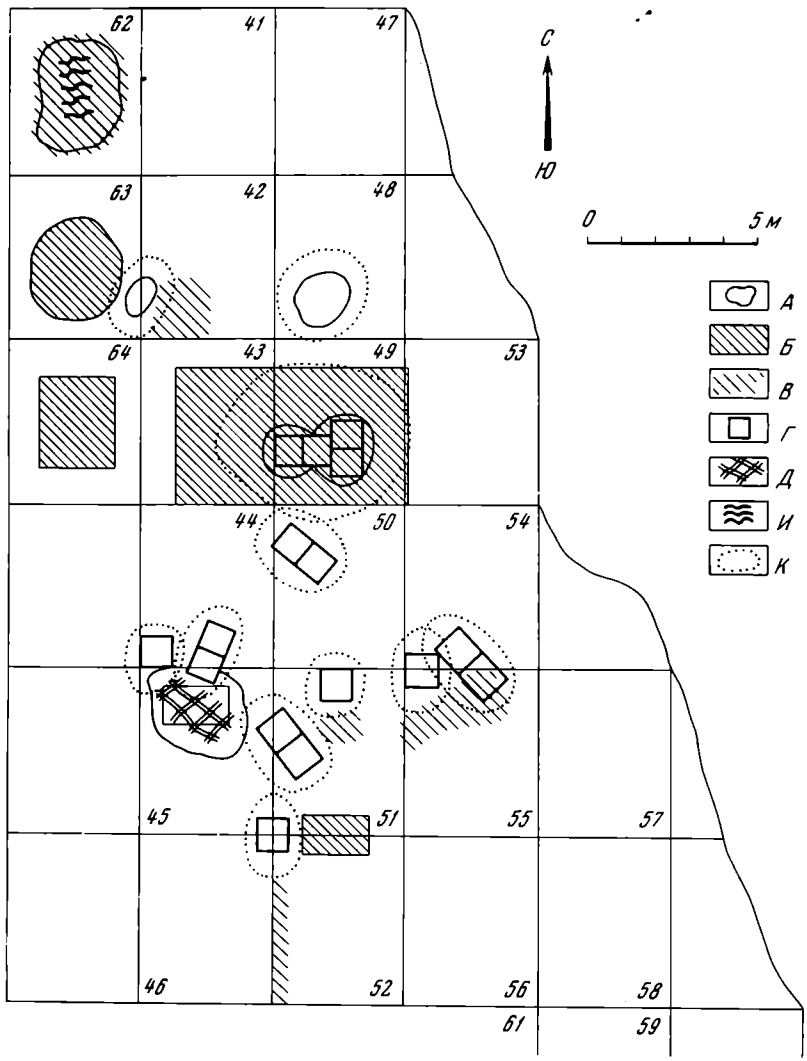


Рис. 3. План некрополя городища Кепы

А — контуры включений; *Б* — зоны аномалий градиента с резкими краями; *В* — зоны аномалий градиента с нерезкими краями; *Г* — контуры проекций теоретических фигур, по которым производилась интерпретация результатов; *Д* — скопления нор сурков; *И* — скопление виноградных корней; *К* — теоретические границы аномалий фигур. Квадраты 41, 44, 47, 48, 50, 53, 54, 57 не обследовались. Квадраты 63 и 64 не раскопаны

аномалий больше по площади, чем сами памятники, но экстремумы показаний близки по очертаниям к контурам памятников. Испытания в 1965 г. велись только при помощи визуальных отсчетов (самописец не был еще изготовлен).

На рис. 3 показан план некрополя городища Кепы и квадраты, на которых проводились испытания прибора. На квадратах сплошными линиями показаны контуры захоронений с вписанными контурами теоретических фигур «брусьев». Штриховкой показаны зоны магнитных аномалий по показаниям прибора. Частота профилей проходки с прибором

была высокой — через 30 *см*. Проходы велись во взаимно перпендикулярных направлениях, параллельных сторонам квадратов. Мы также производили замеры над захоронениями на различных глубинах по мере удаления грунта.

При помощи магнитной разведки было показано, что раскопки склепа, в существовании которого вначале усомнились, следует продолжать. Прибор, несмотря на исчезновение внешних признаков сооружения, про-

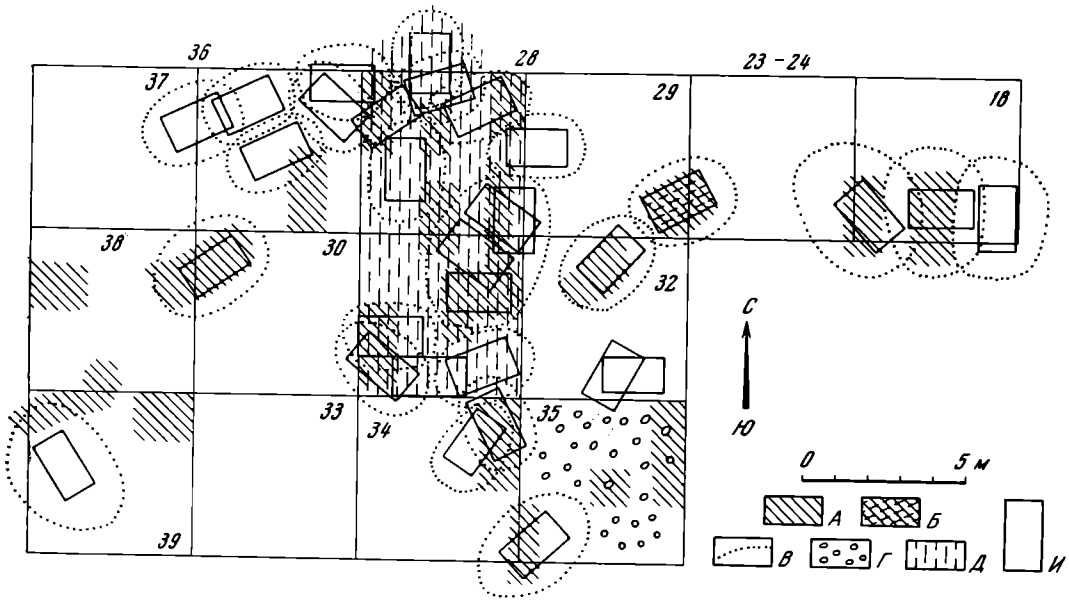


Рис. 4. План восточного некрополя городища Фанагории для участка, где производились работы

А — зоны аномалий градиента вертикальной составляющей земного магнитного поля; *Б* — каменный ящик, закрытый черепицей; *В* — теоретические границы аномалий; *Г* — черепки; *Д* — зоны пилообразных сигналов; *И* — контуры проекций теоретических фигур, по которым производилась интерпретация результатов. Фигуры расположены в соответствии с расположением скелетов; *К* — железный предмет

должал давать показания. Показания прибора над склепом изменялись по мере снятия грунта. Изменения показаний соответствовали уничтожению дромоса и зона показаний сужалась по мере приближения к склепу. Могильные ямы на рис. 3 заменены равновеликими фигурами соответствующими кривой № 2 на рис. 2. Учитывая в то время еще неизбежные ошибки отсчета и привязки к месту, видно, что нами были отмечены преимущественно южные (с положительным знаком) магнитные аномалии. В квадрате № 49 аномалия зарегистрирована полностью. Здесь возмущающее тело (склеп с дромосом) было в два раза больше, чем в других местах. К сожалению, по техническим причинам и отсутствию опыта не все квадраты были обследованы своевременно.

Большая глубина захоронений возможно вызвала влияние и взаимодействие аномальных полей между собой. Общая картина магнитного поля усложнилась. Тем не менее, уже тогда было совершенно очевидно, что аномалии вызывались соответствующими погребениями. Также ясно, что необъяснимых несоответствий с теоретическими данными не было. Камеральная обработка наблюдений показала, что правильнее всего делать записи сплошь по квадратам всего раскопа.

На восточном некрополе Фанагории мы работали до раскопок, поэтому и картина оказалась несколько иной, что было обусловлено также и большей плотностью могил. Бóльшая насыщенность некрополя, как того и следовало ожидать из теоретических соображений, дала сложную картину магнитных аномалий.

При камеральной обработке мы пытались интерпретировать полученные результаты при помощи кривой № 3 (рис. 2), как более подходящей к случаю. Нетрудно видеть, что зоны, где можно ожидать появление аномального поля, перекрывают друг друга. Следовательно, над некрополем неминуемо должно появиться суммарное результирующее поле, что и было на самом деле.

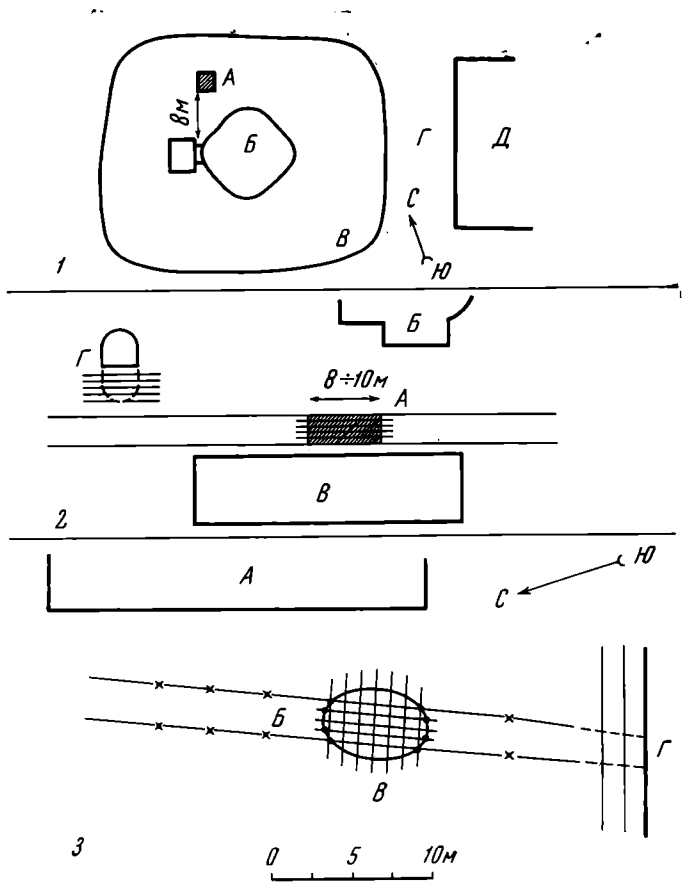


Рис. 5. Планшеты аномалий градиента вертикальной составляющей земного магнитного поля в Звенигороде и д. Вороново

1 — городище в Звенигороде (*А* — аномалия с очень резкими краями; *Б* — собор; *В* — ограда; *Г* — проход; *Д* — современные строения); *2* — Саввино-Сторожевой монастырь в Звенигороде (*А* — зона резкой аномалии градиента; *Б* — собор; *В* — бывший дворец; *Г* — развалины древней церкви); *3* — Вороново. Трасса подземного хода, обнаруженная при помощи прибора МНД (*А* — бывший каретный сарай; *Б* — трасса подземного хода; *В* — зона резкой аномалии; *Г* — здание санатория)

Над квадратами № 28 и 31 прибор давал показания, имевшие характерный пилообразный вид (пилообразная кривая показаний). План некрополя показан на рис. 4. Зоны таких пилообразных сигналов обозначены штриховым пунктиром (подобный сигнал был впоследствии записан в Кара-Кумах над аналогичным памятником). Появление пилообразных сигналов объясняется сложением полей, образованных отдельными ямами. Зоны пилообразных сигналов находятся в квадратах с наибольшей насыщенностью могилами, т. е. там, где их и следовало ожидать. Аномалии в квадрате № 18, снятые с более точной привязкой к месту, наглядно показывают, как образуются экстремумы суммарного поля. Две аномалии по краям вызвали появление положительного экстремума над третьей ямой, находившейся между двумя другими. Второй экстремум образовался точно так же воздействием аномальных полей в соседнем квадрате,

оказавшемся весьма насыщенным могилами (на рис. 4 не показан). Аномалия в квадрате № 30 возникла над могильной ямой, чему способствовал также железный предмет, находившийся при погребении. Аналогичным путем возникли экстремумы, например, в квадрате № 29 над каменным ящиком с крышкой из черепицы. В квадрате № 32 имеется еще экстремум между четырьмя могильными ямами.

Подводя итог результатам, полученным на некрополях Кепы и Фанагории, можно сказать, что прибор оказался в состоянии отметить места с большой плотностью залегания объектов и найти изолированные погребения. Наряду с этим отмечается небольшое количество зон аномалий, под которыми были обнаружены объекты постороннего происхождения (скопления сурковин или виноградных корней), а также таких, которые, по всей вероятности, обязаны своим существованием геологическим причинам или следам минувшей войны. На некрополе Фанагории зарегистрированы также зоны аномалий, причиной образования которых явилось скопление черепков античной посуды на небольшой глубине (около 20 *см* в квадрате № 35).

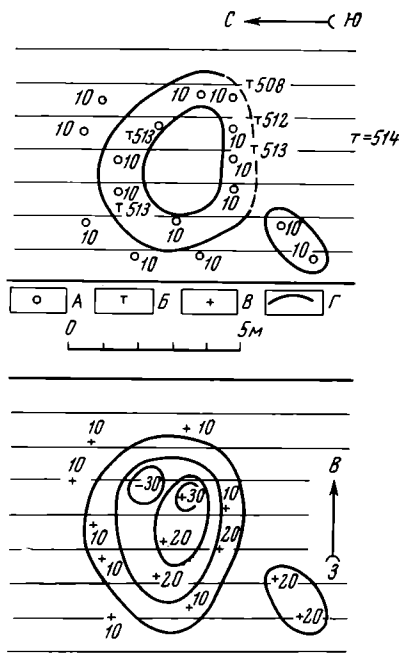


Рис. 6. Изодинамы вертикальной и восточной горизонтальной составляющих земного магнитного поля на площадке срытого кургана

А — значения вертикальной составляющей градиента земного магнитного поля; *Б* — значения отсчетов по протонному магнитометру; *В* — значения восточной горизонтальной составляющей градиента земного магнитного поля; *Г* — линии изодинам

Существенное значение для дальнейших работ имели измерения на месте разрушенного кургана. Нам представлялось, что площадка бывшего кургана должна быть лишена помех. Помехи оказались действительно весьма низкими. Вблизи бывшего центра кургана обнаружена площадка (рис. 5), где имели место слабые и разрозненные сигналы. Площадка обследовалась по вертикальной и горизонтальной составляющим. На рис. 6 нанесены изодинамы вертикальной и горизонтальной составляющих градиента земного поля. Изодинамы восточной составляющей дали более четкую картину, чем изодинамы вертикальной составляющей. Общий характер аномалий по обеим составляющим близок по характеру к теоретическому распределению над неглубокой синклиналью с отношением глубины к радиусу кривизны, равному 0,5.

Нам удалось сличить на месте измерения с показаниями на тех же пикетах при помощи протонного магнитометра типа Р-5 НИИЗМИРАН [10]. Измерения при помощи протонного магнитометра подтвердили, что, во-первых, аномалия занимает очень малое пространство. Если учесть различные физические методы, при помощи которых производились измерения, а также разницу в высоте датчиков над грунтом (20 и 60 *см*), то совпадение результатов следует признать весьма хорошим. Учитывая, что над почти скрытым захоронением на некрополе Кепы аномалия по вертикальной составляющей значительно выше по амплитуде и занимает большую площадь, было решено раскоп не ставить. Впоследствии местные жители рассказали, что каменный склеп с захоронением был срыт при дорожных работах.

[10] Благодаря любезному содействию сотрудников экспедиции Института земного магнетизма и прохождения радиоволн Академии наук СССР Г. В. Семенова и В. П. Волкова, которым приносим благодарность.

При обследовании античной усадьбы получены своеобразные показания прибора. В подавляющей части это сигналы пилообразной формы, усиливающиеся по мере приближения к центру усадьбы и ослабевающие к краям. Сигналы имеют форму, близкую к треугольной с амплитудой от +12 до +16 гамм. В отдельных случаях имеются сигналы, бо́льшие по отклонениям (до 24 гамм). На оконтуренном при помощи прибора пятне можно найти места, где показания возрастают до +40 гамм. Диаметр оконтуренного пятна 15 *м*. На другом участке диаметр оконтуренного пятна достигает 25 *м*. Общий характер сигналов также пилообразный, но местами есть пропуски. Около центра пятна сигналы возрастают до +80 гамм. Ближе к краям в том же пятне сигналы имеют величину от +48 до +32 гамм. Для проверки мы вскрыли место, где прибор давал локальный сигнал ± 48 — 50 гамм. Сигнал был вызван двумя ручками большой амфоры, лежавшими на глубине 40 *см* (считая от антенны прибора). Ручки лежали рядом в направлении север — юг.

На двухслойной средневековой усадьбе наблюдался более беспокойный, но тоже своеобразный, характер сигналов. Амплитуда была в общем выше, чем на античных усадьбах. Стрелка совершала мелкие колебания с амплитудой в 16 гамм, одновременно переходя из положительной части шкалы в отрицательную и обратно. Общий фон беспорядочный (по визуальному наблюдению). При обследовании этой же усадьбы мы обнаружили в пределах пятна несколько границ, на которых сигналы возрастают и меняют знак. Амплитуда ± 32 — 35 гамм по вертикальной составляющей. Границы образовали два прямоугольника со сторонами по 4 *м*. В данном случае это могли быть остатки стен или фундаменты.

Испытание прибора в ремесленном квартале Фанагории было произведено над уже откопанными печами. Своды печей провалились, образовав посередине печей кучи битого кирпича. Кроме печей, была обследована площадка к северу от них. На площадке была обнаружена зона аномалии эллиптической формы с очень четкими границами. Амплитуда при установке антенн на измерение восточной горизонтальной составляющей была по границам равна от 24 до 60 гамм. При измерениях на высоте 40 *см* от поверхности площадки значения восточной составляющей градиента земного поля упали до 8—10 гамм. Раскопок на площадке еще не было, поэтому причина аномалии пока неизвестна.

Замеры на самих печах показали, что печи, как и следовало ожидать, дают очень сильные поля по сравнению с другими объектами. Над южной печью северная горизонтальная составляющая дает значения положительных экстремумов от 40 до 80 гамм. Положительные экстремумы совпадают с границами стен. Остатки обвалившейся кладки свода внутри печи дают значения вертикальной составляющей порядка 120 гамм при прохождении прибора на высоте 30 *см*. На северной печи значения вертикальной составляющей колеблются от 80 до 120 гамм. Вообще же границы колебаний показаний над печами лежат в пределах от ± 80 до ± 300 гамм. Границы везде соответствуют экстремумам. Отвал земли из печей дает показания в пределах от + 32 до + 80 гамм в зависимости от содержания битого кирпича. Показания над частично раскопанной печью не превышают 48 гамм. По-видимому, сказались меньшие размеры печи.

Прибор был испытан на Звенигородском городище XII—XIV вв. В ограде собора была четко оконтурена зона аномалии с резко убывающими показаниями. Величина положительных экстремумов вертикальной составляющей составляет более 160 гамм. Внутри контура отмечаются пилообразные сигналы остроугольной формы. Общий фон имеет характер мелких пилообразных сигналов. Как показано на рис. 5, аномалия находится в 8 *м* от звонницы на северо-восток. В проходе между собором и соседним домом — пилообразные сигналы большой амплитуды свыше 160 гамм. На территории городища есть ряд мест, дающих сигналы пилообразной формы различной интенсивности от 15 до ± 80 гамм. Один из

таких участков находится в западном углу городища недалеко от вала. Грунт здесь имеет выступ, по границе которого прибор отмечает экстремум показаний. На валу прибор никаких показаний не дает (фона также нет). Нет показаний и на некотором расстоянии от вала. Дальше начинаются пилообразные сигналы, о которых сказано выше.

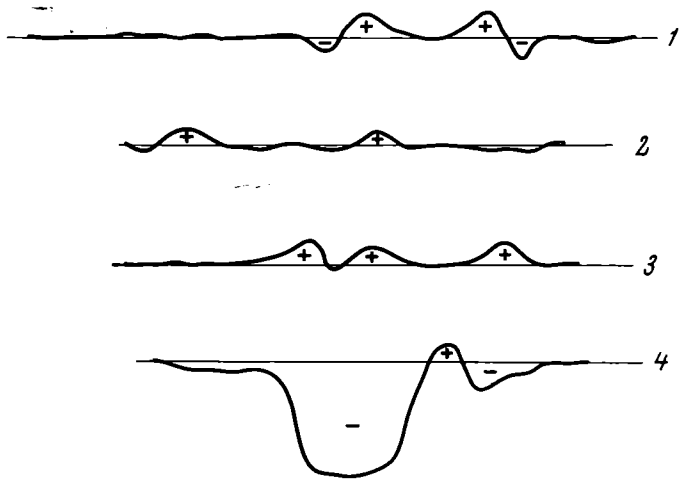


Рис. 7. Типичные кривые для городища Шарки

1 — кривая запись на пленку сигнала от железного предмета, находящегося в грунте; *2* — запись сигнала над могильными и другими ямами; *3* — сигнал над неизвестным объектом. Раскопа не было; *4* — сигнал над неизвестным объектом. Раскопа не было

В Саввино-Сторожевском монастыре между дворцом царя Алексея Михайловича и собором предполагается крытый переход. Точное местонахождение перехода неизвестно. Вся территория, на которой сейчас находятся санаторий и музей, благоустроена. Между зданием бывшего дворца и собором проложен широкий тротуар из бетонных плит. При помощи прибора была обнаружена сильная аномалия, больше ± 100 гамм. Ширина полосы, где обнаруживается аномалия, 8—10 *м*. Полоса находится между зданием дворца и собором. Спад показаний за пределами полосы очень резкий. В пределах полосы прибор все время дает показания с переменой знака и амплитудой, уходящей за пределы шкалы прибора (рис. 5). Древняя церковь, раскопанная только частично, была также обследована прибором МНД. Удалось проследить границу нераскопанной части фундамента церкви. Отклонения в пределах ± 80 гамм. Кроме церкви, остальные пункты, обследованные прибором МНД, не раскапывались.

В 1966 г. мы продолжали разработку методики использования прибора в полевых условиях. Прибор был оснащен простым по конструкции и не требующим дополнительных источников питания устройством, которое позволило получать запись сигнала на кинопленку с одновременной фиксацией места их возникновения. Это устройство позволило записать ряд типовых сигналов, характерных для тех или иных объектов.

На древнерусском городище у с. Шарки (Киевской области) было обнаружено 72 аномалии на участке площадью около 4 *га*. Все аномалии были записаны на кинопленку, на местности они отмечены номерами аномалий, а кроме того, на земле известью сделаны заметные пятна [11]. Следует заметить, что хотя имелась запись на пленку всех 72 аномалий, мы смогли их расшифровать только после окончания раскопок на городище при камеральной обработке результатов экспедиции в Москве. Та-

[11] Работы проводились вблизи линии высоковольтной электропередачи (от 60 до 100 *м*).

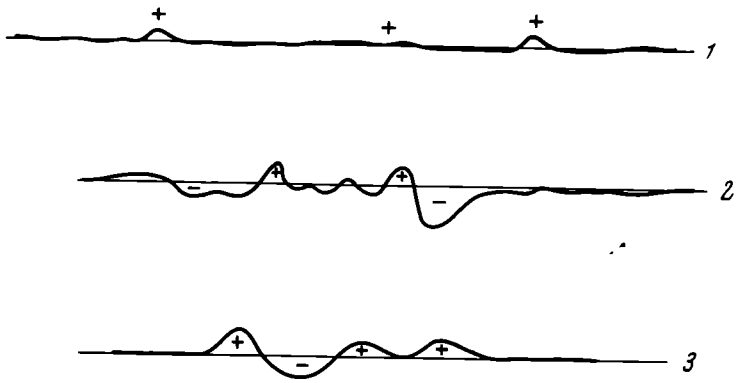


Рис. 8. Типичные кривые для объектов в Кара-Кумах

1 — «след» древней юрты на такыре; *2* — тандыр в оплывшем сырцовом доме; *3* — хум на такыре

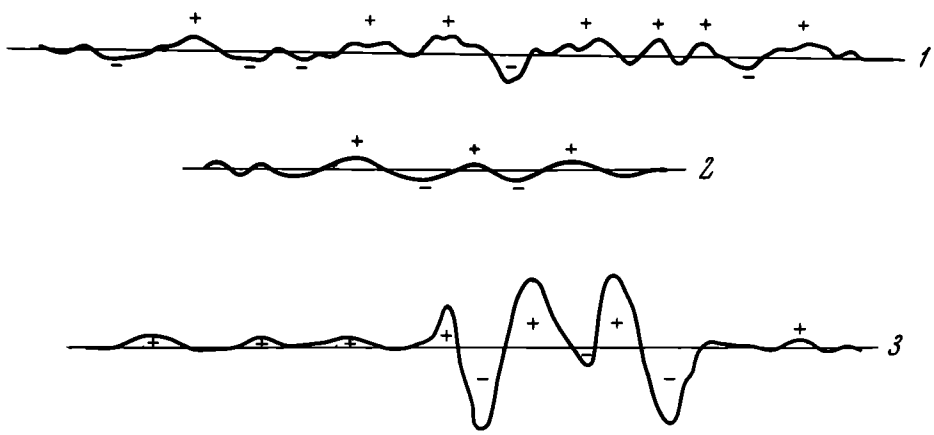


Рис. 9. Типичные кривые для объектов в Кара-Кумах

1 — четыре могилы в солончаковых пухляках; *2* — повторный проход над хумом на высоте 25 *см*. Кривая имеет меньшие амплитуды, ход более спокойный; *3* — два отдельно стоящих хума по 75 *см* диаметром каждый

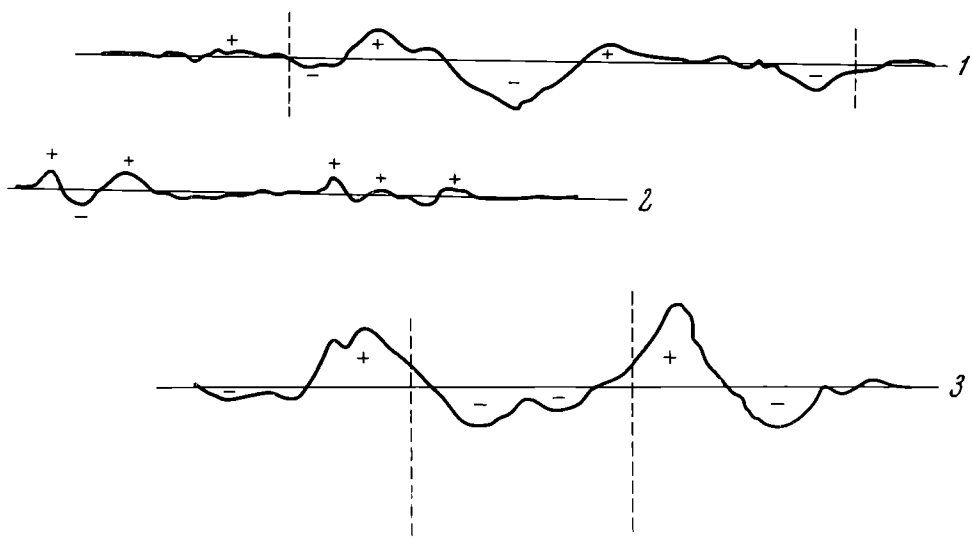


Рис. 10. Типичные кривые для разных случаев

1 — запись сигнала над трипольской площадкой. Пунктиром показаны границы площадки; *2* — запись сигнала над ямой на Черняховском поселении; *3* — запись сигнала над подземным ходом в Воронове. Пунктиром отмечена зона, занимаемая кирпичной кладкой. Запись сделана поперек подземного хода. Сигналы 1 и 2 записаны В. П. Дудкиным

ким образом, была совершена грубая методическая ошибка, которая значительно снизила эффективность магнитной разведки. Это случилось потому, что, не имея возможности проверить на месте причину, вызвавшую тот или другой типичный сигнал, был допущен субъективный подход к их расшифровке. Это указывает на острую необходимость атласа или таблицы характерных сигналов, записанных на пленку над тем или иным объектом. Такая предварительная таблица была нами составлена (рис. 7).

При анализе 72 аномалий на городище Шарки было выяснено, что 32 из них вызваны железными предметами (рис. 7, 1 тип), 37 — вероятно, могилами или иными ямами (рис. 7, 2 тип). Часть из этих сигналов приходится на древнеславянское кладбище, раскопанное экспедицией. Восемь аномалий принадлежат к 3-му типу (рис. 7) и одна аномалия 3-го типа и одна 4-го — пока не разгаданы и причина их возникновения неизвестна. Если бы мы имели атлас магнитных аномалий, то можно было бы объективно оценить исследуемый участок. Мы поверили данным аэрофотосъемки, подъемному материалу и случайно расположенным аномалиям 1-го типа, напоминавших очертания церкви в районе, где предполагалось ее найти. Исключив аномалии 1-го типа, вызванные железными предметами, удалось бы выяснить еще до раскопок, что кирпичных сооружений на обследуемой площади не имеется.

Накопление материалов для составления атласа аномалий было продолжено в Хорезмской экспедиции. Здесь были записаны на пленку сигналы над следующими памятниками: след юрты на такыре, тандыр в оплывшем сырцовом доме, хум на такыре (рис. 8). На рис. 9 показаны могилы в солончаковых пухляках, повторный проход над хумом на высоте 25 *см* и два отдельно стоящих хума (75 *см* диаметром). На рис. 10 показаны записи над трипольским жилищем и над ямой на Черняховском поселении в Киевской области, а также одна из записей в д. Вороново под Москвой, где при помощи прибора были записаны аномалии над различными подземными сооружениями. На рис. 10 приведена характерная запись над подземным ходом, выложенным кирпичом.

В результате проделанной работы мы пришли к выводам, что: 1) прибор соответствует своему назначению, 2) легок, 3) прост в обращении, 4) в работе устойчив. Полученного опыта однако еще недостаточно для составления атласа сигналов. Методика применения прибора требует дальнейшего улучшения, чтобы иметь возможность отвечать на следующие вопросы археологов: 1) что за памятник обнаружен, 2) на какой глубине и 3) каковы его габариты. Необходимо работу по испытанию прибора МНД продолжать с непременной проверкой раскопками.

К. К. ШИЛИК

ОПЫТ ЭЛЕКТРОРАЗВЕДКИ МЕТОДОМ СИММЕТРИЧНОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ

В настоящее время в археологии применяются преимущественно три геофизических метода: сейсморазведка, магниторазведка и электроразведка. В Ленинградском отделении Института археологии АН СССР с 1962 г. накоплен опыт применения электроразведки. Этот геофизический метод позволяет в ряде случаев значительно уменьшить непроизводительные затраты на земляные работы, точно указать местоположение объекта, его форму и размеры. Наши первые опыты прошли успешно. Была показана принципиальная возможность составления приблизительных планов погребенных сооружений [1]. В 1964 г. проведена электроразведка нераскопанной части античной усадьбы в бухте Ветреной (северо-западный Крым), в окрестностях античного города Калос Лимена [2].

До раскопок по очертаниям рельефа можно было определить приблизительные размеры и очертание памятника. В плане он имеет прямоугольную форму, причем с севера частично разрушен морем. С юго-запада усадьба ограничена невысоким валом и рвом. Юго-восточная граница усадьбы прослеживается по невысокому возвышению. Перечисленные данные, а также строительные остатки, видимые в обрыве берега, позволили нам предположительно установить, что памятник имел длину около 40 *м*, ширину 25—30 *м*, а его стены ориентированы длинной осью с северо-запада на юго-восток. К моменту проведения опыта электроразведки усадьба в бухте Ветреная была раскопана только частично, большая часть оставалась еще не открытой, и трудно было получить даже приблизительное представление о деталях планировки помещений. В таких условиях была предпринята электроразведка, при этом ставились более сложные задачи, чем ранее: а) проверка применимости электроразведки для выявления подробной планировки объектов типа античных усадеб; б) совершенствование методики работы с приборами; в) получение подробной планировки памятника до начала раскопок [3].

Электроразведка, будучи успешно опробованной ранее, для данного памятника явилась наилучшим методом. Надо сказать, что характер памятника способствовал этому. Отсутствие развалов, однослойность, небольшая глубина залегания верхней кромки стен, сравнительно ровная поверх-

[1] К. К. Шилик. Опыт применения метода электропрофилирования при археологических работах. КСИА АН СССР, 103, 1965.

[2] А. Н. Щеглов осуществил археологические исследования на этой усадьбе. Его статью см. в настоящем номере журнала.

[3] Усадьба была сложена из известняка, а он не магнитный, что исключало применение магнитометра, а следовательно, и метода магнитной разведки. Но поскольку усадьба горела и стены, вероятно, слегка намагнитились, то возможно, что очень чувствительный магнитометр (например протонный) дал бы положительный результат. К этому нас склоняет исследование остатков средневековой керамической печи в Херсонесе. От печи осталась только выемка в известняковой скале, но так как скала нагревалась (она имеет розоватый цвет), то она намагнитилась и дает аномалию в +225 γ.

ность и большая разница удельных электрических сопротивлений известняка и вмещающего грунта — лёссовидного суглинка — делают этот памятник чрезвычайно удобным именно для электроразведки.

Суть метода электроразведки состоит в измерении удельного электрического сопротивления грунта. Основан метод на различии сопротивлений среды (грунта) и включений (объектов поиска). При измерении это различие выявляется на графиках сопротивлений, которые строятся для каждого профиля или на плане, отражающем картину распределения сопротивлений на исследуемой площади. Для измерения в разных случаях используются различные установки, состоящие из измерительных приборов, источников питания, электродов и проводов. Измерения могут проводиться как на одном месте, но с увеличивающейся глубинностью (так называемое вертикальное зондирование), так и в различных точках по профилю, но с постоянной глубинностью (профилирование). Иногда сочетают оба способа. В качестве примера установки можно привести чертеж, изображающий установку одного из наиболее распространенных способов — метода симметричного профилирования (рис. 1). Через электроды A и B в грунт подается (и при этом измеряется) ток I_{AB}, а на электродах M и N измеряется получающаяся разность потенциалов ΔU_{MN}. Удельное электрическое сопротивление грунта (называемое кажущимся) ρ_k находится по формуле:

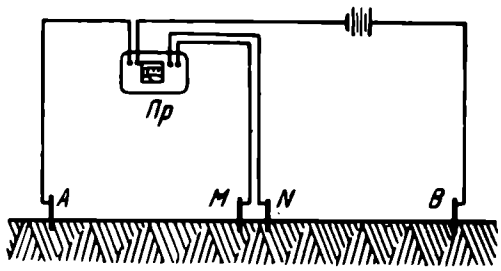


Рис. 1. Схема установки метода симметричного профилирования

A, B — питающие электроды; *MN* — приемные электроды; *Пр* — электроразведочный прибор

$$\rho_k = K \frac{\Delta U_{MN}}{I_{AB}},$$

где K — коэффициент, зависящий от формы и размеров установки (т. е. от взаимного расположения электродов).

Величина ρ_k является условной и характеризует некое усредненное сопротивление пород, расположенных на некоторой глубине между электродами M и N. Глубина эта зависит от расстояния между электродами A и B (разноса AB). Чем больше разнос AB, тем больше исследуемая глубина. Чем меньше разнос MN, тем четче получаются на графике кривые от различных неоднородностей. Измеряется удельное сопротивление омметрами.

Электроразведка широко применяется в геологии для поисков полезных ископаемых, а также при различных изыскательских инженерных работах. Для этой цели разработано много разнообразных приборов как постоянного, так и переменного тока. Многие археологи за рубежом сейчас применяют эти приборы для проведения разведки на археологических памятниках (Аткинсон, Эйткин — в Англии, Леричи — в Италии, Фрич — в Австрии, Домбровский, Стопиньский, Канвижер — в Польше, и др.). В Советском Союзе интерес к геофизическим методам непрерывно растет и уже было несколько опытов применения электроразведки и других методов (И. Т. Кругликова, С. И. Руденко, Г. С. Frантов, Э. М. Загорульский, Л. Л. Полевой, К. К. Шилик и др.).

Для работы нами была избрана установка (взаимное расположение электродов *A, M, N* и *B)* симметричного профилирования как наиболее простая в работе, а главное в обработке и интерпретации результатов измерений и к тому же обладающая постоянной глубинностью. В этой установке измерительные электроды M и N расположены симметрично между

токовыми электродами A и B (рис. 1). Точкой измерения является точка О, находящаяся в центре установки и являющаяся как бы ее осью. После измерения на данной точке все четыре электрода переносятся по линии профиля на одинаковое расстояние, называемое шагом, так, чтобы конфигурация установки сохранилась. Шаг выбирается, исходя из размеров объекта поиска и объема работы. В нашем случае шаг был выбран

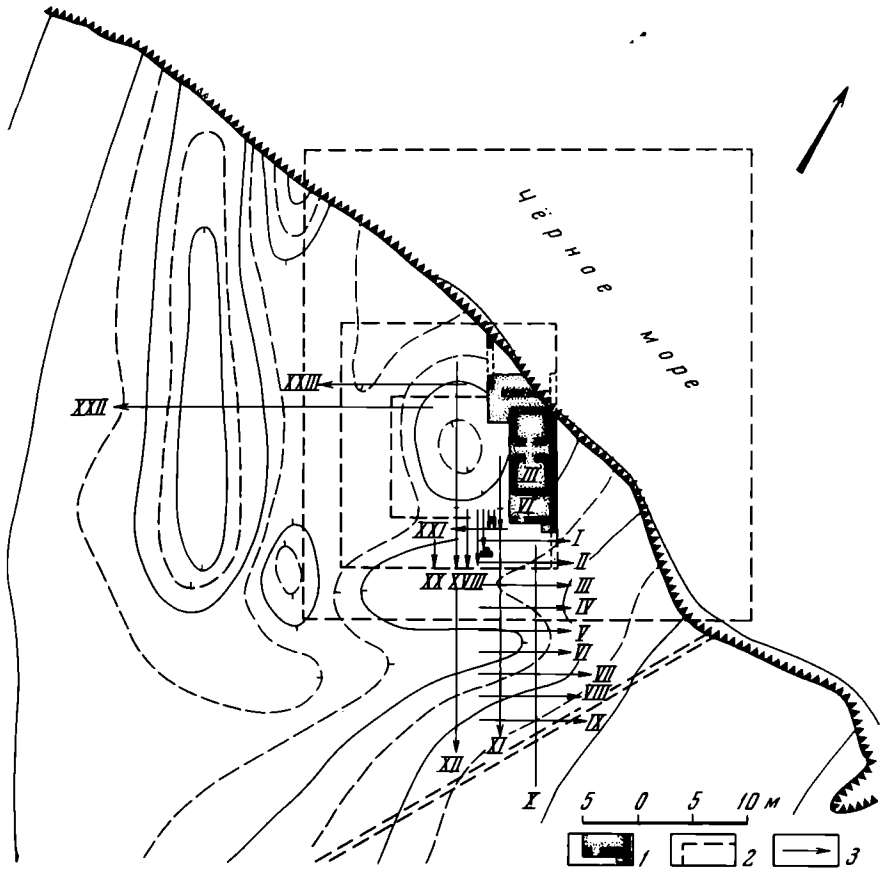


Рис. 2. План раскопанной части виллы и предположительные контуры усадьбы с электроразведочными профилями

1 — раскопанная часть; *2* — предполагаемые контуры; *3* — направление профилей

равным 0,5 *м*, так как именно эту толщину имели стены усадьбы. При большем шаге, например метровом, стена могла попасть между точками измерения и остаться незарегистрированной. При меньшем — увеличился бы объем работы. Разнос MN всегда стараются взять поменьше, во всяком случае не более величины шага[4]. Сильно уменьшать MN также нельзя, этому мешает чувствительность приборов. В нашем случае разнос MN был выбран равным шагу. Разнос AB выбирается, исходя из глубинности исследуемого объекта. «Инструкция» рекомендует брать величину AB в 10 раз большей глубины исследования[5]. Если есть возможность, то хорошо провести измерения с различными разносами AB на каком-либо профиле с известной глубиной залегания объекта (например, над стеной, уходящей в борт раскопа) и выбрать ту величину разноса, на которой со-

[4] Среди археологов бытует мнение, почерпнутое из иностранной литературы, что разнос MN обязательно должен быть равен $^1/_3$ AB. Это неверно. Такая установка (установка Веннера) в советской полевой практике, как устаревшая, сейчас уже не применяется.

[5] Инструкция по электроразведке. I, М., 1961.

отношение максимума сопротивления типа к фону будет наибольшим. Такая проба была проведена с разносами AB в 5, 8 и 10 *м*. Результат оказался почти одинаковым. Был выбран разнос $AB=5$ *м*, так как с ним легче работать. Но в ходе работы на других участках его пришлось увеличить до 10 *м*.

Мы использовали переменный ток НЧМ, состоящий из двух блоков. В одном из блоков постоянный ток батарей преобразовывался в переменный частотой 100 *гц*, подавался на электроды A и B и измерялся. В другом блоке измерялась разность потенциалов между электродами M и N. В качестве источника питания использовались три последовательно соединенные батареи 100-АМЦГ-У-2,0 (БАС-Г-80-Л-2,1), которые давали напряжение в 240 *в*. Применялись электроды конструкции К. К. Шилика, специально разработанные для применения на археологических объектах. Токовые латунные электроды по рекомендации Г. С. Франтова были изготовлены в виде лопаток. Это уменьшает переходное сопротивление и тем самым увеличивает ток, что очень существенно при сухой почве. Каждая лопатка прикреплена к длинной деревянной ручке, на верхнем конце которой укреплена легкая катушка с 50 *м* провода. Провод, идущий от лопатки, клеммой соединяется с проводом катушки.

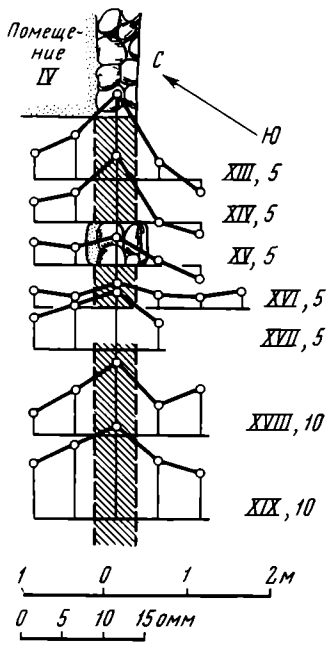


Рис. 3. Кривые профилирования над продолжением северо-западной стены помещения V и рисунок шурфа на этой стене

XIII—XIX — номера профилей; *5, 10* — расстояния *AB* в метрах

Измерительные электроды соединены между собой дюралевой трубкой. Электроды на текстолитовых колодках передвигаются по этой трубке, и расстояние между ними легко регулируется в пределах от 5 *см* до 1 *м*. Чтобы повысить точность измерения, стержни измерительных электродов покрыты полиэтиленовой трубкой так, что контакт с грунтом имеется только на заостренном конце электрода. Глубина погружения электродов регулируется специальной шайбой. Электроды при необходимости можно заменить более длинными. На одной из трубок, шарнирно соединенных с колодками электродов и между собой, укреплена катушка с двойным проводом и двумя клеммами. Эти электроды удобны в работе и легко проверяются. Не было ни одного случая разрыва цепи из-за их неисправности (что часто наблюдается при использовании простых штырей).

Работа на памятнике началась с разбивки профилей. Поскольку здание имеет строго прямоугольную планировку, решено было и сетку профилей строить по этому же принципу. Все продольные и поперечные профили прокладывались параллельно стенам. Сетка состояла из профилей двух типов: длинных, пересекающих весь памятник, и коротких — поперечных (рис. 2). Длинные профили позволяли отмечать наиболее важные точки (заметные аномалии). Короткими профилями удавалось прослеживать направление и протяженность скрытых в земле стен и оконтуривать отдельные помещения. Такая система построения поисковых профилей полностью себя оправдала. Наилучшие результаты получаются при рациональном сочетании тех и других профилей.

Обработка данных велась непосредственно на месте работы. После окончания измерений на профиле вычислялись значения ρ_k, строился график сопротивлений и наносился на план усадьбы. Это позволило на ходу вносить необходимые коррективы в направление дальнейших поисков и одновременно видеть результаты работ. Там, где рельеф оказывал влияние

на распределение сопротивлений, проводилась нивелировка точек профиля, чтобы можно было учесть влияние рельефа. Отмечались на графиках и другие неровности, например, выбросы из прошлогодних раскопов. В наиболее интересных местах проводилась шурфовка. Перед шурфовкой строился предполагаемый вид объекта, находящегося в будущем шурфе. Во всех случаях предположения совпадали с действительностью.

Все работы заняли пять рабочих дней археолога и геофизика. Было проведено 550 замеров, рассчитаны и построены все графики, нанесены на план, проведена нивелировка и шурфовка.

Пожалуй, наиболее удачной частью работы было выяснение контура помещений юго-восточной части усадьбы, на котором прибор хорошо показал свои возможности. Один из длинных профилей, а именно *XI* (рис. 2), имеет четко выраженный максимум сопротивления над юго-восточной стеной помещения IV, уходящей в борт раскопа, и еще один максимум через 3 *м*. Второй максимум повторяется и на профиле X. Возникло предположение, что это стены следующего, V помещения. Решено было проверить это предположение, проследив короткими профилями направление и протяженность стен, обнаруженных прибором. Сначала очень короткими профилями пересекли северо-западную стену, уходящую в борт раскопа (рис. 3). На рисунке хорошо видны пики (максимумы сопротивлений) на профилях XIII, XIV и XVIII, XIX. Менее четко они выражены на профилях XV и XVII и почти совсем отсутствует пик на профиле XVI. Вероятнее всего, что между XVI и XVII профилями находится дверной проем. Направление стены было проверено шурфом, изображенным на рис. 4. Все графики построены на своих профилях как на осях. Для большей наглядности значение ρ_k на оси графика равно не 0, а 5 *омм*. Этим частично исключается фон. Все профили построены в одном масштабе с планом помещения.

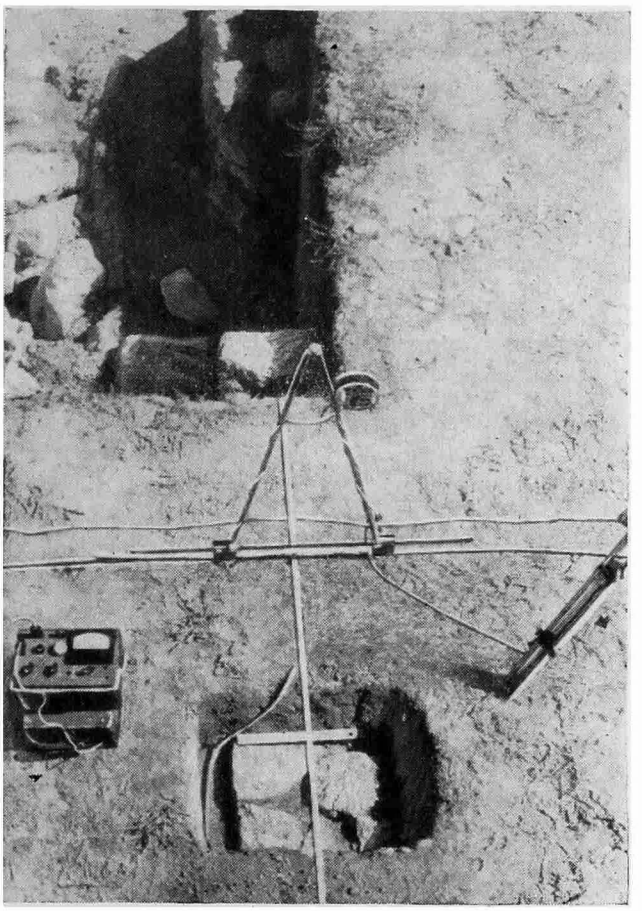


Рис. 4. Шурфы на продолжении северо-западной стены

Противоположная (юго-восточная) стена того же помещения V была отмечена на графиках профилей XVI, XVII, XVIII и XIX (ранее на графиках X и XI). Она совершенно отчетливо прослеживается на протяжении 8,5 *м*, что хорошо видно на рис. 5. Оставалось определить еще две стены помещения V. Наружная северо-восточная стена не вызывала сомнений, она уходила в борт раскопа и отчетливо выражалась на графиках I, II и III. На графике I, кроме того, виден пик в 5,5 *м* от восточной сте-

ны. Этот трапециевидный пик между профилями XV, XVI хорошо отражает толщину стены. На графике профиля II такого пика нет. После того как был проложен контрольный XXI профиль, давший отчетливый пик над пиком профиля I, стало совершенно очевидным, что это — четвертая стена помещения V. На пересечении последней стены с юго-восточной был заложен контрольный шурф размером 1 × 1 *м*, в котором, согласно графи-

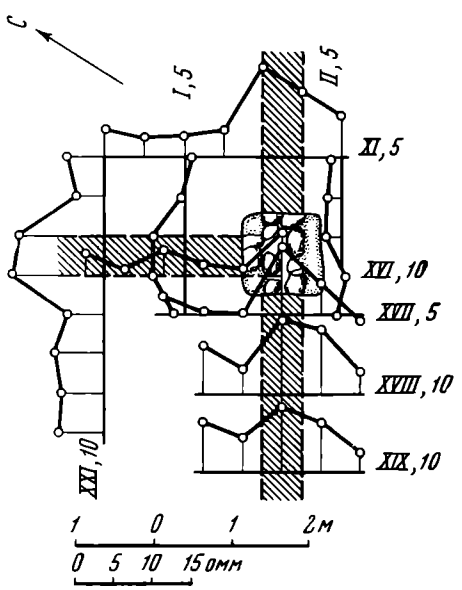


Рис. 5. Кривые профилирования над двумя другими стенами помещения V и рисунок шурфа на их пересечении (римские цифры обозначают номера профилей, арабские — величину *AB* в метрах)

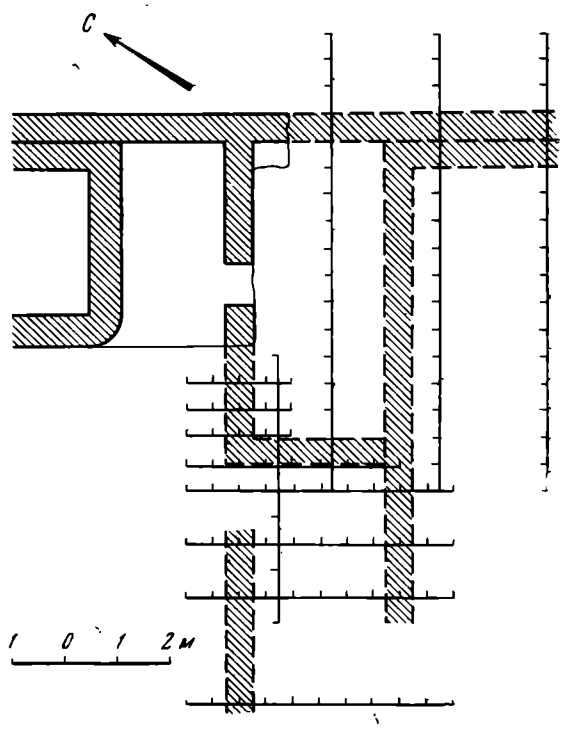


Рис. 6. Реконструкция плана помещения V и прилегающих стен по данным электроразведки

кам, ожидалось Т-образное пересечение стен. Ошибка в определении положения стен равна 5 *см*, что соответствует примерно точности разбивки профилей. Реконструкция плана помещения V приведена на рис. 6.

Результаты измерений на других профилях, отстоящих друг от друга на 2 *м*, позволяют уверенно говорить о протяженности здания к югу, а также отметить и другие стены усадьбы.

Следует отметить также, что большое влияние на распределение сопротивлений оказывают современные грунтовые образования. Имеющиеся на территории усадьбы выбросы от прошлогодних раскопок были несколько раз пересечены измерительными профилями. И каждый раз при этом ρ_k резко понижалось. Дело в том, что лессовидные суглинки, из которых состоит вмещающий стены грунт, имеют очень низкое удельное электрическое сопротивление, измеряемое единицами омметров. Из-за этого и искажается картина сопротивлений.

Нельзя не упомянуть и о том влиянии на картину сопротивлений, которое оказывает известняковая скала, находящаяся под слоем суглинков и имеющая удельное сопротивление порядка сотен омметров. Профили XII и XXII пересекли два замкнутых понижения в рельефе глубиной около 0,5 и 1,5 *м*. Первое из них соответствует двору виллы, второе — рву, защищавшему постройку с юго-запада. Во рву, несмотря на наступившую осень, росла зеленая трава, что указывало на значительную увлажненность поч-

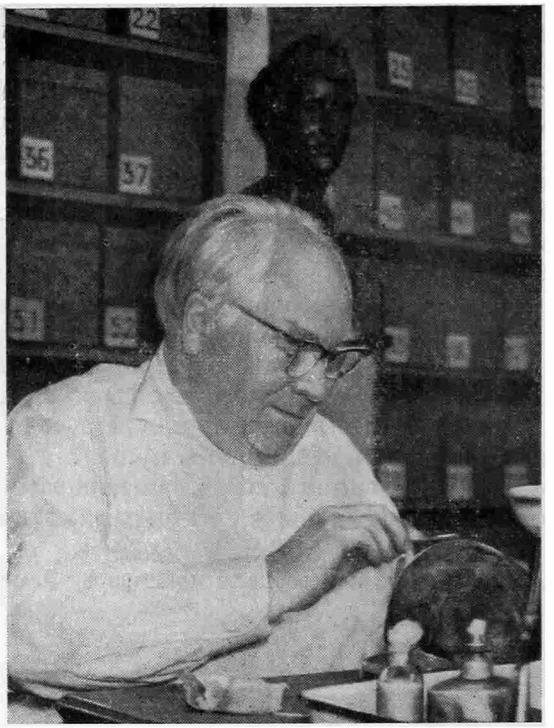
вы. Обычно увлажненная почва имеет пониженное электрическое сопротивление, так как почвенная вода является хорошим проводником, и на первый взгляд можно было ожидать уменьшения ρ_k во рву и в западине двора. Однако каждый из этих профилей дал значительное по сравнению с фоном повышение ρ_k: III — до 35 *омм* при *(AB = 5 м)*, XXII до 100 *омм* (при AB = 10 *м*). Это объясняется уменьшением толщины слоя суглинка над скалой в понижениях и, как следствием этого уменьшения, влиянием скалы. Увеличивалось ρ_k и при увеличении разноса AB, что также объясняется влиянием скалы.

Работа на усадьбе в бухте Ветреной показала, что метод симметричного профилирования вполне пригоден для исследования памятников такого типа. В процессе работы была отработана методика поиска и получена планировка юго-восточной части усадьбы, что позволит в дальнейшем продолжать раскопки не вслепую, а руководствуясь планом помещений. Контрольные шурфы подтвердили высокую точность работы — ошибки в определении положения стен практически равны нулю [6].

В дальнейшем, с накоплением опыта, электроразведку можно будет успешно применять и для других более сложных памятников.

---

[6] Раскопки 1965 г. полностью подтвердили планировку помещений виллы.



К 60-летию М. М. ГЕРАСИМОВА

В 1967 г. исполняется 60 лет одному из самых популярных археологов и антропологов Советского Союза Михаилу Михайловичу Герасимову.

Михаил Михайлович родился 15 сентября 1907 г. в Петербурге, в семье врача. Детство и юность ученого прошли в Иркутске. Здесь началась и его научная деятельность. С пятнадцати лет он принимал участие в разведках и раскопках Б. Э. Пэтри на памятниках каменного века в Прибайкалье, а вскоре приступил и к самостоятельным исследованиям. В 1923 г. опубликована первая статья М. М. Герасимова о палеолитической стоянке на Кайской горе в Иркутске («Краеведение в Иркутской губернии», 1923, 3).

В 1925 г. Михаил Михайлович стал сотрудником Иркутского краеведческого музея, а в 1926 — заведующим его археологическим отделом. Уже тогда определилась основная область интересов М. М. Герасимова. Он занялся каменным веком Восточной Сибири, обнаружил несколько ранних стоянок в районе Хабаровска, тем самым положив начало изучению первобытной археологии Дальнего Востока («Новые стоянки доисторического человека в окрестностях Хабаровска». Известия Восточно-Сибирского отдела РГО, 53, 1928), раскопал ряд неолитических погребений в Прибайкалье. Но главным открытием ученого явилась позднепалеолитическая стоянка Мальта́ на притоке Ангары — р. Белой.

Этот памятник, обнаруженный М. М. Герасимовым в 1928 г. и исследовавшийся им в 1928—1930, 1932, 1934, 1937, 1956—1957 гг., исключительно важен для археологии СССР. Во-первых, это одна из древнейших стоянок Сибири, освещающая проблему первоначального заселения этой области. Во-вторых, раскопки Мальты́ дали большую серию произведений искусства: костяные статуэтки женщин и птиц, пластинку из бивня мамонта с гравированным изображением этого животного и т. д. Открытие великолепных образцов палеолитического искусства далеко от Франции заставило пересмотреть традиционные представления о развитии творчества в древнекаменном веке. В-третьих, в Мальте было найдено первое в СССР позднепалеолитическое погребение с богатым инвентарем. Результаты рас-

копок на стоянке Мальта освещены М. М. Герасимовым в ряде сообщений («Мальта — палеолитическая стоянка». Иркутск, 1931; статьи в ИГАИМК, 118, 1935, Трудах советской секции АИЧП, 1, 1937, и т. д.). Особый интерес представляет статья о технике обработки кости на стоянке (МИА, 2, 1941), послужившая образцом для многих позднейших исследований.

Наряду с археологией Михаил Михайлович занимался и антропологией, уже в 1927 г. сделав первую попытку скульптурной реконструкции облика первобытного человека.

В 1932 г. М. М. Герасимов поступил в аспирантуру ГАИМК и переехал в Ленинград. До войны он работал в ИИМК и Государственном Эрмитаже. Как археолог Михаил Михайлович продолжал свои исследования на Белой, изучая помимо Мальты более поздние памятники — Бадай, Черемушник, Камень и др. Среди них самой важной была многослойная стоянка Усть-Белая, позволившая М. М. Герасимову поставить вопрос о выделении мезолитического этапа в каменном веке Сибири («Поздние палеолитические стоянки р. Белой». БКИЧП, 6—7, 1940). В Эрмитаже Михаил Михайлович вел большую реставрационную работу. Обладая многообразными талантами, настоящими «золотыми руками», он реставрировал сотни вещей, преимущественно из раскопок в Причерноморье, а также создал несколько произведений медальерного искусства (плакетки к юбилеям Руставели, эпоса «Давид Сасунский» и др.). Но постепенно основные усилия М. М. Герасимова сосредоточились на опытах по восстановлению лица по черепу.

Многочисленные контрольные исследования на криминалистическом материале, анализ всевозможных анатомических и антропологических наблюдений, долгая реставрационная практика, талант скульптора помогли М. М. Герасимову впервые в мировой науке создать достоверные портретные реконструкции облика древних людей. В 1938 г. эти исследования были признаны антропологами. Появились публикации первых реконструкций — Ярослава Мудрого, Андрея Боголюбского, Тимура, Шахрука, Улугбека, новгородского владыки Василия. Бюсты работы М. М. Герасимова вошли в экспозицию многих исторических и биологических музеев.

Развитие нового направления антропологии стало центральной задачей Михаила Михайловича в послевоенные годы, когда он переселился в Москву. Сначала эти работы велись в ИИМК, а с 1950 г. — в Институте этнографии АН СССР, где М. М. Герасимов возглавил лабораторию пластической реконструкции. В эти годы издана серия монографий Михаила Михайловича: «Основы восстановления лица по черепу» (М., 1949), «Восстановление лица по черепу» (М., 1955), «Портрет Ибн-Сины» (Ташкент, 1956), «Люди каменного века» (М., 1964). За первую книгу М. М. Герасимов был удостоен Государственной премии, за вторую — ученой степени доктора исторических наук. Итогом его многолетнего труда явилась галерея более чем из 200 бюстов, запечатлевших облик обезьянолюдей, питекантропа, синантропа, неандертальца и людей современного типа от начала верхнего палеолита до ряда исторических деятелей XVIII—XIX вв.

Методика М. М. Герасимова освоена его учениками, получила признание за рубежом. Разработанный М. М. Герасимовым метод реконструкции лица по черепу был многократно проверен на черепах современных людей. Восстановленные им черты их наружности неизменно совпадали с чертами, известными по прижизненным фотографиям.

Сосредоточив свое внимание на антропологических исследованиях, М. М. Герасимов не отошел от археологии. Нередко он принимает участие в раскопках, извлекая своими руками черепа на Костенковских стоянках, в Киевском Софийском соборе, в Гур-Эмире, во Владимирском Успенском соборе, в Московском Архангельском соборе. В последние годы он успешно реконструировал по черепам облик Ивана Грозного, царя Федора Ивановича, Фридриха Шиллера.

В книгах о восстановлении лица по черепу всегда много места уделено и археологии. Так, бесспорный интерес представляет попытка М. М. Гера-

симова пересмотреть периодизацию неолита Прибайкалья, предложенную А. П. Окладниковым. Наконец, в 1950-х годах Михаил Михайлович продолжил свои довоенные исследования на Белой. Завершены раскопки Мальты, найдены замечательные произведения искусства и, что не менее важно, тщательно изучены остатки палеолитических жилищ (см. статьи М. М. Герасимова в СЭ, 1958, 3 и КСИА АН СССР, 82, 1961). Широко развернулись раскопки стоянки Усть-Белая («Стоянка каменного века в нижнем течении р. Белой». Тезисы докладов на сессии ученого совета ИЭ АН СССР, посвященной итогам экспедиционных исследований 1957 г. М., 1958). Два полевых сезона на Мальте и Усть-Белой стали хорошей школой для молодых иркутских археологов, продолжающих сейчас начатую Михаилом Михайловичем работу.

В день своего шестидесятилетия М. М. Герасимов может с удовлетворением оглянуться назад. Важные археологические открытия, успешные раскопки, создание целой области антропологических исследований, сотни пластических и графических реконструкций — таковы результаты разностороннего и неустанного труда. Но Михаил Михайлович не успокаивается на достигнутом. Впереди — издание атласа реконструкций, посвященного людям эпохи неолита и бронзы, подготовка монографии о Мальтинской стоянке. Поздравляя Михаила Михайловича с его юбилеем, советские археологи желают ему долгих лет здоровья и бодрости, ждут от него новых книг и надеются на новые совместные работы.

А. А. Формозов

Публикации

А. Д. ГРАЧ

МОГИЛЬНИК САГЛЫ-БАЖИ II И ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ ТУВЫ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Исследованный в южной Туве могильник скифского времени Саглы-Бажи II расположен на рубеже котловины Великих Озер Монголии — в 27 *км* к западу от поселка Кызыл-Тей (Саглы) на высоте около 2000 *м* над уровнем моря на стыке хребтов Цаган-Шибэту и Танну-Ола [1]. Первые археологические исследования на территориях западного Овюра, в том числе и на территории Саглынской долины, были предприняты нами в 1955 г. во время проведения разведывательных маршрутов в западных районах Тувы, многие из которых к тому времени представляли собой белые пятна на археологической карте. Разведочные работы показали, что высокогорная Саглынская долина является одной из богатейших в археологическом отношении территорий Тувы и не уступает даже таким районам, как Монгун-Тайга, Кара-Холь и правобережье Улуг-Хема на участке от начала Саянской «трубы» до Демир-Суга.

Саглынская долина, особенно западная ее часть, является одной из самых суровых в климатическом отношении зон Тувы, даже летом здесь сохраняются обширные по площади постоянные снежники, очень часто выпадает снег, температуры воздуха низкие. Условия работы в Саглы весьма трудны [2], достаточно упомянуть о том, что полевой сезон 1961 г. завершался отрядом при температуре минус 27° С.

Расположенные на высокогорном плато памятники могильника Саглы-Бажи II хотя и вытянуты в единую цепь, простирающуюся с юго-востока на северо-запад, подразделяются на две группы. Первая группа (северо-западная) состоит из курганов с камерами-срубами — кург. № 1, 3 (рис. 1, 2,) 4, 5, 6 [3]. Курганы № 3 и 4 окружены единой подпрямоугольной оградой. В северо-западную группу входит и курган № 7, под которым имелось погребение монгун-тайгинского типа. Вторая группа (юго-восточная) включает три кургана с камерами-срубами — кург. № 8 (рис. 3), 9 (рис. 4), 13, детское погребение в каменном ящике — кург. № 11, 12 и ритуальную выкладку — кург. № 14 [4]. Программа работ на могильнике Саглы-

[1] Экспедиционные исследования в Саглы проводились под руководством автора и были организованы на средства Института этнографии АН СССР (1-й археологический отряд Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции), ГЭ и ИА АН СССР. Раскопки могильника Саглы-Бажи II, наряду с исследованием других объектов, проводились во время полевых сезонов 1960—1962 гг. Итоги раскопок были доложены на экспедиционном Пленуме в Москве (апрель 1962 г.) и на сессии ГЭ. А. Д. Грач. Итоги раскопок могильника пазырыкского этапа Саглы-Бажи II (южная Тува). Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работ Государственного Эрмитажа за 1962 г., Л., 1963, стр. 41—43.

[2] В работах принимали участие: мл. научный сотрудник Л. Г. Нечаева, чертежники К. Б. Серебровская, М. А. Петухов, лаборанты О. В. Субракова, Д. Г. Савинов, М. Н. Пшеницына, шоферы Е. М. Демин, С. А. Шамаш, бригада рабочих землекопов — жителей Саглынского сумона Тувинской АССР.

[3] Здесь и далее номера раскопанных объектов приводятся в соответствии с нумерацией по генеральному плану могильника.

[4] Помимо курганов скифского времени, на могильнике Саглы-Бажи II имеются три древнетюркские поминальные оградки, а также незадернованный каменный курган, датировка которого пока неясна.

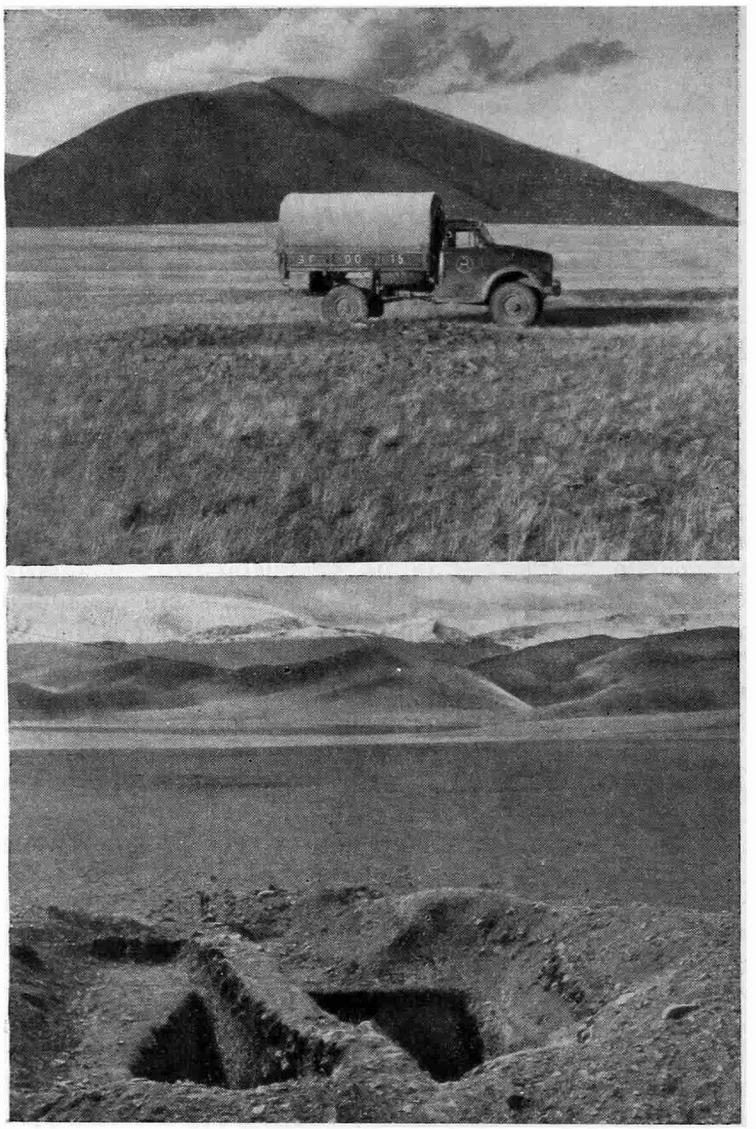


Рис. 1. Курган № 3

1 — общий вид до раскопок, *2* — вид раскопа и бровки

Бажи II предусматривала полное исследование всех курганов с камерами-срубами и сопутствующих сооружений, демонтаж камер и доставку одной из них в Государственный Эрмитаж.

Разработка и проверка в поле поисковых признаков позволила нам весной 1961 г., еще до начала широких раскопок, сформулировать и обосновать соответствующие соображения в пользу неграбленности могильника Саглы-Бажи II, базировавшиеся на выявлении характера оседания наземных сооружений, заполнения могильных ям и просадки деревянных перекрытий-срубов в мерзлотных и безмерзлотных условиях. Наряду с совокупностью описательных признаков поисковая формула имеет и цифровое выражение, получаемое в итоге нивелировки кургана по двум основным осям. Раскопки полностью подтвердили исходные поисковые принципы — нетронутыми оказались не только все восемь курганов с камерами-срубами, исследованные на могильнике Саглы-Бажи II, но и курган с камерой-срубом, расположенный у подножия возвышенности Кузуленги, в 30 *км* от Саглы-Бажи II, взятый для сравнения и контроля, для

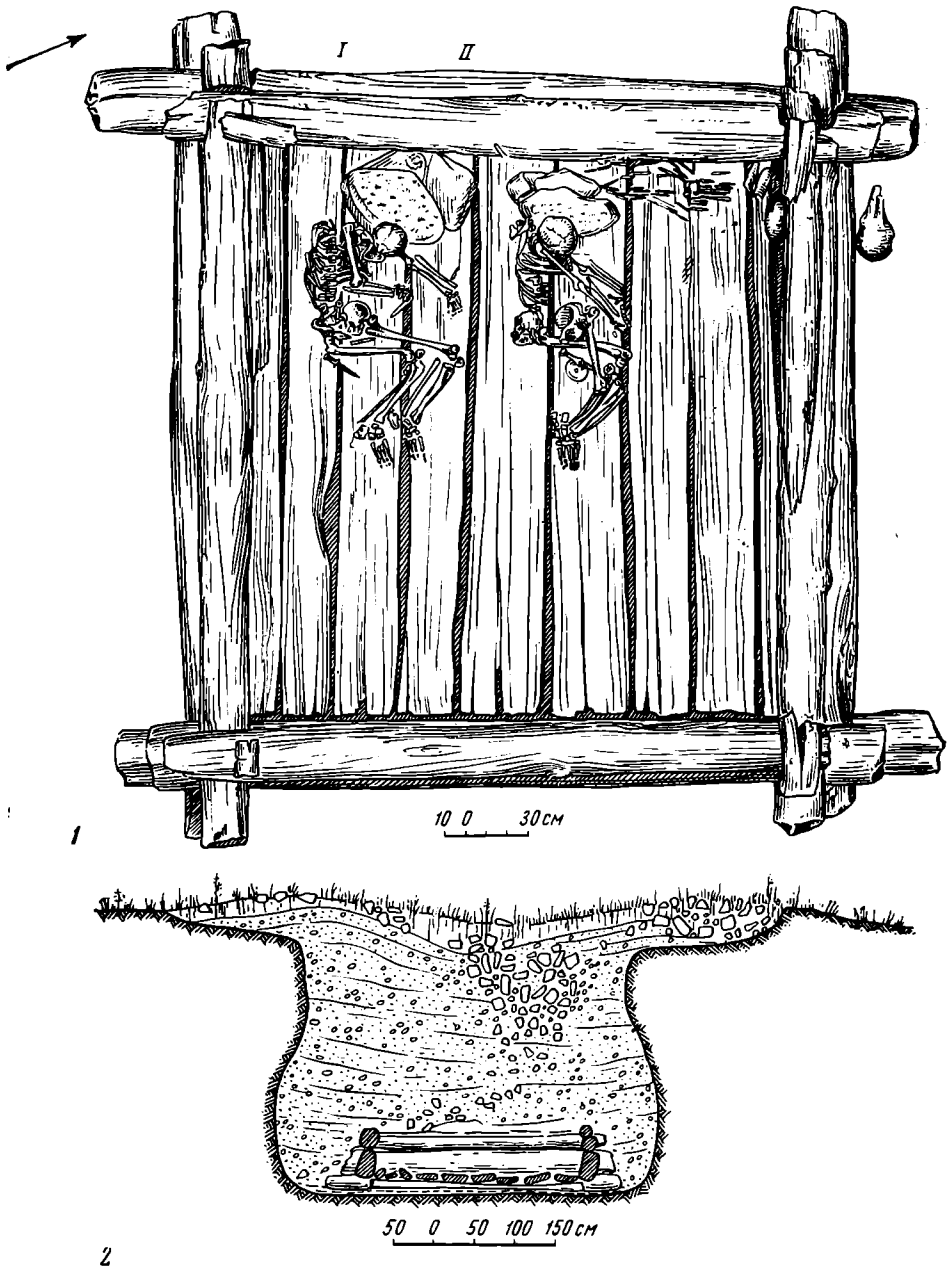


Рис. 2. Курган № 3

1 — план камеры, *2* — разрез

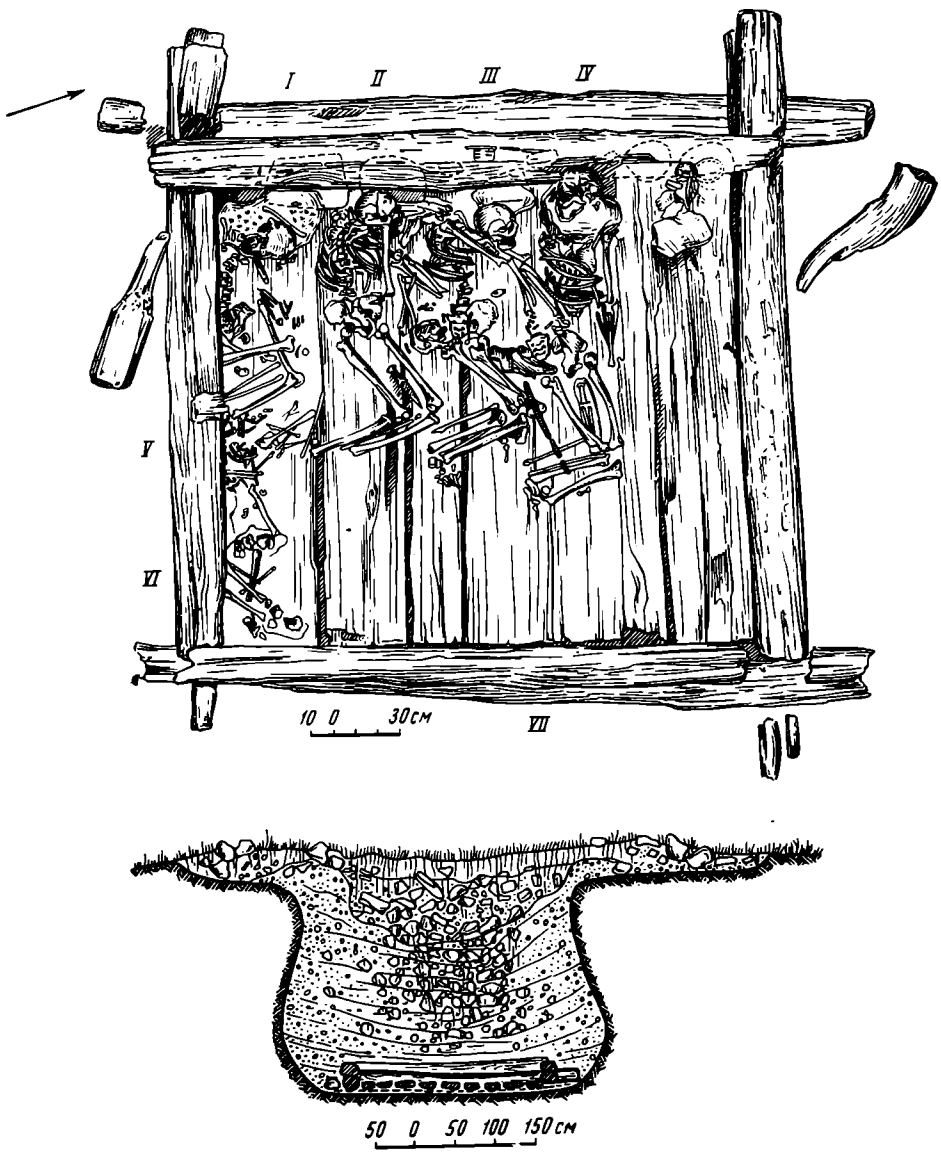
объективной проверки поисковых признаков на возможно более широком фоне [5].

Могильник Саглы-Бажи II оказался первым целиком непотревоженным могильником среди всех памятников пазырыкского типа. Все раскопанные ранее большие и малые курганы Алтая были разграблены в древности. Широко известно, какой непоправимый вред для разработки важных историко-археологических проблем принесла деятельность древних грабителей и более поздних охотников за ценностями, скрытыми в курганных усыпальницах. Деятельность древних грабителей приняла в свое время

[5] Вопросу о принципах поиска и определения до раскопок неграбленых курганов пазырыкского времени и соответствующим цифровым данным в ближайшее время будет посвящена специальная наша публикация.

необычайно широкие масштабы, они не только похитили огромное количество вещей, некогда находившихся в усыпальницах, но нанесли не меньший ущерб и тем, что переместили с первоначальных мест останки погребенных и тот инвентарь, который был оставлен в камерах. Печальная участь не миновала и знаменитых больших курганов Алтая в долине

1



2

Рис. № 3. Курган № 8

1 — план камеры, *2* — разрез

Пазырык, давших тем не менее находки мирового значения (благодаря подкурганной мерзлоте и после ограбления уцелели вещи, составившие исключительную коллекцию).

В свете сказанного понятно, что наши поиски были направлены к открытию непотревоженных комплексов, именно комплексов, которые позволили бы наиболее исторично и достоверно разработать вопросы датировки, социального строя, культуры и быта, культурных связей и, наконец, этнической истории населения обширных территорий Центральной Азии и Южной Сибири.

При раскопках камер-срубов пазырыкского этапа в Саглы мы решили применить некоторые методические приемы, которые должны были способствовать выяснению интересовавших нас теоретических и частных вопросов. Так, например, было решено, несмотря на большую в ряде случаев глубину могильных ям, довести бровки полностью до уровня перекрытия

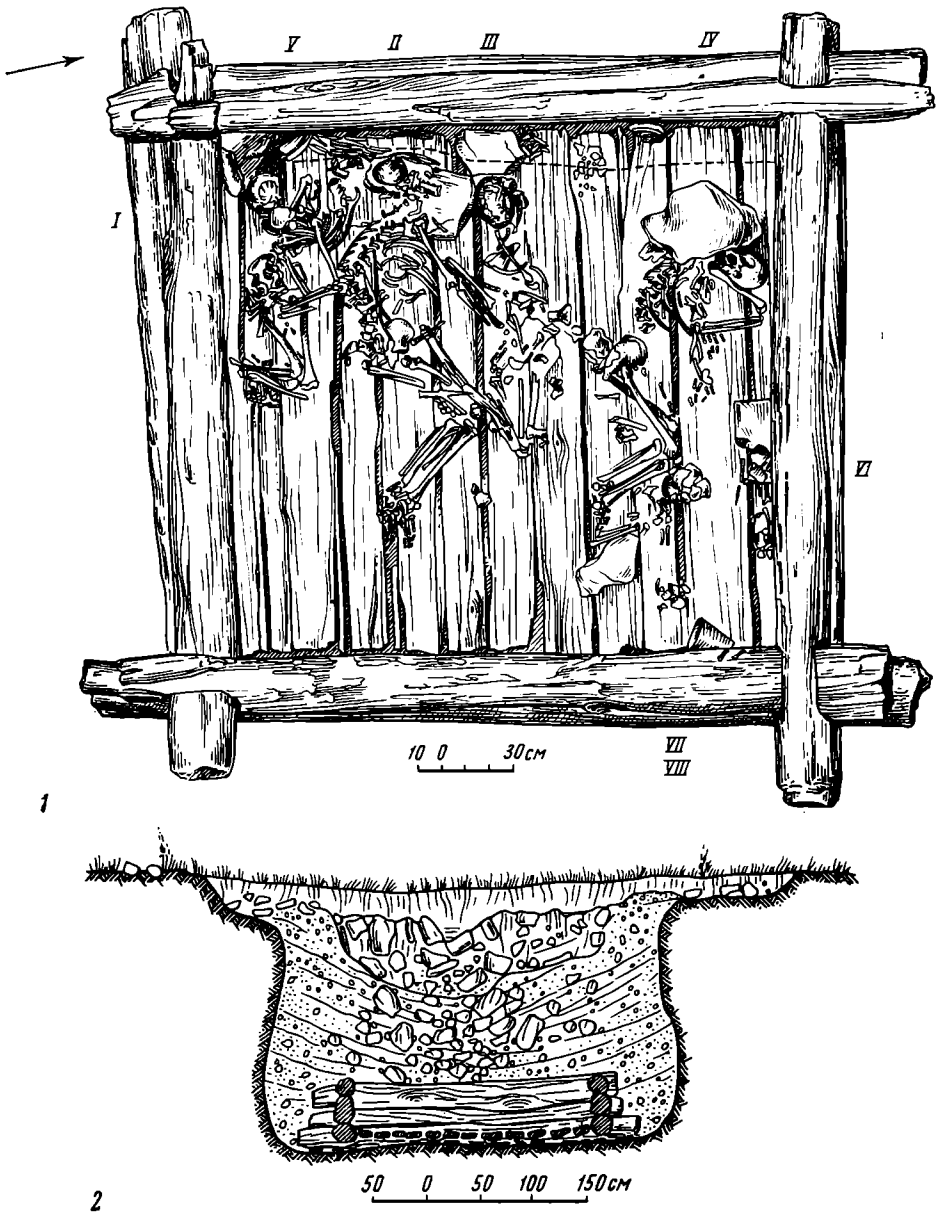


Рис. 4. Курган № 9

1 — план камеры, *2* — разрез

срубов, а не только до уровня выявленных контуров могильных ям. Это позволило получить наиболее достоверную стратиграфическую картину, в каждом отдельном случае получить точные данные о режиме промерзания камер, о конструкции подхоронительных ходов и соответственно получить ответ на чрезвычайно важный в историко-социальном отношении вопрос о многоактности или одноактности погребений.

Для оттаивания льда впервые при археологических раскопках была применена мелко истолченная каменная соль. Применение соли позволило во всех случаях, в том числе и в случаях особо трудных, фиксировать

находки со всей необходимой тщательностью и оставлять все предметы в первоначальном положении до полного оттаивания и расчистки всего комплекса камеры. Так, при исследовании камеры кург. № 8 деревянный сосуд, всплывший некогда при заполнении камеры водой под потолок сруба, а затем вмерзший в лед, был к моменту окончательной фиксации находки оставлен на тонком ледяном столбике. Необходимо особо отметить, что соль никоим образом не влияет на состояние находок из легко разрушающихся материалов, например, на состояние деревянных предметов. В итоге мы могли прийти к выводу, что соль по всем данным заслуживает широкого применения при исследовании памятников в мерзлоте и не идет ни в какое сравнение с теплой водой, оказывающей крайне отрицательное воздействие на состояние легко разрушающихся предметов.

При исследовании камер-срубов во многих случаях был применен метод съема групп находок монолитами, что позволило нам провести разборку некоторых сложных групп предметов не в полевых, а в камеральных условиях.

При костяках сохранился обильный черный тлен. Современные методы исследования образцов тлена позволят сделать попытку определить группы крови погребенных. Со всех объектов были взяты образцы для радиокарбонного анализа и определения дендрохронологии.

Особенности образования подкурганной мерзлоты в Саглы были несомненно иными, нежели те, которые зафиксированы при раскопках курганов в долине Пазырык. На Алтае основным фактором образования подкурганной мерзлоты являлось наличие крупных каменных надземных сооружений, служивших теплоизолятором [6]. Образование мерзлоты в саглынских курганах, где отсутствовали крупные надземные курганные сооружения, определялось, прежде всего, характером климатических условий Саглынской долины. Суровый климат этой высокогорной зоны обусловил главное и непременное условие: влага от весенних, летних и осенних осадков, проникавшая в засыпку и внутрь камер, замерзала в зимний период и не оттаивала летом, которое, как указывалось выше, бывает в Саглынской долине чаще всего очень холодным. В отличие от алтайских курганов, где образование мерзлоты проходило в две фазы (первая — после производства захоронений, вторая — основная по массе — грязно-желтый лед, образовавшийся после ограбления) [7], ледяная масса в непотревоженных саглынских курганах имела лишь одну фазу образования. Лед, заполнивший камеры-срубы в Саглы, имел прозрачный голубоватый цвет и был пронизан от верха до низа сериями продолговатых пузырьков. Совокупность наблюдений, полученных в Саглы, свидетельствует о том, что лед заполнил камеры уже тогда, когда разложение трупов в основном завершилось. К сказанному нам остается лишь добавить, что в Саглынской долине образованию подкурганной мерзлоты способствовала естественная мерзлота, отсутствующая в долине Пазырык.

В 1961 г. было завершено исследование внутренних частей камер всех раскапываемых курганов, были зафиксированы и сняты костяки [8] и сопровождающий их инвентарь. Тем не менее, работы по всестороннему исследованию конструкций некоторых камер (кург. № 3, 6, 8, 9) закончить не удалось, и эти работы были полностью завершены во время полевого сезона 1962 г. (рис. 5).

Принятые нами в конце полевого сезона 1961 г. меры предосторожности (временная засыпка камер) вполне обеспечили сохранность срубов до начала их демонтажа. Детальное исследование камер и смежных с ними отсеков могильных ям позволило установить ряд весьма существен-

---

[6] М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 19 сл.; С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 21 сл.

[7] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 12—24; М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 13 сл.

[8] Антропологический материал исследуется проф. В. В. Гинзбургом.

ных фактов. Изучение конструкции камер показало многообразие и высокое совершенство строительных приемов, применявшихся древними пазырыкцами Тувы. Все исследованные нами камеры сооружены таким образом, что концы бревен выступают за стены срубов (так называемая рубка с остатком). При исследовании крупных камер (кург. № 3, 8, 9) была зафиксирована глиняная промазка пазов в нижних ярусах срубов. Оба эти факта — рубка с остатком и глиняная промазка — свидетельствуют о стремлении создать сооружение, устойчивое к зимнему промерзанию. Масштаб срубов и применение древними строителями способов, обычно употребляемых при сооружении жилищ в суровых по климатическим условиям зонах, говорит о том, что погребальные камеры являются весьма близким прообразом реальных жилищ, сооружавшихся в этих же горных районах в скифское время.

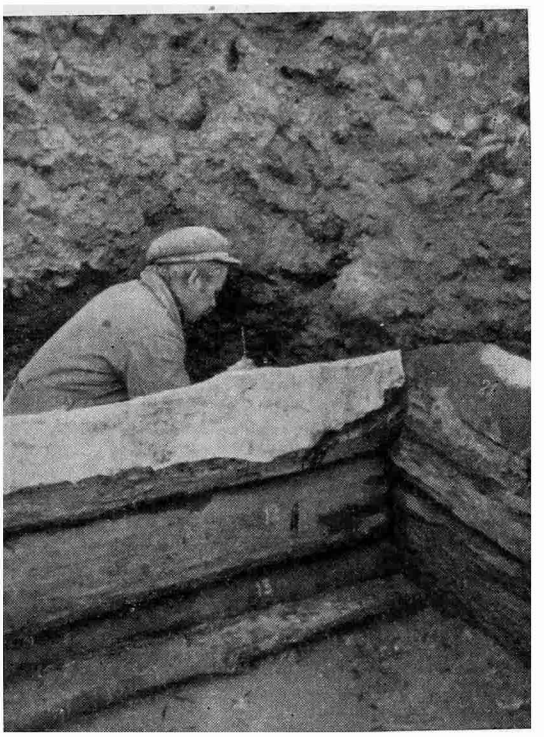


Рис. 5. Подготовка к демонтажу камеры-сруба кургана № 3

Во всех трех глубоких срубах (кург. № 3, 8, 9) были изучены подполы. Установлено, что подполы во время сооружения камер в северо-западных своих частях заполнены землей не были. Во всех подполах находилось большое количество строительных отходов — обрубки лиственницы, щепа. Это обстоятельство показывает, что срубы монтировались непосредственно в могильных ямах [9].

В отсеках между стенками камер и бортами могильных ям кург. № 3 и 8 были обнаружены орудия труда, использовавшиеся в свое время при рытье могильных ям (в кург. № 8 — деревянная колотушка и примитивная отгребная лопата; в кург. № 3 — колотушка из комля дерева). Все три деревянных предмета сохранились настолько хорошо, что не требуют консервации. Эти предметы во всех отношениях аналогичны находкам, обнаруженным в больших пазырыкских курганах Алтая: так же как на Алтае, древние насельники Саглынской долины использовали для разрыхления грунта при копке ям деревянные колотушки в комбинации с кольями. Обычай помещать у стенок камер орудия труда отражает устойчивую традицию, также характерную для пазырыкских памятников Алтая.

При исследовании могильных ям было установлено, что нижние ярусы большинства этих ям имеют «колоколовидную» форму — во всех трех случаях нижняя часть ямы оформлена круговым подбоем. Подобный способ подготовки ям был, по-видимому, применен при сооружении усыпальниц для сокращения земляных работ. В то же время этот факт, так же как и многочисленные строительные отходы, обнаруженные в подполах камер, дает еще одно доказательство того, что срубы монтировались непосредственно в ямах.

[9] Через отверстия между брусьями в подполы проникала часть трупного тлена от погребенных в камерах, и поэтому при исследовании подполов во время оттаивания ощущался столь же резкий запах тлена, что и при исследовании камер.

Экспедицией были проведены работы по специальному демонтажу и вывозу сруба из кург. № 3, предназначенного для экспонирования в Государственном Эрмитаже. Работы эти оказались весьма трудоемкими, общий вес камеры в промерзшем и увлажненном состоянии достигал 2,5 *т*. Вследствие несколько худшей сохранности углов сруба мы приняли решение не производить их разборку на месте, углы были выпилены и сняты целиком — монолитами. Для страховки крепления углов, а также бревен и брусьев верхнего яруса сруба эти части камеры были перекрыты марлей, пропитанной сверху парафином, разогретым до кипения. Стены сруба были разобраны.

Несмотря на дальнюю транспортировку (около 1000 *км* до железной дороги, через два крупных горных хребта), все детали сруба были доставлены в Государственный Эрмитаж без каких-либо видимых изменений и повреждений [10].

Погребальный обряд курганов с камерами-срубами (№ 3, 4, 5, 6, 8, 9, 13) могильника Саглы-Бажи II характеризуется следующими основными чертами [11]:

1. Ориентация погребенных головами на северо-запад, положение — в позе спящих на левом боку с подогнутыми ногами. Под головами погребенных — камни-«подушки». В ряде случаев камни эти были устланы по верху травой или мхом.

2. Абсолютное большинство захоронений — коллективные, многоактные. Взрослые погребенные располагались в один ряд, головами к северо-западной стенке камеры. Останки детей располагались в ногах погребенных взрослых, кроме одного случая, когда погребенная женщина держала ребенка в объятиях (кург. № 9, костяк 1).

3. В подземные камеры вели шахты подхоронительных ходов, через которые в срубы проносили каждого очередного погребаемого.

В кург. № 1 наблюдается другой вариант погребального обряда: ориентация погребенных головами на восток, положение скорченное на правом боку. Имеется сопроводительное захоронение двух коней в убранстве (рис. 6), располагающееся вблизи северного борта камеры.

В пределах могильника Саглы-Бажи II были раскопаны также погребения монгун-тайгинского типа, несомненно одновременные погребениям в камерах-срубах: парное захоронение мужчины с ребенком (кург. № 7) и детское погребение в каменном ящике (кург. № 10).

При погребенных в камерах был обнаружен разнообразный и многочисленный сопроводительный инвентарь.

Каждого из погребенных мужчин сопровождали наборы вооружения: бронзовые кинжалы-акинаки с крыловидными эфесами (рис. 7), в ряде случаев при них сохранились ножны, имевшие деревянную основу и кожаное покрытие, украшенное аппликациями; бронзовые боевые и вотивные чеканы (рис. 8, *1*), насаженные на деревянные рукоятки; изготовленные из бересты и кожи колчаны со стрелами, имевшими бронзовые трехперые (рис. 8, *4—10*) или костяные трехгранные наконечники; бронзовые ножи с петлей, в деревянных ножнах, обтянутых кожей; бронзовые зеркала (рис. 9, 10) в кожаных, меховых, матерчатых и войлочных футлярах; всевозможные бронзовые и роговые пряжки, обоймы, пуговицы, глазчатые импортные бусы. Особо следует отметить находки несессеров — кожаных мешочков, в которых в ряде случаев лежали бронзовые зеркало, нож и шило.

Очень многочисленны находки амулетов из просверленных клыков от убитых на охоте животных — медведя, благородного оленя (марала), дикого кабана, кабарги.

---

[10] В лаборатории Эрмитажа произведена консервация деталей сруба (углы, верхние ярусы стен камеры).

[11] К статье прилагается сводная таблица по всем курганам, раскопанным на могильнике Саглы-Бажи II.

В усыпальницах обнаружена значительная серия керамических и деревянных сосудов (рис. 11).

В кург. № 9 был обнаружен древнейший из известных в Центральной Азии и Южной Сибири прибор для добывания огня трением — деревянная планка-основа, на поверхности которой остались округлые обугленные углубления от вращавшегося сверла и циркульный орнамент, нанесенный

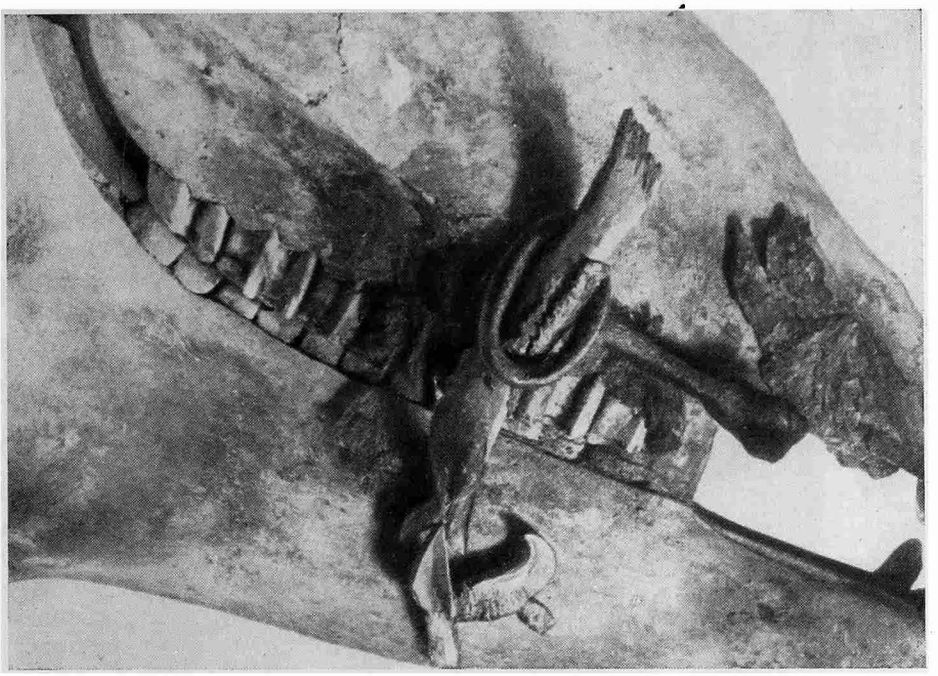


Рис. 6. Череп лошади с удилами и псалием (кург. № 1)

на рабочей и оборотной стороне планки. Орнаментальные знаки являются в данном случае не только рабочей разметкой для установки сверла, но и символом, который обозначал солнце, тепло, добывание огня [12].

В саглынских камерах-срубах найдены произведения искусства, выполненные в пазырыкском варианте скифского звериного стиля. Лучшие из них — резные пластинки, с ювелирной точностью выполненные из рога марала и лося. Одна из этих пластин показывает лежащую лошадь (кург. № 13, рис. 12), две другие являются парными (кург. № 8, рис. 13): на одной из них вырезаны две фигурки горных баранов, на другой изображены в характерной пазырыкской манере (с вывернутым назад крупом) две лошади; на этой же пластинке изображены головы хищных грифов, головки двух антилоп. Среди произведений искусства особое внимание обращает на себя изящная головка антилопы-чээрена, выполненная из маральего рога (кург. № 8, рис. 14).

Из дерева вырезаны фантастические грифы со змеиными туловищами, погрудное изображение хищника из семейства кошачьих (кург. № 1).

Отличаются от первоклассных произведений резьбы по рогу золотые изделия — накладные бляхи, бусы, покрытия деревянных предметов, они выполнены не очень тщательно, часто штампом. Из золотых изделий наиболее примечательна фигурка марала, уверенно вырезанная из цельного золотого листа (кург. № 3).

[12] Этому уникальному предмету посвящена специальная публикация: А. Д. Грач. Новое о добывании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента. КСИА АН СССР, 107, 1966.

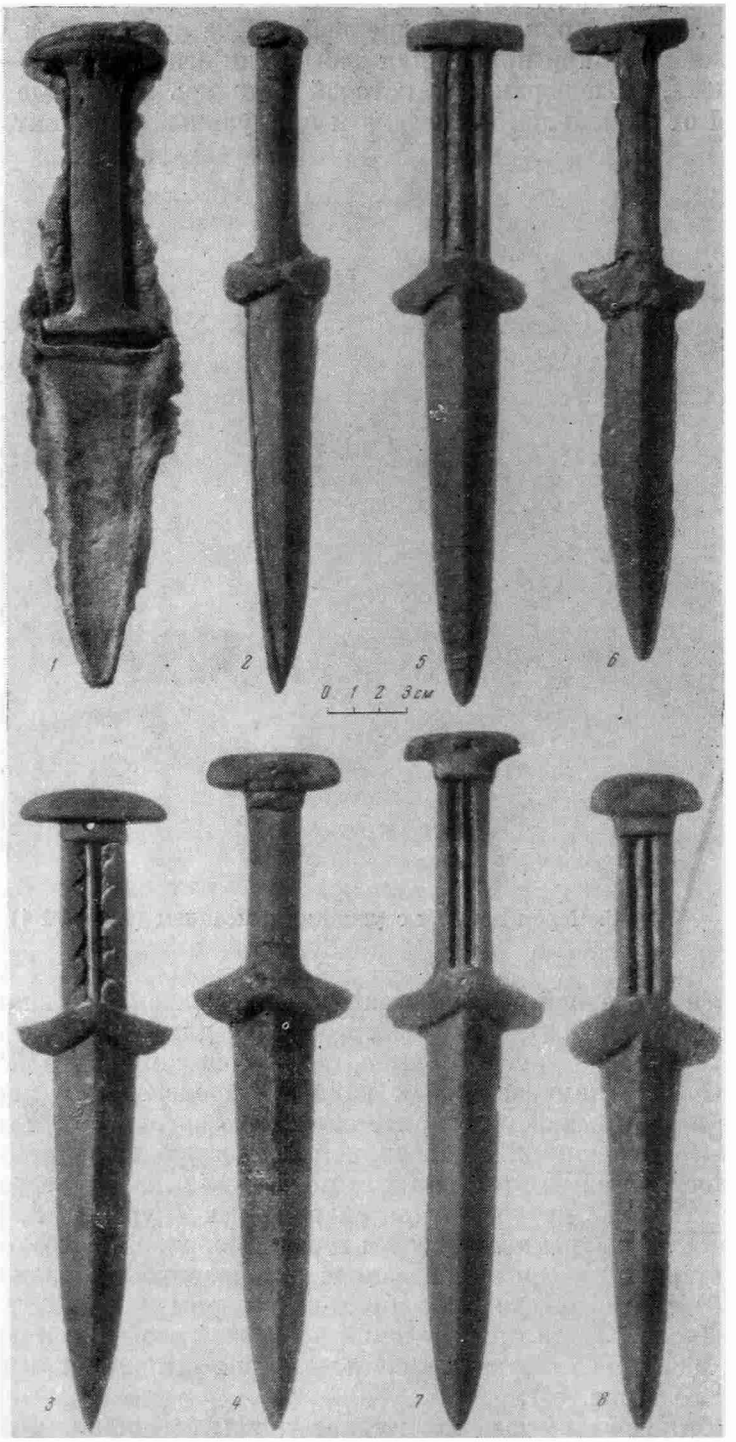


Рис. 7. Кинжалы (*1* — кург. № 5; *2* — кург. № 8; *3* — кург. № 13; *4* — кург. № 4; *5* — кург. № 9; *6*, *7* — кург. № 8; *8* — кург. № 3) Номера *1* и *2* изображены в половину натуральной величины.

* * *

В настоящей публикации мы имеем возможность лишь в самых общих чертах остановиться на итогах раскопок в Саглы-Бажи, подробно эти вопросы будут рассмотрены нами в специальной монографии [13].

Совершенно очевидно, что памятники скифского времени Тувы распадаются на ряд групп и вариантов, которые вследствие своей разнородности не могут быть объединены в в единую археологическую культуру, как это было сделано в свое время С. И. Вайнштейном и Л. Р. Кызласовым (по С. И. Вайнштейну, все памятники Тувы скифского времени именуются памятниками казылганской культуры [14], по Л. Р. Кызласову, они объединяются понятием уюкской культуры [15]). Обе предложенные классификации искусственно отрывают Туву от некоторых соседних территорий и, прежде всего, от Алтая, занося в одну рубрику памятники, специфичные только для Тувы, и памятники, являющиеся локальными вариантами культур скифского времени, имеющих распространение на соседних территориях.

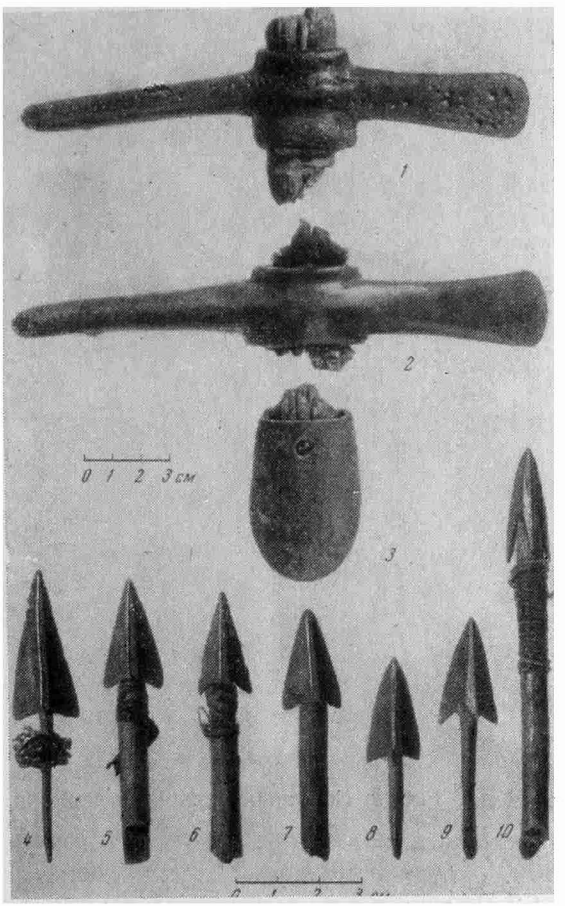


Рис. 8. Чеканы, вток, бронзовые наконечники стрел (*1* — кург. № 9; *2*, *3* — кург. № 1 могильника Кузуленги; *4—10* — кург. № 3)

Материалы новейших исследований, в том числе и раскопки могильника Саглы-Бажи II, показали, что ареал курганов пазырыкского типа включал не только территорию Алтая, но и обширные территории Центральной Азии и Восточного Казахстана [16].

На всех этих территориях представлены памятники пазырыкского типа, оставленные племенами, которые, по-видимому, составляли весьма могущественный союз.

Локальные варианты пазырыкской культуры могут быть классифицированы по особенностям погребального ритуала. Основные варианты сводятся к следующему.

---

[13] Монография, посвященная могильнику Саглы-Бажи II и проблемам археологии Тувы скифского времени, подготавливается автором по плану ИА АН СССР.

[14] С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VI, Кызыл, 1958, стр. 230—232.

[15] Л. Р. Кызласов. Этапы древней истории Тувы. ВМГУ, сер. ист., 1958, 4, стр. 75—89.

[16] А. Д. Грач. Проблема соотношения культур скифского времени Тувы, Алтая и Минусинской котловины в свете новейших исследований. Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Баку, 1965, стр. 86—88.

1. Алтайский вариант. Курганные погребения в камерах-срубах, ориентация камер — сторонами по странам света, ориентация погребенных — головами на восток, имеются сопроводительные погребения коней в убранстве. Памятники данного варианта встречены не только на Алтае, но также в Туве и Восточном Казахстане [17].

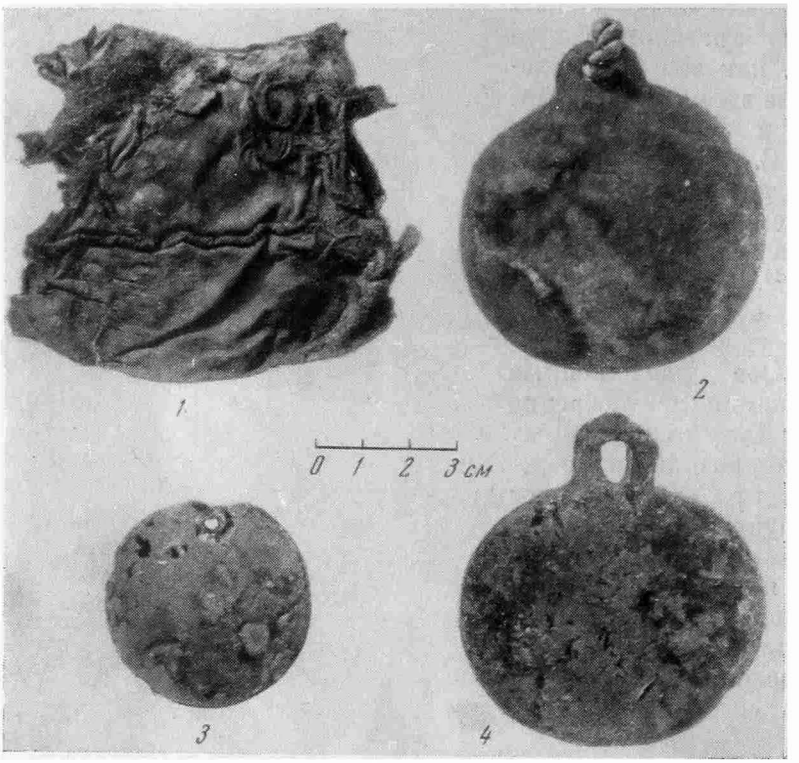


Рис. 9. Кожаный футляр и зеркала (*1*, *2* — кург. № 9; *3* — кург. № 6; *4* — кург. № 4)

2. Центральноазиатский (тувинский) вариант. Курганные погребения в камерах-срубах, ориентация камер — углами либо сторонами по странам света, ориентация погребенных — головой на северо-запад и запад, сопроводительное захоронение коней отсутствует.

В Туве памятники пазырыкского типа одновременны определенным вариантам комплексов монгун-тайгинского типа.

Среди курганов скифского времени, раскопанных на могильнике Саглы-Бажи II, представлены в основном курганы центральноазиатского варианта (№ 3, 4, 5, 6, 8, 9, 13), а также один курган алтайского варианта (№ 1) и один курган, содержавший монгун-тайгинское погребение (№ 7).

Памятники основного варианта комплексов, открытых на могильнике Саглы-Бажи II, имеют известные аналогии среди интересных памятников, обнаруженных раскопками С. И. Вайнштейна в Сут-Холе (могильник Казылган) [18] и среди памятников, раскопанных в Бай-Тайге (могильник

[17] С. С. Черников. Восточно-Казахстанская экспедиция. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, стр. 47 сл.

[18] С. И. Вайнштейн. Памятники скифского времени в западной Туве. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, III, Кызыл, 1955, стр. 78—102; его же. Археологические исследования в Туве в 1955 г. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, IV, Кызыл, 1958, стр. 39 сл., рис. IV.

Озен-Ала-Белиг) [19]. В то же время погребение пазырыкского этапа с конями, открытое в пределах могильника Саглы-Бажи II, является пока единственным в Центральной Азии и пока не имеет себе аналогий в Туве и Монголии. Раскопки этого кургана, совершенно алтайского по типу, имеют большое значение и потому, что неизученность этого типа памятников породила в литературе взгляды, исключавшие Туву из зоны расселения ранних кочевников [20]. Стационарные раскопки в Саглы не являются последними исследованиями в высокогорных зонах Тувы и Монголии, и потому совершенно очевидно, что обнаружение новых курганов с сопроводительными погребениями коней — только вопрос времени.

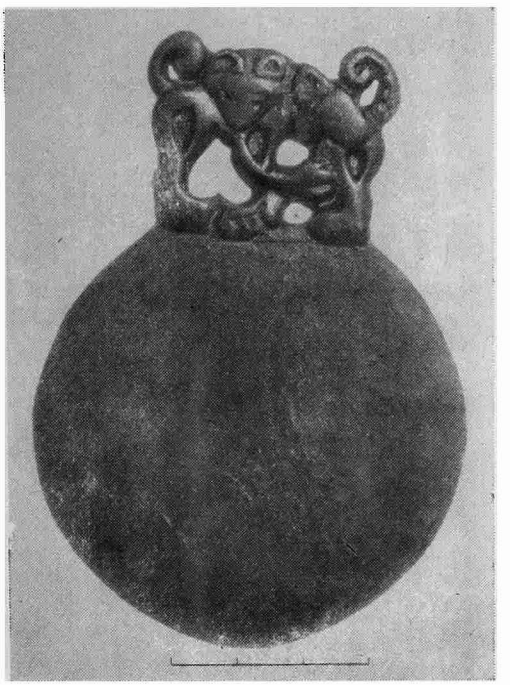


Рис. 10. Бронзовое зеркало (кург. № 13)

Датировка памятников могильника Саглы-Бажи II, так же как и кургана с камерой-срубом, раскопанного у подножья Кузуленги, определяется вполне четко по сопроводительному инвентарю (серия кинжалов-акинаков с крыловидными эфесами, специфические ножи с петлей, шилья, чеканы со втоками, бронзовые и костяные наконечники стрел, зеркала, пряжки, застежки, пуговицы, бляхи, предметы конской упряжи и другие вещи), который позволяет отнести эти курганы к V—III вв. до н. э., с предпочтительностью отнесения основной группы памятников к V—IV вв. до н. э. Предметы инвентаря находят себе многочисленные аналогии среди предметов скифского времени, происходящих с Алтая, из Тувы, Казахстана и некоторых других территорий.

Инвентарь из саглынских камер-срубов по многим сериям вещей демонстрирует особенное сходство с алтайскими находками. Совершенно сходны со своими алтайскими аналогами многие бронзовые изделия — оружие, наконечники стрел, ворворки, бляхи, пуговицы, колчанные пряжки и крюки; роговые изделия — сбруйные пряжки, «колоколовидные» подвески, поясные пряжки; деревянные изделия — сосуды, головные уборы.

Абсолютное повторение погребального обряда алтайского варианта памятников пазырыкского типа дает курган, содержавший погребение с конями. Необходимо также отметить, что и курганы, относящиеся к центральноазиатскому (тувинскому) варианту, также демонстрируют ряд моментов погребального ритуала, повторяющих некоторые собственно алтайские черты: обычай класть у стенок срубов инструменты для рытья ям — деревянные колотушки и лопаты. Нельзя также не отметить, что черепа многих людей, погребенных в саглынских усыпальницах, оказались трепанированными (отверстия были проделаны в лобных, затылочных и теменных костях); известно, что факты трепанации были зафиксированы и на Алтае [21].

[19] С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. Уч. зап. ТНИИЯЛИ, VIII, Кызыл, 1960, стр. 192, 194, табл. I.

[20] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 87.

[21] С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 327; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л., 1960, стр. 30 сл., рис. 161.

Раскопки могильника Саглы-Бажи II позволяют внести совершенно определенный вклад в разработку общей проблемы датировки памятников пазырыкского типа. Известно, что открытие памятников пазырыкского типа на Алтае, особенно больших курганов, вызвало в советской и зарубежной науке оживленную дискуссию, главным предметом которой явилась именно датировка пазырыкских памятников. В ходе этой дискуссии был создан ряд взаимоисключающих схем и вариантов периодизации.

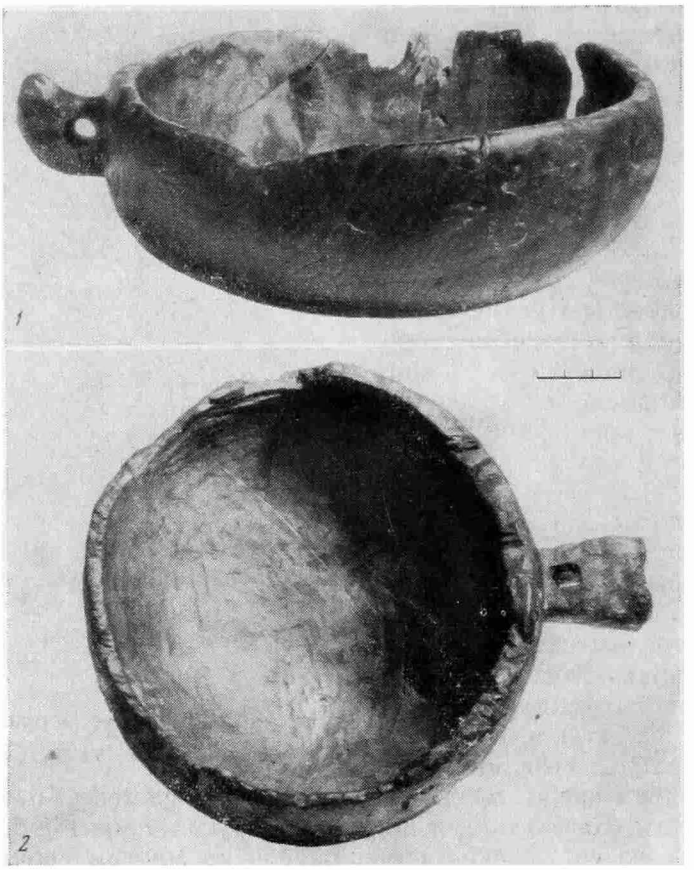


Рис. 11. Деревянные сосуды (*1* — кург. № 3, *2* — кург. № 8)

С. И. Руденко датирует всю эту группу памятников Алтая скифским временем без подразделения на этапы, причем первый Пазырыкский курган С. И. Руденко относит ко второй половине V в. до н. э., а всю группу пазырыкских курганов в целом датирует V—IV вв. до н. э.[22] М. П. Грязнов разработал периодизацию, согласно которой эти памятники подразделяются на три этапа: майэмирский (VII—VI вв. до н. э.), пазырыкский (V—III вв. до н. э.) и шибинский II—I вв. до н. э.) [23]. С. В. Киселев солидаризовался с мнением М. П. Грязнова в отношении выделения майэмирского этапа, однако предложил разделение его на ранний (VIII—VI вв. до н. э.) и поздний (V—III вв. до н. э.), снимая тем самым датировку

[22] С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, стр. 324, 360; его же. Культура населения Центрального Алтая, стр. 162—172, 336; С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, стр. 59; его же. Искусство скифов Алтая. М., 1949, стр. 81.

[23] М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, XVIII, 1947; его же. Первый Пазырыкский курган, стр. 10; его же. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. МИА, 48, 1956, стр. 44.

М. П. Грязновым курганов пазырыкской группы V—III вв. до н. э. С. В. Киселев предложил датировать пазырыкскую группу гунно-сарматским временем [24], с чем согласились в свое время А. Н. Бернштам [25], Л. А. Евтюхова [26], К. Ф. Смирнов [27] и Л. Р. Кызласов [28].

В. Н. Чернецов решительно и аргументированно выступил в защиту скифской датировки пазырыкских курганов [29]. К. Иеттмар выразил согласие с датировкой С. В. Киселева — с отнесением пазырыкских курганов

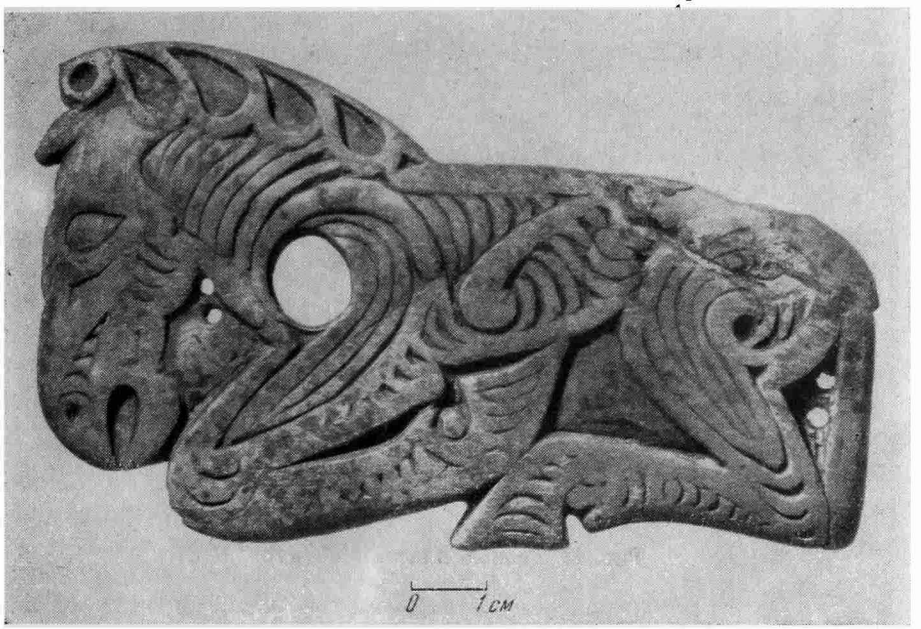


Рис. 12. Резная пластина (кург. № 13)

к гунно-сарматскому времени и одновременно признал наличие майэмирского этапа, отрицая, однако, наличие в этом этапе второй, поздней стадии [30]. А. Руз датировала первый и второй курганы большой пазырыкской пятерки IV в. до н. э.[31] Скифскую датировку Пазырыка принял А. П. Окладников [32]. Рассматривая вопрос о пазырыкском ковре, С. П. Толстов также поддержал его «скифскую» датировку [33].

[24] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.— Л., 1951, стр. 288—303; его же. Алтай в скифское время. ВДИ, 1947, 2, стр. 157—172.

[25] А. Н. Бернштам. Рец. на кн.: С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Вестн. ЛГУ, 1950, 4, стр. 164, 166; А. Н. Бернштам. Очерки истории гуннов. Л., 1951, стр. 27, 52.

[26] Л. А. Евтюхова. Рец. на кн.: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. Изд. АН СССР, М.— Л., 1953, ВИ, 1954, 6, стр. 145—150.

[27] К. Ф. Смирнов. Рец. на кн.: С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. Изд. АН СССР, М.— Л., 1952. ВИ, 1953, 2, стр. 119—122; Л. Р. Кызласов, К. Ф. Смирнов. Рец. на кн.: С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. Изд. АН СССР, М.— Л., 1952. СА, XIX, 1954, стр. 328—335. К. Ф. Смирнов в настоящее время более не разделяет датировки пазырыкских курганов гунно-сарматским временем и склонен датировать эти памятники скифским временем (V—IV вв. до н. э.). См.: К. Ф. Смирнов. Савроматы. (Ранняя история и культура сарматов). М., 1964, стр. 279

[28] Л. Р. Кызласов, К. Ф. Смирнов. Ук. соч., стр. 328—335.

[29] В. Н. Чернецов. Рец. на кн.: Культура населения Горного Алтая в скифское время. Изд. АН СССР, М.— Л., 1953. СЭ, 1954, 2, стр. 183—187.

[30] K. Iettmar. The Altai before the Thurks. «The Museum of Far Eastern Antiquities», 23, Stockholm, 1951.

[31] Anne Rous. Achemenid Influence upon Egyptian and Nomad Art. «Artibus Asiae», 15, 1—2, 1952, стр. 24—30.

[32] А. П. Окладников. Древнее население Сибири и его культура. В кн.: «Народы Сибири». М.— Л., 1956, стр. 68—76.

[33] С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР 1950 г. СА, XVIII, 1953, стр. 308 сл.

Радиокарбоновый анализ, проведенный в лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР, дал абсолютные даты совпадения со скифским временем (второй Пазырыкский курган — 2350±140 лет, пятый Пазырыкский курган — 2440±50 лет) [34]. Однако результаты этого анализа если и не подвергались со стороны некоторых археологов прямому сомнению, то во всяком случае раздавались голоса о необходимости археологической проверки датировки, т. е. нахождения предметов пазырыкского

Рис. 13. Резные пластинки (кург. № 8)

искусства в комплексе с инвентарем, который мог бы быть с несомненностью отнесен к скифскому времени.

Итак, если суммировать суть разногласий по поводу датировки пазырыкских курганов, то главное в дискуссии — вопрос о том, датировать ли эти памятники скифским временем или относить их к гунно-сарматской эпохе. Вопрос о датировке, естественно, был важен не только сам по себе, но влиял и на историческую интерпретацию этой группы памятников.

Открытие в Саглы-Бажи произведений искусства, вне всякого сомнения относящихся, как уже указывалось выше, к пазырыкскому кругу произведений скифского звериного стиля, открытие этих произведений в комплексе с превосходно датирующимися и наиболее многочисленными по представительности в комплексах сериями инвентаря в археологическом отношении не оставляет более сомнений в скифском возрасте и собственно алтайского Пазырыка.

Материалы раскопок в Саглы-Бажи позволяют, со своей стороны, заключить, что «сарматская» датировка пазырыкских курганов явно не выдержала проверки временем.

Произведенные в ходе полевых работ наблюдения позволяют сделать совершенно определенный вывод: коллективные погребения в срубах саглынских курганов являются погребениями многоактными, об этом свидетельствуют, прежде всего, подхоронительные ходы, ведущие в камеры. Каждая камера представляла собой коллективную семейно-родовую усыпальницу.

---

[34] С. В. Бутомо. Применение радиоуглеродного метода в археологии. Сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М.— Л., 1963, стр. 26; Х. О. Арсланов, С. В. Бутомо, Н. В. Кинд. Инструкция по сбору образцов для радиоуглеродного анализа. Сб.: «Абсолютная хронология четвертичного периода». М., 1963, стр. 147.

Особое значение имеет вопрос о социальной характеристике людей, погребенных в саглынских ледовых усыпальницах. Предварительный анализ материалов раскопок позволяет характеризовать эти усыпальницы как место погребения людей совершенно определенного социального слоя; это, конечно, не «царские» погребения вождей племенных объединений — погребения типа больших пазырыкских курганов Алтая, больших сакских курганов долины Или (Бес-Шатыр) [35] и долины Чиликты [36] или кургана Улуг-Хорум в той же Сагланской долине. В то же время не может быть сомнения в том, что это и не погребения рядовых кочевников, слишком много ценных вещей находилось при погребенных, слишком много усилий было положено для создания крупных подземных сооружений. Есть все основания для того, чтобы рассматривать Саглы-Бажи II как место захоронения родо-племенной аристократии, как место захоронения господствующей прослойки племен, обитавших в пазырыкскую эпоху на данной территории Центральной Азии.

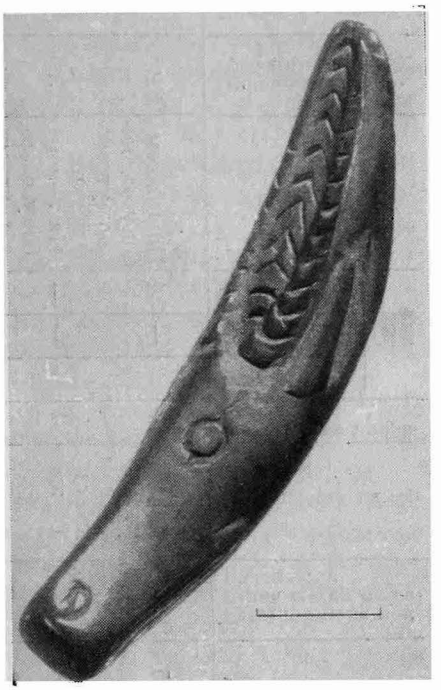


Рис. 14. Резная головка антилопы-чээрена (кург. № 8)

Мнение, которое было в свое время высказано в отношении аналогичных памятников, раскопанных на Алтае, и которое квалифицировало подобные курганы как погребения рядового населения, в свете новых данных не может более считаться обоснованным. Исследователи, сформулировавшие подобный вывод, были вынуждены базироваться на материалах, полученных из разграбленных курганов, и вполне естественно, что эти отрывочные факты, главным образом фрагментарные данные об инвентаре, сопровождавшем погребенных, и породили совершенно неоправданные представления о якобы рядовом характере этих курганов. Памятники рядового населения эпохи ранних кочевников — это памятники монгун-тайгинского типа, очень значительная часть которых относится к скифскому времени. Эти памятники, являющиеся самыми многочисленными археологическими комплексами Тувы и Северо-Западной Монголии, и являются массовыми памятниками рядового населения. К сказанному надо добавить, что происхождение памятников монгун-тайгинского типа уходит своими корнями в эпоху бронзы, и они являются, таким образом, памятниками древнего местного населения этих обширных районов Центральной Азии.

Вопрос о взаимоотношении памятников пазырыкского типа и сопутствующих им групп памятников нуждается в специальном и углубленном рассмотрении. Однако уже сейчас можно выдвинуть тезис о возможной этнической неоднородности населения Тувы в скифское время и наличии двух основных пластов, один из которых представлен памятниками пазы-

[35] К. А. Акишев. Культура саков долины реки Или (VII—V вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 9—86.

[36] С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965; его же. Золотой курган Чиликтинской долины. КСИА АН СССР, 98, 1964, стр. 31.

Сводная таблица курганов пазырыкского этапа и сопутствующих им памятников, исследованных на могильнике Саглы-Бажи II в 1960—1962 гг.

Тип памятника	Полевой шифр	№ по генплану и публикации	Общее количество объектов	Наличие мерзлоты	Размеры наземных сооружений по основным осям, м	Размеры ям, м	Размеры камер (внутренняя площадь), м	Глубина пола камер и дна могил от горизонта, м	Ориентация камер	Количество погребенных	В том числе: мужчин	В том числе: женщин	В том числе: детей	Положение погребенного	Ориентировка погребенных	Наличие сопроводительного конского захоронения	Наличие древних впускных одиночных погребений	Примечание
Курган с камерой-срубом	Ов-60-18	1	8	+	9; 8,5	3,75×2,5	2,5×2,5	2	Сторонами по странам света	3	2	—	1	На правом боку с подогнутыми ногами	В	+	—	2 конских костяка
То же	Ов-61-15	5		—	7,75; 9	4×1,5	2,7×2,45	1,7	То же	1	1	—	—	На левом боку с подогнутыми ногами	З	—	1	
» »	Ов-61-13	3		+	8; 8	3,5×3,75	2,8×2,8	3,06	Сторонами на СЗ, СВ, ЮЗ, ЮВ	2	2	—	—	» »	СЗ	—	—	
» »	Ов-61-14	4		—	6,5; 6,5	2,85×3,6	2×2,3	1,60	То же	5	2	2	1	» »	СЗ	—	—	
» »	Ов-61-16	6		—	8; 9		1,35×1,40	1,57	» »	6	2	3	1	» »	СЗ	—	—	
» »	Ов-61-18	8		+	8,5; 7,75	3,25×3,75	2,3×2,35	2,90	» »	7	4	—	3	» »	СЗ	—	1	
» »	Ов-61-19	9		+	7,5; 7,5	3,10×3,40	2,5×2,45	2,40	» »	8	1	3	4	» »	СЗ	—	—	
» »	Ов-61-23	13		—	5,75; 6,5	4,5×3,75	2,8×2,35	1,97	» »	7	2	2	3	» »	СЗ	—	1	Антропологические данные проверяются дополнительно
Погребение монгун-тайгинского типа	Ов-61-20	10	2	—	3,2; 2,75	—	—	0,40	—	1	—	—	1	» »	З	—	—	
То же	Ов-61-17	7		—	3,5; 4,5	—	—	0,79	—	2	1	—	1	На правом боку с подогнутыми ногами	З	—	—	
Ритуальная выкладка-кольцо	Ов-61-21	11	2	—	7,5; 7,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
То же	Ов-61-22	12		—	5,75; 5,75	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Ритуальная выкладка	Ов-61-24	14	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Всего по могильнику		13								42	17	10	15				3	

рыкского типа, а другой — некоторыми вариантами памятников монгун-тайгинского типа. Вполне очевидно, что эти два этнических пласта, являвшиеся одновременно и социальными категориями населения эпохи ранних кочевников в Туве, начали свое сосуществование на территории Тувы именно в скифское время, и пришлым, вероятно, было население, оставившее курганы пазырыкского типа и являвшееся господствующим слоем по отношению к многочисленным этническим группам, которым принадлежат курганы монгун-тайгинской культуры.

Любопытные факты дает исследование саглынских усыпальниц и по вопросу о роли и положении женщин в роде и семье. Во всех случаях женщины покоились в камерах в одном ряду с вооруженными мужчинами и в совершенно идентичном с ними положении, однако с «женским» инвентарем. Никаких фактов, которые свидетельствовали бы о насильственном захоронении женщин вместе с умершими мужьями, нет. Напротив, все имеющиеся факты свидетельствуют о высоком положении женщин в семье, именно поэтому положение в камерах останков женщин аналогично положению останков мужчин.

Исследования в Саглы порождают вполне закономерные вопросы: есть ли в высокогорных зонах Тувы другие неграбленые могильники скифского времени, не являются ли саглынские курганы единственными в своем роде? На эти вопросы может быть дан вполне определенный ответ: исследованные в Саглы пазырыкские памятники в ближайшем будущем перестанут быть уникальными по сохранности — на составленной нами в 1953—1962 гг. археологической карте высокогорных районов Тувы — в Монгун-Тайге, в Овюре, в Кара-Холе, в Бай-Тайге, а также в Центральной Туве имеется целый ряд могильников аналогичного типа. Многие из этих памятников в свете саглынских раскопок перестали быть «замаскированными». Планомерное исследование курганов скифского времени, вне всякого сомнения, позволит не только повторить, но и во много раз приумножить результаты раскопок саглынских курганов. Применение поисковых принципов, проверенных в Саглы и полностью оправдавших себя, имеет прочное и перспективное будущее.

А. Н. ЩЕГЛОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ОКРУГИ КАЛОС ЛИМЕНА

Как известно, в тексте торжественной клятвы херсонесцев, так называемой Херсонесской присяге (IOSPE, 1^2, 401), упоминаются два города — Керкинитида и Калос Лимен, входившие в числе прочих укреплений в состав Херсонесского государства к моменту составления текста присяги. В другом эпиграфическом документе, хвалебном декрете на пьедестале статуи Диофанта (IOSPE, 1^2, 352), те же пункты перечислены вновь, но уже в связи с возвращением их в подчинение Херсонесу в период войн последнего со скифами. При этом Диофант, взяв Керкинитиду, приступил к осаде Калос Лимена, но вынужден был ее оставить, и крепость эта пала в результате действий отряда херсонесского войска, что и зафиксировано в специальном декрете, надпись на фрагменте которого прокомментирована В. В. Латышевым (IOSPE, 1^2, 353). Не исключено, что Страбон в описании западного побережья Крыма упоминал Калос Лимен (Strabo, VII, IV, 2) [1]. Более поздние авторы (Arr., Peripl., 30; Anonym., Peripl., 83) называют Керкинитиду и Калос Лимен скифскими городами.

Калос Лимен современными исследователями согласно отождествляется с Черноморским (Ак-Мечетским) городищем [2], которое лежит на берегу Черноморской бухты, пожалуй, единственной удобной и красивой гавани на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова Крыма. Археологическое изучение этого городища начал в 1929 г. Л. А. Моисеев [3], открывший здесь участки оборонительной стены с башней. Облицовка стены сложена из рустованных квадров, скрепленных пиронами в виде «ласточкиного хвоста»; пространство между облицовками заполнено бутом на глиняном растворе. На вертикальной внешней поверхности одного из блоков вырезана буква Δ, по-видимому, метка каменотеса. Характер кладки, техника обработки и примерные размеры облицовочных блоков, а также наличие врезанной на лицевой поверхности камня крупной метки, находят наиболее близкие параллели в оборонительных стенах Херсонеса (5, 16 и 17 куртины) [4] и башни, открытой на городище Беляус [5]. Уже отмечалось, что в стеностроительном искусстве Север-

---

[1] В. В. Латышев. Заметки по древней географии северного и восточного побережья Черного моря. 1. К Страбону, VII, 4, 2. ЖМНП, 1892, апрель, отд. V, стр. 1—9 (λοντικα, стр. 129 сл).

[2] К. Э. Гриневич. Городище «Прекрасная Гавань» в свете новейших данных. ВДИ, 1949, 1 (там же подробная библиография).

[3] Материалы Л. А. Моисеева сохранились неполностью (Архив и фотоархив ЛО ИА, ф. 2, 1929, № 130, 132; А-9751—А-9760).

[4] А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, 21, СПб., 1907, стр. 92—95; К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. ХС, Симферополь, II, 1927; ХС V, 1959.

[5] О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус, СА, 1965, 2.

ного Причерноморья обычай оставлять метки в виде букв греческого алфавита на наружной поверхности облицовочных квадров более всего характерен именно для Херсонеса [6]. По аналогии с крепостными сооружениями Херсонеса и беляусской башней, постройка стен Калос Лимена может быть отнесена, по-видимому, к концу IV в. до н. э.

В 1933 г. разведки Черноморского городища и его округи осуществлялись П. Н. Шульцем, который, зачистив раскоп Моисеева, пришел к выводу, что стены Калос Лимена «возведены во второй половине IV в. до н. э., неоднократно подправлялись и окончательно разрушены в позднеэллинистическое время» [7]. Это наблюдение оказалось хорошо согласованным с выявленной в последующем хронологией внутригородских напластований. Не менее важно и второе наблюдение П. Н. Шульца — об обилии в керамическом материале херсонесского импорта.

Раскопки Калос Лимена были возобновлены в 1948 г., и продолжены в 1950 г. М. А. Наливкиной, руководившей работами Евпаторийского отряда Тавро-скифской экспедиции. Результаты двухлетних раскопок ею опубликованы [8]. Автором выделены три основных стратиграфических горизонта, причем ранний из них относится ко времени наиболее интенсивного экономического расцвета Калос Лимена в составе Херсонесского государства в III—II вв. до н. э. Следующий по времени горизонт датирован на основе керамики II—III вв., а верхний, наряду с керамикой первых веков н. э., содержал строительные остатки и фрагменты посуды VIII—X вв. Последнее весьма интересно в связи с тем, что несколько видоизмененное название города (в форме Kalolimena) известно на средневековых компасных картах Черного моря, в частности на портолане Пьера Висконти 1318 г.

Наиболее важным представляется вывод М. А. Наливкиной о возникновении Калос Лимена в конце IV — начале III в. до н. э.[9], хотя теперь есть возможность, как мне думается, уточнить эту дату. Вместе с тем,— это будет показано ниже — последующие работы более полно выявили стратиграфию городища.

Ряд новых данных, дополняющих исследования М. А. Наливкиной, получен раскопками 1959 г., предпринятыми отрядом советско-польской экспедиции, руководство работами которой осуществлялось В. Ф. Гайдукевичем (СССР) и К. Михайловским (Польша). Краткий отчет с изложением результатов раскопок опубликовала М. Л. Бернар [10]. Представляет интерес в связи с притоком в Херсонес монетной меди Понта и Пафлагонии, начиная с периода походов Диофанта [11], находка пафлагонской монеты времени Митридата VI [12]. Очевидно, эта закономерность должна наблюдаться на всей территории Херсонесского государства. Некоторое недоумение, однако, вызывает ничем не аргументированное утверждение М. Л. Бернар о возникновении Калос Лимена в VI—V вв. до н. э. [13]

---

[6] О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Ук. соч., стр. 251.

[7] П. Н. Шульц. О работах Евпаторийской экспедиции. СА, III, 1937, стр. 253; его же. Евпаторийский район. АИР, М.— Л., 1941, стр. 270.

[8] М. А. Наливкина. Основные итоги работ Евпаторийского отряда. КСИИМК, XLV, 1952; ее же. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948—1952 гг.). ИАДК, Киев, 1957; ее же. Торговые связи античных городов Северо-западного Крыма. ПИСП, М., 1959; ее же. Керкинитида и Калос Лимен (некоторые итоги изучения). АГ, М., 1963.

[9] М. А. Наливкина. Торговые связи..., стр. 183.

[10] M.-L. Bernhard. Kalos-Limen. Fouilles Polonaises en Crimée URSS, 1959. Bulletin du Musee National de Varsovie, II, 1, 1961.

[11] К. В. Голенко. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. ВДИ, 1964, 4, стр. 54 сл.

[12] M.-L. Bernhard. Ук. соч., стр. 9.

[13] Там же, стр. 3.

Дополнением к исследованиям на городище служат материалы из примыкающего к нему крупного скифского курганного могильника [14]. Здесь же надо отметить, что местонахождение античного грунтового некрополя Калос Лимена до настоящего времени не установлено.

Таким образом, в результате исследований, сосредоточенных на городище, получены в общих чертах представления о главных этапах истории города, характере его крепостных стен и жилых домов, а также о торговых связях. В основном эти данные относятся к интересующему нас первому хронологическому периоду, когда Калос Лимен входил в состав Херсонеса. Однако наши суждения будут далеко неполными без выявления основных направлений экономики Калос Лимена, в первую очередь без установления роли сельского хозяйства в производственной жизни города.

В последние десятилетия изучение сельскохозяйственных территорий причерноморских античных государств стало одним из ведущих направлений в античной археологии. После выхода в свет работы В. Д. Блаватского [15] наибольшие результаты были достигнуты в изучении сельскохозяйственной хоры Боспорского царства и городской округи Херсонеса. В отличие от Боспора, где разведками и раскопками И. Т. Кругликовой [16] охвачена значительная территория Боспорского государства, в Херсонесе детальные исследования С. Ф. Стржелецкого [17] были сосредоточены на землях непосредственно городской округи, где исключительно хорошо сохранились земельные наделы и усадьбы античного Херсонеса. Последнее обстоятельство позволило довольно подробно выявить характер земледельческой территории города в IV—II вв. до н. э.

Решение основных вопросов организации и устройства ближайшей городской округи Херсонеса неизбежно приводит к необходимости широкого и всестороннего исследования всей сельскохозяйственной хоры Херсонесского государства, в том числе и собственных земледельческих территорий городов Северо-западного Крыма, входивших в его состав. Именно такая постановка проблемы позволит, надо думать, наиболее полно изучить сельское хозяйство античного государства в целом и тем самым подойти к решению многих неясных вопросов экономической и политической истории Херсонеса.

Тарханкутская экспедиция Херсонесского музея, созданная в 1959 г. в плане исследования хоры античного Херсонеса [18], с 1962 г. наряду с изучением других памятников Северо-западного Крыма [19], приступила к

---

[14] И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. II, СПб., 1884, стр. 126; E. H. Minns. Scythian and Greeks. Cambridge, 1913, стр. 267; Г. Д. Смирнов. Раскопки скифского кургана близ городища Калос Лимен. ВДИ, 1952, 4.

[15] В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

[16] И. Т. Кругликова. Исследование сельской территории европейского Боспора. СА, 1, 1957; ее же. Исследование сельских поселений Боспора. ВДИ, 1963, 2 (подробная библиография).

[17] С. Ф. Стржелецкий. Клеры Херсонеса Таврического. ХС, VI, 1961.

[18] Мне приходилось уже отмечать, что в состав херсонесской хоры кроме «равнины» (λεδιον) — прибрежных земель Северо-западного Крыма, на которых располагались укрепления (τειχη) херсонесцев, входили и ближайшие земледельческие округи Херсонеса, Керкинитиды и Калос Лимена, которые были основной сельскохозяйственной базой перечисленных городов. (Хора Херсонеса Таврического в IV—II вв. до н. э. (тезисы доклада). «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР», Баку, 1965, стр. 121).

[19] А. Н. Щеглов. Разведки 1959 г. на западном побережье Крыма. СХМ, II, 1961; его же. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. СХМ, III, Симферополь, 1963; его же. К истории древнего виноградарства в Крыму. «Виноградарство и садоводство Крыма», 1961, 12; его же. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг. КСИА АН СССР, 103, 1965; его же. О населении Северо-западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, 4; О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, 2; А. Н. Щеглов, В. М. Маликов. Новые памятники

поисковым работам на землях, непосредственно примыкающих к Калос Лимену. Одновременно проводятся работы разведочного характера и на самом городище, причем последние дали возможность уточнить его стратиграфию более полно, нежели предшествующие исследования М. А. Наливкиной.

Проложенная в связи со строительными нуждами траншея дала единый стратиграфический разрез с юга на север через всю территорию городища в его приморской части. На всем протяжении траншеи в ее обрезах выявлены пять четко прослеживаемых стратиграфических горизонтов. Общая мощность внутригородских напластований составляет в среднем 2 *м*. Верхний слой, толщиной 0,15—0,25 *м*, содержит в основном керамику позднеантичную, но среди нее нередки фрагменты сосудов VIII—X вв. Второй слой имеет толщину от 0,75 до 1 *м*. В нем видны выходы каменных стен, сложенных в технике бутовой кладки на глиняном растворе, прослеживаются глинобитные полы. Керамические материалы датируют этот слой первыми веками нашей эры, причем не позже II—III вв. Его подстилают два зольно-мусорных слоя, несущие в себе много признаков сплошных пожаров и разрушений. Верхняя граница горизонта залегает на глубине 1—1,2 *м* от современной поверхности; общая толщина двух слоев колеблется в пределах 0,5—1 *м*. Следов построек из камня в этих слоях нет, зато отмечены обрезы землянок. В одной из них на полу стояла саманная жаровня, 0,98 *м* в поперечнике и толщиной 0,05 *м*, с вертикальными бортами. Обращает на себя внимание очень большое число обломков лепной посуды, среди которой попадаются фрагменты горшков, орнаментированных ямочными ногтевыми вдавлениями по краю венчика или по плечу сосуда, а также осколков родосских амфор. При зачистке обреза одной из землянок обнаружены горло косской амфоры с двуствольными ручками и графитти в виде Ψ (рис. 1, *1*), а также светильник типа, датируемого О. Ф. Вальдгауером II в. до н. э.[20] (рис. 1, *2*). Слои пожаров, по всей видимости, можно связать с периодом войн Херсонеса со скифами, причем нижний, возможно, соответствует начальному этапу — времени захвата Калос Лимена скифами, а верхний — последнему, когда город был осажден войсками Диофанта и взят отрядом херсонесских воинов.

Подстилающий описанные горизонты пятый слой лежит непосредственно на материке. В обрезе траншеи были видны выходы стен, сложенных как из хорошо отесанных каменных блоков, в том числе рустованных, так и в технике бутовой кладки с аккуратной подтеской камня и применением глиняного раствора. Необходимо отметить, что в этот слой впущены основания некоторых землянок из перекрывающего горизонта, а стены (их верхние части) построек пятого слоя в ряде случаев выходят в нижний из двух лежащих выше слоев. Вероятно, стены отдельных зданий после разрушения еще какое-то время возвышались над поверхностью земли, а между ними ютились землянки[21]. Однако у большинства зданий, судя по строительным остаткам, каменными были только цоколи, а выше стены были сложены из сырцовых кирпичей. Отсюда — и мощное глинистое заполнение слоя.

Описываемый горизонт синхронен оборонительным стенам и датируется концом IV—II вв. до н. э. Преобладают керамические материалы херсонесского производства. Немало обломков черепицы и тары синопского

древнего виноградарства в Крыму. «Виноделие и виноградарство СССР», 1963, 7; А. Н. Щеглов, В. Д. Бурдак. О промысле рыбы у берегов Тарханкута в античную эпоху. «Рыбное хозяйство», 1965, 3.

[20] О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб, 1914, № 92.

[21] Некоторым подтверждением сказанному может служить, видимо, и наблюдение М. Л. Бернар, которая отмечает пристройку к эллинистической стене открытого ею помещения А, датируемого римским временем (M.-L. Bernhard, Ук. соч., стр. 9).

и гераклейского происхождения, в меньшем числе — фасосского. На одном из фрагментов синопского солена — клеймо с именами Омфалика (астином) и Дионисия.

Как видно из изложенного, стратиграфия и хронология городища хорошо согласуются с данными, хотя и весьма скудными, письменных источников, отмечающих основные этапы истории Калос Лимена [22]. Помимо

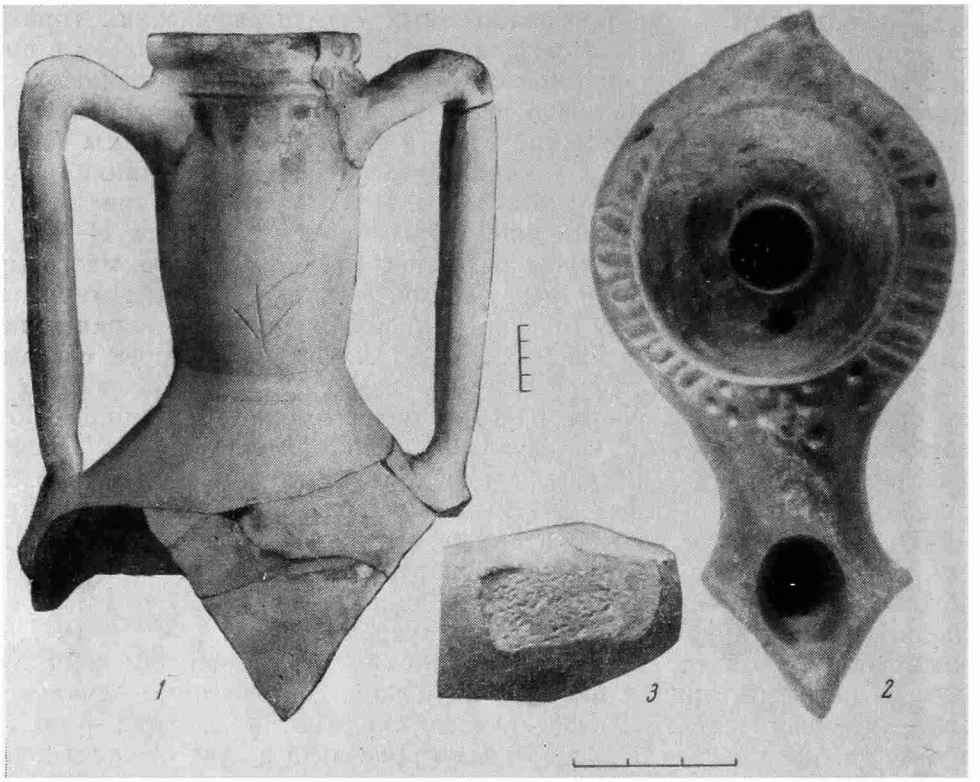


Рис. 1. Керамика из городища Калос Лимен

этого, сборы подъемного материала помогают осветить и некоторые другие стороны жизни на городище. Так, в дополнение к наблюдениям М. А. Наливкиной относительно торговых связей Калос Лимена с другими греческими центрами, назовем находку амфорной ручки с клеймом неизвестного центра, подражающим клеймению Родоса (рис. 1, *3*). Подобные клейма известны нам и в Херсонесе. Находки фрагментов различных архитектурных деталей, сделанных в Херсонесе (что определяется по материалу — мшанковому известняку), говорят о применении ордера в ранних постройках Калос Лимена, ввозе архитектурных порезок из Херсонеса и лишний раз указывают на тождество архитектуры обоих городов.

По-видимому, о наличии в населении Калос Лимена первых веков нашей эры греческого элемента (это особенно важно в связи с тем, что Арриан и Перипл Безымянного автора называют Калос Лимен скифским городом) свидетельствует находка плиты с греческой надписью [23], которая,

---

[22] Надо отметить, что стратиграфия Калос Лимена близка стратиграфии других городищ Северо-западного Крыма, в частности, Кара-Тобе (раскопки П. Н. Шульца в 1934 г.), Тарпанчи (раскопки автора в 1960—1966 гг.) и других.

[23] Чтение надписи и комментарий к ней будут даны в специальной работе Э. И. Соломоник.

судя по палеографии и условиям залегания [24], может быть датирована II—III вв. Вместе с тем, не исключена возможность использования греческого языка и алфавита местным, негреческим, населением Северо-западного Крыма, как это было уже в случае с обнаружением надгробной стелы возле городища Джан-баба у с. Марьино [25].

Изучение ближайших окрестностей городища Калос Лимен приводит нас к предположению, что в античную эпоху конфигурация береговой линии Черноморской бухты была иной, чем ныне. Как известно [26], бухта образована путем затопления морем устьевой части двух балок: Поповой и Кильшейхской. В образовании ее современных очертаний принимали и принимают участие несколько естественных процессов, взаимно накладывающихся один на другой. Главные из них, действующие одновременно,— волновые процессы, в результате которых произошло отшнурование части залива песчаной пересыпью и заполнение ложа аллювием [27]. Данные гидрогеологии и геоморфологии позволяют заключить, что еще в сравнительно недавнем прошлом к югу от плато, на котором располагается городище, существовал залив, довольно далеко вдававшийся в глубь суши. Теперь на его месте заболоченная пойма, заполняющаяся водой в зимне-весенний период, с сохранившимся опресненным озером по тальвегу. Отметим, что на карте съемки 1889 г. [28] к востоку от этого водоема показано еще одно небольшое озеро, теперь уже несуществующее. Тщательный просмотр обрезов илистых отложений по всей площади поймы (около 1 *кв. км*) не дал никаких археологических материалов. Нет их и на пересыпи. Вместе с тем, керамика античного времени встречается уже на песчанистом обрамлении поймы, которое, по-видимому, являлось древним берегом. Все это дает нам возможность предполагать, что во время существования Калос Лимена к югу от городища еще сохранялся удобный для захода судов залив, представлявший собой продолжение нынешней бухты.

Вероятно, небольшой заливчик (около 6 *га*) находился и с северной стороны Калос Лимена. Здесь тоже еще совсем недавно существовало небольшое озеро, отделенное от бухты узкой песчаной пересыпью и показанное на карте гидрографической съемки 1889 г. Теперь оно так же, как и указанное выше, исчезло, затянутое аллювиальными отложениями. На всей площади предполагаемой бухточки ни на поверхности, ни в обрезах канав и ям не обнаружено археологического материала, зато с севера к ней подходят следы стен древней размежевки.

Таким образом, есть достаточно оснований думать, что город, подобно многим другим античным городам, был основан на мысу, окаймленном с севера и юга удобными для захода судов бухтами, которые и дали ему название Прекрасной Гавани (рис. 2, *1*).

Некоторым подтверждением сказанному может служить, по-видимому, основание круглой башни, открытой на восточном берегу Черноморской бухты. Башня находится в 250 *м* к северу от городища Калос Лимен, т. е. примерно на противоположном от него мысу, у входа в предполагаемую северную бухточку (рис. 2, *2*; рис. 3). Зачищена западная часть сооруже-

---

[24] Текст надписи вырезан на нижней части эллинистической (судя по пропорциям и профилировке карниза) стелы, но характер шрифта относится, скорее всего, ко II—III вв. Плита найдена в районе южной линии оборонительных стен Калос Лимена во втором слое (верхний слой был срезан бульдозером). Просмотренный нами сопутствующий керамический материал относится ко II—III вв.

[25] П. Н. Шульц. Надгробный рельеф из с. Марьино. СХМ, III, 1963; Э. И. Соломоник. Надписи на стеле из с. Марьино. Там же.

[26] В. П. Зенкович. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, II, М., 1960, стр. 145.

[27] Подробно о морфологии и генезисе бухты см.: И. С. Курнаков, И. С. Кузнецов, А. И. Дзенс-Литовский. Соляные озера Крыма. М.— Л., 1936, стр. 93, 107 сл.; А. И. Дзенс-Литовский. Тарханкутский полуостров. Очерки по физической географии Крыма. 2, Л., 1938; В. П. Зенкевич. Ук. соч., стр. 145 сл.

[28] Лоция Черного и Азовского морей. Николаев, 1892, стр. 201.

ния (восточная сторона памятника находится под современной дорогой). Сохранился только нижний ряд кладки, положенной на плотный морской песок. Облицовка башни состоит из крупных известняковых блоков с тщательно обработанными поверхностями: вертикальной лицевой и горизонтальной верхней. Блоки аккуратно и плотно подогнаны друг к другу без скрепляющего раствора (рис. 3—4). Размеры их: ширина от 0,65 до 0,95 *м*,

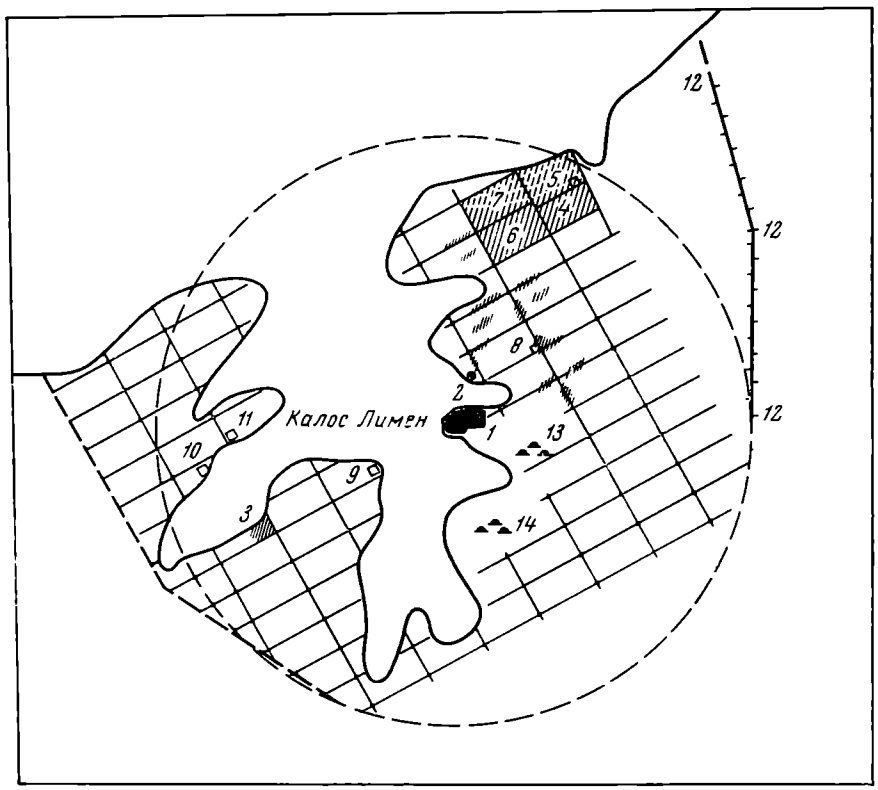


Рис. 2. Реконструкция округи Калос Лимена в конце IV—II вв. до н. э.
1 — городище, *2* — маяк (?), *3* — участок клера, *4—7* — клеры и усадьба в р-не бухты Ветреной, *8—11* — сельские усадьбы, *12* — вал, *13—14* — курганный могильник. Пунктиром нанесены предположительные границы округи, косой штриховкой — выявленные земельные наделы и отдельные участки межевых стен. Очертания береговой линии даны в реконструкции и не соответствуют современным

длина от 0,60 до 1 *м*, высота 0,36 *м*. Внутреннее пространство башни забутовано мелким рваным камнем на глиняном растворе. По длине открытой дуги наружной облицовки диаметр ее определяется равным 7,9 *м*. Отметим, что близкий диаметр (от 5 до 11 *м*) имеют эллинистические башни крепостных стен Херсонеса [29], а также круглое сооружение, исследованное М. А. Наливкиной в округе Керкинитиды,[30] и реконструируемый по облицовочным блокам диаметр эллинистической башни на городище Тарпанчи [31].

На расстоянии 3,8 *м* от башни расчищены остатки кольцевой ограды, толщиной 1,05 *м*. Сохранились только один-два ряда фундамента, сложенного из крупных (до 0,8 × 0,95 × 0,4 *м*) необработанных камней с заполнением пустот мелким рваным камнем. К западу от центральной башни кольцевая ограда частично разрушена морем; с востока она уходит под дорогу (рис. 3).

---

[29] К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. ХС, II, стр. 13, 40, 61, 73.
[30] М. А. Наливкина. Основные итоги работ Евпаторийского отряда, стр. 115 сл.; ее же. Раскопки в Евпатории. КСИИМК, 51, 1953; ее же. Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена, стр. 266.
[31] А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция..., стр. 143.

Обрез водопроводной траншеи, проложенной с восточной стороны дороги, показал, что башня с кольцевой оградой не связана ни с какими иными постройками, а является самостоятельным сооружением. Керамических материалов во время зачисток не обнаружено, все перекрыто стерильным слоем морского песка с окатанными камнями, выброшенными во время прибоев и штормов. Характер кладки и техника обработки облицовочных блоков позволяют датировать постройку в пределах IV—II вв. до н. э. Учитывая то обстоятельство, что кольцевая ограда

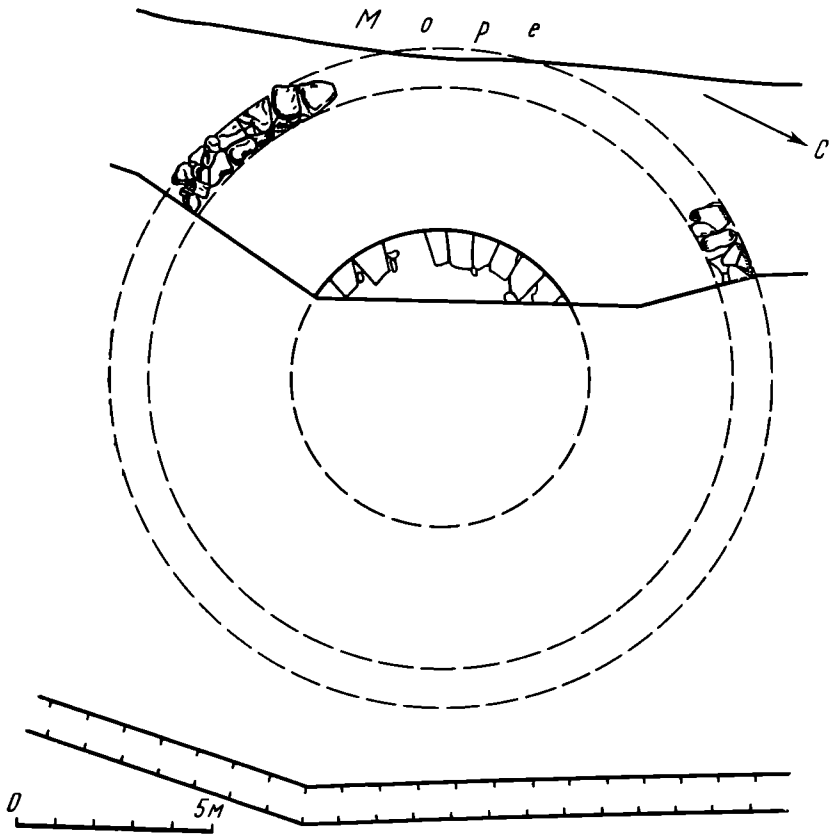


Рис. 3. План башни с кольцевой оградой (маяк?)

имела фундамент, впущенный в материк, а у основного сооружения такого фундамента не было, можно предполагать, что оно было сравнительно невысоким и, скорее всего, представляло собой не башню в собственном смысле этого слова (во всяком случае не боевую), а поднятую на некоторую высоту над землей круглую площадку. Указанная особенность, местоположение, изолированность и самостоятельность всего сооружения дают, на наш взгляд, основание высказать гипотезу, что открытое башнеобразное сооружение с кольцевой оградой могло служить маяком, который стоял у северного входа в северную гавань Калос Лимена. С южной стороны гавани огонь маяка мог гореть на северо-западной угловой башне города. Правильность нашего предположения, разумеется, должна быть проверена последующими исследованиями [32].

Следы древней размежевки в окрестностях Калос Лимена отмечались еще в первой половине прошлого века А. И. Шмаковым [33]. В своей кор-

[32] Не исключено, что подобный маяк находился и на противоположной стороне южной бухты, где П. Н. Шульцем были замечены выходы древних кладок (рис. 2, *9*). Но последние в равной степени могли принадлежать и усадьбе; на них мы остановимся ниже.

[33] А. И. Шмаков. Пирамидки из глины, найденные при Ак-Мечетской бухте. ЗООИД, 1, Одесса, 1844.

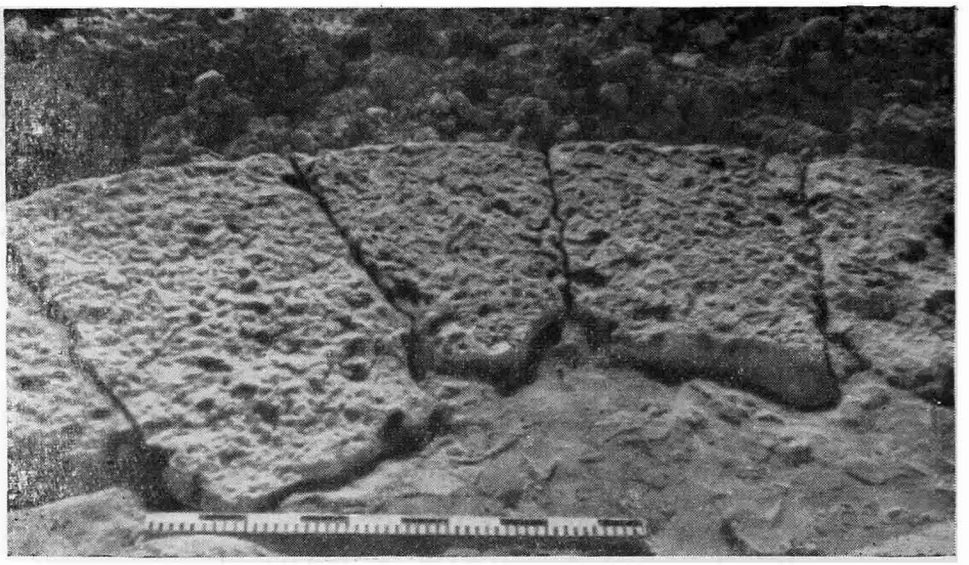


Рис. 4. Кладка башни с кольцевой оградой (деталь)

респонденции он писал, что «вокруг этой бухты (Черноморской.— *А. Щ.*) видны остатки каких-то правильных оград или заборов (по-татарски 'хора'), с различной длины и ширины, от 20 до 60 саженей (т. е. около 43 и 128 *м.*— *А. Щ.*). Время сравняло их с землею, но не смогло истребить образовавшихся полос из камней, которые некогда составляли те ограды» [34]. Свидетельство Шмакова на протяжении более чем ста с лишним лет оставалось единственным указанием на существование остатков древних наделов в округе Калос Лимена, на которое ссылались все исследователи. Специальных же полевых изысканий, посвященных выяснению характера размежевки сельской округи Калос Лимена, не проводилось. Между тем в процессе интенсивного освоения земель в современную эпоху возможности их археологического изучения постоянно уменьшаются, так как при глубокой распашке уничтожаются даже те незначительные следы стен и межей, которые можно просмотреть на поверхности.

В процессе работ Тарханкутской экспедиции установлены примерные границы размежеванной территории сельскохозяйственной округи Калос Лимена, выявлены многочисленные остатки оград клеров и заборов внутренней размежевки и отдельные наделы. Совокупность наблюдений позволяет в настоящее время представить в общих чертах характер земледельческой округи города.

Лучше всего остатки древнего размежевания сохранились к северо-востоку от городища (рис. 2). Следы каменных заборов начинаются в 200—250 *м* от Калос Лимена и прослеживаются на протяжении до 1,5 *км*, причем особенно отчетливо вдоль берега, где не производилась распашка. Заканчивается размежевка в районе левого берега небольшого залива, получившего название бухты Ветреной (рис. 2, *4—5*). К югу и востоку от городища наделы почти полностью уничтожены современной застройкой пос. Черноморское и домами усадьбы колхоза «Большевик», поэтому возможности выявления здесь каких-либо следов размежевки практически ничтожны, хотя и не исключены. Так, в 1,5 *км* к юго-западу от городища, в самом центре пос. Черноморское, на базарной площади, в 1964 г. открыт восточный угол клера и примыкающая к нему часть другого уча-

[34] А. И. Шмаков. Ук. соч., стр. 630.

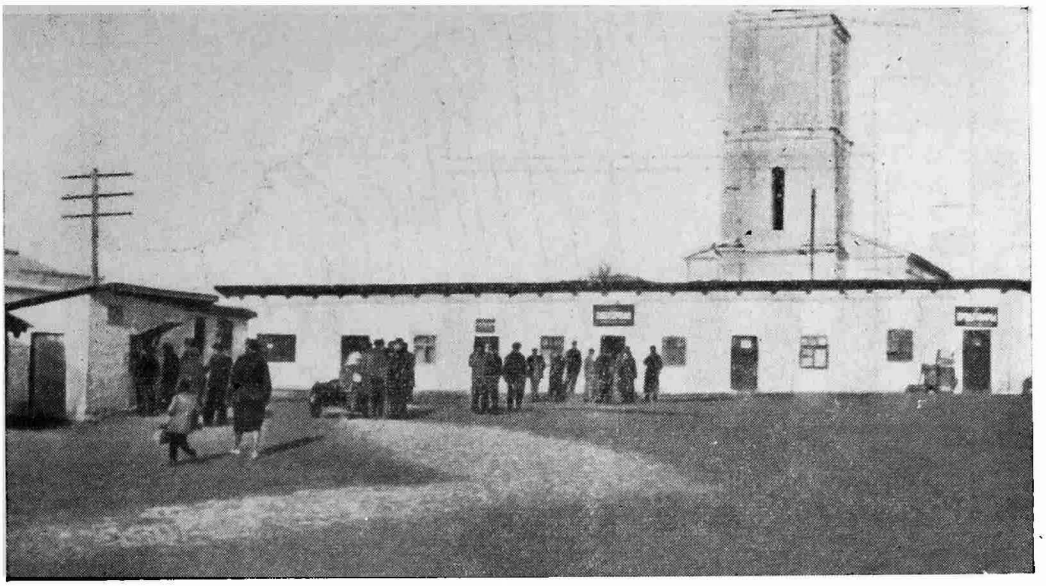


Рис. 5. Угол ограды клера к западу от Калос Лимена

стка (рис. 2, *3*). При косом солнечном освещении — утреннем, а еще лучше вечернем — на укатанной и вытоптанной площади очень отчетливо видны раскат каменной внешней ограды (рис. 5) с проходящей вдоль нее дорогой (ширина последней около 6 *м*), основания заборов внутренней размежевки наделов, плантажные стены виноградника. В основу размежевания положена прямоугольная планировка, причем оси заборов и стен направлены с юго-запада на северо-восток и, соответственно, с северо-запада на юго-восток.

Почти полностью сохранившийся земельный надел выявлен в 1962 г. у бухты Ветреной (рис. 2, *4*; рис. 6). Клер в плане имеет форму трапеции с параллельными длинными сторонами и несколько скошенной северо-восточной короткой стороной. Ориентирован надел углами по сторонам света так, что его большая ось направлена с юго-запада на северо-восток. С трех сторон — северной, северо-восточной и юго-западной — хорошо читаются на современной поверхности каменные стены ограды; южная же сторона клера распахана. Однако визуальное наблюдение с воздуха в 1965 г. показало, что и на распаханной территории следы каменных заборов четко видны, особенно при условии косого солнечного освещения.

Максимальная длина клера — 362 *м*, ширина — 200 *м*. Площадь — около 7 *га*. В северо-восточной части надела забором внутренней размежевки выделен участок поля шириной 65 *м* и площадью около 1,3 *га*. На остальной территории стен внутренней размежевки не обнаружено. Не обнаружено также плантажных стен виноградников или сада, поэтому назначение полей клера остается неясным. Отсутствие каменных заборов и плантажных стен объясняется, по-видимому, тем, что в данном месте залегает довольно мощный карбонатный почвенный слой, близкий по своему составу так называемым южным каштановым черноземам. Достаточная толщина почвенного слоя позволяла обходиться без тех затрат на сооружение стенок, которые вызывались необходимостью их создания на большой части Гераклейского полуострова и значительной территории округи Калос Лимена. На клере у бухты Ветреной можно было ограничиться лишь возведением ограды вокруг всего участка и упомянутого внутреннего забора, да и то построенных из мелкого камня. Как показал шурф, заложенный у ограды, стена имела толщину в 1 *м* и была сложена насухо из рваного камня. Более крупные камни составляли облицовки забора, а про-

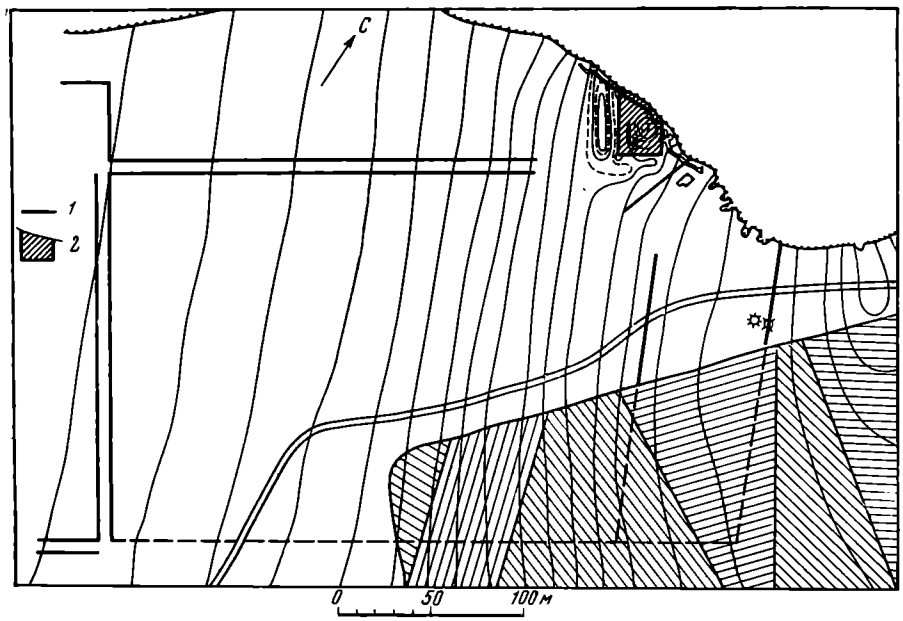


Рис. 6. План клера у бухты Ветреной
1 — ограда, *2* — усадьба

странство между ними забутовано каменной мелочью. Аналогично устройство оград и на клерах городской округи Херсонеса.

От соседних участков клер отделен дорогами, отчетливо видными с юго-западной и северо-западной сторон надела по ограничивающим их оградам (рис. 7). Ширина дорог — около 6 *м*, т. е. примерно такая же, что и на городских землях Херсонеса. Дорога, ведущая вдоль северо-западной ограды, подходит к крупной усадьбе, которая фактически расположена уже не на территории надела, а за его пределами — по другую сторону дороги (рис. 2, *5*; рис. 6).

По нашим четырехлетним наблюдениям, берег в районе усадьбы и к западу от бухты Ветреной разрушается со средней скоростью до 7—12 *см* в год [35]. Если эта величина абразии была постоянной за весь протекший период со времени постройки здесь усадьбы, т. е. округленно за последние 2300 лет, то разрушенная морем полоса суши должна составлять в среднем 200±50 *м*. Иными словами, на участке, прилежащем с севера к описанному клеру, по всей длине его, в море ушло около 5—9 *га* берега. Учитывая, что сохранившаяся часть этого участка составляет в настоящее время около 2 *га*, неизбежен вывод, что мы имеем в данном случае дело с остатками еще одного земельного надела, вероятно, подобного предыдущему, площадь которого примерно равнялась 7—11 *га*, т. е. была близка к площади рассмотренного клера. Надо, по-видимому, предполагать, что и усадьба у бухты Ветреной находилась на территории этого почти полностью уничтоженного морем надела (рис. 2, *5*).

С юго-западной стороны к клеру бухты Ветреной примыкает еще один аналогичный ему надел (рис. 2, *6*). Его границы выявлены во время наблюдений с самолета. С воздуха хорошо видны заборы внутренней раз-

[35] Близкие цифры (10—20 *см/год)* абсолютной скорости абразии берегов Тарханкутского полуострова были получены специальными исследованиями А. И. Дзенс-Литовского (Штормовые каменные валы. Природа, 1948, 10), сличавшего положение реперов за 13 лет на южном участке побережья. В. П. Зенкович (Ук. соч., стр. 151) полагает, ссылаясь на измерения в районе Одессы, что скорость разрушения берегов Тарханкута должна быть на порядок меньше. Однако отступание берега в местах расположения археологических памятников на северном и южном (например, у м. Ойрат) берегах полуострова не позволяет согласиться с последним мнением, тем более, что точных измерений В. П. Зенковичем не проводилось.

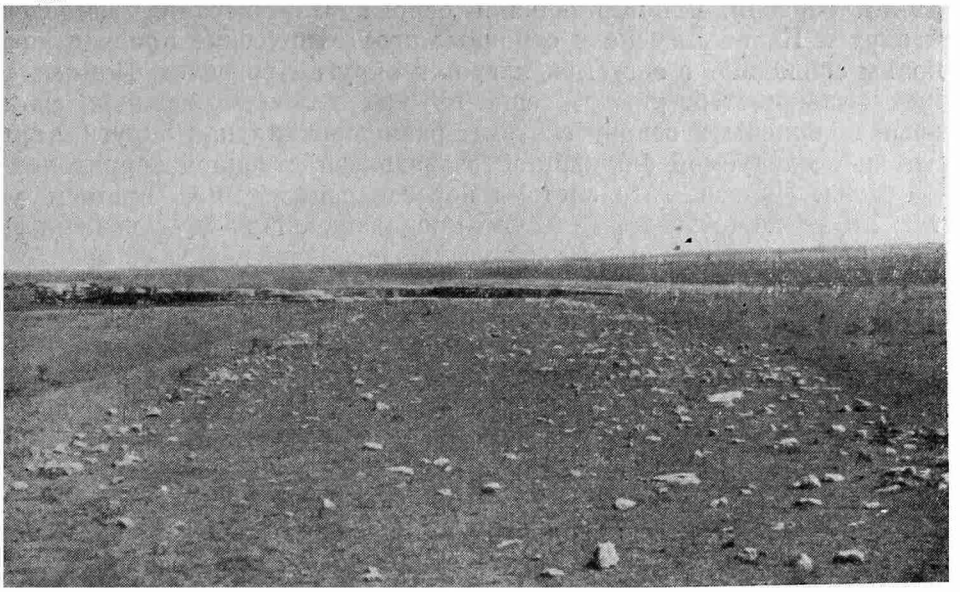


Рис. 7. Дорога между клерами в современном состоянии

межевки, расположенные поперек надела и разделяющие его на отдельные поля шириной около пятидесяти метров каждое, а также дороги, которые отделяют клер от соседних. Наземная разведка обнаружила на клере участок виноградного плантажа. На нем прослеживаются параллельные ряды каменных плантажных стен. Длина стен около 50 *м*, расстояние между ними везде сохраняется одинаковым — 2 *м*. Направление стен перпендикулярно внешней ограде клера; с северо-запада на юго-восток. Толщина каждой такой стены не превышает 0,6—0,7 *м*. Сложены они насухо из плитняка, уложенного плашмя.

К северу от этого надела в прибрежной зоне находится, видимо, второй, более чем наполовину разрушенный морем клер (рис. 2, 7), от которого осталась полоса земли вдоль обрыва, шириной 80—110 *м*. На одном из участков этой полосы в обрез берега выходят стены, вероятно, садового плантажа. Ориентированы они по длине также, как и виноградный плантаж на соседнем наделе, имеют такую же толщину, но отстоят друг от друга на 3,5 *м*. Стены сложены из плитняка и мелкого камня, уложенного плашмя; основание их впущено до материковой скалы. В промежутке между стенами, в почвенном слое, при зачистках найдены обломки античных амфор и пифоса. Фрагменты амфор херсонесского и гераклейского производства были подобраны и в выбросах земли из старых окопов на других наделах.

Как видно из изложенного, устройство виноградного и садового плантажей на клерах округи Калос Лимена идентично плантажам херсонесских клеров на Гераклейском полуострове[36]. Исключением является толщина стен, которая почти вполовину меньше, чем на виноградниках и садах херсонесских наделов, где она всегда равна 1 *м*. Что это явление не случайно, а, по-видимому, характерно для Северо-западного Крыма, свидетельствуется примером устройства виноградного плантажа на наделе у м. Ойрат, где стены тоже не превышают 0,6 *м* толщины[37]. Вероятно, разница эта может быть объяснена тем, что, в отличие от Гераклейского полуострова, почвы Северо-западного Крыма более мощны и требовали меньших затрат на создание почвенного слоя необходимой толщины.

[36] С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 70 сл.
[37] А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция..., стр. 142.

Таким образом, принципиальная основа размежевания земледельческой округи Калос Лимена и основные агротехнические приемы обработки почвы совпадают с системой клеров в округе Херсонеса. Помимо отмеченных особенностей, укажем еще на три наиболее важных фактора, которые положены в основу системы размежевания как округи Херсонеса, так и исследуемой ближайшей сельскохозяйственной территории Калос Лимена. Первое — это система пересекающихся под прямым углом друг к другу дорог, которые делят предназначенную для размежевания землю на примерно равные прямоугольные участки. В свою очередь, этот признак должен указывать на то, что размежевание территории являлось единовременным и, по всей видимости, государственным актом [38]. Выявленные наделы, остатки дорог между ними и следы межевых стен в разных местах окрестностей Черноморской бухты позволяют гипотетически, но с достаточно вескими, на мой взгляд, обоснованиями, реконструировать схему размежевания всей сельской территории Калос Лимена (имеется в виду принципиальная схема размежевания, а не членение на конкретные наделы) (рис. 2) [39]. Вторым важным фактором является аналогичное с Херсонесской округой направление дорог, при котором образуемые ими отдельные земельные участки ориентированы углами по странам света. Особенность такой ориентировки обнаруживается и на других участках побережья Северо-западного Крыма [40], что лишний раз подкрепляет предположение о единой системе размежевания хоры Херсонесского государства [41]. Наконец, наличие на некоторых клерах сельских усадеб, как и на Гераклейском полуострове, позволяет утверждать, что наделы Калос Лимена принадлежали отдельным владельцам. По-видимому, небольшие колебания в величине частных земельных участков позволяют предположительно говорить о существовании в Калос Лимене демократических форм правления, по крайней мере, до захвата города скифами во II в. до н. э.

Значительные усилия Тарханкутской экспедиции были направлены на установление границ городской округи Калос Лимена. Как я уже отмечал, следы размежевки нигде не выходят за пределы полуторакилометрового расстояния в радиусе от городища Калос Лимен. В это же пространство укладываются зафиксированные места сельских усадеб, располагавшихся на клерах. Еще А. И. Шмаков отмечал, что «на полосах (оградах клеров.— *А. Щ.*) видно несколько возвышений или бугров, имеющих до одной и более сажен перпендикулярной высоты», в которых он признал развалины зданий [42]. В одном из них были найдены в 1837—1838 гг. пифос и около сорока пирамидальных грузил, а также обломок венца, по-видимому, от того же пифоса, с клеймом [43], которое в дополнении В. Д. Блаватского [44] читается как ἐπὶ Σιλα[νοῦ] / Μενιλλ[ου]. К северо-востоку от городища Калос Лимен сейчас зафиксированы две усадьбы. Самая дальняя из них — уже упомянутая усадьба у бухты Ветреной — находится в конце

[38] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 28; С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 52, 159.

[39] В качестве примера приведем известный план Строкова, достоверность которого подтверждена исследованиями С. Ф. Стржелецкого (ук. соч., стр. 47—49, рис. 1, 19, 20). Разница заключается в том, что в наших руках нет плана округи Калос Лимена, снятого в то время, когда руины заборов еще не были уничтожены новейшей деятельностью человека, и мы должны пользоваться обратным методом доказательства: от местности к плану, а не наоборот. Но существование плана Строкова и материалы Гераклейской экспедиции как нельзя лучше подтверждают тождественность главного принципа размежевания клеров Херсонеса и Калос Лимена.

[40] А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция..., стр. 141 сл.

[41] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 62; А. Н. Щеглов. Тарханкутская экспедиция..., стр. 147; его же. О населении Северо-западного Крыма..., стр. 151—153.

[42] А. И. Шмаков. Ук. соч., стр. 630 сл. Необходимо подчеркнуть, что А. И. Шмаков совершенно правильно связал открытые им остатки оград и строений с греками.

[43] А. И. Шмаков. Ук. соч., стр. 630 сл., табл. XV, рис. *а—б*.

[44] В. Д. Блаватский. Ук. соч., стр. 62, прим. 4.

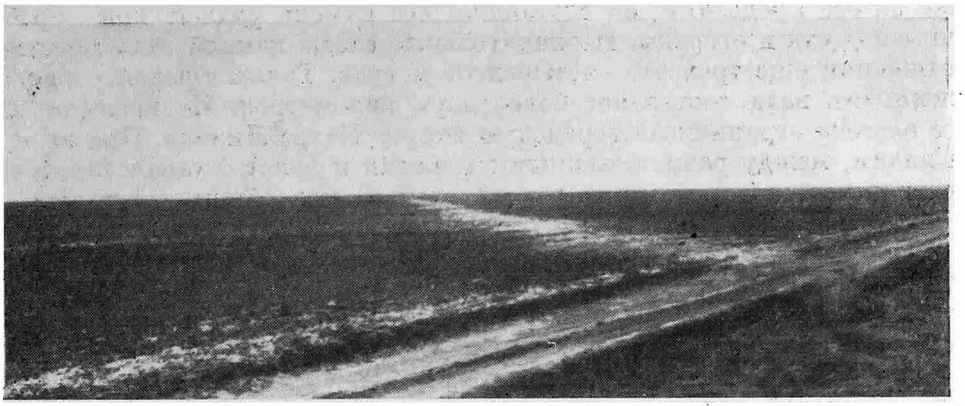


Рис. 8. Вал, ограничивающий земледельческую округу Калос Лимена

размежеванной территории (рис. 2, *5*). Вторая отстоит от городища на четверть километра (рис. 2, *8*). Вероятно, усадьбе принадлежала стена, выход которой в современной яме обнаружил П. Н. Шульц в 1933 г.[45] к юго-западу от городища, у противоположного конца песчаной пересыпи. П. Н. Шульц отмечает античный характер кладки. Стена сооружена из хорошо отесанного камня, размерами 0,6 × 0,45 × 0,3 *м* и имела толщину 0,95 *м*. Здесь же были собраны обломки античной черепицы и амфорных стенок. Находки эллинистической керамики херсонесского и синопского производства в этом месте были и в наших сборах. Местоположение указанного пункта (рис. 2, *9*) особенно интересно тем, что он находится на коренном берегу, на южной стороне реконструируемого нами залива, что еще раз подтверждает правильность предложенной реконструкции. Уже отмечалось, что эти остатки, видимо, в равной степени можно предположительно связывать и с маяком.

Остатки двух усадеб, к сожалению, уничтоженных, зафиксированы на противоположном от городища западном берегу Черноморской бухты (рис. 2, *10—11*). Здесь сохранились обрывки фундаментов стен, среди которых встречается значительное число обломков синопской черепицы, амфор (херсонесских и гераклейских), лутериев и кувшинов, в основном относящихся к III—II вв. до н. э. Впрочем, на месте одной из усадеб (рис. 2, *10*) найдены обломки краснолаковой керамики II—III вв.

В 2,5 *км* к востоку от городища, за пределами размежеванной территории, проходит вал (рис. 2, *12*). В настоящее время он сильно распахан и едва выделяется на поле, имея менее полуметра высоты (рис. 8). Однако с воздуха он виден очень отчетливо. Коренные уроженцы пос. Черноморского, среди которых вал носит название «Баркан», утверждают, что он представлял собой еще лет пятьдесят назад высокую каменную насыпь, прикрытую дерном. Действительно, даже сейчас очевидно, что остатки вала представляют собой сплошную каменную полосу, и мы были свидетелями того, как приходится трактору при вспашке поднимать лемеха плуга во избежание их поломки при пересечении полосы «Баркана».

Вал начинается примерно в километре к северо-востоку от крайней восточной границы размежевки и идет от берега моря в направлении на юго-юго-восток (почти параллельно северо-восточной стороне клера у бухты Ветреной). Через 1—1,1 *км* вал поворачивает под тупым углом к югу и прослеживается еще на 700—800 *м*, до фруктового сада колхоза «Большевик». По словам старожилов, вал был виден и на месте сада и

[45] Дневник разведок 1933 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 1933, № 130, стр. 11, 14. Пользуюсь случаем выразить свою признательность П. Н. Шульцу за предоставленную возможность использовать материалы его исследований.

даже за его пределами, но слагавший его камень удален при обработке почвы под сад и огороды. Незначительные следы камней вала заметны на протяжении еще трехсот — четырехсот метров. Таким образом, общая протяженность вала составляет более двух километров. Не исключено, что он с востока ограничивал городскую округу Калос Лимена. При этом, как мы видим, между размежеванными землями и валом оставалось свободное пространство, которое могло использоваться под общинный выпас.

Отметим также, что кроме курганного некрополя возле городища на всей описанной территории курганов больше нет. Зато почти сразу же за валом начинают встречаться отдельные курганы. На одном из них — распаханном — обнаружено грубое известняковое изваяние, по-видимому, времени античной Калос Лимен.

Принимая во внимание сказанное, можно примерно рассчитать площадь городской сельскохозяйственной территории Калос Лимен. Если принять за восточную границу округи вал, то мы вынуждены будем допустить, что и с других сторон собственные земли города не выходили за пределы 2—2,5 *км* расстояния от городских стен, а следы размежевки и остатки усадеб, еще раз подчеркнем, обнаруживаются в радиусе около полутора километров. Таким образом, общая площадь округи Калос Лимена составляла не больше 8 *км*^{2}. Учитывая изменения береговой полосы, а главным образом исчезновение бухт, площадь которых предположительно составляла около 1,3 *км*^{2}, территорию, занятую самим городом и курганным некрополем (около 1 *км*^{2}), пустошь между восточным краем размежевки и валом (около 1,2 *км*^{2}), выявленные примерно границы размежевки, надо предполагать, что размежеванная территория округи составляла не более 4,5 *км*^{2}. Исходя из средней величины клеров, равной, видимо, 7—8 *га*, приходим к заключению, что на городских землях могло разместиться не более сорока—шестидесяти таких наделов. Разумеется, приведенные цифры не претендуют на абсолютную точность — это невозможно, а дают весьма приближенные размеры земледельческой округи Калос Лимена. Но и они являются хорошим показателем, который позволяет более полно и весомо представить основную земледельческую базу города, являющуюся, надо думать, и основой его экономики.

В подкрепление приведем сравнительный расчет земельных владений Херсонеса и Калос Лимена на 1 *га* городской площади. По имеющимся в настоящее время данным, на Гераклейском полуострове насчитывается около 370—400 клеров[46], территория же собственно города в III—II вв. до н. э. составляла около 26,5 *га*[47]. Если разделить число клеров на площадь города, то получится, что на каждый гектар городской территории приходится 9—14 клеров. Площадь городища Калос Лимен равняется 4,2 *га*. Если проделать ту же операцию с вычисленными нами 40—60 клерами, получится тот же результат — 9—14 клеров на 1 *га* городской территории. Вряд ли это случайное соотношение. Скорее всего оно является, по-видимому, показателем зависимости между величиной города, его населением и реальной возможностью освоения определенной площади земледельческой округи[48]. То есть это показатель экономического потенциала города, хозяйство которого базировалось в основном на земледелии. Та же связь, видимо, должна существовать и между величиной города в

---

[46] С. Ф. Стржелецкий. Ук. соч., стр. 49, 53.

[47] Расчет сделан на основании генплана Херсонеса (геодезическая съемка 1957—1958 гг.). Приводившаяся в популярной литературе цифра в 40 *га* ошибочна (С. Ф. Стржелецкий. Херсонес Таврический. Путеводитель по музею. Симферополь, 1956, стр. 30; Херсонес Таврический. Путеводитель по музею и раскопкам. Симферополь, 1962, стр. 22).

[48] Так, соотношение клеров Маячного полуострова с площадью «Страбоновского Херсонеса» составляет 10—11 наделов на 1 *га* городской территории, если ее на основании раскопок Н. М. Печенкина и Р. Х. Лепера принять равной около 7 *га*. Но последняя цифра весьма предположительна.

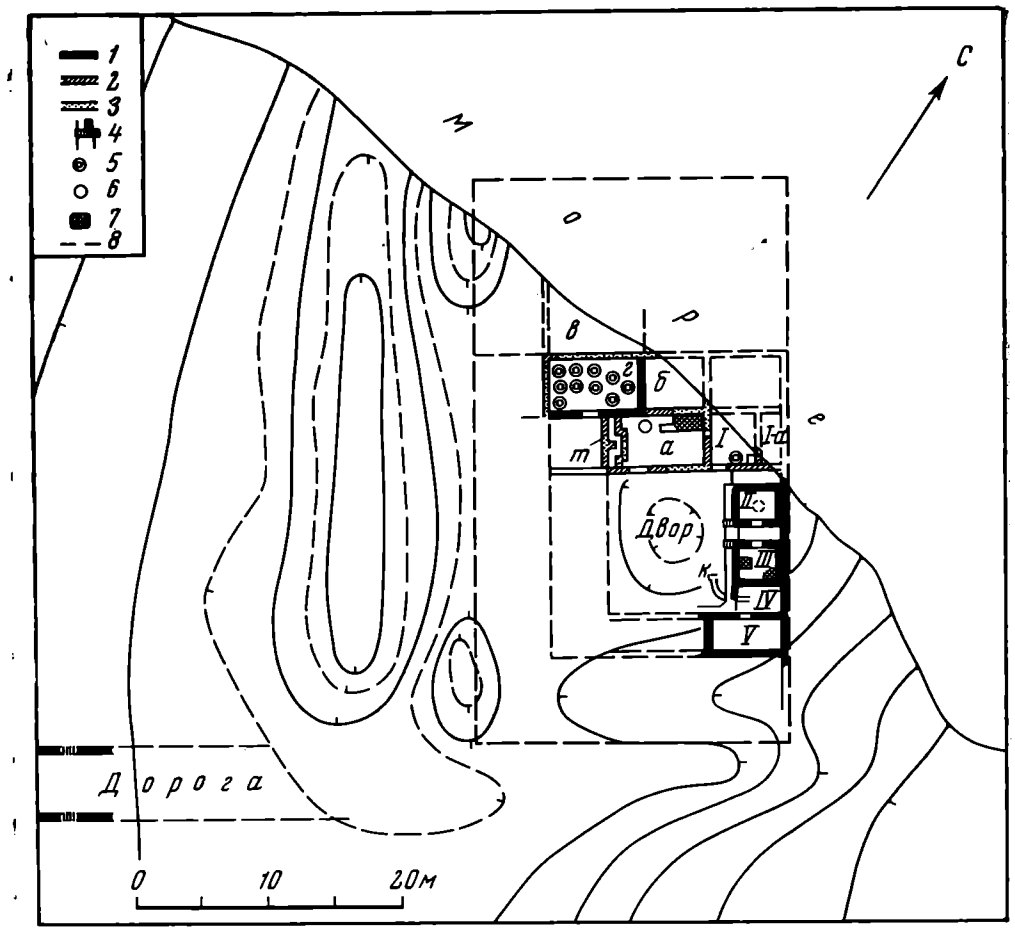


Рис. 9. Усадьба клера у бухты Ветреной. План раскопанной части.

1 — сырцовые стены на высоком каменном цоколе; *2* — сырцовые стены на низком каменном цоколе; *3* — сырцовые стены; *4* — стилобат и пилон навеса; *5* — пифос; *6* — чан; *7* — очаги и места переносных жаровен; *8* — реконструируемые и нераскрытые части усадьбы

целом и величиной среднего отдельного надела (по крайней мере для демократического полиса) [49].

Наши представления об индивидуальном рабовладельческом земледельческом хозяйстве Калос Лимена, каковыми являются его клеры, были бы далеко неполными без исследования усадеб, расположенных на них. Как уже сообщалось, на археологическую карту округи нанесено 5 усадеб. Несомненно, их было больше. Однако вовсе не обязательно предполагать, учитывая небольшую величину округи, что каждый клер имел свою усадьбу.

Тарханкутской экспедицией предпринимаются раскопки крупного усадебного комплекса у бухты Ветреной, который, по-видимому, можно связать с упомянутым А. И. Шмаковым «угловатым укреплением» [50]. С 1964 г. полевые исследования ведутся с применением геофизических методов поиска (начальник отряда геофизической разведки — К. К. Шилик), что весьма облегчает проведение собственно раскопок [51].

[49] Средняя величина надела для «Страбоновского Херсонеса» составляла около 4—4,5 *га*, Херсонеса — около 26,5 *га*, Калос Лимена,— видимо, около 7—8 *га*, надел у м. Ойрат в современном состоянии равен около 9,5 *га*.

[50] А. И. Шмаков. Ук. соч., стр. 632.

[51] Результаты этих работ, кратко изложенные в нашем совместном с К. К. Шиликом докладе (Материалы сессии..., Баку, 1965, стр. 122 сл.) и книге Г. С. Франтова и А. А. Пинкевича. Геофизика в археологии. Л., 1966, стр. 68—70, рис. 45 *в—д*, подробно рассмотрены в статье К. К. Шилика, помещенной в этом номере журнала.

Усадьба, частично разрушенная морем, в плане имеет форму вытянутого прямоугольника, ориентированного углами по странам света (оси ее, таким образом, совпадают с осями клеров) и размерами 40 × 25—30 *м* (рис. 9). Юго-восточной стороной она выходит на дорогу, разделяющую наделы. Архитектурно-планировочное решение усадьбы находится в соответствии с основным принципом планировки античного жилищного строительства как в городских, так и в сельских домах: жилые и служебные

Рис. 10. Восточное крыло усадьбы у бухты Ветреной (помещения I—IV)

постройки группируются вокруг внутреннего двора. Раскрыто девять помещений с северной и восточной сторон дворика, который вымощен каменными плитами (раскопан частично). Три из них (рис. 9, *I, б, в*) в значительной степени разрушены вследствие абразии берега. Сохранность остальных хорошая, так как здание погибло в пожаре и в последующем не восстанавливалось. Лишь вдоль береговой полосы имеются современные повреждения траншеями военных лет.

В нижней части, до высоты 0,8—1,10 *м*, стены помещений II—V, а также южная и восточная стены кладовой и наружная восточная стена здания (рис. 9 — залиты черным) сложены в технике бутовой кладки из тщательно подобранных некрупных известняковых камней на глиняном растворе. Горизонтальная поверхность этой кладки тщательно выровнена, причем для этой цели употреблены и плоские окатанные камни с морского пляжа (рис. 10). Таким путем создавался своеобразный высокий каменный цоколь, на котором воздвигалась верхняя часть стен из сырцовых кирпичей. Глинистый слой, составляющий заполнение всех помещений усадьбы, образован в результате разрушения сырцового верха стен.

В отличие от описанного способа кладки, стены комнаты I и части соседнего помещения *а* (рис. 9 — косая штриховка) имеют низкий каменный цоколь, сложенный либо из одного-двух рядов бутовой кладки, либо одного ряда крупных отесанных и аккуратно подогнанных известняковых блоков. На одной из стен помещения I сохранился один ряд сырцовых кирпичей, которые имеют размеры 0,45 × 0,5 × 0,1 *м* (толщина цоколей — 0,5 *м*, за исключением помещений II—III, где она равна 0,4 *м*).

Наконец, северная и западная стены кладовой и отдельные участки стен помещений I и *а* состояли целиком из сырцовой кладки, возведенной без фундамента, непосредственно на грунте. Чрезвычайно любопытно, что все три описанных приема постройки стен, как показывают некоторые конструктивные особенности (например, перевязка сырцовых кирпичей и камней бутовой кладки), употреблялись единовременно в процессе строительства здания. Объяснить эту архитектурную и строительную нелепи-

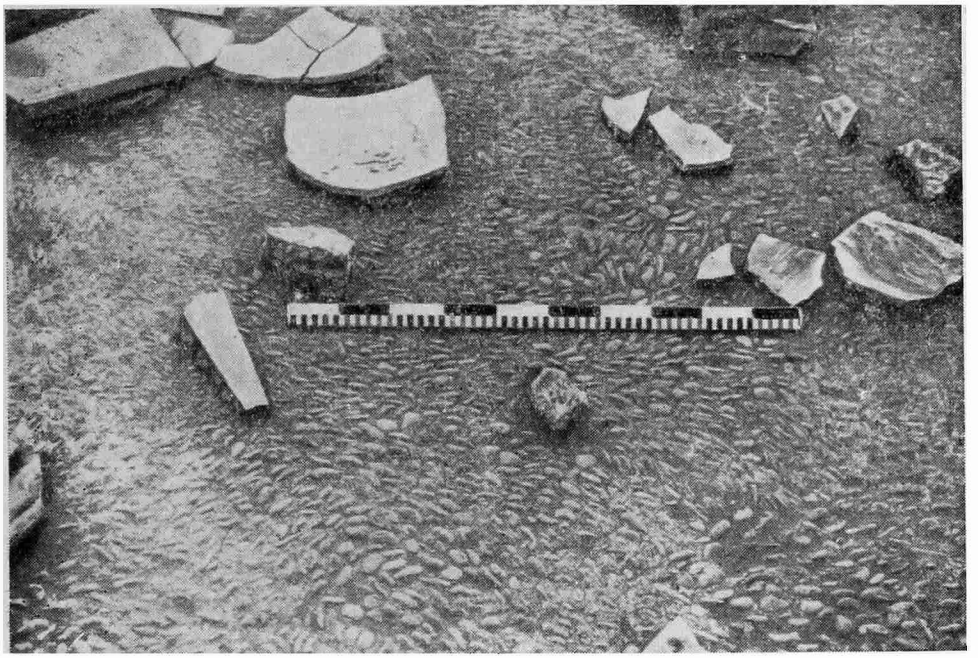


Рис. 11. Пол бани (помещение II)

цу, на мой взгляд, можно лишь недостаточной состоятельностью владельца усадьбы в начале ее постройки и, отсюда, стремлением удешевить работы. Как увидим дальше, в последующем ему пришлось увеличивать полезную площадь своих служб за счет дополнительных пристроек, видимо, после того, как надел стал приносить определенный доход.

Первоначально внутренний двор примыкал непосредственно к восточной внешней стене усадьбы, занимая пространство между помещениями I и V (рис. 9). Впоследствии между ними к стене были пристроены два помещения с закругленными наружными углами (рис. 9, *II, III;* рис. 10). Оба они объединяются в единый по назначению комплекс. Об этом говорят и одинаковая площадь комнат (2,5 × 2,75 *м*), и одновременность постройки, и характер симметричной планировки: помещения соединены расположенными друг против друга входами, выводящими в общий узкий коридор (ширина его 1,05 *м*), который открывался в сторону дворика. Вместе с тем, они отделены от остальной части усадьбы. Между помещениями I и II находится такой же узкий проход, а между помещениями III и V оставалось пространство шириной в 2 *м*. Впоследствии оно было отгорожено от дворика стенкой и тем самым превращено в еще одну хозяйственную комнату (помещение IV).

Обращают внимание следующие особенности помещения II: 1) пол из мозаичного набора однотонной гальки на известковом растворе, не пропускавшем воду (рис. 11); 2) тщательная штукатурка стен известковым раствором; 3) высокий, тщательно выполненный каменный порог в дверном проеме; 4) обнаруженный внутри комнаты фрагментированный

крупный ангобированный чан, диаметром 0,95 *м* и вместимостью около двухсот литров (рис. 12). Никаких других предметов в комнате не было.

В отличие от предыдущего, помещение III не имело порога в дверном проеме, а пол в нем был глинобитным. На полу явственно выделялись два сильно обожженных пятна; по-видимому, здесь стояли длительное время крупные жаровни. Никаких вещей в комнате не было. Только в разделявшем помещения проходе на полу, под завалом черепичной крыши,

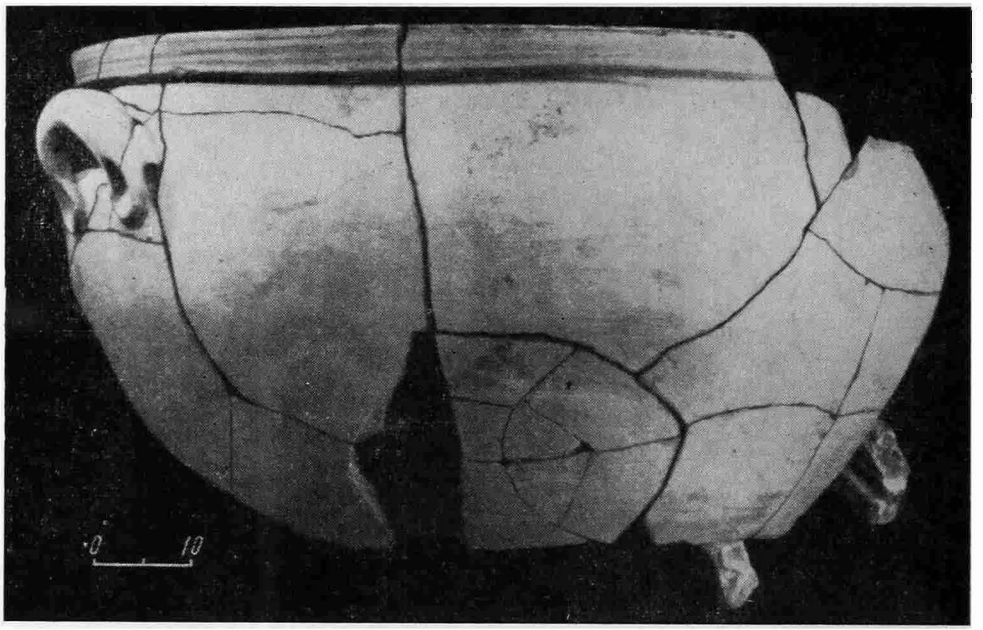


Рис. 12. Чан из бани

стояло несколько сосудов и лежало аккуратно перевернутое вверх дном прямоугольное известняковое корытце, длиной более полуметра (рис. 13).

Несомненна единая функциональная связь обеих комнат. Мозаичный пол, устроенный аналогично полу помещения II, был открыт в ванной комнате одного из эллинистических домов Херсонеса [52]. Заметим, что на херсонесской мозаике представлена сцена купания, где две девушки стоят по обе стороны крупного лутерия, помещенного в центре композиции. В раскопанной Н. М. Печенкиным на Маячном полуострове в 1910 г. сельской усадьбе № 3, построенной в том же основном архитектурно-планировочном решении, что и наша усадьба, по предположению М. И. Ростовцева в одном из помещений восточного крыла комплекса находилась баня [53]. Это помещение расположено в той же части усадьбы, что и помещения II—III в нашем случае. Так же, как и помещения II—III, оно изолировано от других комнат и соединяется проходом непосредственно с двориком.

Сказанное позволяет предположить, что помещения II—III усадьбы у бухты Ветреной были баней, причем собственно моечной комнатой служило помещение II. Эту мысль подсказывает также характер и сюжет херсонесского мозаичного панно. Вода для мытья, вероятно, нагревалась во второй комнате.

[52] Г. Д. Белов. Эллинистическая мозаика. МИА, 34, 1953. Конструкцию подобных мозаичных полов см. также: Olynthus, V, Baltimore, 1933, стр. 1 сл.

[53] Н. М. Печенкин. Археологические разведки местности Страбоновского старого Херсонеса, ИАК, 42, СПб, 1911, стр. 120 сл., рис. 17; С. Ф. Стржелецкий (Клеры..., стр. 37, рис. 10, 7) считает возможным усматривать в этой комнате винодельню, что вряд ли обоснованно.

Два других открытых помещения (IV—V, рис. 9) восточного крыла усадьбы, видимо, имели хозяйственное назначение. В первом из них, над врытым в земляной пол каналом, облицованном каменными плитами, находился небольшой известняковый тарапан (рис. 10 на переднем плане). Канал выходил во двор, к поглощателю (рис. 9, *к*)). Вероятно, при этой перестройке вдоль всех помещений восточного крыла усадьбы со стороны внутреннего дворика сооружен из крупных плит известняка невысо-

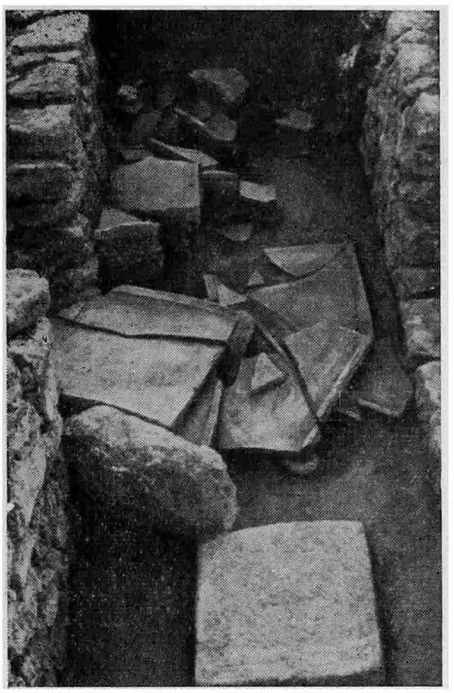


Рис. 13. Коридор между комнатами бани. На первом плане перевернутое корыто

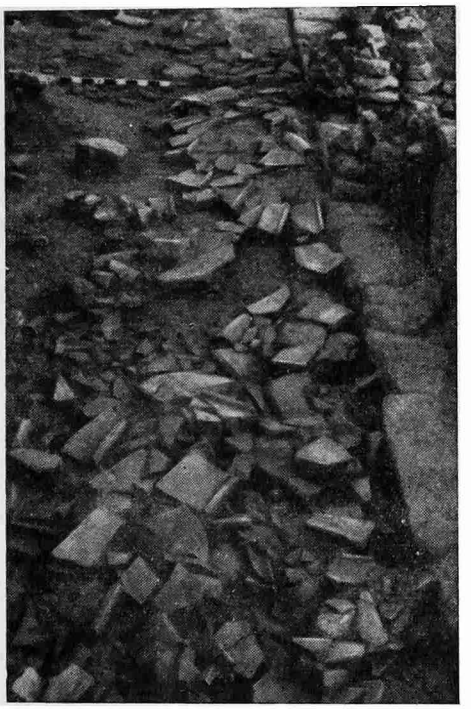


Рис. 14. Черепица рухнувшего навеса. Справа стилобат с пилонами навеса

кий узкий (0,65 *м*) стилобат с каменной отмосткой перед ним. Над стилобатом был устроен такой же ширины навес, крытый черепицей. Он опирался в середине на два пилона, установленные по обе стороны прохода между помещениями I и II (рис. 9; 14). Вся рухнувшая во время пожара черепица навеса осталась лежать in situ (рис. 14). Навес и отмостка предназначались для отвода дождевых вод от стен. Об этом убедительно говорит наклон плит отмостки, обращенный к середине двора. Щели между плитами заполнены хорошо утрамбованным мелким гравием с землей.

Комнаты северного крыла расположены в два ряда. В первой из них (помещение I), соединенной двумя входами с двориком и соседним помещением *а*, у одной из дверей стоял небольшой пифос с четырьмя ручками (две горизонтальные и две вертикальные), судя по глине, гераклейского производства. При раскопках этой комнаты хорошо прослежена деревянная конструкция стропил черепичной крыши, рухнувшей во время пожара.

Смежная с описанной комната, вероятно, была кухней (помещение *а*). Здесь открыты остатки печи из саманных плоских и валикообразных кирпичей, а возле нее в земляной пол был вкопан большой чан, подобный обнаруженному в помещении II. Среди находок здесь следует отметить фрагмент чернолакового рыбного блюда с графитти (рис. 15)[1]. Его, по-видимому, можно расшифровать двояко: либо как Παρθενον — посвя-

щение херсонесской богине Деве, либо как имя собственное (например, типа: Παρθένιος, Παρθενοκλῆς, Παρμις и др.), обозначавшее принадлежность сосуда владельцу. Повсеместно распространенный на территории Херсонесского государства культ Геракла почитался и обитателями усадьбы. Об этом говорит найденное в помещениях *в* — *г* крупное терракотовое изваяние палицы Геракла (высота 0,51 *м*) (рис. 16). Являясь оригинальным произведением, она, вероятно, служила домашним жертвенником, подобным мраморным жертвенникам в форме палицы Геракла, известным по находкам в Херсонесе и других местах античного мира.

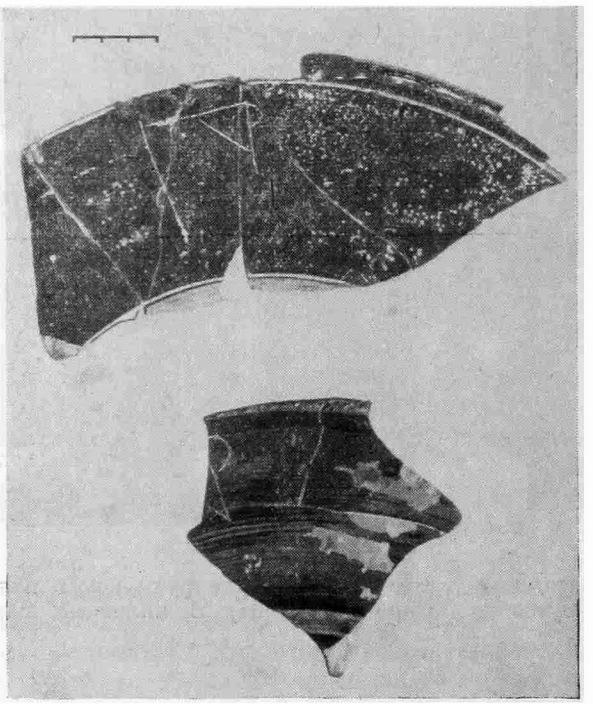


Рис. 15. Граффити на чернолаковой керамике

Рис. 16. Палица Геракла (терракота)

Чрезвычайно любопытна расположенная в западной части помещения *а* отопительно-вентиляционная система с дымоходным каналом между стенами (рис. 9, *м*). По своему устройству она близка вытяжной системе в домах Олинфа[54]. В Северном Причерноморье, насколько мне известно, такая конструкция встречена впервые.

Наибольший интерес представляет кладовая с десятью синопскими пифосами, открытая в 1965 г., занимавшая помещение в 24,6 *кв. м* (рис. 9, *г*; рис. 17). На венцах большинства пифосов нанесены цифровые обозначения объема — от 47 до 55 единиц, вероятно, выраженные в амфорах. На одном из пифосов оттиснуто клеймо астинома Эсхина.

Все сосуды были врыты по плечи в пол кладовой и закрыты керамическими крышками. В трех из них на внутренней поверхности стен сохранились следы винного осадка, а в одном на дне даже обнаружено зер-

[54] D. M. Robinson, I. W. Graham. The Hellenic House. Olynthus, VIII, Baltimore, 1938, стр. 194 сл., рис. 14.

но винограда. В пяти находилось зерно пшеницы. Два пифоса оказались пустыми. Наблюдения в процессе расчистки показали, что запасы кладовой к моменту пожара на усадьбе подходили к концу, а следовательно, ее гибель надо относить, пожалуй, к первой половине года, скорее всего к началу лета.

Рис. 17. Общий вид раскопанной части усадьбы. На первом плане — кладовая с пифосами

Соотношение продуктов, хранившихся в кладовой, надо полагать, служит хорошим показателем соотношения основных культур, которые выращивались на полях надела, принадлежавшего владельцу усадьбы. Примерно $^2/_3$ продуктов в кладовой занимал хлеб [55] и $^1/_3$ — вино. Преобладание зерновых культур в земледелии Северо-западного Крыма вполне объяснимо. Оно вызывалось экономической необходимостью и, кроме того, было выгодно, что хорошо подкрепляется как пунктом Херсонесской присяги (IOSPE, 1^2, 401), где говорится о хлебе, вывозимом с равнины, так и другими археологическими данными, в частности, раскопками городища Тарпанчи, на котором был открыт склад зерна, в котором оказалось более чем 500 *кг* пшеницы и ячменя [56]. Нужда в хлебе и вынуждала херсонесцев к колонизации земель Северо-западного Крыма.

Раскопки усадьбы дали большое число керамических клейм, главным образом на черепице. Благодаря внезапной гибели хорошо сохранилась черепица крыши, которая состояла из керамид синопского, гераклейского и херсонесского производства и синопских калиптеров. В наименьшем числе обнаружена херсонесская черепица, а клеймо на ней пока известно всего в одном экземпляре. Установлено, что черепица приобреталась крупными партиями. Основная из них — синопская с клеймами астино-

[55] В двух пустых пифосах, видимо, было тоже зерно. Один из них ремонтирован свинцовыми скрепками и не мог использоваться под вино; во втором признаков хранения вина не обнаружено.

[56] А. Н. Щеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г., стр. 70 сл.

ма Омфалика[57],— очевидно, употреблена для устройства крыши одновременно с постройкой усадьбы. Дата сооружения усадебного комплекса, помимо клейменой черепицы, хорошо подкрепляется находкой боспорской монеты, вмазанной в кладку стены и относящейся (по Д. Б. Шелову) к 330—315 гг.[58]. Превосходная сохранность экземпляра, совершенно нестертый рельеф и острый гурт показывают, что монета практически не находилась в обращении и, по-видимому, попала в кладку стены вскоре после выпуска. Возникновение хозяйства, следовательно, по всем признакам должно отнести к последней трети IV в. до н. э.

Надо думать, что размежевание сельской округи Калос Лимена проводилось в этот же отрезок времени, вероятно, несколько раньше начала строительства усадьбы у бухты Ветреной, но никак не позже ее сооружения. Учитывая материалы городища Калос Лимена, как добытые предшествующими раскопками, так и из наших работ, считаем необходимым заключить, что освоение земледельческой территории города, раздел ее на отдельные наделы между гражданами рабовладельческой городской общины, произошел вскоре после основания города, если не одновременно с ним.

Мне уже приходилось высказывать предположение, что Калос Лимен был основан выходцами из Херсонеса[59]. Аналогичность системы размежевки и принципа устройства отдельных хозяйств Херсонеса и Калос Лимена, по-видимому, не должны оставлять сомнений и могут служить в качестве дополнительного доказательства к выдвинутой гипотезе. Если предложенное нами реконструированное количество клеров округи Калос Лимена действительно равнялось 40—60, то эта цифра, очевидно, примерно должна составлять и число семей поселенцев, основавших город и составивших его основное земледельческое ядро. О том, что население Калос Лимена было небольшим, говорят и скромные размеры городища[60].

Калос Лимен находилась в составе херсонесских земель до бурных событий II в. до н. э. Пожар и гибель усадьбы у бухты Ветреной, два слоя сплошных пожарищ и разрушений на городище отчетливо рисуют полную драматизма обстановку в период войн Херсонеса со скифами. Именно в это время усадьба у бухты Ветреной обносится глубоким (до трех метров глубины) рвом и валом, строительство которых обитатели завершить не успели. На полу проходов и у порогов при зачистках найдены трехгранные бронзовые наконечники стрел, причем в некоторых случаях по их положению можно было проследить направление полета стрелы. Разгром был, очевидно, так внезапен и силен, что несмотря на возвращение в конце II в. до н. э. Калос Лимена в подчинение Херсонесу, усадьба не только не была восстановлена, но оказалась совершенно заброшенной. Вероятно, такая же картина характерна и для других усадеб, на что, например, указывают состав и условия находок, о которых писал А. И. Шмаков. Несомненно, что то здание тоже погибло в пожаре. Надо думать, что разгрому подверглась вся городская округа. Так закончился первый период истории Калос Лимена, продолжавшийся не более ста пятидесяти — двухсот лет.

---

[57] II группа по классификации Б. Н. Гракова (Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928, стр. 127). По И. Б. Брашинскому (И. Б. Брашинский. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э., АГ, М, 1963, стр. 133) эта группа датируется временем около 320—270 гг. Отметим, что дальнейшее изучение комплекса клейм из усадьбы у б. Ветреной может внести некоторые коррективы в хронологию синопского и гераклейского клеймения.

[58] Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э., М., 1956, табл. III, *34*.

[59] А. Н. Щеглов. О населении Северо-западного Крыма в античную эпоху. ВДИ, 1966, 4, стр. 152.

[60] Надо учитывать, что кроме землевладельцев в городе жили и другие категории населения, как свободного, так и зависимого, в том числе и рабы. По нашим расчетам, в городе могло разместиться не более 100—150 усадеб.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ДВЕ СТУПА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Проблема распространения буддизма на территории Средней Азии в последние годы все более привлекает внимание советских ученых. Она имеет интерес, выходящий за рамки собственно буддийского культа, отображая не только пути проникновения этой религиозной системы в страны древнего мира, в чьей духовной и всей социальной жизни религия всегда играла огромную роль, но также характеризуя процессы установления и развития исторических контактов между различными народами и областями. Под личиной приобщения новообращенных к сонму почитателей Будды нередко скрывались цели более практические, земные, а закрепление буддийских общин на чужих территориях превращало их в фактории купцов, в форпосты политического влияния, в пункты идеологического наступления.

Работы Узбекистанской искусствоведческой экспедиции по изучению городища Айртам на берегу Аму-Дарьи и по обследованию архитектурных памятников древнего Термеза позволяют дать подробную характеристику двух специфически буддийских сооружений — ступа, изучение которых проводилось автором и З. Хакимовым в 1964 и 1965 гг.

В юго-восточной части городища Старого Термеза высится массивная башнеобразная руина, известная в народе под названием Зурмала. Хотя памятник этот уже в 1920 г. привлек внимание краеведов [1], первое обследование его осуществил в 1926 г. А. С. Стрелков. В опубликованных им статьях [2] приведено описание Зурмалы (не вполне, впрочем, точное) и высказано предположение, что она представляет собою буддийскую ступа — без уточнения ее датировки. В следующем 1927 г. Б. Н. Засыпкин снял схематический план Зурмалы [3].

Отождествление памятника с буддийской ступа было скептически принято Б. Н. Кастальским, который писал: «Лично я позволю себе усомниться в этом смелом выводе» [4]. М. Е. Массон более осторожно писал о Зурмале, как о «предполагаемой буддийской ступа» [5]. а В. А. Шишкин считал, что «назначение этой башни нельзя пока считать окончательно выясненным» [6].

В последней публикации Б. Я. Ставиского говорится об отсутствии каких-либо оснований для определения как буддийской ступа этого памятни-

---

[1] Маловероятно сообщение Г. В. Парфенова о якобы вскрытом в 1920 г. краеведом С. А. Кукурышкиным погребении «на верхней площадке башни Зурмала»; М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. ТАКЭ, Ташкент, 1940, стр. 27 и прим. 137 на стр. 111.

[2] А. С. Стрелков. Зурмала или Катта-Тепе около Термеза. Сб.: «Культура Востока», 1, М., 1927, стр. 27—30; A. Strelkoff. Les monuments de Termez. «Artibus Asiae», 1928—1929, 4, стр. 219—220.

[3] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 28.

[4] Б. Н. Кастальский. Историко-географический обзор Сурханской и Ширибадской долин. «Вестник ирригации», Ташкент, 1930, 3, стр. 7.

[5] М. Е. Массон. Ук. соч., рис. 3, стр. 28.

[6] В. А. Шишкин. К исторической топографии Старого Термеза. ТАКЭ, стр. 148.

ка, который «с одинаковым успехом может оказаться башней или даже минаретом» [7].

На основе сопоставления архитектуры Зурмалы со ступами Афганистана нам казалась вполне убедительной интерпретация А. С. Стрелкова [8], однако то скептическое отношение, которое существует в научной среде,

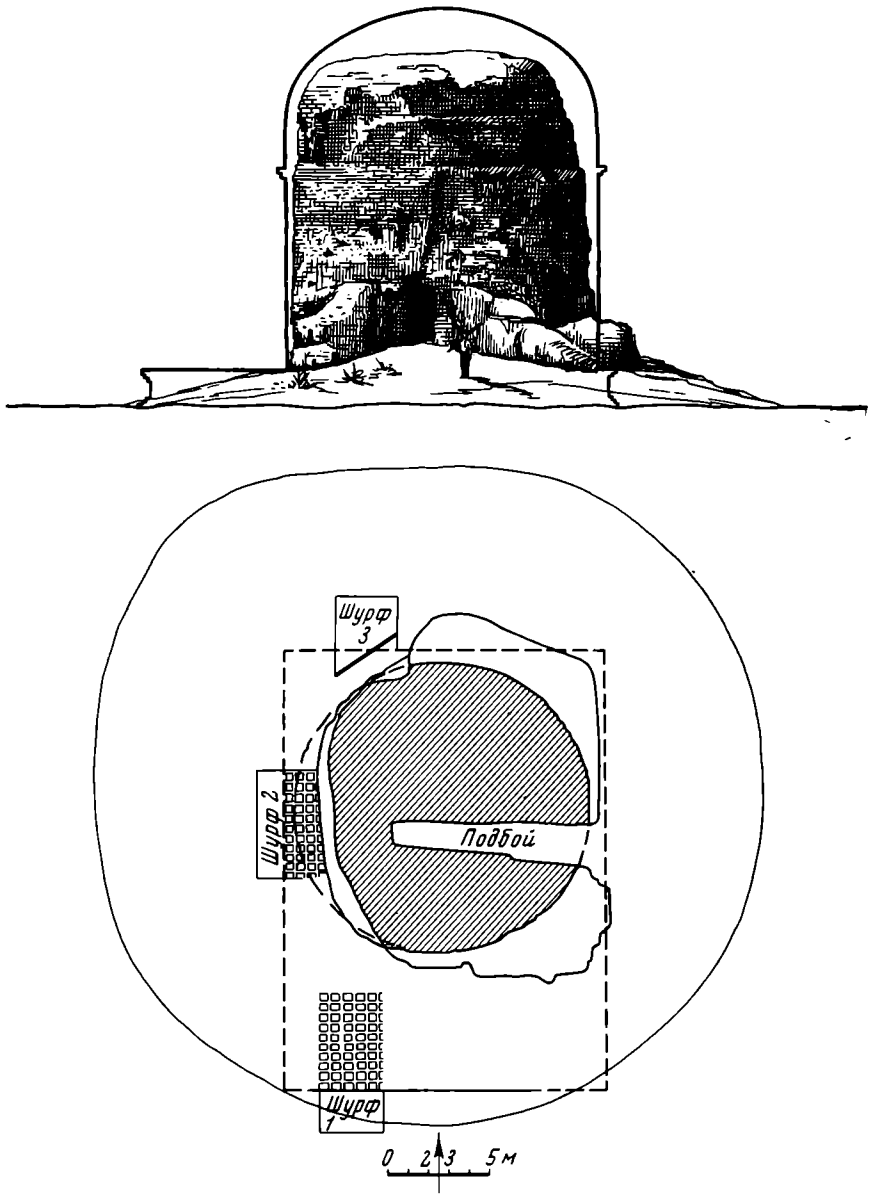


Рис. 1. Термез. Ступа. Зурмала. План и восточный фасад

выдвигало необходимость подкрепления этой гипотезы твердой аргументацией. В 1964 г., помимо составления обмеров руины, в целях уточнения некоторых вопросов, связанных с ее архитектурой и датировкой, нами были произведены расчистка и шурфовка в юго-западном и в северо-западном участках основания Зурмалы (рис. 1), а в радиусе до полукилометра на полях собран подъемный материал.

Зурмала сооружена из сырцового кирпича размером 32—33×32—33 *см*

[7] Б. Я. Ставиский. Основные итоги раскопок Кара-Тепе в 1961—1962 гг. В кн. «Кара-Тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе». М., 1964, стр. 58.

[8] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Рempель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958, стр. 8.

(варианты до 34—35 *см*) при толщине 11—12 *см*, на глиняном растворе [9]. На нижней постельной стороне кирпичей либо нанесена черта, либо оттиснуты пальцами две ямочки. Формат сырца и эти метки типичны для античной архитектуры Бактрии [10]; в V—VII вв. в Тохаристане переходят к сырцу прямоугольной формы, а в раннемусульманском средневековье — вновь к квадратному, толщина которого, однако, не превышает 5—6 *см*, а клейма отсутствуют.

Рис. 2. Зурмала. Вид с юга. Черными линиями подчеркнут пьедестал, обнаруженный в шурфе № 1

В современном состоянии Зурмала представляет сильно деформированный округлый башенный массив (рис. 2). Он давно утратил многие участки наружных кладок, особенно с западной стороны, с восточной рассечен щелью, верх его обрушился, в восточной половине значительны обвалы упавших к основанию кладок. Массив этот покоится на плоском, скругленном размывами основании, сложенном из сырцового кирпича. Расчистки показали, что первоначально это был прямоугольный стилобат (22×16 *м* при высоте 1,40 *м*), ориентированный по странам света, выступавший относительно круглого тела постройки с южной стороны и лишь на 50—70 *см* с западной и восточной. В северо-западном участке сохранился лишь его срез да комковатые куски глины и сырца.

На этом стилобате возвышался почти на 13 *м* основной цилиндрический массив диаметром 14,50 *м*, а далее следовало ясно видимое скругление кладки при переходе к сферическому завершению.

В описании А. С. Стрелкова упоминается, что якобы Зурмала имеет два перпендикулярных коридора с плоскими перекрытиями (один на высоте 1,50 *м*, а второй — 6—6,5 *м*), которые могли служить для сохранения реликвий. В действительности «верхнего коридора» вообще не существует — очевидно, автор счел за него одну из промоин кладки, а «нижний коридор» — это длинный, небрежно выполненный подбой в кладке, уходящий в ее толщину до 10 *м*, с сужением по ширине от 2,20 *м* до 1 *м*. Подбой этот

[9] В публикациях А. С. Стрелкова ошибочно указан размер сырца Зурмалы 30 × × 30 × 4,5 — 5 *см*.

[10] А. С. Стрелков. Ук. соч., стр. 27.

был устроен пастухами, которые спасались здесь зимой от ветра и разводили костры, закоптившие все стенки. Он позволяет ознакомиться с конструкцией кладки, свидетельствуя, что здание не имело внутри ни помещений, ни забутовки, но целиком было сложено из сырца. На возведение постройки, по приблизительному подсчету пошло до 1 200 000 штук сырцовых кирпичей.

Архитектура Зурмалы никак не дает оснований принимать ее за сторожевую башню или минарет — этому противоречит общая композиция (ци-

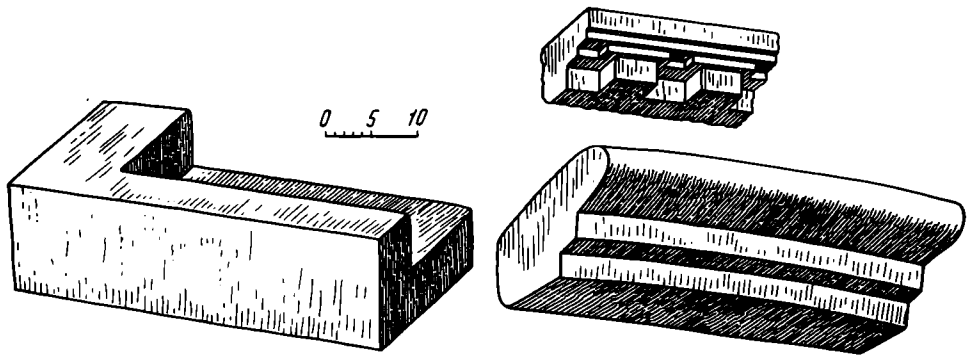


Рис 3. Каменные блоки, найденные близ Зурмалы

линдрический, увенчанный полусферой сплошной массив на квадратном стилобате), грузные пропорции, отсутствие камер для дозорных, внутренней лестницы и внешних верхних площадок для часовых или муэдзина. И наоборот, все архитектурные признаки свидетельствуют, что перед нами типичная буддийская ступа.

Появление Зурмалы восходит к античному времени. Это определяется как размерами и общим типом квадратного сырцового кирпича с метками на одной из постелей, так и фрагментами античной керамики, обнаруженными в северо-западном шурфе, среди которых особенно характерна часть тонкостенного бокала красного черепка с ярко-красным ангобом; фрагменты бокалов на полых конических ножках попадаются близ Зурмалы на прилежащих хлопковых полях.

Здание сохранило ныне лишь свой сильно поврежденный от времени строительный остов. А между тем первоначально оно было покрыто облицовками. Часть из них была вытесана из белого мергелистого известняка. Камень этот в древности добывался до 40 *км* от Термеза вверх по Аму-Дарье и доставка его на плотах, а затем подвоз на место строительства были делом достаточно сложным; лишь ответственностью возводимого здания можно объяснить все связанные с этим затраты средств и труда. Здесь несомненна также дань буддийской традиции — ступа, почти как правило, имели облицовку [11]. Во время работ Термезской археологической комплексной экспедиции М. Е. Массон уже отметил находки в районе расположения Зурмалы отесанных, а иногда профилированных блоков мергелистого известняка. Нами также было подобрано вблизи постройки до десятка обколотых кусков этого камня и небольшой фрагмент карниза на дентикулях, а к северу от Зурмалы, где, по сведениям В. А. Козловского, встречаются аналогичные находки, было осмотрено несколько крупных профилированных плит и блоков (рис. 3). Одна из плит плоская, прямоугольная (35 × × 27 × 3 *см*), другая — с рельефным бортиком, обрамляющим две грани (40 × 27 × 6 *см*, при высоте бортика 6 *см*). Интересен блок размером 38 × 30 × 30 *см*, профилированный валом и двумя полочками; он явно входил в оформление круглого сооружения большого диаметра и, очевидно, является деталью карниза или тяги цилиндрического тела ступа, так как

[11] G. Combaz. L'evolution du stupa en Asie. Mèlanges chinois et bouddhiques. III, Bruxelles, 1935, стр. 103.

его боковые грани имеют клинчатую форму, а лицевая — легкое скругление линий. К сказанному следует добавить, что в прежние годы северо-восточней Зурмалы был найден сильно поврежденный барельеф высотою 60 *см* — фигура сидящего с поджатыми ногами бодисатвы, утратившая голову и кисти рук [12].

Помимо каменных архитектурных фрагментов вокруг Зурмалы, попадается бой обожженных кирпичей толщиною 6 *см* (размеров сторон установить не удалось), покрытых ярко-красной краской. Следы густо-красной краски сохранились также в углубленных элементах упомянутого фрагмента карниза с дентикулами. Химический анализ, осуществленный Е. Ф. Федорович, показал, что кирпичи окрашены охрой, а карниз киноварью. В этой связи уместно напомнить, что в Индии и в Хадде ступа нередко несут красную окраску на скульптурах и орнаментальных деталях, возможно, служившую грунтом под позолоту, следы которой, кстати, отмечены в Хадде [13].

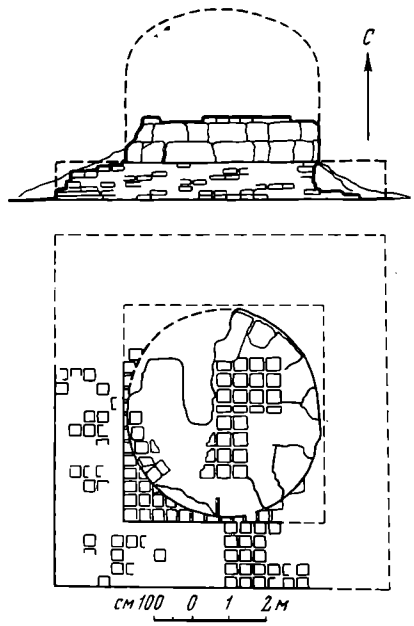


Рис. 4. Айртам. Развалины ступа. План и южный фасад

Эти наблюдения позволяют воссоздать первоначальный облик Зурмалы в виде монументального сооружения, достигавшего 16 *м* по высоте. Его прямоугольный стилобат был выдвинут в южную сторону, где, вероятно, располагалась лестница. Стилобат покрывали облицовки из плит мергелистого известняка, с изваянными на них горельефами, а по верхнему краю проходил карниз на дентикулах; архитектурные и скульптурные детали были частично окрашены в красный цвет, возможно и позолочены. На этом стилобате высилось цилиндрическое тело, завершенное каменным карнизом, над которым начиналось полусферическое (точнее — очертания коробовой кривой) завершение ступа. Оно представляет сплошной массив сырцовой кладки, может быть, лишь содержавший наверху небольшое внутреннее устройство для хранения реликвий и для укрепления венчающего ступу элемента — хармика. Цилиндр и, вероятно, его сферическое завершение были облицованы жженым кирпичом, окрашенным в красный цвет; кирпич этот крепился на глиняном растворе, без какой-либо перевязки с сырцовыми кладками и потому давно стал опадать. Во времена же ислама могло начаться преднамеренное разрушение постройки — унос на бытовые нужды жженого кирпича, разборка облицовочных плит, уничтожение горельефных изображений. Напомним в этой связи, что в кладке фундаментов дворца Термезских правителей XI—XII вв. была обнаружена горельефная плита на тему одной из буддийских джатак [14], явно принадлежавшая оформлению какой-то ступа — может быть именно Зурмалы. Остов здания постепенно разрушался, но общая монолитность кладки из превосходного сырцового кирпича все же обеспечила его многовековую сохранность.

---

[12] М. Е. Массон. Ук. соч., стр. 77. Рельеф хранится в Термезском музее. Прежде, по следам положения рук высказывалось предположение, что это фигура музыканта, играющего на арфе.

[13] G. Gombaz. Ук. соч., стр. 103.

[14] Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960, стр. 22 сл.

В восточной части городища Айртам высится руина небольшого округлого сооружения, которое жители называют «тумбой». В 1933 г. оно было определено М. Е. Массоном, как остатки ступа; археологического изучения ее в ту пору не предпринималось. Развалины сохранились на высоту в 2—2,3 *м*. До раскопок постройка представляла часть небольшого цилиндрического массива, особенно разрушенного в восточной половине, возвышавшегося на круглом в плане глиняном оплыве.

Расчистка показала (рис. 4), что ступа имела подквадратный стилобат (9,20×8,85 *м* высотою 96 *см*). Так же, как и у Зурмалы, он ориентирован по странам света — в этом отношении оба памятника следуют традиционной для буддийских ступа ориентации [15]. Стилобат сложен из квадратного сырцового кирпича (39—40 *см* в стороне на 12 *см* толщины), с прочерченной посередине нижней их постели чертой. Кладка выполнена на глиняном растворе, она идет с перевязкой швов по горизонтали (со сдвигом рядов на 10—12 *см*), но по вертикали швы почти совпадают. На этом стилобате покоилась цилиндрическая часть диаметром 5,40 *м* по оси север — юг и 5,12 *м* по оси восток — запад, сохранившаяся по высоте до 1,20 *м*. Сложена она в два ряда пахсы (по 50 *см*), а выше следовала кладка из сырца, от которой сохранился один ряд — вероятно, несколько выше этого уровня начиналось полусферическое завершение цилиндра. Пахсовые блоки выложены радиально, середина массива заполнена комковатой глиной. Возможно, что здесь располагался тайник для сохранения реликвий. С северной стороны эту комковатую массу частично выгребли и устроили под укрытием кладок очажки, от которых осталась зола и прокопченная земля. Следов штукатурки постройка не сохранила, большое же количество кусков и щебенки мергелистого известняка вокруг нее (особенно на плоском бугре к северо-западу) позволяет предполагать, что ступа имела каменные облицовки.

Время возведения этой небольшой ступа скорее всего II в. Именно в эту пору, как показали исследования 30-х годов и раскопки нашей экспедиции 1964—65 гг., в Айртаме возник на развалинах более древних построек буддийский комплекс со святилищем, в оформление которого входил знаменитый айртамский фриз (монета Канишки, найденная в кладке сырцовых стен, подтверждает эту дату).

Можно думать, что именно временем правления Канишки определяется и сооружение ступа Зурмала. Хотя сам этот кушанский государь и не был буддистом, как утверждает староиндийская традиция (преобладание в его монетном чекане изображений авестийских божеств, лишь при единичных монетных кружках с изображением Будды, свидетельствует в пользу его маздеистских симпатий), тем не менее он, несомненно, покровительствовал буддийским общинам на территории своей обширной державы. Вероятно, за всем этим лежал чисто политический расчет — с одной стороны на укрепление позиций государства Великих Кушан в подчиненных им буддизированных областях Индии и прилежащих районов современного Афганистана, с другой — на расширение контактов между входившими под его власть народами.

Зурмала и айртамская ступа отражают процесс продвижения буддизма на территорию Бактрии—Тохаристана. Они отличны друг от друга своими масштабами, вероятно, отличались и богатством внешней отделки — все это вполне объяснимо, если вспомнить, что первая возведена в крупнейшем городе северной Бактрии, который при Кушанах достигает особенно значительных размеров, а вторая выстроена в небольшом прибрежном пункте. Но обе постройки прежде всего свидетельствуют, что в эпоху Кушан буддийские общины уже закрепляют свои позиции к северу от Аму-Дарьи. Буддизм сохраняется здесь вплоть до пришествия арабов и последовавшей затем исламизации местного населения. Сюан Цзан (629 г.) со-

[15] G. Gombaz. Ук. соч., стр. 109—140.

общает о буддийских монастырях-сангарама в Термезе, Сагаииане, Хавамаране и других областях. О Термезе он пишет: «В нем до десятка сангарама, насчитывающих до тысячи монахов; ступа и почитаемые статуи Будды замечательны своими чудесами» [16]. Но если в эту пору еще иногда и возводились ступа и сангарама, что подтверждает недавнее открытие крупного архитектурного комплекса Аджина-Тепе на юге Таджикистана [17], то, по словам того же Сюян Цзана, большинство буддийских монастырей на территории Бактрии — Тохаристана уже клонилось к упадку. Кушанское же время, особенно при Канишке, наоборот, было отмечено процветанием буддийских общин. Об этом свидетельствует создание крупного монастыря Кара-Тепе и возведение огромной ступа Зурмала в Термезе, появление буддийского монастыря и ступа в Айртаме. Вероятно, упомянутые Сюан Цзаном тохаристанские сангарамы, ступа и почитаемые статуи Будды в значительной своей части восходили еще ко времени Кушан. В VII в., когда они уже насчитывали до пяти веков, древность реликвий лишь увеличивала их святость в глазах почитателей.

При Кушанах, империя которых объединила области Средней Азии и Индии, возникла благоприятная ситуация для продвижения буддизма в северо-западном направлении. Самым дальним из выявленных к настоящему времени пунктов распространения буддизма был город Мерв на Мургабе, входивший во владения парфянской державы Аршакидов: работами ЮТАКЭ на городище Гяур-Кала вскрыты остатки монастыря и крупной ступа, созданных около II в.[18], а за пределами укреплений — еще одной небольшой ступа. Как далеко за пределы северного Тохаристана продвинулись буддийские общины вниз по Аму-Дарье — пока неизвестно. Во всяком случае, не отрицая возможности проникновения отдельных буддистов в Хорезм, нельзя считать доказанным проникновение сюда самого буддизма. Ибо несколько фрагментов терракот с Джанбас-Калы и Кой-Крылган-Калы, принимаемых исследователями за буддийские статуэтки [19], еще не дают к этому оснований, а глиняный ступенчатый предмет, который трактуется как миниатюрная модель буддийской ступа, на ступу не похож, так как не имеет цилиндрического тела, и скорее являет собой модель маленького алтаря огня, сходного по форме, например, с алтарями, изображенными на сасанидских монетах [20].

Возвращаясь к архитектуре обеих исследованных ступа на юге Узбекистана, подчеркнем, что хотя исходная композиционная идея их следует разработанной буддизмом схеме, бактрийские зодчие вносят в нее некоторые локальные черты. Эта локальность проявляется в приемах строительной техники. Характерно применение здесь традиционного для античной архитектуры Бактрии конструктивно-строительного материала — сырца или сырца в комбинации с пахсой, а в облицовках — жженого кирпича и белого мергелистого известняка. Ступа кушанского времени из соседних областей возводились из иных материалов. Так, ступа из комплексов Шотарак и Коли-Надир в Кабулистане имели внешнюю выкладку из мелких сланцевых плит, внутреннюю глино-галечную забутовку и несли скульптурные облицовки из темного шифера [21]. В Хадде для основного массива кладки использовались речные конгломераты или галька на глиня-

---

[16] S i Yu-ki. Buddhist Records on the Western World. London, 1906, стр. 39.

[17] Б. А. Литвинский и Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, XLII, 1964, стр. 77 сл.

[18] М. Е. Массон. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 г. Изв. АН Туркм. ССР, сер. общ. наук, 1963 г., 3, стр. 51 сл.

[19] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 199; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 160; Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим. В кн. «Индия в древности». М., 1964, стр. 176.

[20] F. F. J. P a r u c k. Sassanian Coins. Bombay, 1924.

[21] J. M e u m i é. Shotarak. MDAFA, X. Paris, 1942, стр. 11; его же. Le Kôh-i-Pahlavan. MDAFA, IV, Paris, 1959, стр. 122.

ном растворе и лишь иногда сырец, во внешних облицовках — темный шифер, сероватый песчаник, но в основном — ганч, которым наносились штукатурки, выполнялись архитектурные детали и горельефная скульптура[22]. В долине Свата (городище Буткара и др.) внешние кладки ступа возводились из крупных плит обработанного шифера, внутренность заполнялась крупным булыжником и рваным камнем на глиняном растворе, во внешних же скульптурных облицовках употреблялся темный шифер[23]. Между тем в Южной Бактрии техника возведения ступа была та же, что и в Северной: ступа Шахри-Фолак и Тепе-Рустем в Балхе (древние Бактры) воздвигнуты из квадратного сырца, причем в облицовках цилиндрического тела последней был употреблен жженый кирпич[24]. Интересно подчеркнуть, что этот строительный прием, характерный для кушанской Бактрии — сырцовый конструктивный массив, облицованный жженым кирпичом или камнем,— таков же, как в древнейших ступа Индии (например, в Санчи) [25], в то время как в промежуточных историко-географических областях он не использовался.

Вместе с тем композиция термезской и айртамской ступа отлична от классических индийских, ибо полусфера здесь не покоится прямо на стилобате, но приподнята над ним на цилиндрическом барабане. И в этом отношении они сближаются именно со ступами древних областей Афганистана и Пакистана, для композиции которых характерно развитие по вертикали.

---

[22] J. Barthoux. Les fouilles de Hadda. MDAFA, IV, Paris, 1933, стр. 45 сл.

[23] D. Faccena. Mingora: Site of Butkara. Reports on the Campaigns 1956—1958 in Swat (Pakistan). Roma, 1962, стр. 55 сл.

[24] M. Le Berre et D. Schlumberger. Obervation sur les remparts de Bactres. MDAFA, XIX, Paris, 1964, стр. 101—102.

[25] V. A. Smith. A History of Fine Arts in India and Ceylon. Bombay, б/г, стр. 22.

А. Ф. МЕДВЕДЕВ

ИЗ ИСТОРИИ СТАРОЙ РУССЫ

В 1167 г. один из древнейших городов Руси — Руса (ныне Старая Русса) впервые была удостоена внимания новгородского летописца и занесена на страницы летописи [1]. В текущем году исполняется 800 лет со времени первого упоминания Руссы в летописи, но мы до сих пор не знаем даты ее основания. Впервые упомянутая летописцем Русса предстает перед нами как уже существовавший город, основанный не в 1167 г., а значительно раньше, возможно в XI или X в.

Как отмечал М. Н. Тихомиров, название «Старая Русса» всегда интересовало ученых в связи с вопросом о начале Руси [2]. И не только о начале Руси, но и в связи с Новгородом. Уже в первой половине XVI в. существовала легенда, по которой Русь якобы получила свое название «от очень древнего города по имени Русс (Русса), находящегося недалеко от Новгорода Великого» [3].

В нашу задачу не входит выяснение вопроса о названиях «Русь» и «руссы». По нашему мнению, выводы М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова о славянском, киевском происхождении этих названий убедительно аргументированы и не вызывают сомнений [4]. Но выяснение названий «Руса» и «Старая Русса» очень важно для истории этого города. Несомненно, что название «Руса» появилось в Южном Приильменье вместе с пришедшими из Приднепровья руссами-славянами не ранее второй половины IX в., и, как убедительно доказал М. Н. Тихомиров, оно не могло произойти от вымышленных русским летописцем XII в. «знатных предков» русского народа — «варягов-руси».

А. Н. Насонов отмечал, что наиболее интенсивная колонизация новгородскими славянами территории к северо-востоку от Новгорода происходила во второй половине XI и в XII вв.[5] А это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что Южное Приильменье, как западное и восточное, было занято и освоено славянами сравнительно незадолго до середины XI в., во всяком случае никак не ранее второй половины IX в. Экономический и административный центр приильменских славян Великий Новгород по археологическим данным был основан в X в.[6], а по летописной традиции — во второй половине IX в. В Старой Ладоге, как показали новейшие исследования Г. Ф. Корзухиной, славяне появились тоже лишь в X в.[7]

---

[1] НИЛ, М.— Л., 1950, стр. 32 и 220.

[2] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 48.

[3] С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 1.

[4] М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». СЭ, VI—VII, М.— Л., 1947, стр. 60—80; А. Н. Насонов. Русская земля. М., 1951, стр. 28—41.

[5] Там же, стр. 93—117.

[6] Раскопки А. В. Арциховского 1937—1966 гг. на Славне, Ярославовом дворище, в Неревском конце и на Ильинской улице.

[7] Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге, СА, 1961, 3, стр. 76—84.

В названии «Старая Русса» заключена первопричина многих теорий и споров о времени появления в Приильменье славян и последовательности возникновения Новгорода, Старой Руссы и Старой Ладоги, об этнической связи местной топонимики и гидронимики и времени ее появления. В. Н. Татищев и многие другие историки, не пытаясь выяснить время появления названия «Старая Русса» и придавая слову «старая» чуть ли не магическое значение, делали необоснованный вывод, что она была старой по отношению к Новгороду и, следовательно, была древнее Новгорода. Поэтому часто в статьях и книгах о Руссе можно прочитать, что дата основания этого города относится «к временам доисторическим» [8]. И это несмотря на убедительные данные письменных источников, неопровержимо свидетельствующих, что Новый город (Новгород) известен с X в., а названия «Старая Русса» и «Старая Ладога» появились и распространились лишь в первой половине XVI в. и с этого времени стали «старыми» не по отношению к Новгороду, а к Новым Руссам и Новой Ладоге. Поясним это.

С первого упоминания в летописи в 1167 г. до начала XVI в. Старая Русса во всех письменных источниках того времени называлась просто Руса с одним «с». С первой половины XVI в. она стала называться Старой Русой (также о одним «с») и лишь в XVIII в. название «Старая Русса» полностью утвердилось и вытеснило древнее, первоначальное название. Для установления времени появления названия «Старая Русса» особенно важны писцовые и лавочные книги, договорные и духовные грамоты. Эти юридические документы наиболее точно фиксировали официальные названия городов и имеют точные даты составления. Во всех новгородских писцовых книгах XV в. Руса называется только Русой [9]. Так же она называется и во всех древних грамотах и договорах с XIII в. до начала XVI в. включительно [10]. В духовной грамоте Ивана III, написанной в 1504 г., Руса еще не называется старой.

Впервые в официальных документах она названа Старой Русой в писцовой книге Шелонской пятины 1539 г.[11], а в Александро-Невской летописи второй половины XVI в., носившей характер официальной регистрационной книги [12], она названа Старой Русой под 1537 г. В духовной грамоте Ивана Грозного 1572 г. и лавочных книгах 1583 г. она также называется Старой Русой, но в писцовых книгах XVI в., в «Книге большому чертежу» 1627 г. и в поздних летописях она продолжает именоваться и просто Русой. Следовательно, название «Старая Руса» вошло в употребление между 1504 и 1539 гг., когда в Южном Приильменье возникли другие, Новые Русы — на р. Поле и на р. Мшаге при впадении в р. Шелонь [13]. Точно так же появилось название «Старая Ладога», чтобы отличать древнюю Ладогу от основанной примерно в то же время Новой Ладоги.

Герберштейн писал в середине XVI в., что Русса якобы некогда называлась «старою Руссией». Он, несомненно, перепутал историческую последовательность употребления этих названий. Его сообщение о соленой реке в Руссе — такая же путаница иностранца, писавшего с чужих слов.

---

[8] В. Н. Татищев. История Российская. IV, М.—Л., 1964, стр. 77; М. Сухов. Очерки Новгорода и Старой Руссы. Новгород, 1967, стр. 21; М. И. Полянский. Иллюстрированный историческо-статистический очерк города Старой Руссы и Старорусского уезда. Новгород, 1885, стр. 1; В. Пылаев. Старая Русса. 1, Сергиев Посад, 1916, стр. 8—9; С. Н. Паренаго. Краткий исторический очерк города Старой Руссы. Новгород, 1929.

[9] Новгородские писцовые книги, II, СПб., 1862, стр. 514, 537, 824; V, СПб., 1905, стр. 43, 44, 47, 53, 56, 58, 192.

[10] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, стр. 10—12, 15, 17, 19, 21, 27, 29, 35, 37, 40, 46, 131, 181, 301, 302; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 357.

[11] Новгородские писцовые книги. IV, СПб., 1886, стр. 334.

[12] ПСРЛ, 29, М., 1965, стр. 134; Д. С. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 371, 373.

[13] А. Н. Насонов. Ук. соч., стр. 119.

М. И. Полянский и С. Н. Паренаго относили первое упоминание названия «Старая Руса» к 1471 г., но эту дату нельзя признать достоверной потому, что она заимствована ими из «Царственного летописца», составленного в конце XVII в. для юного царевича Петра [14]. В одном из списков Новгородских летописей начала XVII в. уже под 1192 и 1198 гг. Руса называется Старой [15]. Это явные добавления переписчиков XVII в., слух которых уже привык к названию Старая Руса. С двумя «с» Русса стала писаться с XVIII в.

Многие ученые придавали слишком большое значение историческим легендам и иногда недостаточно критично использовали малодостоверные или совсем недостоверные из легенд для своих исторических выводов. Под влияние летописной легенды о призвании «варягов-руси» попали А. А. Шахматов [16] и Л. Нидерле [17]. А. А. Шахматов совершенно необоснованно предполагал, что топонимика со словом «Русь» в Южном Приильменье возникла якобы от «варягов-руси» до их изгнания восставшими славянами [18]. Это событие летописцем относится к первой половине IX в., когда в Приильменье не было, судя по археологическим данным, ни славян, ни варягов. Неубедителен и его вывод о большей древности Руссы в сравнении с Новгородом, основанный на предположении, что Холмгардом или Островным городом «скандинавы называли город, получивший позже (после основания Новгорода) имя Старой Руссы». Эту «островную» теорию А. А. Шахматова справедливо критиковал С. Ф. Платонов [19]. Мы видели, что это имя появилось в первой половине XVI в. и к Новгороду никакого отношения не имеет.

Но если легенда летописца Нестора о призвании варягов, в которой с большим мастерством переплетаются быль и небылица, производит впечатление документальности, то легенда о Русе и Словене, якобы основавших города Руссу и Словенск Великий (Новгород) является совершенно баснословной. Сочинитель XVII в. положил в основу топонимические данные, кое-что из истории и чешско-польской легенды о братьях Чехе, Лехе и Русе, упомянутой Гербершейном. Неудивительно, что серьезный русский историк XVIII в. В. Н. Татищев справедливо назвал автора этой легенды врагом, а легенду басней [20]. И тем не менее почти все авторы, писавшие о Старой Руссе, охотно приводили эту легенду в доказательство исключительной древности этого города. Правда, некоторые из них отмечали очевидную баснословность легенды, но считали, что в ней есть «рациональное зерно»[21]. Очень часто, кроме названной легенды, для обоснования большой древности Руссы оперировали скандинавской терминологией из древних саг и других источников. Так М. И. Полянский упомянутый в XI в. Адамом Бременским «Остро-гард» без всяких оснований отождествляет со Старой Руссой [22]. Разъяснение этого недоразумения мы находим у немецкого хрониста XII в. Гельмольда. Он пишет, что Острогардом или Восточной страной в его время даны (датчане) называли Русь [23], а не какой-то город. Поскольку Гельмольд, имевший прямой контакт со сканди-

---

[14] С. Герберштейн. Ук. соч., стр. 120; М. И. Полянский. Ук. соч., стр. 21; С. Н. Паренаго. Ук. соч.; Царственный летописец. СПб., 1772, стр. 427.

[15] Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 195, 198.

[16] А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904, стр. 59; его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; его же. Древнейшие судьбы русского народа. Птрг., 1919, стр. 55—56.

[17] Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 145—151.

[18] А. А. Шахматов. Сказание..., стр. 59.

[19] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы..., стр. 55—56; С. Ф. Платонов. Руса. Дела и дни. Птрг., 1920, стр. 1—5.

[20] В. Н. Татищев. История Российская. IV, стр. 83—84.

[21] М. И. Полянский. Ук. соч., стр. 1—2, 9; П. Г. Соболев. Спутник по Новгороду и Старой Руссе. СПб., 1914, стр. 94—95; В. Пылаев. Ук. соч., стр. 8—9; С. Н. Паренаго. Ук. соч., стр. 5.

[22] М. И. Полянский. Ук. соч., стр. 8.

[23] Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963, стр. 33.

навами (данами и шведами), говорит, что имя «Острогард» означало у скандинавов «Восточная страна» (Русь), то, видимо, аналогичное название «Холмгард» надо переводить не как «Островной город», а как «Страна островных хуторов». В норвежском языке слово holme значит «островок» вообще, в том числе островок леса, растительности, возвышенность, а gard (гард) или gård (горд) — хутор, двор, усадьба, но не город. С XVIII в. это недоразумение продолжает повторяться и с Холмгардом, с которым некоторые авторы отождествляли то Новгород, то Руссу, то с. Бронницы на р. Мсте [24].

Подобное недоразумение из-за слова «гард», созвучного русскому «град» или «город», еще чаще повторяется у наших историков относительно названия «Гардарики», которым скандинавские саги именуют Русь. На норвежском языке оно значит «страна хуторов» или, иначе говоря, страна отдельно стоящих огороженных дворов или усадеб [25], но отнюдь не «страна городов», как обычно до наших дней понимается это название.

В. Н. Татищев, ссылаясь на Бреннера, говорит, что это норманское имя значило «великий град или область», и связывает его с Ладогой. Он добавляет, что северные писатели под именем Гардарики «часто всю область Русскую разумеют». Более того, он отметил, что западные историки под именем Гардарики, Холмогардия, Острогардия разумели всю Русь, а Петр Дикман писал, что Холмогардия и Гардарики — это область между Ладожским и Чудским озерами [26]. В. Н. Татищев напрасно сетует на такое якобы «смешение» имен. Скандинавские историки правильно переводили и понимали эти различные названия северо-западной Руси. Именно поэтому в норвежском языке «Гардарики» — это историческое название Новгородской земли (княжества).

Кстати, ни у одного из скандинавских и западноевропейских историков средневековья нигде не говорится, что среди шведских, датских или норвежских племен было племя по имени «русь», от которого, согласно легенде летописца Нестора, восточные славяне якобы заимствовали это название. Гельмольд, живший, как и Нестор, в XII в. и хорошо знавший всех скандинавов, или норманнов, безусловно отметил бы это в «Славянской хронике», если бы такое название носило шведское племя. Следует сказать и о варягах русских летописей. До сих пор не раскрыто истинное значение слова «варяг». Известно, что варяги (или варанги) — это наемные дружины норманского происхождения. Так считали греки и это значение слова отразилось в скандинавских сагах. С. Ф. Платонов, по-видимому, сделал правильный вывод, что основная масса варягов в дружинах византийских царей, киевских и новгородских князей в X—XI вв. состояла из выходцев из Норвегии. Он писал в 1909 г., что в его время удалось точно определить родину варангов или варягов (на Руси это слово писалось через «юс» и произносилось варенг), благодаря одному византийскому источнику XI в., найденному и опубликованному проф. В. Г. Васильевским в его статье «Советы и ответы Византийского боярина XI в.». Этот боярин, пересказывая известную скандинавскую сагу о Гаральде, прямо называет Гаральда сыном короля Варангии. А известно, что Гаральд был из Норвегии. Следовательно, Варангия — это Норвегия, а варанги или варяги — норвежцы [27]. Возможно, что название «варяг» образовалось из двух норвежских слов: vare — товар и jage — охотиться, гнаться, и первоначально значило просто торговец, купец (охотник за товаром). Один из заливов на севере Норвегии, на границе с СССР, называется Варангерфиорд (возможно, «варяжский залив»). Там же и полуостров носит это название и

---

[24] А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы..., Птрг., 1919, стр. 55—56; С. Н. Паренаго. Ук. соч., стр. 5; В. Н. Татищев. История Российская. I, М., 1962, стр. 284.

[25] rike — страна, государство; gard — хутор, двор, усадьба.

[26] В. Н. Татищев. Там же, стр. 283—284.

[27] С. Ф. Платонов. Лекции по Русской истории. СПб., 1909, стр. 64—65.

небольшой городок на западном берегу Варангерфиорда. С. Ф. Платонов совершенно правильно отметил, что взаимоотношения между варягами и славянами были чаще мирными. Не исключено, что установление родственных связей с Норвегией в начале XI в. при Ярославе Мудром, визит Улафа II в Новгород за помощью против датского короля являлись продолжением развития уже существовавших связей и добрых взаимоотношений между Норвегией и Русью.

Старая Русса находится на месте слияния рек Поруси и Полисти, в болотистой местности, среди озер и лесов, в некотором отдалении от водного торгового пути «из варяг в греки». М. Н. Тихомиров считал, что географическое положение Старой Руссы нельзя признать удобным с торговой точки зрения. По его мнению она с самого начала своего существования имела не столько торговое, сколько промышленное значение [28]. Эту точку зрения разделяют и другие историки Руссы [29] и она, безусловно, имеет веские основания. В районе Старой Руссы, кроме лесов, озер и рек, изобиловавших зверем, птицей и рыбой, были развиты земледелие и скотоводство. Но важнейшее промышленное значение в истории Руссы имело солеварение на базе местных соляных источников. Соляной промысел возник, несомненно, одновременно с самим городом, если не раньше. Не исключено, что важнейшей причиной основания Руссы в районе слияния рек Порусьи и Полисти было наличие здесь соляных озер и источников для соляного промысла. В течение веков солеварение в Руссе было основным занятием посадского населения, специфическим промыслом этого города («русским промыслом») [30].

История Старой Руссы, особенно в ранний период ее существования, до сих пор не раскрыта в должной мере. Она, безусловно, будет выяснена в ближайшие годы при помощи археологических раскопок, которые были начаты в 1966 г. Но прежде, чем изложить весьма обнадеживающие и важные для истории Руссы археологические открытия, мы остановимся кратко на характеристике летописных данных о Старой Руссе.

Первое упоминание Руссы в 1167 г. было связано с изгнанием из Новгорода князя Святослава Ростиславича за его крутой нрав и покушения на вольности Новгорода. Еще раньше, в 1160 г. его под конвоем выдворяли из Новгорода в Ладогу, но он бежал и с помощью отца — смоленского князя Ростислава Мстиславича и Андрея Боголюбского снова был навязан Новгороду. В 1167 г. его опять изгоняют, но он снова с помощью своих братьев и Андрея Боголюбского пытается покорить новгородцев. Его войска по пути на Новгород сожгли Новый Торг и Луки. Святослав Ростиславич с суздальцами, смольнянами и полочанами подошел к Руссе, но, узнав, что против него идут новгородские войска под командованием бывшего посадника Якуна Мирославича, отступил от Руссы [31]. После этого Якун, уже немолодой, но опытный полководец и градоначальник, в третий раз избирается новгородским посадником. В 1169 г., согласно В. Н. Татищеву, под Руссой войска Андрея Боголюбского разбили новгородского воеводу [32], но в дошедших до нас летописях этот факт не отмечен. Второй раз новгородский летописец занес Руссу на страницы летописи через четверть века, в 1192 г., в связи с сооружением деревянной церкви «на острове» и основанием Спасо-Преображенского монастыря игуменом Мартирием [33]. В следующем году она упоминается в связи с избранием рушанина Мартирия новгородским архиепископом. В 1194 г. летописец сообщает о сильнейшем пожаре в Руссе, во время которого, видимо, она почти полностью сгорела [34].

[28] М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 49.
[29] И. Н. Вязинин. Старорусский край. Новгород, 1958, стр. 16.
[30] Памятники русского права. II, М., 1953, стр. 199, 207.
[31] НІЛ, стр. 32.
[32] В. Н. Татищев. История Российская. III, М., 1964, стр. 94.
[33] НІЛ, стр. 40.
[34] Там же, стр. 41.

Летописные записи конца XII в. очень важны для истории Руссы. Во-первых, упоминание в Руссе острова, на котором Мартирий построил деревянную церковь и основал монастырь, вызвало много толков и породило много теорий. Этот факт использовали как доказательство, что скандинавы под «островным городом» (Холмгардом) якобы имели в виду Руссу. Но это, как мы видели, было основано на недоразумении этимологии названия. Вероятнее предположение С. Ф. Платонова, что новгородский летописец разумел под островом островок леса, возвышенность и т. п., подобно Лосиному острову под Москвой.

После пожара 1194 г. Русса основательно отстраивается. В 1198 г. тот же рушанин Мартирий, будучи архиепископом новгородским, за два месяца и десять дней сооружает в монастыре первую в Руссе каменную церковь Преображения. В следующем году церковь была расписана фресками [35]. На старой основе этой церкви в 1442 г. была построена новгородцами и рушанами новая церковь того же имени, сохранившаяся до наших дней [36]. Судя по ее местонахождению, следует признать, что под островом летописец понимал именно островок на суше, а не на воде.

В 1199 г. в Руссе сооружаются земляной вал и ров («В то же лето в Русе город обложиша»), а на следующий год по валу строятся деревянные оборонительные укрепления («срубиша в Русе город») [37]. Под городом здесь разумеется крепость, деревянные укрепления. Из сообщений летописи неясно, заново создавались эти оборонительные укрепления или восстанавливались после пожара 1194 г. Вероятнее второе, так как невозможно представить, чтобы Русса не имела крепости в течение 33 лет со времени ее первого упоминания в 1167 г. до 1199 г. Несомненно, что крепость в Руссе была и до первого ее упоминания. В. Н. Татищев в первой половине XVIII в. цитировал выдержки списков летописей, не дошедших до наших дней, в которых говорилось именно о восстановлении оборонительных укреплений в Руссе после пожара. Приведем эти выдержки: «обложиша новгородцы город Русу, первы бо град падеся, ово погоре» [38]. «Новгородцы в Русе,— говорит Татищев,— разломав ветхую крепость, построили новую, понеже прежних стен и стрельниц несколько сгорело, другие от древности развалились» [39]. Из всех данных все же неизвестно, когда была сооружена первоначальная крепость (детинец) и где? Наиболее вероятное местонахождение крепости («города»), как говорилось выше, в районе ул. Пушкина близ курорта, где до войны отрывали вершины дубового частокола [40], или около ц. Николы в «городке» на берегу русла Малашки р. Порусьи, где в XV в. находился двор наместника [41]. Остается неясным и вопрос, были ли оборонительные укрепления вокруг довольно обширного городского посада, основное население которого состояло из солеваров и других ремесленников. Посад Руссы в конце XV в. включал территорию, ограниченную соляными источниками на востоке, Княжим ручьем на юге, руслом Перерытицы на западе, и тянулся к северу вдоль восточного берега р. Полисти до впадения в нее Холопьего ручья. Спасский монастырь был уже на территории посада.

В Руссе было пять городских районов или концов: конец Серёдка (район курорта и прилегающий участок, ограниченный Комсомольским пер., руслом Малашки, ул. Декабристов и просп. Маркса), Пёсий конец (район к югу от Серёдки, ограниченный Комсомольским пер., руслом Малашки и Красноармейским пер.), Мининский конец (район к западу от Пёсьего, ограниченный руслами Перерытицы и Малашки и ул. Сварога), Емец-

---

[35] НІЛ, стр. 43—44.
[36] Там же, стр. 422, 463.
[37] Там же, стр. 45.
[38] В. Н. Татищев. История Российская. IV, стр. 327.
[39] В. Н. Татищев. Ук. соч., III, стр. 167.
[40] И. Н. Вязинин. Ук. соч., стр. 31.
[41] Новгородские писцовые книги. V, СПб., 1905, стр. 206—207.

кий конец (к северу от Мининского, между руслами Перерытицы и Малашки) и Рогов конец (между р. Полистью и ул. Декабристов до Спасского монастыря включительно[42]). В Серёдке находились крепость и торг. Таким образом, Русса в конце XV в. вытянулась с юга на север вдоль восточных берегов Порусьи и Полисти на 2 *км*, а с запада на восток на один километр. Площадь ее была огромной — около 200 *га*. Но, несомненно, что городской посад в это время рос и на запад от Перерытицы. У нас нет никаких достоверных данных, что посад в Руссе был укреплен. Возможно существовали какие-то деревянные укрепления вокруг посада, но следов их пока не обнаружено.

В первой половине XIII в. Русса имела многочисленное население, из которого набирались пешие и конные отряды для защиты города и окрестностей от набегов Литвы. В 1224 г. конный отряд рушан под командованием посадника Федора Михалковича храбро бился с более многочисленным отрядом Литвы. В этой битве погибло много рушан, в том числе некий Богша[43].

Посадник Федор не называется в летописи новгородским посадником. По мнению В. Л. Янина, он ошибочно включен переписчиком в дефектный список новгородских посадников[44]. Очень возможно, что Федор Михалкович вопреки мнению А. Н. Насонова[45], был именно посадником Руссы — ставленником Новгорода. Это тем более вероятно, что он был родным братом новгородского посадника Твердислава, который мог его назначить в Руссу в 1219—1220 гг. во время своего четвертого посадничества. В. Н. Татищев не без основания называет его посадником Старой Руссы, а А. Н. Насонов почему-то считает его новгородским посадником, коим он не был. Возможно не случайно посадник Федор самовольно, без ведома новгородского князя возглавил конный отряд рушан, хотя, как отмечал А. Н. Насонов, в Руссе еще в 1234 г. упоминается княжеская организация — огнищане и гридьба (княжеские слуги и дружина)[46].

Нет сомнения, что Русса со времени основания управлялась, если не в политическом, то в экономическом отношении, ставленниками Новгорода, новгородцами или рушанами. Мы не имеем сведений об этом только потому, что новгородские летописцы с 1234 до 1403 г., за 170 лет упомянули Руссу лишь четыре раза с разрывами в 36, 46, 55, 13 и 19 лет. Упоминали исключительно в связи с борьбой с не в меру властолюбивыми князьями или с постройкой в Руссе церквей новгородцами[47]. Ни экономическая, ни иная внутренняя жизнь Руссы не считалась достойной занесения на страницы летописей Новгорода. А в борьбе с князьями принимали участие и рушане, как это было в 1316 г. В конце XIV или начале XV в. в Руссе был представитель Новгорода — тиун новгородский Тимофей Васильевич, свинцовая печать которого была найдена при археологических раскопках 1966 г. на территории курорта. В 1442 г. русское (старорусское) посадничество держал новгородский посадник Иван Васильевич[48]. В середине XV в. в Руссе были свои посадники и подвойские, управляющие городом и судившие население (вероятно тоже ставленники Новгорода)[49]. В конце XV в. в Руссе был наместник, княжеский или новгородский[50].

Литва часто опустошала своими набегами окрестности Руссы, но новгородцы и рушане в XIII в. нередко давали отпор захватчикам. Так было в 1225 г., когда близ Руссы на Ловати[51] новгородцы во главе с князем

---

[42] Там же, стр. 192—214.
[43] НІЛ, стр. 61.
[44] В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, стр. 134.
[45] А. Н. Насонов. Русская земля, стр. 118—119.
[46] Там же.
[47] НІЛ, стр. 89, 95, 320, 337, 371, 379, 397.
[48] Там же, стр. 422.
[49] Памятники русского права. II, М., 1953, стр. 199, 207.
[50] Новгородские писцовые книги. V, стр. 204—207.
[51] НІЛ, стр. 64.

Ярославом разгромили 7000 отряд Литвы, перебив в бою до 2000. Через девять лет, в 1234 г. литовские войска внезапно ворвались в Руссу с поля и проникли до торга, находившегося неподалеку от главного входа на курорт, на ул. Сварога, где стояла каменная ц. Бориса и Глеба, построенная в 1403 г. новгородскими купцами-прасолами [52]. На плане города Руссы 1625 г. именно здесь находилась торговая Борисоглебская площадь и ц. Параскевы Пятницы [53], которая часто ставилась на торгу. Литву в Руссе привлекала, главным образом, соль. Сообщение летописи об этом набеге очень важно для истории Руссы, поэтому приведу его здесь: «Того же лета изгониша Литва Русу даждь и до торгу, и сташа рушане, и засада, огнищане и гридба, и кто купец и госте, и выгнаша я опять ис посада, бьющеся на поле» [54]. Полем в Руссе называлась местность к северо-востоку от курорта, по ручью Бойе и дороге на Парфино [55].

В этот набег были разграблены церковь Спаса и монастырь. Из сказанного ясно, что торг находился на посаде. Интересно, что против Литвы встали на битву, кроме постоянной княжеской засады — дружины и слуг (гридьба и огнищане), также рушане, купцы и гости. Под рушанами можно понимать и местные вооруженные отряды, как было в 1224 г., и жителей посада — ремесленников. Купцы и гости — это местные и приезжие торговцы, защищавшие товары. Изгнанный из Руссы литовский отряд был настигнут новгородцами и разбит на селище на Дубровне в Торопецкой волости. Новгородцы отняли у Литвы 300 коней с награбленными тюками товаров, а оставшиеся в живых литовцы, побросав свои щиты и сулицы, бежали в лес.

Из этого известия видно, что в Руссе в первой половине XIII в. было много купцов, торговавших, вероятно, преимущественно солью и изделиями местного производства. Соль была важной статьей доходов и имела большое экономическое и политическое значение. Против своих недругов Новгород иногда применял соляную блокаду. Так было в 1232 г., когда новгородский князь Ярослав Всеволодович, желая оказать давление на псковичей, не пустил во Псков новгородских торговцев солью и там соль резко вздорожала [56]. В XIV в. Псков пытался у себя наладить солеварение, но безуспешно [57]. Новгородские купцы продавали соль из Руссы во многих городах Руси и за рубежом. В течение нескольких веков Новгород почти монопольно владел соляным промыслом в Руссе и других пунктах новгородской земли и ревностно оберегал эти источники доходов от посягательств извне. Судя по договору 1471 г. с польским королем и литовским князем Казимиром IV, новгородцы даже в самые критические моменты их истории очень неохотно уступали варницы другим владельцам. Так, за обещанную защиту от притязаний Москвы среди других прав они разрешали Казимиру IV иметь в Руссе только 10 варниц [58] из нескольких сот имевшихся там.

В течение веков солеварение в Руссе было важнейшим занятием посадского населения, специфическим и исконным «русским (старорусским.— *А. М.*) промыслом». Столь же специфическими и исконными были связанные с солеварением пошлины: поземи натуральная подать солью, так называемая «сотная соль» (возможно сотая часть вываренной соли), а также заготовка и сплав дров. Эти пошлины, как видно из жалованной грамоты (1456—1462 гг.) великого князя Московского Василия II, были обычными пошлинами уже при Дмитрии Донском (1359—1389). Нет сомнений, что натуральные подати солью возникли в Руссе задолго до Дмит-

---

[52] НIЛ, стр. 397.
[53] М. И. Полянский. Ук. соч.
[54] НIЛ, стр. 73, 283. Глагол «изгониша» означает «ворвались».
[55] Новгородские писцовые книги. V, СПб., 1905, стр. 204.
[56] НIЛ, стр. 281.
[57] П2Л, М., 1955, стр. 27.
[58] Памятники русского права. II, М., 1953, стр. 249.

рия Донского. Василий II жаловал княжеским слугам, ведавшим рыбной ловлей (тонникам), привилегии. «Сотной соли... не платити». «А в виру им с рушаны не тянути, а дрова им по рекам плавити на себя; а русьским промыслом им промышляти, соль варити. А с рушаны им в их потуг не тянути, ни подвойским русьским их не позывати, ни посаднику русьскому их не судити» [59].

Наивысшего экономического и культурного расцвета Русса, как и Новгород, достигла в XIV — XV вв., когда производство соли было доведено до нескольких десятков тысяч пудов. Как показали раскопки 1966 г., в в Руссе уже в XIII в. были высоко развиты строительная техника и городское благоустройство, бондарное и сапожное ремесла, ювелирное дело. В связи с возросшим экономическим значением Руссы в ней возводятся несколько каменных церквей. Если за весь XIV в. была сооружена в городке близ торга только одна каменная церковь Николая в 1371 г.[60], то за первую половину XV в. в Руссе было воздвигнуто пять каменных церквей. В 1403 г. новгородские купцы-прасолы строят на торгу ц. Бориса и Глеба [61]. Кстати, это первое упоминание вообще в русских летописях о купцах-прасолах. В более позднее время прасолами называли торговцев мясом и рыбой, скотом и вообще торговцев. Но еще в прошлом веке Н. В. Горяев высказал вполне правдоподобное предположение, что так первоначально называли торговцев солью [62]. Это тем более вероятно, что прасолы строят церковь в самом центре солеварения, близ соляных источников. В 1410 г. возводятся сразу две церкви в Руссе: Георгия и Благовещения, в 1442 г. строится на старой основе ц. Спаса, но выше прежней, сооруженной в 1198 г., а в 1443 г.— в Кречеве близ Руссы.

Уже со второй половины XIV в. московские князья пытаются подчинить себе Новгород. С середины XV в. московские князья ведут ожесточенную борьбу с Новгородом, и Русса, расположенная на пути в Новгород, часто безжалостно разрушается. В 1456 г. Русса была неожиданно взята и разграблена воеводами Московского князя Василия II Иваном Васильевичем Оболенским Стригой и Федором Басенком. «Многое множество богатства взяша, понеже бо не успеша выбежати люди сущии тамо, ни же товара вывести, ни похоронити где»,— сообщает летописец [63]. Все награбленное добро было отправлено с обозом к Василию II в Волочек. Новгородские войска на конях, в бронях, настигли обоз, который сопровождался отрядом москвичей. Новгородцев было больше, но москвичи из-за сугробов открыли стрельбу из луков по коням, кони сбрасывали всадников и новгородцы потерпели жестокое поражение. В битве погиб посадник Есип Носов и попал в плен посадник Михаил Туча [64]. По Яжелбицкому миру новгородцы за 8500 рублей серебром откупились «по старине», но присягнули в верности сыну Василия II — Ивану III.

В 1471 г. киевский князь по пути из Новгорода силой пограбил в Руссе все оброки [65]. Это было в марте, а через четыре месяца войска Ивана III, решившего наказать Новгород за измену и желание отдаться под покровительство Литвы, сжигают Руссу и грабят ее не менее основательно. Новгородцы снова терпят поражение и в наказание за измену Иван III в Руссе жестоко казнил новгородских посадников и воевод Дмитрия Исаковича Борецкого, Василия Губу Селезнева, Еремея Сухощекова, Киприяна Арбузьева и других и отправил в Москву более 50 новгородских бояр. По Коростынскому миру новгородцы уплатили 16000 рублей копейного

[59] Там же, стр. 199 и 207.
[60] НІЛ, стр. 371.
[61] Там же, стр. 397.
[62] Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 279.
[63] Никоновская летопись. ПСРЛ, XII, СПб., 1901, стр. 110.
[64] Иоасафовская летопись. М., 1957, стр. 49.
[65] Псковские летописи. II, М., 1955, стр. 175.

(военные издержки) [66]. Вскоре после этого Новгород окончательно покоряется Москве и Русса в летописях упоминается от случая к случаю. Но значение ее как центра солеварения нисколько не снижается, она попрежнему экономически связана с Новгородом и во Владимирской летописи под 1519 г., когда она сгорела, называется «Руса новгородцкая» [67].

С 1537 г. она в летописях начинает называться Старой Русой. В 1563 г. в Старой Руссе собираются войска Ивана Грозного в поход на Литву. В 1565 г. она отписывается в опричнину — во владение царя с сыновьями и ее земли раздаются дворянам за службу царю [68]. Через два года там был страшный мор, а в 1581 г. литовские войска, ворвавшись в Руссу, посекли людей и сожгли город. Иван Грозный с 300 000 войском стоял в Старице, но побоялся пойти на выручку Руссы и Пскова. Говорили, что его сын Иван просил его послать помощь Пскову, но он озверел и поколол сына остнем (посохом с острым концом) [69].

В начале XVII в. во время шведско-польской интервенции Руссу захватывает Литва, затем шведы. Царский воевода в Новгороде Михаил Васильевич Скопин-Шуйский изгнал Литву из Старой Руссы [70]. Шведы, желая закрепиться в Руссе, строят на Воскресенском мысу деревянную крепость в 1612 г., но поднявшийся на защиту Родины русский народ изгоняет захватчиков и с 1617 г. Русса переходит под власть Москвы. По сообщению Рейтенфельса, даже во второй половине XVII в. Старая Русса — «очень старинный город, поставляла в изобилии разного рода рыбу и поваренную соль» [71].

Даже из отрывочных летописных известий Русса представляется важным экономическим и административным центром Южного Приильменья, высокоразвитым городом с детинцем и огромным ремесленным посадом. Существенное дополнение к характеристике древней Руссы дали первые археологические раскопки на курорте.

С. Н. Паренаго и М. Н. Тихомиров [72] справедливо возлагали большие надежды на археологические исследования для выяснения многих, еще не раскрытых, страниц древнейшей истории Старой Руссы. Уже в первой половине XIX в. при бурении было выяснено, что культурный слой в черте города кое-где достигает 6,4 *м*. В 1867 г. в Руссе производились какие-то раскопки у Княжего ручья на месте дворца князей Ростовских Четвертинских, но при раскопках ничего не было найдено, кроме плитняка, «серебряной конской подковы» и железного кованого петуха [73]. М. Сухов сообщает, что в его время при раскопках в Руссе встречалось много водопроводных труб, связанных, по его мнению, с солеварением [74]. И до сих пор в районе Старорусского курорта при земляных работах часто встречаются деревянные трубы и остатки деревянных мостовых и древних построек.

По словам местных старожилов и краеведов Б. Н. Новикова, К. И. Дементьева, Г. И. Смирнова и И. Н. Вязинина, в Старой Руссе древние деревянные мостовые, остатки деревянных построек и различные древние вещи чаще всего встречались в районе улиц Минеральной, Сварога, Пушкина и Красных командиров. Примерно в 150 *м* к западу и северу от главного входа на курорт при копке траншей по ул. Сварога и Минеральной были перерезаны по 5—6 ярусов древних мостовых, имевших направление с ЮЗ и СВ. Там же встречались древние вещи и керамика.

[66] Там же, стр. 175—185.
[67] ПСРЛ, 30, М., 1965, стр. 144.
[68] ПСРЛ, XIII, М., 1965, стр. 96, 118, 347, 394.
[69] Псковские летописи, II, стр. 263.
[70] ПСРЛ, XIV, М., 1965, стр. 90.
[71] Яков Рейтенфельс. Сказания о Московии. М., 1906, стр. 207.
[72] С. Н. Паренаго. Ук. соч.; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946.
[73] М. И. Полянский. Ук. соч., стр. 62 и 78.
[74] М. Сухов. Ук. соч., стр. 21.

Среди виденных мною в 1957 г. вещей, собранных Б. Н. Новиковым в водопроводной траншее на западной стороне ул. Красных командиров, у дома Л. В. Васильевой, была керамика XII—XIV вв., костяные трапециевидные гребни, типичные для XII в., шиферные пряслица и стеклянные браслеты. Шиферные пряслица употреблялись на Руси с X в. до монгольского нашествия, а стеклянные браслеты — с середины XII до начала XIV в. Глубина траншей была 2—3 *м*, но культурный слой шел еще глубже. В 1966 г. во время раскопок в Старой Руссе нами велись наблюдения и за земляными работами в городе. При наблюдениях было установлено, что в траншеях и котлованах по Минеральной улице культурный слой около курорта был насыщен остатками древних деревянных построек и толщина его превышала 3 *м*. К северу культурный слой постепенно становился тоньше и от угла Минеральной и просп. К. Маркса толщина его не превышала 50 *см* и в нем не было остатков древних построек.

Концентрация древних находок и сооружений в этом районе не случайное явление. Судя по писцовым книгам XV и XVI вв., по наличию здесь соляных озер и источников, по толщине культурного слоя и характеру рельефа местности представляется несомненным, что древнейший центр Руссы находился между берегом древнего русла р. Порусьи (ныне Малашки) и Верхним соляным озером. Здесь, на возвышенной части города, ограниченной руслом Малашки, улицами Сварога, Минеральной и ручьем из соляных озер, находились торг и древняя крепость. Сейчас не видно следов вала, он давно уже срыт, а ров засыпан, но топография местности и все данные говорят за то, что она была именно в этом районе.

Первые археологические раскопки в Старой Руссе были произведены А. А. Строковым в 1939 г. на месте шведской крепости 1612 г., на мысу при слиянии рек Полисти и Перерытицы (Порусьи) [75], где в конце XVII в. был сооружен Воскресенский собор. А. А. Строков считал, что и древнейшая крепость Руссы была на этом мысу, основываясь на описи Чоглокова 1625 г. К сожалению, эту ошибку, ссылаясь на автора раскопок, повторяли и другие исследователи. Судя по его отчету о раскопках, кроме керамики и кирпичей XIV—XVII вв. и остатков кузницы Федора Быкова начала XVII в., ничего более древнего при раскопках не обнаружено. Правда, А. А. Строков говорит, что нижние слои из супеси с лепной ямочной керамикой (возможно неолитической или эпохи бронзы.— *А. М.*) он датировать не решился. Материал раскопок не сохранился и мы не можем уточнить датировку. Но ясно, что древнерусского слоя раньше XIV в. в этом месте не обнаружено. Несмотря на это некоторые авторы, ссылаясь на раскопки А. А. Строкова, совершенно необоснованно датируют заселение мыса «самыми ранними временами Киевского государства» [76]. Сам А. А. Строков по непонятной для нас причине говорит о невозможности даже предполагать в какой части города было древнейшее поселение и сетовал на скудость летописных данных и отсутствие планов города до XVII в. [77] Сведения писцовых книг и летописные данные дают полное основание предполагать, что древнейшее поселение было в указанном нами выше районе близ курорта.

Начатые в 1966 г. археологические раскопки в Старой Руссе [78] ставят целью выяснение времени основания города, места древнейшего посе-

---

[75] А. А. Строков. Отчет об археологических работах в Старой Руссе в 1939 г. Новгородский исторический сборник. 7, Новгород, 1940, стр. 19—31.

[76] Л. Г. Дробышевский. Старая Русса. Новгород, 1957, стр. 4.

[77] А. А. Строков. Ук. соч., стр. 19.

[78] Раскопки велись Новгородской археологической экспедицией Московского университета и Института археологии АН СССР, по инициативе В. Л. Янина, на средства МГУ, под руководством А. Ф. Медведева; активное участие в раскопках принимали И. Н. Вязинин, Н. И. Лазуткина, Л. И. Петрова, В. Г. Миронова, фотограф С. Т. Бочаров и студенты-практиканты МГУ.

ления, характера городской застройки, оборонительных сооружений, древней планировки, ремесленного производства и промыслов, социальной топографии и облика материальной и духовной культуры горожан. Уже первый сезон раскопок дал весьма обнадеживающие результаты и позволил осветить часть поставленных вопросов.

Раскопки 1966 г. производились на территории курорта, между третьим корпусом и Минеральной улицей. Выбор места определялся наличием площади для раскопок и небольшой отдаленностью от предполагаемого нами древнейшего центра Руссы — крепости и торга. Следовательно, раскопки велись на территории древнего городского посада, неподалеку от соляных озер и источников, к северо-востоку от древнего центра города. До начала раскопок было выяснено, что культурный слой на этом месте должен быть 3,5 *м* толщины, судя по траншеям на Минеральной улице и котловану под третий корпус. Но характер этого слоя был совершенно неясен.

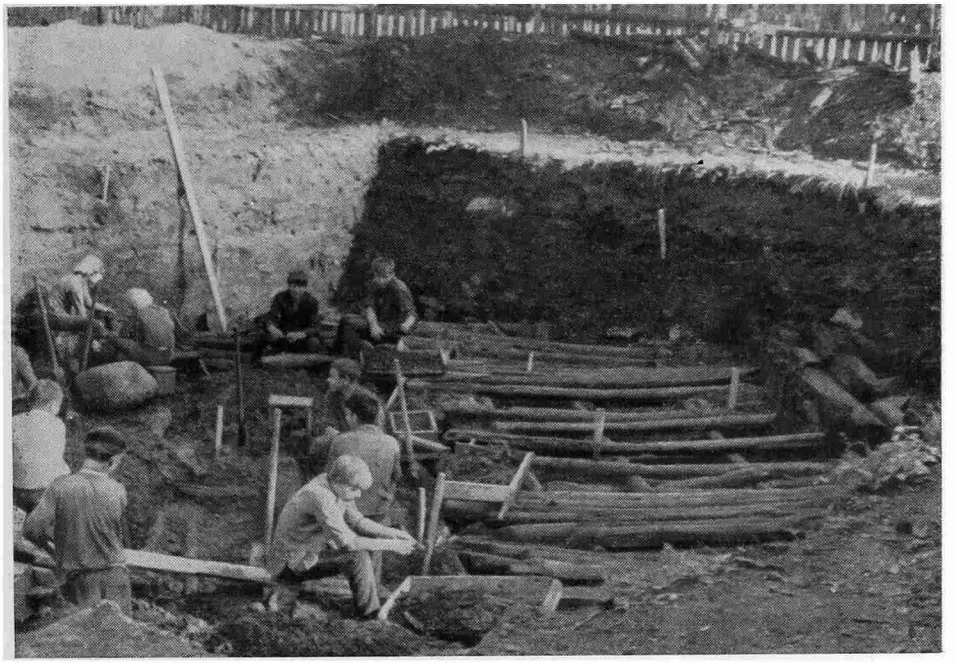
Раскоп площадью 100 $м^2$ (10 × 10), ориентированный по странам света, был доведен до материка. Толщина культурного слоя оказалась здесь около 3 *м*. Этот слой отложился, как выяснилось в результате раскопок, за 800 лет, со второй половины XII в., когда в этом районе непосредственно на материке и погребенной почве впервые появились жилые и хозяйственные постройки, а также регулярно мостившаяся улица, шедшая по диагонали через раскоп с ЮВ на СЗ. Иначе говоря, эта, пока безымянная, улица образовывала перекресток с Богородицкой улицей, изображенной на плане 1625 г. Последняя шла с ЮЗ на СВ со стороны Борисоглебской торговой площади на Поле, в сторону Парфино[79]. Со второй половины XII в. до XV в. включительно открытая раскопками улица мостилась 11 раз. Ширина улицы 3,5 *м*, конструкция ее мостовых аналогична новгородским с той лишь разницей, что на трех бревенчатых лагах настил чаще был из тонких бревен, чем из плах (рис. 1, *1*). По обе стороны мостовой располагались усадьбы с остатками деревянных домов хорошей сохранности (рис. 1, *2*).

Трехметровая толща культурного слоя по своему характеру совершенно аналогична новгородскому. Он состоит сверху из перемешанной темно-серой супеси толщиною до 70 *см* с битым кирпичом, стеклом и всяким строительным мусором XVI—XX вв. Ниже идет темно-коричневый слой с древесной щепой, корой, навозом во дворах и на мостовой, с остатками построек. Предматериковый слой серовато-коричневого цвета толщиною до 30 *см* имеет большую примесь супеси.

Влажная почва Руссы сохранила для нас огромное количество вещественных доказательств того, что уже во второй половине XII в., во время первого упоминания новгородским летописцем, Русса была значительным по территории городом с большим ремесленным посадом. Место раскопа удалено от древнего центра города, где располагались детинец или «городок» и торг, примерно на полкилометра и находилось на посаде в городском конце Серёдке. В самом нижнем слое от настила мостовой и построек сохранились лишь бревна, доски и колья. Но слой насыщен многочисленными бытовыми и хозяйственными предметами, комплекс которых не оставляет никаких сомнений, что этот район был заселен именно во второй половине XII в. Здесь найдены костяные лощило для обработки кожи и два двусторонних трапециевидных гребня (рис. 2, *2, 6*), типичных для XII и первой половины XIII в.[80], обломок деревянной ложки с гравированным орнаментом и следами краски (рис. 3, *2, 3*), бронзовая фибула с пластинчатыми спирально свернутыми концами (рис. 4, *1*), бытовавшая в период с X по XII в. включительно на Руси и

[79] См. план г. Руссы в книге М. И. Полянского.

[80] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2, стр. 102 рис. 5, *6, 9*.



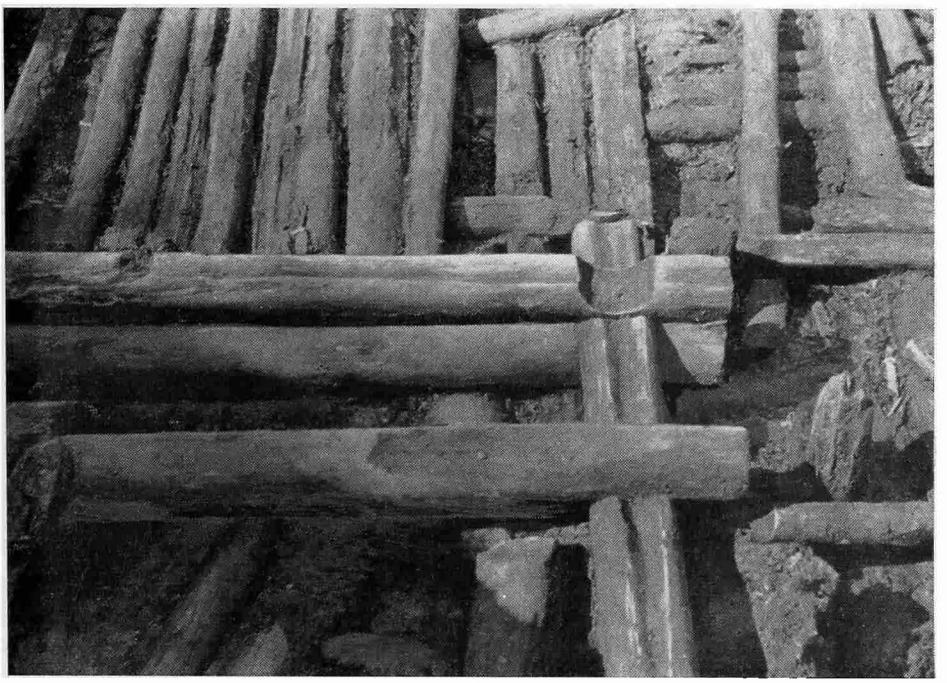


Рис. 1. Деревянные сооружения из раскопок на посаде Старой Руссы

1 — пятый ярус мостовой на раскопе I (вид с северо-запада); *2* — угол сруба XIV в. с переводиной пола (вид с юга)

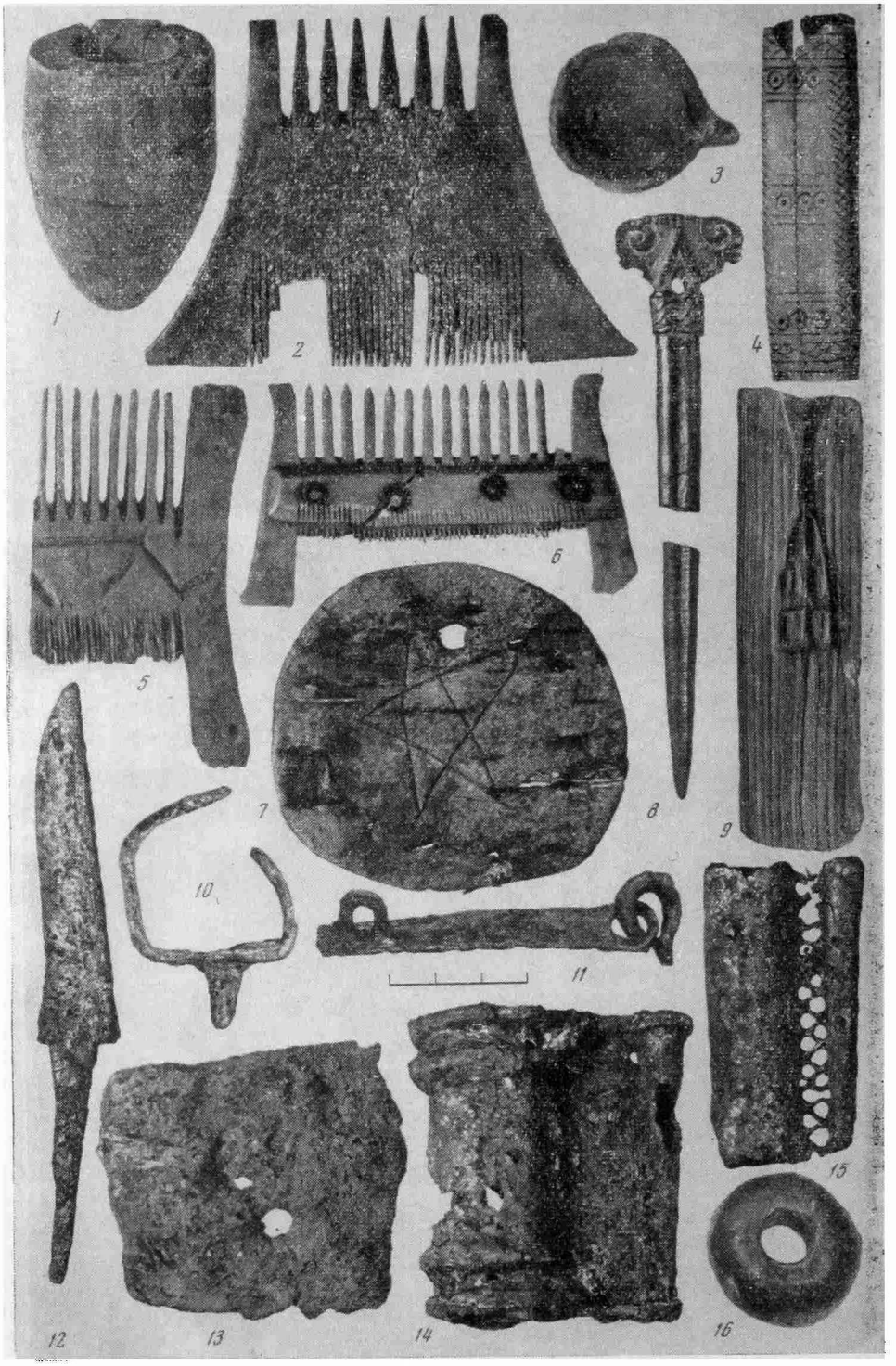


Рис. 2. Вещи из раскопок на посаде Старой Руссы

1 — точеная на токарном станке игрушка-волчок XIV в.; *2* и *6* — костяные гребни второй половины XII в.; *3* — костяная ложечка начала XV в.; *4* — костяная рукоять ножа XIV в.; *5* — обломок деревянного гребня XIV в.; *7* — берестяной поплавок конца XIV в.; *8* — костяная заколка XII—XIII в., найденная на берегу Ильменя близ с. Коростыни; *9* — деревянная литейная форма XIV в.; *10* — шип железный XIV в.; *11* — накладка железная от нутряного замка ларца XIV в.; *12* — нож железный XIII в.; *13* — пластинка железная от панциря конца XIII в.; *14* и *15* — трубчатые железные замки XIII в.; *16* — глиняное пряслице XIV в.

в Прибалтике[81], типичный для второй половины XII и XIII вв. бронзовый пластинчатый овальноконечный браслет (рис. 4, *5*) [82], бронзовый рубчатый перстень, имевший распространение на Руси только в XII и в первой четверти XIII в. (рис. 4, *3*) [83], медная булавка для одежды с фигурной пластинчатой головкой, очень характерная для второй половины XII и первой половины XIII в. (рис. 4, *16*) [84], пуговица из стеклянной зонной бусины зеленого цвета с ушком из медной проволоки. Такие

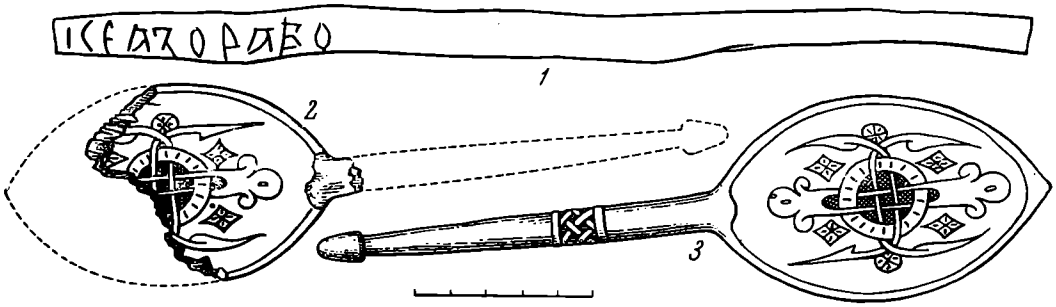


Рис. 3. Вещи из раскопок на посаде Старой Руссы

1 — первая берестяная грамота из Старой Руссы конца XIV или начала XV в.; *2, 3* — обломок и реконструкция деревянной ложки второй половины XII в. с гравированным и раскрашенным узором на внутренней стороне

бусы имели широкое распространение в Новгороде и вообще на Руси с X до середины XIII в.[85] Из деревянных изделий, кроме упомянутой ложки, к древнейшему слою относятся клещина хомута (рис. 5, *13*), деталь вязаного стула (рис. 5, *6*), стрелы охотничьи или игрушечные (рис. 5, *3*, *4*, *7*), лопаты, веселка для теста, чека (типа рис. *5*, *12*), чесало (типа рис. 5, *16*), обломок санного полоза и другие. Из железных вещей в этом слое найдены шило, нож (типа рис. 2, *12*), дужка пластинчатая от ведра, гвозди, шипы (типа рис. 2, *10*), кольцо плоское от сбруи.

Особенно много в этом слое было обрезков кожи, лежавших к востоку от мостовой иногда толстыми слоями. Здесь, несомненно, во второй половине XII в. возникла мастерская сапожника, который изготовлял также и другие вещи. Мастерская кожевника на этой территории продолжала существовать и в XIII в. Из кожаных изделий XII в. найдены ножны с тисненым орнаментом в виде сетки, пара головок от туфель с великолепным узором от вышивки цветными нитками в виде завитков и петель (типа рис. 6, *2*, *3*, но богаче украшены), два ажурных поршня, десять подошв и задник, аналогичные новгородским[86]. Следует упомянуть носок шерстяного вязаного чулка из скрученных по три ниток.

Очень характерно для датировки культурного слоя распределение стеклянных браслетов (рис. 4, *9—13*) по пластам. Из 20 штук, залегавших в ненарушенном слое, в нижнем, 14 пласте было 2, в 13—8, в 12—6 и шиферное пряслице, в 11 и 10 по 2. Производство стеклянных браслетов на Руси началось в середине XII в. и наибольшее распространение они получили в XIII в. К середине XIV в. они совсем исчезают, судя по Новгороду[87] и другим памятникам. Таким образом, ко второй половине

[81] М. В. Седова. Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА, 65, М., 1959, стр. 241, табл. 5, рис. 6, *12*.

[82] Там же, стр. 252, рис. 9, *20*.

[83] Там же, стр. 255, рис. 10, *1*, *2*.

[84] Там же, стр. 241, рис. 5, *8*, *13*.

[85] Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы Древнего Новгорода. МИА, 55, М., 1956, стр. 168—169, табл. 1, *9*, *10*.

[86] С. И. Изюмова. Кожевенное и сапожное ремесла Новгорода Великого. МИА, 65, М., 1959, рис. 3, *9б*, рис. 4, *1*, *6*, рис. 5, *4*, *7*, *8*.

[87] Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, 55, М., 1956, стр. 120, 122, рис. 50.

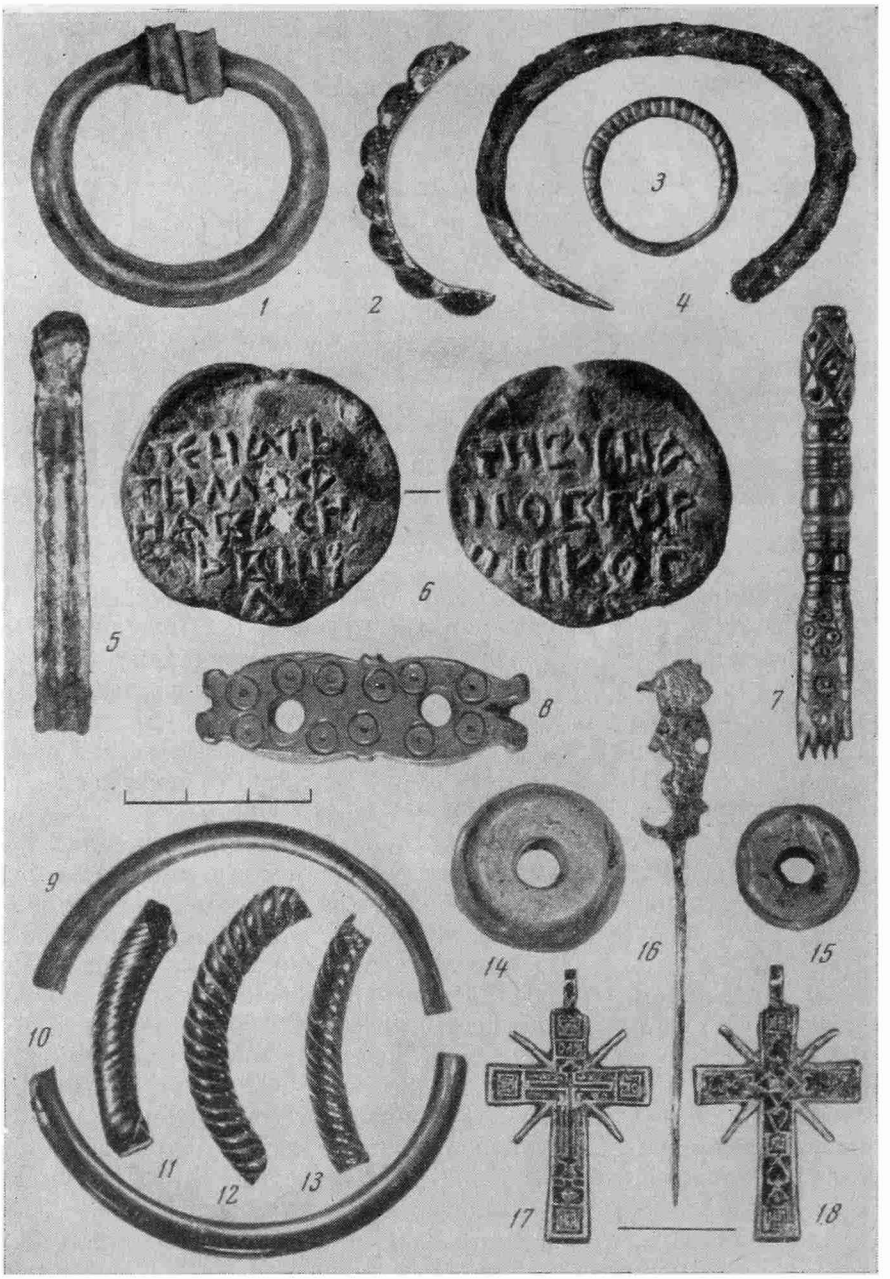


Рис. 4. Вещи из раскопок на посаде Старой Руссы

1 — фибула бронзовая конца *XII* — начала XIII в.; *2* — обломок рубчатого браслета из свинцово-оловянистого сплава домонгольского времени; *3* — бронзовый рубчатый перстень второй половины XII в.; *4* — бронзовый браслет домонгольского времени из слоя XIV в.; *5* — обломок бронзового пластинчатого браслета конца XII — начала XIII в.; *6* — свинцовая печать Тимофея Васильевича — тиуна новгородского конца XIV — начала XV в.; *7* — костяная заколка XIV—XV вв.; *8* — костяная накладка с циркульным орнаментом; *9—13* — обломки стеклянных браслетов второй половины XII и XIII вв.; *14* и *15* — пряслица из розового шифера; *16* — бронзовая булавка с пластинчатым навершием второй половины XII в.; *17* и *18* — лицевая и оборотная стороны бронзового нательного крестика (возможно XVII в.) из слоя XIV в.

Рис. 5. Деревянные изделия из раскопок на посаде Старой Руссы

1 — ложка XIV в.; *2* — заготовка ковшика из капа XIV в.; *3, 4, 7* — стрелы второй половины XII в. для охоты на белку или детские игрушечные; *5* — собачка от ткацкого станка XIV в.; *6* — обломок детали стула второй половины XII в.; *8* — чекмарь бондарный XIV в.; *9* — обломок дверной оси XIV в.; *10* и *11* — клепки и днище ведра XIV в.; *12* — чека начала XIII в.; *13* — клещина хомута конца XII в.; *14* — деталь стула XIV в.; *15* — балясина от мебели начала XIII в., точеная на токарном станке; *16* — чесало XIV в. для обработки льна

XII в. с полным основанием мы можем отнести 14 и частично 13 пласты, часть 13 и 12 датируются первой половиной XII в., 11 — второй половиной XIII в., а 10 — началом XIV в. Эту датировку подтверждает весь комплекс вещевого материала и керамика, характерная в нижних трех пластах для XII и первой половины XIII вв., а выше — для второй половины XIII и XIV вв.

Если слой XII в. сравнительно небольшой, до 25 *см,* то за XIII в. культурный слой вырос за счет остатков двух с половиной ярусов мостовой (8—10), жилых и хозяйственных построек до 60 *см.* В XIII в. здесь продолжает существовать мастерская сапожника или кожевника, о чем свидетельствуют скопления обрезков кожи, заготовок и изношенной обуви: 10 головок простых поршней, две от ажурных, 12 от туфель с прошивным узором в виде завитков, колец и плетенки, 3 задника и 22 подошвы. Тут же была деревянная колодка-правúло для детской обуви, обрывок дамской сумки, два кошелька, двое ножен с тисненым узором и два кожаных мяча для игры (рис. 6). В этом слое найдены войлочные стельки.

Из железных предметов к XIII в. относятся два трубчатых замка, один из которых с типичным для XII—XIII вв. узором в виде петель и покрыт сплошь медью (рис. 2, *14, 15*) [88], нож (рис. 2, *12*), пластинка от панциря (рис. 2, *13*), кольцо, дверной пробой с перекрученным стержнем.

Деревянные изделия здесь разнообразны: ложки, вешалки-крючки, совок, чека, веретено, стопор, стрела, помазок для тележных осей и колес, счетные бирки, лопасть прялки, валек бельевой, три дубовых клина для бондарных работ, точеная на токарном станке балясина от мебели (рис. 5, *15*). Найден колóк от гуслей или гудка XIII в., клубок берестяной ленты для оплетки сосудов и других нужд, 11 днищ от берестяных коробов диаметром от 16 до 35 *см.* К этому веку относятся 16 стеклянных браслетов из 21, розовое шиферное пряслице (рис. 4, *14, 15,* другое из перекопанного слоя), грузило каменное от сети и два обломка наборных двусторонних костяных гребней, употреблявшихся в XII и XIII вв. [89]

Анализ находок из слоя XIV в. свидетельствует, как и письменные источники, о дальнейшем расцвете Руссы во всех отношениях. В это время сооружаются самые добротные постройки: настилы мостовых 4—7 ярусов, жилые дома с печами и полами. На восточной стороне от мостовой в XIV в. стоял большой жилой дом около 10 *м* по фасаду, состоявший из двух частей. Южная половина была жилая с отличным полом из тёсаных досок шириною до 30 *см,* лежавших на бревенчатых переводинах, и печью-каменкой в центре помещения, стоявшей на специальном подпечном срубе размером 2,6 × 1,7 *м.* От подпечного сруба сохранилось четыре венца, рубленных в обло, как и все постройки в древней Руссе. Срубик был забит глиной и сверху перекрыт развалом камней и обожженной глины от свода печи [90]. Северная половина дома, возможно, имела хозяйственное или ремесленное назначение. С запада, у стыка этих помещений стояла долбленая деревянная бочка без дна, врытая до верха в землю. От северного сруба сохранился один венец, от южного стены не сохранились. Перекопы в этом месте доходили до глубины 2 *м* и поэтому некоторые явно ранние вещи найдены в верхних слоях (бронзовый и стеклянный браслеты и одно шиферное пряслице) и, наоборот, некоторые явно поздние предметы оказались в засыпанных ямах внизу. Именно так попала в слой первой половины XIV в. свинцовая печать конца XIV или начала XV в.

С западной стороны мостовой (рис. 1, *1*) находилась другая богатая усадьба, вскрытая лишь частично из-за малой площади раскопа. Здесь в

[88] Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, 2, стр. 94—96, рис. 1, *2, 3.*

[89] Там же, рис. 5, *7*; рис. 6 тип К.

[90] «Наука и жизнь», 1967, 1, верхний рис. на стр. 98.

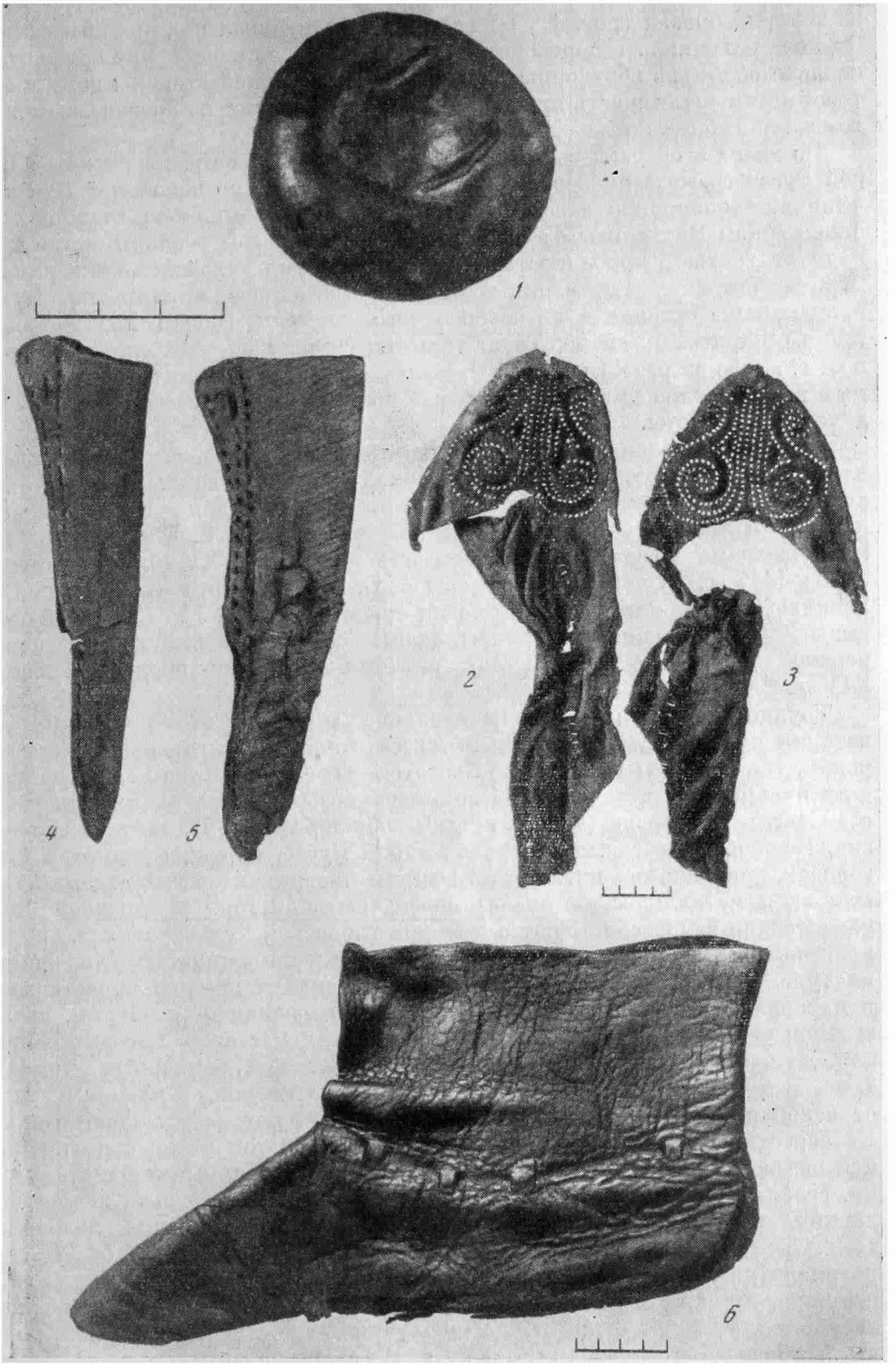


Рис. 6. Кожаные изделия XIII в. из раскопок на посаде Старой Руссы

1 — мяч для игры; *2* и *3* — туфли с вышитым узором; *4* и *5* — ножны для ножей; *6* — поршень

ЮЗ углу раскопа стоял жилой дом, от которого сохранилось три венца из толстых бревен (рис. 1, *2*) на мощных подкладках под нижним венцом. От пола сохранилась переводина, лежавшая на нижнем венце сруба, и несколько обломков обугленных досок пола. С северной стороны дома к мостовой примыкали шесть ярусов какого-то замощения из бревен, возможно, въезда во двор усадьбы.

Во дворе этой усадьбы на глубине 138 *см* была найдена первая в Старой Руссе грамота на бересте, точнее, начатое, но по неведомой нам причине не законченное завещание (рис. 3, *1*). Найдены она старорусским школьником Виткаловым в слое со щепой и навозом в одном метре к западу от третьего яруса мостовой. Она имеет вид узкой ленточки длиною 27,3 *см*, шириною 12 *мм* при толщине около одного миллиметра. Буквы процарапаны острием и по обычаю того времени (конец XIV — начало XV в.) написаны слитно. Текст грамоты состоит из трех слов: «сеазорабо», т. е. «се аз раб» (я — раб) [91]. Буква «о» ставилась тогда после согласных в конце слов вместо «ъ». «Я раб божий...» — так начинались обычно духовные грамоты.

Палеографические аналогии с грамотами из Новгорода подтверждают нашу дату по стратиграфическим и археологическим данным. Ближайшие аналогии в характере начертания и форм букв имеются в грамоте № 370 к Юрию и Максиму Онцифоровичам. Буквы А, Б, Р, З, Е — почти подобны. Эта грамота датируется концом XIV — началом XV в., а еще точнее 1375—1417 гг. [92] Очень близки буквы А, Б, В и в грамоте № 178 второй половины XIV в., буквы Б, З, Р близки буквам грамоты № 373 первой половины XV в. и, наконец, все буквы, кроме А, аналогичны буквам на новгородской дощечке с азбукой для писания по воску первой половины XIV в. [93]

Трудно переоценить исключительное значение этой находки для истории культуры Руссы и Руси. Русса стала пятым древнерусским городом, где найдены грамоты на бересте — совершенно новый вид ценнейших письменных источников. Первые грамоты на бересте были найдены в 1951 г. в Новгороде (теперь их там собрано уже 435), затем в Смоленске, Пскове, Витебске, а теперь в Старой Руссе. Находки грамот в пяти городах, дощечек для писания по воску и инструментов для писания (костяных и металлических писáл) более чем в 40 городах древней Руси убедительно свидетельствуют о высокой городской культуре Руси.

Вещевой материал из слоя XIV в. обилен и по количеству и по номенклатуре. Ремесла и быт, искусство и развлечения широко представлены в материалах из раскопок 1966 г. Судя по деревянным изделиям, на восточной усадьбе в XIV в. появилась бондарная мастерская вместо сапожной, существовавшей здесь в XII—XIII вв. Три бондарных чекмаря (рис. 5, *8*), 11 дубовых клиньев для заготовки клепок, 8 клепок и днищ от ведер и ушатов (рис. 5, *10, 11*) свидетельствуют о ее существовании. Из берестяных вещей есть поплавки от сетей, в том числе с пятиконечной звездой (рис. 2, *7*), 20 днищ от коробов. Деревянные лопаты, мутовки, гребни (рис. 2, *5*), 10 ложек (рис. 5, *1*) и одна заготовка ложки, половник, заготовка ковшика из капа (рис. 5, *2*), бочка долбленая (52 × 37 *см*), верхний брус и доска от сидения стула (рис. 5, *14*), ось дверная (рис. 5, *9*), чеки (рис. 5, *12*), копылы от санок, вальки, уточка-игрушка, а также 6 обломков точеных на токарном станке чаш, волчок-игрушка (рис. 2, *1*) и крышечка шкатулки — все эти вещи характеризуют быт посадского люда Руссы XIV в. Но среди деревянных вещей много и производственного назначения: большой нож от мялки (114 × 8 ×

[91] Там же, рис. на стр. 96.

[92] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963, стр. 68, 71.

[93] А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.), М., 1958, стр. 79.

× 3,5 *см*), подпятник для вращающейся оси, веретена, чесало для льна (рис. 5, *16*), стопоры, нагели, стрелы для охоты на белку, собачка от ткацкого горизонтального станка (рис. 5, *5*). Уникальной находкой является деревянная литейная форма для украшений (рис. 2, *9*). В Новгороде за 20 лет раскопок найдены только две подобные формы.

Кожаных изделий в слое очень мало — два мяча, обрывки двух ножен, трех кошельков, по одной головке ажурного и вышитого поршней и три подошвы.

Железных вещей мало: звено цепи, шип, скоба, накладка от сундучного замка (рис. 2, *11*), два обломка пластинчатых дужек от ведер, острие вроде писа́ла с обломанной головкой и пластинка с заостренными концами.

Костяные изделия встречаются еще реже: трубчатая рукоять ножа с орнаментом (рис. 2, *4*), две ложечки из коленных чашек животных, вот и все. На одной из ложечек (рис. 2, *3*) были следы бронзы. Вероятно, они использовались в ювелирной мастерской, как и литейная форма.

Помимо раскопа при земляных работах в Руссе студенткой МГУ Л. Ковалевой была найдена у ресторана на Минеральной ул. костяная накладка с циркульным узором и двумя отверстиями (рис. 4, *8*). В 1962 г. Г. И. Смирновым была найдена заколка, аналогичная новгородским XIV—XV вв., во дворе дома № 8 по ул. Пушкина (рис. 4, *7*). К. И. Дементьевым на берегу Ильменя у с. Коростыни найдена заколка вроде писа́ла с типичным орнаментом XII—XIII вв. (рис. 2, *8*).

В слое найдены три стеклянных браслета, типичное для XIV в. глиняное шаровидное пряслице (рис. 2, *16*), каменные грузила от сетей, днище горшка с клеймом в виде сложного колеса, а также свинцовая печать и три бронзовых предмета, которые залегали в нарушенном слое. Бронзовый нательный крестик (рис. 4, *17, 18*) явно поздний, возможно, XVII в., попал при перекопе в слой XIV в. Бронзовый (рис. 4, *4*) и свинцово-оловянистый рубчатый браслеты (рис. 4, *2*) явно раннее, употреблявшиеся в домонгольский период, попали сюда из древнейшего слоя XII в.[94] Печать, наоборот, из слоя конца XIV или начала XV в. попала в слой первой половины XIV в. (рис. 4, *6*). Она хорошей сохранности, с двусторонней надписью. На лицевой: «печать Тимофия Васильвица», на оборотной: «тивуна новгороцкого». Диаметры печати 28 × 26 *мм*, толщина около 3 *мм*. Личность владельца хорошо известна по новгородским летописям. Тимофей Васильевич с 1416 по 1421 г. был посадником в Новгороде. Новгородским тиуном (представителем администрации, управляющим) он мог быть только в конце XIV или в начале XV в. до его избрания посадником в 1416 г. Не исключено, что в Руссе он ведал солеваренным промыслом, поскольку печать его найдена в непосредственной близости от соляных источников. Возможно, здесь была его резиденция на усадьбе с востока от улицы, где находилась бондарная мастерская, изготовлявшая деревянные ведра, ушаты, кадки, необходимые при солеварении.

Тимофей Васильевич происходит из знатного боярского рода Мишинничей — от сподвижника Александра Невского, героя Невской битвы 1240 г. со шведами — Миши новгородца. От этого Миши ведет свой род по другой линии и род Онцифоровичей, известный по летописям и по грамотам на бересте. Сын Миши — Юрий Мишинич был новгородским посадником с 1290 г., участвовал в осаде свейского города в 1293 г. и погиб в бою под Торжком в 1315 г. От старшего сына Юрия Мишинича — Варфоломея пошел род Онцифоровичей, от младшего сына Федора Юрьевича ведет свой род Тимофей. Возможно, что в 1314 г. Федор был новгородским наместником в Карельском городке. В 1346—1350 гг. он был посадником. Его сын Василий Федорович был тоже посадником и дипло-

[94] М. В. Седова. Ук. соч., стр. 248, 254, рис. 9, *17*, *26*, *27*.

матом (1388—1392), за год до смерти он ездил в Изборск заключать мир с немцами. Он-то и был отцом Тимофея Васильевича. Два брата Тимофея тоже были посадниками, как и его сын Иван Тимофеевич (1436—1456), другой его сын Семен был тысяцким (1440—1447).

Не исключено, что обе ветви Мишиничей были связаны экономическими интересами с Руссой и ее окрестностями. Онцифоровичи в XV в., судя по грамотам на бересте, имели крупные владения в Ю. Приильменье (Парфино, Черенчицы и др.); предки Тимофея Васильевича, возможно, владели в Руссе соляными варницами, а сам он управлял этим доходным промыслом.

Как мы видели, слой XIV в. свидетельствует о процветании города, но, к сожалению, о XV в. мы пока по археологическим данным ничего сказать не можем. Поздние перекопы нарушили водный режим и слой, перемешали его и от XV в. осталось немного. Находки поэтому значительно беднее.

Пять лет назад при рытье котлована под корпус № 3 курорта старший химик К. И. Дементьев нашел еще одну свинцовую печать, по его словам, с изображением Оранты на одной стороне и креста — на другой. Вероятно, это архиепископская печать XIV—XV вв. В 1964 г. она похищена из местного музея.

Первые раскопки 1966 г. в Старой Руссе уже дали много ценного материала для выяснения истории материальной и духовной культуры горожан, характера ремесленного производства, искусства, городского благоустройства, топографии древней Руссы и ее взаимоотношений с Новгородом. Новые раскопки, несомненно, дадут ценнейшие вещественные и письменные источники и позволят раскрыть и прочитать самые древние страницы истории этого замечательного древнерусского города, 800-летний юбилей которого современные потомки древних солеваров будут отмечать в этом году.

Н. Н. ВОРОНИН И П. А. РАППОПОРТ

СМОЛЕНСКИЙ ДЕТИНЕЦ И ЕГО ПАМЯТНИКИ

1

Великолепные стены и башни Смоленской крепости, построенной Федором Конем, заслонили от исследователей даже и те немногие следы древних укреплений, которые еще можно было бы обнаружить. Было высказано предположение, что укрепления Смоленска в XII в. «занимали, видимо, территорию, немногим меньшую городской стены, возведенной в 1596—1600 гг.» [1]. Это мнение ошибочно, так как в этом случае крепость древнего Смоленска превзошла бы наиболее обширную укрепленную территорию стольного Киева. Между тем следы древних укреплений Смоленского детинца сохранились поныне. Их местоположение подсказывается самим рельефом города. Это Соборная гора, которая и сейчас господствует над центральной частью Смоленска, а в древности была очень удобна для организации обороны и полностью отвечала топографической обстановке, характерной для детинцев древнерусских городов. Здесь же при Владимире Мономахе был основан Успенский собор.

Раскопы (10 × 10 и 10 × 16 *м*), заложенные Д. А. Авдусиным в 1951 г., показали, что на Соборной горе имеется сильно нарушенный культурный слой XII—XIII вв. [2]. В 1964 г. непотревоженный слой XII в., толщиной до 0,70 *м* был прослежен нами под зданием церкви XII в. (о ее раскопках см. ниже); он включал фрагменты керамики XII, а частично и XI в. (такая же керамика была найдена, но в нарушенных слоях, и на других участках горы). В этом же слое были встречены обломки тонкой плинфы со смятыми гранями, принадлежавшей Мономахову собору 1101 г. Таким образом ясно, что поселение на Соборной горе существовало уже по крайней мере с конца XI в. Эта гора и была в XII—XIII вв. детинцем Смоленска. Где находилось первоначальное смоленское поселение IX—X вв.— остается пока неясным, хотя в 1964 г. в перемещенном слое около капеллы XII в. было найдено несколько фрагментов лепной посуды.

У основания Соборной горы Д. А. Авдусин изучил мощный культурный слой не старше XI в. Однако этот участок смоленского Подола в древности не мог быть укрепленным: в X—XI вв. все городские крепости сооружались исключительно на хорошо защищенных естественными оборонительными рубежами участках, большей частью на возвышенностях [3].

[1] И. Д. Белогорцев. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске. Материалы по изучению Смоленской области, V, Смоленск, 1963, стр. 145.

[2] Д. А. Авдусин. Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 36.

[3] П. А. Раппопорт. Основные этапы развития древнерусского военного зодчества. СА, 1960, 2, стр. 57. Даже в XII в., когда начали строить круглые крепости на плоской низменной местности, выбирали площадку, рядом с которой не было никаких холмов. И наконец, в тех редчайших случаях, когда условия местности заставляли строить укрепление у подножия холма, в защищенную территорию включали склон этого холма до самой вершины. Так было, например, в Галиче Мерьском; П. А. Раппопорт. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. МИА, 105, 1961, стр. 177.

Расположение укрепленного поселения у основания Соборной горы в свете хорошо изученных данных о древнерусском военно-инженерном искусстве представляется совершенно невероятным.

Но главное — на Соборной горе сохранились в натуре слабые следы древних укреплений. Овраг, отделяющий гору от прилегающего к ней с юга плато, явно искусственный и является остатком оплывшего рва (рис. 1). Он имел небольшую длину (менее 100 *м*) и соединялся с двумя

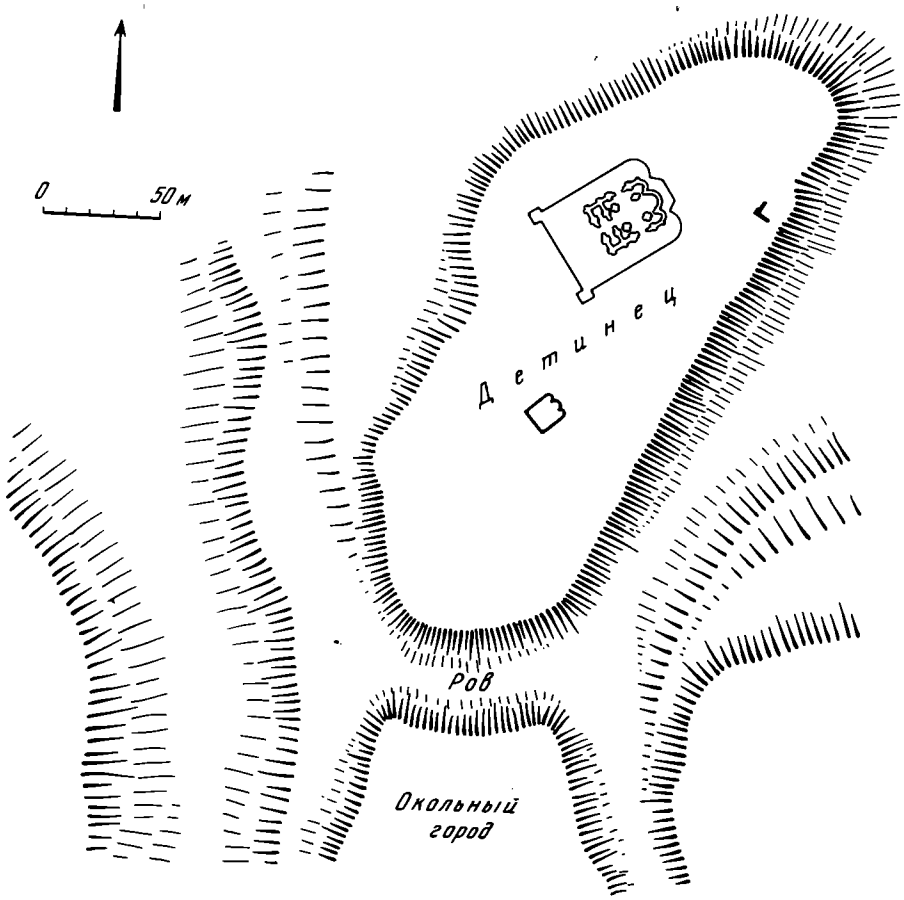


Рис. 1. Схема плана детинца. Внутри контура собора XVII—XVIII вв. условно показан план собора 1101 г.

большими оврагами с западной и восточной сторон от детинца. В настоящее время западный конец рва упирается в Советскую улицу, но еще в XVIII в. ров проходил дальше, до соединения с оврагом, а улица на этом участке шла по длинному мосту [4]. Валы детинца не сохранились, но заметное повышение уровня площадки в южной ее части дает основания полагать, что вдоль рва в древности проходил вал. С внешней стороны рва несомненно начиналась территория окольного города. Его контуры в настоящее время могут быть обрисованы лишь в высшей степени предположительно.

Точно так же мы ничего не знали об архитектурных памятниках детинца XII в. кроме противоречивых сведений об Успенском соборе. Раскопки, проведенные Смоленской экспедицией ИА АН СССР и Смоленским музеем в 1964—1965 гг., внесли в этот вопрос новые данные [5].

[4] См., например, планы Смоленска XVIII в.; ЦГИАЛ, ф. 1399, оп. 1, д. 756 (план 1765 г.); там же, ф. 1399, оп. 1, д. 758 (план 1799 г.); там же, ф. 1350, оп. 312, д. 38, л. 2 (план 1781 г.).

[5] В работах экспедиции участвовали Н. Н. Воронин (начальник экспедиции), старшие научные сотрудники — П. А. Раппопорт и М. Б. Чернышев, лаборанты В. И. Матвеева, Б. И. Сушко, Н. Б. Черных.

2

Начало истории зодчества древнего Смоленска документируется лишь отрывочными и смутными сведениями о не дошедшей до нас первой каменной постройке города — Успенском соборе. Заложенный в 1101 г. Владимиром Мономахом, он был достроен в 1142 г. внуком Мономаха и первым смоленским князем Ростиславом Мстиславичем [6]. После единичных упоминаний в XII—XIII вв. мы почти ничего не знаем о нем вплоть до начала XVII в. [7]. В трагедию падения Смоленска 3 июня 1611 г. входит и «разрушение» собора, якобы взорванного запершимися в нем горожанами, поджегшими хранившийся «в его подвалах» порох [8]. Таким образом, памятник приобретает двойной интерес и для истории архитектуры древнего Смоленска, и для истории знаменитого смоленского «осадного сидения», героической 20-месячной обороны Смоленска от польско-литовских войск в 1609—1611 гг. Пересмотр и анализ некоторых письменных источников XVII в. позволяет осветить характер исчезнувшего памятника и уточнить картину его гибели.

«Новый летописец» дает следующую версию: «Последние ж люди запрошася у Пречистые Богородицы в Соборной церкви. Един же смольянин кинуся в погреб. Погребу ж бывшу под тем Соборным храмом с пороховою казною, и то зелье зажгоша, и храм соборный Пречистой Богородицы разорвася, и людей всех побиша, кои в церкви быша» [9]. С. Ф. Платонов полагал, что рассказ «О взятии смоленском» был составлен по показаниям Юрия Потемкина, сообщившего в Москву о падении Смоленска, и заслуживает доверия [10].

Прежде всего, где был пороховой погреб? Текст вовсе не утверждает, что он был частью самого здания, может быть, погреб был расположен просто ниже, чем собор, «под тем соборным храмом». Как мы увидим далее, собор Мономаха — Ростислава не подвергался никаким перестройкам. В архитектуре же домонгольской поры не делали под храмом подклетного этажа и каких-либо «погребов». Следовательно, вероятнее думать, что порох хранился вне собора, может быть по соседству с ним. В XVII в. в Смоленской крепости были «нижние зелейные погреба», располагавшиеся около стены поблизости от Микулинской башни за лавками Пятницкого торжка [11]. Погреба были отрыты, видимо, в отроге Казанской горы. Раз были «нижние» погреба, значит, были и «верхние», какие мы вправе предполагать в толще склонов Соборного холма. Это мнение поддерживают некоторые польские источники. Описывая, как огонь пожара захватил «старый замок» с церковью архиепископа, один автор отмечает, что «поблизости от той церкви (разрядка здесь и далее моя.— *Н. В.*)

[6] ПСРЛ, I, стб. 247—248; II, стб. 250. См. также некрологическую повесть «О великом князе Ростиславе смоленском и о церкви» в кн.: А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 37—38.

[7] Уставные грамоты князя Ростислава Смоленского. А. А. Зимин. Памятники права феодально раздробленной Руси XII—XV вв. М., 1955, ср. 37—53. Ипатьевская летопись сообщает о погребении в соборе сыновей Ростислава — Святослава (1172) и Романа (1180). Договор Смоленска с Ригой и готским берегом 1228 г. упоминает, что в соборе лежал эталон «вощного пуда» (А. А. Зимин. Ук. соч., стр. 67). В начале XVI в. собор был еще цел и действовал — в нем, после взятия Смоленска в 1514 г., Василий III слушал обедню (ПСРЛ, VI, стр. 255).

[8] С этой версией согласны все историки Смоленска. Наиболее прочно закрепил патриотическое значение этого события Н. М. Карамзин: «Ляхи, везде одолевая, стремились к главному храму Богоматери, где заперлись многие из граждан и купцов с их семействами, богатством и пороховою казною. Уже не было спасения: Росияне зажгли порох и взлетели на воздух с детьми, имением — и славою... Смоленск явился новым Сагунтом, и не Польша, но Россия могла торжествовать сей день, великий в ее летописях». Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. III, СПб., 1843, стлб. 180.

[9] ПСРЛ, XIV, пер. полутом, СПб., 1910, стр. 111.

[10] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, стр. 264, прим. 1.

[11] И. М. Хозеров. Смоленск в XVII в. В кн.: «Смоленская оборона 1609—1611 гг.». Смоленск, 1939, стр. 254.

было великое множество пороха», который взорвался как только огонь дошел до него. Другой автор, называя архиепископский двор при соборе монастырем, где смольняне «прятали лучшие и ценнейшие вещи», говорит, что «там же, в том монастыре были и запасы пороха», они взорвались с неслыханным грохотом; при этом рассказывали, что порох поджег некий «мещанин Белавин» любимец воеводы Шеина, погибший вместе с сокровищами; был найден лишь его обгоревший труп [12]. В обоих этих рассказах нет прямых указаний на разрушение собора. О нем говорит в своих «Записках» гетман Жолкевский: «Огонь достигнул до запасов пороха (коего было достаточно на несколько лет), который произвел чрезвычайное действие: взорвана была половина огромной церкви (при которой имел свое местопребывание архиепископ) с собравшимися в нее людьми, которые неизвестно даже куда девались,— разбросанные останки как бы с дымом улетели...» [13]. Смоленские иезуиты, вспоминая в своих «погодных записках» в 1617 г. историю разрушения собора, утверждают, что взрывом пороха он был «совершенно разрушен», но под его руинами якобы оставались живыми два мальчика и двое взрослых [14]. Здесь уже ясен элемент легенды, но очевидно также, что при полном обрушении здания взрывом никто не мог остаться в живых.

Таким образом, героический пафос, которым в литературе овеян взрыв собора, значительно снижается. Взрыв пороховых погребов не был связан с желанием укрывшихся в нем погибнуть, но не сдаться врагу. Первый историк Смоленска Д. Н. Мурзакевич писал даже так: «знатные же из граждан заперлись в соборной церкви в надежде испросить пощады, но изменник Дедешин, находившийся под собором пороховой магазеин зажег, от чего с церковию все поднялось на воздух...» [15]. Самый взрыв погребов здесь преподнесен как акт измены. Как мы видели, самый взрыв порохового погреба объясняется рядом источников не как результат его нарочитого поджога, а как следствие распространения сюда общегородского пожара. Тем не менее, последующие авторы держались патриотической версии Н. М. Карамзина [16].

Духом легенды или домысла отдает также и распространенная в местной литературе версия о том, что в том же 1611 г. на развалинах древнего собора по повелению Сигизмунда III был сооружен католический каменный костел с деревянным верхом и куполом, превращенный затем, в 1633 г. в униатский костел [17]. Эти данные сомнительны прежде всего потому, что в польских условиях сдачи Смоленска от 15 марта 1611 г.

---

[12] Е. И. Кашировский. Учреждение Смоленской епископии. В кн.: «Сборник историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине», Киев, 1896, стр. 160, прим. 1 и стр. 168.

[13] Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871, стр. 126—129.

[14] Погодные записки смоленских иезуитов. «Смоленская старина», III, 2, Смоленск, 1916, стр. 26—27.

[15] Д. Н. Мурзакевич. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 г. Смоленск, 1804, стр. 167—168.

[16] П. Никитин. История г. Смоленска. М., 1848, стр. 167; Ф. Л. Никифоров. Описание смоленских соборов Успенского кафедрального и Богоявленского. В кн.: «Памятная книжка Смоленской губ. за 1855 г.», Смоленск, стр. 27. «Источником для сей статьи служили Истории Карамзина, Мурзакевич и Никитина» — пишет автор в прим. Этой версии придерживались почти все историки Смоленска и его архитектуры. См., например, И. М. Хозеров. Смоленск в XVII в.; В. П. Мальцев. Борьба за Смоленск. XVI—XVII вв. Смоленск, 1940, стр. 337; Д. П. Маковский. Осада Смоленска. Сб.: «Смоленская оборона 1609—1611 гг.». Смоленск, 1939: «Женщины, дети и часть защитников заперлись в соборе. На невысокие стены собора со всех сторон лезли поляки (*? Н. В.*). Спасения не было. Их ожидала смерть или кабала. Защитники выбрали первое, решили взорвать собор...» (стр. 137); И. Д. Белогорцев. Архитектурный очерк Смоленска. Смоленск, 1949, стр. 13 и другие статьи; М. К. Каргер. Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 14.

[17] Д. Н. Мурзакевич. Ук. соч., стр. 169; П. Никитин. Ук. соч., стр. 170 (автор повторяет Мурзакевича); Ф. Л. Никифоров. Ук. соч., стр. 27; С. Д. Ширяев. Этюды по истории архитектуры Смоленска и белорусской Смоленщины. Труды смоленских гос. музеев. Смоленск, 1924, стр. 9—10, 13, 81 и другие авторы.

сугубо подчеркивалась неприкосновенность собора и других храмов «веры греческие» [18]. Окончательно снимает эту версию давно опубликованная, но прошедшая мимо внимания историков, грамота смоленского архиепископа Льва Ржевусского Льву Сапеге от 11 сентября 1627 г. В этом послании архиепископ просит не превращать в костел «соборную Пречистой Богородицы церковь, которая за 500 лет тому назад построена Владимиром Всеволодовичем», так как это было бы «великою обидою», в частности «для лиц, которые жертвовали на церковь», т. е., видимо, на ее восстановление и ремонт после разрушений 1611 г.[19] Из этой грамоты также ясно, что собор Мономаха — Ростислава вовсе не был превращен взрывом в руины, ни целиком, ни наполовину и в 1627 г. еще можно было его использовать. Не было, следовательно, и нового «каменного костела», якобы воздвигнутого на руинах собора. Собор, видимо, сохранил свои стены и столбы, так что можно было сделать деревянные перекрытия. Вспомним, что местные историки и отмечали, что «костел» имел деревянный верх. Следовательно на пожертвования граждан собор был укрыт и в 1627 г. встал вопрос о его использовании под костел, вызвавший возражение Льва Ржевусского.

Как выглядел теперь собор — дает относительное представление его изображение на плане Смоленска 1636 г., выполненном В. Гондиусом (рис. 2). При всей условности и фантастичности изображения храмов, вид собора, представленного с восточной стороны, передает некоторые реальные черты здания. Сохранилась его центральная, расчлененная тонкими вертикальными тягами апсида с высокими щелевидными окнами. Боковые апсиды, видимо, неправильно изображены рисовальщиком, представившим здесь плоские простенки с высокими окнами. Причем, у южной апсиды намечается конха. Сохранялась, видимо, и глава, обработанная аналогично апсиде. Ряд точек в ее карнизе может передавать аркатуру (как можно предполагать ее и на апсиде). Храм имел скорее всего четырехскатное покрытие, неверно изображенное как двухскатное, отчего здание стало коротким и широким [20]. Обмолвки польских источников, что собор был «огромен», что он был «красив», что весь комплекс архиерейского дома был «прекрасно выстроен», дополняют характеристику древнего собора.

М. К. Каргер, привлекший рисунок Гондиуса к вопросу о соборе Мономаха — Ростислава, оставил его совершенно без анализа, полагая, что «руины собора» представлены на гравюре Гондиуса ниже на склоне холма. Это результат двойного недоразумения. Исследователь вслед за С. П. Писаревым и Н. П. Милоновым полагал, что руины собора лежали к юго-западу от существующего храма. Они были открыты при земляных работах 1892 г. и затем доследованы Н. П. Милоновым в 1939 г. [21] На основании этих весьма неясных данных даже устанавливалась ширина древнего собора в 23 *м* [22].

---

[18] Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, II, СПб., 1841, стр. 385.

[19] Летопись занятий Археографической комиссии, 1865—1868 гг., IV, СПб., 1868, протоколы, стр. 56.

[20] Изображение у Гондиуса уже покрытого собора встречает противоречие в записках иезуитов. Там сообщается, что в 1637 г., когда встречали нового епископа Парчевского, «процессия сначала направлялась к кафедральной церкви, тогда еще не оконченной, а отсюда к нашему храму...» (т. е. Троицкому монастырю.— *Н. В.*). «Погодные записки...», стр. 33.

[21] С. П. Писарев [заметка без названия]. «Смоленский вестник», 1892, 124; его же. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, стр. 156—157; Н. П. Милонов. Древнейший памятник архитектуры. Газета «Рабочий путь» (Смоленск), 1940, 3; его же. О результатах исследований в г. Смоленске на территории Кремля. «Историко-археологический сборник». М., 1948, стр. 211; Отчет Н. П. Милонова. ЛО архива ИА АН СССР, ф. 35, д. 39-а.

[22] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 17—15. Другой автор писал, что «смоленская соборная церковь по размерам, если судить по ее фундаменту (?.— *Н. В*), была почти такой, как Софийский собор в Новгороде. Церковь строилась очень долго и была освящена только в 1137 г.»; Д. П. Маковский. Смоленское княжество. Смоленск, 1948, стр. 70.

Раскопки Смоленской экспедиции 1964—1965 гг. показали, что указанные руины принадлежали не собору, а маленькой бесстолпной церкви (см. ниже). Так что все рассуждения о древнем соборе по остаткам другого памятника отпадают. Ошибочно также поспешное отождествление этих руин с руинами, изображенными Гондиусом на склоне Собор-

Рис. 2. Успенский собор и руины терема на гравюре Гондиуса

ного холма [23]. Первые лежат к юго-западу от собора, а рисунок Гондиуса сделан с восточной стороны, так что ясно, что это р а з н ы е руины. Наши раскопки подтвердили это: на восточном склоне холма найдены остатки дотоле неизвестной гражданской постройки — терема XII в.

Вопрос о том, использовался ли собор как костел или оставался в руках православного духовенства, имеет для нас второстепенное значение. Важно, что постройка Мономаха — Ростислава выдержала встряску взрыва и продолжала жить после 1611 г. Поэтому сведения об ее разборке (перед сооружением на ее месте нового храма) можно использовать для характеристики древнего памятника первой половины XII в. Он производил впечатление настолько еще прочного, что в 1654 г. по освобождении Смоленска и его возврата в семью русских городов архиепископ Филарет просил у царя средств на ремонт здания и сооружение при нем колокольни. Последнюю построили, а постройка собора затянулась. В 1668 г. приказ Большого дворца затребовал у смоленского воеводы князя И. Б. Репнина опись ветхих мест собора и смету на потребные новые материалы. Репнин сообщил, что в соборе нужно сделать восемь каменных или деревянных столбов, пять глав и покрыть кровлю тесом. Этот ответ позволяет судить о размерах здания. Было ли оно пятиглавым или это был замысел смоленской епископии, мы не знаем. В 1673 г. новый архиепископ Варсонофий вновь просил разрешения восстановить на соборе «своды и главы каменные, не разбирая старых стен», что и было разрешено.

Присланный из Москвы для сметы каменных дел подмастерье Ивашка Калиник, видимо, признал ремонт невозможным, и 7 мая 1674 г. нача-

[23] М. К. К а р г е р. Ук. соч.

ли разборку здания, законченную 13 июля следующего, 1675 г. В отписке смоленского воеводы в Москву сообщалось, что «соборная церковь разобрана вся до пошвы, и бут выломан, и два погреба выломаны и засыпаны, а ныне выламывают из-под тех же церковных стен и из третьяво погреба достальной бут». Как и в разобранных выше источниках, так и здесь говорится отдельно о зелейных погребах, которые были расположены около храма. Собор был разобран начисто. Воевода М. Голицын сообщал, что «по скаске каменных дел подмастерья Евсевенка Иванова на старом-де церковном основании новому церковному основанию тверду быть не можно для того, что земля рухомая и старых церковных (т. е. из-под стен и столбов. — *Н. В.*) и погребных ям много». Рекомендовалось также заложить новый собор к востоку от древнего «позади старых церковных заолтарных стен», так как в случае решения строить на старом месте «всяких запасов будет надобно втрое» из-за глубины ям и нарушенности грунта. Однако новый храм все же заложили на месте древнего. Глубоко (до 5 *м*) заглубленный в грунт подклет здания позволил миновать «рухомые» насыпные слои; фундамент же храма был опущен ниже их [24]. К тому же по площади новый собор был, несомненно, шире и длиннее древнего. Если заложенный Мономахом Смоленский собор был близок по величине своему современнику — собору Мономаха в Суздале (17 × 25 *м*), то существующий Смоленский собор XVII — XVIII вв. площадью 39 × 55 *м* = 2245 $м^2$ намного перекрывает его.

Траншеи (общей длиной около 44 *м*), заложенные в 1965 г. Смоленской экспедицией по сторонам собора, вскрыли напластования разрушения древнего здания, толщу выброшенного из котлована грунта и строительные отложения XVII — XVIII вв. Существенно большое количество обломков плинфы двух типов: 1) крупноразмерной четкой по формовке с острыми кромками, с клеймами и знаками толщиной 4—5 *см*; 2) тонкой (3,3 — 4 × 22 × 34 *см*) грубой формовки без клейм и знаков. Плинфа последнего вида составляет 25 — 30% — это остатки собора Мономаха. Раствор здесь хорошо промешанный с добавкой песка и цемянки. Плинфа второй, преобладающей группы имеет знаки и клейма, совпадающие с материалом большого храма Смядынского монастыря, построенного в 1145 г. [25], и принадлежит, следовательно, к достройке собора Ростиславом.

Наряду с плинфой были найдены обломки квадратных и треугольных поливных плиток желтого, зеленого и коричневого цвета — от древнего пола собора. Любопытно, что встречены и подражания XVII в. этим древним плиткам — тонкие «муравленные» плитки ядовито-зеленого цвета. Видимо, первый строитель нового собора Алексей Корольков еще видел древние полы здания XII в. и хотел репродуцировать их в новом храме. Это соображение еще раз подтверждает, что пороховые погреба были не под собором, а по соседству с ним и что вообще собор вошел в XVII в. без каких-либо перестроек, так что был цел даже его первоначальный пол.

На рис. 1 условно помещен план собора 1101—1142 гг., повторяющий план Суздальского собора.

Следует в заключение сказать несколько слов об известном лишь по описанию С. П. Писарева исчезнувшем рисунке собора. Собор был «слишком высок в пять рядов света с высоким фронтоном; а в длину пять нефов, снаружи обозначенных пилястрами». В подписи к рисунку он назван «огромнейшим и великолепным». Пятое, или западное отделение — сквоз-

[24] Сведения о предполагавшемся ремонте, а затем и о сносе древнего собора приведены в ряде работ: Д. Вишневский. Несколько слов к начальной истории Смоленского Успенского собора. «Смоленские епархиальные ведомости», 1898, 24, стр. 1385; Отписка смоленского воеводы М. Голицына... о разобрании старого... собора. Там же, 1902, 6, стр. 329—333; С. Д. Ширяев. Этюды..., стр. 13—14.

[25] И. М. Хозеров. Знаки и клейма кирпичей смоленских памятников зодчества древнейшего периода. «Научные известия Смоленского гос. университета», V, 3. Смоленск, 1929, 65, 67, 69, 71 и др.

ное; в нем видны лестница и звонница с несколькими колоколами. С западной части вход не главный, а вниз, в пороховую казну. Верхний этаж не во всю ширину здания, но вполовину крыши: сделан после деревянный; на нем повторен нижний фронтон, на котором изображен св. Меркурий с копьем и красным щитом в руках. Собор имел семь куполов с главами, средний купол значительно больше других. Около собора шла ограда с четырьмя башнями по углам [26]. Писарев считал этот рисунок изображением собора Мономаха [27]. До последнего времени полагали, что рисунок представлял «большой интерес для реконструкции первоначального облика смоленского собора», и высказывалось сожаление, что Писарев «не поинтересовался ни датой, ни происхождением этого рисунка» [28]. Однако сам общий характер изображенного здания свидетельствует о дате рисунка очень точно. Это здание явно не раньше XVII в. со «сквозной» сочетающейся со звонницей папертью с запада. Отмеченная Писаревым необычная величина храма совпадает со сведениями, что строитель нового собора Алексей Корольков заложил его чрезвычайно обширным, с чем и связана была непрочность здания. Собор был достроен лишь в 1728—1740 гг. с семью главами, но в 1760 г. средняя глава обрушилась, после чего к 1772 г. собор восстановили уже с обычным пятиглавием [29]. На исчезнувшем рисунке собор изображен семиглавым, т. е. рисунок сделан в период после достройки 1740 г. и до катастрофы 1760 г. Как ясно, этот рисунок не имеет никакого значения «для реконструкции первоначального облика смоленского собора».

3

Историю неоднократных встреч строителей и археологов с руинами древней постройки к западу от существующего собора мы не будем пересказывать, тем более, что это сделано в книге М. К. Каргера [30]. Мы не знаем ни имени, ни даты этого храма, поэтому мы должны с возможной полнотой изложить непосредственно результаты раскопок в 1964—1965 гг. этого нового памятника смоленской архитектуры.

Он расположен примерно в 40—45 *м* к югу от современного собора (рис. 1). Стены здания сохранились на 1,5—2 *м* от обреза фундамента. Северо-западный угол храма целиком уничтожен большой поздней ямой или взрывом 1611 г. Это бесстолпная капелла с тремя апсидами и тройным членением фасадов лопатками (рис. 3). В средних делениях расположены входы в виде простых проемов. Ось церкви ориентирована не строго на восток, а отклонена на 38° к северу.

Общая наружная ширина здания 11,2 *м*, длина (с апсидами) — 16,85 *м*. Толщина стены весьма значительна: северной — 1,55, западной и южной — 1,4 *м*. Стены апсид тоньше — всего 0,95—1,0 *м*. Внутреннее пространство несколько вытянуто (8,25 × 10,45 *м*). Внутренних лопаток нет. Ширина центральной апсиды 6,06, северной — 2,20, южной — 2,45 *м*. Наружные лопатки шириной 0,9—1,05 *м* имеют вынос 0,14 *м* (угловых лопаток — 0,18 *м*). Дверные проемы (шириной около 1,2 *м*) обрамлены снаружи прямоугольной впадиной — четвертью. В юго-западном углу помещения имеются две ниши аркосолиев, глубиной около 0,7—0,8 *м* и длиной 1,9—2,0 *м*. Возможно, что аркосолии были и в северо-западном углу капеллы.

Лицевые поверхности кладки уцелели лишь на незначительных участках. В хорошем состоянии находятся лишь четыре-пять нижних рядов фасадной кладки, которые, видимо, были прикрыты культурным слоем.

Стены сложены целиком из плинфы, очень точной формы с четкими краями и равномерным обжигом до красного цвета. Недожженных и пе-

[26] С. П. Писарев. Княжеская местность..., стр. 156—157.
[27] Там же.
[28] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 19, прим. 26.
[29] Смоленск. Успенский кафедр. собор, 1677—1740 гг. Протоколы реставрационных заседаний. ИАК, 36, СПб., 1910, стр. 53.
[30] М. К. Каргер. Ук. соч., стр. 15—16.

режженных кирпичей нет. Размер плинф довольно стандартный, с отклонениями не более 2 *см*. Основной формат — 4—5 × (20,5—21,5) × (30—31) *см*. Единичны более узкие кирпичи, шириной 17—18 *см*. Лекальных и фигурных плинф нет. На торцах встречаются выпуклые знаки, реже вдавленные на одной из постелей клейма.

Кладка выполнена на растворе серого цвета, из равномерно перемешанной извести с добавкой небольшого количества цемянки и изредка

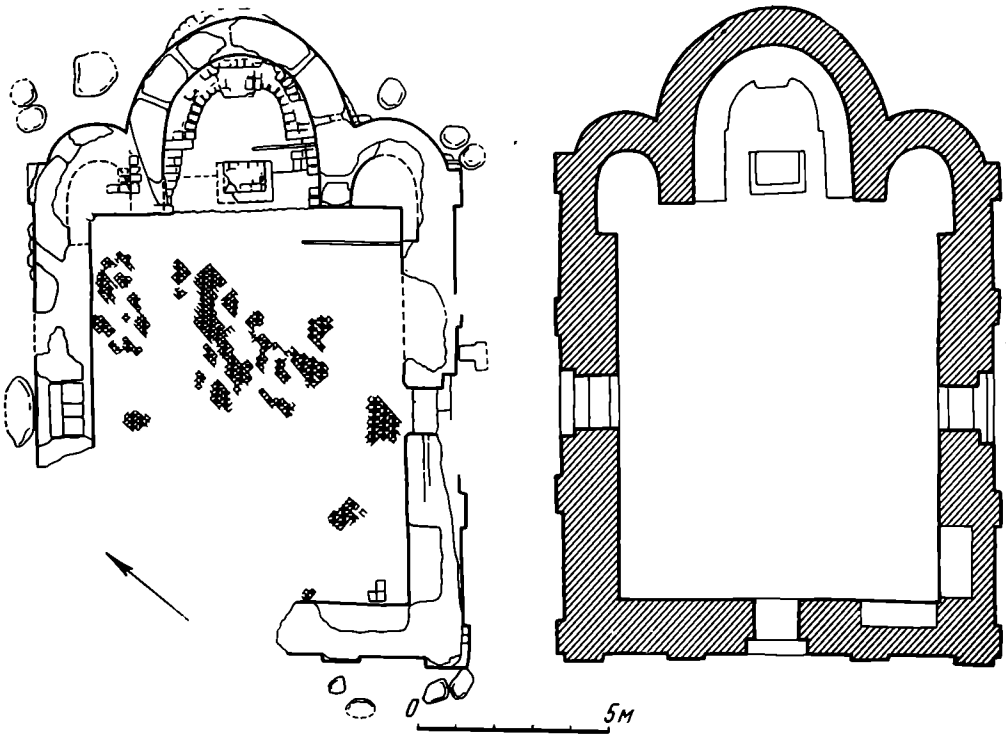
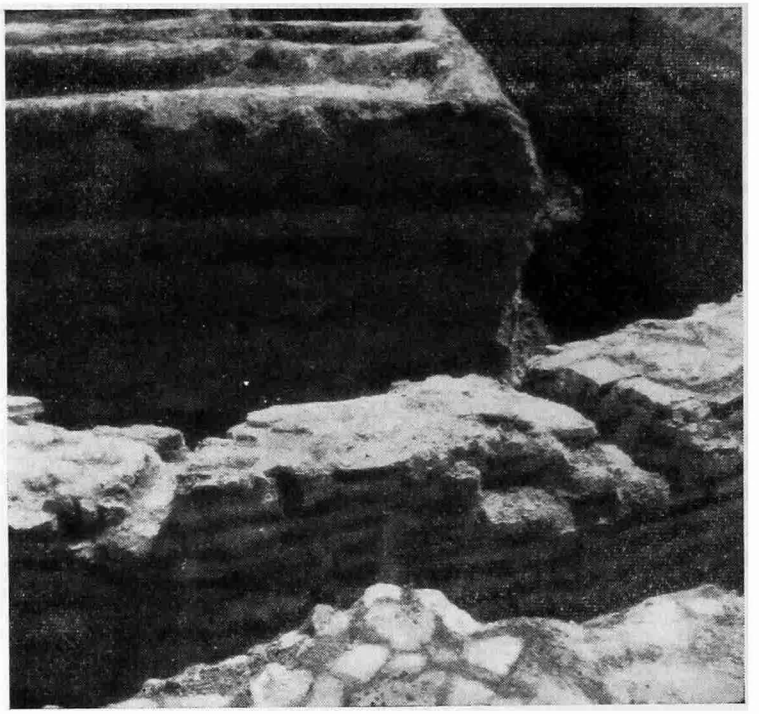


Рис. 3. Капелла. План вскрытых руин и реконструкция плана

угольков. Толщина горизонтальных швов в кладке приблизительно равна толщине кирпичей, т. е. 4—5 *см*, а вертикальных швов не более 1 *см*. Из целой плинфы сложены лишь лицевые поверхности, а середина заполнена колотым кирпичом. На фасад почти все плинфы выходят тычками, и только во втором снизу ряду кладки они лежат ложками по фасаду. Внутри стены колотые кирпичи чередуются без видимого порядка. Над вторым от фундамента рядом кладки, внутри стен сохранился обмазанный раствором канал продольной деревянной связи, прямоугольного сечения — шириной 29 *см* и высотой 34 *см*. В центральной апсиде на высоте около 1 *м* от уровня пола радиально расположены каналы от деревянных пальцев лесов (рис. 4, *а*) 14 × 14 *см* в сечении.

Нижний ряд наружной кирпичной кладки в главной апсиде выступает в виде отмостки, не совпадающей с контуром стены апсиды. Кроме этого места отмостки нет и фундамент лежит непосредственно под нижним рядом кладки. Его глубина 1,2 *м*, а так как толщина культурного слоя под зданием церкви около 70 *см*, то фундамент врезан в материк примерно на 50 *см* (материк — светлый песок, под которым залегает моренная глина). Фундамент сложен насухо из булыжников диаметром 10—30 *см*. Ров примерно равен толщине стен, поэтому фундамент лишь кое-где незначительно выступает наружу или, наоборот, отступает внутрь от плоскостей стен. Фундамент проходит и поперек здания по линии восточных углов четверика и торцов простенков между апсидами. Глубина его также 1,2 *м*, а ширина равна ширине фундамента под апсидами (0,9—1,0 *м*). Участок фундамента в устье центральной апсиды перекрыт нивелировоч-



а

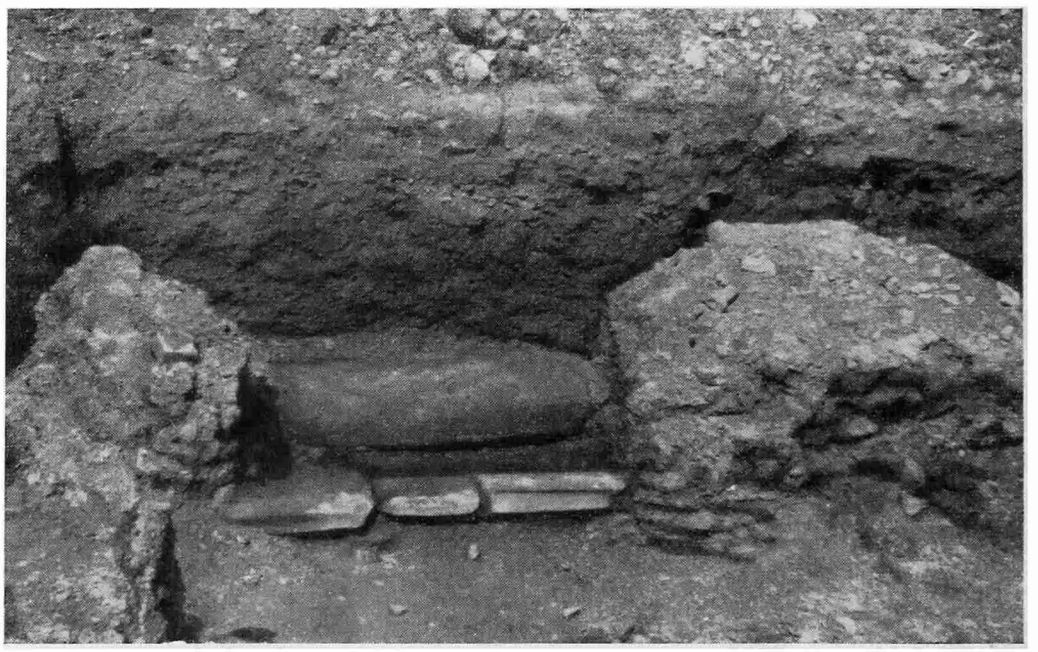


Рис. 4. Капелла

а — каналы от пальцев лесов в стене апсиды; *б* — проем северного портала

ными слоями, подстилающими пол. Участки же фундамента в устьях боковых апсид сверху надстроены кирпичными стенками на пять рядов. Верхний ряд лежит на 5—10 *см* ниже уровня плиточного пола, так что кирпичные стенки были скрыты под полом. Они несколько шире лежащего под ними булыжного фундамента, поэтому последний в верхней части расширен до ширины стенок с помощью ряда целых и колотых кирпичей, уложенных на ребро и залитых раствором.

Уровень древнего пола церкви хорошо прослеживается на площади всего здания. Он строго горизонтален и лежит на 0,6—0,7 *м* выше обреза фундамента. В основной части храма (кроме апсид) пол состоял из поливных плиток (11 × 11 × 2 *см*) желтого, зеленого и черно-коричневого цветов. Они очень хорошо обожжены, их излом красный, края вертикальные. Плитки уложены под 45° к стенам здания, так что ряды плиток одного цвета идут вдоль продольной оси здания. Найдено несколько треугольных плиток, укладывавшихся по краям пола у стен. На значительных участках плитки были не потревожены, но полива их почти не сохранилась от действия охватившего здание огня. В апсидах плиточного пола нет. В северной апсиде найдены остатки вымостки пола из обычных плинф. В центральной апсиде пол, по-видимому, был деревянным, так как слой угля и пепла, который всюду прослеживается на уровне древнего пола, на плиточном полу имеет ничтожную толщину, а в центральной апсиде достигает толщины 2 *см*.

Пол настлан без известкового раствора, на слое глины в 8—10 *см*, положенной на выровненном слое плинфяного щебня, толщиной около 12 *см*. Сверху щебень был, по-видимому, полит раствором; его поверхность гладкая. Ниже залегает слой темной земли толщиной 30—40 *см* с редкими фрагментами керамики XII в., ниже проходит тонкая (около 4—8 *см*) прослойка песка. По-видимому, это нивелировочные слои, так как уровень песчаной прослойки точно совпадает с нижним рядом кирпичной кладки. Ниже идет культурный слой почти черного цвета, толщиной 60—70 *см*. В нем найдены фрагменты керамики XI—XII вв., кусочек прозрачного стеклянного бокала с накладными синими нитями и несколько мелких обломков плинфы Мономахова собора. Под культурным слоем залегает материковый песок.

Отсутствие столбов внутри храма документируется наличием ненарушенного плиточного пола в тех местах, где должны были бы находиться столбы. Специальные шурфы показали, что в этих местах под полом лежит культурный слой.

В центральной апсиде уцелело основание кирпичной скамьи для клира, шириной 0,7—0,8 *м*, проходившей концентрично стене. Сохранилось лишь четыре ряда кладки (верхний лежит на уровне древнего пола). Первоначально кладка поднималась выше (в средней части скамьи, где она расширяется до 1,1 *м*, образуя основание епископского кресла, сохранились остатки пятого ряда кладки, лежавшего выше уровня пола). Булыжного фундамента под основанием скамьи нет.

В центре главной апсиды сохранились остатки алтарного престола (0,85 × 1,15 *м*) в три ряда кладки и один ряд кладки пьедестала.

В центральной апсиде, а также в южном углу храма две деревянные лаги (диаметром 10—12 *см*) лежали в поперечном направлении в уровне пола; их назначение неясно.

Дверные проемы сохранили каменные пороги из железистого песчаника местного происхождения (определение проф. Д. И. Погуляева). Плиты порогов лежат в уровне древнего пола, а средний камень притолоки поднимается на 12 *см* (рис. 4 *б*).

На внутренней поверхности стен церкви близ уровня пола сохранились остатки штукатурки; найдены мелкие фрагменты с фресковой росписью. В центральной апсиде на полу в слое пожарища найден кусок расплавленного свинца, возможно от кровли.

Снаружи здания, близ его углов, крупные гранитные валуны с плоской верхней стороной были положены так, что их поверхность находилась примерно на уровне пола храма.

В слое пожара на полу было найдено несколько предметов, относящихся к утвари древней церкви: обломки медной литой решетки, вероятно от хороса или подсвечника, из них один обломок — с головой грифона; несколько кусков тонкой серебряной пластины с тисненым орнаментом, видимо, от оклада иконы или книги; золотая пластина — обойма с отверстием от большого камня, также от оклада иконы. Все это свидетельствует о богатстве утвари.

Дата описанного памятника может быть определена с достаточно большой точностью. Как сказано, в культурном слое под его полами обнаружены куски плинфы Мономахова собора. Следовательно, церковь построена после 1101 г. Удлиненный формат кирпичей (соотношение сторон 2 : 3) и довольно значительная их толщина (4—5 *см*) также характерны для XII, а не для XI в. Порядовая равнослойная кладка появилась на Руси не ранее 20—30-х годов XII в. Вместе с тем, значительные размеры кирпичей (длина 30—31 *см*), отсутствие тяг на апсидах и плоские непрофилированные лопатки характерны скорее для первой половины или середины, но не конца XII в.

Уточнение датировки дает сопоставление кирпичей капеллы с плинфой Борисоглебской церкви на Смядыни 1145 г. Здесь совпадает не только формат кирпичей, но и рисунки некоторых знаков на торцах и клейм на постелях кирпичей. Совпадают такие редкие по рисунку клейма, как пятиконечная звезда. Очевидно, в данном случае можно говорить не только о хронологическом совпадении — 40-х годах XII в., т. е. о строительстве Ростислава, но, может быть, и о работе одной группы мастеров-строителей.

Описанный памятник ни разу не упоминается в письменных источниках. Его имени мы не знаем. То обстоятельство, что церковь стояла в центральной части детинца, недалако от собора, в сочетании с небольшими размерами самого здания, синтроном в алтаре, богатством утвари, позволяют думать, что оно было дворцовой капеллой князя Ростислава.

Открытый нами памятник уникален не только среди построек древнего Смоленска, но и вообще в истории древнерусской архитектуры. Бесстолпные церкви известны на Руси и для более раннего времени. Так, серия небольших бесстолпных церквей конца XI в. была открыта раскопками М. К. Каргера в Переяславле-Южном. Бесстолпные приделы-часовни примыкали к черниговскому Спасскому собору. Среди памятников XII в. могут быть названы бесстолпные церкви в Белгороде, в полоцком Бельчицком монастыре, на Ольговом городище под Рязанью, Ильинская церковь в Чернигове и др. Однако в этих храмах бесстолпность была откровенно выражена снаружи — их фасады не членились лопатками, а с востока они имели лишь одну апсиду. Смоленская капелла, очень крупная для бесстолпного здания, была внешне оформлена как обычный четырехстолпный храм с тремя апсидами и с членением фасада лопатками, т. е. мастер открыто пошел на разрыв конструкции и членений, которые должны были завершаться ложными закомарами. Не подлежит сомнению, что капелла была перекрыта сводами, а не деревянным накатом. Именно поэтому зодчий возвел стены четверика толщиной около 1,5 *м* и укрепил восточную его сторону мощным булыжным фундаментом. Все это было вызвано стремлением погасить распор сводов. По своей ширине (8,25 *м*) капелла превосходила ширину центральных нефов крупнейших соборов. Едва ли перекрытие было осуществлено одним сводом. Скорее можно предположить, что это была система ступенчато-перекрещивающихся арок, предвосхищавшая позднейшие псковские системы. Зодчий капеллы был смелым конструктором, обеспечившим единство и свободу интерьера небольшой княжеской капеллы. Возможно, что подъем арок был выражен снаружи ярусным верхом под небольшой главой.

Раскопки позволили судить и о дальнейшей судьбе памятника. Уровень древней поверхности почвы вокруг церкви, отмеченный плоскими гранитными валунами, лежащими рядом со зданием, показывает, что нижние 4—5 рядов кирпичной кладки снаружи церкви были присыпаны землей сразу же по возведении постройки. Затем уровень земли постепенно повышался и примерно к XVI в. поднялся на 60—70 *см*. Церковь в это время стояла еще целой и функционировала, но значительно обветшала поскольку порталы ее пришлось обложить брусчатым кирпичом размером (7—7,5) × (13—15) × (27—28) *см*. О времени гибели здания можно судить по находкам в слое пожарища на древнем полу. Здесь, вместе с фрагментами керамики XII—XIII вв., найдены пражский грош 1378—1419 гг. и черепки лощеной посуды XVI—XVII вв. Судя по этим находкам, пожар, уничтоживший здание, вероятнее всего связан со взрывом пороховых погребов при взятии Смоленска поляками в 1611 г.

4

Осенью 1964 г. при проходке водопроводной траншеи в верхнем конце Школьной улицы за оградой соборного двора была обнаружена кладка из плинфы. Раскопки 1965 г. вскрыли под тяжким завалом позднего строительного кирпичного щебня остатки постройки XII в. (рис. 5).

От этого квадратного или прямоугольного в плане здания, расположенного на склоне, понижающемся с запада на восток, и сохранившегося на высоту до 1,5 *м*, остались лишь две смыкающиеся углом стены. Хотя они расположены не по странам света, как и существующий собор, назовем условно, применительно к его ориентировке, северо-западную стену северной, а юго-западную — западной. Сохранившаяся часть северной стены равна 5,30 *м*; к ней примыкал ее упавший кусок, сохранивший внутренний угол; таким образом, северная стена имела внутри длину около 6,5 *м*, а снаружи около 7,80 *м*. Две другие стены — южная и восточная — уничтожены огромной, заполненной кирпичным щебнем XVII—XVIII вв. ямой, углубляющейся ниже основания фундамента постройки.

Стены толщиной 0,77 *м* сложены из плинфы того же формата и выделки, как в капелле, хотя характер кладки здесь несколько иной (рис. 6): горизонтальные швы тоньше, чем плинфа (2—3 *см*), вертикальные — 1,5—2 *см*. Раствор из хорошо промешанной извести с добавкой довольно крупных (от 2 *мм* до 2 *см*) фракций битой плинфы и изредка угольков. Внутренняя поверхность стен выложена аккуратно; на нее выходят в основном тычковые ряды плинфы. Раствор шва подрезан снизу вверх так, что каждый верхний кирпич на 1 *см* выступает над раствором. Следов штукатурки не обнаружено. Наружные стороны стен сложены очень грубо: они не прямолинейны в плане, и на поверхность выходят не только цельные кирпичи, но и битые (большей частью половинки), порой лежащие обломанной стороной наружу; раствор здесь часто выжат наружу, образуя затеки толщиной до 20 *см*. Ясно, что здание было врезано прямо в землю. Нижний этаж был подвальным, видимо, на всю свою высоту: прилегающий с запада черный почти стерильный культурный слой поднимается выше сохранившихся кладок.

Фундамент глубиной 0,2—0,3 *м* и шириной 0,8 *м* состоит из одного-двух рядов булыжника от 10 до 50 *см* в диаметре, уложенных на том же растворе. С внутренней стороны фундамента западной стены, вплотную к фундаменту поставлен на ребро ряд плинф, вложенных между стенкой рва и фундаментом.

В углу северной стены — дверной проем (рис. 7), несколько выступающий наружу от линии фундамента. Поэтому он изнутри не прикрыт кирпичной кладкой. Проем обрамлен двумя симметричными выступами-«наличниками»; восточный 60 × 60 *см* в сечении, западный сохранился гораздо хуже. Наличник позднее был частично переложен на растворе

несколько более серого цвета, частью из плинф другого формата (3,2 × × 17,4 × 24,5 *см*). С внутренней стороны в углах проема лежат два тесаных известняковых камня, в одном из них имеется углубление дверного подпятника. Порог проема образуют две известняковые плиты толщиной 12—14 *см*.

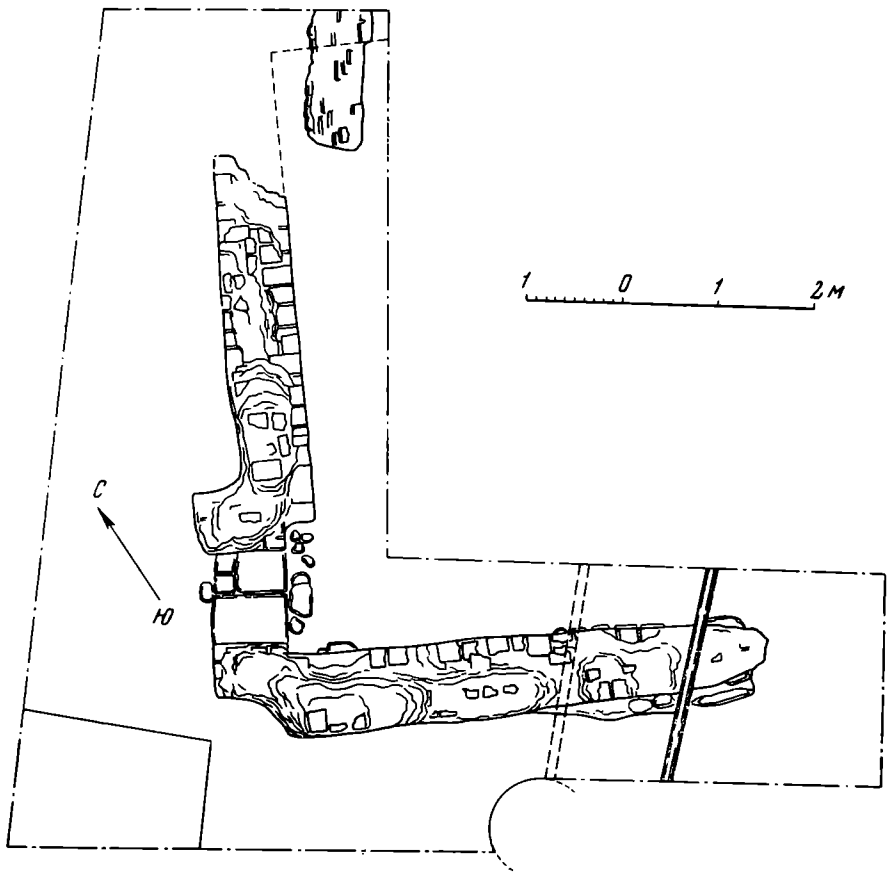


Рис. 5. Терем. План

Перед входным проемом на стенке раскопа видно резкое понижение материкового грунта. Очевидно, для входа в подвальный этаж был открыт специальный приямок.

Изученное нами сооружение — не церковь, а гражданская постройка, о чем свидетельствует расположение входа — почти у самого угла — и врезка стен в землю. Наиболее вероятно, что это подклетный этаж терема. Он, видимо, был в плане квадратным или близким к квадрату, но первоначальная длина стен была, очевидно, не менее 8 *м*. Ближайшей аналогией смоленскому памятнику является вскрытая раскопками в Чернигове квадратная дворцовая постройка с длиной стен 7,5 *м* [31].

Небольшая толщина стен, слабость фундамента, небрежность кладки ясно свидетельствуют, что здание могло иметь лишь балочное перекрытие при каменной коробке. На гравюре Гондиуса оно представлено довольно высоким (рис. 2).

Дата терема определяется тождеством его плинфы с кирпичом капеллы; совпадают многие знаки и клейма. В одном случае клеймо на постели плинфы терема было оттиснуто тем же штампом, что и клеймо из капеллы. Характер технических приемов одинаков вплоть до таких деталей,

[31] Н. В. Холостенко. Черниговские каменные княжеские терема XI в. «Архитектурное наследство», 15, 1963, стр. 8.

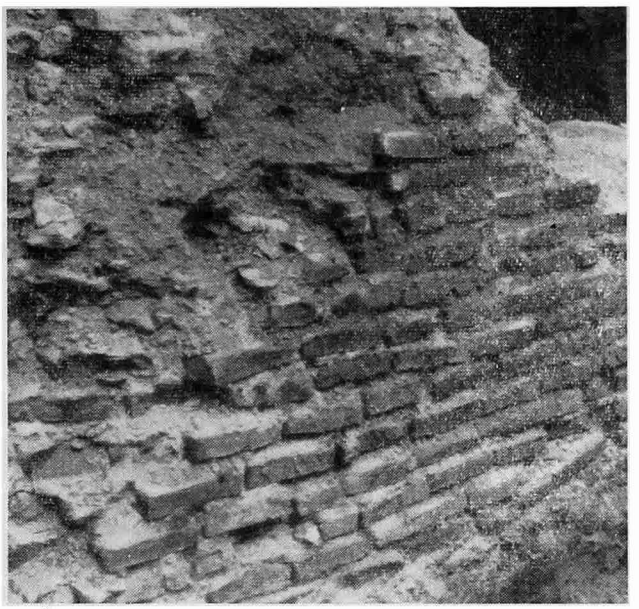


Рис. 6. Терем. Деталь кладки

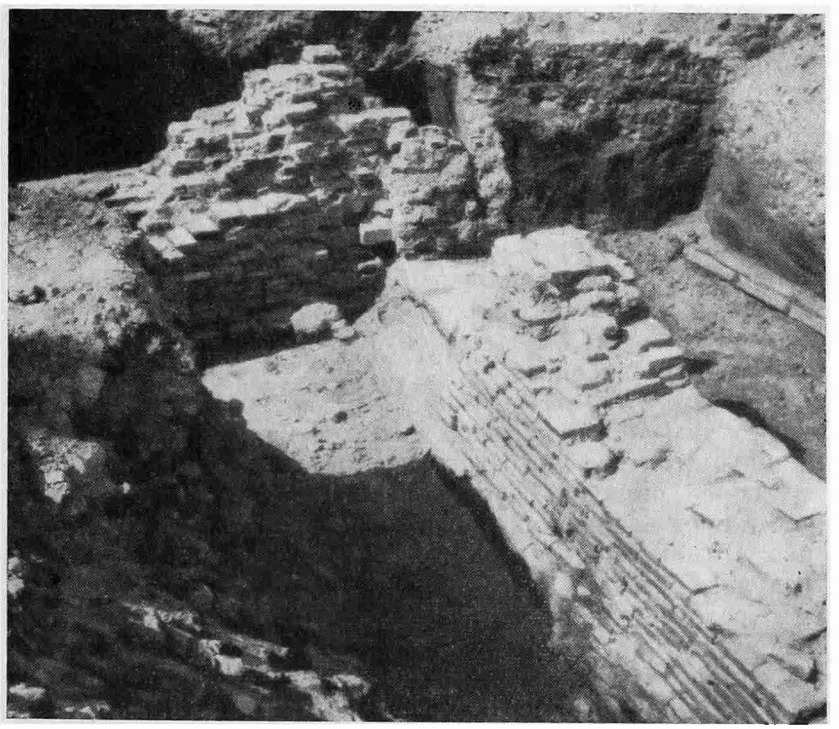


Рис. 7. Терем. Угловая часть и проем входа

как установка плинф на ребро для заполнения зазора между стенкой рва и булыжной кладкой фундамента. Очевидно, что строительство терема относится к тому же времени, что и капелла, т. е. к 40-м годам XII в. Несколько позднее терем подвергся ремонту; более мелкий, хорошо формованный кирпич, которым вычинены выступы его входа, по-видимому, относится ко второй половине XII — началу XIII в.

5

Работы Смоленской экспедиции в детинце имеют особое значение для истории культуры Смоленска. Основной фонд открытых и изученных экспедицией в 1962—1965 гг. памятников принадлежит эпохе расцвета смоленского зодчества — концу XII в. Это большой собор безымянного монастыря за Рачевкой («на Протоке») с его сложной плановой и объемной композицией, собор Спасского монастыря в Чернушке, своеобразный своей асимметрией и живописностью шестистолпный собор Воскресенского монастыря с трехсторонней галереей. Все это памятники зрелого мастерства с тенденцией к высотности построения сложного объема.

Работы в детинце осветили начальный этап истории Смоленского зодчества. Он связан не столько с именем Мономаха, сколько с княжением основоположника смоленской династии Ростислава Мстиславича (1125—1159 гг.). Известная поздняя запись в сборнике киевского Михайло-Златоверхого монастыря, сообщающая ряд неверных сведений и дат по истории Смоленска, утверждает, что Ростислав в 1141 г. «устрои град великий Смоленесък», т. е., видимо, обнес валами и рвами смоленский посад, создал «окольный город» [32]. Это сообщение входит в ряд других сведений о строительстве Ростислава и весьма вероятно. К 1142 г. им достроен Успенский собор в детинце, в 1145 г. сооружен большой Борисо-Глебский собор Смядынского монастыря. Теперь мы можем добавить, что, кроме Успенского собора, в те же 40-е годы в детинце сооружаются еще два монументальных здания: княжеская бесстолпная капелла и каменный княжеский или епископский терем.

Все эти постройки расположены не случайно, а с определенным смыслом, с учетом рельефа и исторического ландшафта.

Собор занимает высшую точку холма и главенствует в застройке детинца. Это его положение было особенно существенно, так как, как мы предположили выше, он был сравнительно невелик и постановка его на вершине холма обеспечивала его господство в городском пейзаже.

К югу от собора, на склоне холма зодчие поставили княжескую бесстолпную церковь. Видимо, она была обращена к проездной башне детинца, выводившей через ров в окольный город, откуда капелла и собор были хорошо видны. Можно думать, что силуэт капеллы был необычен и внутренняя конструкция перекрытия обусловливала ярусность верха, замыкаемого небольшой главой.

К северо-востоку от собора, также на склоне холма, стал высокий кирпичный терем, имевший, видимо, характер башнеобразной постройки со сложным верхом, на что указывает крайне схематичное изображение здания на гравюре Гондиуса. Терем занял высокий край холма, откуда открывался широкий кругозор на правобережные высоты и верхнее течение Днепра. В свою очередь, и терем вместе с собором были видны издалека, образуя эффектное архитектурное завершение детинца.

Таким образом, зодчие Ростислава создали одновременно группу монументальных зданий, венчавших гору княжеского детинца.

Можно отметить и еще одну черту ранней смоленской архитектуры. Отсутствие находок лекального и фигурного кирпича свидетельствует об известной скупости и суровости внешнего облика построек с простыми плоскими лопатками, обнаженными фасадами, на которых еще не появился пояс аркатуры и поребрика.

Наличие крупного монументального ансамбля на Соборной горе лишний раз подтверждает высказанное в начале нашей статьи положение о месте смоленского детинца.

---

[32] Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. ЧОИДР, 2, 1897, стр. 153—154.

А. П. СМИРНОВ, С. А. ЯНИНА

НАХОДКА РЕДКИХ ЗОЛОТЫХ ПЕРСТНЕЙ В БОЛГАРАХ

Систематические исследования развалин города Великие Болгары обогатили наши музеи первоклассными вещами, в числе которых особенного внимания заслуживают два золотых перстня. Один из них был найден в 1964 г. случайно при земляных работах, в русском слое XVI—XIX вв. во вторичном залегании, к юго-востоку от церкви Успения. Второй обнаружен при раскопках «Черной Палаты». Исследования этого здания открыли около него культурные слои золотоордынского времени и напластования более поздние. Верхние горизонты здесь — это слои русской деревни конца XVI—XIX в., ниже которых прослежен горизонт эпохи Казанского ханства (от 1431 г. до конца XVI в.), почти лишенный находок и по структуре напоминающий чернозем. Золотоордынский слой хорошо делился на несколько горизонтов. С первым древнейшим горизонтом связано существование могильника, который, возможно, возник еще в домонгольскую эпоху. Все погребения мусульманские и лежали в вытянутом положении на спине; головой на запад. Исключение составляет погребение № 5, в котором костяк лежал на правом боку с полусогнутыми ногами. Все 18 погребений стратиграфически относятся к раннему этапу. Они частично нарушены более поздними сооружениями. К этому последующему этапу относится землянка, которая нарушает и могилу № 14. В последней найдены медная золотоордынская монета Берке с именем ан-Насир лид-дина без места чекана (Болгар), без года чекана (около 1259 г.) и серебряная золотоордынская монета с тамгой дома Бату, чекан Биляра, без года (последняя четверть XIII в.). Ко времени существования землянки относится ряд хозяйственных сооружений, среди которых №№ 3, 6 датируются монетой хана Берке (около 1259 г., без места чеканки). В основании фундамента пристроек Черной палаты, построенных одновременно с основной частью Черной палаты, о чем можно судить по кладке, положенной вперевязь, была найдена монета хана Узбека, чеканенная в Сарае в 734 г. хиджры (= 1333/1334 гг.). В аналогичных условиях в фундаменте пристройки у западной стены здания найден золотой перстень. Таким образом, ряд монет позволяет датировать перстень периодом между существованием хозяйственных сооружений, датированных монетами, из которых поздняя — последняя четверть XIII в., и временем гибели города 1431 г. Монета, найденная в фундаменте пристройки, 1333/1334 г., уточняет эту дату.

Стилистический анализ находки подтверждает эту дату. Все более ранние произведения булгарского ювелирного искусства другого типа. Можно указать клады XII в. Спасско-болгарский 1869 и 1888 гг., браслеты и перстни из которых имеют совершенно другой вид[1]. Ряд вещей из этого клада несут черты влияния русского прикладного искусства того времени[2]. Точно датированных перстней, аналогичных болгарским,

[1] А. С. Гущин. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII века. Л., 1935, табл. XXX—XXXIV.

[2] А. П. Смирнов. Волжские булгары. М., 1951, стр. 155—156.

нет. Однако той же техники браслеты были обнаружены в кладе Джуке-Тау в 1924 г. Золотые массивные браслеты состояли из четырех звеньев, отделенных друг от друга затвором. Каждое звено 2 *см* шириной разбито проволокой на три полосы. Средняя, более широкая, заполнена, по заключению академика В. В. Бартольда, буквенным орнаментом, который первоначально можно было принять за надпись. Буквенный орнамент

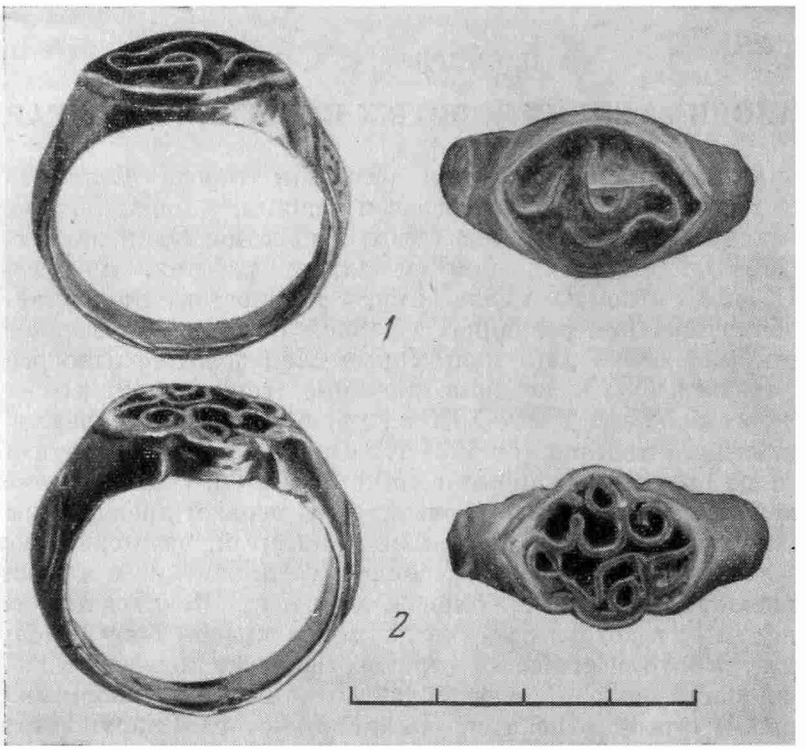


Рис. 1. Золотые перстни из Болгар

1 — золотой перстень с именем Берке. Находка 1964 г.; *2* — золотой перстень с надписью «Да будет вечен Алий». Находка 1966 г.

выполнен тонкими, узкими пластинками, припаянными к проволоке, ограничивающей среднюю полосу браслета. Не останавливаясь на анализе орнамента, довольно характерного для времени XII—XIV вв., отмечу, что браслеты подобного типа не были известны у болгар[3]. Клад хорошо датируется монетами, чеканенными в Дели (Индия) султаном Мухаммедом б. Тоглуком (725—752 = 1325—1351 гг. н. э.) от имени египетского халифа Мустакфи I. Монеты определены Р. Р. Фасмером[4]. Этот клад подтверждает дату перстня, установленную на основе данных стратиграфии.

Аналогичные перстни известны в древностях Волжской Болгарии. Золотоордынское происхождение таких перстней сомнений не вызывает: украшения на их обручах и техника изготовления надписей на щитках находят прямые аналогии среди перстней, которые Л. В. Кафка вполне убедительно отнесла к изделиям ювелиров Золотой Орды[5].

[3] В. Ф. Смолин. Клад восточных золотых предметов из болгарского города Джуке-Тау. Вестник научного общества татароведения. 3, Казань, 1925, стр. 20—21, табл. 2.

[4] Там же, стр. 25.

[5] Л. Кафка. Перстни Камско-Волжской Болгарии. ИОАИЭКУ, XXXIV, 1—2, Казань, 1928, стр. 117—125. Фамилия автора в работе напечатана с ошибкой (Кавка).

Найденные в 1964 и 1966 гг. перстни подтверждают наблюдения Л. Ф. Кафка, так как на одном из них читается имя, характерное для золотоордынского времени. Имеется в виду электровый перстень, найденный в 1964 г.[6] Перстень (рис. 1, *1*), судя по размеру обруча (по внешнему диаметру 19,5 *мм*, по внутреннему — 16 *мм*), скорее всего принадлежал женщине. Вес его 4,52 *г*. Обруч имеет ромбовидные украшения — два покрупнее (размером 9 *мм*) по сторонам щитка и одно меньшего размера (диаметром 7 *мм*). Крупные ромбы заполнены растительным орнаментом, основой которого является виньетка (рис. 2, *1*), характерная для монет Золотой Орды XIV в. Меньший ромб заполнен 7—8 кружочками. Обруч в передней части расширяется и переходит в овальный щиток, окаймленный двумя тонкими плоскими электровыми дужками, которые поднимаются над щитком на 1—1,5 *мм*. На том же уровне из той же тонкой пластины к щитку припаяны буквы, составляющие в прямом написании одно слово (рис. 2, *2*). Мне кажется, что единственно возможным чтением этого слова может быть برکای т. е. татарское имя «Беркай». Имя довольно редкое[7], поэтому нет особых оснований считать, что на перстне помещено имя его владельца, тем более, что его обруч слишком мал для мужской руки.

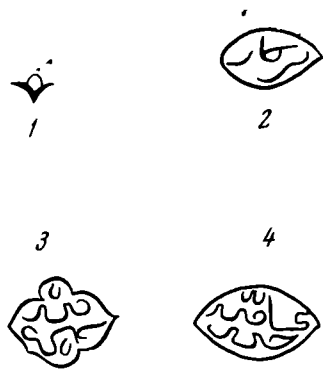


Рис. 2. Орнамент и надписи на перстнях

1 — орнамент на перстне 1964 г.; *2* — надпись на перстне 1964 г.; *3* — надпись на перстне 1966 г.; *4* — надпись на серебряном перстне из Билярска

По аналогии с другими надписями, содержащими благопожелательную мусульманскую формулу[8], в имени «Беркай» на перстне следует видеть упоминание хана Беркая — первого джучидского хана, принявшего мусульманство. В его правление Золотая Орда фактически оформилась как самостоятельное государство и поэтому его имя пользовалось почитанием в Золотой Орде, особенно со времени хана Узбека, когда ислам стал господствующей религией. Надо полагать, что перстень с именем Беркая служил его владелице залогом удачи, либо был знаком благочестия.

Письменные памятники золотоордынской истории очень однообразны. К ним принадлежат в основном монеты, надгробные надписи и ярлыки. Золотоордынские хроники до нас не дошли. Главными источниками для истории Джучидского государства остаются хроники соседних государств и записки путешественников. Не говоря уже о том, что сведения эти скудны, обрывочны и порой противоречивы, даже в правильности транскрипции татарских имен у нас не было бы полной ясности, если бы на монетах Золотой Орды (особенно на серебряных) имя правящего хана не было бы обязательной составной частью легенды. Но, к сожалению, хан, начавший монетную чеканку в Золотой Орде, не ставил на монетах своего имени. В письменных источниках соседних государств он назывался по-разному: в русских летописях — Берка, Беркай, Берге, Беркалий[9], у арабских историков — Берке (برکة)[10], в персидских текстах —

[6] Поступил в собрание отдела нумизматики ГИМ, № 98695 (КП I, 494. 307).

[7] В русских летописях это имя встречается лишь дважды: при упоминании событий, связанных с временем правления хана Беркая (ПСРЛ, III, СПб., 1841, стр. 58; V, СПб., 1851, стр. 191; VII, СПб., 1856, стр. 163, 166), т. е. между 1256 и 1266 гг., и под 1259 г., когда упоминается ордынец Беркай, приехавший в Новгород для взятия числа (ПСРЛ, III, стр. 56; IV, СПб., 1848, стр. 39; V, стр. 189, 190; XII, стр. 162).

[8] Л. В. Кафка. Ук. соч., стр. 123—124. См. также Н. Ф. Катанов. Несколько слов по поводу русских и татарских перстней. ИОАИЭКУ, XX, 1—3, Казань, 1904, стр. 29—46.

[9] Указатель к первым восьми томам ПСРЛ. Отдел первый. Указатель лиц. СПб., 1898, стр. 52.

[10] В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, СПб., 1884, стр. 46, 55 сл.

Берке [11], Берка بركا. [12] Беркай بركاى. [13], Берке-огул [14]. Надпись на татарском перстне передает истинное, татарское написание имени — Беркай (بركاى.).

Золотой перстень, найденный в 1966 г. (рис. 1, 2), изготовлен в той же манере, что и электровый, но более массивен и богаче украшен. Размеры его обруча почти те же, что и у электрового (по внешнему диаметру — 20 *мм*, по внутреннему — 16 *мм*). Вес перстня — 8,38 *г*. Обруч украшен тремя выпуклыми лишенными орнамента овалами с заострениями в местах соединения образующих их дуг. Два овала примыкают к щитку перстня (их диаметр — 8 *мм*), третий расположен посредине (его диаметр — 6 *мм*). Обруч расширяется в щиток овальной формы, на плоскость которого припаян фигурный ободок из плоской золотой проволоки. Этот ободок составлен из двух дуг и двух фигурных скобочек, обычных элементов картушей золотоордынских монет, и поднимается над щитком на 1—1,5 *мм*. Внутри ободка припаяны буквы из той же проволоки, составляющие в прямом написании два слова и два кружка (такие кружки встречаются как украшение и на монетах) (рис. 2, *3*).

Характерной особенностью этой надписи является артистическое заполнение фигурного поля: композиция букв надписи следует изгибам линий, образующих картуш. Как нам кажется, надпись следует читать: لدعلى т. е. «Да будет вечен Алий». Это изречение, несомненно, носит религиозный характер шиитского толка, типичного для мусульманства Средней Азии, к которому восходят истоки этой религии в Золотой Орде.

Назначение золотого перстня то же, что и электрового — служить не только украшением, но и быть залогом благочестия, своего рода талисманом, т. е. приносить владелице (перстень по размеру также скорее всего женский) удачу.

В этой связи уместно упомянуть еще об одном татарском перстне, сходном по технике изготовления с описанными выше. Этот перстень — серебряный. Он найден в Билярске. На обруче около овального щитка перстня имеются забитки растительного орнамента. На нем «проволочная» надпись (рис. 2, *4*), которую Л. В. Кафка оставила без прочтения, считая, что она выполнена безграмотным мастером [15].

Нам кажется возможным читать эту надпись, которая может быть признана вполне грамотной со скидкой на те неизбежные трудности ее выполнения, какие создавала техника «проволочного» письма. Предлагаемое чтение: خلد الله عافية, т. е. «Да продлит аллах здоровье (благоденствие). Алиф слова الله передан слитно (как бы в продолжение) с алифом слова عافية, а «х» в обоих словах передано без кружка.

Еще один близкий по оформлению золотой перстень находится в собрании Берлинского дворцового музея. В публикации он описан схематически, но фотография дает основание думать, что манера его изготовления близка манере болгарского перстня 1966 г.: сходны форма щитка, переход обруча в щиток, техника «проволочного» письма [16]. К сожалению, автор публикации не дает арабской транскрипции своего чтения — Meine Liebe ist fest.

Нам такое чтение кажется весьма сомнительным, так же, как не удовлетворяет приведенная издателем территориальная атрибуция и датировка предмета: перстень арабский или североафриканский XVIII в. или ранее.

Несомненна близость этого перстня золотоордынским XIV в. Что касается его надписи, то первое слово, по-видимому то же, что и на изданном Л. В. Кафкой перстне из Билярска: عافية. На опубликованной фотографии ракурс выбран неудачно, и она не дает правильного представления о надписи в целом.

[11] Там же, 2, М.— Л., 1941, стр. 21, 26, 40, 80, 99, 105, 133, 146, 205, 210.
[12] Там же, стр. 15, 99.
[13] Там же, стр. 67, 91.
[14] Там же, стр. 80.
[15] О. В. Кафка. Ук. соч., стр. 124, табл. II, *5*.
[16] H. Battke. Die Ringsammlung des Berliner Schlossmusseusms. Berlin, 1938, стр. 97, № 228, табл. XVI.

Критика и библиография

П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Издательство «Наука». М.-Л., 1966, 308 стр.

Археологические исследования по этногенетической тематике вызывают среди исследователей оживленные споры и дискуссии. Отчасти это объясняется тем, что археология еще не располагает достаточной совокупностью фактов для разрешения некоторых узловых вопросов этногенеза, но в еще бóльшей степени — огромным интересом к этногенетической проблематике.

Новая книга П. Н. Третьякова занимает особое место среди этногенетических исследований. На основе новейших данных археологии крупный специалист по восточноевропейским древностям попытался нарисовать целостную картину далекого прошлого срединной полосы Восточной Европы. Объектом исследования стали коренные вопросы финно-угорского, балтского и славянского этногенеза и ранняя история этих трех крупнейших этнических массивов Восточной Европы. По широте затронутых проблем исследование П. Н. Третьякова может быть сравнимо лишь с монографией Ю. В. Готье «Железный век в Восточной Европе», вышедший в свет более 35 лет назад [1]. С тех пор археологи собрали значительное количество новых материалов, позволивших не только заново пересмотреть и более основательно решить многие вопросы восточноевропейских этногенетических процессов, но и подойти к решению таких тем, о постановке которых три-четыре десятилетия назад не могло быть речи.

Книга П. Н. Третьякова, бесспорно, привлечет внимание не только археологов, но и представителей других наук — лингвистов, топонимистов, антропологов, этнографов, историков и, полагаю, вызовет интересную и необходимую для развития науки полемику.

Настоящая рецензия концентрирует внимание на некоторых дискуссионных вопросах, главным образом в области славянского этногенеза и балто-славянских взаимоотношений.

* * *

На территории Восточной Европы наиболее ранними бесспорно славянскими являются древности пражского облика, датируемые VI—VII вв. Их генетическая преемственность с раннесредневековыми славянскими культурами не подлежит сомнению. На вопрос о том, какие же древности более раннего времени следует считать славянскими, П. Н. Третьяков отвечает, что таковыми являются памятники зарубинецкой культуры. Однако мнение о славянской принадлежности зарубинецкой культуры, хотя и является распространенным, ничем не оправдано.

Славянство зарубинецкой культуры П. Н. Третьяков попытался обосновать следующим рассуждением (стр. 220). Зарубинецкую культуру нельзя отнести ни к иранскому, ни к балтскому, ни к финно-угорскому населению Восточной Европы, так как облик этой культуры заметно отличается от синхронных древностей скифов и сарматов, балтских и финно-угорских племен. Зарубинецкая культура не могла быть оставлена древними германцами, так как ни гидронимические, ни исторические материалы не дают оснований для размещения германских племен в области Припятского Полесья и Верхнего Поднепровья. Так как догадка о принадлежности зарубинецкой культуры каким-то неизвестным племенам не имеет под собой почвы, отмечает далее П. Н. Третьяков, остается предположить славянство носителей этой культуры.

Однако своеобразие зарубинецкой культуры при сравнении ее с синхронными балтскими культурами Верхнего Поднепровья не может быть использовано для отрицания балтской принадлежности носителей этой культуры. Давний распад балтской языковой общности и расселение балтоязычных племен на обширных территориях привели к возникновению уже в эпоху раннего железа различных культур

[1] Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.— Л., 1930.

балтского мира[2]. Так, различия между самландо-натанчской (восточнопрусской) культурой и культурой штрихованной керамики или днепрово-двинской культурой настолько велики, что следуя за П. Н. Третьяковым, их нельзя относить к балтам. Между тем, все эти культуры оставлены балтами. Еще заметнее культурные отличия между западнолитовскими и восточнолитовскими древностями на протяжении всего I тысячелетия. Тем не менее, их балтская атрибуция не вызывает сомнений.

П. Н. Третьяков обращает внимание на то, что ареал зарубинецкой культуры находится в основном в той области, в пределах которой на территории СССР сосредоточена древняя славянская гидронимика. Этому обстоятельству не стоит придавать большого значения. Ведь в пределах той территории, где, по мнению некоторых исследователей, сосредоточена древняя славянская гидронимика, расположены и милоградская культура, и скифские лесостепные культуры, и значительная часть черняховской культуры. Тем не менее, этого факта явно недостаточно для славянской атрибуции этих древностей. Совпадения археологических и гидронимических ареалов иногда бывают и случайными. Пока ни одному исследователю не удалось показать бесспорную древность славянской гидронимики в пределах зарубинецкого ареала[3].

На стр. 229—230 П. Н. Третьяков сопоставляет карту расселения зарубинецких племен в левобережной части Верхнего Поднепровья, составленную по археологическим материалам, с картой ранней славянской гидронимики на этой территории[4]. Отмечая совпадение этих карт, П. Н. Третьяков делает важный вывод: «В этом нельзя не видеть еще одно убедительное подтверждение справедливости мнения о зарубинецких племенах как племенах раннеславянских» (стр. 230).

Но гидронимическая карта В. В. Топорова и О. Н. Трубачева является узко региональной, ограниченной избранной территорией исследования. П. Н. Третьяков не обратил внимания на то, что водные названия совершенно такие же, какие для верхнеднепровского бассейна являются раннеславянскими, известны далеко за пределами Поднепровья. Они обильно представлены в бассейне Западной Двины и в Новгородско-Псковской землях (многочисленные Буды и Будовицы, Дебрянки, Теребки, Луковец, Велетовки и т. п.). Немало таких гидронимов в Волго-Окском междуречье, есть они и в бассейне Дона. Между прочим, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев в словаре гидронимов отмечают распространенность их и за пределами верхнеднепровского бассейна[5]. К тому же датируется эта группа славянской гидронимики широко — домонгольским временем. В целом она предшествует группе водных названий с суффиксом -ка, функционирование которого начинается сравнительно поздно[6]. Таким образом, предпринятое П. Н. Третьяковым сопоставление археологической и гидронимической карт не оправдано ни географическими, ни хронологическими мотивами. Такое сопоставление не является аргументом в пользу славянской атрибуции зарубинецкой культуры.

Непременным условием для всякого вывода об единстве этноса должна быть генетическая преемственность при смене одной археологической культуры другой. Если такая преемственность отсутствует, то неизбежен вывод о смене одного этноса другим или о наслоении одной этноязыковой единицы на другую. Между зарубинецкими древностями (в том числе и позднезарубинецкими) и славянскими памятниками раннего средневековья какой-либо генетической преемственности не обнаруживается. Так, древности древлян, волынян, полян и дреговичей второй половины I тыс. не имеют никакого отношения к зарубинецкой культуре. А ведь эти племена занимали коренную часть зарубинецкого ареала! Не может быть речи также об эволюционной связи между роменско-боршевской культурой (северяне и вятичи) и зарубинецкими древностями. В ранней культуре кривичей и словен новгородских тоже не обнаруживается ни малейших связующих элементов с зарубинецкими древностями. Нет преемственности и между культурой раннерадимических курганов

---

[2] На основе новейших данных балтской диалектологии В. Мажюлис утверждает, что начало распада балтского единства (на западных, восточных и днепровских балтов) по времени совпадает с началом распада балто-славян (балто-славянской «сообщности») и датируется II тысячелетием до н. э. Таким образом, праславянский язык существовал еще в течение двух с половиной тысячелетий, в то время как прабалтского языка уже не было (В. Мажюлис. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964).

[3] В настоящее время лингвисты считают, что области наибольшего сосредоточения гидронимов определенной языковой принадлежности не являются территорией первоначальной локализации соответствующей этнической группы (В. В. Мартынов. Этногенез славян в свете новых лингвистических данных. «Вопросы этнографии Белоруссии», Минск, 1964, стр. 85, 86). В частности, районы концентрации славянской гидронимики не являются древнейшей славянской территорией, а принадлежат к областям славянского заселения (M. Rudnicki. Praslowiańszczyzna. Lechia — Polska, I, Poznań, 1959, стр. 7).

[4] В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, карта 9.

[5] Там же, стр. 216—222.

[6] В. А. Никонов. География русских суффиксов. «Onomastica», V, 2, Wrocław — Krakow, 1959, стр. 329.

IX—X вв. и зарубинецкой культурой. П. Н. Третьяков показывает возможную связь между зарубинецкой культурой и верхнеднепровскими древностями третьей четверти I тыс. типа Колочина-Кветуни-Смольянь. Но ведь последние древности также не обнаруживают генетической преемственности с бесспорными славянскими памятниками Верхнего Поднепровья. Жаль, что П. Н. Третьяков обрывает этническую историю населения лесной полосы Восточной Европы примерно на рубеже третьей и четвертой четвертей I тысячелетия, т. е. как раз той порой, когда в верхнеднепровских землях распространяются бесспорные славянские памятники. Если бы исследователь попытался довести историю Верхнего Поднепровья до начала II тысячелетия, то отсутствие генетической преемственности между зарубинецкой культурой и древностями типа Колочина-Кветуни-Смольянь, с одной стороны, и бесспорными восточнославянскими памятниками, с другой, было бы очевидным. Исходя из этого зарубинецкие древности следует классифицировать как дославянские [7].

Но если славянство зарубинецкой культуры не оправдывается ни археологическими, ни какими-либо другими материалами, то кому же принадлежали эти древности? При решении этого вопроса необходимо прежде всего обратить внимание на судьбу носителей зарубинецкой культуры. Как известно, зарубинецкая культура получила распространение в Припятском Полесье и в смежных с ним областях Среднего и Верхнего Поднепровья в период с конца II в. до н. э. до рубежа I—II вв. н. э. На рубеже I—II вв. н. э. зарубинецкая культура в Полесье и Среднем Поднепровье прекращает существование. Дальнейшая история носителей этой культуры связана с расселением их в левобережной части Верхнего Поднепровья, а позднее в бассейне верхней Оки. В результате расселения носителей зарубинецкой культуры и смешения их с местным (восточнобалтским) населением на этой территории складываются почепская культура на Десне [8], мощинская на Оке, [9], культура типа среднего слоя Тушемли в левобережной Смоленщине, типа Обидни на восточной окраине культуры штрихованной керамики. Все эти древности не обнаруживают генетической преемственности с бесспорно славянскими и должны быть отнесены к дославянскому населению. Поэтому поиски соответствующего гидронимического пласта должны вестись среди дославянской гидронимики верхнеднепровского и верхнеокского бассейнов.

Древняя гидронимия Верхнего Поднепровья имеет восточнобалтский характер (распространение форманта *-esa/-asa*). Вместе с тем на всей территории расселения зарубинецких племен (левобережная часть Верхнего Поднепровья и Верхнее Поочье) выявляется большая группа водных названий, которая интерпретируется как западнобалтская. Сюда относятся:

1. гидронимы с элементом апе (Ужепа Вопь, Неропля и др.); 2. названия, этимологизируемые из прусского языка (Стабна, Стабня, Стабница, Поня, Панея и др.); 3. названия с меной *-з-* вместо *-ж-* (Азарза, Зубир, Кзелка, Дерзна и др.); 4. гидронимы с формантом *-ва* (Водва, Волва, Локнава, Мытва, Протва, Смедва и др.).

Гидронимия западнобалтского происхождения образует компактный регион, охватывающий и те районы, где еще в XII в. жили остатки балтского племени голяди. Картография топогидронимов, производных от последнего гидронима, дает основание для предположения о голядском происхождении западнобалтского гидронимического напластования на юго-востоке древней балтской территории [10]. Западнобалтский гидронимический пласт здесь не является исконным и мог быть занесен какой-то группой переселенцев из западнобалтского мира. Зарубинецкое население является единственной группой племен, проделавших путь из западнобалтских областей до верхнеокского бассейна [11]. Это обстоятельство наряду с совпадением голядского гид-

[7] Сходство отдельных сосудов из памятников типа Колочина-Кветуни-Смольяни с сосудами нижнеднепровских и южнобугских поселений третьей четверти I тысячелетия, на что обращает внимание П. Н. Третьяков, не доказывает славянской принадлежности ни зарубинецких древностей, ни памятников Верхнего Поднепровья.

[8] А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э., СА, 1964, 1, стр. 56—71. П. Н. Третьяков возражает против названия «почепская культура», предпочитая именовать деснинские древности позднезарубинецкими. Он полагает, что носители юхновской культуры в значительной степени ушли при зарубинецком расселении. С последним утверждением согласиться невозможно, так как в древностях Подесенья I тысячелетия обнаруживаются явные реликты юхновской культуры (в керамике и домостроительстве).

[9] П. Н. Третьяков согласен, что носителями мощинской культуры были балты. Вместе с тем он не отрицает участия зарубинецкой культуры в формировании мощинских древностей. Трудно отрицать передвижение потомков зарубинецких племен на верхнюю Оку, ведь мощинская керамика во многом повторяет позднезарубинецкую (деснинскую).

[10] В. В. Седов. Гидронимия голяди. III республіканська ономастична (гідронімічна) конференція (тези). Київ, 1965, стр. 128—132.

[11] Все материалы свидетельствуют в пользу того, что зарубинецкая культура в Припятском Полесье и в смежных областях Киевского и Гомельского Поднепровья была создана пришлым населением. Никаких связующих звеньев между зарубинецкой и милоградской (на территории которой в основном и распространяется зарубинецкая культура) культурами не имеется. Нет преемственности также и между скифскими и зарубинецкой культурами. Некоторые общие элементы этих культур

ронимического ареала с территорией археологических культур, в создании которых приняли участие потомки зарубинецких племен, дает основание назвать верхнеднепровские и верхнеокские древности второй и третьей четверти I тысячелетия голядскими (по Иордану, Goldas и Golthescytha) [12]. Таким образом, можно полагать, что зарубинецкая культура оставлена не славянами, а группой западнобалтских племен.

Такому решению вопроса соответствуют и свидетельства древних авторов. Как раз к середине I тысячелетия относятся сведения Иордана по этнографии Средней и Восточной Европы. Обширное пространство от берегов Балтийского моря до акациров, заселявших часть бассейна Дона, он отводит айстам (балтам) [13]. Славяне же по данным письменных источников, занимали области, расположенные западнее и юго-западнее балтского ареала. Согласно сведениям античных авторов, в первой половине I тысячелетия венеды обитали в бассейне Вислы, где-то на территории между Северным Прикарпатьем и побережьем Балтийского моря [14]. В середине I ты-

---

являются результатом сосуществования носителей милоградской и зарубинецкой культур на одной территории и следствием ассимиляции милорадцев и скифов зарубинецким населением. С этим вполне согласен П. Н. Третьяков.

Несмотря на это, П. Н. Третьяков настаивает на автохтонном развитии зарубинецкой культуры. Его «рабочая схема» генезиса этой культуры выглядит так. Среди носителей скифских лесостепных культур должны быть и нескифские племена. Последние меньше, чем скифы, пострадали от сарматов и явились создателями зарубинецкой культуры. Какой-либо археологической аргументации эта схема не имеет.

Между тем, в распоряжении исследователей имеются материалы, свидетельствующие о западном происхождении зарубинецкой культуры. Истоком формирования этой культуры, скорей всего, были поморская и подклёшевая культуры Повисленья. Согласно Ю. В. Кухаренко, зарубинецкая культура возникла как ответвление от поморской культуры в результате переселения ее носителей с Кошубской возвышенности на юг и юго-восток (Ю. В. Кухаренко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 289—300). П. Н. Третьяков, возражая Ю. В. Кухаренко, утверждает, что припятская группа зарубинецких древностей не старше днепровской, а среднеднепровская группа также архаична и не может быть ответвлением полесской. Следовательно, зарубинцы не могли прийти с запада. Однако эти замечания не являются основанием для отрицания пришлого (западного) происхождения создателей зарубинецкой культуры. Недавно Д. А. Мачинский показал, что три локальные группы зарубинецкой культуры (припятская, среднеднепровская и верхнеднепровская) образовались не путем постепенного расселения через области Припятского Полесья, а формировались за счет притока населения из разных областей поморской и подклёшевой культур (Д. А. Мачинский. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. КСИА АН СССР, 107, 1966, стр. 3—8).

[12] Недавно Э. А. Сымонович, возражая против отнесения древностей типа Колочина-Банцеровщины-Тущемли к балтским памятникам, отметил, что их балтская принадлежность была бы оправданной, если бы «...в областях севернее рек Припяти и Сейма отсутствовали для этой эпохи географические названия славянского происхождения» (Э. А. Сымонович. О связях лесных и лесостепных раннесредневековых культур Поднепровья. СА, 1966, 3, стр. 50). Но как раз славянских гидронимов, синхронных этим памятникам, в Верхнем Поднепровье до сих пор не известно. Древнейшая славянская гидронимика здесь имеет лишь восточнославянский облик и относится к периоду не ранее VIII—IX вв. (В. В. Седов. Из истории восточнославянского расселения. КСИА АН СССР, 104, 1965, стр. 3—7).

Отнесение верхнеднепровского гидронимического напластования балтского происхождения ко времени балто-славянской общности, как думает Э. А. Сымонович, невероятно. Характер балтского слоя здесь (диалектное членение, напластования и т. п.) вполне отчетливо свидетельствует в пользу того, что отложение его относится к значительно более позднему времени, чем период балтской общности, не говоря уже о балто-славянской общности. На основании лингвистических наблюдений над верхнеднепровской гидронимикой В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев считают, что завершение славянизации балтского населения Верхнего Поднепровья приходится на первые века II тысячелетия н. э. (В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 173).

[13] Иордан отмечает, что айсты, с одной стороны, жили по берегу Балтийского моря рядом с видиваріями (устье Вислы), с другой стороны, соседили на юге с акацирами (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 72). О локализации акациров см. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 55—57 и 71.

[14] Плиний (I в. н. э.) связывает венедов с территорией, лежащей в бассейне реки Вислы (Г. Плиний Секунд. Естественная история. В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. II, 1, СПб., 1904, стр. 176). Тацит (I в. н. э.) помещает венедов между певкинами и феннами, т. е. тоже, по всей вероятности, где-то в бассейне реки Вислы (Корнелий Тацит. Германия. Там же, стр. 250). Согласно «Географии» Птоломея (II в. н. э.), венеды локализуются к северу от бастарнов по побережью Венедского (Балтийского моря) залива (Клавдий Птоломей. Географическое руководство: Там же, I, СПб., 1890, стр. 231). В «Певтингеровых таблицах» (конец III — начало IV вв.)

сячелетия, по Иордану, славяне занимали территорию к северу от Дуная между западным Повисленьем и нижним Днепром [15].

Но если зарубинецкая культура не может быть признана раннеславянской, то какие же древности первой половины I тысячелетия могут рассматриваться как славянские? Мне кажется, что исследователи, ведя поиски славянских древностей этого времени, не доучитывают исторической обстановки эпохи «великого переселения народов». К славянским древностям многие археологи относят черняховскую и пшеворскую культуры. Между тем, и эти культуры не обнаруживают полной генетической преемственности со славянскими древностями VI—VII вв. Вряд ли можно согласиться также с И. И. Ляпушкиным, полагающим, что до середины I тысячелетия славяне были весьма небольшим племенем, памятники которого до сих пор не обнаружены [16].

Согласно свидетельствам древних авторов, в первой половине I тысячелетия в Средней и Юго-Восточной Европе, где, по всем данным, в это время жили славяне (венеды), в результате миграций и диффузий различных племен имели место значительные территориальные смешения разноэтнического населения. У Прокопия Кесарийского имеется непосредственное сообщение, касающееся территориального смешения славян с германцами: «Когда же в Италию пришло войско римлян, то земли галлов и венетов в большей своей части были заняты германцами» [17]. В Нижнем Подунавье славянское население смешалось с гетскими племенами. Недаром византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта называл славян гетами [18]. Межплеменное образование IV в. «держава Германариха», пестрое в этническом отношении (готы, анты, сарматы, геты), по всей вероятности, сложилось на фоне отсутствия территориального размежевания племен.

В этой связи и археологические культуры эпохи переселения народов являются совокупностью элементов материальной культуры этнически смешанного населения. Поэтому черняховскую и пшеворскую культуры нельзя целиком относить к славянам или целиком к германцам. Эти культуры не равнозначны этническим общностям. В связи с этим поиски славянских древностей первой половины I тысячелетия предстоит вести посредством дифференциации черняховских и пшеворских памятников на славянские, германские, сарматские и иные. Только после завершения этой весьма сложной и трудоемкой работы удастся обнаружить истоки славянской культуры VI—VII вв. и начать поиски более ранних славянских древностей.

Схема размещения среднеевропейских и восточноевропейских племен в I тысячелетии до н. э. нарисована П. Н. Третьяковым на основе данных языкознания (стр. 190—196). Согласно этой схеме, славяне локализуются где-то между ареалами балтских, иранских, фракийских и германских племен. Ранним славянам, таким образом, отводится полоса Средней Европы между бассейном Одера на западе и Средним Днепром на востоке. В целом эта схема не вызывает каких-либо серьезных возражений, кроме замечаний частного характера.

В I тысячелетии до н. э. славянская территория не могла простираться до поречья Днепра. В результате анализа гидронимики Верхнего Поднепровья В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев пришли к выводу о непосредственных балто-иранских языковых контактах [19]. В. И. Абаев пишет о непосредственном соседстве скифских и балтских племен на основе изучения лексических изоглосс [20]. Вместе с гидронимикой археология локализует зону балто-иранского языкового контакта в Среднем Поднепровье (область соприкосновения скифских лесостепных культур с юхновской и милоградской культурами) [21]. Следовательно, прежнее представление, которого придерживается П. Н. Третьяков, что славяне жили южнее балтов и составляли преграду для балто-иранских контактов, является устаревшим.

В последние годы пересмотрен и вопрос о славяно-германском языковом контакте. В. В. Мартынову, исследование которого осталось вне внимания П. Н. Третьякова, удалось показать вероятность славяно-германского лексического взаимодействия уже в середине I тысячелетия до н. э. [22]. В этой связи правильнее было бы говорить, что славяне были юго-западными, а не южными соседями балтов [23].

в одном месте венеды оказываются соседями бастарнов, в другом — размещаются рядом с гетами и даками, т. е. где-то в Северном Прикарпатье (K. Miller. Weltkarte des Castorius genannt die Peutingerichte Tafel. VIII, 1, 4, Ravensburg, 1888).

[15] Иордан. Ук. соч., стр. 72.

[16] И. И. Ляпушкин. К вопросу о культурном единстве славян. Исследования по археологии СССР (Сборник статей в честь проф. М. И. Артамонова). Л., 1961, стр. 208, 209.

[17] А. В. Мишулин. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э. ВДИ, 1941, 1, стр. 243.

[18] Феофилакт Симокатта. История. М., 1957, стр. 75, 154.

[19] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 231.

[20] В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 133, 134.

[21] В. В. Седов. Балто-иранский контакт в днепровском Левобережье. СА, 1965, 4, стр. 52—62.

* * *

Каково соотношение верхнеднепровских памятников типа Кветуни-Колочина с синхронными древностями междуречья Нижнего Днепра и Днестра? П. Н. Третьяков обращает внимание на присутствие в тех и других памятниках серии глиняной посуды биконической формы и отсюда делает вывод о сложении тясминских, надпорожских и побужских древностей третьей четверти I тысячелетия посредством миграции населения из областей Верхнего Поднепровья — потомков носителей зарубинецкой культуры. Это обстоятельство, по мнению П. Н. Третьякова, служит подтверждением славянской принадлежности зарубинецкой культуры, так как, по его мнению, днепро-бужские памятники типа Пеньковки являются, бесспорно, славянскими. Однако биконическая форма сосудов памятников третьей четверти I тысячелетия в левобережной части Верхнего Поднепровья и исходная керамика междуречья Днестра и Нижнего Днепра развивались независимо друг от друга. Это совсем разные археологические комплексы. Истоки верхнеднепровских реберчатых сосудов лежат в зарубинецких и послезарубенецких древностях. Здесь нельзя не согласиться с П. Н. Третьяковым. Днепро-бугские же древности типа Пеньковки обнаруживают заметные элементы связи с местными памятниками первой половины I тысячелетия.

П. П. Третьяков напрасно отрицает всякую связь черняховской культуры с древностями типа Пеньковки. Конечно, говорить о полной генетической преемственности между этими культурами не приходится. Слишком значительны различия между ними. Но отдельные связующие звенья все же имеются. Так, биконические сосуды потясминских, нижнеднепровских и побужских поселений VI—VII вв. обнаруживают бесспорные аналогии среди керамического материала черняховских памятников (Косаново и Данилова балка на Южном Буге, Черняхов, Журовка и Ломоватое в Поднепровье и др.) [24]. Сравнительный анализ биконических сосудов черняховской культуры и славянских памятников VI—VII вв. из междуречья Днестра и Нижнего Днепра говорит в пользу того, что сосуды из последних памятников ведут свое начало от черняховских горшков. На днепро-бугских поселениях третьей четверти I тысячелетия весьма распространены также горшки с выпуклыми боками различной степени кривизны, с прямым или слегка отогнутым венчиком и дном, по диаметру равным ширине горла. Они также напоминают по форме лепные горшки с выпуклыми боками и суженными днищем и горловиной из черняховских памятников Поднестровья [25]. Таким образом, керамический материал дает основание видеть в памятниках типа Пеньковки местные истоки. Этому не противоречат и данные письменных источников. Иордан упоминает об антах конца IV в., ведших борьбу с остроготами, оставшимися на Нижнем Днепре после гуннского нашествия [26]. Следовательно, среди черняховских памятников IV в. должны быть раннеантские древности.

Гипотезе П. Н. Третьякова о миграции верхнеднепровского населения на юг в области Нижнего Днепра и Южного Буга противоречит то обстоятельство, что среди керамического материала днепро-бугских поселений VI—VII вв. представлены далеко не все формы, распространенные в Верхнем Поднепровье. В частности, на поселениях днепро-бугских славян третьей четверти I тысячелетия полностью отсутствуют наиболее распространенные верхнеднепровские типы сосудов — слабопрофилированные сосуды тушемлинского облика, известные не только на Смоленщине, но и в памятниках Подесенья. Вовсе нет на юге тюльпановидных сосудов, составляющих в Верхнем Поднепровье значительный процент керамической коллекции [27]. Отсутствуют в памятниках Потясминья, Надпорожья и Побужья и раструбообразные сосуды, ближайшие аналогии которым находятся в мощинских памятниках. С другой стороны, в памятниках третьей четверти I тысячелетия междуречья Днестра и Нижнего Днепра

---

[22] В. В. Мартынов. Славяно-германские лексические взаимодействия древнейшей поры (к проблеме прародины славян). Минск, 1963.

[23] Недавно О. Н. Трубачев показал, что носители раннеславянских диалектов, вырабатывая свою древнюю ремесленную терминологию, находились в контакте с германцами и италийцами, т. е. с индоевропейцами центральной Европы. Общих балто-славянских соответствий в ремесленной лексике немного. В связи с этим исследователь полагает, что носители раннеславянских диалектов жили в центральной Европе и общение их с балтами наступило сравнительно поздно (О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках М., 1966).

[24] Некоторые из этих сосудов изображены в статье Э. А. Сымоновича (Э. А. Сымонович. Ук. соч., рис. 3), придерживающегося несколько иных позиций. Этот исследователь пишет о полной преемственности черняховских и славянских древностей типа Пеньковки, с чем согласиться невозможно.

[25] М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 183, рис. 8; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, 89, 1960, табл. 21, *3, 5*.

[26] Иордан. Ук. соч., стр. 115.

[27] Например, в Кветуни почти все сосуды имели тюльпановидную форму. Только один сосудик имел биконическую форму.

(типа Пеньковки), кроме биконических сосудов, в большом количестве встречаются сосуды таких типов, которых нет на верхнеднепровских поселениях. Таким образом, верхнеднепровские памятники середины и третьей четверти I тысячелетия, с одной стороны, и днепро-бугские поселения VI—VII вв., с другой, имеют совершенно различные керамические комплексы. Сравнение их не дает основания для предположения о происхождении нижнеднепровского и южнобугского славянства из областей Верхнего Поднепровья [28].

* * *

Ныне представляется бесспорным, что области Верхнего Поднепровья, начиная с отдаленной древности до славянского расселения, были заняты балтскими племенами. П. Н. Третьяков относит к бесспорным балтским древностям такие культуры, как юхновскую, днепровско-двинскую, верхнеокскую. Их балтская атрибуция вряд ли вызовет какие-либо сомнения. Но вот относительно милоградской культуры, расположенной в пределах того же древнего балтского гидронимического ареала, П. Н. Третьяков пишет, что носители этой культуры были индоевропейцами, родственными «балтам, но, возможно, родственные и славянам» (стр. 187). П. Н. Третьяков не разъясняет, какие материалы свидетельствуют в пользу предположения о родстве милоградцев славянам.

В распоряжении исследователей нет оснований для предположения о славянской принадлежности милоградской культуры. Славянство последней невозможно оправдать даже при допущении славянской принадлежности зарубинецкой культуры. Ведь между этими культурами нет генетической преемственности. Значит, милоградская культура оставлена племенами, обитавшими здесь до славянского расселения. А они, судя по данным гидронимики, были балтоязычными. То обстоятельство, что милоградская культура серьезно отличается от культур верхнеднепровских балтов, не имеет существенного значения в вопросе этнической атрибуции милоградцев. Ведь в эпоху раннего железа балтского единства не было, ибо, судя по данным языкознания, балты уже разделились на несколько племенных групп. Следовательно, балты могли быть представлены разными археологическими культурами. Согласно представлениям П. Н. Третьякова милоградская культура ведет свое начало от сосницкой культуры. Из той же культуры эволюционировала и юхновская культура. Почему же в таком случае юхновскую культуру можно относить к бесспорно балтским и сомневаться в балтской принадлежности милоградских племен?

П. Н. Третьяков утверждает, что между балтской гидронимикой юхновской и милоградской территорий имеется существенное различие (стр. 187). Это — недоразумение. Говоря о гидронимической дифференциации юхновской и милоградской территорий, П. Н. Третьяков цитирует следующее место из книги В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева: «Пожалуй, на нашей территории нет другого столь четко ограниченного ареала балтийских названий, в диалектной принадлежности которого не приходится сомневаться» [29]. Но эти слова исследователей верхнеднепровской гидронимики относятся к группе ятвяжских водных названий с суффиксом *-да*. А последние имеют иной ареал — бассейны Западного Буга и верхнего Немана [30]. На территории милоградской культуры нет ни одного гидронима подобного типа [31], а в пределах расселения юхновских племен известно лишь название Немда, принадлежность которого к группе гидронимов с формантом *-да* вызывает сомнения [32]. Нельзя говорить о различии балтской гидронимики милоградской и юхновской территорий и на основе разграничения балтских гидронимических суффиксов *-ея* и *-ия*. Так, на территории милоградской культуры известно два гидронима с суффиксом *-ия*. Столько же их имеется и в юхновском ареале. Названия на *-ея* так же не типичны для юхновской территории, как и для милоградской [33].

---

[28] П. Н. Третьяков ошибается, утверждая, что реберчатая и биконическая керамика Потясминья, Надпорожья и Побужья не имеет аналогий среди древностей западных областей славянского мира (П. Н. Третьяков. О древностях середины и третьей четверти I тысячелетия в южных частях Верхнего Поднепровья. СА, 1965, 4, стр. 67). Как раз наоборот, биконические и реберчатые сосуды по своим очертаниям имеют параллели в керамическом материале северо-западной группы славянства (W. Lega. Kultura pomorska we wczesnem sredniwieczu na podstawie wykopalisk. Torun, 1930, стр. 47—53 и рис. 2—11; G. Knorr. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Leipzig, 1931, tabl. 12, 13, 14 и рисунки в тексте).

[29] В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 239.

[30] K. Būga. Jotving žemės upių vardų galuné *-da*. Tauta iz žodis. 1, Kaunes, 1923, стр. 100; В. В. Седов. Курганы ятвягов. СА, 1964, 4, стр. 36—51.

[31] В бассейне Припяти известен один гидроним с суффиксом *-да* — Ясельда. Но милоградский ареал не доходит до бассейна этой реки.

[32] В. Н. Топоров. О. Н. Трубачев. Ук. соч., стр. 170.

[33] Там же, карта 6. Исследователи верхнеднепровской гидронимики пишут о 53-й параллели, как о приблизительной границе между ареалами водных названий на *-ея* и *-ия* (там же, стр. 239). Но юхновская территория, как и милоградская, лежит в основном ниже этой параллели.

Вряд ли можно согласиться с выводами П. Н. Третьякова относительно этноса культуры штрихованной керамики. Согласно П. Н. Третьякову, племена культуры штрихованной керамики были не балтами, а потомками древних иноязычных племен, живших среди балтского массива. Только к середине I тысячелетия это население постепенно было ассимилировано балтами (стр. 162). Единственной причиной, послужившей П. Н. Третьякову для отрицания балтской принадлежности носителей культуры городищ со штрихованной керамикой, является предположение о происхождении этой культуры непосредственно от неолитического населения, обитавшего здесь до расселения племен шнуровой керамики. Не исключено, что истоки белорусско-литовской культуры городищ со штрихованной керамикой находятся в древностях II тысячелетия до н. э., характеризующихся слабо штрихованной толстостенной керамикой. Но вместе с тем нельзя отрицать и роль культуры шнуровой керамики в этногенезе носителей городищенской культуры штрихованной керамики. П. Н. Третьяков полагает, что племена шнуровой керамики не проникли в те области Восточной Европы, где к середине I тысячелетия до н. э. сложилась культура городищ со штрихованной керамикой. «Между Прибалтикой и Поднепровьем,— пишет П. Н. Третьяков,— оставались обширные пространства, куда племена шнуровой керамики не проникли — во всяком случае в таком числе, чтобы заметно повлиять на состав населения. В этих местностях почти не известны следы поселений и могильников среднеднепровской культуры» (стр. 162). Среднеднепровская культура, видимо, действительно не распространяется на территорию Минщины и Виленщины. Однако следы расселения племен шнуровой керамики ощутимы на всей этой территории. Здесь, правда, пока не раскопано ни одного памятника, который можно было бы связать с пришлыми племенами. Но это обусловлено исключительно слабой изученностью древностей бронзового века белорусской территории. Находки боевых каменных топоров на белорусской территории культуры городищ со штрихованной керамикой повсеместны. Они есть почти в каждой коллекции местных краеведов. Пока нельзя сказать, как плотно расселились племена шнуровой керамики в этих местностях, но можно утверждать, что полное отрицание участия этих племен в этногенезе носителей городищенской культуры штрихованной керамики преждевременно.

Все материалы свидетельствуют в пользу балтской принадлежности культуры городищ со штрихованной керамикой. Таковыми являются:

1. Наземные столбовые постройки, столь характерные для этих городищ, совершенно однотипны с жилищами других восточнобалтских культур эпохи раннего железа. Эволюция построек здесь та же, что и на поселениях днепро-двинской, юхновской и верхнеокской культур.

2. Острореберные горшкообразные сосуды, характерные для основной части белорусско-литовских городищ, имеют аналогии среди керамики древних пруссов.

3. На городищах штрихованной керамики повсеместно встречаются «грузики дьякова типа» (Неменчине, Аперишкес, Рудамины, Аукштадварис, Ворсней, Багутишкай, Островляне, Вязынка, Лабенщина, Свидно, Ухлястье, Холопеничи, Кострица, Дворище). А это, что признает и П. Н. Третьяков,— типично балтская находка.

4. Обычной находкой на этих городищах являются также металлические посоховидные булавки (Великушкес, Малышки, Возгеляй, Мошкенай, Петрашюнай, Банцеровщина, Кострица, Лабенщина). Эти находки также принадлежат к специфически балтским.

5. Присутствие по всему ареалу белорусско-литовской культуры штрихованной керамики значительного гидронимического напластования балтского происхождения при отсутствии каких-либо ощутимых следов добалтской гидронимики.

В этой связи нужно полагать, что племена культуры городищ со штрихованной керамикой были балтами. Местное неолитическое население, с древностями которого культура городищ со штрихованной керамикой обнаруживает какие-то связи, было субстратным элементом при формировании белорусско-литовской культуры эпохи раннего железа. Городища культуры штрихованной керамики не обнаруживают ни малейших следов ассимиляционных процессов. Очевидно, такой процесс происходил в более раннее время.

Для подкрепления своих положений П. Н. Третьяков ссылается на работу Ф. Д. Гуревич «Древности белорусского Понеманья», в которой обращается внимание на разрыв в эволюции балтских древностей на территории восточной Литвы в середине I тысячелетия. Однако это обстоятельство не может быть истолковано в том смысле, что на территории восточной Литвы до середины I тысячелетия жили небалтские племена. Это — результат инфильтрации одного балтского племени на территорию расселения других, но тоже балтских племен, о чем мне уже приходилось писать [34].

Отдельная племенная группа древних балтов представлена памятниками днепро-двинской культуры. П. Н. Третьяков называет эти древности «культурой смоленских городищ» или «смоленской культурой», отмечая, что эта культура местами выходила «и на Западную Двину в ее среднем течении» (стр. 171). В настоящее время такие городища в полоцко-витебской части западнодвинского бассейна известны не менее, чем в 40 пунктах, т. е. здесь их не меньше, чем на Смоленщине. В конце 40—50-х го-

[34] В. В. Седов. Рец.: Ф. Д. Гуревич. Древности Белорусского Понеманья. СА, 1966, 1, стр. 306—308.

дов в XX в. некоторые из них были обследованы А. Г. Митрофановым. Его материалы остались неопубликованными. Они идентичны смоленским городищам. В последние годы белорусские археологи произвели раскопочные работы на ряде таких городищ. Уже сейчас можно утверждать, что ареал однородной культуры охватывает не только Смоленщину, но и полоцко-витебскую часть бассейна Западной Двины. Эти древности А. Г. Митрофанов назвал днепро-двинской культурой, что представляется более удачным, чем те названия, которыми пользуется П. Н. Третьяков.

На северо-западе территория днепро-двинской культуры включает и район себежских озер. Массовый керамический материал себежских городищ, без сомнения, принадлежит к той же культуре, что и городища Смоленщины. П. Н. Третьяков напрасно считает, что себежские городища относятся только к началу нашей эры. Уже исследования Ф. Д. Гуревич на городище Жуки показали, что этот памятник относится ко времени от середины I тысячелетия до н. э. до первых веков нашей эры [35]. Ко второй половине I тысячелетия до н. э., судя по керамическому материалу, должно быть отнесено и городище Себеж II. Язбовское городище С. А. Тараканова датировала последними веками до н. э.[36]. По своему происхождению себежские городища никак не могут быть связаны с юхновской культурой. П. Н. Третьяков ошибается, утверждая, что «себежская керамика стоит ближе к юхновской, чем к посуде смоленских городищ» (стр. 234). На этом основании он высказывает предположение о переселении в район себежских озер части юхновского населения, отступающего перед зарубинецкими племенами. Однако повторяю, что керамика себежских городищ в целом идентична посуде соседних западнодвинских и смоленских городищ. Фрагменты керамики с ямочными вдавлениями действительно напоминают юхновскую орнаментацию, но они составляют ничтожный процент среди коллекции себежской керамики и представлены не на всех городищах этого края. Аналогичная орнаментация изредка встречается и на ранних городищах Смоленщины [37].

* * *

Все вопросы, затронутые в настоящей рецензии, принадлежат к числу дискуссионных и ни в коей мере не умаляют большой научной значимости книги П. Н. Третьякова. Рецензент, сосредоточив внимание исключительно на спорных темах, исходит только из соображения, что развернутая дискуссия в какой-то мере будет полезна для разрешения восточноевропейской этногенетической проблематики.

В. В. Седов

---

[35] Ф. Д. Гуревич. Археологические памятники Великолукской области. КСИИМК, 62, 1956, стр. 97, 99.

[36] С. А. Тараканова. Себежские городища и курганы. ВЭИНП. М., 1959, стр. 117.

[37] П. Н. Третьяков, Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.— Л., 1963, стр. 51 и 154.

Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965, 111 стр., 26 рис.

Советским археологам хорошо знакомо имя Т. М. Минаевой, которой в 1966 г. исполнилось 70 лет, неутомимо и плодотворно работающей в области археологии Поволжья и Северного Кавказа. С 30-х годов основным полем ее деятельности стало Ставрополье и особенно его южный район — Карачаево-Черкесия — средоточие интереснейших археологических памятников. Т. М. Минаевой на территории Ставропольского края обнаружены и исследованы десятки памятников различных эпох, начиная от мезолита и до позднего средневековья. Большинство их ею опубликовано.

Прекрасное знание материала и опыт позволили Т. М. Минаевой написать рецензируемые нами «Очерки по археологии Ставрополья», носящие научно-популярный характер и рассчитанные на широкий круг читателей. Автор ставит перед собой задачу «ознакомить читателей с некоторыми, наиболее важными археологическими памятниками Ставрополья и тем самым пробудить интерес к далекому прошлому своего края». Нужно признать, что поставленная задача решена успешно и читатели получили книгу, в которой научность содержания хорошо сочетается с простотой и доступностью изложения.

Книга Т. М. Минаевой не является первым опытом популяризации археологических памятников Ставропольского края. В 1960 г. вышла работа Е. П. Алексеевой «О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии». Однако работа Е. П. Алексеевой значительно уже по описываемой территории, и она написана в основном в плане этнической истории современных народов Карачаево-Черкесии. В книге Т. М. Минаевой эти вопросы не отражены (что оговорено автором), а внимание читателя привлечено прежде всего к характеристике исторических эпох и связанных с ними археологических культур. Поэтому при наличии ряда общих моментов книги Е. П. Алексеевой и Т. М. Минаевой далеко не идентичны по содержанию и отражают индивидуальные особенности научных интересов и стиля своих авторов, а потому хорошо дополняют друг друга.

Рецензируемая работа открывается «Введением», в котором не искушенный в археологии читатель чувствует романтику поисков и открытий, делающую столь привлекательной нашу науку для молодых. Т. М. Минаева несколькими штрихами исподволь показывает читателю и трудности нелегкой полевой работы археолога-разведчика.

В первой главе автор кратко характеризует эпохи палеолита, мезолита и неолита, слабо изученные в Ставрополье. Это вынуждает обращаться к памятникам соседних территорий и набрасывать самую общую, эскизную картину. Единственное, что здесь вызывает возражения — термин «стадо», присвоенный уже давно некоторыми археологами древнейшему человеческому коллективу эпохи раннего палеолита. Думается что он по меньшей мере неточен. При крайней ограниченности материала здесь следовало хотя бы упомянуть неолитическую стоянку, открытую несколько лет назад кисловодскими краеведами у «Замка коварства и любви» и шурфовавшуюся А. Д. Столяром [1].

Следующая глава посвящена медно-бронзовому веку. Здесь читатель найдет достаточно полную характеристику эпохи, начатую с развития на Кавказе собственной металлургии меди и описания знаменитого Майкопского кургана. Однако в «историческом фоне» этой главы не хватает такой важной для II тысячелетия до н. э. детали, как факт соприкосновения и взаимоотношений племен катакомбной культуры с северокавказскими племенами.

Интересно написана глава о раннем железном веке. Ее значительно оживляют отрывки из письменных источников о скифах. Здесь же есть и очень сжатый очерк о сарматских древностях, краткость которого, безусловно, была продиктована состоянием источников. Поэтому автора трудно упрекнуть в схематизме. Но схематизм был бы ослаблен и очерк мог выиграть, если бы Т. М. Минаева к рассказу о сарматах привлекла письменные источники (Страбон, Тацит и т. д.), тем более, что археологических материалов мало. Как были бы кстати яркие эпизоды из борьбы сарматов и аорсов, недавно изложенные В. Б. Виноградовым [2] и вряд ли не коснувшиеся территории Ставрополья.

Вызывает сожаление и то, что Т. М. Минаева только упомянула о киммерийцах, ничего не сказав читателю о них. Ведь отдельные предметы киммерийской культуры обнаружены на территории Ставропольского края [3]. Заметим также, что в рассматриваемую эпоху некоторые районы Ставропольского края (в частности Пятигорье и Кисловодский район) входили в ареал кобанской культуры. Здесь известны памятники этой культуры, осложненной включением скифских элементов (могильники Быковский, Березовский, Минераловодский и др.) [4]. Кроме того, степи Ставрополья, по-видимому, были экономически тесно связаны с горными районами Кавказа, где процветала кобанская культура — эти степи и равнины, по-видимому, были базой отгонного скотоводства для «кобанцев».

Обстоятельно написаны главы о средневековье. Автор опирается на материал собственных полевых работ. Читатель найдет характеристику хозяйства алан, их жилищ, могильников, материальной культуры, идеологии, культурных связей, изложенных на основе археологических открытий, подкрепленных письменными источниками. Некоторые данные приводятся Т. М. Минаевой впервые и представляют интерес для специалистов. Прежде всего имеем в виду чрезвычайно любопытное языческое капище X—XI вв., исследованное Т. М. Минаевой на городище Гиляч. Автор отмечает, что такое святилище обнаружено впервые. Но оно не единственное. Очень похожее каменное двухкамерное святилище этого времени раскопано нами на вершине горы Церковной в пределах Нижне-Архызского городища в 1961 г. Внутри его было найдено 25 целых или фрагментированных железных крестов [5]. Большой интерес представляет примитивная «тюрьма» на городище Адиюх, вырубленная в каменистом материке и, судя по описанию, бывшая настоящим подземным казематом. Интерпретация этого сооружения очень важна для реконструкции социально-экономических отношений.

Нужно согласиться с Т. М. Минаевой в том, что с VIII—IX вв. у алан Прикубанья начинается период раннего феодализма. По нашему мнению, аналогичный процесс происходит не только в Прикубанье, но и у алан, живших на территории Центрального Предкавказья. Этот процесс феодализации Т. М. Минаева убедительно иллюстрирует на материалах городища Адиюх.

Главы Т. М. Минаевой об аланском периоде были бы еще более интересными и яркими, если бы автор уделил больше внимания аланскому центру на р. Большой Зеленчук — Нижне-Архызскому городищу X—XII вв., крупному Хумаринскому городищу, впервые давшему руничесские надписи, и дольменообразным склепам, характерным

---

[1] Газ. «Кавказская здравница», 21 октября 1964 г.

[2] В. Б. Виноградов. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963, стр. 148, сл.; его же. Сиракский союз племен на Северном Кавказе. СА, 1965, 1, стр. 118, сл.

[3] Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68, 1958, стр. 176, сл.

[4] Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 184.

[5] В. А. Кузнецов. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960—1961 гг.). КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 91.

для данного района (особенно склепу с р. Кривой, покрытому богатыми сюжетными сценами и хранящемуся сейчас в Ставропольском музее). Это памятники, значение которых выходит за пределы Верхнего Прикубанья [6].

Трудно согласиться с утверждением автора о том, что с X в. христианство стало «общенародной» религией алан. В действительности такого положения не было и не могло быть: христианство в Алании, как и всюду, первоначально было принято лишь господствующим классом; широкие же массы населения новую религию принимали неохотно и противились ей. О том, что христианство не было распространенной здесь религией, говорит хотя бы языческое капище X—XI вв. на городище Гиляч (где, кстати сказать, была и церковь), что свидетельствует о религиозном синкретизме, о существовании у алан христианства с дохристианскими культами и их переплетении, о существовании алан-христиан и алан-язычников.

Обратим внимание на еще один спорный вопрос, связанный с христианством. Т. М. Минаева объясняет исчезновение обычая искусственной деформации головы распространением у алан этой религии. Этот обычай исчез у алан в VI—VII в.; тогда о сколько-нибудь широком внедрении христианства в аланскую среду не может быть речи. Попытки христианизации алан в это время могли иметь место, но они явно не увенчались успехом. Об этом достаточно хорошо говорят памятники VI—VII вв.; мы, например, до сих пор не знаем ни одного памятника церковной архитектуры этого времени. Между тем обычай деформации исчез повсеместно, и не только на Северном Кавказе, но и на гораздо более обширной территории (вплоть до Западной Европы) [7]. Вряд ли все это следует связывать с христианством, хотя истинные причины прекращения деформации головы пока не известны.

Т. М. Минаева приводит факты, указывающие на связи кавказских алан со славянами. Хочется добавить, что связи скорее всего осуществлялись через посредничество придонских алан, живших бок о бок со славянами. Славяно-аланские взаимосвязи недавно прослежены С. А. Плетневой на материалах салтово-маяцкой культуры [8], тесно связанной с аланской культурой Северного Кавказа. Было бы интересно привести находки древнерусских энколпионов на Северном Кавказе, которые встретились и на территории Ставрополья (Карачаевск, Нижний Архыз, Адиюх, Маджары).

Следующая глава посвящена славянам на Кавказе. Это очень скромный по размерам исторический очерк, один из наиболее ярких в книге. Тем более вызывает досаду ошибка, допущенная в самом конце (стр. 74). Надпись славянскими буквами XI в. сделана на кресте у села Преградного не на р. Уруп, а на реке Большой Егорлык [9].

Большой научный интерес представляет следующая глава «Половцы на Ставрополье». Ученые, занимавшиеся ранее этой тематикой, обычно не касались вопроса о половцах на Северном Кавказе [10]. В лучшем случае степные районы Кавказа включались в пределы Дешт-и-Кипчак. Заслугой Т. М. Минаевой в том, что она тщательно собрала и проработала весь имеющийся по этому вопросу материал, и его оказалось немало. Автор справедливо указывает, что «половцы, продвигаясь в южнорусские степи, не могли обойти Северный Кавказ. В конце XI—XIII вв. здесь образовался один из центров половецких кочевий». Изложенные в рецензируемой книге факты подтверждают это положение — одни только «каменные бабы» зарегистрированы более чем в 50 пунктах Ставропольского края. Но были ли равнины Северного Кавказа периферией половецкого мира, как пишет Т. М. Минаева? Чисто географически это, конечно, так. Но это не значит, что понятие «периферии» мы можем распространить и на культурно-историческое развитие этой территории при половцах. Нам представляется, что равнины Северного Кавказа в жизни половцев играли значительную и недостаточно оцененную роль. Не об этом ли говорит то, что именно с Северного Кавказа грузинский царь Давид Строитель вывел 40 тысяч половецких воинов, что на Северном Кавказе находился половецкий город Свиндж [11], что половецкая этнонимика закрепилась в местных топонимических наименованиях, восходя к основе «куманы» (реки Кубань, Кума [12])? Не случайно и то, что на Северном Кавказе до наших дней сохранился язык половецкого происхождения и живые носители этого языка — карачаевцы и балкарцы. Все это говорит о том, что тюркоязычное половецкое население на Северном Кавказе было очень многочисленным и сильным.

---

[6] В. А. Кузнецов. Ук. соч.; его же. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 году. КСИА АН СССР, 98, 1964; его же. Надписи Хумаринского городища. СА. 1963, 1; его же. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья. КСИА АН СССР, 85, 1961.

[7] I. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 16.

[8] С. А. Плетнева. О связях алано-болгарских племен Подонья со славянами в VIII—IX вв. СА, 1962, 1, стр. 83, сл.

[9] Е. Г. Пчелина. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе. Археографический ежегодник АН СССР за 1959 г., М., 1960, стр. 300—302.

[10] П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.

[11] М. Джанашвили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, XXXII, Тифлис, 1897, стр. 36, 39.

О том же свидетельствуют и интересные соображения, высказанные в рецензируемой работе о наступлении половцев на аланское население и отливе последнего с XI—XII вв. в глубь предгорий и гор. Эти выводы Т. М. Минаевой заслуживают серьезного внимания. Можно только усомниться в том, что продвижение половцев и освоение ими аланских (в Прикубанье адыгских) земель шло в основном мирным путем. Слишком хорошо известны в истории многочисленные примеры аналогичного «продвижения» половцев на земли южных русских княжеств, сопровождаемые почти непрерывной ожесточенной борьбой. Вряд ли на Северном Кавказе было иначе, особенно в начальный период. Аланы, представлявшие в XI—XII вв. крупную военную силу, могли быть потеснены только еще более крупными и превосходящими силами половцев.

Все сказанное указывает на то, что степи Северного Кавказа не были культурно-исторической периферией половецкого мира, но, напротив, были одним из его центров с активно протекавшим здесь историческим процессом.

Несколько неточна формулировка Т. М. Минаевой относительно продвижения адыгских племен кабардинцев и черкесов в XIII—XIV вв. на опустевшие места половецких кочевий. В это время адыги заняли только зону предгорий Кавказа, протянувшуюся узкой полосой от Краснодара почти до Грозного [13]. Об этом говорит карта распространения кабардинских курганных могильников (самые «степные» кабардинские могильники находятся в районе ст. Солдатской и г. Прохладного). Конечно, половцы эпизодически бывали и в зоне предгорий, о чем свидетельствуют некоторые археологические памятники, но все же основные районы их кочевий лежат к северу от территории, занятой адыгами. Правильнее было бы сказать, что после татаро-монгольского нашествия во второй половине XIII в. кабардино-черкесские племена сумели быстро продвинуться далеко на восток и захватить плодородную зону предгорий, ранее населенную аланами.

Последняя глава книги Т. М. Минаевой посвящена Золотой Орде. Изложив вкратце историю Золотой Орды и ее падения, автор основное внимание сосредотачивает на описании одного из крупных золотоордынских городов — Маджара, расположенного в Прикумском районе Ставропольского края. Город Маджар до сих пор археологически почти не изучен и находится на грани уничтожения современным городом Прикумском. Уже поэтому очерк Т. М. Минаевой о Маджаре ценен как сводка существующего археологического материала (хотя эта сводка, конечно, не может претендовать на полноту при подобном характере издания) [14]. Но очерк о Маджаре — не только сводка археологического материала, он насыщен сведениями о ремесле, торговле, религии обитателей города. В достаточной степени использованы и письменные источники. Давая этому очерку высокую оценку, нужно отметить, что русский князь Михаил Тверской был убит по повелению хана не около Пятигорска, как об этом пишет автор, а в более восточных районах Осетии или Чечено-Ингушетии, неподалеку от ясского города Дедякова [15]. В районе же Пятигорска находился упоминаемый в русских летописях город Бездеж [16], куда из Маджар было доставлено тело Михаила Тверского.

Главу завершают небольшие очерки о поселениях и могильниках эпохи Золотой Орды на Ставрополье. Здесь автор сообщает об интересной и еще неопубликованной находке арабской надписи XIV в., сделанной в районе станицы Усть-Джегутинской. Т. М. Минаева пишет: «Усть-Джегутинская находка является наиболее древним свидетельством проникновения мусульманского обряда погребения в предгорья Кубани». Это неточно, ибо на Нижне-Архызском городище найдены надгробия с куфическими надписями XI—XII вв. [17].

Однако не ряд приведенных выше недостатков определяет значение рецензируемой работы. Популярная книга Т. М. Минаевой несомненно принадлежит к числу удачных произведений этого рода и будет с интересом встречена не только широкой аудиторией читателей, но и специалистами-археологами.

В. А. Кузнецов

---

[12] А. Пономарев. Куман-половцы. ВДИ, 1940, 3—4, стр. 369.

[13] О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, XX, 1954, стр. 344, рис. 1 (карта).

[14] См. также статью Т. М. Минаевой «Золотоордынский город Маджар». Материалы по изучению Ставропольского края. 5, Ставрополь, 1953, стр. 131—157.

[15] Е. Г. Пчелина. О местонахождении ясского города Дедякова по русским летописям и исторической литературе. МИА, 114, 1963, стр. 152—160; В. А. Кучкин. Где искать ясский город Тютяков? Известия СОНИИ, т. XXV, Орджоникидзе, 1966, стр. 169—183.

[16] П. Н. Милюков. Где был город Бездеж. «Древности», XIII, 1, М., 1889, стр. 124—128.

[17] Л. И. Лавров. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе. СМАЭ, XXI, 1963, стр. 267—270.

ПАМЯТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА МЕЩАНИНОВА

Советская наука понесла тяжелую утрату — 16 января 1967 года в Ленинграде скончался академик Иван Иванович Мещанинов, Герой Социалистического Труда, выдающийся специалист в области общего языкознания и кавказских языков. Исследования Ивана Ивановича — ученого с очень широким научным кругозором, получили известность не только в отечественной, но и в мировой науке. Свыше 250 печатных трудов отражают многогранность научных интересов И. И. Мещанинова-языковеда, археолога, этнографа.

И. И. Мещанинов родился в 1883 году в г. Уфе. После окончания классической гимназии с 1902 по 1906 г. он студент юридического факультета Петербургского университета. В университете он специализируется по русскому праву у профессоров Петражицкого и В. И. Сергеевича.

В 1905—1906 гг. два семестра И. И. Мещанинов проводит в Гейдельбергском университете, работая у профессоров Иеллинбека и Виндельбанда. Еще студентом Иван Иванович начал посещать Петербургский археологический институт, слушая лекции на археографическом и археологическом отделениях (1906—1910 гг.) у Н. И. Веселовского, Б. В. Фармаковского, С. А. Жебелева и других. С 1909 года он заведует историческим архивом Петербургского археологического института, позднее избирается почетным членом (1912 г.) и членом правления (1913 г.) этого института.

К этим годам относится начало научной и общественной деятельности Ивана Ивановича, появление его первых историко-археографических печатных работ [1].

К тому же периоду относится и первое знакомство Ивана Ивановича с коллекцией, состоявшей из 55 глиняных сосудов и 10 черепиц с клинописными надписями и хранившейся в Петербургском археологическом институте. Она была получена институтом в подарок от французских археологов Де-Моргана и Тосканна из их раскопок 1912 г. в долине реки Кара-Су, в области древнего Элама [2]. Изучив и научно описав эту ценнейшую коллекцию, И. И. Мещанинов публикует ее с общим очерком по истории древнего Элама [3].

В 1917 г. Б. В. Фармаковский приглашает Ивана Ивановича ученым секретарем в Археологическую комиссию. Здесь он встречается с крупнейшим кавказоведом академиком Н. Я. Марром и слушает его курс лекций по грузинскому языку, одновременно изучая у него халдскую (урартскую) клинопись. С 1921 года Иван Иванович начинает регулярно печатать исследования о халдских надписях, и халдоведение до последних дней жизни становится его основной специальностью [4]. После прочтения

---

[1] И. И. Мещанинов (совместно с Н. В. Граве). Опись документам, хранящимся в зале первого общего собрания правительствующего Сената в ковчегах. СПб., 1909; его же. Древние царские грамоты из собрания С.-Петербургского археологического института. «Юбилейный сборник», СПб., 1913; его же. Родословная келейная книга Филарета Никитича. «Юбилейный сборник».

[2] Ныне эта коллекция хранится в Гос. Эрмитаже.

[3] И. И. Мещанинов. Эламские древности. Вестник Археологии и Истории, издаваемый Петроградским археологическим институтом, XXII, Птрг., 1917.

[4] И. И. Мещанинов. По поводу Макинской надписи Русы, сына Аргиштия. ЗВО, XXV, 1921; его же. Шураа и Урурдан в клинописных памятниках Ванского бассейна. ДАН,— В, 1924, январь — март; его же. Географические названия верховьев Аракса по халдским надписям. ИГАИМК, IV, 1925 и др.

на восточном факультете Азербайджанского гос. университета в Баку курса лекций по халдскому языку, И. И. Мещанинов издает обобщающую работу [5], включающую историю древнего Вана, древнейшие сведения о Закавказье, а также систему письма и чтение клинописных текстов халдов-урарту, работу которую защищает затем в качестве докторской диссертации. В дальнейшем Иван Иванович продолжает углублять свои изыскания в области халдского языка и наряду с большим числом статей о клинописных надписях халдов-урарту, публикует свой двухтомный труд о языке Ванской клинописи, где анализирует язык Ванских клинообразных надписей и характеризует структуру его речи [6].

С первых лет Великой Октябрьской революции И. И. Мещанинов работает ученым секретарем президиума Петроградского археологического института, а с 1923 года, с момента присоединения института к Петроградскому университету — заместителем председателя археологического отделения факультета общественных наук этого университета. С момента организации (1918 г.) ГАИМК Иван Иванович — ученый секретарь и ассистент Академии, а также научный сотрудник Яфетического института, позднее Института языка и мышления Академии наук СССР. С 20-х годов начинается и его педагогическая работа в Археологическом институте, а затем и в Петроградском университете, на факультете общественных наук и факультете языкознания и материальной культуры, где он читает курс лекций об эламских древностях и по халдскому языку. С 1925 г. он начал свою полевую археологическую работу вместе с Б. В. Фармаковским в Ольвии, вначале в качестве его заместителя, а позднее ряд лет руководил Ольвийской экспедицией [7]. Помимо научных отчетов о раскопках в Ольвии он опубликовал интересный очерк о кромлехах из Северного Причерноморья и Закавказья, широко освещая проблему земледельческого культа солнца у народов, хронологически близких классическому миру [8]. Наряду с полевой и педагогической деятельностью Иван Иванович осуществлял руководящую работу, как почетный член Общества обследования и изучения Азербайджана, где он и в дальнейшем долгие годы продолжал оказывать большую помощь в подготовке молодых кадров и принимал активное участие в научной жизни республики.

Параллельно с углубленными изысканиями в области клинописного языка халдов-урарту, И. И. Мещанинов в широких масштабах вел полевые работы по исследованию древнего Азербайджана. В связи с этим он начал подготовку к изучению урартских и современных урартам памятников местных культур Азербайджана [9]. В процессе этой работы И. И. Мещанинов совместно с В. В. Струве и В. К. Шилейко прочел трехстрочную ассирийскую надпись на бусине с именем Ададнирари, найденную Э. Рёслером в кургане № 11 у с. Ходжалы, отметив при этом, что находка «открывает широкие перспективы в сторону выяснения характера самой культуры Закавказья и выяснения взаимоотношений ее с древнейшими центрами Двуречья и Месопотамии» [10].

Под руководством И. И. Мещанинова в 1926 г. начинает работать первая археологическая экспедиция, организованная обществом обследования и изучения Азербайджана, которая в первую очередь начинает раскопки на Ходжалинском курганном поле, близ г. Степанакерта. Здесь был вскрыт большой каменный курган, по типу аналогичный кургану № 11. В результате раскопок была дана характеристика последовательного развития культур эпохи бронзы древнего Азербайджана.

В этом же году производились раскопки могильника у монастыря Кызыл-Ванк в Нахичеванской АССР. На сильно разрушенном могильном поле был вскрыт ряд древних погребений с интересным инвентарем, заметно обогатившим представления о культуре крашеной керамики древнего Азербайджана [11].

В 1927 году И. И. Мещанинов руководил работами двух археологических экспедиций, организованных Обществом обследования и изучения Азербайджана — одной в Мильской степи, другой — в Дастафюрском районе, в нагорье Малого Кавказа.

В Мильской степи в этот первый сезон работ, была открыта малоизвестная тогда для Азербайджана культура «кувшинных погребений». В Дастафюрском районе впервые была поставлена задача изучения в Азербайджане «циклопических кре-

---

[5] И. И. Мещанинов. Халдоведение. Изв. ООИА, 10, Баку, 1927.

[6] И. И. Мещанинов. Язык Ванских клинообразных надписей на основе яфетического языкознания. Тр. ИЯМ, I, 1932; его же. Язык Ванской клинописи (Die Van Sprache), II, Л., 1935.

[7] И. И. Мещанинов. Отчет о работах Ольвийской экспедиции. СГАИМК, 2, 1931.

[8] И. И. Мещанинов. Кромлехи. Яфетидологический экскурс в область классического мира. ИГАИМК, VI, 3, Л., 1930.

[9] И. И. Мещанинов. Доисторический Азербайджан и урартская культура. Изв. ООИА, I, 1926, Баку.

[10] И. И. Мещанинов. Ассирийская вотивная бусина из Азербайджана. Изв. ООИА, II, Баку, 1926; его же. Votivperle mit assyrischer Königs-Inschrift aus Transkaukasien. Archiv für orientforschung. VII, 5/6, Berlin, 1932.

[11] И. И. Мещанинов. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край, снаряженной в 1926 г. Обществом изучения Азербайджана. СГАИМК, 1, 1926.

постей». К археологическим исследованиям в Мильской степи И. И. Мещанинов возвратился вновь в 1933 году, после организации в Баку Азербайджанского отделения закавказского филиала Академии наук СССР. В этот раз он руководил комплексной экспедицией с участием многих местных научных работников — археологов, этнографов, фольклористов. Стационарные раскопки велись на холме Орен-Кала. Задача экспедиции — выяснить историческое значение этого городища и его отношение к существовавшей древней ирригационной системе, известной под названием Гяур-Арха. Изучение письменных источников и обследования холма Орен-Кала установили длительность существования городища (с V в. по XIV в.) и позволили высказать гипотезу, что здесь находился крупнейший центр средневековья — г. Байлакан.

Экспедиция посетила также городище Уч-тепе, связанное с древней ирригационной системой. Общие выводы и перспективы будущих работ были изложены Иваном Ивановичем в научном отчете [12].

Все последующие полевые сезоны И. И. Мещанинов возглавляет археологические экспедиции в Азербайджане, причем особое внимание уделялось обследованию и определению функционального назначения циклопических сооружений — в 1928 году на Эйнал-Тахтинском перевале Айрумских гор Азербайджана, в 1929 году у Кедабека и Калакента.

Затем изучение циклопических сооружений началось в Армении. В 1930 г. при участии А. Аджана, Л. Гюзельяна и Б. Б. Пиотровского были проведены разведки западных и южных склонов Алагёза, а в 1931 г. Иван Иванович совершил вновь поездку в Армению в Нор-Баязет, где была открыта нор-баязетская клинописная надпись. В этот же полевой сезон несколькими маршрутами обследуются районы Зийва-Сар-Дарабад, Эйлара — Арзни — Оганаванка — Аштарака, Хаджи-Байрама. В результате этих поездок и всестороннего изучения циклопических сооружений Иван Иванович, широко используя письменные источники и свои новые археологические наблюдения, суммирует данные по истории Урарту [13].

Полевая археологическая работа И. И. Мещанинова продолжалась на Кавказе и в дальнейшие годы. В 1934 году он руководил работами Абхазской археологической экспедиции. Результаты этой интересной экспедиции были позднее изданы [14]. В 1939 г. Иван Иванович продолжал полевые изыскания в Азербайджане по обследованию древних памятников в предгориях Малого Кавказа, в районе Ходжалы — Кировабад.

К периоду от 30-х годов и до начала Великой Отечественной войны относится серия статей И. И. Мещанинова по археологии и истории Закавказья, истории Урарту, археологии и древней истории Передней Азии. В них он обобщил новые данные, полученные в результате его изысканий по халдоведению и разнообразный материал из археологических экспедиций.

Много работ этого периода широко отражают разнообразие научных интересов И. И. Мещанинова, намечают новые методические пути в изучении материальной культуры, указывают на разносторонность в подходе к памятникам древности, как к историческому источнику. В 1930—1931 гг. избранный в действительные члены Гос. Эрмитажа И. И. Мещанинов начал заведовать сектором доклассового общества, организуя в Эрмитаже первые экспозиции памятников первобытного общества.

По основной своей востоковедческой специальности Иван Иванович публикует в эти годы большую серию халдских надписей [15], основные сводки по истории изучения халдских материалов и результаты общих изысканий по халдоведению [16].

В работах этого периода много внимания уделено проблемам истории Закавказья [17], а также специальным исследованиям по общеметодологическим вопросам —

---

[12] И. И. Мещанинов. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 г. Тр. Азерб. АН СССР, XXV, сер. истор., Баку, 1936.

[13] И. И. Мещанинов. Циклопические сооружения Закавказья. ИГАИМК, XIII, 4—7, Л., 1932.

[14] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949.

[15] И. И. Мещанинов. Халдская надпись из Нор-Баязета. ДАН. Вып. 8, 1928; его же. Надпись на конском погребении халдского царя Менуи. ДАН. Вып. 2, 1929; его же. Новая халдская надпись из Вана. Сурб-погос. ДАН. Вып. 8, 1930; его же. Надпись Менуи из Зивина. ДАН. Вып. 5, 1931; его же. Новая халдская надпись из сел. Талиш. ИАН, 4, 1932; его же. Новая халдская надпись из сел. Джанфида. ИАН, 9, 1932.

[16] И. И. Мещанинов. Язык Ванских клинообразных надписей (I); его же. Язык Ванской клинописи (II). Структура речи. Л., 1935.

[17] И. И. Мещанинов. Доисторический Азербайджан и урартская культура. Изв. ООИА. I, 1926; его же. Орнамент сузских чаш первого стиля. ИГАИМК, V, 1927; его же. Ирригация в халдском периоде Закавказья. СГАИМК, 6, 1931; его же. Змея и собака на вещевых памятниках архаического Кавказа. ЗКВ, I, 1925; его же. Каменные статуи рыб-вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. ЗКВ, I, 1925.

теории миграции, увязке языкознания и истории материальной культуры [18]. Появляются статьи и по вопросам методического характера [19].

Проблема общего языкознания также в это время находит отражение в исследованиях ученого, где он ставит общие вопросы о развитии языка и письма, происхождении речи, увязки языка с историей материальной культуры [20]. И. И. Мещанинов вскоре занял вполне самостоятельные позиции в решении проблемы общего языкознания, получившие свое последовательное выражение в его книгах «Новое учение о языке» и «Общее языкознание» [21].

И. И. Мещанинов длительное время разделял так называемое «новое учение о языке» Н. Я. Марра и развивал это учение. Но при этом И. И. Мещанинов центр тяжести перенес с «палеонтологического метода» (четырехэлементный анализ) на проблему стадиального развития и отказался от того, что у Марра противоречило достижениям языкознания.

В 1932 г. И. И. Мещанинов был избран действительным членом Академии наук СССР, в 1933 г.— директором Института антропологии и этнографии АН СССР; руководителем Общественного отделения Азербайджанского филиала АН СССР; с 1935 г. он директор Института языка и мышления АН СССР, с 1936 по 1950 гг. являлся академиком-секретарем Отделения литературы и языка и членом президиума АН СССР.

Параллельно с большой научной и научно-административной деятельностью в эти годы не прекращалась и большая педагогическая работа Ивана Ивановича в Ленинграде в ЛИФЛИ в качестве декана лингвистического факультета и профессора, читающего курс лекций по проблемам общего языкознания. В области подготовки языковедческих кадров в Ленинградском восточном институте, в ГАИМК, в Академии наук СССР, и в особенности национальных научных работников, Иван Иванович отдал много сил и труда. Как академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР и директор Института языка и мышления АН СССР, И. И. Мещанинов возглавил большую практическую работу, оказывая помощь языковедческому строительству в национальных республиках, готовя кадры молодых научных работников по различным языкам. Он всегда уделял большое внимание воспитанию молодого поколения и принимал участие в направлении научной работы не только в Азербайджане, но и в Казахской ССР и в Дагестане. По его инициативе был создан сектор языков народов Севера в Институте языка и мышления АН СССР и кафедра палеоазиатских языков в Ленинградском университете.

Свою научную и педагогическую работу Иван Иванович сочетал с общественной деятельностью. Несколько лет он избирался депутатом и членом Президиума Верховного Совета РСФСР.

Выдающиеся научные заслуги и многолетняя научная деятельность И. И. Мещанинова были отмечены орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Дважды его исследования были удостоены Государственной премии первой степени.

В 1945 году ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

В годы после Великой Отечественной войны И. И. Мещанинов продолжает свои изыскания в области древних языков Передней Азии. Особое место среди них занимает халдский (урартский) язык [22].

Много лет отдал И. И. Мещанинов изучению общего языкознания. В связи с этим он постоянно использовал в своих трудах материалы языков Кавказа, бесписьменных языков Севера, угро-финских, тюркских и многих других, создал оригинальную схему стадиальной классификации синтаксических структур в языках и разработал теорию членов предложений и частей речи [23].

---

[18] И. И. Мещанинов. О доисторическом переселении народов (в связи с работой G. Wilke). ВКА, 29 (5), 1928; его же. Палеоэтнология и homo sapiens. ИГАИМК, 1930, VI, VII.

[19] И. И. Мещанинов. О пользовании этнографическим материалом при археологических работах. Изв. ООИА, V, 1928, Баку; его же. Пиры Азербайджана. ИГАИМК, IX, 4, 1931; его же. Недостатки современных методов раскопок. СГАИМК, 4/5, 1931; его же. К вопросу о датировке археологических памятников. СГАИМК, 5/6, 1932.

[20] И. И. Мещанинов. К вопросу о терминах «история» и «доистория». Н. В., 26—27, 1929; его же. К вопросу о происхождении членораздельной речи ДАН. Вып. 6, 1930; его же. Верхний палеолит ИГАИМК, XI, 1, 1931; его же. Язык и памятники материальной культуры как исторический источник. Сб: «Памяти К. Маркса», Л., 1933.

[21] И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Стадиальная типология. Курс лекций, Л., 1936; его же. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940.

[22] И. И. Мещанинов. Грамматический строй урартского языка. I, М.— Л., 1958; II, М.— Л., 1962.

[23] И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.— Л., 1945; его же. Глагол. М.— Л., 1949; его же. Структура предложения. М.— Л., 1963; его же. Эргативный строй предложения. Проблемы сравнительной филологии. Сб. «К 70-летию В. М. Жирмунского». М.— Л., 1964.

В некрологе об И. И. Мещанинове говорится, что с его именем «связано возникновение и развитие нового направления в общем языкознании — типологического исследования синтаксиса разносистемных языков. В серии работ, построенных на материалах языков народов СССР, академик И. И. Мещанинов выявил принципиальное значение типологических сопоставлений для развития общей теории языка и выдвинул критерии типологической классификации языков» [24].

До последних дней своей жизни, несмотря на преклонный возраст Иван Иванович не оставлял своих научных исследований и с исключительным трудолюбием продолжал осуществлять свои творческие замыслы [25].

Последние работы И. И. Мещанинова, как писала о нем группа его товарищей, «были задуманы, как опыт сопоставительно типологической грамматики, учитывающей не только общие моменты в развитии разных языков, но и в равной мере их расхождения» [26].

Иван Иванович Мещанинов прожил большую, полную творческого горения и интересных научных замыслов, жизнь. Каждый день ее был отдан науке. Его огромное трудолюбие, яркий талант исследователя всегда сочетались с плодотворной педагогической и общественной деятельностью. В памяти всех знавших И. И. Мещанинова и работавших вместе с ним никогда не будет забыт глубокий и многогранный ум этого крупного ученого, искавшего новые пути в науке, со всей щедростью отдавшего свое большое дарование родине, советской науке и ее молодым кадрам. Иван Иванович Мещанинов — яркий и разносторонний ученый, человек большой сердечной доброты, долго будет служить примером преданности своему любимому делу, а то, что создано им, не будет забыто и найдет свое почетное место среди лучших достижений советской науки.

Т. С. Пассек

---

[24] «Правда», № 18 от 18 января 1967 г.

[25] И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.

[26] «Ленинградская правда», № 15 от 18 января 1967.

Д. И. БЛИФЕЛЬД

26 февраля 1966 г. в Киеве скончался старший научный сотрудник Института археологии Академии наук УССР, кандидат исторических наук Давид Исакович Блифельд.

Д. И. Блифельд родился 10 октября 1908 г. в г. Волочиске Хмельницкой области в семье служащего. Свою трудовую жизнь он начал в 1928 г. заведующим клубом в г. Волочиске, затем работал заведующим библиотекой Дома работников просвещения в г. Хмельницком. По окончании Хмельницкого техникума политпросвещения он некоторое время работал преподавателем этого техникума. В 1939 г. Д. И. Блифельд с отличием закончил исторический факультет Киевского университета им. Т. Г. Шевченко, а в 1941 г.— аспирантуру при Институте археологии Академии наук УССР. По завершении аспирантуры Давид Исакович был зачислен младшим научным сотрудником института.

В период Великой Отечественной войны Д. И. Блифельд, освобожденный по состоянию здоровья от службы в Советской Армии, находился вместе с институтом в эвакуации, вначале в Уфе, а затем в Москве. В Уфе он изучает археологические памятники Башкирии середины I тысячелетия н. э. и на эту тему в 1943 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию. С 1944 г. и до последних дней жизни Давид Исакович работал старшим научным сотрудником Института археологии АН УССР.

Д. И. Блифельд был ученым с широким кругом интересов, что отразилось в его экспедиционной полевой работе и научных публикациях. Он руководил многими археологическими экспедициями или принимал в них активное участие, в частности в Киеве, Чернигове, Переяславле, Белгороде, в Надпорожье, в зоне водохранилища Каховской ГЭС и других пунктах. В его научных работах значительное место занимали вопросы раннеславянской археологии (Стан дослідження археологічних пам'яток періоду утворення Київської Русі, ВАН УРСР, 7, 1957; Древнейшие славянские поселения на Черниговщине. КСИА, 1, 1952; Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет. КСИА, 2, 1953) и вопросы археологии Киевской Руси (Дослідження древнього Белгорода. АП, III, Київ, 1952; До питання про ремесло та ремісників у Київської Русі IX—X ст., «Археология», IX, Київ, 1954 и др.). Д. И. Блифельд является автором двух разделов в коллективной работе «Нариси стардовньої історії Української РСР», Київ, 1957 и трех разделов в подготовляемой к печати трехтомной «Археології Української РСР»

Главным объектом своих исследований Давид Исакович избрал изучение курганных древностей Среднего Поднепровья раннефеодального периода IX—X вв. Им были исследованы десятки древнерусских курганов в Чернигове и его окрестностях, которые дали очень важный материал для ранней истории Киевской Руси (Раскопки курганов в Чернигове. КСИА, 4, 1955; Древньоруський могильник в Чернігові. «Археологія», XVIII, 1965; К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954).

Особое значение имеют для науки многолетние работы Д. И. Блифельда в с. Шестовицы под Черниговом, где был полностью исследован один из ценнейших археологических памятников раннего периода Киевской Руси — Шестовицкий дружинный некрополь (Дослідження в с. Шестовицах. АП, III, Київ, 1952). Результатам исследования Шестовицкого могильника посвящена монография Д. И. Блифельда, которую он успел окончить; в настоящее время она готовится к печати.

Всего перу Д. И. Блифельда принадлежит 21 опубликованная работа.

Для стиля научных работ Д. И. Блифельда характерны четкость анализа в оценке источников, обоснованность суждений и объективность исторических выводов.

Д. И. Блифельд много и добросовестно потрудился и как редактор. Он был принципиальным, трудолюбивым, общительным человеком и хорошим товарищем. Память о Давиде Исаковиче Блифельде навсегда сохранится среди всех, кто его знал.

В. И. Довженок

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГ — Античный город
АИР — Сб. «Археологические исследования в РСФСР»
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода в Европе
АР — Археологические работы в Таджикистане
БКИЧПЕ — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода в Европе
ВАН СССР — Вестник Академии наук СССР
ВАН УРСР — Вестник Академии наук Украинской РСР
ВИ — Вопросы истории
ВКА — Вестник Комакадемии. Москва
ВЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета
ВМГУ — Вестник Московского государственного университета
ВССА — Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии»
ВЭИНП — Сб. «Вопросы этнической истории народов Прибалтики»
ВЭИЭН — Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа»
ДАН — Доклады Академии наук СССР
ДСИ — Доклады и сообщения Московского государственного университета
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов. Ленинград.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии
ИАДК — Сб. «История и археология древнего Крыма»
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН МССР — Известия Академии наук Молдавской ССР
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИАН ЭССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв. ООИА — Известия Общества обследований и изучения Азербайджана. Баку
Изв. Средазкомстариса — Известия Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы Средней Азии
Изв. Турк. ФАН СССР — Известия Туркменского филиала Академии наук СССР
ИМКУ — Сб. «История материальной культуры Узбекистана»
ИМФАН СССР — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
ИОАИЭКУ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук ТаджССР
ИТН — «История таджикского народа»
КСИА АН СССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КС ОГАМ — Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
КС ОГУ — Краткие сообщения Одесского государственного университета
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА ю-з СССР и РНР — Материалы по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики
МИАЭ МССР — Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР
МЭ — Материалы по этнографии
ПИСП — Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху»
П2Л — Псковская вторая летопись
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советский Восток
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СМАЭ — Сборник материалов по археологии и этнографии
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — Советская этнография
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТКЛА — Туркестанский кружок любителей археологии
Тр. Азерб. ФАН СССР — Труды Азербайджанского филиала Академии наук СССР
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР

Тр. ГИМ — Труды Государственного исторического музея
Тр. ГИН — Труды Геологического института
Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР
Тр. ИЭ — Труды Института этнографии
Тр. ИЯМ — Труды Института языка и мышления. Ленинград
Тр. КИЧП — Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
Тр. МАИЧП — Труды Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода в Европе
Тр. МАО — Труды Московского археологического общества
Тр. МАЭ — Труды Марийской археологической экспедиции
Тр. ОИПКГЭ — Труды Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр. ПОКЭ — Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции
Тр. САГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТСАРАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. ТАЭ — Труды Таджикской археологической экспедиции
Тр. ХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
Уч. зап. ИИЯЛ МФАН СССР — Ученые записки Института языка и литературы Молдавского филиала Академии наук СССР
Уч. зап. КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
Уч. зап. ПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета
Уч. зап. ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории
ХС — Херсонесский сборник
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
AAH — Acta Archaelogica hungarica
AI — Ancient India
ILKI — Is lietuviu kulturos istorijes
JA — Journal Asiatique
MA Darbai — Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai
OIP — Oriental Institute Publication
Olynthus — D. Robinson. Excavations at Olynthus. 1—12, Baltimore, 1929—1946.
SAOS — School of American Oriental Studies
SMYA — Suomen Muinais-muistoyhdistycen aikakauskirja

ОПЕЧАТКИ К СА, 1967, 1

В статье В. А. Башилова «Периодизация культуры мольо в Боливии XI—XVI вв.» в таблице

№№ погребений	типы сосудов	напечатано	следует читать
Хутарайя 18	VII	15	1Б
Маркопата 34	VI	3 + 35	3 + 3Б
	IX	15	1Б
Маркопата 18	VIII	15	1Б
Маркопата 39	VIII	15	1Б
Хутарайя 21	I	$1A_1$	$1A_2$

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Пятьдесят лет советской археологии 5

А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, В. П. Любин, Е. А. Векилова, Л. Я. Крижевская, Л. П. Хлобыстин (Ленинград), **О. Н. Бадер, М. Ф. Косарев, К. Ф. Смирнов, Н. И. Сокольский, А. П. Смирнов, Л. П. Зяблин, Р. Л. Розенфельдт** (Москва). Достижения археологической науки в РСФСР 9

С. Н. Бибиков (Киев). К 50-летию археологической науки на Украине . . 47

Г. Д. Смирнов, Л. Л. Полевой (Кишинев). Археология Молдавии в годы Советской власти 73

Х. А. Моора (Таллин). Основные результаты археологических исследований в Советской Эстонии 82

Р. Волкайте-Куликаускене (Вильнюс). Успехи археологической науки в Литовской ССР 91

Б. А. Литвинский (Душанбе). Археология Таджикистана за годы Советской власти 106

Е. Атагарриев, О. Бердыев (Ашхабад). Археологическое изучение Туркменистана за годы Советской власти 124

О. Н. Бадер (Москва). Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь 142

Г. Ф. Дебец (Москва). Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке 160

В. М. Массон (Ленинград). Протогородская цивилизация юга Средней Азии 165

Г. В. Грошевой, Л. Л. Галкин, М. А. Зайончковский (Москва). Археологическая разведка магнитометром направленного действия 191

К. К. Шилик (Ленинград). Опыт электроразведки методом симметричного профилирования 205

К 60-летию М. М. Герасимова 212

Публикации

А. Д. Грач (Ленинград). Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени 215

А. Н. Щеглов (Симферополь). Исследование сельской округи Калос Лимена 234

Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Две ступа на юге Узбекистана 257

А. Ф. Медведев (Москва). Из истории Старой Руссы 265

Н. Н. Воронин (Москва), **П. А. Раппопорт** (Ленинград). Смоленский детинец и его памятники 287

А. П. Смирнов, С. А. Янина (Москва). Находка редких золотых перстней в Болгарах 303

Критика и библиография

В. В. Седов (Москва). П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге 307

В. А. Кузнецов (Орджоникидзе). Т. М. Минаева. Очерки по археологии Ставрополья 315

Хроника

Памяти И. И. Мещанинова 319

Д. И. Блифельд 32

SOMMAIRE

Articles

50 années de l'archéologie soviétique 5

A. N. Rogatchev, N. N. Gourina, V. P. Ljubin, E. A. Vekilova, L. J. Krijevkaja, L. P. Khtobystine (Léningrad), **O. N. Bahder, M. F. Kosarev, K. F. Smirnov, N. I. Sokolski, L. P. Ziablin, A. P. Smirnov, R. L. Rosenfeldt** (Moscou). La science archéologique en République Socialiste Fédérative Soviétique de Russie pendant 50 années 9

S. N. Bibikov (Kiev). Au cinquantenaire de la science archéologique en Ukraine. 47

G. D. Smirnov, L. L. Polevoï (Kischinev). L'archéologie de la Moldavie pendant le période sovietique 73

H. A. Moora (Tallin). Résultats principaux des recherches archéologiques en Estonie Sovietique 82

R Volkaite-Kulikauskene (Vilnus). Les succès de la science archéologique en République Socialiste Sovietique de Lituanie 91

B. A. Litvinski (Douchanbé). L'archéologie de Tadjikistan durant les années de pouvoir Soviétique 106

E. Atagarryev, O. Berdyev (Achkhabad). L'étude arhéologique de Turkménistan durant les années de pouvoir soviétique 124

O. N. Bahder (Moscou). Les sépultures au paléolithique avancé et un tombeau dans la station Sounghir 142

G. F. Debetz (Moscou). Squelette d'un homme paléolithique du tombeau dans la station Sounghir 160

B. M. Masson (Léningrad). Civilisation protourbaine du Sud de l'Asie Centrale 165

G. V. Grochevoi, L. L. Galkine, M. A. Zaiontchkovski (Moscou). Prospection archéologique par magnitomètre de l'action dirigée 191

C. C. Chilik (Léningrad). Un essai de reconnaissance électrique par la méthode du profilage symétrique 205

A la 60e anniversaire de M. M. Guerasimov 212

Publications

A. D. Gratch (Léningrad). Necropole Sagly-Bagi II et problèmes d'archéologie de la Touva du temps scythique 215

A. N. Chtcheglov (Sévastopol). Exploration des environs rustiques de Kalos Limen 234

G. A. Pougatchenkova (Tachkent). Deux «stoupa» à Sud d'Ouzbékistan . . . 257

A. B. Medvédev (Moscou). De l'histoire de Staraïa Roussa 265

N. N. Voronine (Moscou), **P. A. Rappoport** (Léningrad). Le cremlin de Smolensk et ses monuments 287

A. P. Smirnov, S. A. Yanina (Moscou). Trouvaille des anneax rares d'or à Bolgary 303

Critique et bibliographie

V. V. Sedov (Moscou). P. N. Trétiakov. Finno-Ougres, Baltes et Slaves au Dniepr et à la Volga 307

V. A. Kouznetzov (Ordjonikidzé). T. M. Minaeva. Apercus sur l'archéologie de Stavropolié 315

Au mémoire d'I. I. Mestchaninov 319

D. I. Blifeld 324